Министерство образования Российской Федерации
Волгоградский государственный педагогический университет

Научно-исследовательская лаборатория
"Аксиологическая лингвистика"

В.И.Карасик

Языковой круг:
личность, концепты, дискурс

Волгоград
"Перемена"
2002

ББК 81.0 + 81.432.1
К 21

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор *С.Г.Воркачев*;
доктор филологических наук, профессор *М.Л.Макаров*;
доктор филологических наук, профессор *В.М.Савицкий*.

Карасик В.И.

К 21 Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

ISBN 5–88234–552–2

В монографии обсуждаются актуальные проблемы лингвокультурологии и теории дискурса. Предлагается типология языковых личностей в ценностном, познавательном и поведенческом аспектах. Рассматриваются культурные концепты – кванты переживаемого знания, совокупность которых является концентрированным опытом человечества, этноса, социальной группы и личности. Анализируются социолингвистические и прагмалингвистические типы дискурса как текста в ситуации реального общения.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих основы интегральной науки о человеке.

ББК 81.0 + 81.432.1

ISBN 5–88234–552–2

© В.И.Карасик, 2002

Оглавление

Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем же самым актом, посредством которого он из себя создает язык, человек отдает себя в его власть; каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг.

Вильгельм фон Гумбольдт

Введение

Язык и культура – важнейшие понятия гуманитарного знания. Размышляя о сущности языка, ученые приходят к различным метафорам, объясняющим природу этого удивительного явления: язык есть живой организм, или система правил, подобных шахматной игре, или устройство для перевода глубинных структур в поверхностные, или зеркало сознания, или хранилище опыта, или оболочка смыслов в виде дома бытия... Каждое из объяснений имеет право на существование, поскольку высвечивает одну из сторон языка. Вместе с тем нельзя не заметить, что если раньше ученых интересовало преимущественно то, как устроен язык сам по себе, то теперь на первый план выдвинулись вопросы о том, как язык связан с миром человека, в какой мере человек зависит от языка, каким образом ситуация общения определяет выбор языковых средств.

Стремясь ответить на эти вопросы, лингвисты были вынуждены расширить предмет своего изучения и совершили выход на территорию, традиционно закрепленную за представителями смежных наук, в первую очередь, психологии, социологии, этнографии и культурологии, в результате чего возникли такие области языкознания, как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика. Произошел предсказанный Фердинандом де Соссюром перенос центра тяжести с изучения системы языка на исследование речи. Этот переход носил постепенный характер и проявился в интересе к функционированию языка, далее – к условиям и обстоятельствам речевой деятельности, затем – к влиянию всей совокупности общественных норм и стереотипов поведения на сознание человека говорящего. Схематично этот переход можно обозначить как движение от структурной лингвистики к функциональной, далее – к прагмалингвистике и к культурологической лингвистике. При этом следует заметить, что было бы упрощением представлять богатую палитру современных лингвистических исследований в виде примитивной линии. Нам еще предстоит восхождение к В.Гумбольдту и А.А.Потебне, а также другим языковедам, идеи которых оказались весьма созвучными новейшим лингвистическим теориям. Функциональная лингвистика вовсе не исчерпала себя, прагмалингвистика как интегративная обширная область исследований изобилует белыми пятнами, и на фоне общего интереса к антропоцентрической лингвистике прослеживаются интересные новые изыскания в ключе лингвоцентрического неоструктурализма.

В данной работе предпринята попытка рассмотреть проблемы культурологической лингвистики с трех сторон: в аспекте языковой личности как хранителя и носителя культуры народа; в аспекте культурных концептов – многомерных смысловых образований, являющихся точками пересечения ментального мира человека и мира культуры; в аспекте дискурса, т.е. текста в ситуации общения.

Эта книга представляет собой изложение исследовательской программы, в основу которой положены тезисы о существовании определенных постоянных характеристик в языковом сознании и коммуникативном поведении личности, социальной группы и этноса и о возможности объективного выявления и моделирования этих характеристик. Различия между людьми, как и различия между народами, подразумевают изначальное и определяющее сходство тех и других. Различия в видении мира сводятся не столько к наличию или отсутствию тех или иных признаков, сколько к степени актуальности выделяемых признаков в их специфической комбинаторике. Постоянные характеристики (константы) языкового сознания и коммуникативного поведения определяют тип личности, группы и этноса и в этом смысле выступают как доминанты сознания и поведения. Разумеется, в развивающемся мире все постоянное является относительно постоянным. Доминанты сознания и поведения в концентрированном виде выражаются как ценности культуры, систематическое осмысление которых в языке дает основание выделить аксиологическую лингвистику – новую область интегративного гуманитарного знания.

Данная работа является развитием тех положений, которые были сформулированы в книге "Язык социального статуса" (Карасик, 1992). Предложенная исследовательская программа получила отражение в публикациях автора и в ряде диссертационных работ, посвященных изучению культурных концептов и типов дискурса.

Суть предлагаемой концепции сводится к следующим положениям:

1. Человек осознает свою идентичность в рамках своей принадлежности этносу и исчисляемой совокупности социальных групп и в границах своей уникальной личности.

2. Такое осознание фиксируется в языковом сознании и коммуникативном поведении и может быть объективировано при помощи используемых в лингвистике специальных исследовательских процедур.

3. Языковое сознание членится на релевантные фрагменты осмысления действительности, которые имеют вербальное выражение и допускают этнокультурное, социокультурное и личностно-культурное измерения.

4. Коммуникативное поведение выражается в текстах, возникающих в ситуациях общения и характеризующих участников общения как принадлежащих этнокультурной и социокультурной общности и как индивидуумов.

5. Типизируемые ситуации общения соотносятся с фрагментами осмысливаемой действительности, при этом выделение и типизация коммуникативных ситуаций и фрагментов мира зависят от степени их значимости для индивидуума, социальной группы и этноса, т.е. в основе значимого выделения тех или иных признаков лежат ценностные приоритеты.

6. Можно выделить а) типы языковых личностей, для которых ведущим моментом будет осознание и переживание своей этнокультурной либо социокультурной, либо индивидуально-культурной идентичности; б) типы концептов, определяющих этнокультуру, социокультуру либо индивидуальную личность; в) типы дискурса, возникающего для поддержания и развития этнокультуры, социокультуры и индивидуально-личностной культуры человека.

7. Языковая личность едина в ее различных проявлениях и аспектах изучения: изучая личность, мы должны прийти к специфическим для этой личности концептам и типам дискурса; моделируя концепты, мы выявляем характеристики типизируемых личностей и типов дискурса; выделяя типы дискурса, мы с иных позиций устанавливаем характеристики личностей и определяем организующие тот или иной дискурс концепты.

Размышления, которые легли в основу этой книги, неоднократно обсуждались автором с коллегами. Эти плодотворные беседы мне очень дороги. Я глубоко благодарен Николаю Алексеевичу Красавскому, Василию Павловичу Москвину, Геннадию Геннадьевичу Слышкину и Елене Иосифовне Шейгал, прочитавшим рукопись на предварительном этапе ее подготовки, и выражаю искреннюю признательность моим уважаемым официальным рецензентам – Сергею Григорьевичу Воркачеву, Михаилу Львовичу Макарову и Владимиру Михайловичу Савицкому.

Глава 1. Языковая личность

Социальная сущность языка заключается в том, что он существует прежде всего в языковом сознании — коллективном и индивидуальном. Соответственно языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями культуры в языке. Коллектив как этнос или нация и индивидуум являются крайними точками на условной шкале языкового сознания.

Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Изучение языковой личности в отечественной лингвистике по праву связано с именем Ю.Н.Караулова, который под языковой личностью понимает "совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание им речевых произведений (текстов)" (Караулов, 1989, с.3). Рассматриваемое понятие допускает двойственную интерпретацию: статическую и динамическую. В первом случае мы принимаем индивида в качестве личности, т.е. субъекта социальных отношений, обладающего своим неповторимым набором личностных качеств. В какой мере эти качества релевантны для конкретных ситуаций общения? Очевидно, что для определенных ситуаций важны только некоторые характеристики личности, связанные, например, с выполнением определенной социальной роли. Во втором случае мы предполагаем, что на определенном этапе индивид еще не является личностью, т.е. не обладает отличительными социально обусловленными характеристиками. В психологическом плане такая постановка вопроса вполне оправданна: здесь следует принять во внимание этапы развития психики ребенка, активную роль среды и воспитателей в становлении личности и, наконец, патопсихологию человека, т.е. движение в сторону разрушения личности. В лингвистическом плане динамическое понимание личности разрабатывается прежде всего применительно к изучению детской речи и в лингводидактике.

Языковую личность можно охарактеризовать с позиций языкового сознания и речевого поведения, т.е. с позиций лингвистической концептологии и теории дискурса. Языковое сознание опредмечивается в речевой деятельности, т.е. в процессах говорения (письма) и понимания, по Л.В.Щербе. Речевая деятельность осуществляется индивидуумом и обусловлена его социопсихофизиологической организацией. Речевая деятельность и речевая организация человека тесно взаимосвязаны, но, тем не менее, могут быть противопоставлены как явление и сущность, и в этом смысле троякая модель языковых явлений (речевая деятельность — языковая система — языковой материал) закономерно уточняется как четырехчленное образование (Залевская, 1999, с.30).

В речевой организации человека можно выделить пять аспектов: 1) **языковая способность** как органическая возможность научиться вести речевое общение (сюда входят психические и соматические особенности человека); 2) **коммуникативная потребность,** т.е. адресатность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры; 3) **коммуникативная компетенция** как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели, компетенцией человек овладевает, в то время как способности можно лишь развить; 4) **языковое сознание** как активное вербальное "отражение во внутреннем мире внешнего мира" (Лурия, 1998, с.24); 5) **речевое поведение** как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека.

Языковая способность и коммуникативная потребность выступают как предпосылки для овладения языком и осуществления общения, коммуникативная компетенция — как проявление языкового сознания в выборе средств общения. Реализация этих средств в конкретном речевом действии выражается в тексте, который, отметим, обычно произносится или пишется отдельным индивидом, т.е. личностью, а не народом. По мнению А.М.Шахнаровича, языковая способность – это "механизм, обеспечивающий использование "психологических орудий", в то время как "процесс использования этих орудий, культурные правила их выбора и ситуативная организация находятся вне собственно языковой способности. Они принадлежат коммуникативной компетенции, которая вместе с языковой способностью составляет языковую личность" (Шахнарович, 1995, с.223). Перечисленные компоненты речевой организации человека неоднородны, наиболее конкретным является акт речевого поведения, наиболее абстрактным — языковое сознание человека, включающее чувства, волю, мышление, память в их неразрывном единстве.

Важнейшим компонентом речевой организации человека является языковое сознание. В.В.Красных (1998) противопоставляет два принципиально различных типа ментальных образований: знания и представления. Знания трактуются как относительно стабильные, объективные и коллективные информационные единицы, представления – как относительно лабильные, субъективные и индивидуальные сущности, включающие собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними коннотации и оценки. В индивидуальном и групповом языковом сознании знания и представления образуют целостное единство, при этом выделяются три набора знаний и представлений: 1) индивидуальное когнитивное пространство, 2) коллективное когнитивное пространство, 3) когнитивная база (Красных, 1998, с.41–45). Первый набор представляет собой уникальную совокупность всех знаний и представлений данного человека как личности, второй набор – это совокупность знаний и представлений, определяющих принадлежность человека к той или иной социальной группе, причем, поскольку любой индивид входит в различные малые и большие группы, коллективное когнитивное пространство в его сознании является "лоскутным" образованием, включающим информационные фрагменты различных систем, третий набор содержит необходимые знания и представления, объединяющие всех носителей этих знаний и представлений в "национально-лингво-культурное сообщество". В современных лингвистических исследованиях первый набор интересует тех, кто изучает особенности языка и стиля того или иного автора, второй набор привлекает социолингвистов, а третий набор терминологически обозначается как лингвокультура и анализируется представителями когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В.В.Красных (1998, с.96) выделяет и четвертый набор, но уже на другой основе, разграничивая три типа прецедентных феноменов: социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные. К последнему типу относятся феномены, известные любому среднему современному homo sapiens. Выстраивается линия: X_1 как личность, X_2 как член множества групп, X_3 как носитель лингвокультуры, X_4 как землянин. Писатели-фантасты и создатели компьютерных игр успешно продолжают эту линию: X_5 как разумное существо. Может сложиться впечатление, что универсальное когнитивное пространство не является предметом изучения лингвистики, но это не так: во-первых, существует минимум знаний и представлений, благодаря которому в принципе возможна коммуникация между представителями любых земных цивилизаций, во-вторых, этот минимум может служить точкой отсчета для построения различных лингвистических моделей.

Для психолога важно заострить внимание на психическом компоненте языкового сознания: "В термине "языковое сознание" объединены две различные сущности: сознание – психический феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам, нельзя услышать, посмотреть на него) – и материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей" (Ушакова, 2000, с.17). Подчеркивается, что было бы упрощением считать, что сознание находит свое выражение в словах путем непосредственного взаимодействия психического и физиологического. Лингвиста в данном феномене интересуют выражаемые посредством языковых знаков ментальные образования.

Т.М.Николаева выделяет три вида стереотипов в речевом поведении: 1) речевой стереотип (отрезок высказывания, включенный в контекст, представленный "свободными" компонентами высказывания), это – чужая речь в речи говорящего; 2) коммуникативный стереотип (в одних и тех же ситуациях употребляются одни и те же обороты-клише), это – этикетные формулы, клишированные обороты делового общения и т.д., а также менее изученные индивидуальные коммуникативные стереотипы, 3) ментальный стереотип (стремление мыслить дуальными либо градуальными категориями, первые относятся к более архаичному этапу сознания), например, ментальные стереотипы современного обывателя построены на дуальной категоризации мира и выражаются в виде тенденции к укрупнению факта или события, нелюбви к конкретному единичному факту и нелюбви к точной информации (Николаева, 2000, с.162–178). Ментальные стереотипы в понимании Т.М.Николаевой – это, как мне представляется, определенные установки и привычные реакции, облекаемые в языковую или неязыковую форму и характеризующие языковую личность. Если такие стереотипы являются доминирующими, они характеризуют языковой коллектив, а в определенных ситуациях и всю лингвокультурную общность (Клемперер, 1998).

Говоря о языковой личности, нельзя не упомянуть о речевом паспорте говорящего и о языковом идиостиле человека. Речевой паспорт — это совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают эту личность уникальной (или, по меньшей мере, узнаваемой). Идиостиль человека (если терминологически противопоставить его речевому паспорту) можно было бы трактовать как выбор говорящим тех или иных средств общения, поскольку стиль предполагает выбор. Речевой паспорт — это аспект коммуникативного поведения, а идиостиль — аспект коммуникативной компетенции. Компетенция также включает языковое чутье, т.е. "систему бессознательных оценок, отображающих системность языка в речи и общественные языковые идеалы" (Костомаров, 1994, с.22), и языковой вкус — систему установок человека в отношении языка и речи на этом языке.

Исследование языковой личности – лингвистическая персонология, по В.П.Нерознаку (1996), – неизбежно вовлекает в сферу интересов лингвистов те вопросы, которые объединяют всех специалистов, изучающих человека с различных точек зрения. К числу важнейших вопросов теории языковой личности, относятся, на мой взгляд, выделение типов языковых личностей и освещение подходов к их изучению.

1.1.Типы языковых личностей

Типология языковых личностей может строиться на различных основаниях.

С позиций этнокультурной лингвистики можно выделить типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества. Здесь

действует оппозиция «свой — чужой». В условиях межкультурного общения релевантным оказывается дифференциация чужих по признаку реальности, естественности общения. Условно можно разграничить следующие типы языковых личностей: 1) человек, для которого общение на родном языке является естественным в его коммуникативной среде; 2) человек, для которого естественным является общение на чужом языке в его коммуникативной среде, здесь мы говорим о ксенолекте, т.е. той разновидности языка, которой пользуются, например, эмигранты, либо люди, длительно живущие в чужой стране, либо люди, пользующиеся языком международного общения в целях естественной коммуникации, например, ученые, выступающие по-английски на конференции в Японии; 3) человек, который говорит на чужом языке с учебными целями, не относящимися к характеристикам естественной среды общения.

С позиций психолингвистики уместно противопоставить типы личностей, выделяемые в психологии, и рассмотреть языковые и речевые способы проявления соответствующих личностей. Такая типология окажется весьма дробной. Детальная классификация психологических типов языковой личности разработана в исследовании С.С.Сухих (1998). Автор выделяет экспонентный, субстанциональный и интенциональный уровни измерения языковой личности, на первом уровне знаковая деятельность коммуниканта может быть активной, созерцательной, убеждающей, сомневающейся, голословной, на втором уровне – конкретно или абстрактно вербализующей опыт, на третьем уровне – проявляющей себя юмористично или буквально, конфликтно или кооперативно, директивно или интегративно, центрированно или децентрированно (Сухих, 1998, с.17). Можно также анализировать специфику речевого поведения экстравертов и интровертов (примером может послужить статья М.В.Ляпон (1995), где предпринята попытка дать психологическую интерпретацию прозаических текстов М.Цветаевой), доминирующих и подчиняющихся, романтичных и прозаичных, невротичных и усредненно нормальных людей и т.д. Широко известна трансактная модель общения, по Э.Берну, где противопоставляются условные личности Взрослого, Ребенка и Родителя. Весьма интересна концепция К.Ф.Седова, который выделяет три типа языковой личности — инвективный, рационально-эвристический и куртуазный (Горелов, Седов, 1997, с.133).

С позиций социокультурной лингвистики выделяются типы языковых личностей по объективным статусным признакам — возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т.д.

Заслуживает внимания социологическая типология личностей, которую строит О.Клапп, выделяя, например, социальные типы героев, злодеев, клоунов, жертв и др. (Klapp, 1964, p.43–50). Хрестоматийно известна функциональная типология персонажей волшебной сказки в известной работе В.Я.Проппа «Морфология сказки» – герой, вредитель, посредник, даритель и др. (Пропп, 1928). Языковая личность в социолингвистическом аспекте моделируется с позиций либо заданного социального типа, либо определенных знаков, рассматриваемых как индикаторы статуса или роли. В первом случае анализ направлен на выявление тех знаков, которые характеризуют заранее определенный тип личности, например, телевизионного ведущего (Беспамятнова, 1994; Канчер, 2002), политика (Бакумова, 2002), предпринимателя (Тупицына, 2000). Такой анализ представляет собой построение речевого портрета (Крысин, 2001). Во втором случае предметом поиска является совокупность характеристик того социального типа, который выделяется на основании заданных знаков, например, определенных характерных фраз.

Одним из возможных подходов к изучению языковой личности может быть выделение релевантных признаков модельной личности, т.е. типичного

представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации. Например, это русский интеллигент, английский аристократ, немецкий офицер. Модельная личность представляет собой прототипный образ, границы которого весьма вариативны. Многие характеристики этого концепта принципиально расходятся в языковом сознании тех, кто относит себя к соответствующему типу модельной личности, и тех, кто противопоставляет себя этому типу. Модельная личность представляет собой стереотип поведения, который оказывает существенное воздействие на культуру в целом и служит своеобразным символом данной культуры для представителей других этнокультур.

В сообществах, относящихся к одному и тому же типу цивилизации, социальные роли в значительной мере изоморфны, вместе с тем специфика личностей, которые становятся образцами для соответствующих моделей поведения, накладывает значительный отпечаток на исполнение таких ролей и позволяет выделять в рамках той или иной лингвокультуры именно модельную личность. Мы можем говорить о специфике эпохи благодаря таким модельным личностям. В России XIX в. одним из таких узнаваемых социальных типов был "Гусар" — офицер, который всегда готов был совершить дерзкий подвиг, а в свободное от подвигов время должен был играть в карты, пить вино, писать стихи, влюбляться и завоевывать любовь и т.д. Этот образ жив в коллективном языковом сознании носителей современной русской культуры благодаря литературе, живописи, кино. Важнейшей характеристикой модельной личности является ее воздействие на все сообщество. Какие модельные личности выделяются в современной России?

Список этих социальных типов открыт, но представляется, что приоритетные позиции в этом списке занимают "Братан", "Новый русский", "Телевизионный ведущий".

Первый тип — это криминальная личность, узнаваемая по широкой шее (статусно необходимые занятия бодибилдингом), золотой цепи на шее и тюремному жаргону (*разборки, наезд, мочить, кидать*), специфической интонации (модуляционная манерная растяжка речи, частичная назализация, удвоение согласных в интервокальной позиции). Ценностной ориентацией Братана является неписаный кодекс вора, который всегда противостоит официальному закону и прежде всего стражам порядка, считает потерей лица любую работу и живет только сегодняшним днем (завтра высока вероятность оказаться в тюрьме). Отличие современного Братана от прежнего вора состоит в том, что он чувствует себя хозяином положения в стране и легко переходит в статус Нового русского, т.е. молодого малообразованного очень богатого бизнесмена, который сумел сколотить капитал нечестным путем.

Второй тип — Новый русский — должен демонстрировать свое богатство в суперлативе (самый дорогой автомобиль, самый шикарный мировой курорт), он одет очень ярко и безвкусно, изъясняется с помощью уголовного жаргона и приблизительных номинаций (характерный определитель – слово *типа*: "*Я, что, типа быдло?*"). Значимость этой модельной личности отражена в обширной серии популярных анекдотов. Следует отметить то обстоятельство, что Новый русский соединяет в себе характеристики сказочного дурака (позитивный образ, противостоящий власти) и сумасбродного купца, транжирящего большие средства на виду у бедствующих людей.

Третий тип — Телевизионный ведущий — в отличие от первых двух ассоциируется с властью, является носителем голоса власти и в этом качестве резко противопоставлен тем типам, с которыми себя так или иначе может

ассоциировать пассивное большинство населения. Телеведущий отличается высокой степенью интеллекта, образован, его речь безупречна, он свободно владеет иностранным языком, нормами этикета, склонен к тонкому юмору и иронии. Телеведущий является элитарной языковой личностью (по О.Б.Сиротининой), языковым экспертом и в этом смысле наследует определенные характеристики модельной личности русского интеллигента, резко отличаясь от последнего нескрываемой эластичностью морали. Выделение модельной личности Телеведущего свидетельствует о значительном возрастании театрального плана политического дискурса (Шейгал, 2000). Телеведущий воспринимается многими как представитель чужой западной цивилизации, в то время как Братан и Новый русский ассоциируются со своими патриархальными нормами поведения. Выделенные модельные личности, разумеется, не исчерпывают богатство социальных типов современной России, но системные корреляции этих ярких прототипных фигур определяют сетку ценностных координат в культурно-языковом сообществе, в том числе престижные и избегаемые речевые характеристики, которые могут рассматриваться с позиций лингвистического концептуализма.

Если же мы будем говорить о типах культуры, имея в виду речевую культуру, т.е. степень приближения языкового сознания индивидуума к идеальной полноте языкового богатства в том или ином виде языка, то оправданным является выделение таких языковых личностей, как носитель элитарной речевой культуры применительно к литературной норме, либо носитель диалектной речевой культуры, либо носитель городского просторечия и т.д. (Сиротинина, 1998). Представители саратовской лингвистической школы противопоставляют также абстрактную и конкретную языковые личности, понимая под последней реального носителя языка. Говоря о конкретной языковой личности, имеют в виду идиолект как известных мастеров слова (Черкасова, 1992; Леденева, 1999; Тильман, 1999; Пшенина, 2000; Буянова, Ляхович, 2001), так и рядовых граждан (Черняк, 1994; Лютикова, 1999; Благова, 2000).

К числу дискуссионных относится вопрос о том, может ли каждый говорящий рассматриваться как языковая личность. При статическом понимании личности (все приведенные выше подходы базируются именно на такой трактовке) на этот вопрос дается утвердительный ответ. Динамическая интерпретация данного понятия прослеживается в тезисе о том, что языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка (Караулов, 1987, с.36). Если согласиться с тем, что существует уровень нейтрализации языковой личности, т.е. уровень стандарта, на котором стираются индивидуальные речевые отличия, то правомерно предположить, что нейтрализация личности — это актуализация статуса человека. Разумеется, нейтрализация личности — это абстракция. В реальном общении личностно-индивидуальное и статусно-представительское в человеке неразрывно слиты: пассажир, покупатель, пациент, клиент, прихожанин, прохожий на улице реализуют себя в названных ролях, помимовольно проявляя как личностные, так и статусно-ролевые качества, в которых им приходится выступать в общении с другими людьми. Соглашаясь с тем, что в общении происходит постоянное переключение по линии «персонализация — деперсонализация», я бы не стал устанавливать жесткую корреляцию между обыденным языком, семантическим уровнем языковой личности и нулевой представленностью личности в общении. Обыденный язык объединяет всех, говорящих на нем, им пользуются все, но если говорящий на обыденном языке не является языковой личностью, то из этого допущения возможны следующие выводы: 1) языковая личность проявляется только в определенных жанрах речи; 2) языковая

личность — это специфическое качество человека говорящего, то появляющееся, то исчезающее; 3) обыденное общение — это способ маскировки своей личности; 4) обыденное общение не сводится к представительскому, следовательно, представительское общение акцентирует личность говорящего (но контролер в троллейбусе для нас — это прежде всего контролер, а только потом скромный либо самоуверенный, молодой или пожилой, симпатичный или неприятный человек). Приведенные аргументы, как можно видеть, легко опровержимы. Вместе с тем я разделяю мнение Ю.Н.Караулова, который, выделяя семантический, когнитивный и мотивационный уровни языковой личности, подчеркивает, что семантический уровень является базой для языкового общения (1987, с.37), и в этом смысле в меньшей мере индивидуализирует личность, чем понятия, идеи, концепты в сознании человека, с одной стороны, и цели, мотивы, интересы в этом сознании, с другой.

Рассматривая частночеловеческую языковую личность, В.П.Нерознак (1996, с.114) выделяет два основных ее типа: 1) стандартную языковую личность, отражающую усредненную литературно обработанную норму языка, и 2) нестандартную языковую личность, которая объединяет в себе "верхи" и "низы" культуры языка. К верхам культуры исследователь относит писателей, мастеров художественной речи. Рассматривается креативная языковая личность в ее двух ипостасях — "архаисты" и "новаторы". Низы культуры объединяют носителей, производителей и пользователей маргинальной языковой культуры (антикультуры). Показателем принадлежности говорящего к языковым маргиналам автор считает ненормированную лексику — арго, сленг, жаргон и ненормативные слова и выражения (с.116). Нормативно-центрическая модель языковой личности активно разрабатывается в исследованиях, посвященных изучению языка и стиля известных мастеров слова. Креативность является важной характеристикой языковой личности, но мы получим более полное представление о нестандартных языковых личностях, если обратимся к исследованию речи не только писателей, но и ученых, журналистов, учителей. Я бы отметил высокую степень креативности в языковой игре на низовом уровне культуры. Маргинальная языковая личность — явление неоднозначное. Сюда относятся те, кто не владеет языковым минимумом, необходимым для того, чтобы считаться своим в данной культуре в целом (это в основном представители других культур), те, кто страдает отклонениями от общепринятого поведения (патологические случаи), а также те, кто ненамеренно и намеренно нарушает этические нормы поведения, в том числе и речевого. К последней разновидности языковых личностей относится в определенных ситуациях общения столь большое количество людей, что называть их маргиналами с научной точки зрения становится все труднее. В этой связи нельзя не согласиться с В.И.Жельвисом (1990, с.69), справедливо считающим, что инвектива — это сознательное грубое нарушение социальных запретов, вызванное прежде всего потребностью снять психологическое напряжение ("инвектива напоминает топор там, где необходим скальпель"). Можно и следует искать другие способы выхода отрицательной энергии, но вербализация агрессивных эмоций неизбежно сохранится в человеческом обществе, хоть и, возможно, примет новые формы.

Принимая во внимание многоаспектность личности, можно построить типологию языковых личностей на основании лингвистически релевантных личностных индексов. Известно, что социолингвистические исследования обычно базируются на особых знаках, которые дают возможность четко противопоставить те или иные социальные группы. Речь идет о тех знаках, прототипом которых является библейский *шибболет.* В Книге Судей (12: 6) повествуется о военном конфликте между судьей израильским Иеффаем и родственным племенем

ефремлян. Побежденные ефремляне пытались поодиночке переправиться через Иордан, но победители заставляли всех на переправе произнести слово *шибболет* — колос. Ефремляне говорили *сибболет*, поскольку не могли произнести иначе. Тех, кто заменял шипящий звук свистящим, закалывали. "*И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи".* Специфика этих индексов состоит в том, что они проявляются очень часто и помимовольно, с одной стороны, и весьма ограничены количественно, с другой. Говоря по-русски, в частности, произносят фрикативное [г] вместо взрывного, делают фонетические ошибки в словах с суффиксом *-изм*, нарушают нормы ударения в некоторых словах, образуют ненормативные формы множественного числа (например, *путь — путя*), по-английски используют двойное отрицание, опускают начальный придыхательный звук [h] в словах типа *happy*, по-немецки путают дательный и винительный падежи после определенных глаголов и т.д. Эти отклонения имеют диалектную основу, служат индексами принадлежности человека к определенной группе, их с трудом удается скрыть в беглой речи, и часто их не пытаются скрывать, намеренно акцентируя свою идентичность.

Весьма интересны лексические и фразеологические индексы принадлежности человека к той или иной группе. Ясно, что таким индексом не могут быть частотные строевые единицы, глаголы-связки, самые употребительные слова или обороты речи. Но такие единицы, как, например, слово *отнюдь,* сразу же характеризуют языковую личность, намеренно или ненамеренно выделяющую себя из общей массы. Диалектизмы, следует отметить, весьма удобны в общении, они в первую очередь оптимально обозначают актуальные для говорящих предметы, явления и качества и лишь со стороны выглядят экзотически. Прилагательное *нудкой* – "трудный для глотания" (так говорят в некоторых местах на Кубани) — очень точно характеризует определенные продукты питания. Различные социолектизмы (жаргонные слова, знаки образовательного или какого-либо другого статуса) выступают прежде всего в качестве индексов в общении. Эти индексы подчиняются требованию быть яркими любой ценой, при этом языковая единица, которую использует позирующая коммуникативная личность, неизбежно теряет точность обозначения. Например, слово *конкретный* используется в современном русском языке как эмоционально-экспрессивный усилитель с размытым значением (*конкретная тачка* – вызывающий зависть автомобиль или компьютер). Человек, таким образом выражающий свою эмоциональную реакцию, многое говорит о своей личности тем, с кем он общается, и тем, кто оказывается случайным свидетелем такого общения.

Н.А.Вострякова (1998) выделяет четыре компонента в речевом паспорте коммуникативной личности – биологический (пол и возраст), психический (эмоциональное состояние в момент речи), социальный (национальность, социальный статус, место рождения, профессия) и индивидуальный. С позиций социально-статусного моделирования языковой личности можно противопоставить стабильные и вариативные характеристики коммуникативной личности (статусные и ситуативно-ролевые), к первым относятся биологические и социальные индексы, ко вторым – позиционные, эмоциональные, ситуативные индексы (например, человек приказывающий, взволнованный, отвечающий на допросе и т.д.) (Карасик, 1992). Разумеется, вариативные индексы – это уточнение постоянных статусных индексов (человек определенного пола и возраста, определенного образовательного и имущественного уровня, относящийся к определенной этнокультурной и социальной группе, с которой он себя ассоциирует, будет вести себя в различных конкретных ситуациях в соответствии со стереотипами поведения, свойственными ему как носителю постоянных статусных индексов, отклонения от принятых норм поведения лишь

подтверждают это положение). Именно поэтому нам достаточно лишь нескольких мгновений общения с незнакомым человеком, чтобы отнести его к тому или иному существенному для нас классу. Взгляд, общая манера поведения и тембр голоса, например, моментально определяют представителя английской аристократии в британском сообществе (Ивушкина, 1997). Не случайно представители среднего класса в Англии обращают особое внимание на модуляцию голоса: говорить громче, чем это принято, считается показателем низкого социального статуса. Интересна гендерная специфика британского гиперкорректного произношения: женщины стремятся говорить как можно более четко, а мужчины — как можно тише. Было бы неверно, впрочем, полагать, что индивидуум в любой ситуации ведет себя в соответствии с социально-статусными предписаниями поведения: есть обстоятельства, когда приходится пренебречь нормами вежливости (крик о помощи вряд ли будет включать куртуазные обороты: *"Будьте любезны, помогите мне, пожалуйста, если это Вас не затруднит, поскольку я, к сожалению, тону!"* — помогать будет уже поздно).

Известный американский социолог Ирвинг Гофман обращает внимание исследователей на то, что методологически неверно было бы моделировать общение только на основе заданных характеристик личности (Goffman, 1979). В реальном общении ситуативное развитие многих постоянно меняющихся факторов личностного взаимодействия определяет наш неосознанный либо осознанный выбор той или иной коммуникативной стратегии и тактики, той или иной манеры общения. Помня об этом, лингвисты вправе обратиться к тем знакам, которые сразу же характеризуют коммуникативную личность.

К числу ярких социолингвистических индексов языковой личности относятся фразеологические единицы.

Говоря о фразеологическом фонде языка, лингвисты обычно исходят из семантического рассмотрения этих языковых единиц, и поэтому на первый план выступает специфика самой единицы по сравнению с ее возможными эквивалентами в виде слова или свободного словосочетания. С позиций прагматики фразеологизм можно рассматривать, обращая внимание на то, в каких ситуациях общения говорящий предпочитает воспользоваться фразеологизмом, с одной стороны, и к какому типу языковых личностей относится такой участник общения, с другой.

Фразеологические единицы, которые используются как в личностно-ориентированном, так и в статусно-ориентированном общении, имеют различную прагматическую основу. Во-первых, эти единицы обеспечивают клишированность дискурса, соблюдение неких жанровых канонов, здесь мы говорим преимущественно о статусно-ориентированном дискурсе. Клишируя свою речь, говорящий как бы надевает маску представителя институциональной группы. Очень часто эти фразеологизмы носят терминологический или квазитерминологический характер, их назначение — скрыть индивидуальность участника общения. Примером такого общения являются церемониальные речи и трафаретные жанры делового дискурса. Во-вторых, фразеологические единицы являются способом самовыражения говорящего, это полярно противоположная функция по отношению к речевым клише. Подобные фразеологизмы тяготеют к личностно-ориентированным видам дискурса. В лингвистической литературе отмечается, что две полярные характеристики отношения говорящего к собственной речи выражаются в русском языке словами *так сказать* и *как говорится* (Шмелева, 1987). В первом случае говорящий готовит слушающего к некоторому нестандартному выражению, во втором — приносит извинение за трафаретный оборот либо дает понять, что за этим оборотом следует некоторый намек.

В статусно-ориентированном дискурсе встречаются отклонения от трафаретов, предваряемые индикаторами *я бы сказал*, *так сказать* и даже *как я говорю.* В этом случае мы сталкиваемся с языковым эгоцентризмом, вполне оправданным, если говорящий ставит перед собой цель оказать воздействие на партнера в рамках институционального дискурса средствами личностно-ориентированного общения. К этому же типу прагматических индикаторов речи относится, по-видимому, и выражение *будем говорить*: "*Политическая ситуация в мире радикально изменилась после атаки террористов на небоскребы в Нью-Йорке, будем говорить, начался отсчет новой эпохи*". В статусно-ориентированном общении встречается и эмфатическое выделение стандарта, общепринятого мнения с помощью таких выражений, как *старые люди говорят, в старину говорили, как говорят в таких случаях*. Перед нами — примеры языкового социоцентризма, когда говорящий полностью солидаризируется с мнением коллектива и опирается на силу традиции в качестве аргумента. Интересно отметить, что одну и ту же фразеологическую единицу можно использовать и в эгоцентрической, и в социоцентрической функции, в зависимости от типа дискурса и ожиданий участников общения.

Таким образом, прагматика фразеологизмов позволяет противопоставить два типа языковой личности — эгоцентрический и социоцентрический.

Эгоцентрическая языковая личность насыщает свою речь яркими и необычными выражениями, среди которых немало фразеологических единиц, с целью саморепрезентации и украшения речи. Социоцентрическая языковая личность использует клишированные выражения для подтверждения своего статуса и — в случае статусной неопределенности — для опознания членов своей социальной группы.

С иных позиций фразеологические образования в речи дают возможность установить фольклорное либо авторское основание для самоидентификации языковой личности. Например, говоря о чем-то перспективном и ценном, человек может сказать *из этого можно шить шубу*, оценивая физическое состояние кого-либо — *его об дорогу не расшибешь*, либо высказаться так, как это сделал популярный тележурналист Евгений Киселев в интервью: "*Ну, это смешно представить — будто бы мы сидим и спорим, у кого звезда во лбу горит ярче"*. Есть определенное сходство между эгоцентрической и авторской языковой личностями, с одной стороны, и социоцентрической и фольклорной — с другой. Вместе с тем социоцентричность может выражаться с помощью авторских текстовых фрагментов, включающих аллюзии, цитаты, клише, а эгоцентричность — с помощью фольклорного текста.

Фразеологические единицы разных типов являются индексами и для противопоставления элитарной и вульгарной языковых личностей. Если элитарная языковая личность пользуется нейтральными, высокими или сниженными (обычно пародируемыми) фразеологизмами как стилистическими средствами, то вульгарная языковая личность оперирует единственным средством выражения — жаргонной и обсценной обиходной речью. Ограниченный инвентарь полифункциональных табуируемых выражений, представляющих собой коммуникативные клише особого типа — эквиваленты междометий, является индексом вульгарной языковой личности. Возвращаясь к вопросу о статусе маргинальной языковой личности, следует сказать, что оппозитивным коррелятом такому понятию является нормальная (нейтральная) языковая личность. Маргинальная языковая личность — это носитель иной культуры либо человек с патологическими отклонениями в поведении. Фразеологические единицы выступают в качестве четких показателей принадлежности говорящего к своей либо чужой культуре. Во-первых, активное владение этими единицами

подразумевает понимание их уместности в различных коммуникативных ситуациях, иностранец сразу же выдает себя, приводя устаревший фразеологизм (*Зачем кричать по телефону во всю ивановскую?* или *It will cost us a pretty penny*), во-вторых, понимание этих единиц основано на их конвенциональном значении (иностранные студенты прокомментировали русскую поговорку «*Чем дальше в лес, тем больше дров*» так: «Чем больше мы изучаем что-либо, тем лучше мы это узнаем»).

Показательны для выделения типа языковой личности и речевые индикаторы статусного неравенства, которые весьма разнообразны (Карасик, 1992). По своему прагматическому основанию такие знаки являются фразеорефлексами (Гак, 1998, с.585), дискурсивными словами и выражениями (Киселева, Пайар, 1998).

В ряду дискурсивных выражений, определяющих тональность общения и раскрывающих отношение говорящего либо пишущего к адресату, можно выделить единицы, устанавливающие статусное неравенство между участниками коммуникации. К числу таких единиц относится и выражение *по той простой причине*, назначение которого – раскрыть каузальные связи явления, о котором идет речь. В отличие от нейтральных в прагматическом отношении показателей причинных отношений (*так как, поскольку, в связи с тем, что*), индикатор этих отношений *по той простой причине, что* содержит дополнительную характеристику, квалифицирующую объяснение "простая причина". Такая квалификация вносит дополнительный смысл в рассуждение, например, "*Сегодня многие проявляют большой интерес к психологии по той простой причине, что хотят научиться манипулировать другими"*.

Пользуясь известной интерпретативной методикой А.Вежбицкой для раскрытия пресуппозиции и импликации рассматриваемого выражения, можно построить следующую формулу:

1) рассказывая тебе о чем-либо, 2) я хочу тебе объяснить, почему это произошло, 3) при этом я полагаю, что ты, как и многие другие, неправильно понимаешь сложившуюся ситуацию, запутавшись и усложняя все отношения, 4) в то время как я могу ясно и логично рассуждать, 5) и мне представляется, что меня следует внимательно выслушать, 6) так как я имею право учить других людей в силу моего высокого интеллекта, 7) и я говорю тебе терпеливо и с добрым к тебе отношением: "по той простой причине".

Явная ироничная дидактичность выражения *по той простой причине* резко выделяет этот дискурсивный знак из числа модусных индикаторов авторского отношения к адресату. Открытая демонстрация своего вышестоящего положения в автохарактеристиках обычно не выражается в дискурсе (ср.: **в нашем глубоком, справедливом и проницательном анализе*). Такая тональность дискурса, если она не является игровой и самоироничной, нарушает принципы вежливости и кооперативности в общении. Как правило, говорящий намеренно понижает свой статус (*если я не ошибаюсь*, *если я правильно понял вопрос*). Интересно отметить, что в англоязычном общении выражение *по той простой причине* как коммуникативный штамп, насколько мне известно, не встречается, хотя известна фраза "*Элементарно, дорогой Ватсон"*, и это выражение Шерлока Холмса также характеризуется снисходительным отношением великого сыщика к своему другу.

Выражение *по той простой причине* прагматически соотносится с другим частым в употреблении знаком "*я, например"*. Этот знак используется в полемике для того, чтобы сделать упрек собеседнику и показать, что несмотря на сходные условия (обычно неблагоприятные), говорящий в силу своих высоких моральных принципов поступает должным образом, в то время как адресат ведет себя неподобающе.

Различие между этими дискурсивными индикаторами неравенства заключается в обосновании своего более высокого положения – интеллектуального в первом случае и этического во втором.

К числу индикаторов социального статуса в общении относится дискурсивное слово *так,* используемое в функции вводного переключателя темы, например: *"Так. Какие еще есть вопросы?".* Этот знак, подобно частице *-ка* (Крысин, 1989), подчеркивает вышестоящий статус говорящего: "*Открой-ка тетрадь!*". Вряд ли можно, принося извинение, сказать: "*Так. Прошу прощения*", – если только говорящий не намерен таким образом перехватить коммуникативную инициативу в диалоге. Благодарность в виде фразы "*Так. Большое спасибо*" звучит иронично. Следует отметить, что для дискурсивных слов особенно важна интонация, в данном случае — резкое падение тона. Принципиально различны индикаторы хезитации ("*Так… Что же делать будем?*") и инициативы ("*Так. На задней площадке, оплатите проезд!*"). В качестве индикатора хезитации возможен повтор этого знака (*"Так, так, так…"*), инициатива же нуждается в индикации только при первом предъявлении (**"Так. Прекратите разговаривать! Так. Вы мне мешаете. Так. Двойку поставлю!"*). Подобно другим индикаторам инициативы, слово *так* может стать одним из характерных знаков самоутверждения коммуникативной личности и в таком случае рассматриваться как социолингвистический показатель стремления к коммуникативному доминированию. Соответственно стремление уйти от доминирования в диалоге является показателем интеллигентного уважительного стиля общения либо знаком подчинения. Обратим внимание в этой связи на английский афоризм: *"Savages often take politeness for servility"* — "Дикари часто принимают вежливость за раболепие".

Весьма интересны и закрепленные в языке формы критики определенного статусного самопредставления. Например, если по-английски кто-то говорит высокопарно, то такая манера поведения в речи представителей старшего поколения комментируется междометием *la-di-da*: *Someone who is la-di-da has an upper-class way of behaving or speaking, which seems very affected; an old-fashioned word showing disapproval* (COBUILD). Есть и другое разговорное выражение для описания такого поведения: *to talk posh: if you say that someone talks posh, you mean that they are speaking in an upper-class accent; sometimes used showing disapproval* (COBUILD). Обратим внимание на следующее обстоятельство: в русском языке эта идея передается описательными словами *жеманный* и *манерный,* т.е. лишенный простоты и естественности, здесь не подчеркивается стремление выдать себя за представителя более высокого класса. Мы говорим о жеманном поведении применительно к тем персонам, которые хотят показаться более утонченными, чем они есть на самом деле, обычно так говорят о женщинах, понятие "жеманство" соседствует с понятием "кокетство". В английской лингвокультуре социальный статус переживается гораздо острее, эта тема более актуальна, поэтому и получает специальное языковое обозначение. Жеманясь, стремятся произвести хорошее впечатление, разговаривая в манере *la-di-da*, стремятся показать собеседнику, что он занимает более низкий статус. Заслуживает внимания и языковая форма этой критики: это звуковая имитация, насмешливое интонационное подражание и передразнивание напыщенной речи. К такому средству прибегают, как правило, недостаточно образованные люди. В русском языке есть достаточно редкое сложное междометие, обычно используемое женщинами, для описания поведения или внешности напыщенного смешного человека — взрослого или ребенка: "*Ути-пути-пути!*". Языковой статус этой единицы нельзя считать устоявшимся, это такое же звукоподражательное образование, как "*хрясь!*", но важно то, что такая единица существует и

функционально достаточно близка английскому коммуникативному образованию. Различие состоит в том, что по-русски на первый план критикуемого поведения выходит его комизм, а по-английски — общая отрицательная оценка, допускающая и оттенок зависти.

Итак, языковая личность представляет собой многомерное образование. Типы языковых личностей выделяются в зависимости от подхода к предмету изучения, который осуществляется с позиций либо личности (этнокультурологические, социологические и психологические типы личностей), либо языка (типы речевой культуры, языковой нормы). С позиций языка можно построить также модель словарной личности, т.е. носителя представлений, стереотипов и норм, закрепленных в значениях слов, толкуемых в словарях. Словарная личность представляет собой наиболее абстрактный тип языковой личности, вместе с тем даже на уровне словарной личности обнаруживаются оценочные разновидности (например, критик и апологет), проявляющиеся применительно к определенным лексико-семантическим группам слов (Карасик, 1994).

1.2. Аспекты изучения языковой личности

Языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность — обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Применительно к коммуникативной личности можно выделить ценностный, познавательный и поведенческий планы этого понятия.

Ценностный план коммуникативной личности содержит этические и утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период. Эти нормы закреплены в нравственном кодексе народа, отражают историю и мировосприятие людей, объединенных культурой и языком. Нравственный кодекс народа в языке выражается лишь частично. К числу языковых (и шире — коммуникативных) индексов такого кодекса относятся универсальные высказывания и другие прецедентные тексты (по Ю.Н.Караулову), составляющие культурный контекст, понятный среднему носителю языка, правила этикета, коммуникативные стратегии вежливости, оценочные значения слов. Существуют общечеловеческие ценности (как этические, так и утилитарные); ценности, свойственные определенному типу цивилизации (например, нормы поведения согласно тому или иному вероучению); ценности, характеризующие определенный этнос, а также подгруппы внутри этноса (такие этногрупповые ценности лингвистически выявляются в региолектах и социолектах). Наконец, выделяются ценности, свойственные малым группам, и индивидуальные ценности личности. Соответственно коммуникативную личность можно охарактеризовать в ценностном аспекте по соотношению доминантных ценностей, по степени их дифференциации и т.д.

Познавательный (когнитивный) план коммуникативной личности выявляется путем анализа картины мира, свойственной ей. На уровне культурно-этнического рассмотрения (именно применительно к данному уровню обычно говорят о языковой личности) выделяются предметно-содержательные и категориально-формальные способы интерпретации действительности, свойственные носителю определенных знаний о мире и языке. Языковая категоризация мира проявляется, например, в корреляциях между эргативной конструкцией, сложной системой видовых различий, наличием категории определенности/неопределенности, наличием энумеративов как класса слов, с одной стороны, и особенностями мировосприятия, свойственного носителям соответствующего языка, с другой. Такие корреляции носят нежесткий характер, построены по принципу

приоритетных зон наименования и поддерживаются ценностными доминантами и поведенческими стереотипами.

Поведенческий план коммуникативной личности характеризуется специфическим набором намеренных и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения. Такие характеристики могут рассматриваться в социолингвистическом и прагмалингвистическом аспектах: в первом выделяются индексы речи мужчин и женщин, детей и взрослых, образованных и менее образованных носителей языка, людей, говорящих на родном и неродном языке, во втором – речеактовые, интерактивные, дискурсивные ходы в естественном общении людей. Эти ходы строятся по определенным моделям в соответствии с обстоятельствами общения. Соответственно выделяются ситуативные индексы общения (расстояние между участниками общения, громкость голоса и отчетливость произношения, выбор слов, типы обращений и т.д.). К числу таких индексов относятся и отношения ситуативного неравенства (например, в речевых актах прямой и косвенной просьбы, извинения, комплимента). Поведенческий стереотип включает множество отличительных признаков и воспринимается целостно (как гештальт). Любое отклонение от стереотипа (например, чересчур широкая улыбка) воспринимается как сигнал неестественности общения, как знак принадлежности партнера по общению к чужой культуре или как особое обстоятельство, требующее разъяснения.

Предлагаемые аспекты коммуникативной личности соотносимы с трехуровневой моделью языковой личности (вербально-семантический, когнитивный, прагматический уровни) (Караулов, 1987). Различие состоит в том, что уровневая модель предполагает иерархию планов: высшим является прагматический уровень (прагматикон), включающий цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности; средний уровень (семантикон) представляет собой картину мира, включающую понятия, идеи, концепты и отражающую иерархию ценностей; низший уровень (лексикон) — это уровень владения естественным языком, уровень языковых единиц. С позиций коммуникативной лингвистики рассматриваемая модель является значительным шагом вперед по сравнению с системно-структурным языкознанием, для которого прагматика сводилась большей частью к списку стилистически значимых отклонений от системных стандартных отношений, наблюдаемых в некоторой степени на уровне семантики и в полном объеме на уровне синтактики. Вместе с тем исследователи все более определенно говорят о том, что различие между семантикой и прагматикой носит условный характер: отношение знака к миру, лишенное человеческого опосредования, теряет смысл (чистая семантика языкового средства — это радио, работающее в пустой комнате); отношение знака к человеку, лишенное языкового опосредования, артикуляции, дифференциации, переводит общение в сугубо эмоциональную сферу, при этом вряд ли существенно, общаемся мы с человеком или с котенком. Иначе говоря, десемантизация (чистая прагматика) – это реальное общение, выходящее за рамки поведения человека (homo sapiens), а депрагматизация (чистая семантика) – это отсутствие общения как такового.

Представляется обоснованной позиция Ф.А.Литвина (1984, с.105), считающего, что семантика, прагматика и синтактика языковых единиц — это взаимодополнительные отношения, между которыми невозможно установить иерархию. Ценностный, познавательный и поведенческий аспекты коммуникативной личности находятся также в отношениях взаимодополнительности. Это значит, что можно рассматривать с позиций аксиологии когнитивные и поведенческие характеристики общения, с позиций

ментальных представлений — ценности и коммуникативные ходы, с позиций речевого взаимодействия — этические, утилитарные и другие нормы, которых придерживаются носители данной культуры, и языковую категоризацию мира. При этом все названные аспекты коммуникативной личности — ценностный, познавательный и поведенческий — соотносятся с языковыми способами выражения, вербальными и невербальными.

Весьма интересен подход к изучению коммуникативной личности, построенный на синтезе трех аспектов этой личности (вербально-семантического, когнитивного и мотивационного), разработанный А.Г.Барановым (1993) и его учениками (Яковенко, 1998; Мальцева, 2000; Ломинина, 2000; Кунина, 2001). Суть этого подхода состоит в том, что комплекс знаний о чем-либо (когниотип), существующий в определенном языковом обществе и вытекающий из потребностно-мотивационных характеристик деятельности (потребность, мотив, цель), реализуется через индивидуальные когнитивные системы в текстовой динамике. В конкретной ситуации общения человек использует как лингвистические, так и экстралингвистические знания, которые содержат весь опыт индивида, приобретенный в течение жизни. Исходной точкой исследования избирается текстовый массив определенной предметной области, например, загрязнение среды. Моделируется типичная жанровая ситуация, позволяющая отнести определенный текст к заданной теме, выделяются композиционные схемы развертывания темы, языковые заготовки (слова, сочетания, устойчивые выражения) для порождения и понимания смысла первичной и вторичной информации, создается прототипический текст в соответствующем жанре с помощью данных заготовок (Ломинина, 2000, с.12). Этот прототипический текст вариативно представлен в различных текстотипах и речевых жанрах. Применительно к данной теме это директивные текстотипы (приказы, законы, инструкции), аксиологические текстотипы (тексты бытового и популяризаторского характера с выраженной оценкой), эпистемические текстотипы (межличностные – интервью, дискуссии, мнения; научные – программы, статьи, доказательства; информационные – сообщения, описания, рассуждения) (Там же, с.20–21). Применительно к когниотипу "внешность человека" в качестве прототипического текста рассматривается художественный текст (Яковенко, 1998), а когниотип "терроризм" исследуется на материале средств массовой информации (Кунина, 2001). Содержание неизбежно выливается в наиболее подходящую для этого содержания жанровую форму.

В данной работе приоритет моделирования коммуникативной личности, концептов и дискурса отдан аксиологическим основаниям этих понятий, хотя в иной исследовательской модели на первый план могли бы выйти когнитивные характеристики рассматриваемой триады либо вербально-семантические способы ее выражения. Необходимо подчеркнуть, что выделение сторон и компонентов лингвистического феномена – это исследовательское рассечение целого.

1.2.1. Ценностный аспект языковой личности

Ценностный план коммуникативной личности проявляется в нормах поведения, закрепленных в языке. Нормы поведения обобщают и регулируют множество конкретных ситуаций общения и поэтому относятся к особо важным знаниям, фиксируемым в значениях слов и фразеологизмов. Эти нормы неоднородны, и их лингвистическое исследование представляет интерес как в практическом плане (для понимания инокультурных ценностей и обучения адекватному поведению на

соответствующем иностранном языке), так и в теоретическом (для выявления природы сохранения разных типов знания в языке).

Нормы поведения имеют прототипный характер, т.е. мы храним в памяти знания о типичных установках, действиях, ожиданиях ответных действий и оценочных реакциях применительно к тем или иным ситуациям. Вместе с тем мы допускаем возможные отклонения от поведенческой нормы, причем такие отклонения всегда содержат дополнительную характеристику участников общения. Наконец, существуют поведенческие табу, нарушение которых вызывает отрицательную реакцию участников общения и прекращает общение. Например, в англоязычной среде существуют вариативные способы завершения диалога, в частности, представлено несколько типичных речевых клише для неформального окончания общения. Специфика англоязычного общения состоит, как известно, в выборе регионального варианта поведения: то, что приемлемо для британцев, может оказаться неприемлемым для американцев, и наоборот. В США можно часто услышать фразу: "*Have a nice (good) day!"* Вместе с тем в британском словаре содержится примечание, что такая фраза уместна прежде всего при общении продавца с покупателем: продавец желает покупателю всего доброго, прощаясь с ним: "*When you are leaving someone, the most normal thing to say is 'Goodbye', but there are more informal alternatives like 'See you', 'Bye' and, most informal of all, 'Cheers'. In the USA, shop assistants often add 'Have a nice day', but this is not common in Britain"* (OALED). Тем самым можно сделать заключение, что эта речевая формула содержит для британцев дополнительную статусно-ролевую информацию об участниках общения.

Норма поведения предполагает определенную **нормативную ситуацию**, которая включает несколько типов участников, объект оценки и его идеальный (нормативный) прототип, нормативный модус и мотивацию. Можно выделить следующие **типы участников** нормативной ситуации, имея в виду прежде всего семантические падежи Ч.Филлмора: 1) ***Куратор*** (коллективный образ хранителя норм, знающего, как должен вести себя каждый); 2) ***Экспрессор*** (личность или группа, выражающая свое отношение к кому-либо или чему-либо на основании определенной нормы); 3) ***Респондент*** (личность или группа, к которой обращается экспрессор с ожиданием реакции на основании определенной нормы); 4) ***Публика*** (пассивные окказиональные участники нормативной ситуации). Объект нормативной оценки понимается нами как определенное качество Респондента, включающее его установки и действия, а прототип нормативной оценки — это соответствующее качество с позиций Куратора. Нормативный модус представляет собой комбинацию различных измерений нормативной ситуации, а именно: 1) нормативный знак (нормативный квадрат: «необходимо», «запрещено», «разрешено», «безразлично»); 2) нормативная шкала, включающая полярные и промежуточные степени определенного качества; 3) нормативное поле (сфера юридического, морального, утилитарного и т.д. суждения); 4) нормативная эксплицитность (степень вербального выражения нормы поведения: норма поведения может быть четко сформулирована в юридическом или дипломатическом кодексе либо может подразумеваться в бытовом общении). Нормативная мотивация — это обусловленность нормативной ситуации определенными культурными ценностями.

Нормативные ситуации отражены в языке и в наиболее эксплицитном виде представлены в пословицах, которые в сжатом виде содержат наиболее существенные предписания и оценки поведения людей. Разумеется, пословица как жанр словесного творчества свойственна прежде всего крестьянскому сословию и поэтому в современной культуре отражает ценностные установки не всего населения. Не случайно, в частности, то, что в англоязычном общении

наблюдается тенденция избегать пословицы в общении, поскольку пословица содержит элемент поучения и ставит адресата в положение провинившегося или недостаточно опытного человека. Отсюда возникает соблазн шутливого или ироничного использования пословиц в видоизмененной форме либо с дополнением в виде присказки «*Старый конь борозды не испортит*» + «*Но и глубоко не вспашет*». Вместе с тем несомненно влияние пословиц на осознание ценностей культуры (и в том числе — норм поведения) в общении.

Наш анализ русских и английских пословиц позволил выделить два больших класса высказываний, различающихся по типу Куратора. К первому типу относятся речения, которые используются с дидактической целью («*За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*»; «*Hell is paved with good intentions*»). Второй тип составляют те речения, которые используются для самооправдания («*Конь о четырех копытах и то спотыкается*»; «*The spirit is willing, but the flesh is weak*»). В первом случае Куратор критически оценивает людей, которые нарушили или могут нарушить правила поведения, либо демонстрируют свою несостоятельность в чем-либо. Отметим, что Куратор-Критик формулирует правила поведения как в моральном, так и в утилитарном плане (*«Я — последняя буква в алфавите» :: «Не рой яму другому — сам в нее попадешь»*). Во втором случае Куратор-Апологет стремится объяснить, что не все зависит от усилий человека, что бывает плохое стечение обстоятельств, что человек по своей природе слаб. Апологет готов согласиться с тем, что критика его действия, бездействия или отношения к чему-либо имеет под собой основания, но не согласен с остротой критики. Грамматически второй тип пословиц в перефразированной форме выражается как сложноподчиненное предложение уступки («Хотя имеет место то-то, все-таки вина человека не столь велика»).

Характерной особенностью пословиц является то, что правила поведения в них выражены не прямо, а опосредованно. Пользуясь приемом перефразирования, нам удалось составить список норм поведения, вытекающих из пословиц. Эти правила весьма разнородны и включают около 200 поведенческих норм, таких как: «Следует быть честным», «Не следует торопиться, принимая важное решение», «Не следует (слишком) много говорить».

Существует определенная корреляция между нормами поведения, отраженными в пословицах, и коммуникативными постулатами П.Грайса (1985). Различие состоит в том, что коммуникативные постулаты относятся прежде всего к информационному обмену, в то время как нормы поведения — к поддержанию и сохранению «общественного лица» как самоуважения человека в том смысле, как это понятие трактуется в известной монографии П.Браун и С.Левинсона (Brown, Levinson, 1978, p.13). В социальном плане нормы поведения представляют собой механизм оптимальной регуляции межличностных и статусных отношений в обществе. В интерактивном плане такие нормы позволяют индивиду вести себя в соответствии с ожиданиями партнеров по общению, с принятыми (и положительно оцениваемыми в обществе) стереотипами поведения. Отметим, что существует известное сходство между понятиями общественного лица и репутации человека: и в том, и в другом случае имеется в виду его доброе имя, соответствие идеального и актуального «Я», различие же заключается в том, что репутация — это взгляд на человека со стороны, уважение, которым он пользуется у других людей, а общественное лицо — это самооценка и самоуважение. Боязнь потерять лицо проявляется подсознательно, в частности, в коммуникативной стратегии намека, когда говорящий оставляет за собой право в случае коммуникативной неудачи сделать вид, что он имел в виду вовсе не то, что подумал его партнер. Центральным принципом общения у П.Грайса является принцип кооперации, т.е. стремление к взаимодействию, свойственное нормальному общению людей.

Дальнейшие исследования показали, что весьма часто этот принцип в реальном общении нарушается — намеренно, в случае коммуникативных манипуляций, и ненамеренно, в силу недостаточной коммуникативной компетенции участников общения. Эти моменты поведения также находят отражение в корпусе пословиц.

Нормы поведения актуализируются прежде всего тогда, когда возникает выбор между той или иной поведенческой стратегией. Важнейшим противопоставлением поведенческих стратегий является контраст между этическими (моральными) и утилитарными нормами поведения. В первом случае акцентируются интересы других людей, во втором случае — интересы индивида. Эти интересы взаимосвязаны и в известной мере находятся в гармоническом единстве, но возможен конфликт таких интересов, который, повторяясь, находит типичное решение, формулируемое в типовых оценочных суждениях, например: «*Не плюй в колодец — пригодится воды напиться*». — «Веди себя предусмотрительно, не порти отношений с людьми, ибо возможно, что в будущем тебе придется к ним обратиться». – «Контролируй себя, не будь эгоистичным и глупым». Осуждение эгоизма вытекает из норм морали, осуждение глупости — из норм рационального утилитарного поведения.

Нормы поведения, выводимые из пословиц, могут быть сгруппированы в следующие классы:

1) **нормы взаимодействия** («Нельзя причинять вред своим», «Люди должны помогать друг другу (особенно в трудное время)», «Нельзя бросать людей в беде», «Нельзя быть неблагодарным», «Нельзя быть трусом»);

2) **нормы жизнеобеспечения** («Следует трудиться», «Следует выполнять свое дело хорошо», «Нельзя терять время», «Следует поддерживать чистоту», «Следует надеяться на лучшее»);

3) **нормы контакта** («Следует быть честным», «Следует думать об интересах других людей», «Не следует (слишком) много говорить», «Не следует быть (чересчур) любопытным», «Не следует быть высокомерным»);

4) **нормы ответственности** («Нужно отвечать за свои действия», «Нужно признавать свои ошибки», «Нужно исправлять свои ошибки», «Не следует исправлять дурной поступок другим дурным поступком»);

5) **нормы контроля** («Следует быть справедливым», «Нельзя руководить, не имея на это права», «Следует контролировать подчиненных», «Не следует поручать одно дело (слишком) большому числу людей»);

6) **нормы реализма** («Следует знать правду», «Следует полагаться на себя», «Следует предпочесть наиболее реальное благо (и наименьшее зло)», «Не следует (слишком) рано подводить итоги»);

7) **нормы безопасности** («Следует быть осторожным», «Следует советоваться с людьми», «Следует быть экономным», «Не следует принимать необдуманное решение»);

8) **нормы благоразумия** («Нужно следить за своим здоровьем», «Не следует постоянно тревожиться», «Не следует работать без отдыха», «Не следует суетиться»).

Первые пять групп являются этическими нормами поведения. Они характеризуются одномерным измерением: критике подвергается тот, кто проявляет недостаток морального качества (невозможно быть чересчур честным, излишне справедливым, избыточно ответственным). Нормы взаимодействия являются наиболее важными для общества, их нарушение подрывает самые глубинные основания общественного устройства, именно поэтому к предателям и трусам повсеместно относятся с презрением. Эти нормы не только закреплены в неписаных моральных правилах поведения, но и фиксируются в юридических кодексах. Нормы жизнеобеспечения относятся к сфере морали, хотя их

нарушители (лентяи, неряхи, паникеры) причиняют вред как окружающим, так и самим себе. Нормы контакта, ответственности и контроля представляют собой уточнения этических правил поведения в трех весьма важных для общества аспектах — в общении, адекватной самооценке и руководстве людьми. Эти нормы осуждают лжецов, болтунов, нахалов, упрямых и беспечных людей, несправедливых и некомпетентных руководителей.

Оставшиеся три группы — нормы реализма, безопасности и благоразумия — можно отнести к числу утилитарных. Нарушитель утилитарных норм демонстрирует свою несостоятельность и причиняет вред прежде всего себе. Утилитарные нормы допускают двустороннее измерение, осуждению подвергается как слишком малая, так и слишком большая степень качества: следует быть осторожным, и не следует быть как чересчур осторожным (это граничит с трусостью), так и недостаточно осторожным (это безрассудство). Отметим, что недостаточное проявление качества осуждается с утилитарных позиций, а избыточное проявление этого же качества — с моральных. Утилитарные нормы могут вступать в сложные отношения объяснительной уступки с моральными нормами в случае нормативного конфликта: «*Береженого Бог бережет*». — «Хотя следует уповать на Бога и надеяться на лучшее, необходимо предпринимать личные усилия для своей безопасности». Аналогичную структуру имеет толкование английской пословицы: «*Discretion is a better part of valour*». — «Although a brave man is better than a coward, caution is often better than rashness» (Ridout, Witting, 1969, p.47).

Наряду с утилитарными и моральными нормами существуют и другие нормы поведения. С одной стороны, выделяются самоочевидные витальные потребности людей, допускающие формулировку в виде норм: «Необходимо есть и спать», «следует отличаться от животных». Такие нормы можно трактовать как субутилитарные. Они усваиваются в раннем детстве и никогда прямо не формулируются в пословицах. С другой стороны, выделяются основные принципы человеческого поведения, закрепленные в догматах веры и юридических кодексах: «Нельзя убивать людей», «Нельзя красть», «Нельзя заниматься развратом». Такие нормы не объясняются, признаются высшими ценностями и поэтому могут рассматриваться как суперморальные нормы поведения. Отметим, что в языке есть целый ряд пословиц, в которых идет речь о людях, нарушающих суперморальные нормы поведения, например, «*На воре шапка горит*». Но выводимый смысл этой пословицы носит утилитарный характер: «Не стоит рисковать, совершая преступление, поскольку за ним последует наказание». Выводимый смысл может носить моральный характер: «*Once a thief, always a thief*». — «Не следует рассчитывать на то, что люди быстро забудут о твоем плохом поступке, нужно отвечать за свои дела».

Нормы поведения могут рассматриваться не только в аспекте сакрального и профанного отношения к миру, включающего моральные и утилитарные стереотипы поведения, но и в аспекте принадлежности человека, руководствующегося той или иной нормой, к определенной общности людей. Такой аспект позволяет выделить не только этническую специфику норм, но и групповые особенности осознания культурных ценностей. Выражая свое отношение к чему-либо, совершая определенный поступок, человек опирается на систему ценностей, которые разделяются его близкими, знакомыми и незнакомыми людьми. Представляется правомерным говорить в этом смысле об индивидуальных, групповых, этнических и универсальных ценностях. Как правило, речь идет о групповых и этнических ценностях, индивидуальные ценности в виде норм поведения формулируются как этические парадоксы («*Любите мир как средство к новым войнам*». — Ф.Ницше), а универсальные ценности являются

общим знаменателем для типа цивилизации (ср.: «Этот человек стар и слаб, следовательно…» — а) «он не приносит пользу племени, и его нужно убить и съесть», б) «о нем нужно заботиться»).

Идея равенства и неравенства людей относится к числу суперморальных норм. Анализ пословиц свидетельствует о том, что их авторы-экспрессоры, будучи мужчинами, низко оценивали статус женщин: «*Курица — не птица, баба — не человек*», «*Баба с воза — кобыле легче*», «*Посоветуйся с женщиной и сделай наоборот*». Аналогичную отрицательную оценку получает в языке статус иностранца. Этнические предубеждения закреплены и в устойчивых словосочетаниях (*to go Dutch* — идти в ресторан на условиях, когда каждый платит за себя («по-голландски»), *a French disease* — «французская (венерическая) болезнь», *to take a French leave — уйти "по-французски", не прощаясь*, отметим, что французы, а затем и русские пользуются зеркально обратным выражением *уйти по-английски* с тем же значением). Коллективные предубеждения часто носят групповой характер. Р.Хоггарт отмечает, что в среде неквалифицированных британских рабочих распространены обобщения типа «*You cannot get a better made thing than one made in England*» (Hoggart, 1990, p.103). Выделяются типовые стратегии негативной оценки иностранца (представителя иного этноса), связанные с умственными способностями (глупые или хитрые), внешним видом (уродливые и грязные), с отношением к труду (ленивые), с боевыми качествами (трусливые), с темпераментом (чересчур возбудимые или флегматичные), с отношением к собственности (скупые или нечистые на руку) и т.д. В списке этнически маркированных пословиц отмечены единицы, отражающие в прошлом отношение русских мастеровых людей к приезжим немцам: «*Родом не немчин, а указывать горазд*» (Оболенская, 1991, с.181). Подразумевается, что немцам было свойственно критически оценивать работу тех, кто был им подчинен.

Для проверки полученных данных мы использовали результаты анализа слов с пейоративным значением в английском и русском языках (Карасик, 1992). Слова с пейоративным (отрицательно-оценочным) значением интересны для нашего анализа, поскольку если в языке есть слово с отрицательно-оценочным значением, то такое значение фиксирует некоторую нарушаемую норму поведения. Например, слово *toady* — «подхалим, льстец, низкопоклонник» – объясняется в толковом словаре следующим образом: «*A toady is someone who flatters and is pleasant towards people who are important or in authority in the hope of being liked by them and of getting some advantage from them; used showing disapproval»* (COBUILD). Лесть осуждается как неискреннее поведение (нарушение нормы контакта). Классификация человеческих недостатков, отраженных в значении пейоративов, может быть построена на различных основаниях.

По признаку социальной опасности противопоставляются вредные для общества самого человека качества *(хитрец, предатель, развратник — дурак, тряпка, неряха*), по признаку контролируемости мы сравниваем поступки (проявления характера), за которые человек должен или не должен отвечать *(наглец, лицемер, пьяница — кретин, зануда, урод*), по признаку универсальности разграничиваются характеристики, которые могут быть присущи большому классу либо малой группе людей (*болтун, холуй, трус — крючкотвор, рифмоплет, шарлатан*), по признаку инициативности контрастируют пороки, выделяемые обличителями либо ответчиками (*лентяй, клоун, ничтожество — мегера, подлиза, обыватель*).

Все пейоративы можно разделить на два класса — слова, обозначающие нарушение утилитарных и моральных норм поведения. В свою очередь,

нарушение утилитарных норм поведения (демонстрация несостоятельности) может основываться на объективных и субъективных признаках. Мы говорим об объективном признаке несостоятельности, если объект оценки отличается недостатком ума, воли, а также имеет физические недостатки, которые отрицательно оцениваются окружающими. Это такие слова, как *болван, рохля, дылда*. Субъективный признак несостоятельности наличествует в значении двух подклассов пейоративов. К первому подклассу относятся общеоценочные слова типа *негодяй* (мы не уточняем, какой именно недостаток осуждается у человека, называемого этим словом, но показываем наше общее отрицательное отношение к этому человеку; ср.: *негодяй* и *подхалим*). Этот подкласс лексики включает экстремальные вульгаризмы и часто используется как средство эмоциональной разрядки. Второй подкласс субъективных пейоративов составляют этнические и групповые оскорбления. Этнические оскорбления основаны на национальных и расовых предрассудках, групповые пейоративы базируются на профессиональных, сословных, возрастных и прочих отличительных особенностях людей. Нарушения моральных норм поведения весьма разнообразны и могут быть объединены в два класса слов по признаку социальной опасности (активное и пассивное неуважение других людей). Активное неуважение к людям, проявляемое в действии, граничит с нарушением не только моральных, но и юридических норм поведения *(мошенник, вымогатель, истязатель*). Собственно неуважение, связанное с завышенной самооценкой и принижением статуса других людей, прослеживается в таких качествах, как «нахальство», «ханжество», «зазнайство». Мы считаем возможным выделить группу слов со значением пассивного неуважения к людям и разделить эти слова на два подкласса по признакам отношения к своим обязанностям и по отношению к общественному мнению. Это такие слова, как *халтурщик* и *неряха*. Анализ пейоративов свидетельствует о том, что в языке отсутствуют слова, осуждающие нарушение субутилитарных норм поведения, есть общий класс отрицательно-оценочных слов, характеризующих непонятное, странное, ненормальное поведение типа *crank — чудак.*

Следует отметить, что оценочная квалификация поведения может носить сложный характер. Окказиональный субъективно-положительный оценочный знак проявляется в контрастивном употреблении слов: «*Я думал, что ты — моряк, а ты — трепач*» (предполагается, что морякам не свойственна болтливость). Представляет интерес фраза: «*Как можно учить детей по учебнику зоологии, который написан простым зоологом!*» (говорящий считает, что автором учебника может быть только специалист в области методики преподавания предмета). В данном контексте нейтральное слово *зоолог* приобретает субъективно-отрицательный оценочный знак. В речи военных слово *учебный* может приобрести субъективно-отрицательную оценку («ненастоящий» — *учебная граната*). Студентка из большого города в разговоре с попутчиками в купе поезда дальнего следования сказала: «*У нас нормальных парней нет, одни наркоманы и компьютерщики*», — в таком сопоставлении слово *компьютерщик,* представитель очень престижной в нашем обществе профессии, приобретает явное отрицательно-оценочное значение. Эта гендерная отрицательная квалификация легко объясняется: не уделяют компьютерщики должного внимания девушкам!

В русском языке отмечено социолингвистически маркированное выражение *дамская диссертация* со значением «слабая, посредственная диссертационная работа». Данный пример свидетельствует о мужском шовинизме: говорящий ошибочно считает, что исследование, выполненное женщиной, должно быть по определению ниже качеством, чем аналогичная работа, сделанная мужчиной. В

речи преступников слово *вор* не имеет отрицательного значения и выступает как идентификация. Возможно оценочное переосмысление данного слова с изменением нормативной сферы типа «*Какой же ты вор!*» (говорящий считает, что объект оценки проявляет свою несостоятельность, т.е. утилитарно оценивает то, что в общенародном языке имеет объективно-отрицательную моральную оценку). Переосмыслению подвергаются даже исходные оценочные понятия (ср.: *злость* и *спортивная злость,* в последнем случае для определенной группы людей (спортсменов) слово *злость* приобретает положительный смысл). Аналогичное переосмысление имеет место, на наш взгляд, в словосочетании *здоровый национализм.*

Прослеживается отчетливая дифференциация в оценочной квалификации понятия «приключение» и всего смыслового поля, связанного с этим понятием: с одной стороны, выделяются языковые личности, для которых это понятие (точнее говоря, концепт) символизирует встречу с неожиданными приятными событиями, с ветром странствий, с возможностью испытать свой характер и одержать победу, с другой же стороны, есть люди, для которых неожиданное, незапланированное событие — это опасное, рискованное предприятие, которого следовало бы избежать. Отношение к приключениям несколько меняется в зависимости от того, является ли участник ситуации, которую можно наделить признаками неожиданности и риска, действующим лицом либо зрителем. В качестве действующего лица коммуникант оценит ситуацию с позиций утилитарной пользы. Именно поэтому наиболее частотной ассоциацией в психолингвистическом эксперименте на данное слово является глагол *искать* (РАС). Искать приключений — значить сознательно и добровольно идти на риск, открывая для себя нечто важное в переживании такой ситуации. Рассматриваемое слово принадлежит к числу оценочных индикаторов личности: сравним понятие «искатель приключений» в романтическом духе (это *«парус одинокий»* М.Лермонтова, капитан у Н.Гумилева, тот, *«кто иглой на разорванной карте отмечает свой дерзостный путь»,* это герой П.Когана, призывающий пить *«за яростных, за непокорных, за презревших грошевой уют»*) и в определении В.И.Даля: *«праздный шатун от нечего делать»* (Даль). Люди, склонные к приключениям, испытывают необходимость ломать привычные обстоятельства. В списке ассоциаций на данное слово фигурирует слово *жажда.* В русском языке у слова *приключение* есть заимствованный синоним *авантюра* — *«рискованное и сомнительное дело, предпринятое в расчете на случайный успех»* (БТС).

Ценностные ориентиры языковой личности прослеживаются в любом из типов дискурса, будь то обыденное или институциональное общение. Вместе с тем в определенных сферах общения личностная специфика оценки проявляется более выраженно, чем в других. Например, политический дискурс весьма насыщен ценностными знаками. Политическая лексика обнаруживает значительную оценочную лабильность в зависимости от предпочтений и позиций тех, кто использует соответствующие слова. Так, слово *демократ*, имеющее объективно-положительную оценку в русском языке (понятие «народовластие» предполагает, что народ не может заблуждаться), могло ранее видоизменять оценочный знак при соотнесении с негативно оцениваемым явлением (*«так называемая "демократия"»*), но затем в речи недостаточно образованных людей приобрело устойчивый отрицательный смысл (отсюда *демокрады* и *дерьмократы*). При разделении общественных мнений относительно особого пути страны либо универсальных законов развития общества слово *патриот* стало приобретать в речи сторонников рыночной модели общества устойчивый отрицательный смысл – «националист, шовинист». Словообразовательные потенции русского языка дают возможность выразить диаметрально противоположную оценку сторонникам

того или иного политического курса – *ленинцы и сталинцы* (в прежнее время) в противоположность *сталинистам* сегодня.

Судьба оценочного знака в значении слова обнаруживает зависимость от предметной области соответствующего значения. Возможны три направления изменения оценочного знака: а) слово с оценочно нейтральным значением может получить оценочный смысл, который, повторяясь, закрепляется в этом значении; б) слово с оценочно закрепленным значением может потерять оценочный знак; в) слово с оценочно закрепленным значением может изменить оценочный знак, причем при такой мутации наблюдается своеобразная оценочная энантиосемия, т.е. сосуществование положительного и отрицательного оценочного знака в одном значении. В социолингвистическом плане важным является то обстоятельство, что оценочный смысл появляется, расщепляется и исчезает в речи группы людей, а не всего языкового сообщества. При этом наблюдаются отношения взаимного перехода между значениями утилитарной, моральной и суперморальной оценок.

Ценностный аспект языковой личности является одним из важнейших измерений зрелости того или иного человеческого сообщества. Известно, что моральные нормы возникли и сложились после того, как люди осознали утилитарные нормы. Один из своеобразных показателей степени архаичности поведения – это отношение к врагу. В архаичном мышлении враг принципиально не заслуживает того, чтобы по отношению к нему проявлялось благородство, напротив, такое поведение является социально осуждаемым, поскольку оно на определенной стадии развития человечества – на стадии почти животного – бессмысленно и вредно как для человека, так и для всего его племени. Показательна работа, посвященная исследованию социально закрепленных хитростей – стратагем (Сидорков, 1997), т.е. рекомендаций успешного поведения в условиях борьбы. Стратагемы формулируются как инструкции для успешной борьбы с превосходящим противником. Известен пример притчи об обезьяне, которой удалось стравить двух тигров и следить за их схваткой с высокой горы. С.В.Сидорков сумел установить виды стратагем как стереотипов поведения, определить их этническое своеобразие в противопоставлении западноевропейской и восточноазиатской культур, описать стратагемы в виде полевой структуры и охарактеризовать систему форм выражения этих поведенческих регулятивов.

Автор доказывает, что в языке фиксируется не только мудрость народа, но и целый спектр других характеристик поведения. В европейской культуре велика роль этических и религиозно-этических табу в отношении некоторых утилитарных правил поведения в борьбе. К числу наиболее значимых достижений указанного автора следует отнести сформулированные в работе стратагемные принципы (введение в заблуждение, экономия усилий, малая жертва и интрига) и основные разновидности стратагемных действий, группирующиеся вокруг указанных. В исследовании проанализированы образцы стратагемно маркированных текстов, взятые из разных областей жизни (военная стратегия, политическая мысль, обыденные взаимоотношения) и дается весьма информативное приложение, в котором приводятся китайские стратагемы (прототипные стратагемы как жанр), примеры пословиц стратагемного характера в языках народов Кавказа, Средней Азии, Ближнего и Дальнего Востока, а также выражения со стратагемной семантикой в русском жаргоне преступников.

Комментируя эту работу, я хотел бы отметить, что стратагемы не включают моральной квалификации действий в борьбе с противником, отсюда и высказывания: *«В борьбе все средства хороши», «Цель оправдывает средства», «Победителей не судят».* В этом плане интересно сопоставить

описания поведения различных героев эпоса. Вспомним, например, поведение легендарного персонажа греческого фольклора Ахиллеса, который был неуязвимым и при этом храбро сражался с врагами, библейского Самсона, который сверхъестественным образом значительно превосходил силой своих врагов-филистимлян, героя «Саги о Нибелунгах» Зигфрида, ороговевшего в крови дракона и ставшего также неуязвимым. У адресатов, бережно хранивших и передававших потомкам тексты героического эпоса, не возникало и мысли о том, насколько соответствующие героические поступки были честными по отношению к противнику. Такова архаика морального сознания. Логика жизни, однако, отражена в эпосе – неуязвимые герои оказываются уязвимыми: одного смертельно ранят в пяту, другому остригают длинные волосы, тем самым лишая его сверхчеловеческих возможностей, третий становится мишенью для меткого стрелка, сумевшего попасть в то место на спине, где во время омовения в крови дракона случайно оказался кленовый лист, т.е. в самую уязвимую точку.

Резким диссонансом по отношению к этим героям служит реакция одного из персонажей рыцарского эпоса – легендарного короля Артура. Когда он ведет смертельный бой с Черным рыцарем, королем Пеллинором, и находится в полной власти противника, волшебник Мерлин помогает Артуру. Король Артур восклицает: *«Что же ты сделал, Мерлин? Силой твоих чар ты убил моего противника, а это позор для меня».* И далее в этом же повествовании рассказывается о новом поединке Артура с этим Черным рыцарем, в котором он побеждает противника, не зная, что защищен от ран волшебными ножнами своего меча. Узнав об этих обстоятельствах, король Артур опечалился, посчитав, что радость победы омрачена. Рыцарский эпос недвусмысленно свидетельствует о значительном движении вперед этических норм, т.е. о том, что перед нами тексты, созданные значительно позже по сравнению с приведенными выше фольклорными повествованиями. Ценностные характеристики поведения выступают, как можно видеть, в качестве меры прогресса человечества.

Говоря о ценностном аспекте языковой личности, я хотел бы подчеркнуть важность вербального коммуникативного выражения тех норм, которые определяют поведение человека как индивидуума и как представителя группы. Так, узнаваемым индексом новых непривычных межличностных отношений в современной России стала фраза «*А кому сейчас легко?*». Это высказывание фигурирует в диалоге, первая часть которого – это явное или завуалированное выражение потребности в сочувствии. Это выражение может быть различным, но оно безусловно предполагает получение сочувствия – вербального или невербального, в виде поддерживающей улыбки, утешения, подбадривания. Приведенная фраза резко диссонирует с таким ожидаемым коммуникативным ходом и может быть проинтерпретирована следующим образом: 1) ты не должен жаловаться на жизнь; 2) потому что всем плохо; 3) выставлять напоказ свою слабость стыдно; 4) я не хочу тебе сочувствовать; 5) я выражаю свое нежелание помогать тебе в насмешливой форме. Общий вывод – нужно самому справляться с собственными трудностями – соответствует нормам индивидуалистического поведения.

1.2.2. Познавательный аспект языковой личности

Когнитивный план языковой личности — это степень освоения мира человеком через язык. Этот аспект разработан в лингвистической персонологии наиболее полно. Говоря о когнитивных характеристиках человека говорящего, исследователи обычно рассматривают картину мира в виде коллективной концептосферы (по Д.С.Лихачеву), осуществляют фреймовый анализ

представлений, получивших языковое выражение, устанавливают ментальные основания для вариативных языковых образований (отсюда стремление обнаружить глубинные структуры применительно к грамматике и семантические примитивы, если не трактовать их только как инструмент для анализа применительно к лексике). Ментальные образования, или концепты, составляющие концептосферу языковой личности, имеют различную природу и основаны на опыте человека, как личном, так и общественном. Эти образования многомерны (подробнее этот вопрос рассматривается во второй главе) и могут быть освещены с различных позиций. С одной стороны, целесообразно противопоставить образы и их описания, т.е. объем и содержание в традиционном подходе к понятию, помня, впрочем, о том, что концепты шире, чем понятия, если относить понятия к мышлению, а концепты — к сознанию. В лингвистических работах противопоставление образа и описания терминологически оформлено как денотат и сигнификат значения. С другой стороны, важно учитывать степень освоенности мира в индивидуальном сознании человека. В этой связи особую значимость имеет класс агнонимов (по В.В.Морковкину), т.е. слов, значение которых для данного человека темно или размыто.

Сравнивая индивидуальное и коллективное языковое сознание, можно построить простую четырехкомпонентную модель возможных корреляций образов в мире отдельного члена общества и в обществе в целом: 1) образы в основных своих характеристиках совпадают (предметы, процессы, события, качества, с которыми все постоянно сталкиваются в обыденном общении); 2) индивидуальные образы значительно беднее коллективных (то, что для конкретного человека менее значимо, хотя для определенных людей и для культуры в целом является освоенным – многие термины, редкие понятия, неактуальные обозначения); люди могут определить такие понятия только при помощи родового признака (*традесканция* — растение; *долото* — инструмент) либо охарактеризовать по тематической отнесенности (*монетаризм* — экономика; *епитимья* — религия); 3) индиви-дуальные образы богаче коллективных, наполнены личностными смыслами, связанными с переживаниями и более глубоким освоением соответствующей области действительности (художественные и научные образы); 4) индивидуальные и коллективные образы не совпадают, это случаи ошибочных представлений, например, когда человек вкладывает произвольный смысл в непонятное для него слово, ориентируясь на фонетические ассоциации ("*Если мы не займем первого места, это будет полный анонс"*).

Первый тип корреляций тривиален, второй тип составляет класс агнонимов, третий тип представляет собой ассоциативное наращивание смысла.

Познавательный аспект языковой личности освоен в лингвистике как семантика языковых единиц или, в более широком плане, как семантика общения. Еще раз подчеркнем, что в научной литературе этот аспект языковой личности разработан в наибольшей мере. Это проблемы наименования и системных отношений в языке, динамика смысла, соотношение между значением и понятием, с одной стороны, и значением и смыслом — с другой.

Неоднородность смысловых образований, зафиксированных в той или иной языковой оболочке, давно отмечена учеными. А.А.Потебня говорил о ближайшем и дальнейшем значениях слова, имея в виду, что первое — это значение слова для всех, "народное значение", т.е. тот содержательный минимум, благодаря которому мы можем понимать друг друга, а второе — это развитие содержательного минимума, "личное значение". При этом дальнейшее значение слова также выступает как неоднородное образование, в котором, по меньшей мере, можно противопоставить эмоционально-чувственные и научно-

познавательные характеристики (Потебня, 1964, с.146–147). Ученый считал, что дальнейшее значение слова — это не предмет лингвистического изучения. Такая позиция классика языкознания оправдана здравым смыслом и уровнем развития науки в то время. Лингвистика изучает то, что вербализовано. Несколько утрируя, можно сказать, что телепатия, возможно, существует, но не является предметом изучения лингвистики. Вместе с тем жесткое требование отсекать все экстралингвистическое (а что является экстралингвистическим, еще нужно доказать) привело к антиментализму и формализму в языкознании, когда в стремлении исключить субъективизм ученые ограничили предмет своего изучения только системой фонем и грамматических конструкций. Конечно, разница между ближайшим и дальнейшим значением есть, но граница между этими типами значения весьма размыта и по-разному проходит применительно к различным типам слов.

Есть слова, у которых доля ближайшего значения для всех является преобладающей. Это единицы основного словарного фонда и служебные слова. В самом деле, каковы границы индивидуальной вариативности у русского глагола *завтракать* или союза *и*? С другой стороны, существуют слова абстрактного содержания, которые лишь приблизительно известны большинству носителей языка, а некоторые термины в принципе могут быть известны только специалистам. Значит ли это, что такие единицы остаются за рамками науки о языке?

Проблема дальнейшего значения слова является очень существенной для выяснения соотношения между значением и понятием. Вопрос о том, что такое понятие, остается дискуссионным, но позиции философов, логиков, психологов, лингвистов и специалистов в области когнитивных наук сходятся в следующих моментах: 1) понятие есть ментальное образование; 2) понятие — это более обобщенное образование, чем представление, понятие относится к мышлению, в то время как представление — к сознанию; 3) понятие может быть зафиксировано в том или ином знаке; 4) понятие — это вариативное образование, включающее относительно стабильную и относительно подвижную части; 5) понятие может быть обыденным и научным, при этом научность не является синонимом истинности, более того, именно научные понятия прежде всего подвергаются критике и переосмыслению (иначе говоря, есть понятия практического и теоретического мышления). В рамках формальной логики класс понятий весьма сужен, поскольку, обобщая, логики стремятся снять эмоционально-чувственный компонент в ментальных образованиях. По сути дела, такое понимание понятий сводит их к своеобразным знакам понятий, например, к термам в пропозициях, когда понятие трактуется только как компонент суждения, суждение — как звено в умозаключении, а умозаключение — как процедура непротиворечивого формализованного вывода для получения дедуктивно обоснованного знания. Для психологии, культурологии и лингвистики такая трактовка понятия представляется одномерной и малопродуктивной. Степень обобщения для разных понятий различна (ср. *молоток* и *бесконечность*). Понятно, что чем более обобщенным является то или иное понятие, тем менее вероятна его культурная специфика. Вместе с тем двухмерная модель понятий (теоретические и практические) с вытекающим из нее требованием искать культурную специфику только в предметных понятиях (поскольку абстрактные понятия сводятся к научным) не совсем адекватна, поскольку есть абстракции другого типа. Правомерно ли, например, считать, что *сарафан, самовар, береза* в большей мере выражают русскую ментальность, чем *воля, правда, удаль*?

В научной литературе предложен выход из этой тупиковой дихотомии с выделением трех видов знания — практического, духовно-практического и

теоретического (Касавин, 1998). Практическое знание связано с деятельностью, не вырабатывающей специальных рефлексивных структур, в привычном смысле оно есть не воззрение на мир, а образ жизни, у него есть своя система координат, базирующаяся принципиально на личном опыте, оно существует в типах и разновидностях, к которым относятся, в частности, практически-производственное и практически-политическое знание. Духовно-практическое знание есть система норм в виде образцов поведения и мышления, это знание об общении, об обеспечении жизнедеятельности, культово-религиозное и художественное знание. Теоретическое знание вытекает из особой деятельности, которая обозначается как исследование, оно требует выдвижения гипотез, создания особых экспериментальных ситуаций и выработки специализированного языка, включающего терминологию (Касавин, 1998, с.37–55).

Что же является лингвистически релевантной для языковой личности единицей знания? На мой взгляд, это — концепт, фрагмент жизненного опыта человека. Повторяясь, эти фрагменты фиксируются в памяти, а если они существенны для индивида, то неизбежно связаны с переживаниями, что способствует фиксации соответствующего опыта и рефлексивной деятельности по отношению к нему. Концепт представляет собой многомерное образование, поскольку мир многомерен, и ассоциативные связи представлений и понятий также многомерны. Выделение ограниченного количества аспектов рассмотрения концепта, как и языковой личности, как и любого предмета научного изучения, — это искусственная мера расчленения действительности с целью ее познания. В данной работе предлагаются различные трехмерные схемы для изучения лингвокультурных явлений: языковая личность рассматривается в ценностном, познавательном и поведенческом аспектах, культурный концепт — в ценностном, образном и описательном аспектах, дискурс — в бытовом, бытийном и институциональном аспектах. Эти схемы взаимодополнительны, в некотором отношении пересекаются и отражают важнейшие для лингвокультурологии характеристики языка.

Предложенная И.Т.Касавиным типология знания представляет интерес в том отношении, что дает возможность уделить особое внимание ценностному аспекту общения, выделить аксиологические координаты в поведении и определить различные стороны языковых знаков, используемых в общении.

Познавательный аспект языковой личности концентрирует наше внимание на проблемах языкового сознания. При всей его текучести и континуальности языковое сознание системно в том смысле, что любой его компонент, любые единицы, которыми оно оперирует, неизбежно связаны – прямо или опосредованно – с другими единицами, причем в каждом конкретном проявлении эта связь базируется на определенной иерархии актуальных для человека признаков. Показательны в этом отношении концепты прецедентных текстов, изучению которых посвящена монография Г.Г.Слышкина «От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе» (Слышкин, 2000).

В книге рассматривается лингвокультурный концепт как основа интегрального исследования культуры, сознания и дискурса. Вводится понятие лингвокультурного концепта прецедентного текста, строятся классификации концептов прецедентных текстов, а также текстовых реминисценций. Большое внимание уделяется отражению прецедентных текстов в смеховых произведениях (пародиях и анекдотах). Изучается связь между прецедентностью текста и действующими в обществе способами текстового насилия.

Автор отмечает, что в лингвокультурологии выделяются два направления освещения связи языка и культуры: от единицы языка к единице культуры и от

единицы культуры к единице языка. С позиций второго направления основная задача исследования состоит, по мнению Г.Г.Слышкина, "в установлении, во-первых, адекватных языковых средств, выражающих ту или иную культурную единицу в дискурсе, и, во-вторых, основных прагматических функций апелляции к данной культурной единице в различных коммуникативных ситуациях" (с.8). В качестве единицы, призванной связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, рассматривается концепт, т.к. "он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке" (с.9). В работе показана взаимодополнительность различного понимания концепта: как заместительной единицы для значения и как единицы, соотносящей опыт индивида с глобальными общественными ценностями данного социума.

В процессе общения концепты в основном выражаются языковыми знаками — словами, словосочетаниями, фразеологизмами, предложениями и т.д. При этом имя концепта не является единственным способом его активизации в сознании человека. Например, для активизации концепта 'деньги' в сознании носителя русского языка можно использовать не только лексему *деньги,* но и *финансы, капиталы, монеты, гроши, бабки, презренный металл* и т.д., к этому концепту можно апеллировать и паралингвистическими средствами: жестом потирания большим пальцем об указательный и средний. Автор отмечает, что "чем многообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним является этот концепт и тем выше его ценностная значимость в рамках данного языкового коллектива" (с.18).

Коммуникативный потенциал каждого концепта весьма многообразен, вместе с тем можно выделить несколько основных иллокутивных целей, достижению которых служат апелляции к данному концепту. В качестве иллюстрации в книге рассматриваются коммуникативные функции обращения к концепту 'честь' в английском, немецком и русском языковых сознаниях. По мнению Г.Г.Слышкина, в процессе коммуникации этот концепт используется в трех основных функциях: этикетной, мотивационной и провокационной. Этикетное употребление концепта 'честь' сводится к стандартизированному проявлению уважения в чей-либо адрес (*почту за честь*), обычно в стандартной коммуникативной ситуации для установления и поддержания контакта в формальной тональности. Мотивационное использование культурно-языкового концепта 'честь' необходимо для объяснения собственных действий, кажущихся нецелесообразными с рациональной точки зрения. Например, для ребенка с честью связано участие в физическом единоборстве с оскорбившим его сверстником, однако для него не позорно бегство от желающего избить его взрослого. Провокационное использование концепта 'честь' представляет собой манипулятивное осложнение мотивационной стратегии: говорящий пытается спровоцировать адресата на определенные действия, прибегая к значимым для последнего представлениям о чести в качестве стимула: *"Швейцар с красным костистым лицом закричал сердито: "Заняты все места! И не ломитесь, граждане! Имейте совесть и честь!"* (А.Вайнер, Г.Вайнер).

Одним из наиболее важных концептов в современном языковом сознании является текст, не случайно исследователи часто используют термин "жизнь текста". Совокупность концептов под именем "текст", текстовая концептосфера, включает "фактические сведения, ассоциации, образные представления, ценностные установки, связанные в сознании носителя языка с известными ему текстами" (с.27). Особое место в текстовой концептосфере принадлежит прецедентным текстам (по Ю.Н.Караулову), т.е. текстам, хорошо известным носителям данной культуры, значимым для них и неоднократно упоминаемым в общении. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы

до эпоса. Объективным показателем значимости прецедентного текста является отсылка к нему, которая возможна только при соблюдении следующих условий: 1) осознанность адресантом факта совершаемой им отсылки (текстовой реминисценции — термин А.Е.Супруна); 2) знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту; 3) наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста (Слышкин, 2000, с.32).

Автор устанавливает пять основных видов реминисценций, служащих средством апелляции к концептам прецедентных текстов: упоминание, прямая цитация, квазицитация, аллюзия и продолжение (с.36). Под упоминанием в работе понимается прямое воспроизведение языковой единицы, являющейся именем соответствующего текстового концепта (например, "Война и мир"), либо имя автора текста. Прямая цитация — это дословное воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в том виде, в каком этот текст (отрывок текста) сохранился в памяти цитирующего, при этом ссылка на источник цитирования отсутствует. Квазицитация — это воспроизведение всего текста или его части в умышленно искаженном виде: *"Да полно вам, дурак ваш Лапшин! <…> Чинуша, чинодрал, фагот!". "Почему же фагот? — растерянно подумал Лапшин. — Что он, с ума сошел?"* (Ю.Герман). Аллюзия — наиболее трудноопределимый и емкий вид текстовой реминисценции, состоящий в соотнесении предмета общения с ситуацией или событием, описанном в определенном тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, т.е. на содержательном уровне. Например, в романе У.Эко "Имя розы" отношения между средневековым монахом-сыщиком и молодым послушником, от лица которого ведется повествование, в сочетании с именами этих персонажей (Вильгельм Баскервильский и Адсон), являются аллюзией на героев А.Конан Дойла – Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Продолжение трактуется Г.Г.Слышкиным как текстовая реминисценция, основой которой, как правило, служат художественные тексты и использование которой является прерогативой профессиональных писателей (например, в пьесе Т.Стоппарда "Розенкранц и Гильденстерн мертвы" развивается действие шекспировского "Гамлета").

В сознании носителей культуры прецедентные тексты типизируются и легко распознаются как прецедентные жанры, например, жанр цыганского гадания, объявления о купле и продаже недвижимости, анкеты в личном листке по учету кадров и т.д. Прецедентным может стать не только художественный, публицистический или мифологический текст, но любой текст при наличии благоприятствующих тому особенностей жизненной идеологии языкового коллектива.

В рассматриваемой книге осуществляется развернутое доказательство тезиса о том, что "в качестве основного метода выделения национальных прецедентных текстов из общей текстовой массы может использоваться анализ произведений смеховых жанров, рассчитанных на массовое потребление (анекдоты, пародии, юмористические теле- и радиопередачи и т.п.), на предмет встречающихся в них текстовых реминисценций" (с.53). Автор утверждает, что прецедентные тексты — это пародируемые и высмеиваемые тексты. Проведенный Г.Г.Слышкиным анализ фольклорных смеховых произведений советского и постсоветского периода показал, что основным объектом реминисценций служат плакатные тексты и цитаты лозунгового характера из классиков марксизма-ленинизма (38%), второе место занимают отсылки на классические литературные произведения (25%) (с.54–55). Отмечено, что в современной массовой культуре, одной из типологических черт которой является тенденция ко все большей визуализации,

способностью к культурной экспансии обладают не печатные тексты, а кинотексты. Практически все анекдотные циклы основаны на художественных или, реже, мультипликационных фильмах (с.65). В качестве показателя наивысшей прецедентности текста для данной культуры автор предлагает рассматривать способность этого текста порождать одновременно и анекдотный цикл, и отдельные анекдоты, в цикл не входящие. Таким текстом стал фильм "Семнадцать мгновений весны". Г.Г.Слышкин делает вывод о том, что "фамильяризация прецедентного текста в смеховых произведениях может производиться на трех уровнях: стилистическом (наполнение пародии языковыми средствами, контрастирующими с языком пародируемого текста), содержательном (апелляция в тексте пародии к концептам, контрастирующим с содержанием текста-источника) и жанровом (апелляция в тексте пародии к нескольким контрастирующим между собой текстовым концептам)" (с.68).

Автор предлагает несколько классификаций исследуемых концептов, основанных на следующих признаках: 1) носитель прецедентности; 2) текст-источник; 3) инициатор усвоения; 4) степень опосредованности. В книге выделяются такие жанровые группы прецедентных текстов, как 1) политические плакаты, лозунги и афоризмы; 2) произведения классиков марксизма-ленинизма и руководителей советского государства; 3) исторические афоризмы; 4) классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию; 5) сказки и детские стихи; 6) рекламные тексты; 7) анекдоты; 8) пословицы, загадки, считалки; 9) советские песни; 10) зарубежные песни (с.72). Рассматривая инициатора усвоения прецедентных текстов, автор ведет речь о текстовом насилии, понимаемом как "усвоение текста при отсутствии у адресата самостоятельно сформировавшейся интенции ознакомления с текстом" (с.73). Основными способами осуществления текстового насилия Г.Г.Слышкин предлагает считать директивный метод, например, включение текста в обязательную школьную программу, и паразитическую дополнительность (рекламные либо плакатно-лозунговые единицы) (с.73). Паразитические тексты рекламного характера вызывают негативное к себе отношение (по данным Русского ассоциативного словаря, общий объем негативных реакций на эти тексты составляет 25%, позитивных реакций — 5%). Тексты-паразиты становятся объектом пародирования, в то время как директивно внедряемые тексты травестируются. Вместе с тем анализ смеховых произведений дает основание говорить о том, что "метод паразитической дополнительности более эффективен, чем директивный метод, и репродуцируемые им тексты формируют более актуальные для языкового сознания носителей культуры текстовые концепты" (с.78). С точки зрения опосредованности восприятия текста в монографии выделяются три основные группы концептов прецедентных текстов: 1) непосредственное восприятие исходного текста; 2) заимствование уже существующего у какой-либо другой группы (реже — индивида) текстового концепта, репродуцируемого молвой; 3) восприятие реинтерпретации исходного текста в рамках иного жанра (с.79-80).

Г.Г.Слышкин выделяет следующие функции концептов прецедентных текстов в дискурсе: 1) номинативную; 2) персуазивную; 3) людическую; 4) парольную. Номинативная функция — это выделение и обозначение всего познаваемого человеческим сознанием, чаще всего это прямое цитирование. Языковая личность прибегает к использованию текстовых реминисценций в номинативной функции, стремясь к оригинальности и нестандартному выражению мысли, например: *"Он и стихи пишет…"* — *"Служил Гаврила хлебопеком?".* Приведенная в ответе цитата из И.Ильфа и Е.Петрова является символом литературной халтуры. Под персуазивной функцией понимается возможность

использования концепта прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения. Людическая функция — это вид языковой игры. Текстовую реминисценцию, направленную на доказательство принадлежности говорящего к той же группе (социальной, политической, возрастной и т.д.), что и адресат, в книге предлагается называть парольной (например, в средние века от подозреваемого в колдовстве требовали прочесть молитву).

В каждом высказывании есть нечто стандартное, основанное на возможности быть понятым другими, и нечто новое, связанное с меняющимися ситуациями общения. Вопрос о связи нового, креативного и стандартного, стереотипного в языке, языковом знаке, содержании языкового знака относится к числу важнейших для семантической теории (Алейников, 1988; Борботько, 1998) и заставляет нас еще раз задуматься о конвенциональности знака, его контекстной обусловленности и степени смысловой свободы, с одной стороны, и о типах общения, которые можно выделить на основе признака креативности как смысловой свободы знака, с другой.

Существует ли связь между предметом и обозначающим его словом? Эта проблема волновала античных философов и до сих пор вызывает споры.

С позиций конвенциональности знака такая связь признается условной, в реальном обиходном общении осознание внутренней формы слова не играет первостепенной роли, главная характеристика знака — целевая предназначенность, основанная на заместительности (материального) носителя, — не требует актуализации имянаречения как первого этапа существования знака. Практика общения показывает, что единицы основного словарного фонда — это слова со стертой мотивацией, их этимология устанавливается только в результате специального исследования. Результаты этих изысканий носят часто предположительный характер, тем не менее успешность общения не зависит от глубокого проникновения в значение способов общения. Более того, стоит задуматься в процессе общения о значении слов, которыми мы пользуемся в повседневной речи, и естественная плавность и безыскусственность речи неизбежно нарушаются: несомненно, был прав А.М.Пешковский, заметивший, что "дикари просто говорят, а мы все время что-то "хотим" сказать" (Пешковский, 1925, с.116).

С позиций неконвенциональности знака между предметом и обозначающим его словом существует прямая связь, эта связь носит сакральный характер, имя предмета в явном или скрытом виде выражает сущность этого предмета, и процесс имянаречения неизбежно основан на понимании такой связи. Иконичность языкового знака не противоречит его сигнальности: осознание сущности предмета необходимо только при его включении в сферу человеческого опыта, после чего наступает этап утилизации этого предмета, когда мы не задумываемся о его сущности, но заняты практической деятельностью, в которой этот предмет служит инструментом. В терминах современной науки о значении это соотношение выражается как противопоставление ономасиологического и семасиологического подходов к изучению слова.

Вместе с тем существуют определенные сферы общения, когда мы вынуждены вернуться к истокам значения слов. В противоположность обиходному, бытовому общению здесь имеет место общение бытийное, представленное в двух основных разновидностях — художественной и психолого-философской. В бытийном общении требуется обозначить неочевидное, даже если речь идет о предметах повседневного использования. Неконвенциональная модель значения превращается, таким образом, в трехмерную формулу: слово первичное —

обиходное — поэтико-философское. Если посмотреть на соотношение этих трех знаковых ипостасей семантики слова, то следует признать, что в речи как тотальной совокупности ежесекундно произносимых и записываемых высказываний первичные и поэтико-философские слова занимают ничтожно малое место. Значимость этих малоупотребительных слов, однако, нельзя недооценивать как в индивидуальном, так и в коллективном человеческом опыте.

Возникает вопрос: в какой мере первичное означивание предмета совпадает с поэтико-философским?

Первичное означивание включает два этапа – собственно присвоение имени (звуковой либо графической формы) той или иной идее о предмете или явлении и переосмысление первоначального содержания. Единственным способом выявления исходного означивания можно, по-видимому, признать ситуацию наделения именем предмета в речи ребенка. При этом, разумеется, случаи наименования "от нуля" являются единичными: давая имя предмету, ребенок неосознанно опирается на свой языковой опыт, т.е. на выразительные возможности языка, усвоенные ребенком в общении со взрослыми. Библейский Адам в этом смысле не является исключением: он давал имена тварям земным на основе своего опыта общения с Создателем. Присваивая имя, человек обосновывает свой выбор либо звуковыми ассоциациями, либо комплексом содержательно-звуковых аллюзий. Только в первом случае можно говорить о подлинно первичном имянаречении, поскольку второй случай — это применение прежнего именования в новой ситуации (например, это использование в именовании объекта ресурсов другого языка, восстановление утраченного смысла или смысловая комбинаторика).

Осваивая мир, дети пытаются внести смысл в характеристики окружающих предметов. Например, услышав слово *будильник,* ребенок пытается переименовать предмет, обозначить его более подходящим названием *диньдильник.* Аналогичные примеры: *собака — кусака, палка — билка, вентилятор — вертилятор* (в последнем случае мы сталкиваемся с типичным проявлением так называемой народной этимологии, которая по своей сути основана на означивании по принципу детской речи).

В приведенных примерах прослеживается первичная семиотическая модель: наименование по внешнему признаку. Именно поэтому животные называются по характерным звукам, которые слышит ребенок, знакомясь с ними: отсюда уменьшительно-ласкательные *хрюша, квакушка,* даже автомобили называются по звуку (*биби*). Дети пытаются сымитировать в имени предмета производимые этим предметом звуки: один мальчик поделил все виды транспорта на три категории — легковые автомобили, грузовые, и те машины, которые вызывают восхищение своей необычностью, например, тепловозы и подъемные краны, третий класс был назван словом *ампа*, и, по всей видимости, в основу номинации был положен пыхтящий звук, производимый необычной машиной, которая потрясла ребенка. Отметим, что данные историко-этимологических исследований свидетельствуют о значительно большей роли звукового символизма в обозначении предметов в древних языках по сравнению с современными.

Так, например, А.Б.Михалев (1995) поставил перед собой задачу определить знаковые свойства фонемы на основе взаимосвязанных систем семантики и звуковой формы слов. Главный тезис автора заключается в доказательстве генетической изобразительности речевого звука. Последовательно развивая эту концепцию, исследователь моделирует фоносемантическое пространство языка, организованное по полевому принципу. В результате выполненного исследования в научный обиход вошли такие понятия, как фонемотип и морфемотип, звукоизобразительное поле, формы фонетической выразительности (эхоический,

синестетический и физиогномический символизм), уровни звукосимволизма (доязыковой, языковой и символический), поливалентность значения, этимема и др. Доказана особая роль консонантного бифона в звукоизобразительном пространстве разных языков. В исследовании В.Г.Борботько (1998) доказывается тезис о том, что фонемы обладают не только смыслоразличительной, но и смыслосозидающей силой (речь идет о согласных фонемах, вернее, о фонемотипах): так, например, фоносинтагма [km] ассоциируется с семантикой сжатия, сближения, сведения вместе, удержания, присвоения, а фоносинтагма [kr] — с семантикой захвата, отделения, расщепления. Фоносинтагма состоит из профазы и эпифазы, при этом эпифаза является ведущим компонентом этого языкового образования, а профаза — подчиненным. Профазы в фоносинтагмах замещаются эквивалентными единицами [km — lm — hm — sm — dm …]. Например, рус. *жму*, нем. *kommen*, лат. *timeo* — боюсь (<сжиматься). Количество таких фоносинтагм оказывается весьма ограниченным, не более 800 ядерных корней языка, представляющих собой основные варианты более общих комбинаций фонемотипов (Борботько, 1998, с.32–33).

Соглашаясь в принципе с автором, доказывающим, что некий исходный базовый словарный фонд (исторически в индоевропейских языках совпадавший с морфемным фондом) должен быть весьма ограниченным по своему составу, заметим, что семантика этих базовых единиц должна принципиально отличаться по своему устройству от семантики слов в современных языках. Это отличие состоит в высокой контекстной обусловленности и нечеткости, размытости значений (если такие смысловые образования можно вообще называть значениями). Контекстная обусловленность и смысловая нечеткость подразумевают друг друга, вместе с тем такие характеристики слов присущи детской речи. Именно такая аргументация приводится в известном труде А.А.Потебни: "…в языке, как и вообще, за исходную точку мысли следует признавать чувственные восприятия и их комплексы, стало быть, нечто весьма конкретное сравнительно с отвлеченностью общего качества" (Потебня, 1964, с.155). Отсюда и пример: сферический колпак лампы — *арбуз.*

Иероглифика как особый тип фиксации значения слова на основании существенных признаков подтверждает общую направленность семиозиса: от осознания и переживания внутренней формы знака — к полному забвению этой формы. Вместе с тем даже упрощенный иероглиф раскрывает логику формирования понятия. Например, в китайском иероглифе, обозначающем идею "скучать" (*xiang*), выделяются три компонента: дерево, глаз, сердце. Вероятно, эту идею можно было бы выразить так: "Я вижу (знакомое) дерево, и там мое сердце". Понятен смысловой перенос: знакомое дерево — родной дом — близкие люди. Семантика иероглифа "грусть" (*chou*) столь же понятна: "осень + сердце". В современном китайском языке, впрочем, есть множество иероглифов, компоненты которых уже не известны носителям языка.

Итак, если мы признаем, что компонентам высказывания (о словах в данном случае можно вести речь только с оговорками) на первичном этапе речи в онтогенезе присуща максимальная контекстная связанность и смысловая нечеткость, то закономерно возникает предположение, что по мере систематизации языка в сознании человека языковые знаки меняются: нечеткие компоненты высказывания, многократно повторяясь, превращаются в слова, попадают в парадигматические ряды разных типов, получают значимость в системе и становятся, таким образом, в известной мере независимыми от контекста. Что выигрывает человек, пользуясь такими языковыми единицами? Фиксированное соотношение значения и формы языкового знака — это гарантия адекватного понимания, забота об адресате, социально-обусловленное качество

слова, содержательный минимум, на основе которого могут возникать личностно-обусловленные смыслы. Фиксация содержания и выражения словесного знака имеет и свои издержки: это ограничение языкового творчества, уменьшение экспрессивности, погашение личностного начала в общении, известная степень клишированности речи. Разумеется, в живом языке не может быть ни абсолютной свободы, ни абсолютной фиксированности в соотношении содержания и выражения языкового знака, который, по закону С.Карцевского, характеризуется асимметричным дуализмом. Вместе с тем существуют определенные коммуникативные ситуации, повторяющиеся в типовых сферах общения, которые требуют большей свободы либо большей фиксированности в соотношении социально-обусловленного и личностно-обусловленного содержания в слове. Речь идет о шкале смысловой свободы языкового знака.

С позиций словесного знака (взгляд изнутри) эту проблему осветили в своих исследованиях М.В.Никитин (1988) и И.В.Сентенберг (1991). Исходя из полевой модели значения, М.В.Никитин справедливо полагает, что значение слова представляет собой смысловое образование, в котором противопоставляются интенсионал и импликационал, т.е. стабильная, фиксированная часть и подвижная, вероятностная, ассоциативно связанная с нею часть, условно моделируемая в виде многослойной сферы, поскольку в ней выделяются по меньшей мере три слоя — жесткий импликационал, представляющий собой коннотацию лексического значения; свободный импликационал, связанный с интенсионалом опосредованно, здесь мы сталкиваемся с авторскими метафорами; негимпликационал – мыслимая граница ассоциативных сдвигов, выход за которую делает общение бессмысленным. И.В.Сентенберг доказывает, что лексическое значение является свернутым, наиболее значимым, с точки зрения коммуникативного коллектива, комплексом признаков, связанных с называемым явлением или процессом; этот признаковый комплекс в виде набора сем призван обеспечить коммуникацию, сохранить и передать значимый человеческий опыт последующим поколениям (Сентенберг, 1991, с.9). Вместе с тем это смысловое ядро представляет собой как бы верхушку айсберга, поскольку говорящий коллектив связывает с называемым явлением широкую совокупность семантических признаков, составляющих объективное семантическое содержание словозначения (термин И.В.Сентенберг). Это содержание представляет собой мыслимую тотальность признаков, содержательный максимум, к которому асимптотически стремится языковой знак в своем вариативном существовании. Разность между объективным семантическим содержанием и значением (как правило, словарно фиксируемым значением) образует информационный потенциал слова. Этот потенциал выявляется в более или менее широком контексте через сочетаемость слов.

Каковы способы ограничения свободы языкового знака? Это терминологизация слова, переключение означающего в систему дополнительного кодирования, например, с помощью формул и символов, дефинирование, призванное устранить возможное отклонение в понимании адресатом авторского смысла, сноски и цитаты, предназначенные для однозначной интерпретации содержания, указательные повторы, обеспечиваемые системой дейктических знаков (показательны текстовые дейктики *вышеупомянутый, нижеследующий* и др.), стремление исключить синонимы как средство вариативности речи, но использовать их только для точных обозначений ситуации. Например, в дипломатическом дискурсе слово *озабоченность (concern)* используется как знак для выражения готовности правительства принять определенные меры в связи с недружественными действиями другого государства. Главная характеристика

речи субъекта в ситуации институционального общения — стремление максимально ясно и точно выразить свою интенцию, исходя из того, что адресат не обязан ничего знать о субъекте и сочувствовать ему. Разумеется, человек не может стать роботом и в любой ситуации оставляет за собой право переключить тип общения, но мы говорим о преимущественной направленности дискурса. Понятно, что степень личностной ориентации также может быть различной в разных видах институционального дискурса: педагогический дискурс является более личностным, чем деловой, а деловой — более личностным, чем юридический. Обратим внимание на то, что жанры того или иного типа дискурса допускают различную степень соотношения статусного и личностного начал в общении: речь адвоката или прокурора в этом смысле отличается от речи судьи, поскольку адвокат и прокурор, выступая в качестве сторон в юридическом процессе, тем не менее сохраняют свои личностные характеристики, судья же представляет собой воплощение государства и по законам жанра должен изъясняться максимально бесстрастно. И в научных статьях есть место личным смысловым образованиям, хотя канон и жанр статьи ограничивают смысловую свободу языкового знака.

Для личностно-ориентированного общения существенны способы снятия ограничений в свободе использования языковых знаков. В бытовом дискурсе люди не стремятся к точности описания, на первый план выходит указательность, что и не удивительно: обиходное общение связано с очевидными вещами. Происходит размывание знаков, экспрессивность и выражение эмоций оказываются значительно более важными в коммуникативном плане, чем сообщение информации об объективном положении дел. Люди могут изъясняться междометиями и их функциональными эквивалентами и прекрасно понимают друг друга. Обыденное общение характеризуется широкой эквивалентностью знаков, способных замещать друг друга без ущерба для передачи смысла: *"Ну, что?" — "Да вот…".* На этом уровне общения молчание оказывается более информативным, чем речь: *Если Вы не понимаете моего молчания, как Вы можете понять мои слова?*

По сути дела, и фатическая коммуникация представляет собой вербализацию того, что может быть передано невербально: улыбка и кивок эквивалентны словесному приветствию, мимика сожаления не менее успешно передает извинение, чем соответствующая фраза, которая, кстати, не будет воспринята как извинение без невербальной части этого речевого действия и т.д. Эмпатия – способность понять внутренний мир другого человека – считается в бытовом дискурсе между близкими людьми сама собой разумеющейся. Бытовой дискурс в максимальной степени близок детской речи: говорящий уверен, что адресат должен понять его в любом случае. Высокая контекстная зависимость языковых знаков в бытовом общении закономерно приводит к тому, что они очень быстро стираются и воспринимаются как клише. Именно поэтому требуется постоянное обновление определенных типов слов, используемых в стандартных ситуациях для передачи эмоций и нечеткого обозначения предметов, явлений, событий, качеств. Такова питательная среда жаргонизмов и сленга.

Следует отметить, что семантическое размывание слов происходит неизбежно в различных сферах общения и закономерно вытекает из природы знака: означающее стремится не просто к вариативной замене, но к минимальной манифестации своей формы (языковая экономия, по А.Мартине). Так происходит со знаками этикета: снятие шлема заменяется прикосновением к шляпе, падание ниц превращается в легкий поклон и затем в кивок, вопрос *"How are you?"*, на который никто не ждет развернутого ответа, редуцируется в приветствие *"Hi!".* Аналогично знаменательные слова становятся служебными.

В бытийном общении — в художественном тексте — смысловая свобода языкового знака обеспечивается иными способами. Как автор, так и читатель (мы говорим о письменном художественном тексте) готовы к тому, что изображаемая действительность имеет личностную окраску. Иначе говоря, важно не то, что сообщается, а то, как это сообщает автор. Отсюда и установки на возможный отход от фактуальности и поиск новых средств для самовыражения. Следует отметить, что художественный текст как тип дискурса представляет собой абстракцию. Различные художественные стили, направления и личности авторов могут в значительной степени отличаться как друг от друга, так и от умозрительного усредненного текстового типа художественного произведения. Вместе с тем, если мы согласимся с основными исходными посылками создания художественного текста (мотив, оформление, вымысел, самовыражение автора, эмоциональность, образность), то открываются новые перспективы изучения знаковой вариативности языковых средств в художественном тексте.

Как и любое другое коммуникативное действие, художественный текст возникает из потребности что-то сказать, при этом принципиально разными являются установки: сказать для информативной передачи, чтобы адресат что-либо принял к сведению либо выполнил, и для самовыражения, чтобы идея получила свою оформленность. Нельзя не согласиться с латинской формулой "*Dixi et animam levavi"* ("Сказал и душу облегчил"), сказанной, впрочем, с другой целью в исходном библейском тексте. Возможно, более точно эту идею выразил О.Э.Мандельштам: *"Но я забыл, что я хочу сказать, и мысль бесплотная в чертог теней вернется".* Потребность воплотить мысль и чувство в слове — исходный мотив художественного текста.

В этом плане фундаментальное различие между речью для дела и речью для воплощения мысли и чувства дает нам два типа текстов: перформативные и креативные. Первые предназначены для адресата, вторые же могут быть как адресативными, так и неадресативными. Перформативные тексты в значительной мере по своей функции сходны с перформативными глаголами, по Дж. Остину, т.е. с вербальными знаками, произнесение которых само по себе является определенным действием. Креативные тексты в этом смысле не являются действиями, т.е. не направлены на изменение положения дел в окружающем мире. Признание креативных текстов как типа ставит под вопрос универсальность коммуникативной функции языка и непременное наличие Другого для того, чтобы нечто было сказано. Именно креативная функция текста дает возможность автору чувствовать себя свободным по отношению к языковому материалу. Вместе с тем понятно, что свобода эта относительна: креативные и перформативные тексты неразрывно связаны, взаимно пересекаются и реально образуют единое пространство, в котором можно построить условную шкалу перформативности — креативности, на одном полюсе которой располагаются рецепты, инструкции, приказы, а на другом — лирические стихотворения, в том числе и модернистская лирика, смыкающаяся с песнями без слов.

Если мотив создания текста исходит от автора, то идея оформления текста в значительной степени подсказывается материалом: этот материал очень точно назван Б.М.Гаспаровым (1996, с.104) "мнемоническая среда языкового существования". В языковой памяти субъекта накапливаются на протяжении всей его жизни "частицы языковой ткани разного объема, фактуры, разной степени отчетливости и законченности" (Там же). В зависимости от типа текста его оформление может быть спонтанным либо контролируемым, в последнем случае происходит перебор вариантов, поиск более точного слова, редактирование. Применительно к художественному тексту мы имеем в виду прежде всего его ритмическую организацию. М.Л.Гаспаров (1999) убедительно доказал, что

существует органическая и историческая связь метра и смысла стихотворных текстов в массовом сознании культуры (как у поэтов, так и у читателей), эта связь названа "семантический ореол стихотворного размера". Поэт неслучайно произносит первую строку амфибрахием, ямбом или верлибром. Аналогичным образом установка на эстетическую сторону речи заставляет говорящего или пишущего придерживаться канонов художественного текста, свойственных той или иной языковой культуре. Так, в стандартном учебнике по истории авторский подход к английским пуританам и противостоящим им кавалерам был сформулирован в соответствии с эвфоническими правилами аллитерации: сторонники и противники короля Карла I были охарактеризованы следующим образом: *"wrong and romantic — right and repulsive"* (неправильные и романтичные — правильные и отталкивающие). Семантика художественного текста неразрывно связана с его формой, в том числе фонетической. Выбор слова в поэтическом тексте подсказан автору как значением, так и звучанием этого слова. При этом, как отмечено А.В.Пузыревым (1995), первоначальный авторский вариант слова в поэтическом тексте оказывается всегда более эвфоничным, фонетически согласующимся с другими словами, чем последующие авторские варианты, вызванные желанием достичь большей содержательной точности слова. Отсюда следует, что для креативной семантики звучание слова оказывается значительно более важным, чем для перформативной семантики. В первом случае слово наделяется дополнительной энергией, изначально заложенной в нем, во втором — выступает как сигнальный знак, форма которого стремится к минимальной манифестации.

С точки зрения получателя речи, диада "перформативные и креативные тексты" может быть выражена как "информативные и фасцинативные тексты". Под информацией понимается сообщение (субъективно) новых данных о чем-либо, под фасцинацией (*fascinatio* — лат. "*околдовывание, очаровывание, завораживание*") — эмоциональное воздействие текста, заставляющее адресата вновь и вновь обращаться к этому тексту. Информативные тексты характеризуются относительной независимостью от формы выражения, они легко перекодируются, аннотируются, их ценность падает при последующем восприятии, в то время как фасцинативные тексты с трудом переводятся на другие языки, принципиально не поддаются сжатию (невозможно сделать дайджест лирического стихотворения), их ценность при каждом последующем восприятии возрастает. Названные качества фасцинативных текстов объясняются их органичным формально-семантическим единством. Фасцинативная функция слова заставляет получателя речи внимательно вслушиваться в речь, толкает к осознанию внутренней формы слова, ведет к мифопоэтическому осмыслению слов: "*Легкой выправкой оленьей мчатся гласные к Елене. В темном лике — Анастасья — лепота иконостасья*" (С.Кирсанов).

Креативность прослеживается и в словообразовании, выступая как важный фактор выразительности языкового знака. Например: "*Перешагни, перескочи, перелети, пере- что хочешь — но вырвись: камнем из пращи, звездой, сорвавшейся в ночи…*" (В.Ходасевич).

Наиболее ярким способом лексико-семантической креативности является необычная сочетаемость слов — от нестандартных авторских эпитетов до катахрезы, сочетания семантически принципиально несопрягаемых слов. Такая сочетаемость направлена на достижение точности в художественном тексте через художественную образность, механизмом которой является "вторичное замещение — знаковая репрезентация восприятия предмета, а не самого предмета" (Е.В.Тряпицына, 2000, с.4). С авторской сверхнасыщенностью смысла мы сталкиваемся в стихотворении А.Тарковского: "*Когда я вечную разлуку хлебну,*

как ледяную ртуть, не уходи, но дай мне руку и проводи в последний путь". *Вечная разлука* — метонимическое обозначение смерти, *хлебнуть*, т.е. *испить* — метафорическое обозначение эмоционального переживания. Смерть сравнивается с глотком ртути. Этот жидкий металл наделяется авторским смыслом — способностью приводить живое тело к металлическому остеклененению. Здесь действует образная перестановка: подвижное живое тело становится неподвижным, как металл, при этом именно жидкий металл выступает средством омертвения. Ртутный блеск связан с идеей зеркала, и смерть представляется как переход в зазеркальный чужой мир. Эпитет *ледяная* означает "холодная, как лед", возникают ассоциации с водами Стикса, вечным льдом, смертельным холодом; одновременно это слово фонетически поддерживается глагольной словоформой "хлеб**ну**" — "ледя**ну**ю", ударный и безударный слоги с этих словах совпадают, а гласный ударного слога является рифмообразующим для всего четверостишия.

Примером катахрезы является непонятное, на первый взгляд, словосочетание в стихотворении И.Бродского "Одиссей Телемаку": *"…все острова похожи друг на друга, когда так долго странствуешь, и мозг уже сбивается, считая волны, глаз, засоренный горизонтом, плачет, и водяное мясо застит слух*". В данном контексте слово *мясо* полностью меняет словарные значения "*туша или часть туши животных, предназначенные для употребления в пищу; (разг.) мышечная ткань животных и человека; блюдо, кушанье, приготовленное из туш животных (кроме рыб); (разг.) мякоть плодов, ягод*" (БТС). Словосочетание *водяное мясо* является катахрезой, такой же, как *зеленые идеи* из известного лингвистического примера. Образная логика стихотворения подводит читателя к этой фигуре речи, к этому креативному авторскому смыслу вполне естественно: воды так много, от нее так устаешь, что она воспринимается как плотное вещество, похожее на мясо. Фонетически этот образ поддерживается криптофонией (термин А.В.Пузырева), т.е. зашифрованным в тексте фонетически и семантически близким словом *масса*. Усталый путешественник смешивает сенсорные модальности: застить можно свет, здесь же шум моря во время движения корабля мешает слышать, и человек оказывается облепленным плотной мякотью моря, будучи не в состоянии видеть (глаза воспалены) и слышать что-либо. Этот образ очень выразителен и может быть понятен только в приведенном контексте.

В ином ключе креативность смысла можно понимать как резкое, значительное увеличение содержания высказывания за счет множественности прочтения текста. Речь идет о подтексте, и здесь первичная модель подвижного знака, достаточно свободно связывающего означающее и означаемое, что свойственно детской речи, резко отличается от намеренной смысловой многомерности высказывания. Заметим, что косвенные речевые действия, различного рода намеки — это элементарная жесткая манипулятивная связь значений, используемая детьми не менее успешно, чем взрослыми. Есть качественное смысловое различие между высказываниями *"А соседскому Дениске котеночка подарили…"* и *"Сколько одуванчик не поливай, а огурец из него не вырастет"*. Первое — это косвенная просьба, т.е. перформативный текст, а второе — наблюдение, из которого вытекает обобщение широкого плана. Генерализация смысла имеет эвристический характер: классы генерализуемых объектов и действий открыты, т.е. поле интерпретации смысла оказывается определенным и неопределенным одновременно. В этом и состоит смысловой сдвиг по аналогии: поливать одуванчик — заниматься бесполезным делом. Из сказанного не вытекает, что обобщаются только констативы, т.е. высказывания, утверждающие связь между явлениями, наличие либо отсутствие чего-либо и т.д. Известная

фраза Ф.Ницше *"Падающего подтолкни"* представляет собой императив, но не является перформативным текстом в нашем понимании, *падающий* — это класс объектов, образующих весьма размытое множество и не всегда связанных с исходной семантикой глагола *падать*. Даже если адресат не знает словесно оформленных норм этики и библейского стиха *"Проклят, кто сбивает слепого с пути его",* жизненный опыт заставляет человека задуматься о глубинном смысле этой фразы.

Креативный смысл возникает и при переосмыслении известного текста, как правило, прецедентного. Такое переосмысление представляет собой одновременную актуализацию двух текстов, реинтерпретацию исходного текста в рамках иного жанра (Слышкин, 1999, с.14). В постмодернистской поэзии этот прием получил широкое распространение: "*У дороги две ветлы, вдоль дороги просо, девки спрыгнули с иглы, сели на колеса*" (И.Иртеньев). В приведенном фрагменте из стихотворения "Дружно катятся года с песнями под горку" раскрывается ироническое авторское видение жизни: начало четверостишия представляет собой стилизацию частушки как прецедентного текста, приводятся сельские реалии — *дорога, две ветлы, просо*; персонаж этого фрагмента — *девки* (разговорное, сниженное и устаревшее деревенское обозначение девушек); действия персонажей выражены как будто обыденными словами — *спрыгнули* и *сели*, и если не знать жаргонного значения этих выражений (*сидеть на игле* — колоть наркотики, *колеса* — наркотические таблетки), то может возникнуть впечатление, что речь идет о чем-то заурядном. Конфликт между двумя содержательными планами — фактуально-поверхностным и подтекстовым — и составляет основу иронического осмысления текста: наркомания стала привычным явлением, сопоставляемым с описанием природы.

1.2.3. Поведенческий аспект языковой личности

Поведенческие характеристики языковой личности – это совокупность вербальных и невербальных индексов, определяющих языковую личность как индивидуума или как тип. В самом широком плане, говоря о человеке в аспекте его коммуникативного поведения, мы имеем в виду прагмалингвистические параметры языковой личности, т.е. рассматриваем общение как деятельность, имеющую мотивы, цели, стратегии и способы их реализации.

Прагмалингвистика представляет собой совокупность теорий и концепций, которые относятся к речи, реальному общению, а не языковым единицам и правилам их комбинаторики. В прагмалингвистике детально разработаны теории коммуникативных постулатов, речевых актов, манипулятивного воздействия, невербального общения. Традиционная лингвистическая семантика сориентирована на освещение значения языковой единицы, в прагмалингвистике акцент сделан на целостном смысле этих единиц, выводимом как из значения, так и из ситуации общения. Разумеется, типичны и тривиальны случаи совпадения или незначительного расхождения значения и смысла, высказывания и импликации, текста и подтекста, но прагмалингвиста интересует коммуникативная реальность в ее многовариантном проявлении.

В качестве примера такого подхода к лингвистическому моделированию общения может послужить весьма информативная книга «Непрямая коммуникация и ее жанры» (Дементьев, 2000). Монография посвящена изучению фундаментального принципа общения — адекватной неточности. Этот принцип еще недостаточно осмыслен в науке о языке, хотя эмпирический материал и множество теоретических моделей свидетельствуют о том, что одно-однозначные соответствия в языке — это исключение из более общего правила. В.В.Дементьев

предлагает объединить такие явления, как имплицитность, эвфемизмы, косвенные речевые акты, метафоры, иронические высказывания и другие несемиотические коммуникативные единицы в рамках понятия "непрямая коммуникация". Этим термином обозначается "содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимо к простому узнаванию (идентификации) знака" (Дементьев, 2000, с.4). Непрямая коммуникация, как доказывается в работе, является живой основой прямой коммуникации и в этом смысле первична, хотя для исследования непрямые единицы оказываются содержательно и формально более сложными, чем "прямые". В книге постулируется и раскрывается тезис о том, что "человек обращается к прямой коммуникации только в случае, если средства непрямой коммуникации оказываются менее эффективными и экономными при достижении коммуникативных целей". Этот тезис в полной мере согласуется с известной позицией И.Н.Горелова (1980), состоящей в том, что в реальном устном обиходном общении вербальная передача информации вторична, дополнительна и весьма часто избыточна.

Наиболее существенными параметрами непрямой коммуникации В.В.Дементьев считает такие признаки, как осложненная интерпретативная деятельность адресата, неконвенциональность, ситуативная обусловленность, креативность. Под осложненной интерпретативной деятельностью адресата понимаются принципиальная невозможность адекватно понять смысл непрямого высказывания вне конкретной ситуации общения и актуализация нескольких смыслов такого высказывания одновременно, адресат должен сделать дополнительный шаг, чтобы понять содержание высказывания (например, догадаться, что вопрос является вежливой формой просьбы), при этом для непрямого высказывания всегда допустима такая интерпретативная ситуация, когда оно может трактоваться буквально. Неконвенциональность трактуется как внутренняя характеристика непрямого высказывания, которое означает не то, что сказано. Непрямые высказывания прежде всего ставят адресата перед выбором: в каком ключе следует их понимать, и здесь достаточно часто имеет место коммуникативный сбой, если ситуация общения не содержит очевидных ключей тональности этого общения. Непрямая коммуникация пронизывает различные игры, когда участники общения должны непременно домысливать получаемую информацию, воспринимать смыслы в их становлении, т.е. по своей сути иллюстрирует игровую, креативную функцию языка.

Возможность ошибки при интерпретации сообщения является необходимой характеристикой, внутренне присущей естественному человеческому общению. Если нет вариантов интерпретации, если адресат воспринимает только то, что сознательно заложено адресантом, то вряд ли можно говорить о человеческом факторе в общении. Языковые знаки, по Ф.Соссюру, не обязательно связаны с конситуацией, следовательно, они не зависят от человеческого опыта, чувств и памяти. Они свободны от неточности, привносимой человеком, а эта неточность в любой единице языка и есть, по мнению В.В.Дементьева, источник непрямой коммуникации. Исследователь отмечает, что в общении имеют место ситуации, когда смысл равен значению (вопросно-ответные единства на экзамене или при получении справки по телефону), но в реальной коммуникации передаваемые и получаемые смыслы редко сводятся к значениям, кодифицированным и унифицированным языковой системой, "значение" является частным случаем "смысла". Выделяются тексты, сориентированные на значения и сориентированные на смыслы, эти тексты требуют принципиально разного

понимания: "Не жди смысла" и "Жди смысла". В случае неправильного выбора прочтения (ориентация на значение там, где нужно искать смысл) происходит непонимание. Этот тезис в сжатом виде раскрывает суть ситуативного, прагмалингвистического подхода к языку. Исторически смыслы предшествуют значениям, автор несомненно прав, утверждая, что передавать смыслы люди начали раньше, чем возник язык. По степени интенсивности интерпретативной деятельности адресата В.В.Дементьев предлагает выделить два типа непрямой коммуникации: тексты, непрямой смысл которых является продолжением их буквального смысла, и тексты, предполагающие создание смысла, не вытекающего из них непосредственно (с.42).

Автор противопоставляет семиотические (одно-однозначные) и семантические (неоднозначные) системы, обсуждает соотношение значения и смысла, доказывая спиралевидный характер динамики смысла: смысл — значение — смысл, строит шкалу типов непрямой коммуникации, выделяя в качестве критериев классификации жанровую типизацию высказываний, их конвенциональность, достаточность языковых средств для их реализации, их эксплицитность. Общая модель этих типов включает семь классов (ядерные предложения — нулевой класс, неизосемические языковые конструкции, эллиптические конструкции, тропы, конвенциональные косвенные высказывания, фатические жанры иронии, флирта, светской беседы, а также непредсказуемую интерпретацию слушателя — максимально маркированный класс). Самая малая (нулевая) степень непрямой коммуникации представлена ядерными (по Н.Хомскому) предложениями типа *"Мальчик бежит".* Эллиптические конструкции требуют от адресата домысливания, хотя и минимального: *"Ты собираешься в кино? И я с тобой. → И я с тобой пойду".* Образные средства языка, тропы, языковая игра реализуют потенциальные возможности языка, особенно тропы с напряженным типом экспрессии, вместе с тем их подтекст осознается на основе текста. Для восприятия смысла конвенциональных косвенных иллокутивных актов типа *"Вы не могли бы открыть окно?"* уже в принципе недостаточно языковых значений — ни реальных, ни потенциальных, утверждает автор. Эти высказывания, впрочем, гораздо проще интерпретировать, чем поэтическую речь, но, с точки зрения их неконвенциональности, они должны быть расположены дальше от полюса буквальных смыслов на условной шкале непрямой коммуникации, чем языковые тропы. Еще дальше находятся фатические речевые жанры (например, флирт, иронические высказывания, светская беседа), интерпретация которых не задана правилами языка, но более или менее осознанно регулируется коммуникантами в рамках соответствующих жанровых канонов. Центральную часть в них составляют невербальные средства. Наконец, последнюю группу единиц непрямой коммуникации составляют такие ситуации, где интерпретация текста слушающим вообще не опирается на этот текст. Весьма убедителен следующий пример из известного произведения А.С.Пушкина: получив гневное письмо от Андрея Гавриловича Дубровского (в ответ на судебное требование доказать, что село Кистеневка принадлежит ему по праву), заседатель Шабашкин *"увидел, что Дубровский мало знает толку в делах и что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение".* Эти смыслы вытекают не из текста, а из жизненного опыта получателя текста, который видит в текстовых знаках вовсе не то, что сознательно вкладывал в них отправитель речи.

В.В.Дементьев считает, что в языке нет специальных средств для обслуживания непрямой коммуникации, а есть лишь средства для выражения непрямой речи. Непланируемая непрямая коммуникация органически присуща человеческому общению вследствие непредсказуемости поведения людей. Автор

цитирует замечательный пример непланируемой непрямой коммуникации: *Что там в овощном? — Ничё нету. — Совсем? — Токо картошка. — Молодая? — Нет, старая. А больше ничего. — Ну пойду посмотрю* (с.93). Второй тип непрямой коммуникации используется сознательно, как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта. Здесь реализуется непрямая речь, которая предназначена на единственную возможную интерпретацию со стороны адресата и в этом смысле гораздо легче поддается лингвистическому анализу. Автор полемизирует с лингвистами, считающими, что слова являются ключами к пониманию ситуации, и доказывает, что ситуация является ключом к пониманию слов. В.В.Дементьев пишет, что "неверно сводить явление непрямой коммуникации к языковой асимметрии. Правильнее было бы говорить о "речевой асимметрии", которую можно определить как одновременное действие двух противоположных тенденций в речи: с одной стороны, обусловленная человеческим фактором и неповторимостью параметров ситуации общения тенденция к выражению личностных смыслов, с другой стороны, — тенденция к упрощению структуры речевых высказываний, проявляющаяся в элиминировании всего "лишнего", малоинформативного, а также тенденция к поливалентности языковых единиц в речи" (с.99).

Обсуждая важнейшие функции языка, В.В.Дементьев в соответствии с принятой в отечественной лингвистике традицией обосновывает выделение непрямого общения, сообщения и воздействия. В этом разделе его книги речь идет об эвфемизмах, метафорах, косвенной речи (ее синтаксических параметрах), косвенных речевых актах, постулатах общения, фатических жанрах. Рассматривая непрямое воздействие, автор выделяет следующие причины, которые вынуждают говорящего прибегнуть к такой коммуникации: 1) начальники при общении с подчиненными используют намеки, эллипсис или некий код, известный либо неизвестный адресату, для изощренной демонстрации своей власти (Так, Атос в романе А.Дюма "Три мушкетера" приучил своего слугу Гримо исполнять свои требования по легкому движению губ. Если же слуга ошибался, Атос без малейшего гнева колотил его и бывал в такие дни несколько разговорчивее); 2) адресант использует непрямое воздействие, чтобы не быть уличенным в побуждении совершить неблаговидный поступок (например, в романе М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита" прокуратор Понтий Пилат косвенным образом приказывает начальнику тайной стражи Афранию убить Иуду, формально отдавая совсем другой приказ — охранять его); 3) адресант отдает приказ, дающий возможности для двоякого толкования, еще не осознав своего желания (так, в романе Л.Н.Толстого "Война и мир" Наполеон во время встречи с императором Александром отвел назад руку, и свита истолковала этот жест как желание императора наградить орденом русского солдата); 4) адресант руководствуется принципами вежливости (с.132–134).

В.В.Дементьев отмечает, что развитие языка в целом можно понимать как постепенную формализацию коммуникативных смыслов разных типов. Сознательное обращение к свойствам непрямой коммуникации означает, по мнению автора, высокую степень осознаваемости данного явления носителями языка, а противопоставление непрямой коммуникации и непрямой речи раскрывает риторический аспект непрямой коммуникации.

Автор утверждает, что непрямая коммуникация имеет двоякое проявление — в качестве периферийного компонента любого речевого жанра и как центральный момент в жанрах фатического общения. В работе детально анализируются фатические речевые жанры — светская беседа и флирт, а также новый жанр в современных средствах массовой информации — "послания" в газетных

объявлениях. В.В.Дементьев убеждает читателя в том, что именно непрямая коммуникация позволяет людям гибко устанавливать адекватность значения и смысла, т.е. понимать друг друга с той степенью достаточности, которая и требуется в каждом конкретном случае. Развитие языка — это отнюдь не "выпрямление непрямой коммуникации": если научный и деловой дискурсы подтверждают это положение, то художественный и обиходно-бытовой дискурсы иллюстрируют то, что выпрямление есть лишь временный момент в развитии изгиба. Таким образом, гумбольдтовский список языковых антиномий дополняется весьма важной диадой, осмысление которой для современной лингвистики представляется очень своевременным.

Существенной для характеристики языковой личности в поведенческом аспекте является теория речевых актов. Центральным моментом в речевом акте является иллокуция, тип речевого воздействия. Наиболее существенным признаком для выделения того или иного типа речевого действия является интенция говорящего. Практически в любом речевом действии мы сталкиваемся с воздействием, даже если сообщаем о чем-то или выражаем эмоции. Но существует тип речевых актов, для которых воздействие на партнера является ведущей характеристикой. Рассмотрим подробнее директивы как тип речевых актов.

В ряду речевых актов воздействия выделяются категоричные и некатегоричные директивы: приказы, инструкции, запреты, с одной стороны, и просьбы, пожелания, советы и рекомендации, с другой стороны. Мы солидарны с Я.Н.Еремеевым (2001), считающим, что директив представляет собой весьма сложное речевое действие, в основе которого лежит коммуникативное взаимодействие адресанта и адресата, при этом адресант, считая, что требуется совершить некоторое действие (либо не совершать определенного действия), и зная, что адресат имеет представление о том, как осуществляется такое действие, высказывает свою волю, говоря: *"Сделай то-то!"* "Надо заметить, что хотя адресат во всех случаях сам принимает решение о совершении или несовершении действия, адресант может в целях усиления воздействия на адресата использовать различные виды мотивации — угрозу, убеждение, просьбу и пр., которые, по мнению адресанта, могут способствовать росту директивной иллокутивной силы высказывания" (Еремеев, 2000, с.113). Цитируемый автор полагает, что существуют актуальный и виртуальный директивы, т.е. любой директив сводится к некоторой архетипической форме. Имеется в виду, что императив "Сделай Х!" является актуализацией исходной виртуальной формулы "Я считаю, что тебе следует сделать Х, так как…" Соглашаясь с пафосом автора, отстаивающим суверенность адресата, мы считаем, однако, что здесь происходит подмена иллокуции адресанта импликацией адресата: "Я понимаю, что ты хочешь, чтобы я сделал Х". Вопрос же о том, что соответствует глубинной структуре волеизъявления для адресанта, остается спорным. А.Вежбицкая (1999, с.25) полагает, например, что предикат "хотеть" относится к неопределяемым словам — семантическим примитивам.

Классификация директивных речевых действий возможна на следующих основаниях: 1) степень категоричности говорящего, т.е. мера психологического давления отправителя речи на адресата, выражающая волю говорящего; 2) организационная определенность желаемого действия; 3) статусное соотношение участников общения; 4) пропозициональный знак желаемого действия (утверждение либо отрицание, т.е. побуждение либо запрет); 5) первичность либо вторичность директива, т.е. выражение базового недифференцированного побуждения (непосредственный директив) либо осложненного директивного речевого действия (связанный директив);

6) эксплицитность (явное выражение) либо имплицитность (косвенность) директива; 7) внутренний оценочный знак побуждения, которое направлено на благо адресата либо не содержит такой направленности. Разумеется, выделенные признаки не являются исчерпывающими, но они дают возможность построить классификацию директивов с учетом их различных характеристик. Предложенные признаки распадаются на три группы: 1) признаки, свойственные всем речевым действиям (непосредственность / опосредованность и эксплицитность / имплицитность); 2) признаки, свойственные всем директивам (степень категоричности, статусное соотношение коммуникантов, внутренняя оценка пропозиции); 3) признаки, свойственные разновидностям директивных речевых действий (организационная определенность пропозиции, пропозициональный знак).

Категоричные директивы выражают волю говорящего, при этом мнение адресата не принимается во внимание. Фактически эти речевые действия не предполагают ответной речевой реакции со стороны адресата (за исключением сигнала понимания и готовности выполнить действие). Существенными признаками, по которым прямые директивы делятся на разновидности, являются принятие / непринятие говорящим на себя ответственности за последующее действие и продолжение / прекращение действия либо положения дел. Приказ предполагает, что говорящий лично отвечает за последствия его выполнения, а инструкция дает возможность говорящему стать передаточным звеном в цепи речевых действий и переложить ответственность на те установления, которые положены в основу инструкции, инструкция анонимна (сравним *“Я Вам приказываю”* и **”Я Вас инструктирую”*). В официальном общении разграничивается также степень категоричности приказа (собственно приказ и распоряжение). Запрет представляет собой выражение воли говорящего, направленное на прекращение существующего либо предотвращение возможного положения дел. По мнению А.А.Брудного (1998, с.90), выделяются три основные функции коммуникации — активационная, интердиктивная и дестабилизирующая. Не вступая в полемику с автором по поводу правомерности выделения третьей функции в данном смысловом ряду, отметим важность противопоставления активационной и интердиктивной функций, т.е. побуждения и запрета.

Признак организационной определенности пропозиции дает возможность противопоставить два класса побуждений: 1) директивы, регламентирующие структуру действия и его последовательность; 2) директивы, дающие возможность адресату самостоятельно структурировать действие. К первому классу относятся инструкции и рецепты, ко второму — приказы, просьбы, рекомендации, запреты. Парадоксальной характеристикой определенных и неопределенных пропозиций в побуждениях является то, что определенные пропозициональные побуждения не воспринимаются как проявления психологического давления на адресата, хотя фактически они лишают его свободы выбора в осуществлении навязываемого действия. В случае неопределенной пропозиции центр тяжести высказывания переносится на выражение воли говорящего (“Я хочу, чтобы ты сделал то-то”), а не на характеристику способа выполнения действия (“Я хочу, чтобы ты сделал то-то таким-то образом, в такой-то срок, в таких-то обстоятельствах” и т.д.). Вероятно, определенность пропозиции является самодостаточной для участников общения и переводит собственно волевой компонент директива в пресуппозицию.

Все речевые действия делятся на две большие группы по признаку эксплицитности / имплицитности. Строго говоря, любое высказывание, как отмечает Л.С.Выготский, является иносказанием. Но в реальном общении уместно противопоставить те речевые действия, которые выражают интенцию говорящего непосредственно, и те речевые акты, которые облачены в форму

другого речевого действия. Эксплицитные речевые действия можно разбить на две группы: акты обычного общения, когда говорящий прямо выражает свою интенцию, и конвенционально-клишированные речевые поступки, когда можно было бы в соответствии с требованиями вежливости воспользоваться косвенным речевым актом, но этого не происходит (например, приглашение, которое является директивом: *"Обязательно приходите к нам в воскресенье!"* — такое приглашение вовсе не подразумевает психологического нажима на адресата, оно не нарушает этикетных норм, а выступает как особая этикетная форма, подчеркнуто выражающая особую симпатию говорящего к адресату). Имплицитные речевые действия достаточно подробно изучены в лингвистической литературе (например, Петелина, 1985; Леонтьев, 1999). Психологической основой имплицитных речевых действий является нежелание говорящего раскрыть свои интенции. Это нежелание объясняется рядом причин: 1) интенции могут оказаться неприятными для адресата (это обычные случаи манипулятивного воздействия, например, в виде лжи, лести и комплимента); 2) интенции могут осознаваться говорящим как роняющие его внутреннее самоуважение (обычно это намеки вместо просьбы, извинения, приказа); 3) интенции могут противоречить этикетным нормам и принятым в соответствующем обществе правилам речевого поведения (например, подростки часто избегают вежливых речевых действий, считая их неискренними, и в определенных ситуациях вынуждены свое доброе отношение маскировать привычными формами грубоватого поведения, чтобы не выглядеть смешно в глазах сверстников).

Имплицитные речевые акты нельзя смешивать с так называемыми инконсистентными высказываниями, т.е. теми высказываниями, форма и содержание которых не совпадают по эмоциональному знаку (например, шутливая фраза "*Привет, негодник!*" или "*Искренне поздравляю вас*" — произносимое с интонацией безразличия либо неприязни). Инконсистентные высказывания имеют место как в личностно-ориентированном, так и в институциональном дискурсе, в последнем случае происходит чисто формальное выражение норм вежливости в соответствии с этикетными требованиями. Например, юрист, администратор или врач дают советы тому, кто к ним обратился, при этом формально высказывание характеризуется положительным знаком эмоционального отношения к адресату, а содержательно — нулевым ("*У меня сильно болит ухо…*" — "*Вам нужно пройти к отоларингологу, это не к нам*").

Применительно к директивным речевым актам имплицитные действия выражаются в широком диапазоне своих конкретных проявлений, при этом следует отметить, что сам тип речевого действия допускает значительную вариативность выражения, например, оборонительное действие является таковым по своей базовой интенции (говорящий хочет спасти свое лицо), но он может это делать различными способами с различной мерой психологического давления на адресата, в ряде случаев оборонительное речевое действие превращается в вербальную агрессию.

Имплицитные директивные речевые действия соотносятся с двумя классами эксплицитных речевых актов — директивами и недирективами, т.е. косвенное воздействие на адресата осуществляется либо под видом воздействия в иной тональности, либо под видом информирования, обязательства, выражения эмоций и т.д. Наиболее типичным видом такого соотношения (имплицитной диады) является выражение категоричного директива в форме просьбы: "*Пожалуйста, повтори за мной*". Если построить модель соотношения между разновидностями директивных речевых действий в их эксплицитной и

имплицитной формах выражения, то выясняется, что имплицитные диады в ряде случаев бывают обратимыми и необратимыми. Например, рекомендация может быть выражена как просьба, и наоборот. Вместе с тем приказ может быть выражен как просьба, но обратное вряд ли возможно. Соотношение между имплицитными директивами и недирективами также распадается на два типа: 1) имплицитный директив — эксплицитный простой недиректив, например, информатив ("*Недавно появилось в продаже очень хорошее импортное средство…*" — подразумевается: "*Я рекомендую Вам приобрести это средство*"); 2) имплицитный директив — эксплицитный сложный недиректив, включающий эксплицитный и имплицитный недирективы, например: "*Некоторые пациенты, к сожалению, перестают принимать это лекарство, считая, что их самочувствие улучшилось, и тогда наступает резкое ухудшение состояния*". — Подразумевается: "*Вам будет плохо, если Вы перестанете принимать это лекарство*" (скрытая угроза как вид имплицитного комиссива) и "*Я рекомендую Вам продолжать принимать лекарство*" (скрытый выводимый директив).

Важной характеристикой категоричных первичных прямых директивов является их зависимость от пропозиционального содержания того действия, на которое и направлена интенция говорящего (т.е. то, чего хочет достичь говорящий). Например, “*Заверьте отзыв в канцелярии*” может быть распоряжением либо просьбой (в последнем случае необходимы дополнительные показатели вежливости — соответствующая интонация, этикетные слова), “*Возьми пряник к чаю*” — выражением инструктивного желания, “*Не скучай!*” — выражением экспрессивного пожелания.

Существенным признаком директива является статусное соотношение участников общения: вышестоящий отдает приказы, нижестоящий и равный обращаются с просьбой. Просьба со стороны вышестоящего обычно является вежливой формой приказа. Именно поэтому высказывание “*Дай мне дневник*” в устах учителя является приказом, а в устах одноклассника — просьбой.

Некатегоричные директивы являются более сложным образованием по сравнению с категоричными, поскольку говорящий в силу разных причин пытается снизить степень оказания прямого воздействия на адресата. Суть дела от этого не меняется: назначение этих речевых актов — добиться выполнения желаемого положения дел. Некатегоричность — это способ облегчения коммуникации, этикетная характеристика действия, которое должно достичь цели оптимальным способом. При категоричных директивах позиция адресата не принимается во внимание, при некатегоричных — учитывается. Некатегоричные речевые действия реализуют требования коммуникативного постулата вежливости, по Дж. Личу (Leach, 1983).

Некатегоричность и вежливость связаны, но не тождественны. Некатегоричность высказывания обусловлена не только стремлением говорящего снизить степень прямого воздействия на адресата, но и рядом других причин: неуверенностью в истинности сообщаемого, личностными характеристиками говорящего, особенностями коммуникативной ситуации. Заслуживает внимания тезис А.Г.Поспеловой (2001, с.59) о правомерности выделения аллокуции как особой коммуникативной тактики, направленной на усиление или смягчение коммуникативного намерения.

Внутренний оценочный знак директивного речевого действия может быть, как и любой оценочный знак, маркированным (положительным либо отрицательным) или нейтральным. Маркированный положительный знак директива объясняется через выявление мотивации говорящего: “Я хочу, чтобы ты сделал то-то, потому что это будет для тебя благом”. Сюда относятся советы и рекомендации. Маркированный отрицательный знак директива направлен не в сторону

перспективы действия, а ретроспективно и призван прояснить причину такого действия: “Я хочу, чтобы ты сделал это (не делал этого), понимая, что тебе это неприятно, потому что ты сделал нечто плохое”. Сюда относятся комплексные речевые действия (порицания, выговоры, наказания и т.д.), соединяющие в себе выражение эмоций и оказание воздействия на адресата. Маркированный оценочный знак директива выводит адресата на передний план речевого действия, поскольку с позиций здравого смысла любое действие признается нормальным, если оно необходимо или желательно для субъекта действия (утилитарная значимость), а подчеркивание желательности действия не для субъекта, а для другого человека (обычно для адресата) превращает директив в маркированный оценочный речевой акт. Если же направленности действия на благо адресата нет, то мы говорим об оценочно-нейтральном директиве. Оценочно-нейтральные директивы распадаются на два подкласса: 1) эгоцентрические (подразумевающие благо для отправителя речи, например, просьбы) и 2) процедурные (фокусирующие внимание на последовательности действий, а не на участниках коммуникативной ситуации, например, рецепты).

Помимо внутреннего оценочного знака речевые действия могут характеризоваться и внешней оценочной квалификацией. В этом случае происходит перемещение действия на своеобразный метауровень представления: “Я оцениваю положительно (отрицательно) то, что кто-либо побуждает кого-либо совершить (не совершать) то-то”. Такие речевые действия являются по своей природе констатациями с экспрессивным дополнением. Для изучения директивов они интересны в той мере, что показывают социальную значимость определенных косвенных побудительных действий, например, “подстрекать”, “убеждать”, “уговаривать” и т.д.

Директивное речевое действие, как и каждый речевой акт, может быть измерено в функциональном и структурном отношениях. С функциональной точки зрения принципиально важно установить, частью какой более общей коммуникативной стратегии является данное речевое действие, в структурном плане нас интересует линейное строение речевого акта.

Директивы образуют класс весьма разнообразных речевых действий. В самом общем плане директив имеет следующую структуру: 1) установление контакта (фатическая коммуникация); 2) определение статусных взаимоотношений (обычно невербальная операция); 3) объяснение директива; 4) собственно директив; 5) взятие на себя обязательств (комиссив); 6) реакция адресата на директив.

В лингвистической литературе предложена модель речевого акта просьбы. Реализация речевого акта включает несколько коммуникативных ходов, например: 1) начало разговора; 2) обращение; 3) просьба о просьбе ("Нельзя ли обратиться к Вам с просьбой?"); 4) мотивировка просьбы; 5) собственно просьба (Rintell,1981, с.19). Типовые компоненты речевого акта не равноценны: ядро речевого действия составляет собственно просьба, начало разговора и обращение представляют собой фатическую коммуникацию, а просьба о просьбе и мотивировка являются дополнительными компонентами собственно просьбы. Дополнительные компоненты реализуются в условиях, осложняющих общение (различие в статусе коммуникантов, недостаточное знакомство, осложненные личные отношения и т.д.). Обращение с просьбой к людям, старшим по возрасту, обычно включает развернутое обоснование просьбы, уважительную формулу вокатива, уважительную форму начала разговора (обычно в виде извинения) и вежливое оформление просьбы о просьбе ("У меня к Вам есть просьба"; "Можно ли обратиться к Вам с просьбой?"). Обращение старших к младшим характеризуется вежливостью, но в меньшей степени, обращение младших к младшим обычно содержит минимум дополнительных компонентов просьбы. В

ином исследовательском ракурсе речевой акт просьбы разворачивается как трехчастное образование: 1) привлечение внимания; 2) вспомогательные ходы и 3) собственно просьба. Вспомогательные ходы включают поддержание контакта ("*Вы сейчас очень заняты?*"), просьбу о просьбе ("*Не могли бы Вы мне помочь?*"), обоснование просьбы ("*Я пропустил занятия вчера, нельзя ли мне взять у Вас до завтра текст лекции?*"), обещания или угрозы ("*Я завтра же верну разработку*" или "*Иначе мне придется обратиться к другому преподавателю*") (Blum-Kulka et al.,1989, с.17).

Речевой акт извинения интересен тем, пишет И.Гоффман, что человек, совершивший проступок и признающийся в своей вине, как бы играет две роли одновременно: виноватого и осуждающего самого себя. В речевом акте извинения выделяются пять типовых компонентов: 1) выражение огорчения; 2) признание своей вины; 3) самоосуждение; 4) обещание исправиться; 5) предложение компенсировать ущерб (Goffman, 1972, с.144). В иной трактовке компоненты извинения выглядят как 1) собственно извинение; 2) объяснение причины; 3) признание ответственности; 4) предложение компенсировать ущерб; 5) обещание исправиться (Cohen et al.,1986, с.52). Чем больше дистанция между участниками общения, тем более вероятно использование развернутой схемы извинения с приведением причин, признанием ответственности и — в определенных обстоятельствах — обещанием вести себя лучше. Предложение компенсировать ущерб, однако, нейтрализует статусное различие.

Интересен речевой акт совета: тот, кто советует, ситуативно наделен статусом вышестоящего; тот, кому дается совет, находится в затруднительном положении; советующий выражает положительное отношение к тому, кто нуждается в совете (Hudson,1990, с.286). Пересечение названных условий речевого акта совета заставляет говорящего избегать категоричности в суждениях, подчеркивать свою субъективную, личную точку зрения и общаться с партнером как бы на равных, намеренно игнорируя статусное различие. Тот, к кому обращен совет, вынужден примириться с ролью нижестоящего, обязан согласиться с констатирующей частью совета (т.е. признать долю своей вины или неумения справиться с обстоятельствами) и должен прореагировать на рекомендательную часть совета.

Заслуживает внимания речевой акт запрета. В коммуникативной ситуации запрета, т.е. лишения права совершать что-либо, выделяются следующие компоненты: 1) тот, кто налагает запрет, т.е. обладает правом на запрет; 2) тот, кто выражает запрет, т.е. формулирует запрет как перформатив; 3) тот, кому адресован запрет; 4) запретное потенциальное действие; 5) санкция, т.е. наказание за нарушение запрета; 6) реальная причина запрета; 7) называемая причина запрета; 8) сфера запрета (бытовая, юридическая, религиозная, медицинская, педагогическая, спортивная и т.д.); 9) срок действия запрета; 10) место действия запрета; 11) тональность запрета (степень категоричности). В определенных ситуациях некоторые из компонентов не дифференцируются, например, наложение и выражение запрета или реальная и называемая причина запрета. Компоненты моделируемой ситуации не равноценны, наиболее важными из них являются формулировка запрета как перформатива, уточнение запретного действия и определение адресатов: «*Посторонним вход воспрещен!*»

Между участниками данной коммуникативной ситуации по определению существуют отношения статусного неравенства. Запрещающий должен иметь право на запрет. В статусной дихотомии «вышестоящий – нижестоящий» первый участник получает более детальное обозначение. Например, особый вид запрета – вето – имеет право наложить руководитель страны или высший законодательный орган или представитель страны, имеющей право вето в международной организации. Налагать запрет может руководство организации

или сообщество в целом, в таких случаях используются формы страдательного залога: «*Курить в помещении запрещается*». Действенность запрета усиливается объявлением санкции, например, *«За курение в неположенном месте студенты исключаются из университета».* В качестве типичных выразителей запрета выступают родители, учителя, руководители, хозяева, врачи. Иначе говоря, право на запрет подкреплено статусными характеристиками родственного или институционального старшинства, физической и психической силы, собственности, особыми умениями. Если статусные характеристики вышестоящего ставятся под сомнение, то адресат имеет право сказать: *«Кто ты, чтобы запрещать мне это?»* Попытка сформулировать запрет с карнавально переворачиваемыми статусными векторами превращает это коммуникативное действие в абсурд: *«Солдатам во время боя запрещается давать советы командирам»*. В разговоре взрослых с маленькими детьми речевое действие запрета часто акцентирует статус вышестоящего (Мать говорит своему ребенку: «*Мама сказала: не трогай кошку!*»).

Запретное потенциальное действие – это такое действие, осуществление которого может нанести вред сообществу в целом либо его группе, либо отдельному индивиду, в том числе и самому исполнителю этого действия. Наиболее серьезные и категоричные санкции предъявляются к тем нарушителям запретов, которые причиняют вред сообществу в целом. Перечень таких действий обычно фигурирует в диспозициональной части статей уголовного кодекса.

Адресаты запрета обычно уточняются ситуативно: «*Входить в зрительный зал после начала спектакля не разрешается*» — понятно, что этот запрет адресован зрителям; «*Не высовываться!*» (надпись над окнами вагонов электрички) – для пассажиров; «*Под стрелой не стоять!*» – для тех, кто проходит мимо строительного крана. Весьма часто свернутой формой номинации всего коммуникативного действия запрета является выраженная санкция: «*Штраф за безбилетный проезд – 8 рублей*». Информация о том, что пассажирам запрещается ездить без билета, входит в пресуппозицию такой санкции. Сокращенно обозначение запрета может быть сформулировано в виде номинативной фразы: «*Запретная зона*». Подразумевается, что входить на территорию этой зоны запрещено всем, кто не имеет специального разрешения. Более конденсированной формой запрета является обозначение ситуации, включающей сценарные запреты: «*Комендантский час – с 21.00 до 6.00*», это значит, что всем жителям данного населенного пункта запрещено появляться на улице в обозначенное время при объявлении военного или осадного положения, нарушитель этого запрета будет арестован военным патрулем и после допроса помещен в камеру для заключения, попытка спастись бегством может закончиться расстрелом и т.д.

Причины запретов, подобно оценочной мотивировке, не всегда выражены и осознаны участниками общения. Очевидный вред от запретного действия объясняется ситуативно: «*Не курить!*» – надпись на складе легко воспламеняющихся продуктов (или более четкая формулировка причины: *«Огнеопасно»*). В английском языке нюансировка запретов, по данным синонимического словаря, выражена весьма подробно именно с точки зрения объяснения мотивов: глагол *prohibit* (в отличие от *forbid*) подразумевает, что запрет направлен во благо адресату, в то время как *ban* имплицирует отрицательную оценку и осуждение запретного действия (например, запрет использовать непристойные выражения) (WNDS). В медицинском учреждении врач может строго запретить больному употреблять в пищу определенные продукты, религиозные догматы запрещают совершать подобные действия по другим причинам: в первом случае запрет объясняется вероятным ухудшением

здоровья пациента вследствие неправильной диеты, во втором случае запрет касается символических действий, совместное воздержание от которых доказывает групповую идентичность (попытка рационально объяснить такие требования принижает значимость запрета: свинину нельзя есть вовсе не потому, что она быстро портится в тех странах, где действует такой религиозный запрет (хотя это и справедливо), а потому, что все, кто соблюдает этот запрет, образуют целостное сообщество, и доказательства принадлежности к сообществу должны быть очевидными).

Степень категоричности запрета варьирует от предельно жесткого лишения права совершать обозначенное действие до мягкого совета, иногда маскируемого в виде просьбы. Сравним: «*Распивать спиртные напитки в общественном месте запрещается*» и «*Я прошу вас не пользоваться во время экзамена шпаргалками*». Запрет как перформатив включает отрицание перед запретным потенциальным действием: «Я велю тебе / Предписано всем / Традиция требует … ***не*** делать что-либо». Перенос отрицания в позицию модусной части высказывания делает высказывание более мягким (сравним: «Я не думаю, что ты прав – Я думаю, что ты не прав» – второе высказывание более категорично, поскольку здесь акцентируется диктальная, т.е. фактическая информация; не случайно в английском языке предпочтительно отрицание в модусной части таких предложений). Категоричность запрета связана с фазовой характеристикой запретного действия, которое уже происходит: «*Немедленно прекратите восстановительные работы!*». В обыденном общении запрет может переходить в угрозу, мольбу, эмоциональное заклинание: «*Не смей прикасаться ко мне!*». Глаголы действия со встроенным в их семантику отрицанием (например, *прекратить*) в императиве превращаются в запреты. Сравнение запретов с компонентом «не смей(те)» и без этого компонента показывает, что первые сфокусированы на личности говорящего, а вторые — на содержании запретного действия: «*Не смейте отвлекать водителя!*» — «*Не отвлекайте водителя!*». Сравнение запретов с компонентом «Не смей(те)» и без этого компонента дает основание считать, что данный компонент служит интенсификатором запрета. Можно говорить о личных интенсификаторах («*Не смей читать мои письма!*») и об институциональных интенсификаторах запрета («*Посторонним вход в инфекционное отделение строго запрещен*»).

Сферы действия запретов определяют набор их участников, действия и вероятную тональность запрета. Юридические запреты закреплены в законах и поэтому в максимальной степени безличны, именно в этих случаях противопоставляются тот, кто налагает запрет, и тот, кто его осуществляет. Наиболее разработаны в юридическом общении характеристики запретных действий и типы санкций. Причины запретов в юридической сфере очевидны: это вред сообществу в целом и его отдельным представителям. Религиозные нормы придают запретам сакральный характер, точнее – придают запретам выражение божественной воли. В этом случае акцентируется аксиоматичность запрета: задавать вопрос о причине религиозного запрета – значит кощунствовать. Медицинские запреты в большей мере личностны (их формулирует врач), весьма часто они выражены в виде более или менее настоятельных рекомендаций не делать чего-либо. Степень категоричности этих запретов зависит от состояния больного и от степени опасности заболевания для других людей. Педагогические запреты интересны тем, что они большей частью служат способом социализации подрастающих членов общества: нельзя опаздывать на уроки (опоздания осуждаются не только в школе), нельзя приходить с невыполненным домашним заданием (эти задания воспитывают дисциплинированность, обязательность, силу воли), нельзя отвлекаться во время урока (нужно быть внимательным) и т.д.

Эти запреты формируют фундамент моральных норм общества. Спортивные запреты носят условный характер: правила игры диктуют ее участникам, что можно и чего нельзя делать, причем запретные действия и санкции в случае осуществления этих действий регламентируются почти с юридической точностью (прикосновение руки полевого игрока к мячу во время футбольного матча является строгим нарушением игры). Существуют запреты и в научной сфере общения: нельзя заимствовать материал из чужой работы без указания на источник заимствования (плагиат относится к наиболее серьезным нарушениям научной этики), нельзя вести научную дискуссию, не имея необходимых знаний (дилетантство подлежит осуждению), нельзя опираться на недостоверную информацию (наука имеет дело с фактами), нельзя нарушать логику изложения (предметом научного рассуждения является скрытая сущность некоторого явления, и установление истины при нарушении логики весьма затруднительно). Эти запреты редко выражаются вербально, но доказательство как основной способ научного общения неизбежно учитывает их. В политическом и рекламном общении запреты весьма специфичны: они входят в подразумеваемую часть информации (например, авторы рекламных текстов хорошо знают, что за антирекламу их могут привлечь к ответственности, поэтому они избегают указаний на конкретные объекты для сравнения: *«Паста "Мойдодыр" гораздо эффективнее, чем обычное чистящее средство»*). В данном случае статус участников общения требует от отправителей речи учитывать зависимость от своих адресатов. В политических дебатах, впрочем, действуют и универсальные запреты: нельзя оскорблять оппонентов, распространять порочащую их информацию, вести себя непристойно.

Разновидностью запрета является табу. Табу – это запрет, налагаемый на определенное действие, слово, предмет; в первобытной культуре считалось, что нарушение этого запрета вызовет кару со стороны сверхъестественных сил. В современном понимании табуизируемые действия – это запреты имперсонального характера, опирающиеся на нормы здравого смысла в общении. Можно выделить три типа коммуникативных табу: 1) жесткие запреты, касающиеся вульгарного, грубого и непристойного поведения (требование избегать неприличных выражений, намеков, жестов в присутствии незнакомых людей, детей и женщин, в официальных ситуациях; эти выражения касаются сексуальной сферы и сферы физиологии человека), в современных условиях эта разновидность табу нарушается все чаще, но вряд ли можно согласиться с тем, что такое положение дел свидетельствует о демократизации общения и не подлежит противодействию; 2) естественные запреты, касающиеся норм поведения, вытекающих из учета чувств людей: нельзя смеяться на похоронах, произносить проклятья на свадьбе, задавать интимные вопросы незнакомцам, показывать знаки открытого неуважения старшим и т.д.; тот, кто нарушает такие запреты, нарушает тем самым постулат рациональности общения; 3) конвенциональные запреты определенной культуры, связанные с нормами общения в той или иной социальной группе или этнокультурном сообществе в целом (таковы, например, конфиденциальные вопросы о сумме доходов, обращенные к малознакомым людям в Англии и США, если только эти вопросы не задает налоговый инспектор, вопросы, касающиеся здоровья, если их не задает врач, конфессиональной принадлежности, если их не задает тот, кто имеет на это право). К таким знаковым запретам относятся избегаемые обороты речи (носители диалекта, общаясь между собой, избегают литературных словоформ, общеизвестен пример относительно ударения в слове *километр*), избегаемые поведенческие формулы, связанные с опасением уронить лицо (намеренное избегание вежливых этикетных форм подростками в своем кругу), избегаемые

выражения, связанные с нарушением норм политкорректности (стремление не указывать гендерную или расовую принадлежность кого-либо), сюда же относятся и идеологические табу (например, запрет на цитирование или упоминание работ определенного автора).

Важной характеристикой поведения языковой личности являются реализуемые этой личностью коммуникативые стратегии. Стратегии общения представляют собой "цепочку решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств" либо "реализацию набора целей в структуре общения" (Макаров, 1998, с.137). Стратегии общения в самом широком плане определяются, по мнению А.А.Романова (Цит. по: Макаров, 1998, с.138), как "тип или линия поведения одного из коммуникантов в конкретной ситуации общения, которые соотносятся с планом достижения преимущественно глобальных (а иногда и локальных) коммуникативных целей в рамках всего сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа". Иначе говоря, стратегии общения прямо соотносятся с интенциями коммуникантов, если интенции носят глобальный характер, то имеются в виду собственно стратегии дискурса, внутренне присущие ему. Если же речь идет о достижении частных целей в рамках того или иного жанра определенного типа дискурса, то говорят либо о локальных стратегиях, либо о коммуникативных тактиках.

В ином ключе соотношение коммуникативных стратегий и тактик прослеживается в понимании тех лингвистов, которые соотносят стратегии с прагматикой общения, т.е. достижением определенных коммуникативных целей, а тактики — с языковым (или риторическим) наполнением коммуникативных ходов (Гойхман, Надеина, 1997, с.208). Такое понимание различия между стратегиями и тактиками общения представляет собой неявное дополнение к известной дихотомии глубинных и поверхностных структур высказывания, по Н.Хомскому.

М.Л.Макаров (1998, с.138) убедительно доказывает, что в современной прагмалингвистике понятие коммуникативных стратегий обнаруживает весьма широкую вариативность в работах различных ученых: говорят о стратегиях связности текста, пропозициональных, продукционных стратегиях, а вместе с тем и о сценарных, стилистических стратегиях. Сюда же относятся эмотивные стратегии в поэтическом тексте и аргументирующие – в научном.

Заслуживает внимания монографическое исследование О.С.Иссерс (1999), специально посвященное коммуникативным стратегиям и тактикам русской речи. В самом общем плане автор определяет стратегию как комплекс речевых действий, направленных на достижение определенной цели. Отмечается, что стратегии как разновидность человеческой деятельности имеют глубинную связь с мотивами, управляющими речевым поведением личности, и явную, наблюдаемую связь с потребностями и желаниями (Иссерс, 1999, с.57). К числу наиболее существенных мотивов человеческого поведения автор относит желание быть эффективным (т.е. реализовать интенцию) и необходимость приспособиться к ситуации. Эти мотивы являются первичными, но не единственными в общении. К числу вторичных целей общения, по мнению Дж.Дилларда и его соавторов (цит. по: Иссерс, 1999, с.58–59), относятся цели, связанные с самовыражением (identity goals), с эффективным взаимодействием коммуникантов (interaction goals), со стремлением говорящего сохранить и приумножить значимые для него ценности (resource goals), с желанием говорящего избежать отрицательных эмоций (arousal management goals). Первичные цели общения лежат в основе коммуникативного процесса, вторичные определяют выбор речевого материала и тип речевого поведения. Важно отметить то обстоятельство, что коммуникативные стратегии говорящего и слушающего могут совпадать и различаться, при этом участники общения

неизбежно меняются своими коммуникативными ролями в диалоге, поэтому более точным было бы обозначение участников общения как коммуникативных партнеров, если мы не сталкиваемся с намеренным или помимовольным нарушением принципа кооперации в общении.

О.С.Иссерс строит типологию коммуникативных стратегий, базирующуюся на наиболее значимой для говорящего иерархии мотивов и целей и включающую также вспомогательные стратегии, способствующие эффективному ведению диалога. Основной стратегией признается семантическая (когнитивная), например, дискредитация третьего лица или подчинение партнера, вспомогательными — прагматическая (построение имиджа, формирование эмоционального настроя), диалоговая (контроль над темой, контроль над инициативой), риторическая (привлечение внимания, драматизация) (Иссерс, 1999, с.108).

Рассматриваемая типология представляется весьма обоснованной, вместе с тем, на наш взгляд, типология стратегий того или иного типа институционального дискурса либо его жанра должна включать соответствующие социальному институту мотивы и цели. В таком случае анализ стратегий дискурса становится не только прагмалингвистическим, но и социолингвистическим. Понятия "мотив" и "цель" детально разработаны в психологии и в полной мере применимы к анализу личностно-ориентированного дискурса. Цели в реальном общении формулируются и осознаются достаточно редко, это происходит только в случае подготовленной речи, а такая речь не совсем отвечает требованиям естественного диалога. Не случайно Х.Г.Гадамер говорил, что планируемый диалог есть фикция, мы вступаем в реальный диалог, имея лишь общее смутное представление о его возможном развитии.

Поведенческие характеристики языковой личности прослеживаются в тех пресуппозициях, которые лежат в основе порождаемых и интерпретируемых смыслов.

Сопоставление оценочных кодексов различных культур дает основание выделить ценностные приоритеты, выступающие в качестве оценочных пресуппозиций значения слова и высказывания. Оригинальная работа выполнена на стыке антропологии, социологии и лингвистики (Hsu, 1969). Автор книги, китаец, долгое время живущий в США, строит систему постулатов и следствий применительно к поведенческим нормам в Китае и США. В качестве исследовательского корпуса взяты данные полевых наблюдений, юридические кодексы, философские, религиозные, этические труды, художественные произведения (романы), публицистика, пословицы и сентенции, а также отчеты о преступлениях и нарушениях общественного порядка. Сопоставлению подверглись различные поведенческие сферы (отношения родства, взаимоотношения детей и взрослых, состязательность, отношение к власти, к религии, к идеалам и т.д.). Исходным моментом сопоставления было взяты отношения в семье, а именно — два типа родственных приоритетов: 1) муж — жена; 2) отец — сын. Первый тип отношений характеризует американскую ценностную систему, второй — китайскую. Приведем некоторые постулаты и следствия, иллюстрирующие различие в ценностных пресуппозициях:

Аспекты сопоставления	**Тип цивилизации**	
	Китай	**США**
Важнейший долг	Ответственность по отношению к	Забота о себе, своей жене и маленьких

индивида	родителям	детях
Отношение к старшим	Сыновняя почтительность	Независимость
Отношение к возрасту	Родители всегда правы; преступление против старика является большим злодеянием, чем преступление против ребенка	Хорошо быть молодым; следует с большим вниманием относиться к детям, чем к старикам; преступление против детей является наибольшим злодеянием
Отношение к браку	Способ продления рода	Выбор супруга по любви
Отношение к власти	Руководители должны защищать интересы подчиненных; подчиненные должны уважать руководителей	Правительство — для людей, а не люди — для правительства; руководителей следует держать под контролем
Отношение к неравенству между людьми	Неравенство неизбежно; всем помочь невозможно; бороться с вышестоящими бессмысленно и смешно	Все люди равны; различия между людьми устранимы благодаря образованию; успех зависит от инициативы
Характеристика счастья	Праведность и совершенство, душевный покой и гармония	Комфорт и удовольствия, здоровье и привлекательность

Приведенные ценностные постулаты лежат в основе поведенческих стереотипов и отражаются в реакциях людей в типовых ситуациях общения. Так, демонстрация нежной привязанности взрослых детей к престарелым родителям вызывает недоумение и насмешку у американцев, но считается достойным поведением у китайцев, вместе с тем проявление любви и симпатии к супругам расценивается в Китае как неподобающее, нескромное поведение (требуется прежде всего соблюдать приличия), в то время как в Западной Европе и в США люди не стесняются демонстрировать свою любовь в присутствии посторонних. Отметим, что речь идет о стереотипах поведения, допускающих индивидуальное отклонение, с одной стороны, и сформулированные выше постулаты значимы только в сопоставлении различных культур, с другой стороны.

Данные экспериментальных социолингвистических исследований подтверждают правомерность выделенных постулатов поведения. Так, японским и английским информантам было предложено завершить неоконченные высказывания. Приводятся характерные ответы: *“Если мои желания противоречат интересам семьи...”* — (японцы) *“...наступает время большого несчастья”*, (англичане) *“...я делаю, что хочу”; “Подлинные друзья должны...”* —

(японцы) *"...помогать друг другу",* (англичане) *"...быть очень искренними"* (Эрвин-Трипп, 1975, с.353).

Межкультурное изучение стереотипов поведения на основании ответов русских и азербайджанских студенток позволяет выявить существенный параметр моральных норм, лежащих в основе поведения: "... при общей сходной картине "что такое хорошо" и "что такое плохо" для азербайджанских и русских девушек первые делают больший акцент в осуждении нарушений правил поведения в интимно-личностной сфере, в то время как вторые — на осуждение социально неприемлемых форм поведения" (Петренко, Алиева, 1988, с.34). Например, такой поступок, как "сделать мужу замечание в присутствии его друзей" не является весьма значимым для русской выборки и очень значим для азербайджанской выборки, в то время как обратная картина наблюдается в оценке поступка "вскрыть и прочесть письмо, пришедшее мужу от незнакомой женщины".

Оценочные пресуппозиции образуются в коллективном сознании речевого коллектива на основании стереотипных ситуаций, включающих некоторое развитие событий, желательных или нежелательных для участников общения. К числу таких ситуаций относятся ситуации статусного неравенства, т.е. моменты общения вышестоящего с нижестоящим. Такие статусно-оценочные ситуации неоднородны и включают похвалу, просьбу, комплимент, критику, оскорбление и т.п. В данной работе речь идет не о констатируемом статусном неравенстве, например, общение старших и младших, начальников и подчиненных, а об особых типах неравенства, возникающего в том случае, когда говорящий присваивает себе право быть вышестоящим.

Приведем примеры критических высказываний в форме сентенций: (1) *You can not make a man by standing a sheep on its hind legs. But by standing a flock of sheep in that position you can make a crowd of men* (M.Beerbohm); (2) *Gratitude looks to the past and love to the present; fear, avarice, lust and ambition look ahead* (C.S.Lewis); (3) *Whom the gods wish to destroy they first call promising* (G.Connoly); (4) *Martyrdom... is the only way in which a man can become famous without ability* (G.B.Shaw); (5) *The liberals can understand everything but people who don't understand them* (L.Bruce).

Все приведенные высказывания затрагивают человеческие качества, достойные порицания. Вынося оценку, автор присваивает себе статус вышестоящего по отношению к объекту оценки. Толпа людей подобна овцам, стоящим на задних ногах. Человек остается человеком до тех пор, пока он — вне толпы. Следовательно, мера индивидуализма есть мера человечности. В приведенной сентенции М.Биэрбома (1) прослеживается презрение к воле большинства, т.е. автор ставит под сомнение фундаментальный оценочный постулат демократического общественного устройства. Благодарность обращена к прошлому, любовь — к настоящему, страх, скупость, похоть и честолюбие — к будущему. Следовательно, в основе прогресса лежат человеческие качества, достойные осуждения. По мнению С.Льюиса (2), общественный прогресс не является бесспорным благом вследствие порочной природы человека. Если боги хотят уничтожить кого-либо, они называют его подающим надежды, замечает С.Конноли (3). Приведенная сентенция перекликается с латинским изречением "*Если боги хотят кого-либо уничтожить, они лишают его разума*", с одной стороны, и с известной в англоязычном мире сентенцией У.Блейка *"От дьявола и от царей земных мы получаем знатность и богатство..."* (пер. С.Маршака), с другой стороны. Следовательно, стремление к успеху в обществе ведет человека к моральной гибели. Общественное признание, по мнению автора сентенции, не является благом. В афоризме Б.Шоу (4) мученичество определяется как единственный способ прославиться, не имея способностей. Здесь, на наш взгляд,

критически оценивается как общественное мнение, симпатизирующее мученику, так и лишенный способностей человек, стремящийся к известности. Следовательно, общественное мнение не заслуживает того, чтобы с ним считались способные, выделяющиеся из толпы люди. Либералы могут понять все, кроме людей, не понимающих их. В этом высказывании Л.Брюса (5) критически оценивается догматизм людей, претендующих на обладание истиной. Людям свойственно изображать себя в выгодном свете. Следовательно, мнение людей о себе часто является завышенным и заслуживает скептического отношения. Самооценка людей не соответствует действительности.

Приведенные сентенции построены на парадоксах, на противоречии некоторым фундаментальным оценочным нормам англоязычного общества ("демократия и прогресс — благо; следует стремиться к успеху в обществе; следует прислушиваться к общественному мнению; люди могут понять друг друга" и т.п.).

Оценочные нормы подвергаются переоценке не только в сентенциях, но и в измененных пословицах и в комментариях к пословицам. Примером измененной пословицы может быть речение *Early to rise and early to bed makes men healthy, wealthy and dead* (в оригинале — *...healthy, wealthy and wise*). На наш взгляд, изменение пословицы связано не с ее семантикой, а с прагматикой данного универсального высказывания. Исходная пословица дидактична, говорящий, приводя ее, становится в позицию поучающего на основе народной мудрости. Такая позиция вышестоящего вызывает протест, результатом которого являются пародируемые пословицы или псевдопословицы типа "*Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет*".

Комментарии к пословицам и сентенциям включают продолжения, стилистически однородные с текстом пословицы, но абсолютно меняющие прагматику универсального высказывания, нейтрализующие и высмеивающие дидактическую направленность. Например: "*Век живи — век учись, + и дураком помрешь*", "*Повторенье — мать ученья + и утешенье дураков*", "*Лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть + лучше умереть, чем лежать*", "*Старый конь борозды не испортит, + но глубоко не вспашет*", "*Человеку свойственно ошибаться, + но дуракам свойственно упорствовать в ошибках*". Такие продолжения анонимны, и в этом смысле становятся фольклором. Они появляются вследствие статусного несоответствия действительной роли говорящего и той роли, которую говорящий себе присваивает. Такие речения по своей сути диалогичны, и, вероятно, продолжения первоначально были ответными репликами поучаемого.

Универсальные высказывания можно разделять на два класса единиц. С одной стороны, выделяются выражения, которые уместны в устах людей, обличающих лень, глупость, бесхарактерность, отступления от норм приличного поведения. Например: *Business before pleasure; By doing nothing we learn to do ill; Familiarity breeds contempt; Where there is a will there is a way*. С другой стороны, выделяются речения, которыми пользуются главным образом для оправдания: *No man is wise at all times; Muck and money go together; Luck goes in cycles; Live and let live*. Речения первого типа основаны на моральных нормах, лежащих в основе поведения людей и составляющих оценочные пресуппозиции. Речения второго типа, уступающие количественно первым, по нашим данным, приблизительно в восемь раз, построены на уступительной конструкции: нужно работать, но нужно и отдохнуть; нужно прилагать усилия, но не все зависит от человека; невозможно все рассчитать. Условно можно обозначить выделенные два класса пословиц как менторские и апологетические высказывания. Менторские высказывания являются статусно-маркированными. Продолжения пословиц строятся по

принципу контраста: апологетическое — к менторскому и менторское — к апологетическому.

Статусно-маркированные высказывания являются неотъемлемой характеристикой речевого поведения индивидуума, при этом можно противопоставить индивидуумов, стремящихся подчеркнуть либо затушевать статусное различие в общении. Подчеркивание статусного различия обусловлено различными причинами: это и стремление дистанцироваться от собеседника по соображениям вежливости либо под влиянием определенного эмоционального состояния, либо с учетом конкретных обстоятельств общения. Вежливое поведение обычно ассоциируется с нежеланием коммуникантов нанести какой-либо ущерб саморепрезентации друг друга, т.е. со стремлением помочь партнеру по общению «не уронить лицо». Вслед за П.Браун и С.Левинсоном (Brown, Levinson, 1987) в прагмалингвистике разграничиваются две основные разновидности вежливости как стратегии поведения – позитивная и негативная вежливость. В первом случае инициатор общения исходит из того, что его партнер – это его близкий друг, поэтому отношения строятся на откровенности, демонстрации готовности помочь и воспользоваться помощью, во втором случае – инициатор общения старательно избегает любого вторжения на территорию партера по общению, стремится не допустить ограничения свободы действий собеседника и не связывать его никакими обязательствами. Вежливость позитивная свойственна людям, привыкшим вести общение на сокращенной дистанции, вежливость негативная характерна для тех, кто сориентирован прежде всего на общение с малознакомыми людьми. В социолингвистическом плане позитивная вежливость характеризует людей, поведение которых соответствует нормам общения молодежи и малообразованного слоя населения, игнорирующего статусные различия между людьми. Негативная вежливость – это поведение в соответствии с нормами общения представителей среднего класса независимо от возрастных отличий.

Известный английский лингвист Дж. Лич выделяет четыре типа иллокутивных функций высказывания на основании того, как соотносятся социальные предписания поведения и индивидуальные интенции говорящего в том или ином речевом действии: 1) конкурирующие (competitive) — приказы, требования, просьбы; 2) совпадающие (convivial) — предложения, приглашения, приветствия, благодарности, поздравления); 3) индифферентные (collaborative) – утверждения, объявления, сообщения, инструктирование; 4) конфликтующие (conflictive) – угрозы, обвинения, оскорбления, выговоры (Leech, 1983, p.104).

Социальные предписания поведения требуют того, чтобы общение было приятным для его участников, индивидуальные интенции могут образовывать противоречие у говорящего между желанием достичь определенной цели и сохранением взаимной доброжелательности между коммуникантами. Схема Дж. Лича фактически представляет собой обоснование двух основных принципов поведения – солидарности и такта, объясняющих сущность позитивной и негативной вежливости. Так, директивные речевые действия (например, требования) содержат противоречие между желанием говорящего достичь своей цели и сохранением добрых отношений между коммуникантами. В этом случае оптимальным способом для достижения поставленной цели является определенный набор поведенческих ходов, построенных по правилам негативной вежливости (даже если интенция говорящего не будет реализована и требование не будет выполнено, то вежливый отказ сохраняет добрые отношения или их видимость между участниками общения, т.е. социальные предписания выполняются). Конкурирующие иллокутивные функции иллюстрируют принцип такта. Совпадающие иллокутивные функции не содержат противоречия между

социальным предписанием и интенцией говорящего и иллюстрируют принцип солидарности. Индифферентные иллокутивные функции не связаны с угрозой для адресата потерять лицо и возможностью для говорящего испортить отношения с собеседником, поэтому вежливость как средство оптимизации общения в данном случае оказывается невостребованной. В случае открытого конфликта говорящий сознательно игнорирует социальные предписания и может смягчить ситуацию, по мнению Дж. Лича, лишь при помощи иронии.

Принципы солидарности и такта в общении, действительно, являются ведущими, если мы будем рассматривать интенции коммуникантов с позиций исходной доброжелательности, кооперативности, позитивного отношения к собеседнику, самому себе и к миру. Представляется, однако, что в своих контактах с миром человек не всегда заранее настроен доброжелательно и кооперативно по отношению к действительности. Весьма типичны случаи, когда эта действительность представляет угрозу для человека. Доброжелательное отношение к миру – это важнейший, но не единственный аспект общения, и соответственно, наряду с принципами солидарности и такта можно было бы установить принципы разведки и самозащиты в общении. Следует отметить, что открытая демонстрация разведки и самозащиты социально не поощряется, и в этом смысле для исследователя оказываются доступными, в первую очередь, проявления доброжелательного отношения к собеседнику, как искреннего, так и имитируемого.

Как позитивные, так и негативные и нейтральные установки в общении реализуются прежде всего невербально – это соблюдение дистанции, мимика, типы значимого молчания. Говоря о стратегиях разведки, выражаемых вербально, нужно отметить фатическое общение. Установление и поддержание контакта всегда сопряжено с фатическими формулами. Можно выделить несколько типичных способов поведения, раскрывающих ориентировочную (разведывательную) функцию в общении, в зависимости от того, с кем осуществляется контакт: с хорошо знакомым, малознакомым или незнакомым человеком. Суть такого поведения состоит в определении возможных намерений и эмоционального состояния собеседника. От близких людей не ждут враждебных действий, но от незнакомца можно ожидать их, и в определенных культурах принято при встрече с незнакомцем открыто демонстрировать готовность к обороне. Это выражается интонационно, например, в вопросе «*Кто там?*», когда мы подходим к двери, и невозможно определить, кто к нам пришел (обычно в поздний час). В прямом выражении защитная стратегия осуществляется в вопросе военного патруля: «*Стой! Кто идет?*», и типичный ответ на этот вопрос: «*Свои*». Приведем пример из повести Ф.Искандера «Созвездие козлотура»:

Эгей, хозяин! – крикнул мой спутник и стал закуривать.

Дверь в доме отворилась, и мы услышали:

Кто там?

Голос был мужественный и резкий: так у нас по ночам отвечают на незнакомый крик, чтобы показать готовность к любой встрече (Ф.Искандер).

По-видимому, фатические формулы в общении исторически обусловлены необходимостью двух сторон продемонстрировать свои искренние либо имитируемые добрые намерения друг другу.

Рассматривая языковую личность в поведенческом аспекте, нельзя оставить в стороне проблему типов общения. В этой связи заслуживает внимания фундаментальное исследование Л.П.Семененко (1996), посвященное монологу как типу общения. Отождествив диалогичность и адресованность, лингвисты оказались в сложном положении. С одной стороны, авторитет М.М.Бахтина и

глубокая аргументированность позиций этого великого ученого убедили филологов в диалогичности общения, в диалоге как прототипной форме общения. С другой стороны, в работах исследователей фигурируют как однородные образования такие понятия, как “диалог”, “монолог”, “полилог” и даже “плеолог”, т.е. речь, адресованная более чем одной аудитории — из плеолога выросла литература, как пишет О.Розеншток-Хюсси (1994). Взяв на себя задачу осмыслить специфику монолога как типа общения, Л.П.Семененко выполнил комплексное исследование языковой деятельности. Автору удалось доказать, что монолог является особым типом общения, а не редуцированной формой диалога, установить и охарактеризовать параметры монологического общения, определить принцип монологической кооперации и обосновать постулаты монологического общения, предложить новую формальную модель описания общения. Автор отстаивает бицентричную концепцию языковой деятельности, принимая в качестве основного отличия монолога от диалога признак коммуникативного равенства / неравенства участников общения. При этом участники общения трактуются достаточно широко, исследователь рассматривает в качестве таковых, в частности, носителя языка и язык как своеобразный монологический текст. Тем самым дается новое оригинальное освещение весьма сложной проблемы языковой относительности. Монологичность языка как коллективного текста объясняет те трудности, которые испытывает каждый пишущий, стремясь выразить индивидуальный смысл, особенно в таких видах дискурса, как философский, религиозный и художественный.

Развивая прагмалингвистическую концепцию коммуникативного акта, Л.П.Семененко определяет монологические характеристики компонентов этого акта. Так, применительно к коммуникантам существенным оказывается признак коммуникативного амплуа участников общения: выделяются субъект диалогического взаимодействия, субъект и объект монологического воздействия. Рассматривая коммуникативный текст, автор разграничивает реплики диалога и реакции монолога. Заслуживают внимания и размышления автора о различии между диалогическим “активно ответным” пониманием и монологическим “благоговейным приятием”. Представляется весьма перспективным для социо- и прагмалингвистических исследований обоснованное в работе понятие механизмов социальной адаптации как компонентов коммуникативной системы. В книге предлагается и обосновывается понятие коммуникативного дискомфорта. Автор доказывает, что дискомфорт в общении не всегда связан с коммуникативной неудачей. Анализируются коммуникативные стратегии в ситуации дискомфорта — попытки исправить ситуацию, приспособиться к ней либо прекратить свое участие в таком общении.

Как известно, центральную часть прагмалингвистики составляют теории принципов общения и речевых актов. Л.П.Семененко проводит детальный анализ этих теорий с позиций монологического общения и предлагает новое понимание принципа кооперации: на каждой стадии общения коммуникативный вклад участника общения должен соответствовать принятым целям общения и его общему направлению. В таком прочтении принцип кооперации, по П.Грайсу, выступает в качестве частного диалогического принципа, наряду с которым постулируется частный монологический принцип кооперации: один из участников общения полностью владеет коммуникативной инициативой, другой участник общения коммуникативно несвободен, и его поведение полностью зависит от коммуникативной инициативы партнера. Соглашаясь по многим позициям с автором, я бы все же не стал смешивать ситуативное неравенство с монологичностью. Как быть в таком случае с просьбой или извинением? Ведь в случае просьбы участники общения ситуативно не являются равными, при этом

коммуникативная инициатива — у просящего, вместе с тем перед нами — не монолог, поскольку адресат дает не реакцию благоговейного приятия, а реальную реплику. Думается, что более точным обозначением того, о чем идет речь, было бы понятие не коммуникативной инициативы, а коммуникативного контроля. Здесь же замечу, что высокая степень коммуникативного контроля (в частности, чтение речи по бумажке) может быть обусловлена не только стремлением элиминировать незапланированные сообщения, но и этикетными моментами: вспомним, что президент де Голль во время официальных церемоний дипломатического характера доставал из кармана чистый листок бумаги и якобы читал подготовленный текст, поскольку импровизация могла бы быть воспринята как знак недостаточного уважения к официальной ситуации. Вместе с тем я полностью разделяю мнение Л.П.Семененко о высокой степени конвенциональности монологического общения. Это, действительно, общение масок, а не людей, если принять в качестве прототипных видов такого общения политический и религиозный дискурс.

В книге подробно характеризуются иллокутивные типы монологических высказываний. Опираясь на типологию речевых актов Дж.Серля, автор подвергает ревизии эти речевые действия и делает обоснованный вывод, что только декларации и жесткие директивы в какой-то мере подготовлены к использованию в монологе. Нельзя не согласиться с тезисом о том, что монологические иллокуции репрессивны, они подавляют коммуникативную инициативу адресата. Правда, положение несколько изменится, если мы допустим, что объект монологического воздействия в своей реакции “благоговейного приятия” может быть ироничен. Иначе говоря, косвенные речевые акты (иллокутивные метафоры) могут в известной мере модифицировать тональность общения. Но здесь я должен согласиться с Л.П.Семененко, доказывающим, что монологический субъект стремится получить полный контроль над объектом и, будучи в реальном воплощении авторитарной личностью либо организацией, не допустит понижения своего статуса вследствие иронии со стороны объекта. Объект может спасти свое лицо, пользуясь либо очень тонкой иронией, либо другими стратегиями вуалирования (в терминологии П.Браун и С.Левинсона).

Прагмалингвистические характеристики общения нельзя осветить, не обратившись к рассмотрению манипуляций, поскольку этот вид воздействия представляет собой «двойную игру», два сценария поведения, которые различаются по основной интенции отправителя речи: на поверхностном уровне манипулирующий пытается убедить манипулируемого в своем добром отношении к нему, в то время как на самом деле манипулирующий преследует свои сугубо корыстные цели, раскрытие которых поставило бы его перед адресатом в невыгодном свете. Не всякая двойная игра есть манипуляция. Можно выделить два типа расхождений между внешним и внутренним отношением отправителя речи к адресату: 1) внешнее положительное и внутреннее отрицательное – различные виды манипуляций, обман, лесть, подхалимаж, ирония; 2) внешнее отрицательное и внутреннее положительное – игра, шутки, вынужденная демонстрация отрицательного отношения в силу корпоративной дисциплины или других обстоятельств. Манипуляции уделяется значительно больше внимания в лингвистических и психологических исследованиях, поскольку ее результаты, к сожалению, более значимы для общения, чем последствия розыгрышей.

Манипуляции — различного рода уловки в дискурсе, имеющие целью обманным путем убедить адресата встать на позиции отправителя речи несмотря на несостоятельность фактического и/или логического обоснования вопроса.

Манипуляция является одним из способов намеренного воздействия на адресата и противопоставляется воздействию посредством аргументации, посредством авторитета и посредством физической и психической силы (Kramarae et al., 1984, p.110). Специфика манипуляции состоит в том, что этот прием воздействия относится к средствам принципиально косвенного общения: если говорящий скажет, что его сообщение имеет манипулятивную цель, то произойдет "иллокутивное самоубийство", коммуникация примет несерьезный характер. Субститутивный характер манипуляции является ее неотъемлемой характеристикой и позволяет установить три основных ее вида: псевдоаргументацию, имитацию авторитетности и имитацию силы.

В научной литературе псевдоаргументация является наиболее изученной с психологической точки зрения (Карнеги, 1989; Доценко, 1997; Панкратов, 2000). Логики интересуются ошибками в аргументации (как намеренными, так и ненамеренными), сюда относятся известные апории и софизмы (например: "Лжет ли человек, который говорит, что он лжет?"), нарушения в построении умозаключений (ложное основание, предвосхищение основания, порочный круг в доказательстве, подмена тезиса, чрезмерное доказательство, несоответствие аргументов тезису, аргументация к человеку вместо обоснования тезиса, аргументация к публике, поспешное обобщение, смешение причинной связи с простой последовательностью во времени, учетверение терминов и др.) (Кондаков, 1976; Еемерен, Гроотендорст, 1992; Walton, 1998). В лингвистическом плане предложена семиотическая классификация псевдоаргументов (собственно языковые, логико-синтаксические, референциальные и дискурсивные несоответствия) (Сентенберг, Карасик, 1993).

В учебниках по риторике приводятся весьма разнородные ошибки в суждениях, используемые с манипулятивной целью. Например, в едином списке фигурируют бездоказательные утверждения (*"Негры гиперсексуальны, а учиться неспособны"*), неприемлемые для слушателей утверждения (*"Нашим важнейшим приоритетом является поддержка малого и среднего бизнеса"*, если этот тезис обращен к аудитории пенсионеров), предвосхищение основания (*"Должны ли мы держаться за полный опасностей индустриальный строй или вернуться к здоровому и прочному сельскохозяйственному обществу?"* — перевод в аксиому того, что еще нуждается в доказательстве), двусмысленные и неопределенные термины (*"Спорт необходим для здоровья".* — При всех условиях? Каждому человеку?), поспешное обобщение (*"Бизнесмен NN зарабатывает большие деньги, имея всего лишь неполное среднее образование".* — "Для того, чтобы успешно вести бизнес, образование не требуется"; из единичного случая или группы случаев делается вывод всеобщего плана), иррациональные доводы (обращение к предрассудкам, традициям и т.д.) (Сопер, 1999, с.252–259).

В.Н.Панкратов выделяет три типа уловок-манипуляций: организационно-процедурные, психологические и логические. К первым относятся, в частности, "Предоставление материалов лишь накануне", "Недопущение повторного обсуждения", "Выборочная лояльность в соблюдении регламента", "Приостановка обсуждения на желаемом варианте", ко вторым — "Раздражение оппонента", "Использование непонятных слов и терминов", "Ошарашивание темпом обсуждения", "Перевод спора в сферу домыслов", "Чтение мыслей на подозрение", "Суждение типа "Это банально!", "Демонстрация обиды", "Мнимая невнимательность", "Навешивание ярлыков", к третьим — "Неопределенность тезиса", "Порочный круг в доказательстве", "Неполное опровержение", "Неправомерные аналогии" и др. (Панкратов, 2000, с.14–29).

В.П.Шейнов выделяет "позволительные" и "непозволительные" уловки, к первым относятся оттягивание возражения в устном споре, "напирание" (т.е.

последовательная методичная разработка слабого аргумента противника), приведение аргументов вразброс, противоречащая мысль (подмена тезиса на противоположный), ко вторым — срыв общения, довод к силе, "чтение в сердце", инсинуации (дискредитация оппонента). Отдельным пунктом перечисляются психологические уловки (степень их позволительности не комментируется): "Выведение из равновесия" (перепутать имя, выразительно повторить оговорку или речевой дефект оппонента, допустить пренебрежительное высказывание, сделать пренебрежительный жест, обыграть фамилию, возраст, внешность или другое неотъемлемое качество оппонента), "Пакостный метод" (например, конфиденциальное неприятное сообщение оппоненту перед началом спора или прямое оскорбление), "Отвлекающий маневр" (сообщение важной информации на фоне малозначимого, но ярко и эффектно поданного тезиса), "Внушение" (убежденный тон, уверенная манера речи и выражения лица), "Вдалбливание" (многократное повторение), "Аргументы к невежеству, состраданию, выгоде" и др. (Шейнов, 2000, с.361–388).

Приведенные способы манипуляции свидетельствуют о том, что уловки в дискурсе представляют собой совокупность разнородных приемов социально осуждаемого воздействия на адресата. Принципиально важным является вопрос о разграничении двух типов адресатов в манипулятивном дискурсе: адресата-оппонента и адресата-публики. В определенных ситуациях эти два типа адресатов могут нейтрализоваться. Например, если речь идет о торговле и продавец пытается убедить покупателя сделать покупку, мы сталкиваемся с рекламным дискурсом, в котором адресат соединяет в себе качества оппонента и публики, при этом оппонент должен превратиться в пропонента и сделать определенное действие — купить товар.

Существуют определенные типы дискурса, для которых манипуляции типичны в большей мере, чем для других типов дискурса. В политическом и рекламном общении манипуляция играет весьма существенную роль, и граждане воспринимают информацию в этих сферах коммуникации с большей степенью критичности. Представляет интерес разграничение видов манипулирования в политическом дискурсе в зависимости от характера информационных преобразований: референциальное манипулирование (фактологическое и фокусировочное) и аргументативное манипулирование (нарушение логики развития текста, уклонение от обязанности доказывания, маскировка логических ходов) (Шейгал, 2000, с.190–191).

В политическом дискурсе происходит противопоставление оппонента и публики, задача манипулятора состоит в том, чтобы одержать верх над оппонентом и завоевать симпатию публики. Как показывают исследования, аргументация в политическом дискурсе в значительной мере является манипулятивной и иррациональной (Кочкин, 2000). Исследования Р.Водак показывают, что адресаты с высоким образовательным статусом хотят и могут понимать юридические тексты и тексты радионовостей, переформулирование этих текстов с элементами упрощения ведет к их более полному пониманию для данной группы респондентов, в то время как недостаточно образованные адресаты воспринимают тексты небытового характера с малой степенью понимания, при этом переформулирование таких текстов практически не меняет степень понимания со стороны соответствующих адресатов (Водак, 1997, с.66–71).

Современные демократические институты выборной власти сориентированы на усредненного избирателя, который, как и положено наиболее слабому звену в цепи, характеризуется недостаточно высоким уровнем образования, отсутствием интереса к политической жизни и неумением воспринимать отвлеченную

информацию. Таким образом, воздействие в различных видах институционального дискурса (включая манипулятивное воздействие) характеризуется различной степенью соотношения рациональной и иррациональной аргументации и различной степенью учета подготовленной и неподготовленной к воздействию публики.

В публикациях, посвященных ошибкам и манипуляциям в дискурсе, происходят переакцентировка и замещение предмета исследования: авторы обращают внимание на логические несоответствия в аргументации, в то время как многие адресаты, являющиеся потенциальными избирателями и покупателями, воспринимают текст обращенных к ним речей сугубо с позиций внешней оценки речевого поведения агента соответствующего дискурса: открытая улыбка, простительные человеческие слабости, естественная реакция человека могут вызвать симпатию публики, которая рассматривает состязательные выступления политиков в качестве театральных представлений и оценивает их по степени успешности зрелищного эффекта.

В политических интервью, как пишет А.-Х.Юкер, нормой стала агрессивность интервьюера, стратегии которого включают предложение адресату: 1) сделать что-либо; 2) определить свое отношение к чему-либо; 3) подтвердить свое мнение о чем-либо при том, что в данной аудитории такой образ мыслей будет осужден; 4) осознать расхождение между мнением, высказанным интервьюируемым, и его действиями; 5) между высказанным мнением и реальным положением дел; 6) признать тот факт, что основание для совершения действия предосудительно; 7) согласиться с тем, что само действие предосудительно; 8) подтвердить, что действие совершено при том, что оно оценивается отрицательно; 9) взять на себя ответственность за совершенное действие при том, что оно оценивается отрицательно; 10) оправдать совершенное действие; 11) предпринять действия, направленные на изменения некоторого положения вещей, явившегося результатом деятельности интервьюируемого; 12) согласиться с тем, что общественное лицо человека, связанного с интервьюируемым, запятнано; 13) согласиться с тем, что общественное лицо самого интервьюируемого запятнано (Jucker, 1986, p.67–78).

Данный список свидетельствует о балансировании интервьюера между аудиторией, сориентированной на элитарного избирателя, и аудиторией, представителем которой является человек с улицы. Нюансы рациональных обращений к человеку в рамках аргументов ad hominem (аргументация не по сути дела, а по отношению к личности оппонента, т.е. манипуляция) детально обсуждаются в монографии Д.Уолтона (Walton, 1998). В качестве разновидностей этой манипулятивной стратегии фигурируют следующие частные стратегии: 1) общая дискредитация (*"Философия Ф.Бэкона не заслуживает доверия, поскольку он был смещен с поста канцлера за нечестное поведение";* 2) высвечи-вание дискредитирующих обстоятельств (В газетной статье, посвященной деятельности активистов охраны окружающей среды в Канаде, говорится о том, что репортер приехал на участок, где шла вырубка леса, против чего протестовали сторонники "зеленых", зашел в дом, стены которого были увешаны лозунгами и плакатами, призывающими беречь природу, и обнаружил, что дом был сделан из добротного леса, вся мебель в доме была деревянной, даже лестница, ведущая на второй этаж, была из дерева. Вывод автора очевиден: сторонники охраны природы лицемерны); 3) высвечивание предвзятости (Во время дискуссии об опасности химических кислотных дождей для региона, сторонник партии зеленых заметил, что его оппонент — член совета директоров угольной промышленности штата и поэтому имеет предвзятое мнение об обсуждаемой проблеме); 4) "отравление источника" (Во время дискуссии между

представителями протестантов и католиков один из протестантов заявил, что католикам нельзя доверять, поскольку их главным приоритетом является лояльность по отношению к их церкви, а не поиск истины, и тогда оппонент заявил в ответ, что в таком случае никакая дискуссия невозможна, так как отравлен источник дискуссии); 5) аргумент "Tu Quoque" ("ты тоже") (Один студент замечает, что он видел, как другой студент списывал во время экзамена. Тот в ответ говорит, что текст письменной работы, сданной первым студентом, взят у одного из их друзей) (Walton, 1998, p.2–18).

Приведенные доводы позволяют поставить вопрос о том, что манипуляции в элитарном и массовом дискурсе имеют различный характер. Принципиально различным является соотношение между рациональной и иррациональной аргументацией в соответствующих видах дискурса: мы можем говорить о достаточно большой степени рациональности только в специфических видах дискурса, требующих основательной подготовки как со стороны агента, так и со стороны клиента, прежде всего в научном дискурсе.

Выводы

Языковая личность представляет собой срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны.

Типология языковых личностей может строиться на основании различных критериев, из которых наиболее разработаны психологические и социологические признаки для выделения интересующих нас классов людей. В данной работе ведущим критерием признан социокультурный признак, с помощью которого можно выделить модельные личности, представляющие престижную социальную группу и определяющие поведение многих членов этого общества в целом, противопоставить и охарактеризовать обобщенный тип и конкретного представителя социума, осветить языковую личность как динамическое или статическое образование (установить те характеристики, которые позволяют измерить переход от еще-не-личности к уже-личности, и те параметры, по которым можно описать стандартную, суперстандартную и субстандартную языковые личности).

Языковая личность может быть изучена на основании лингвистически релевантных индексов, число которых сравнительно невелико. Эти индексы характеризуются стабильностью и вариативностью. Стабильные индексы отражают статусные (биосоциальные) характеристики человека, вариативные – уточняют их в ситуативно-ролевом, эмоциональном и индивидуально-личностном аспектах. К числу ярких лингвистически релевантных индексов речевого поведения относятся определенные фразеологические выражения, которые характеризуют говорящего как эгоцентрическую либо социоцентрическую личность, а также как демонстративную или недемонстративную личность.

Языковая личность в условиях общения – коммуникативная личность – характеризуется множеством признаков, которые можно рассматривать в ценностном, понятийном и поведенческом аспектах.

Ценностный аспект языковой личности – это нормы поведения, закрепленные в языке. Предлагается выделить четыре типовых участника нормативной ситуации: **Куратор** (коллективный образ хранителя норм, знающего, как должен каждый себя вести), **Экспрессор** (личность или группа, выражающая свое отношение к кому-либо или чему-либо на основании определенной нормы), **Респондент**

(личность или группа, к которой обращается экспрессор с ожиданием реакции на основании определенной нормы), **Публика** (пассивные окказиональные участники нормативной ситуации). Для моделирования нормативной ситуации существенными оказываются ее **знак** (нормативный квадрат: «необходимо», «запрещено», «разрешено», «безразлично»), **шкала**, включающая полярные и промежуточные степени определенного качества, **поле** (сфера юридического, морального, утилитарного и т.д. суждения) и **степень эксплицитности** (степень вербального выражения нормы поведения).

На основе анализа паремиологических высказываний можно выделить восемь классов поведенческих норм, имеющих моральный либо утилитарный характер: нормы взаимодействия, жизнеобеспечения, контакта, ответственности, контроля, реализма, безопасности, благоразумия. Отмечены также суперморальные и субутилитарные ценности, первые имеют характер основных мировоззренческих ориентиров, не подлежащих рациональному объяснению, вторые касаются витальных характеристик бытия и обычно не вербализуются. Наряду с вертикальным членением аксиологического пространства (суперморальные, моральные, утилитарные и субутилитарные нормы) существует горизонтальное членение: можно противопоставить индивидуальные, групповые, этнокультурные и универсальные нормы поведения. Выделенные нормы поведения подтверждаются при анализе пейоративов – слов с отрицательно-оценочным значением. Изучение стратагем – высказываний, фиксирующих способы борьбы с превосходящим противником, – дает возможность установить один из параметров становления этического сознания человечества: принцип честной борьбы с врагом.

Рассмотрение коммуникативной личности в понятийном аспекте позволяет охарактеризовать свободу языкового знака и установить типы общения, характеризующегося стандартностью и вытекающей отсюда перформативностью, с одной стороны, и нестандартностью, креативностью, с другой стороны. Креативная сторона общения диалектически связана с его стандартной стороной, но есть сферы и жанры речи, в большей степени открытые для креативной либо перформативной коммуникации. Если перформативная коммуникация непременно направлена на адресата, то креативная может быть и не направлена на Другого. Креативное общение характеризуется относительной свободой языкового знака, возможностью неоднозначного осмысления, высокой контекстной зависимостью, актуализацией внутренней формы знака и фасцинативностью плана выражения знака. Неконвенциональная модель значения слова строится как трехступенчатое образование: слово первичное (в речи ребенка) — слово обиходное (в бытовом и институциональном дискурсе) — слово поэтико-философское (в бытийном дискурсе). Существует сходство между креативной семантикой на уровнях слова первичного и поэтико-философского на основе общих признаков креативного общения, различие же состоит в особой символической генерализации смысла, свойственной бытийному общению.

Коммуникативная личность в поведенческом аспекте – это наиболее конкретное проявление языковой личности в речевых действиях, имеющих мотивы, цели, стратегии и способы их реализации. В качестве примера в работе рассматриваются директивные речевые действия, которые можно противопоставить на основании следующих признаков: 1) степень категоричности говорящего; 2) организационная определенность желаемого действия; 3) статусное соотношение участников общения; 4) пропозициональный знак желаемого действия (побуждение либо запрет); 5) первичность либо вторичность директива; 6) эксплицитность либо имплицитность директива; 7) внутренний

оценочный знак побуждения, которое направлено на благо адресата либо не содержит такой направленности.

Коммуникативные стратегии, представляющие собой реализацию интенций участников общения, в значительной мере зависят от принятых в данной лингвокультуре доминант поведения. Доминанты поведения закреплены в оценочных пресуппозициях значений слов и высказываний, в принципах общения. В работе предлагается дополнить известные коммуникативные принципы солидарности и такта принципами самозащиты и разведки. Эти принципы некооперативного поведения обычно камуфлируются и проявляются в различных коммуникативных манипуляциях, прежде всего – в псевдоаргументации, объектами которой являются адресат-оппонент и адресат-публика.

Глава 2. Культурные концепты

2.1. Проблемы лингвокультурологии

Лингвокультурология — комплексная область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры — переживает в настоящее время период расцвета. Это объясняется рядом причин. Во-первых, это – стремительная глобализация мировых проблем, необходимость учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов, потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания, важность определения и точного обозначения тех культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности. Во-вторых, это — объективная интегративная тенденция развития гуманитарных наук, необходимость освоения лингвистами результатов, добытых представителями смежных отраслей знания (психология, социология, этнография, культурология, политология и т.д.). В науке о языке накопилось достаточно много фактографии, требующей осмысления в лингвофилософском аспекте, а в этом ключе, в соответствии с традицией, идущей от Вильгельма фон Гумбольдта, мы говорим о языке как о духе народа и пробуем определить узловые моменты в соотношении сознания, общения, поведения, ценностей, языка. В-третьих, это прикладная сторона лингвистического знания, понимание языка как средства концентрированного осмысления коллективного опыта, который закодирован во всем богатстве значений слов, фразеологических единиц, общеизвестных текстов, формульных этикетных ситуаций и т.д. Этот опыт составляет суть изучаемого иностранного языка, находит прямые выходы в практику рекламного и политического воздействия, пронизывает коммуникативную среду массовой информации.

Выход лингвистики в лингвокультурологию подсказан неизбежным вопросом о том, частью чего является язык. Будучи многомерным образованием, язык органически входит в наиболее общие феномены бытия: как важнейшее средство общения язык рассматривается в качестве компонента коммуникативной деятельности; как важнейший способ преобразования мира, информационного обеспечения и межличностной регулировки язык анализируется в качестве средства воздействия, побуждения людей к тем или иным действиям, к фиксации социальных отношений; как важнейшее хранилище коллективного опыта язык является составной частью культуры. Говоря о культурологическом изучении языка, лингвисты обычно имеют в виду анализ языковых явлений, направленный на выявление национально-культурной специфики (Воркачев, 1995, 2001, 2002; Вежбицкая, 1996, 1999; Прохоров, 1996; Телия, 1996; Воробьев, 1997; Маслова, 1997; Снитко, 1999; Бижева, 2000; Клоков, 2000; Красавский, 2001; Евсюкова, 2002). Изучение этнокультурных особенностей, закрепленных в языке и проявляющихся в речи, ведется в современной лингвистике в рамках лингвострановедения (Верещагин, Костомаров, 1980, 1999; Томахин, 1984; Ощепкова, 1995), этнолингвистики (Герд, 1995; Копыленко, 1995; Толстой, 1995), этнопсихолингвистики (Сорокин, 1994), теории межкультурной коммуникации (Кабакчи, 1998; Шамне, 1999; Тер-Минасова, 2000; Леонтович, 2002). Очень важен тезис Н.И.Толстого (1995, с.27–28) о том, что "этнолингвистика и социолингвистика могут расцениваться как два основных компонента (раздела) одной более общей дисциплины, с той лишь разницей, что первая учитывает прежде всего специфические – национальные, народные, племенные – особенности этноса, в то время как вторая – особенности социальной структуры конкретного этноса (социума) и этноса (социума) вообще, как правило, на более

поздней стадии его развития применительно к языковым процессам, явлениям и структурам". Этой более общей дисциплиной, по-видимому, и является лингвокультурология.

К числу основных категорий лингвокультурологии относится понятие «картина мира» – целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании (историю вопроса см.: Постовалова, 1988). Каковы составные части картины мира и какова их природа? Эти смысловые образования неоднородны и представляют собой образы и понятия. Образы, с точки зрения психологии, — это картины, сформированные в сознании (pictures formed in the mind), при этом мы имеем в виду расширительное понимание слова “картина”: любое перцептивное, объективно существующее или придуманное психическое образование. Это могут быть зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные и вкусовые представления. Образы могут быть четкими и размытыми. Существуют также и другие компоненты картины мира, которые не являются перцептивными (в основном здесь идет речь о научной терминологии). Мы имеем в виду понятия — логически оформленные общие мысли о классах предметов и явлений. В формальной логике различаются объем и содержание понятия. Под объемом подразумевается отображенное в сознании множество (класс) предметов, составляющих данное понятие; содержание понятия — это отображенная в сознании совокупность свойств и признаков предметов (Кондаков, 1976, с.403, 557). У предметных понятий (например, зима) их объем может совпадать с образами. Что же касается абстрактных понятий, то говорить об образах в этой связи вряд ли представляется возможным (например, *метаболизм — совокупность реакций обмена веществ в организме*).

Картина мира представляет собой сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании. Картина мира может быть и индивидуальной, например, модель мира Аристотеля или Шекспира, но если говорить о языковой картине мира, то коллективные представления являются ее фундаментальной частью. Исследователи говорят о различиях между научной и обыденной (или наивной) картинами мира, отмечая то, что важнейшие аспекты окружающей действительности могут быть выделены в научной и наивной биологии, геометрии, физике и т.д. При этом, с точки зрения истины, наивная картина мира ничуть не уступает научной: первая является более гибкой, она построена на практическом знании. Она лучше приспособлена для ежедневной жизни человека (мы знаем, что кит – это млекопитающее, а паук относится к членистоногим животным, но по внешнему виду мы относим кита к рыбам, а паука ассоциируем с мухой вопреки зоологическим канонам). Наивная картина мира диалектична и допускает противоречивые определения вещей. По словам Е.С.Кубряковой (1999, с.9), наивного в наших представлениях о мире становится все меньше, мы не воспринимаем выражения *«лес шумит», «игра захватила мою душу»* буквально. Впрочем, здесь следует сказать, что на определенной ступени развития – в детстве – воспринимаем, а также это иногда случается при чтении художественных текстов, где автор сумел найти свежие метафоры или неожиданные способы возвращения словам их изначального сияния.

Я хотел бы подчеркнуть зависимость отношения к научной картине мира от общего контекста и настроения эпохи. В наше время сциентизм подвергается резкой критике, в диаде "рациональное – эмоциональное" рационализм часто связывается с бездушным, механическим освоением действительности, а иррационализм – с живым человеческим отношением к миру. Отсюда то, что связано с человеком, ассоциируется с подсознательными процессами. Философы и культурологи говорят о животворной роли хаоса. Соответственно и в современной лингвистике рационализм в его структуральном варианте

признается упрощенной моделью действительности. На мой взгляд, такой антирационализм в науке является реакцией на предшествующий этап сверхрационализма, объясняется кризисом науки и общественного развития в целом, но вряд ли мы приблизимся к истине, если будем доказывать важность наивного донаучного и вненаучного понимания действительности и отвергать ее научное структурирование. Научное видение мира, построение моделей и теорий – это продолжение и углубление наблюдений и переживаний человека, осваивающего и осознающего мир и себя в мире. Иначе говоря, научное моделирование мира неразрывно связано с иными способами познания, и язык, будучи единой системой, отражающей мировидение, включает все вербально закрепленные знания.

Языковая картина мира объективно отражает восприятие мира носителями данной культуры, но человеческое отражение не является механическим, оно носит творческий (и поэтому в известной мере субъективный) характер.

Между различными культурами существуют черты сходства и различия. Выделяются смысловые области, в большей мере подверженные универсализации, и смысловые области, в большей степени проявляющие самобытность. Языковые знаки имеют разную степень семиотической глубины в процессе общения: от минимального "ближайшего значения слова" до широкого культурно-исторического фона, связанного с "дальнейшим значением слова" (по А.А.Потебне). Культурологический подход к языку предполагает выявление разных типов языковых единиц: с одной стороны, выделяются слова и выражения, в концентрированном виде выражающие специфический опыт народа, пользующегося языком (сюда относятся имена собственные, культурно-исторические реалии, распространенные аллюзии, прецедентные тексты (по Ю.Н.Караулову), слова с эмоционально-оценочным фоном, который осознается именно данным этносом, и т.д.), с другой стороны, существует большая группа слов и оборотов, имеющих универсальный характер для человечества в целом (впрочем, исследователи лексической сочетаемости вряд ли согласятся с тезисом об универсальном характере даже части лексического фонда любого конкретного языка). Между национально-специфической и универсальной частями словаря располагается обширная часть лексики со слабо выраженными культурно-специфическими характеристиками. Точнее было бы сказать, что для значительного числа слов и выражений конкретного языка национально-культурный компонент значения является вторичным, проявляется в специальном объяснительном контексте. Например, понятие "уют" в англоязычной культуре ассоциируется с понятием тепла в доме: *cosy — comfortable and warm*; *snug — cosy and tight*. Уют и тепло связываются общим оценочным знаком только в тех культурах, где людям часто бывает холодно.

Национально-культурный компонент значения рассматривается в лингвистике как внутренняя форма языка (по В.Гумбольдту), как специфическая категоризация мира средствами определенного языка (гипотеза лингвистической относительности Э.Сепира и Б.Уорфа), как концентрированное выражение культурного контекста (в понимании Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова (1980), как часть концептосферы языка, согласно Д.С.Лихачеву (1997).

Тезис В. фон Гумбольдта "язык есть выражение духа народа" в той или иной форме развивается во всех культурологически ориентированных лингвистических теориях. Языковая форма, строй языка, система категорий и доминантные категории в значительной мере определяют менталитет народа, говорящего на соответствующем языке. Обычно исследователи, развивающие данное направление лингвистики, анализируют грамматические категории определенного языка, освещая их уникальную совокупность или экзотические характеристики

(например, формальные способы выражения вежливости в японском, энумеративы – в китайском, сверхдлительный аспект процесса – в турецком языке). Лингвострановедческий подход к языку представляет собой развернутый комментарий лакун, аллюзий, прецедентных текстов, различного рода коннотаций, понятных только тем, кто говорит на родном языке. Концептологический подход к языку направлен на моделирование языковой личности и включает не только этноспецифические, но и социально-групповые, а также индивидуальные характеристики языка конкретного человека.

Существуют и идиоэтнические стратегии интерпретации текста, проявляющиеся в практике восприятия – понимания, интерпретации, перевода и т.п. текстов, в традициях описания "своего" Vs "чужого" (иностранного) языка, в традициях культурологической и литературоведческой рецепции текстов, своих (создаваемых данным этносом) и чужих (текстов, пришедших из чужих культур и от других народов), в грамматических и лексикографических традициях (Демьянков, 2001, с.312–313).

С культурологической точки зрения возможно изучение лексического (и даже грамматического) материала с позиций аксиологических доминант определенного этноса. Такой подход предполагает не столько описательную классификацию языковых единиц, сколько выделение основных типов поведения, свойственного представителям конкретного этноса и представителям определенного социального слоя в составе того или иного этноса. Типы поведения выделяются при помощи культурно-антропологических схем и приоритетных норм. Названные схемы могут быть построены в виде статусных и ролевых моделей, например, отношения "дети – родители", "супруг – супруга", "гость – хозяин", "человек – животное", "противник – противник" и т.д. Приоритетные нормы формулируются в виде исходных и производных ценностных суждений. Например, в классической китайской ценностной системе отношение "дети – родители" важнее, чем отношение "супруг – супруга", следовательно, родители всегда правы, родители обязаны помогать детям и дети – родителям, демонстрация привязанности родителей к детям и наоборот поощряется в обществе, в то время как демонстрация взаимных симпатий между супругами считается избыточной.

Типы поведения могут быть выделены на основании анализа паремиологического фонда языков, фольклора, сюжетов в художественной литературе, этнографических и культурологических описаний. Лингвистические данные — анализ значений слов, выражений, категорий языка — позволяют уточнить и, в ряде случаев, пересмотреть культурологические схемы, принимаемые в качестве гипотезы.

Различие между культурами в общем и целом носит неслучайный характер, оно обусловлено комплексом причин, которые могут быть сгруппированы в три класса: исторические, географические и психологические.

Обратим внимание на то, что лингвокультурологические исследования по своей природе предполагают сопоставление изучаемых явлений, но такое сопоставление может быть двояким: 1) контрастивный анализ языковых единиц, выражающих национально-специфическое видение мира в сравниваемых лингвокультурах и 2) типологический анализ таких единиц, предполагающий построение на дедуктивной основе модели культурно-значимых отношений, например, в виде матрицы, и определение языковых способов избирательного заполнения такой матрицы. В первом случае исследование должно базироваться на данных, полученных из нескольких, минимум двух, языков, во втором случае вполне оправданным представляется обращение к фактографии одного языка. Принципиальной разницы между интерлингвистическими и интралингвистическими характеристиками ментальных образований нет, об этом

свидетельствуют и результаты психолингвистических исследований сознания билингва (Пищальникова, 2000, 190).

Лингвокультурология сегодня – это множество весьма информативных контрастивных исследований, по отношению к которым типологические модели выступают как метатеория (Вышкин, 1992). Типологическая лингвокультурология представлена значительно меньшим числом исследований. Одним из таких исследований является работа Т.В.Евсюковой (2002). Развивая идеи Ю.С.Степанова (1997), автор обосновывает концепцию словаря культуры, под которым понимается характерология культуры со стороны лексики – система слов, выражающих ключевые для данной культуры понятия, т.е. понятия, соотносимые с базовыми ценностями культуры. Доказательство принадлежности той или иной единицы словарю культуры состоит, по мнению Т.В.Евсюковой (2002, с.12), в трех признаках, которые должны быть установлены у соответствующей единицы: 1) валёрность, определяемая механизмами мышления, специфичными для того или иного культурного типа, 2) индекс интертекстуальности, проявляющийся в частотности случаев рефлексивного обсуждения этих единиц в текстах культуры, 3) ксено-индекс, характеризующий эти единицы извне, с позиций иных культур как культурно-специфические для данной культуры. Эти признаки, на мой взгляд, отражают весьма существенные характеристики культурно-значимого явления: первый признак отражает выделение некоторого явления и его фиксацию в языке, второй признак – активность обращения к этому явлению в речи, причем, не только в обиходном общении, но и в художественном и философском (эта идея весьма созвучна той концепции, которая развивается в данной книге), третий признак – оценка культурно-значимого явления со стороны, он является дополнительным и вспомогательным по отношению к предыдущим признакам, но его учет позволяет сделать выводы более основательными.

Изучение национального характера через язык народа (точнее, через языковое сознание и коммуникативное поведение) будет неполным, если не принимать во внимание данные, полученные в смежных науках — этнопсихологии и этносоциологии. Представляет интерес исследование английского национального характера, предпринятое Дж.Горером (Gorer, 1955). Несмотря на то, что материалы этого социологического исследования имеют почти полувековую давность, они могут быть полезны как для понимания особенностей английского национального характера, так и для выяснения общих этнокультурных параметров изучения национальной специфики поведения людей.

В своем экспериментальном изучении английского характера Дж. Горер исходит из некоторых очевидных несоответствий между историческими данными и нынешним положением вещей. Так, по свидетельству очевидцев, англичане шекспировского времени были очень агрессивными: драки на улице случались на каждом шагу, мужчины ходили вооруженными, молодой женщине без сопровождающего было опасно выходить из дома, любимыми развлечениями толпы были собачьи и петушиные бои (отметим, что специальные боевые породы собак выведены именно в Англии, например, питбуль) и травля бычков. Последнее развлечение требует детальной характеристики: толпа покупала у погонщика скота молодое животное, которому забивали горошины в уши, втыкали заостренные палки в тело и с улюлюканьем гнали по улицам, пока обезумевшее от боли и страха животное не падало. Если мы проанализируем художественную литературу Англии тех лет, пишет Дж.Горер, мы увидим, что описания ярости, агрессии, ненависти были чем-то обыденным, своеобразным фоном, на котором разворачивались действия, подобно тому, как в русских романах XIX в.

обстоятельно описывалась неторопливая жизнь помещиков с их обильными обедами. Вызывает удивление, как могло случиться, что нация пиратов и забияк превратилась за триста — четыреста лет, сравнительно малый исторический период, в общество дружелюбных и законопослушных граждан, для которых слово *gentle* стало важной характеристикой поведения. Цитируемый автор полагает, что национальный характер англичан принципиально не изменился, но агрессивность получила своеобразные каналы для выхода — спорт, совестливость (критика, направленная в свой адрес) и юмор. Кроме того, для агрессивности были установлены социально приемлемые ограничения: законодательство (были специально приняты соответствующие законы и созданы социальные институты, например, Королевское общество по предупреждению жестокости к животным, 1824 г., заметим, что только в 1889 г. было создано Национальное общество по предупреждению жестокости к детям!), уважаемая обществом полиция и экономическое стимулирование развития среднего класса. Именно средний класс Англии стал гарантом стабильности в стране.

Наряду с сублимированной агрессивностью национальными чертами англичан Дж. Горер считает застенчивость, осознаваемую принадлежность к социальному классу, доходящую до кастовости, высокий самоконтроль эмоций и относительное пренебрежение к страстной любви (Gorer, 1955, p.18–24). Для доказательства своих предположений автор приводит данные опроса 5000 англичан. Респондентам было предложено ответить на следующие вопросы: какие качества в мужчинах и женщинах высоко и низко оценивают представители противоположного пола, какими качествами в себе англичане гордятся и какие качества осуждают. Результаты исследования представляют несомненный интерес. Например, чувство юмора относится к числу важнейших характеристик, которыми должны обладать мужчины, с точки зрения женщин (24% респондентов), внешние данные женщин не играют особой роли для английских мужчин (это качество отмечают только 5% респондентов), определенные характеристики распределяются неравномерно по возрастным и социальным группам (представителям рабочего класса нужно, чтобы жена хорошо готовила, средний класс больше ценит моральные качества, а высокие требования к интеллекту предъявляют представители верхней части среднего класса и, как это ни странно, низов рабочего класса). Англичане более всего гордятся своей предупредительностью, вниманием к другим (consideration for others) — 73% мужчин и 80% женщин и осуждают в себе прежде всего вспыльчивость, несдержанность (bad temper) — 45% мужчин и 60% женщин.

Говоря о моральных и личностных качествах англичан (к первым автор относит, в частности, принципиальность, искренность, честность и др., ко вторым — привлекательность, чистоплотность, общительность и др.), автор проводит параллель между нарушениями этих качеств и традиционно выделяемыми в христианстве смертными грехами — скупость, обжорство, похоть, зависть, гнев, лень, гордыня. По данным Дж. Горера, самым распространенным грехом у себя англичане считают гнев (более 2/3 респондентов) и совершенно не находят у себя обжорства (что не удивительно, если принять во внимание качество традиционной английской кухни) и зависти (это качество либо не опознается, либо считается не грехом, а стремлением к справедливости). Интересно, что у американцев стирается различие между похотью и проявлением здоровья. Очень малое количество англичан считают себя виновными в скупости (социологические изыскания показывают, что это качество более активно осознается и переживается сельскими жителями, а в Англии абсолютное большинство жителей — горожане) и похоти. Гордыня связана с осознанием себя в качестве представителей социального класса (при этом женщины в большем проценте, чем

мужчины, причисляют себя к среднему классу, что свидетельствует о большей важности символических ценностей для женщин по сравнению с ценностями материального мира). Около четверти респондентов признаются в своей лености, при этом под рубрикой "лень" (sloth — laziness or indolence; reluctance to make an effort) англичане объединяют различные качества: промедление, оттягивание, откладывание на потом (procrastination) и вялость, инертность (sluggishnes). В промедлении себя упрекают представители высшей части среднего класса, в вялости — рабочие.

Дж.Горер приходит к выводу о том, что основу английского национального характера составляют такие качества, как неприятие внешнего контроля (a great resentment at being overlooked or controlled), свободолюбие, стойкость, незначительный интерес к сфере интимных отношений по сравнению с соседними народами, высокая оценка образования как средства формирования характера, предупредительность и деликатность по отношению к чувствам других людей, признание важности брака и семьи (Gorer, 1955, p.287). Агрессивность англичан не исчезла, она лишь строго контролируется. Одним из важнейших каналов этого контроля является сублимация агрессии через юмор. Радио- и телепередачи для массовой аудитории изобилуют примерами грубого комизма, построенного на оскорблении и унижении одного из участников общения. Предметом осмеяния выступают физические недостатки и слабости людей — возраст, лишний вес, наличие лысины, нарушения речи и т.д. Ситуация рассматривается как юмористическая и, следовательно, безвредная. Важную роль при этом играет самоирония (self-deprecation) – весьма распространенный способ поведения англичан, который почти никогда адекватно не воспринимается иностранцами.

Итак, принимая во внимание изложенные сведения, можно сказать, что англичане как нация выработали у себя идеал сильного характера — это закаленный, волевой, часто воинственный человек с очень острым чувством собственного достоинства и нежелания пускать других в свою личную сферу. Нет народа, который бы равнодушно относился к любви, но выставлять напоказ проявления интимных чувств могут лишь те люди, которые привыкли жить в тесном коллективе. Изоляционизм английского характера объясняется историко-экономическими обстоятельствами: отсутствием рабства, законодательным закреплением индивидуальной свободы, ростом благосостояния населения. Следует отметить, однако, что за 50 лет картина ментальности народа претерпела некоторые изменения, связанные с глобализацией жизни — важнейшим социально-историческим процессом XX в. Средства электронной массовой информации внесли большой вклад в нейтрализацию региональных различий англоязычного поведения, американские стандарты общения активно внедряются в сознание англичан. Расширение туризма, строительство объединенной Европы также способствуют видоизменению стереотипов поведения британцев. Наконец, массовая иммиграция в страну жителей бывших колоний меняет британскую картину мира. Но при всем этом связующим элементом этой картины мира остается английский язык как аккумулятор культуры, и суть английского характера — в этом можно согласиться с Дж. Горером — радикально не меняется.

Этнические стереотипы поведения — это многомерные явления, которые могут рассматриваться с различных сторон. Социологи предлагают воспользоваться методикой семантического дифференциала (по Ч. Осгуду), т.е. выбрать набор характеристик, которые можно представить в виде шкал, и предложить респондентам отметить позицию на соответствующих шкалах (например, +, 0, -). В результате можно получить измеряемое представление об этническом типе. Такие измерения имеют смысл только для сопоставительного изучения культур,

поскольку дают представление о приоритетах той или иной культуры, либо той или иной социальной группы в рамках изучаемой этнокультуры. Примером такого подхода к измерению этнических стереотипов может быть работа, в которой предлагаются следующие параметры шкалирования:

1) musical – unmusical, 2) democratic – communistic, 3) unaffectionate – affectionate, 4) unbusinesslike – businesslike, 5) tolerant – intolerant, 6) athletic – unathletic, 7) inhospitable – hospitable, 8) fair – shrewd, 9) irreligious – religious, 10) uncreative – creative, 11) generous – stingy, 12) healthy – unhealthy, 13) courteous – rude, 14) unambitious – ambitious, 15) immoral –moral, 16) fanatical – open-minded, 17) kind – unkind, 18) thrifty –extravagant, 19) ignorant – knowledgeable, 20) secretive – open, 21) rational – emotional, 22) ugly – beautiful, 23) quiet – talkative, 24) stupid – intelligent, 25) happy – sad, 26) poor – wealthy, 27) clean – dirty, 28) awkward – graceful, 29) regionalistic –nationalistic, 30) serious – fun-loving, 31) friendly – unfriendly, 32) artistic – inartistic, 33) lazy – hardworking, 34) flirtatious – reserved, 35) strong – weak, 36) clannish – outgoing, 37) feminine –masculine, 38) adventurous – unadventurous, 39) humble – proud, 40) primitive – modern (Gardner, Kirby, Arboleda, 1973, p.192).

Приведенный список представляет собой хаотический набор прилагательных с их антонимическими коррелятами. Достоинством этого списка можно считать его детальность, недостатки, однако, преобладают. К числу недостатков следует отнести, на наш взгляд, произвольность как в выборе качеств, так и в выборе их противоположностей (в списке фигурируют конкретные личностные качества, например, "музыкальный", "атлетический", качества объективной характеристики, например, "мужской", "уродливый", "бедный", качества внутреннего мира человека, например, "религиозный", "благородный", общеоценочные характеристики, например, "аморальный", "примитивный"). Бросается в глаза идеологическая ангажированность при выборе качеств (противопоставляются качества "демократический — коммунистический", "примитивный — современный"). Этот список может быть интересен при анализе не столько этнических стереотипов, столько этнических предубеждений, причем ясно, что основу позитивной шкалы в нем составили качества идеального американца (отсюда, в частности, оппозиция "региональный — национальный"). Вместе с тем представляется важным принцип дублирования тех или иных качеств под другими названиями (например, "счастливый — печальный", "серьезный — любящий удовольствия").

Более удачным представляется список в работе польского исследователя Е.Бартминьского (1995), который рассмотрел стереотипы характеристики поляков и немцев на материале опросов студенчества и выделил четыре группы признаков: 1) бытовые (предприимчивый — непрактичный, чистый — грязный, бережливый — расточительный, зажиточный — бедный, трудолюбивый — ленивый, трезвенник — пьяница); 2) психические и интеллектуальные (храбрый — трусливый, веселый — печальный, гордый, надменный — смиренный, чувствительный — эмоционально холодный, умный — глупый, образованный — необразованный, развитой — тупой); 3) социальные (общительный — необщительный, откровенный — замкнутый, упрямый — уступчивый, прямодушный — неискренний, независимый — покорный, культурный — невоспитанный, честный — нечестный, мягкий — грубый, терпимый — нетерпимый, спокойный — агрессивный); 4) идеологические (патриотичный — непатриотичный, религиозный — светский, националистичный — космополитичный) (Бартминьский, 1995, с.7-8).

И.М.Кобозева приводит интересные данные, касающиеся пилотажного экспериментального выявления стереотипов национального характера немцев,

англичан, французов и русских в современном языковом сознании жителей России (в опросе участвовало 50 информантов). Характеристики немца: аккуратный (22), педантичный (21), исполнительный (8), экономный (4), неинтересный (4), въедливый (2), сдержанный (2), упорный (2), работоспособный (2), расторопный (1), вышколенный (1), вежливый (1), добродушный (1), осторожный (1); англичанина: вежливый (18), сдержанный (8), педантичный (7), малообщительный (3), невозмутимый (3), консервативный (2), аккуратный (2), добросовестный (2), изящный (2), заносчивый (1); француза: элегантный (12), галантный (6), болтливый (6), лживый (5), обаятельный (4), развратный (4), скупой (4), легкомысленный (4), раскованный (2), горячий (1), невротичный (1), трезвый (1), романтичный (1), ленив душой (1); русского: бесшабашный (8), щедрый (8), ленивый (5), необязательный (4), простодушный (4), бестолковый (4), неорганизованный (4), бесцеремонный (2), широкая натура (1), любит выпить (1), прожорливый (1), поверхностный (1), не любопытный (1), приятный (1) (Кобозева, 2000, с.189–194). Тест состоял в том, чтобы респондент мог заполнить конструкцию «Он по-немецки (по-английски / по-французски / по-русски) …». Полученные данные обобщались, например, характеристики немца «педантичный, аккуратный, исполнительный, вышколенный, вежливый» получили единое осмысление в виде интегрального компонента «соблюдающий норму, действующий по правилам». Доминантой английского характера является признак «сохраняющий покой вокруг и внутри себя», француз стереотипно характеризуется как человек, стремящийся «к красоте внешней формы и преуспевающий в этом, но не придающий значения внутреннему содержанию». В самокритичной оценке русского И.М.Кобозева усматривает интегральный признак «верящий в конечную победу добра и правды и не стесняющий себя во всем остальном». Признак этничности рассматривается в диссертационном исследовании В.А.Буряковской, которой в результате психолингвистического эксперимента удалось установить, что образ русского в сознании американцев формируется вокруг следующих качеств: «щедрость», «гостеприимство», «патриотизм», «терпение»; американцы в сознании русских – это общительные, деловые, эмоциональные и уверенные в себе люди. Англичане, с точки зрения и русских, и американцев, характеризуются ядерными качествами «тщательный», «образованный», «организованный», «вежливый» (Буряковская, 2000, с.15–16). Детальный анализ психолингвистических характеристик русского национального характера приводится в статье Н.В.Уфимцевой (1998).

Культурно значимыми являются типичные антропонимы. Интересно, что в восточных странах любую женщину из России зовут Наташа, а мужчину – Коля (Супрун, 2000, с.54), в то время как гораздо более редкое в современной России имя Иван является опознавательным знаком для русских в западных странах, и это свидетельствует как о ригидности этнических стереотипов, так и об особых правилах создания и сохранения таких стереотипов

Существенным моментом для противопоставления этнокультурных стереотипов является взгляд на других (гетеростереотипы) и взгляд на себя (автостереотипы) (Кулинич, 1999, с.38). Гетеростереотипы характеризуются выраженной критикой поведения другого этноса, эта критика состоит либо в резком неприятии норм и форм поведения (этнические предубеждения), либо в мягком юмористическом представлении образа другого народа (этнические шутки). Жесткой границы, разумеется, между предубеждениями в форме оскорблений и насмешек и относительно безобидными шутками нет. Гетеростереотипы построены на осмыслении и переживании тех качеств, которые отсутствуют у данного народа (в его самооценке в целом) и наличествуют как типичные у другого народа, а также на тех качествах, которые у другого народа

развиты, по мнению субъектов оценки, в большей и меньшей мере. Недостаток качества (например, открытой эмоциональной отзывчивости) воспринимается как большее зло по сравнению с избытком качества (например, повышенная дисциплинированность), понимаемым как странность и чудачество. В любом случае в качестве эталона при сравнении этнокультур молчаливо признается система ценностей собственного этноса, переживание собственной этноидентичности как достоинства.

При изучении этнокультурных стереотипов важен принцип дистанцированности, который необходимо соблюдать в ходе социолингвистического опроса и анкетирования. Этот принцип, как пишет польская исследовательница И.Курч, состоит в том, что респонденты весьма часто испытывают соблазн показать свою неординарность и дают не те реакции, которые бы им пришли в голову вне ситуации представления себя на публике. Поэтому надежнее задавать вопросы не по формуле "Что Вы думаете о том-то", а по формуле "Что, на Ваш взгляд, думает о том-то средний человек на улице" (Kurcz, 1966, p.158–161), т.е. в нашем случае, обращаясь к англичанам, следует спросить, что думают англичане о том или ином качестве людей. Существует определенная норма конформизма, так, американские студенты в большей степени ассоциируют себя со "средним американцем", чем польские студенты — со "средним поляком" (Там же).

Представляется важным вывод И.А.Каргополовой (1997) о комических средствах, которые используются для представления "других" в неблагоприятном свете: эти средства достаточно грубы — примитивизация общения с чужими, т.е. низведение их до уровня умственно неполноценных, создание и поддержание стереотипов-предрассудков, использование кличек, инфантильных уменьшительных имен. Эти средства являются одновременно оскорблением и языковой игрой.

Размышляя о лингвокультурологическом изучении языка, А.Вежбицкая (1996, с.85-86) приводит очень важное замечание Д.Хаймса, который говорил о двух опасностях, подстерегающих языковедов на пути научного описания культуры через язык: во-первых, это недостаточно обоснованное заключение о специфике культуры, произвольные выводы, субъективные мнения (Д.Хаймс называет эту позицию позицией “друзей”), а во-вторых, это полный отказ от выполнения таких исследований в силу недостаточной подготовленности современной науки о языке к проведению всесторонне обоснованного изучения культурных особенностей тех или иных языков (позиция “врагов”). С этим нельзя не согласиться. Представляется обоснованным подход А.Вежбицкой к данной проблеме. Этот подход, четко очерченный в ее работе “Русский язык”, заключается в выделении определенных смысловых тем, составляющих особенности той или иной культуры, и в нахождении языковых проявлений этих особенностей.

А.Вежбицкая отмечает уникальный характер понятий “душа”, “судьба” и “тоска” в русской культуре и анализирует определенные семантические признаки, связанные друг с другом и с уникальными понятиями русской культуры. Это такие признаки, как “эмоциональность", “иррациональность”, “неагентивность”, “любовь к морали” (Вежбицкая, 1996, с.33–34). Для нас особенно важно то обстоятельство, что приведенные семантические признаки выделяются и объясняются не изолированно, в контрасте с соответствующими явлениями в английском языке. В цитируемой работе показана роль языковых средств (например, инфинитивных и безличных конструкций), определяющих способ выражения понятий в языке. По-английски невозможно выразить адекватно идею русского высказывания “*Его убило молнией*”. Права А.Вежбицкая, утверждающая, что для русской ментальности идея непостижимости событий является очень важной. Применительно к эмоциональности в рассматриваемой работе говорится о

неконтролируемости эмоций в русском языке и категоричности их выражения. Разумеется, более точным было бы сказать о степени контролируемости и категоричности эмоций в русской и английской культурах. Но тогда возникает вопрос о способах измерения соответствующей степени, т.е. о методах “эмоциометрии”. Именно поэтому А.Вежбицкая говорит об “определенном интеллектуальном риске” (1996, с.85), связанном с проведением лингвокультурных исследований.

А.Вежбицкая не говорит прямо о методах измерения этнокультурной специфики языка, но логика ее работы свидетельствует о том, что к числу этих методов относятся следующие: 1) семантическое типологическое описание грамматических конструкций, которые существуют в языке для выражения определенных смыслов, например, безличности; 2) семантическое описание аффиксов, выражающих определенный смысл (уменьшительно-ласкательные аффиксы в русском языке); 3) описание особых слов, концентрированно выражающих уникальные для данной культуры понятия (русское “*авось*”), при этом особенно важной представляется мысль исследовательницы о том, что “эта частица аккумулирует вокруг себя целую семью родственных слов и выражений” (1996, с.77); 4) анализ фразеологизмов, включающих ключевые слова культуры, например, “*душа*”.

В дополнение к этим методам следует упомянуть о приемах изучения культурных концептов: анализ пословиц, сентенций, афоризмов, внутренней формы слов, прецедентных текстов, сюжетов наиболее известных художественных произведений, в частности книг и фильмов, различного рода кодексов, а также психолингвистический эксперимент с носителями языка по выявлению наиболее типичных ассоциаций, связанных с определенными концептами (анкетирование, интервью).

Проблема языковой картины мира сводится к фундаментальному вопросу о специфике отражения бытия через язык. Можно выделить два полярных подхода к пониманию этой специфики. Согласно первому подходу между семантическими системами языков нет принципиальной разницы, так как отражение мира базируется на основных логических принципах и категориях, которые универсальны по определению. Основная аргументация сторонников этого подхода сводится к следующим положениям:

1. Язык объективно отражает мир.

2. Все народы существуют в пространстве единого бытия, образуя единое человечество.

3. Различие между культурами народов, говорящих на разных языках, носит случайный и несущественный характер, подобно тому, как в основу номинации может быть положен лишь один из признаков предмета (*подснежник* – цветок, растущий из-под снега, *snow-drop* – цветок, похожий на капельку, *Schneeglöckchen* – цветок, похожий на колокольчик, — суть нашего узнавания данного цветка от этого не меняется).

4. Практика перевода показывает, что, несмотря на различия между языками и культурами, информация может быть передана адекватно.

5. Сердцевину языкового отражения мира составляют логические категории.

Согласно второму подходу разница между семантическими системами языков носит абсолютный характер, имеет форму языкового диктата и определяет как восприятие мира через язык, так и поведение людей в мире. Приведем высказывание одного из наиболее известных сторонников гипотезы языковой относительности — Б.Уорфа: “Понятия “времени” и “материи” не даны из опыта всем людям в одной и той же форме. Они зависят от природы языка или языков, благодаря употреблению которых они развились. Они зависят не столько от

какой-либо одной системы в пределах грамматической структуры языка, сколько от способов анализа и обозначения восприятия, которые закрепляются в языке как отдельные “манеры речи” и накладываются на типичные грамматические категории так, что подобная “манера” может включать в себя лексические, морфологические, синтаксические и т.п., в других случаях совершенно несовместимые средства языка, соотносящиеся друг с другом в определенной последовательности” (Уорф, 1960, с.166).

Аргументация сторонников этого подхода полностью противоположна тезисам, изложенным выше:

1. Язык субъективно отражает мир.

2. Все народы существуют в пространстве различного бытия, не образуя единого человечества.

3. Различие между культурами народов, говорящих на разных языках, носит неслучайный и существенный характер.

4. Практика перевода показывает, что из-за различий между языками и культурами информация не может быть передана адекватно.

5. Сердцевину языкового отражения мира составляют не логические категории, а категории языкового освоения мира (иногда именуемые наивными).

На наш взгляд, истина находится посредине. Язык не отражает мир, а интерпретирует его. Речь идет о специфике человеческого отражения действительности. Острая критика в адрес Б.Уорфа высказана в рецензии М.Блэка (1960), суть этой критики сводится к следующим тезисам: 1) лингвист не должен отождествлять понятия и слова (существует гораздо больше понятий, чем слов для их выражения); 2) вряд ли можно говорить о наличии "имманентной метафизики", лежащей в основе конкретного языка, такая метафизика есть исследовательский конструкт лингвиста; 3) языковая относительность в понимании Б.Уорфа базируется на метафизике А.Бергсона, но к иным выводам можно прийти, отталкиваясь, например, от философии Аристотеля. Думается, что эти доводы могут быть опровергнуты. Во-первых, корреляции между словами и понятиями применительно к определенным тематическим областям различны в разных лингвокультурах. Нет сомнений в том, что определенные константы культуры, по Ю.С.Степанову, объективно существуют в языковом сознании и коммуникативном поведении носителей соответствующей культуры. Во-вторых, любой исследовательский конструкт нацелен на моделирование объективного мира. Разумеется, между конструктом и действительностью всегда остается некий зазор, но, признавая принципиальную познаваемость мира, мы не можем отрицать возможность построения исследовательских моделей, более или менее адекватно отражающих действительность. В-третьих, методологическая база лингвистической, как и любой научной концепции, является существенным, но не единственным основанием для построения теории, ученый приходит к выводам, анализируя факты. Теория лингвистической относительности – это не лингвистическая иллюстрация некой философской системы, а оригинальная концепция, построенная на глубоком изучении языкового материала. Глубокий анализ различных концепций, связанных с теорией лингвистической относительности Э.Сепира и Б.Уорфа, дан в монографии Ст. Димитровой (1989). Главный вывод, который сделан в этой книге, сводится к позитивной оценке рассматриваемой теории, поскольку данная теория подчеркивает творческую роль языка в познавательной деятельности человека (Димитрова, 1989, с.176). Человеческое отражение носит творческий характер. “Оно предполагает не только воздействие на субъект извне, но и активное действие самого субъекта, его творческую активность, которая проявляется в избирательности и целенаправленности восприятия, в отвлечении от одних предметов свойств и

отношений и фиксировании других, в превращении чувственного образа в логическую мысль, в оперировании понятиями. Творческая активность познающего человека раскрывается также в актах продуктивного воображения, фантазии, в поисковой деятельности, направленной на раскрытие истины путем формирования гипотезы и ее проверки, в создании теории, продуцировании новых идей, замыслов, целей” (Спиркин, 1983, с.470). Значит, творческая активность интерпретаторов, закрепленная в языке, приводит как к объективному, так и к субъективному отражению мира.

Хотя все народы мира образуют единое человечество, разница между отдельными культурами, народами, племенами, социальными группами носит порой существенный характер. На наш взгляд, продуктивной является идея, состоящая в выделении более специфичных и более универсальных фрагментов бытия, получающих отражение в языке. Естественнонаучное познание мира стремится к универсализации. Весь комплекс вопросов, связанных с гуманитарным постижением бытия, в значительно большей (хоть и не в абсолютной) степени ориентирован на национально-специфическую интерпретацию. История народов, условия их проживания, их верования, традиции, особенности быта отличаются большим своеобразием. С достаточной степенью условности можно выделить три основные сферы национально-культурной специфики: история, география и психология народов.

Случайность и неслучайность межкультурных несовпадений носит диалектический характер. Г.Д.Гачев отмечает: “Каждая деталь национальной целостности соотнесена с другой, далекой, и они объясняют друг друга” (Гачев, 1995, с.14). Проблема межкультурных несовпадений является центральным вопросом лингвокультурологии. Что изучает эта наука? Во-первых, это предметы и явления, уникальные для отдельной культуры (например, pubs, darts, ale, double-deckers – в английской культуре, самовар, лапти, квас – в русской культуре). Во-вторых, это концепты, определяющие специфику поведения данного народа (щедрость для русских, пунктуальность – для немцев, традиционализм и вежливость – для англичан). В-третьих, это мифология, отраженная в легендах, сказаниях, пословицах и поговорках, других фольклорных формах. В-четвертых, это прецедентные тексты, своего рода культурный минимум, знание которого является обязательным для всех представителей данной культуры (это могут быть детские считалки и дразнилки, слова из песен и мультфильмов, популярные произведения литературы, высказывания великих людей и т.д.). В-пятых, это национальные символы, т.е. образы, с которыми ассоциируют себя представители того или иного этноса (oak tree, береза, the Tower of London, Кремль, English rose как часть герба, пятиконечная звезда для Советского Союза). Сюда же относятся имена собственные, т.е. имена людей, животных, населенных пунктов, рек и гор, а также названия газет, гостиниц, фирм, магазинов и др. Отдельный вопрос составляют правила этикета, свойственные той или иной культуре, во всей совокупности слов, жестов и мимики. На наш взгляд, существует и “отрицательная область” в лингвокультурологии: это те слова, жесты, темы для беседы, которые в одной культуре считаются нейтральными, а в другой являются табуированными (например, представители англоязычного мира чувствуют себя неловко, когда им задают вопрос в лоб о том, сколько они зарабатывают). Впрочем, здесь различие носит не этнический, а скорее культурно-социальный характер.

В.А.Маслова считает основной задачей лингвокультурологии изучение мифов, которые наиболее четко отражены во фразеологическом фонде языка, например, идея нереальности события передается по-русски пословицей *“Когда рак на горе свистнет”,* по-английски – *“Когда свиньи полетят”* по-киргизски – *“Когда хвост*

ишака коснется земли" (Маслова, 1997, с.51). Весьма значимы для анализа лингвокультурной специфики языка пословицы и афоризмы, которые широко используются в общении и тем самым формируют ценностные установки у носителей соответствующей культуры (Дмитриева, 1997).

Лингвокультурный анализ языка дает возможность выделить три типа языковых единиц: 1) слова и выражения, полностью совпадающие по своему значению в сравниваемых языках (например, термины в точных науках), 2) слова и выражения, полностью несовпадающие в сравниваемых языках (многие идиомы типа *red tape*), 3) слова и выражения, частично совпадающие в сравниваемых языках (сюда относится значительная часть обиходного словаря, многозначные слова, совпадающие в основном значении и несовпадающие в производных значениях, например, *a hand of a clock*). Особый интерес представляют несовпадающие коннотации: в русском языке слово "*свинья*" обозначает нечистоплотного человека, в английском — обжору или полицейского, а в китайском — развратника. Необходимо подчеркнуть, что кажущаяся эквивалентность лексических единиц представляет, как справедливо отмечает С.Г.Тер-Минасова (2000, с.54), "гораздо больше трудности при изучении иностранного языка, чем безэквивалентная или не полностью эквивалентная часть словаря", поскольку реальное употребление слов определяется различным языковым мышлением и различным речевым функционированием, которые, в свою очередь, обусловлены различными культурами.

Рассматривая этнокультурную специфику общения, исследователь неизбежно сталкивается с неразрешимой проблемой: что является исходным определяющим фактором для установления этой специфики — язык или исторические, географические, социальные обстоятельства, повлиявшие на формирование духа народа. Если признать, что изначальным моментом для формирования этнического своеобразия является язык, то получается, что был период, когда этнос образовался как данность вне истории и обстоятельств своего существования, возник внезапно и получил данный ему язык. С другой стороны, внешние факторы формирования социальной общности могут повлиять на специфику поведения людей, но тогда следует признать, что определенный период времени этнос существовал без языка и, только накопив историко-психологический опыт, перенес его в язык и тем самым закрепил свою идентичность в языке. Если бы такое положение дел имело место в действительности, то язык представлял бы собой зеркальное отражение историко-социальной ситуации данного этноса. Такая точка зрения была широко распространена в период вульгарно-социологического подхода к языку. Н.Я.Марр и его последователи противопоставляли буржуазный и пролетарский языки, понимая под языками не средство общения этноса или нации в целом, а отличительную черту речи той или иной социальной группы. Близкую позицию занимали идеологически ангажированные языковеды ГДР, доказывавшие, что немецкий язык ГДР и ФРГ различаются принципиально вследствие различия социального строя. На наш взгляд, гипертрофия социального в языке объясняется смешением понятий: есть язык как сложная знаковая система, призванная обеспечить общение всех, кто ею пользуется, и разновидность языка, язык социальной группы, социолект и диалект, существующие в рамках языка и служащие не только для поддержания общения, но и для самоидентификации. Если мы все говорим на одном языке, то самоидентификация вряд ли актуальна: ведь мы же не подчеркиваем, общаясь с другими людьми, что мы — люди, представители группы homo sapiens. Получается, что, преувеличивая значимость социально-исторических моментов в языке, лингвисты выдают разновидность языка за язык в целом.

Такая позиция в известной мере оправдана с точки зрения социолингвистики, поскольку в рамках данной области лингвистического знания языковед должен обращать внимание на частности, на сиюминутное существование языка. Ведь история отражается в языке не в наименованиях великих событий или протокольных описаниях деятельности правителей, а в многочисленных нюансах ежедневного быта, зафиксированного в значениях языковых единиц. Эти значения актуальны для языкового коллектива в целом, они дают возможность людям понимать друг друга. Изменяющиеся нюансы значений могут бросаться в глаза, например, в современном русском языке конца XX в. получил широкое распространение обширный пласт лексики уголовного мира: например, *мочить, наезжать, опускать*. Интересный пример расширенной интерпретации слова "*мочить*" мы находим в статье А.Слаповского "Пришедшие типы пришедшей эпохи. Мочильщик" (Известия, 29.08.2000):

Мочиловка есть физическое или психологическое или иное устранение физического или юридического лица (или группы лиц) или вывод из строя на время или навсегда с применением или без применения технических средств. Если вы услышите, как голубоглазое дитя в детском саду сговаривается с товарищами "мочить воспиталку", это значит, что он имеет в виду именно широкий смысл слова: привести воспитательницу в непригодное для воспитательного процесса состояние. То есть: напугать, неожиданно выключив свет и набросив воспитательнице на голову пальто, или подлить в ее скромный обеденный суп что-нибудь из противных флаконов, что в медицинском шкафчике стоят, или попросить старшего брата позвонить басом, позвать воспитательницу и сказать, что у нее дом горит, или кошка с балкона упала, или что ее мамаша умерла.

Этот пример интересен прежде всего потому, что раскрывает внедрение поведенческой стратегии определенной социальной группы в сознание широких масс носителей языка посредством определенного знака, который получает особую символическую ценность, характеризуя и действие, и участников общения, и исторический срез эпохи. Важно отметить и специфический черный юмор, который получил широкое распространение именно в наше время и тем самым стал знаковым для современной русской культуры.

Языковые знаки незаметно переходят в новые семиотические области, так, глагол "*разбираться*" приобретает новое жаргонное значение *"провести групповое обсуждение действий члена коллектива, нарушившего неписаные нормы поведения, и наказать его*" в конструкции "*разбираться с кем-то*", существительные "*козел*" и "*дятел*" обозначают не представителей животного мира, а неприятных людей. Поколение тому назад эти слова могли быть лишь авторскими метафорами, и приоритетность осмысления соответствующих языковых знаков в новом значении стала показателем принадлежности говорящих к единой лингвокультуре.

Вместе с тем нельзя не согласиться с Б.А.Серебренниковым, который считает, что тезис о мышлении только на базе языка ошибочен в силу недооценки современными лингвистами, психологами и философами первой сигнальной системы (Серебренников, 1983, с.135): "Органы чувств дают нам более богатую информацию о мире по сравнению с тем, что дает нам язык. Ведь каждое понятие возникает из восприятия, а восприятие есть результат познания человеком предмета или явления в целостности, во всей совокупности конкретных свойств". Развивая этот тезис, мы отмечаем специфику выделения фрагментов действительности, специфику избирательного отвлечения. Однако если мы признаем, что на доязыковом, чувственном уровне принципиальной специфики в восприятии мира человеческими коллективами нет, а есть только индивидуальная

специфика, объясняемая биологически, и, следовательно, именно язык представляет собой механизм межэтнических различий, то такое понимание проблемы, на мой взгляд, упрощает суть дела. Модель "человек – язык – мир", в которой язык трактуется как промежуточный, посредующий мир (Zwischenwelt, по В.Гумбольдту и Л.Вайсгерберу) между человеком и объективной действительностью, не означает, что человеческий опыт в его специфических проявлениях фиксируется только в языке. Действительно, мы видим то, что готовы видеть, и дифференцируем то, что готовы различать на основе своего опыта. Но это различие опыта может быть и коллективным.

Можно сформулировать вопрос иначе: есть ли коллективная специфика восприятия мира на доязыковом уровне у человека? Такая постановка вопроса может показаться искусственной: человека делает человеком вторая сигнальная система. Но сознание оперирует не только языковыми образованиями. Вторая сигнальная система не функционирует в отрыве от первой. Есть национально-специфические стереотипы поведения – в мимике, в выражении радости и горя, в сложных невербальных реакциях. Есть национальное искусство, произведения которого не сводимы к словам. Можно, конечно, любые способы знакового обозначения назвать языком, но тогда потребуется противопоставить язык в широком смысле и вербальный язык в привычном понимании. В целом выражение «доязыковой уровень» имплицирует пирамиду, в составе которой есть только одно измерение – от простого, доязыкового – к сложному, языковому. Эта модель, возможно, приятна лингвистам, но психологи, социологи и культурологи справедливо посчитают ее упрощенной и поэтому неверной. Есть китайский афоризм:

Верша нужна – чтоб поймать рыбу: когда рыба поймана, про вершу забывают. Ловушка нужна – чтоб поймать зайца: когда заяц пойман, про ловушку забывают. Слова нужны – чтобы поймать мысль: когда мысль поймана, про слова забывают. Как бы мне найти человека, забывшего про слова, — и поговорить с ним! (Чжуан-цзы).

Не вызывает сомнений то, что в определенных ситуациях человек разумный способен перейти на «заязыковой» или «сверхъязыковой» уровень общения, когда мы прекрасно понимаем смыслы, принципиально игнорируя те или иные словесные оболочки, но обсуждение такого общения в книге, посвященной лингвистическим проблемам, вряд ли уместно. Элементы сугубо контекстного понимания смысла пронизывают все наше общение. Кстати, уважаемый читатель, слово *верша* в приведенном афоризме означает рыболовную снасть в виде корзины конической формы с узким входом (БТС). Это слово известно не всем носителям русского языка, но для понимания смысла приведенного изречения достаточно приблизительно знать семантику данного слова: "рыболовная снасть", и такое знание обеспечивается контекстом.

В этой связи подчеркнем, обсуждая проблему фиксации национально-культурного содержания в общении, что более объективной является не уровневая, а многомерная аспектная модель коммуникации. Национально-специфическое свойственно не только языку, а главное, между доязыковым, языковым и сверхъязыковым модусами сознания нет непроходимой границы: мыслительные образования градуальны. Эта мысль четко выражена в тезисе В.В.Налимова о существовании определенной шкалы «мягкости – жесткости» языков: естественный обыденный язык занимает срединное положение, к мягким языкам относятся неоднозначно кодирующие и неоднозначно интерпретируемые знаковые системы, например, язык музыки, к жестким – язык научных символов (Налимов, 1979, с.105). Ю.М.Лотман считает, что "спектр текстов, заполняющих пространство культуры, … расположен на оси, полюса которой образуют

искусственные языки, с одной стороны, и художественные, – с другой" (Лотман, 1999, с.19).

Различия между языками сводятся к формально-знаковым (звуковые и графические системы) и содержательно-символическим (лексические и стилистические системы). Морфологические форманты, как известно, представляют собой в историческом плане выветрившиеся лексические единицы, которые сначала были полнозначными словами, затем стали служебными и, наконец, превратились в безударные части слов. Более сложен вопрос о природе синтаксической специфики языков: например, в какой мере порядок слов отражает особенность видения и картирования мира? Прав ли В.Вундт, считавший, что последовательность "прилагательное + существительное" (как в английском, немецком и современном русском языках) свидетельствует об особом выделении признаков по сравнению с последовательностью "существительное + прилагательное" (как во французском и былинном русском)? (Wundt, 1973, p.101). На мой взгляд, прав, поскольку выделение и закрепление признаков специфично в различных способах проявления, и, кроме того, эта специфика системно поддержана. Прилагательное в постпозиции встречается в том языке, где есть определенные морфологические знаки, где из различных грамматических способов для выражения определенных обобщенных значений используются одни и не используются другие возможности. Иначе говоря, избирательная системная комбинаторика различных способов выражения определенного значения в совокупности с другими формально-содержательными единствами составляет специфику языка и, следовательно, особый коллективный взгляд на мир. Пользуясь метафорой В.фон Гумбольдта, можно сказать, что такая комбинаторика и создает языковой круг.

2.2. Концепт как категория лингвокультурологии

С позиций культурологически ориентированной лингвистики сделан целый ряд весьма успешных попыток осмыслить специфическую фиксацию культурно значимых явлений и характеристик бытия в форме языковых знаков. В этом смысле особую значимость имеют исследования по лингвострановедению, прежде всего известная книга Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова «Лингвострановедческая теория слова» (1980). Рассматривая языковые единицы как органическую часть естественного бытия человека в его социальной и природной среде, лингвисты исходят из тезиса о том, что лингвокультурное освещение языка есть сопоставительное изучение этого языка в сравнении с иностранным либо родным. Поэтому в качестве единиц изучения фигурируют реалии, т.е. те факты действительности, которые объективно присущи только данной этнокультурной общности (наименования одежды, строений, еды, обрядов и т.д.), лакуны, т.е. "минус-факты" действительности, значимые отсутствия определенных обозначений, как правило, в лексической системе одного языка по сравнению с другим, и, разумеется, фоновые значения, т.е. содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующие для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа.

Лингвострановедческий подход к слову выражается в виде комментария: то или иное явление аксиоматически квалифицируется как культурно значимое и объясняется с привлечением данных из истории, мифологии, фольклора. В этом смысле особенно важны учебные словари, включающие такие комментарии (Тульнова, 1996).

Обычно в качестве лингвокультурной координаты языка выступает идиоматичность языкового знака. В этом смысле внутренняя форма слова

является наиболее ярким показателем этнокультурного своеобразия соответствующего коммуникативного коллектива. Но этот тезис наиболее уязвим в спорах о своеобразии менталитета того или иного народа, поскольку вычленяемые фрагменты действительности многомерны, а в основу номинации может быть положен лишь один признак. Элемент случайности выбора того или иного признака, несомненно, имеет место. Вместе с тем вся целостность случайных наименований уже не является случайной: во-первых, эти наименования прошли естественный отбор и закрепились в коллективной коммуникативной практике как наиболее удобные, подходящие для данного языкового коллектива способы обозначения действительности, во-вторых, в единой системе наименований образуются своеобразные силовые линии, привычные способы выделения признака, образующие смысловой каркас познаваемого через язык мира. Речь идет о моделируемой идиоматичности (Савицкий, 1993). Например, в современном русском языковом сознании с разной степенью частотности и узнаваемости живут образные идиоматические выражения, исходным моментом для которых послужила идея шитья: "*шито белыми нитками*" (неумело скрыто что-либо), "*шито-крыто*" (в полной тайне), "*не лыком шит*" (не хуже других), "*криво скроен, но крепко сшит*" (некрасив, но силен и вынослив), "*из этого можно шить шубу*" (получить пользу), "*шить дело кому-либо / на кого-либо*" (необоснованно заводить уголовное дело), "*пришей кобыле хвост*" (быть неуместным), "*расшивать узкие места*" (решать проблемы), "*рот до ушей, хоть завязочки пришей*" (не к месту улыбаться и смеяться) и т.д. На мой взгляд, все эти выражения идиоматичны по-разному: сама идея шитья как действия, в результате которого меняется качество предмета, осмысливается с точки зрения эффективности (с различным оценочным знаком), целесообразности (бессмысленности), символизации (метонимический перенос в сфере судопроизводства), гиперболизации (завязать рот). Для русского крестьянского быта лыко (внутренняя часть коры молодых деревьев, из которой плели лапти, вязали корзины) ассоциировалось с простотой и незатейливостью выполнения дела (если о ком-то говорилось *"лыка не вяжет",* значит, он был сильно пьян). Шуба — это дорогая теплая меховая одежда, очень нужная зимой, отсюда и акцентированное понятие пользы (вариант: *"Из "спасибо" шубы не сошьешь"*). В английском языке идея шитья выливается в другие идиомы: *A stitch in time (saves nine)* — своевременная мера ("Один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти"); *Don't stitch your seam before you've tacked it* — Не зашивай шов без наметки, т.е. сначала прикинь, а потом берись за дело основательно; *without a stitch to one's back* — голышом (без стежка на спине). Английские выражения менее привязаны к ежедневному быту носителей языка, чем приведенные русские, более дидактичны, в меньшей мере насыщены юмором или иронией. Вероятно, для английского языкового сознания сфера шитья не представлялась столь значимой для сравнений.

Сравнивая конкретные идиоматические выражения в разных языках, мы неизбежно констатируем наличие определенного мыслительного конструкта, объединяющего эти выражения, и специфическое различие в форме, привязывающей соответствующую идею к реальности. Например, не следует принимать желаемое за действительное: *"Не скажи "гоп", пока не перепрыгнешь", "Never cackle till your egg is laid"* ("Не кудахтай, пока не снес яичка"), *"(Не следует) делить шкуру неубитого медведя", "Цыплят по осени считают", "Хвали день вечером"* и т.д. Эти выражения постоянно создаются и проходят своеобразную обкатку в соответствующих ситуациях, например, в анекдотах: Человек покупает лотерейный билет, мечтая выиграть автомобиль, и представляет себе ситуацию, когда все, кто не верил в его удачу, придут

покататься на его машине, и, увлекшись, говорит: *"Вон с моей машины!"* Эта фраза встраивается в приведенный выше фразеологический ряд. Отсюда следует, что конкретное изолированное выражение вряд ли свидетельствует о специфике менталитета народа, но совокупность этих выражений может дать нам основания для определения тех или иных тенденций в картировании реальности.

Более информативным для моделирования лингвокультурной специфики того или иного сообщества представляется понятие картины мира, в том числе языковой картины мира, mapping of the world (в англоязычной традиции — картирования мира). Имеется в виду не своеобразное обозначение того, что уже выделено и расклассифицировано (там мы сталкиваемся с языковой техникой, со способами номинации, уникальная совокупность которых составляет специфику языковой формы), а собственно выделение, фрагментация, освоение действительности.

Основной единицей лингвокультурологии является **культурный концепт** – ***многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны***.

К числу онтологических характеристик языковой картины мира в данной работе предлагается отнести следующие признаки: 1) наличие **имен концептов**, 2) **неравномерная концептуализация** разных фрагментов действительности в зависимости от их важности для жизни соответствующего этноса, 3) **специфическая комбинаторика** ассоциативных признаков этих концептов, 4) **специфическая квалификация** определенных предметных областей, 5) **специфическая ориентация** этих областей на ту или иную сферу общения.

Мы говорим о наличии имен концептов в том случае, если концептуализируемая область осмыслена в языковом сознании и получает однословное обозначение. Концептуализация действительности осуществляется как обозначение, выражение и описание.

Обозначение есть выделение того, что актуально для данной лингвокультуры, и присвоение этому фрагменту осмысливаемой действительности специального знака. В предметном мире обозначение выделяет предмет, устанавливая его место в окружающей действительности. Обозначение может иметь различные степени точности. Например, если кто-либо хочет сказать, что у него болит зуб, он может уточнить это следующим образом: 1) стандартное обозначение предмета (*зуб*); 2) генерализирую–щее обозначение (*костный орган*); 3) уточняющее обозначение (*клык*); 4) специальное уточняющее обозначение (*нижний левый клык*). Стандартное и уточняющее обозначения относятся к наивно-языковой концептуализации, генерализирующее и специальное уточняющее – к специальной сфере общения. Обозначение в сфере непредметных сущностей – это выделение качеств и процессов и присвоение им имен. Например: *procrastination – откладывание на потом, перенесение на более позднее время, промедление.*

Выражение концепта – это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание. Проиллюстрирую приведенный концепт 'откладывание на потом':

Я хорошо помню мою первую педпрактику – волнение перед пробными уроками, лица веселых шестиклассников, их каверзные вопросы, беседы с учителем-методистом. Но еще была отчетная документация, конспекты, педагогический дневник, который надо было регулярно вести… Как мне не хотелось заниматься этим бумаготворчеством! Когда до конца практики осталась неделя, я сказал себе: все, дальше тянуть некуда, но потом решил, что добрые однокурсницы, прилежные отличницы, не оставят меня в беде. Но

не тут-то было! Девушки, сославшись на разные причины, в этот раз мне не помогли. Я помню, как я писал этот дневник всю ночь. Это было не самое удачное мое произведение. Но все же мне было немного обидно, когда я узнал, что моя итоговая оценка за педпрактику снижена из-за "двойки" за этот дневник. Преподаватель кафедры педагогики сухо констатировал: "Есть требования для всех". А потом добавил: "Вам будет очень трудно работать в школе, если Вы не поймете, насколько важна правильно оформленная документация".

В этом тексте нет обозначения концепта, о котором идет речь, но приводятся ситуативные характеристики, раскрывающие его суть: необходимость выполнения действия, неинтересное занятие, нежелание выполнять действие, надежда на то, что удастся в последний момент выполнить работу, отрицательный результат. Сочинение на тему или составление учебного "топика" на иностранном языке – это типичная иллюстрация выражения концепта. Следует заметить, что концепт может находить выражение, даже не имея специального словесного обозначения.

Описание концепта – это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений. Например: 1) дефинирование (*to procrastinate – fml to delay repeatedly and without good reason in doing something that must be done* (LDELC); *delaying something that must be done, often because it is unpleasant or boring* (CIDE); выделяются смысловые признаки: категориальный статус – "действие", тематическая конкретизация – "перенос на более поздний срок", характеристика – "неоднократность", внешняя отрицательная оценка – "отсутствие уважительной причины", внутренняя отрицательная оценка – "неприятно", "скучно", модальность долженствования – "необходимость выполнения действия"); 2) контекстуальный анализ ("*As we do this we are less and less able to act positively as we resort to distractions and procrastination to prevent us dealing with what we have suppressed and keep our minds as quiet as possible*" (BNC); выделяются ассоциативно связанные смысловые признаки "неспособность действовать", "отвлечение, помеха", "покой"); 3) этимологический анализ (Latin *procrastinare procrastinat- (as pro-1, crastinus 'of tomorrow'* from *cras 'tomorrow')* (COD); корень слова – "завтра"); 4) паремиологический анализ (*Procrastination is the thief of time; Never put off till tomorrow what you can do today; Time is money*; нормы поведения: следует ценить время, не следует откладывать дела на потом); 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование (Procrastination or Rat Race – what would you choose and why? What would you name next to procrastination?).

Неравномерная концептуализация различных фрагментов действительности проявляется в виде **номинативной плотности** – одни явления действительности получают детальное и множественное однословное наименование, между лексическими и фразеологическими выражениями соответствующих концептов устанавливаются различные системные отношения уточнения, сходства и различия, в то время как другие явления обозначаются общим недифференцированным знаком. Так, применительно к концепту "путешествие" в русской и китайской лингвокультурах (китайский материал представлен в диссертационном исследовании Лю Цзюань) можно установить определенную асимметрию в уточнении аспектов действия: в китайском языке детально охарактеризованы на лексическом уровне в однословном выражении различные типы путешественников, например, путешествующие императоры или аристократы. В русском языке этого нет. С аналогичным примером асимметрии мы сталкиваемся при концептуализации запахов: в китайском языке однословно зафиксировано гораздо больше конкретных разновидностей запахов, чем в русском (Сунь Хуэйцзе, 2001).

Специфическая комбинаторика признаков, выделяемых у различных концептов, связана с различной практикой освоения действительности (например, голубь – съедобная либо несъедобная птица, веер – аксессуар сугубо женского либо женского и мужского использования). Комбинаторика концептов уточняется идиоматичной комбинаторикой лексических единиц, выражающих соответствующие концепты (приведем русские и эквивалентные им английские и китайские словосочетания в словарной интерпретации и буквальном переводе: рус. *крепкий чай* – англ. *strong tea – "сильный",* кит. *густой чай;* рус. *черствый хлеб* – англ. *stale bread – затхлый, пахнущий сыростью и плесенью (не удивительно в условиях английского климата),* кит. *твердый хлеб;* рус. *вилять хвостом* – англ. *wag – быстро и энергично махать хвостом,* кит. *махать хвостом;* рус. *поставить плохую оценку* – англ. *give – давать оценку,* кит. *ударить плохой оценкой;* рус. *привлечь к ответственности* – англ. *to make answer for – заставить отвечать*, кит. *доискиваться*).

Специфическая квалификация концептов объясняется культурными доминантами поведения, исторически закрепленными ценностными ориентациями, принятыми в соответствующей лингвокультуре. Например, во всех сообществах дети с любовью и уважением относятся к своим родителям, но степень привязанности взрослых детей к своим старым родителям в традиционной китайской культуре отличается от образцов поведения, принятых в других этнических сообществах: любое желание родителей является законом для детей, и такое поведение получает одобрительную оценку в Китае. В Китае принято оказывать уважение людям старшего возраста, при этом статусный знак уважения направлен не только на повышение статуса того, кому оказывается уважение (это свойственно всем лингвокультурам), но и на принижение собственного статуса говорящего (это характерно для культур Юго-Восточной Азии). Паремиологические единицы в китайском языке подчеркивают необходимость такой маркированной индикации собственного статуса в разных сферах, в том числе и применительно к ситуациям путешествия. Показательна китайская пословица: *Чем чаще будешь называть кого-нибудь старшим братом, тем меньше тебе придется карабкаться в гору*.

Специфическая ориентация определенных концептов на ту или иную сферу общения выражается в том, что определенные смысловые образования оцениваются в той или иной лингвокультуре как относящиеся к высокому либо нейтральному, либо сниженному регистру общения. Применительно к концепту "путешествие" можно заметить, что в русском языке осуждается хождение без цели (*слоняться, шататься, болтаться, таскаться, шляться, шлёндать*), и все эти единицы употребительны в сниженном регистре общения. Скорость передвижения также оценивается относительно приемлемой нормы: плохо "*тащиться*", т.е. двигаться чересчур медленно, но плохо и "*шнырять*", т.е. двигаться слишком быстро, при этом данные слова также являются стилистически сниженными. В китайском языке осуждается праздное путешествие, характерны следующие комбинации компонентов соответствующих иероглифов: *you yan* – путешествие + пир, *you pan* – путешествие + обвивать что-либо, *you dang* – путешествие + распущенность, *yi you* – праздный + путешествие.

Полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определенного концепта. Различие между культурами проявляется в количественном и комбинаторном предпочтении признаков при концептуализации мира. Объяснение таких предпочтений требует обращения к истории, психологии, философии того или иного народа.

Подчеркнем, что важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие номинативной плотности, т.е. детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого. В качестве хрестоматийных примеров обычно говорят о снеге у эскимосов и песке – у арабов. Показателем номинативной плотности является, в частности, однословное обозначение некоторого понятия в одном языке по сравнению с неоднословным обозначением в этом же языке и в других языках (например, мы говорим по-русски о коровьем, козьем, кобыльем, верблюжьем молоке, при этом обозначение без определения, как и положено наиболее частотному, т.е. немаркированному обозначению, относится к коровьему молоку; у тюркских народов есть однословные обозначения кисломолочных напитков из кобыльего и верблюжьего молока: *кумыс* и *шубат*). Речь идет о выделении признаков, свидетельствующих об этнокультурном своеобразии народа.

Некоторые признаки лежат на поверхности, например, ясно, что исходя из островного положения Англии, высокой занятости населения в области мореплавания, важности приливов и отливов для ежедневной жизни англичан, а также большого удельного веса рыбы и рыбопродуктов в их рационе, соответствующие стороны действительности получат детальное наименование. Сравним в русском *плыть* — о живом существе, о корабле, о щепке в воде и на поверхности воды (*дрейфовать* — специальный термин) и в английском — *to swim, to sail, to navigate, to float, to drift*, где выделяются признаки живого существа (контролируемости действия), плавания на корабле, управления кораблем, плавания как удерживания на поверхности воды, плавания как бесконтрольного движения в толще воды. В русском языке идея контролируемости плавания находит тонкое различие в глаголах: *затонуть* – о предмете, о корабле и *утопать* – о живом существе (отсюда *утопающий* и *утопленник*), в английском есть очевидное различие между погружением предмета в воду или иную среду (*to sink*) и затоплением живого организма (*to drown*). Вместе с тем любая конкретная предметная область раскрывается в прямых и метафорических обозначениях с неизбежным выделением этнокультурно значимых моментов.

При осмыслении и языковой фиксации понятия "рыба" получают освещение различные объективные признаки рыб — рыбы живут только в воде, не издают звуков, они годятся в пищу, их ловят специальными приспособлениями, будучи пойманы, они скоро портятся и т.д. Сравнивая качества людей с характеристиками рыб, представители разных культур неизбежно выделяют универсальные и этноспецифические признаки, по которым проходит сравнение. Например, в английском и русском языках совпадают сравнения *"нем как рыба"* — *"as dumb as a fish".* По-видимому, достаточным признаком для того, чтобы говорить о лингвокультурной специфике обозначения мира, является способ **экземплификации** (конкретизации): какие конкретные явления или предметы приходят в голову носителям данной культуры в первую очередь и, повторяясь, фиксируются в языке для того, чтобы обозначить в переносном смысле более абстрактные вещи? Ясно, что это будут те явления и предметы, с которыми люди чаще всего сталкиваются в повседневной жизни. Например: *To venture a small fish to catch a great one* (fish — ценность) — "пожертвовать малым, чтобы получить большое"; *The great fish eat up the small* (*fish* – агрессор и *fish* — жертва) — "большие рыбы пожирают маленьких".

Помимо функции экземплификации важным показателем культурной специфики является функция **квалификации**. В русском языке получают квалификацию определенные качества людей, сравниваемых с рыбами *("рыбья кровь"* — холодный, бесчувственный человек), в английском некоторые рыбы

оцениваются иначе: *he is fighting like a pike* — дерется, борется за жизнь, как щука, которую вытаскивают из воды; в русском языковом сознании очень актуален образ *"биться как рыба об лед"* — идея безысходности, в английском этого нет. Понятие fish в английском языковом сознании весьма размыто: *He is a queer fish. — Странный он человек*. В английском и русском подчеркивается естественность водной среды для рыбы — *"как рыба в воде"* в русском и *like a fish out of water* в английском. Идея целесообразности усилий прослеживается в русской поговорке *"Не учи рыбу плавать"* — не следует учить экспертов делать свое дело или прилагать усилия для мобилизации того, что функционирует по своей природе. Для англичан важно выделение интеллектуальных качеств человека через сравнение с рыбой (*It is a silly fish that is caught twice with the same bait.* — Только глупую рыбку можно дважды поймать на одну и ту же наживку, по-русски мы предпочитаем обозначать эту ситуацию через выражение *"наступить на те же грабли"*; *That fish will soon be caught that nibbles at every bait* — Рыбка, которая клюет на каждую приманку, скоро будет на крючке); для русских на первый план выходит идея усилий и трудностей в связи с ловлей рыбы, для англичан — идея изобретательности: *"Без труда не вытащишь рыбку из пруда", "Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть"* и *The fish may be caught in a net that will not come to a hook* — "Сетью можно поймать ту рыбу, которая не пойдет на крючок" и наоборот: *Fish will not enter the net, but rather turn back* — "Рыба не пойдет в сеть сама, а скорее всего повернет назад".

В русском языке излюбленным приемом является контрастное очевидное (до абсурдности) сопоставление, например, *"нужен, как рыбе зонтик"* (совершенно не нужен), *"на рыбьем меху"* (не предохраняющий от холода); годится любое нелепое сравнение: *"Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан"* — это высказывание функционирует, по-видимому, как ответная реплика в оправдании тех или иных действий. Англичане любят иной прием ведения беседы — перевод сообщения в намек: *"I have other fish to fry".* — "У меня есть другая рыба для поджаривания", сравним: *It's not my cup of tea.* — "Это не моя чашка чая", т.е. не то, что мне нравится. Весьма актуальная для русского языкового сознания тема коррумпированности всякой земной власти отливается в формулу *"Рыба гниет с головы"* (эта сентенция фигурирует во многих языках), англичане делают иные выводы, отталкиваясь от того, что рыба скоро портится: *Fish and company stink in three days* — "Рыба и компания протухают за три дня", для англоязычного сообщества очень важна идея сознательного поддержания хороших отношений между людьми, учет и упреждение возможных конфликтов. Следует отметить еще один прием осмысления ситуации: *He has well fished and caught a frog* — "(Он) неплохо порыбачил — лягушку поймал", это ироничное высказывание легко обращается в самоиронию. Впрочем, следует отметить и полный параллелизм образов *"Ловить рыбку в мутной воде"* и *"Ни рыба, ни мясо"* в русском и английском. Англичане предпочитают говорить не о рыбе вообще, а о породе рыб, например, *red herring* — обман, "копченая селедка", которую протаскивали на веревке по тропинке, чтобы собака потеряла след.

Эти и многие другие примеры свидетельствуют о том, что при всей внешней хаотичности образов, эмоциональных оценок, связанных с конкретными предметными ситуациями, в лингвокультуре объективно выделяются и верифицируются комплексные знаки особой природы — культурные концепты. В.Г.Зусман справедливо отмечает, что "концепт всегда представляет собой часть целого, несущую на себе отпечаток системы в целом. <…> Концепт – микромодель культуры, а культура – макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею" (Зусман, 2001, с.41). Очевидна параллель между человеком как микрокосмом и космосом, с одной стороны, и концептом и

культурой, с другой стороны. Такая параллель интересна и в эвристическом отношении: отталкиваясь от анализа одного культурного концепта, мы в принципе можем реконструировать при последовательном развертывании всю систему концептов определенной культуры.

Если при анализе идиоматичности мы должны отталкиваться от формы знака, от языковой данности, то изучение культурных концептов — это движение от психических, социально-культурных образований в сторону их вариативной фиксации в языке и не только в языке. Понимание концептов весьма вариативно в современной лингвистике. Не вызывает споров лишь то положение, что концепт принадлежит сознанию и включает, в отличие от понятия, не только описательно-классификационные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Концепты не только мыслятся, но и переживаются (Степанов, 1997, с.41).

Если не принимать во внимание те работы, в которых концепт и понятие отождествляются, то существующие в лингвистике подходы к пониманию концепта сводятся к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этих явлений (Воркачев, 2002).

Концепт как лингвокогнитивное явление – это единица "ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике” (Кубрякова, 1996, с.90). Часть концептов имеет языковую “привязку”, другие концепты представлены в психике особыми ментальными репрезентациями — образами, картинками, схемами и т.п. (Там же).

Для психолингвиста концепт – это "спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории" (Залевская, 2001, с.39). При этом подчеркивается принципиально невербальная природа концепта, с одной стороны, и сложное строение концептов, с другой стороны: каждый концепт, как отмечает К.Харди, является "констелляцией элементов и процессов всех возможных видов (поэтому любое самое абстрактное понятие увязано со своими чувственными корнями)" (цит. по: Залевская, 2001, с.39). А.А.Залевская проводит четкое различие между концептами как достоянием индивида и конструктами как редуцированными на логико-рациональной основе продуктами научного описания концептов, таких как значения и понятия. Соглашаясь с тем, что образ мира значительно богаче языковой картины мира и непременно включает перцептивные и аффективные составляющие, я бы хотел подчеркнуть включенность языковых знаков в сеть многомерных смыслов, образующих как индивидуальное достояние личности, так и коллективную систему социально транслируемого опыта.

Принципиально иное понимание концепта предлагает А.Соломоник, который считает, что концепт – это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия (Соломоник, 1995, с.246). Такой подход согласуется с позицией С.Д.Кацнельсона, противопоставлявшего формальные и содержательные понятия, первые соотносимы с обиходными знаниями и фиксируются в обычных толковых словарях, вторые – с научными и объясняются в энциклопедических справочниках. Такая дифференциация понятий базируется на известном противопоставлении ближайшего и дальнейшего значения слова, по

А.А.Потебне. Принятая в когнитивной лингвистике модель "представление – понятие" уточняется в таком случае как "представление – обыденное понятие – научное понятие". Разница между обыденным и научным понятием заключается в стихийном обобщении своего опыта на уровне обыденного понятия и использовании дедукции и индукции на уровне научного понятия. Бесспорно, между любыми уровневыми образованиями можно найти промежуточные явления, есть ментальные сущности, которые можно было бы определить как не совсем представления или уже не представления, но еще не понятия. Такое понимание концепта по своей сути является логико-семантическим и, следовательно, лингвокогнитивным.

С позиций когнитивной лингвистики концепт понимается как заместитель понятия, как “намек на возможное значение” и как “отклик на предшествующий языковой опыт человека” (Лихачев, 1997, с.282), т.е. концепт трактуется как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения. Совокупность концептов образует концептосферу данного народа и соответственно данного языка, что имеет непосредственное отношение к языковой картине мира.

Лингвокультурный подход к пониманию концепта (= культурного концепта) состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом. Ю.С.Степанов (1997, с.41) пишет, что “в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д." Концепты в этом понимании часто соотносятся с наивной картиной мира, противопоставляемой научной картине мира, исследователи говорят о “понятиях практической философии”, таких как “истина”, “судьба”, “добро” и т.д. “Обыденная философия есть результат взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей” (Арутюнова, 1993, с.3).

По мнению В.П.Нерознака, мы можем говорить о концепте национальной культуры в том случае, если при переводе на другой язык в том языке нет дословного эквивалента соответствующего концепта: "безэквивалентная лексика, или то, что обычно называют "непереводимое в переводе" и есть тот лексикон, на материале которого и следует составлять списки фундаментальных национально-культурных концептов" (Нерознак, 1998, с.85). Этот подход к изучению концептов весьма интересен и в максимальной степени объективен. В самом деле, можно вести дискуссии, является ли Гамлет концептом русской культуры, но, например, понятия "порядочность" и "пошлость" с трудом поддаются переводу на другие языки.

Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию. Это различие сопоставимо с генеративной и интерпретативной моделями общения, при этом мы понимаем, что разделение движения вовне и движения вовнутрь является исследовательским приемом, в реальности движение является целостным многомерным процессом.

Развиваемый в данной работе лингвокультурный подход представляет собой конкретизацию изучения культурных концептов с точки зрения их ценностного

компонента. Имеется в виду сопоставление отношения к тем или иным предметам, явлениям, идеям, которые представляют ценность для носителей культуры. Ценности, высшие ориентиры, определяющие поведение людей, составляют наиболее важную часть языковой картины мира. Эти ценности не выражены явно в каком-либо тексте целиком. Хотя и существуют этические кодексы типа Десяти Заповедей, но они охватывают ничтожно малую часть ценностей. Ценности существуют в культуре не изолированно, а взаимосвязанно и составляют ценностную картину мира (часть языковой картины мира). Лингвистически они могут быть описаны в виде культурных концептов, т.е. многомерных, культурно-значимых социопсихических образований в коллективном сознании, опредмеченных в той или иной языковой форме. Главное в концепте — это "многомерность и дискретная целостность смысла, существующего тем не менее в непрерывном культурно-историческом пространстве и поэтому предрасположенного к культурной (и культурогенной!) трансляции из одной предметной области в другую" (Ляпин, 1997, с.19). В культурных концептах выделяются по меньшей мере три стороны — образ, понятие и ценность. В этом смысле можно сказать, что культурные концепты соответствуют тем базовым оппозициям, которые определяют картину мира. Различие заключается в количестве этих единиц: число базовых оппозиций весьма ограничено, а число культурных концептов может быть достаточно большим. Обратим внимание на то, что ценностный подход к изучению и описанию концептов учитывает важность аффективной стороны концепта в психолингвистическом понимании этого явления. Образная составляющая культурного концепта коррелирует с перцептивной и когнитивной сторонами концепта как психолингвистического феномена, а понятийная составляющая представляет собой выход на языковое воплощение рассматриваемого явления (в этом плане понятийную сторону концепта можно было бы назвать фактуальной – Карасик, Слышкин, 2001, с.78). Предлагаемый интегральный подход к пониманию концепта позволяет систематизировать различные понимания этих ментальных сущностей.

Необходимо отметить, что культурные концепты — явление неоднородное. Прежде всего, они различаются по принадлежности тому или иному социальному слою общества. Иначе говоря, можно утверждать, что если в обществе выделяются четко очерченные социальные группы, то и существуют концептосферы этих групп. Этническое не проявляется изолированно, но находит выражение через социальное. Строго говоря, существует социоэтническое самосознание индивидуума, и в этом самосознании выделяются культурные концепты. Разумеется, речь не идет о вульгарной социологизации языка, мы не утверждаем, что английские рабочие и английские банкиры говорят на разных языках, их концептосферы в значительной мере пересекаются применительно к понятиям, выражаемым основным словарным фондом, но есть и области несопоставимых концептов. Измерение индивидуальных, микрогрупповых, классовых (и других макрогрупповых) и общенациональных концептов — это перспективная задача социолингвистики. С позиций социолингвистики, таким образом, можно противопоставить, по меньшей мере, три типа культурных концептов: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные. Иначе говоря, существуют ментальные образования, актуальные для этнокультуры в целом, для той или иной группы в рамках данной лингвокультуры и, наконец, для индивидуума. Такое понимание концептов позволяет совместить различные подходы к их интерпретации.

Примером русского этнокультурного концепта является 'щедрость' – *способность охотно делиться с другими своими средствами, имуществом и*

т.п. (БТС); это качество характера есть и у других народов, но степень важности этого качества и отсутствие ограничений в тех ситуациях, когда трезвый расчет диктует такие ограничения ввести (это особенно характерно для ритуала гостеприимства), превращает данный концепт в особый опознавательный знак русской культуры. По мнению О.А.Леонтович (2002), к числу важнейших концептов, определяющих сущность современной американской лингвокультуры, относятся ментальные образования 'self', 'privacy', 'challenge', 'efficiency'. Например, слово *challenge* определяется в лингвострановедческом словаре "Жизнь и культура США" следующим образом: *1) задача, 2) проблема, 3) испытание, 4) вызов. Это слово – одно из ключевых для понимания американского национального характера; оно выражает отвагу, готовность рисковать, чтобы испытать себя, дух авантюризма, стремление к соперничеству и т.д.* (Леонтович, Шейгал, 1998).

В качестве иллюстрации социокультурного концепта, существующего в пространстве русской лингвокультуры, можно привести концепт 'жалость' – смысловую связку в сознании пожилых людей: любить – значит жалеть, жалость в таком осмыслении как чувство сострадания, выражения привязанности в единстве с сочувствием свойственна именно старикам, это не удивительно: беззаботная молодость сфокусирована на радостях жизни, и порой бывает беспощаден тот, кто намерен только радоваться. В англоязычной культуре демонстрация привязанности к старикам должна быть не столь ярко проявляемой, а выражение сочувствия к ним может восприниматься ими как унижение.

Одним из важнейших английских социокультурных концептов является смысловое образование *dignity*. В переводе на русский это – "*достоинство*". Сравним словарные дефиниции: *Dignity – the quality or state of deserving respect, esp. because of being controlled, serious and calm. He is a man of dignity and calm determination. Even though they are poor, they still have a sense of dignity (CIDE). Dignity – 1) a composed and serious manner or style; 2) the state of being worthy of honour or respect; 3) worthiness, excellence (the dignity of work); 4) a high or honourable rank or position; 5) high regard or estimation. ~ beneath one's dignity not considered worthy enough for one to do; stand on one's dignity insist (esp. by one's manner) on being treated with due respect. [Middle English via Old French from Latin dignitas -tatis, from dignus 'worthy'] (COD). Dignity – 1) pride and self-respect: a proper sense of pride and self-respect; 2) seriousness in behaviour: seriousness, respectfulness or formality in a person's behaviour or bearing; 3) worthness: the condition of being worthy of respect, esteem, or honour; 4) due respect: the respect of honour that a high rank or position should be shown; 5) high office: a high rank, position, or honour; 6) dignitary: a dignitary (arch) (Encarta). Dignity is 1.1. behaviour or an appearance which is serious, calm, and controlled; used showing approval. e.g. There was something impressive about Julia's quiet dignity. 1.2. the quality of being worthy of respect. e.g. Don't discount the importance of human dignity. 2. Someone's dignity is the sense that they have of their own importance. e.g. He danced a step or two, then remembered his dignity and stood still (COBUILD). Достоинство – 1) положительное качество; 2) совокупность высоких моральных качеств, их уважение в самом себе; сознание своих прав, своей значимости || внешнее проявление самоуважения, сознания своей значимости; 3) стоимость, ценность (денежных знаков и ценных бумаг); 4) устар. титул, чин, звание (БТС).*

Слово *dignity* уточняется в английском тезаурусе в двух аспектах: 1*) [a presence that commands respect] – syn. nobility, self-respect, hauteur, nobility of manner, lofty bearing, elevated deportment, sublimity, dignified behaviour, grand air, loftiness, quality, superior modesty, culture, distinction, stateliness, elevation, nobleness of mind, worthiness, worth, regard, character, importance, renown, splendour, majesty; that*

mysterious something, stuff, class, tone; honour, pride; ant. humility, lowness, meekness; 2) [a station that commands respect] syn. rank, honour, significance; fame; importance (WNWThes). В словарях русских синонимов *достоинство* (*положительное качество кого-, чего-либо*) уточняется как *совершенство, добродетель, плюс* и соотносится с *несовершенством, недостатком и минусом* (БССРЯ); соотносится со словами *преимущество, гордость, стоимость, звание* (СинРЯ). Ближайшее по смыслу слово "*гордость*" – 1*) чувство собственного достоинства, самоуважения. Национальная гордость. Мужская, девичья гордость. Рабочая, профессиональная гордость; 2) чувство удовлетворения от осознания достигнутых успехов, чувство превосходства в чем-либо; 3) преувеличенно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим; заносчивость, высокомерие* (БТС). В английском языке выделяются три значения слова "*pride" – гордость: 1) (satisfaction) a feeling of pleasure and satisfaction that you get because you or people connected with you have done or possess something good; 2) (respect for yourself) your feelings of your own worth and respect for yourself; 3) (feeling of importance) (disapproving) the belief that you are better or more important than other people* (CIDE).

Сравнение словарных дефиниций показывает, что *dignity* обозначает не просто качество, заслуживающее уважения, но черты поведения, свойственные аристократам: серьезность, спокойствие, самоконтроль, осознание своей важности (обратим внимание на точную формулировку: *superior modesty* – скромность превосходства). Отсюда, в первую очередь, отмечаются внешние характеристики такого поведения (для русских чувство собственного достоинства – это внутренняя самооценка собственной значимости, для англичан dignity – это внешнее выражение аристократического поведения). Не случайно достоинство как общее положительное качество в русском языке ассоциируется с недостатком как противоположностью этого качества, в английском же антонимичными коррелятами слова *dignity* выступают слова со значением "смиренность, покорность, кротость", т.е. обозначающие качества, требуемые от слуг и лиц низшего сословия. Разумеется, концепт 'dignity' в расширительном понимании пересекается с различными концептами (например, 'гордость', 'благородство', 'высокомерие'), но в целом это – образец поведения весьма значимой модельной личности для английской лингвокультуры, личности аристократа. Носители английского языка ощущают это достаточно четко. Об этом свидетельствует отрывок из анкеты: *Regarding the word 'dignity', I agree that there is a 'class' aspect. A working class person would never be described or expected to act 'with dignity' Such behaviour is reserved for the middle and upper classes. I would describe it as behaviour (usually in an adverse situation) of a calm or composed manner having due respect for one's position in society, breeding, family or national history and profession (soldier, statesman, doctor, etc)*. В русском языке важнейшая характеристика гордости трактуется как чувство собственного достоинства, соответствия своей осознаваемой идентичности определенной группе (национальной или социальной); соответствие переживается как положительная самооценка, которая, впрочем, может стать завышенной и превратиться в осуждаемое качество высокомерия. По данным ассоциативного словаря, важнейшими реакциями на стимул "*достоинство*" выступают слова "*честь*" (словосочетание "*честь и достоинство*"), "*человека*" ("*достоинство человека*"), "*недостаток*" (РАС–5). Общая положительная оценка в слове "достоинство" прослеживается в группе устаревших деривативных образований "достоверный", "достопочтенный", "достопримечательный" и др. Специфическая комбинация признаков в концепте 'dignity' свидетельствует о том, что для английской

лингвокультуры весьма значима социальная иерархия. Более общий вывод сводится к тому, что социокультурный концепт имеет этнокультурную значимость.

Социокультурные концепты неоднородны. Выделяются концепты, объединяющие большие группы людей по возрастному, гендерному, образовательному, сословному признакам, и концепты, идентифицирующие малые группы носителей той или иной субкультуры – от объединений по интересам до семьи. Языковыми знаками таких групп выступают концепты, требующие специальной интерпретации. Например, в 90-е годы в Волгограде активно работал летний лагерь "Интеграл" для одаренных детей, победителей олимпиад по точным наукам. Для чтения лекций в этом лагере привлекались известные ученые из Московского университета и других вузов. Начало и конец лагерной смены отмечались особой церемонией – "свечкование": в начале смены весь отряд собирался вечером в одной комнате, выключался свет, зажигалась свеча, и каждый из ребят, держа свечу в руке, рассказывал своим новым знакомым о себе все, что считал нужным рассказать. В конце смены в такой же обстановке все члены отряда искренне говорили по очереди человеку, держащему свечу, то, что они о нем думают. Этот ритуал был насыщен переживаниями и осознавался как концепт, как понятие, имеющее символический смысл.

Индивидуальные концепты весьма разнообразны, здесь можно привести индивидуально-авторские концепты, выражаемые ключевыми словами, свойственными тому или иному писателю или философу. Например, М.Хайдеггер пишет: "*Выражение "болтовня" будет применяться здесь не в уничижительном смысле. Оно терминологически обозначает положительный феномен, который конституирует присущий повседневному бытию способ бытия понимания и истолкования. <…> Болтовня есть возможность понимать все без предварительного усвоения сути. Болтовня, которую всякий может подхватить, не только освобождает от обязанности подлинным образом понимать, но и образует некоторую безразличную понятность, от которой ничто не закрыто*" (Хайдеггер, 1993, с.31, 32). Л.П.Черкасова (1992, с.58) отмечает, что слово "*трава"* в лирических текстах Арсения Тарковского помимо общеязыкового значения получает некоторые приращения смысла, становится символом силы, питающей творчество поэта, источником познания, тем, во что превращается человек по окончании земного пути, знаком памяти: *"Дай каплю мне одну, моя трава земная, Дай клятву мне взамен – принять в наследство речь*…" (А.Тарковский). М.Б.Борисова (2001) раскрывает богатство индивидуального концепта 'чудак' в творчестве М.Горького: если в общенародном узусе этот концепт связан с оценкой человека со странностями, чьи поступки вызывают недоумение, то в системе ценностей писателя чудак – это мечтатель ("*Чудаки украшают мир*"), чудаки противопоставляются расчетливым, но недалеким мещанам.

В ином ключе индивидуальные концепты можно было бы рассматривать как концепты, определяющие тот или иной психотип личности: например, для одних людей ценностно значимы покой, душевный мир, уют, для других – борьба, приключения, риск. Такие индивидуальные концепты иногда становятся доминантами поведения определенных социальных групп и могут превращаться в социокультурные концепты. В определенных исторических условиях возможно их превращение и в этнокультурные концепты. Возможно и обратное движение – постепенное угасание значимости концепта в коллективном языковом сознании, в качестве примера можно привести 'кротость', этот концепт толкуется как *незлобивость, уступчивость, покорность* (БТС). В современной русской лингвокультуре такое качество характера воспринимается как странное в обиходе

либо знаковое для религиозного стиля жизни, в то время как в качестве антипода гордыни в коллективном сознании прошлых эпох концепт 'кротость' был весьма актуален.

Кроме того, концепты неоднородны и в плане обозначения объектов. С одной стороны, можно выделить концепты 'душа', 'злорадство', 'логос', с другой стороны, — 'матрешка', 'колобок', 'подъезд'. По мнению С.Г.Воркачева (2002), мы говорим о концептах только применительно к абстрактным сущностям, предметы не являются знаками концептов. С этим доводом можно согласиться, но "матрешка" — это не просто вырезанная из дерева раскрашенная игрушка, но и множество переживаемых ассоциаций, которые возникают у людей, знакомых с традиционной народной русской культурой. Каким бы противоречивым, на первый взгляд, ни было понятие "предметный концепт", мы считаем, что оно имеет право на существование, если в языковом сознании некоторый предмет ассоциируется с культурно значимыми смысловыми рядами. В этом плане можно говорить о культурной значимости уникальных объектов, обозначаемых именами собственными, о концептах имен собственных в рамках национальной культуры, о концептах вымышленных героев или событий, которые стали фактами культуры в художественной литературе, живописи, кинематографе и т.д., о концептах абстрактных имен, о предметных концептах.

Заслуживает внимания замечание В.М.Бухарова (2001, с.84): "…формирование <концепта> в сознании человека происходит вне жесткой связи с тем, на каком языке он говорит и говорит ли вообще на каком-либо языке. Это означает возможность установления общечеловеческих концептов, системы реализации которых обнаруживают национальную, этническую, культурную и т.д. специфику. В результате этого возникают трансконцептные связи и отношения". Соглашаясь с тем, что ментальное образование не всегда воплощается в языковой форме, я бы внес уточнение в понятие "система реализации концепта": этнокультурная и социокультурная специфика концепта заключается не только в языковых значениях, с помощью которых концепт обозначается, выражается и может быть описан. Специфичными могут быть и сами концепты. Например, у американских индейцев, живших на северном побережье Тихого океана, существовал обычай "потлач": человек, достигший высокого положения в племени, должен был устроить церемониальный пир с дорогими подарками для гостей, в результате чего организатор этого пиршества полностью разорялся, становился нищим, но приобретал статус наиболее уважаемого человека. Языковое обозначение этого пира вряд ли раскроет нам культурную специфику этого концепта, состоящую в сочетании признаков имущественной нищеты и максимального престижа. В этой связи, кстати, вспомним, что отец Евгения Онегина "*давал три бала ежегодно и промотался наконец*". Определенные параллели такого специфического сочетания признаков обнаруживаются и в древнеиндийском понимании заключительного этапа жизни человека: уважаемому человеку на закате жизни предписывалось покинуть свой дом и стать нищенствующим странником. Одной из фундаментальных характеристик концепта, по С.Х.Ляпину, является его транслируемость. Трансконцептуальные связи свидетельствуют о специфичности концептов вне зависимости от их языковой реализации.

В изложении Д.С.Лихачева (1997) концепты суть "некоторые подстановки значений, скрытые в тексте "заместители", некоторые "потенции" значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом". Вместе с тем, определяя структуру словарного запаса языка как четырехуровневое образование, Д.С.Лихачев противопоставляет сам "словарный запас, значения словарного типа, примерно так, как они определяются словарями, концепты (в

приведенном выше понимании) и концепты отдельных значений слов, которые зависят друг от друга, составляют некоторые целостности", эти целостности в совокупности составляют концептосферу. Вероятно, суррогатные образования, своего рода тематизаторы и классификаторы в сознании человека требуют отдельного обозначения. Если главным качеством концепта является его заместительная функция, своего рода *предзначение* слова в сознании носителя языка, то концепт выступает как вариант отражения значения, как "общее понятие, замещающее нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода" (Аскольдов, 1997, с.269). Мы же предлагаем считать концепты первичными культурными образованиями, выражением объективного содержания слов, имеющими смысл и поэтому транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира.

В этом плане можно противопоставить: 1) объективное потенциальное содержание; 2) содержательный минимум, который обычно представлен в словарной дефиниции и который является актуализацией концепта, всегда частичной и субъективной по отношению к смысловому потенциалу (известно, что каждый словарь есть отражение субъективной авторской трактовки объективного содержания слов); 3) конкретизацию содержательного минимума, проявляющуюся в нескольких направлениях: а) тематизация ("*фуганок* — это инструмент; *дифференциал* — математическое понятие; *юстировать* — заниматься каким-то действием"); тематическая конкретизация значения зависит от опыта человека, чем образованнее носитель языка, тем ближе тематизатор в сознании человека к содержательному минимуму в идеальном сознании образцового носителя языка; б) прагматизация (*эвакуация* для человека, пережившего войну, содержит важные эмоционально-оценочные характеристики, которые вряд ли могут возникнуть у людей, не имеющих такого опыта; сюда же относятся статусно-ролевые, ситуативные, этноспецифические обертоны языковых реалий).

Многие концепты имеют прямую языковую проекцию. Например, концепт "звезда" в языке обозначает светящуюся неподвижную точку на ночном небосводе, по ассоциации — фигуру с исходящими от нее лучами, как правило, остроконечными, далее по ассоциации — яркую личность, яркое явление. Научное понятие "звезда" резко отличается от бытового или наивно-языкового, при этом различие состоит в сигнификате данного понятия, в так называемых энциклопедических признаках (цвет, температура, отдаленность, тип излучения и т.д.). Оценочный фон данного концепта объясняется эстетическими и утилитарными свойствами, которые осознали люди, наблюдавшие за звездами. Звезды красивы, звездное небо свидетельствует о совершенстве мироздания и о величии космоса; вместе с тем порядок и взаиморасположение созвездий дают возможность знающим людям определять направление в пути, измерять время. В бытовом сознании фигурирует оборот *падающие звезды*, с этим связаны некоторые приметы.

Некоторые концепты, связанные с тактильными, вкусовыми и обонятельными ощущениями, не имеют прямой языковой проекции и обозначаются сочетаниями слов ("запах свежевыпеченного хлеба"). Запахи, как известно, очень трудно поддаются категоризации: если множество хроматических оттенков можно подвести под понятие "зеленый цвет", то для запахов таких обобщений не существует. Дифференциация в пространстве обоняния осуществляется по двум основным осям: оценка (приятный либо дурной запах) и указатель запаха (источник, содержание, сфера распространения и интенсивность) (Сунь Хуэйцзе, 2001, с.4). Иероглифика как способ знаковой фиксации концептов способствует

более конкретной дифференциации запахов, например, в китайском языке выделяется целостное смысловое образование *shan wei* – "резкий бараний запах", в русском языковом сознании подобные образования могут быть только формируемыми в момент речи, конкретно-ситуативными и описательными.

Языковые проекции концептов позволяют обнаружить не только картину мира, лингвистически освоенный мир, но и своеобразие способа освоения мира. Известно, что в основу номинации обычно кладется только один релевантный признак, по которому восстанавливается вся совокупность обозначаемого предмета. В этом состоит принцип означивания, языкового кодирования информации о многомерном мире. Декодирование признаков реализуется психологически как воссоздание гештальта и лингвистически — как характеристика обозначенного предмета при помощи уточнений и пояснений разного типа. Применительно к предмету это — атрибутивная и бытийная характеристика, применительно к процессу это — развертывание процессуальной формулы: источник процесса — направленность процесса — качественная и количественная детерминация процесса. Речь идет о семантическом согласовании признаков. Это согласование имеет место во всей совокупности средств речевого общения — в коммуникативной стратегии, способах невербальной поддержки общения, в функционально-прагматических и функционально-семантических средствах, используемых в общении.

Одним из путей изучения концептов является анализ внутренней формы их имен. Рассматривая эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах, Н.А.Красавский (2001) доказывает их исходную соматическую природу ("*стыд"* – от "*стыть", "печаль*" – от "*печь", Zorn* (гнев) – от индогерманского корня **der – "раскалывать*"). Слово "*сарбаз*" – "солдат" в фарси состоит из двух корней: "*голова" + "резать*", в русском языке заимствование "*солдат*" уже не ассоциируется с монетой "*сольдо*", связь "наемник – солдат" утрачена. В иврите концепт 'война' легко раскрывается по внутренней форме слова ("*мильхама"* – от *"лехем"*: "война" – "хлеб", война есть отбирание хлеба, т.е. набег, грабеж). Русское "*война*", по М.Фасмеру, восходит к древнему корню в родственных индоевропейских языках со значением "*преследовать, гнать, охотиться*". Лексические единицы недвусмысленно раскрывают исходную сущность концепта через признак, положенный в основу номинации, даже в неродственных языках: война – это убийство с целью захвата добычи. Обращает на себя внимание меткость первичного обозначения концепта в приведенных примерах. Происхождение наименований битвы в древнеанглийском связано с мифологическими истоками (имена языческих божеств, связанных с загробным миром), с понятиями физического ущерба, агрессивности, перебранки, стремления к обладанию, а также с понятиями искусства и экипировки (Вишневский, 1998, с.8). Враждебно-милитаристские ассоциации данного концепта остаются стабильными, а предметно-утилитарные, по-видимому, претерпевают изменения. В поэме "Беовульф" мы сталкиваемся с архаичным ценностным отношением к войне: война – это способ проявить героизм, это достойное занятие, заслуживающее восхищения, в том числе и эстетического: древний автор подчеркивает красоту воина, облаченного в боевые доспехи. По-видимому, изменение оценочного отношения к войне в современном сознании связано с неприятием убийства как способа существования и возросшей ценностью индивидуальной жизни: человек как представитель рода сравнительно легко идет на самопожертвование, а как индивидуум протестует против возможности безвременно уйти из жизни. Заметим в этой связи, что и концепт 'жертвоприношение' перешел в современном коллективном сознании в разряд второстепенных по своей значимости культурных символов. Говоря о внутренней

форме концепта, мы обращаемся к имени концепта, устанавливаем этимологию соответствующего слова. Иероглифика в этом смысле более детально характеризует внутреннюю форму концепта, например, *терпеть* – в славянских языках восходит к идее оцепенения, онемения, *вынести, перенести, выдержать* – к идее тяжести, в английском *suffer* – "*вынести*", *endure* – "*становиться твердым, жестким (=цепенеть)*", в то время как в китайском "терпение" (*ren)* передается сочетанием идеограмм "*острый нож + сердце"*.

Полного списка культурных концептов в лингвистической литературе еще нет, и дискуссионным является вопрос о том, каковы критерии для составления такого списка – концептуария культуры. Ю.С.Степанов (1997) выделяет в качестве культурных концептов “вечное, мир, время, огонь и воду, хлеб, действие, ремесло, слово, веру, любовь, радость, волю, правду и истину, знание, науку, число, счет, письмо, алфавит, закон, цивилизацию, душу, совесть, мораль, деньги, страх, тоску, грех, грусть, печаль, дом, язык”. Участники конференции “Логический анализ языка. Культурные концепты” (Москва, май 1990 г.) анализируют понятия 'долг', 'милосердие', 'свобода', 'судьба', 'память', 'свое и чужое'. Опубликована серия тематических сборников под редакцией Н.Д.Арутюновой, посвященных концептам 'судьба', 'истина', 'время', 'пространство', 'движение', 'образ человека', 'этика'. Концептологические исследования ведутся широким фронтом, не случайно в антологии «Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Под ред. проф. В.П.Нерознака. М.: Academia, 1997» выделен раздел «филологический концептуализм». Детальный обзор концептов в рамках когнитивной лингвистики приводится в книге З.Д.Поповой и И.А.Стернина (2001). В публикациях волгоградских исследователей рассматриваются культурные концепты 'честь' (Слышкин, 1996), 'состязательность' (Воронина, 1996), 'судьба' (Москвин, 1997), 'собственность' (Бабаева, 1997), 'любовь' (Вильмс, 1997), 'труд' (Гоннова, 1997), 'старшинство' (Бунеева, 1998), 'обман' (Панченко, 1999), 'пустота' (Суродина, 1999), 'образование' (Толочко, 1999), 'красота' (Мещерякова, 1999), 'приватность' (Прохвачева, 2000), 'вежливость' (Томахина, 2000), 'слухи' (Долгая, 2000), 'гостеприимство' (Павлова, 2000), 'власть' (Шейгал, 2001), 'закон' (Палашевская, 2001), 'тоска' (Димитрова, 2001), 'подвиг' (Кохташвили, 2001), 'смерть' (Грабарова, 2001), 'пища' (Злобина, 2001), 'самоуважение' (Зеленова, 2001), 'здоровье' (Усачева, 2002). Базовые эмоциональные концепты ('страх', 'радость', 'печаль', 'гнев') анализируются в монографии Н.А.Красавского (2001). Заслуживает внимания и «Лексикон русской ментальности», составленный группой исследователей из Лодзинского университета (The Russian Mentality. Lexicon. Ed. by A.Lazari. Katowice, 1995). Интересны культурные концепты, взятые в качестве наиболее ярких показателей национального характера, в книге нижегородских филологов: русское – 'соборность', 'воля', 'удаль', 'беспредельность', 'тоска', 'вера' (Макшанцева, 2001), английское – 'дом', 'свобода', 'приватность', 'честная игра', 'сдержанность', 'джентльменство', 'наследие', 'юмор', 'здравый смысл' (Цветкова, 2001), немецкое – 'идеализм', 'порядок' (Зусман, 2001), французское – 'дух критицизма', 'свободолюбие', 'республиканские ценности', 'любовь', 'meritocratie', 'дух рыцарства', 'индивидуализм', 'элегантность', 'бережливость', 'вкус к комфорту' (Кирнозе, 2001).

Будучи трехмерным (как минимум) образованием, культурный концепт включает предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие. Предметно-образное содержание концепта сводится к целостному обобщенному следу в памяти, связанному с некоторым предметом, явлением, событием, качеством. Применительно к конкретным предметам обычно говорят о семантических прототипах (Rosch, 1975). Например, прототипом понятия "фрукт" для многих носителей русской культуры является яблоко. Прототипные образы

занимают срединное положение между общими понятиями и их конкретными репрезентациями. Можно представить себе яблоко, но трудно вообразить фрукт, вместе с тем видовая специфика того или иного сорта яблок (например, антоновка) для многих коммуникантов остается нерелевантной, если речь не идет о разновидностях этих фруктов. Применительно к явлениям и событиям, разворачивающимся во времени, предметно-образным содержанием является некая обобщенная ситуация, связанная с этими явлениями и событиями. Например, образом экзамена является ситуация официального выяснения знаний, полученных учащимся, при этом мы представляем себе сидящих друг против друга экзаменатора и экзаменуемого, их разделяет стол, на котором лежат экзаменационные билеты, экзаменатор задает вопросы, экзаменуемый отвечает на них, проявляя определенную степень волнения, экзаменатор определяет уровень знаний и оценивает его по условной шкале, принятой в той или иной стране. Полнота представления предметно-образной стороны концепта зависит от жизненного опыта человека: если кто-либо хоть раз в жизни сдавал экзамен, он сможет достаточно детально охарактеризовать экзаменационную ситуацию. Концепт в этом смысле есть сгусток жизненного опыта, зафиксированный в памяти человека.

В современной лингвистике предметно-образная сторона концепта моделируется в виде фрейма — обобщенной структуры данных представления стереотипных ситуаций (Минский, 1979, с.7; Демьянков, 1996, с. 188). Фреймы — это модели для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей. Поскольку мир многомерен и многопричинен, в памяти хранятся совершенно различные образы существенных для людей фрагментов мира. В.З.Демьянков отмечает, что понятие "фрейм" "обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что — нет" (Демьянков, 1996, с.188). Отсюда вытекает этнокультурная специфика фреймов в языковом сознании. Фрейм как понятие заимствован из когнитивной семантики для обозначения того, как человеческие представления хранятся и функционируют в памяти. Говоря о фрейме, исследователи подчеркивают вариативность представлений, от коллективно-абстрактных до сугубо конкретных и личностно-индивидуальных, при этом последние могут значительно отклоняться от общепринятого представления, которое считается само собой разумеющимся. Фрейм имеет спиралевидный характер: человек вспоминает о чем-либо, вовлекая в исходный образ весь свой жизненный ассоциативный опыт, который как бы раскручивается по спирали.

Чем отличаются друг от друга такие понятия, используемые в когнитивной семантике, как "концепт", "фрейм" и "гештальт"? Все они имеют ментальную природу, но характеризуют единицу хранящейся в памяти информации с разных сторон. **Гештальт** подчеркивает целостность хранимого образа, его несводимость к сумме признаков (мы не можем сказать, что рыба — это чешуя + плавники + жабры + уха + скользкая + в воде и т.д.). Обратим внимание на то, что в профессиональном общении (и в художественном тексте) нужно выразить гештальт через признаки, т.е. некто должен сделать свой гештальт достоянием другого человека. Это могут делать, как справедливо отмечает Р.М.Фрумкина (2001, с.97) только эксперты (профаны не могут "схватить" объект в максимальной полноте свойств и их связей, профессионалы могут это делать, эксперты из числа профессионалов способны объяснить, чем именно данный объект отличается от прочих объектов того же ряда). Заметим, впрочем, что при определенной экспертизе вербализация признаков запрещена: например, эксперт выносит свое заключение о том, что банкнота является фальшивой, но не имеет права мотивировать свои выводы. **Фрейм** акцентирует подход к изучению хранимой в

памяти информации, выделяет части, т.е. структурирует информацию, конкретизируя ее по мере разворачивания фрейма, это гештальт в его динамике, строении и связи с другими гештальтами. **Концепт** — это хранящаяся в индивидуальной либо коллективной памяти значимая информация, обладающая определенной ценностью, это переживаемая информация. Иначе говоря, с позиций психологии наиболее адекватным понятием для обозначения ментальных репрезентаций оказывается гештальт, с позиций когнитивной науки, занимающейся анализом типовых ситуаций, которые повторяются в ежедневном поведении людей и закрепляются в памяти как обобщенные представления с определенными ожиданиями и реакциями, таким понятием является фрейм, с позиций культурологии и лингвокультурологии, где на первый план выходит значимость явления для культуры, его ценность, таким понятием становится концепт. В этом ряду есть место и понятию "**понятие**", которое влечет за собой систему логических терминов, таких как суждение и умозаключение; в этом смысле термин "понятие" представляет собой сгусток рациональной части концепта, т.е. то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается. Разумеется, наше понимание приведенных выше терминов не является единственно возможным, но, на наш взгляд, при таком подходе мы можем внести смысловые дистинкции в обсуждаемые понятия, т.е. избежать нежелательного удвоения терминов, с одной стороны, и подчеркнуть ценностные характеристики того или иного культурного концепта, с другой.

Заслуживает внимания противопоставление терминов "концепт" и "стереотип" в книге В.В.Красных (1998, с.133): 1) концепт включает языковые знания (например, сочетаемость слова), стереотип – это образ-представление в его вербальной оболочке, 2) концепт – это понятие более абстрактного уровня, позволяющее выводить архетипы, стереотип же более конкретен, 3) концепт является феноменом парадигматического плана, т.е. он соотносим с системой ментальных образований, а стереотип функционален, он проявляется в коммуникативном поведении как таковом, 4) концепт хранится в форме гештальтов и пропозиций, а стереотип – в форме фрейм-структур. Имеются в виду, как мне представляется, жесткость стереотипа (*пчела – труженица*) и известная открытость концепта (Сравним: "*Есть три типа исследователей – "муравьи", которые собирают факты, "пауки", которые ткут из себя теории, и "пчелы", которые могут сочетать и то, и другое"* и "*Не надо ни меда твоего, ни жала*"). Концепт принципиально многомерен, в этом состоит его привлекательность для изучения, и в этом же заключается множество трудностей, связанных с его моделированием и описанием.

Уточним важнейшие измерения концепта — образное, понятийное и ценностное. Образная сторона концепта — это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта — это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество — голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта — важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира. В этом сложном ментальном образовании выделяются

наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке (Карасик, 1996, с.5).

З.Д.Попова и И.А.Стернин развивают когнитивный подход к пониманию концепта, определяя концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» (Попова, Стернин, 2000, с.4). Концепты формируются, по мнению цитируемых ученых, из непосредственного чувственного опыта, из предметной деятельности человека, из мыслительных операций человека с другими концептами, существующими в его памяти, из языкового общения, например, в форме разъяснения, из самостоятельного усвоения значения языковых единиц. Этот тезис показывает важность эмпирического усвоения знания, интериоризации знания: от предметного чувственного – к абстрактному мыслительному образу. Цитируемые лингвисты справедливо считают, что язык является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Добавим – и лишь одним из способов апелляции к сложившемуся концепту (например, мелодия песни “Yesterday” вызовет самые разные ассоциации у различных людей, но вряд ли типичной реакцией будет словесная рубрикация этой мелодии с указанием автора и жанровой энциклопедической словесной справки). Важным моментом в рассматриваемом понимании концепта является также тезис о том, что «никакой концепт не выражается в речи полностью», так как: 1) концепт – это результат индивидуального познания (в этом авторы, как можно видеть, солидарны с Д.С.Лихачевым), а индивидуальное требует комплексных средств для своего выражения; 2) концепт не имеет жесткой структуры, он объемен, и поэтому целиком его выразить невозможно; 3) невозможно зафиксировать все языковые средства выражения концепта (Там же, с.11). В рассматриваемой работе определены ключевые понятия когнитивного моделирования концептов: 1) национальная концептосфера – совокупность категоризованных, обработанных, стандартизованных концептов в сознании народа (менее стандартизованы концептосферы различных социальных групп, а концептосферы индивидуального сознания вовсе не поддаются стандартизации); 2) семантическое пространство языка – часть национальной концептосферы, обозначенная языковыми средствами, названная в языке и представленная семемами и семами (т.е. значениями и компонентами значений); 3) актуализация концепта – включение концепта в мыслительную деятельность; 4) репрезентация концепта – выражение концептов в языке и различных текстовых формах (Попова, Стернин, 2000, с.28–29). Первое понятие относится к сфере интересов когнитологии, второе – лингвистики, третье – психолингвистики, четвертое – когнитивной лингвистики. На мой взгляд, эти перегородки весьма условны, можно начать с рассмотрения общих характеристик картины мира того или иного народа и проанализировать актуализацию и репрезентацию отдельных концептов, можно описывать семантические (и отраженные в семантике слов и выражений речеповеденческие, прагматические) признаки, определяющие специфику той или иной концептосферы.

Заслуживает внимания вопрос о взаимовлиянии слов и концептов. Здесь возможна следующая сетка отношений: 1) в языке есть слово, соответствующее определенному концепту, точнее говоря, есть определенное слово как основной, хоть и не единственный, способ актуализации того или иного концепта (слово «*кошка*» для обозначения концепта ‘кошка’), 2) имеющееся в языке слово частично соответствует концепту, здесь нужно задуматься о типах концептов: предметные и понятийные сущности легко концептуализируются, но эмоционально-оценочные ментальные образования часто бывают настолько

размытыми, что трудно установить границы соответствующих концептов (например, «то, что очень не нравится»: список репрезентаций этого концепта будет очень обширным, и выделить основной способ языковой репрезентации этого концепта не представляется возможным); 3) есть концепт, но нет однословной репрезентации этого концепта (интересен пример З.Д.Поповой и И.А.Стернина: есть молодожены и есть люди, давно живущие в браке, но нет слова *«старожены»*); 4) есть слово, вернее, словесная оболочка, за которой нет концепта. Г.В.Быкова (1999, с.5) вводит понятие «иллогизм» для обозначения тех концептов, у которых нет языковых репрезентаций в силу отсутствия социальной потребности обозначать соответствующие сущности: есть животноводы, оленеводы, кролиководы, но нет названий для обозначения специалистов по разведению крыс, воробьев, носорогов. Иллогизм в данном понимании слова – это не концепт, а пустая клетка, образованная строительными возможностями языкового материала. Обратим внимание, что в качестве примеров приводятся семантически и морфологически мотивированные потенциальные слова.

Оперируя различными корнями слов и аффиксами, мы можем прийти к интересным смысловым образованиям. Например, от латинского *viator* – «путник, тот, кто идет по дороге», можно образовать потенциальное слово *reviator* — «тот, кто вынужден идти по одной и той же дороге вновь и вновь», в определенных текстах такие окказиональные слова могут насыщаться весьма глубоким смыслом, но это будут индивидуальные концепты. В публицистике встречаются такие авторские образования, например, *«конфатальность»* — фатальная связанность нескольких различных событий или процессов, *«эквифинальность»* — тождественность результата при различных способах его достижения. С такими индивидуальными концептами мы сталкиваемся в поэтических и философских текстах. Терминология одного из наиболее трудных для понимания философов XX в. Мартина Хайдеггера весьма сложна именно из-за индивидуальной концептуализации тех понятий, которыми он пользуется. Так, одно из фундаментальных понятий его философской системы – Dasein – насыщено такой глубиной смысла, что обнаруживает в себе, как пишет в примечаниях к тексту переводчик его трудов А.В.Михайлов, «бездны, которые делают перевод его совершенно невозможным», это – не «наличное бытие» или «существование», а «здесь-бытие» или «вот-бытие» (Хайдеггер, 1993, с.317). Развивая суть этого концепта, вслушиваясь в языковую форму, переводчик создает оболочку средствами русского языка для концепта «со-здесь-бытие».

Индивидуальная концептуализация сущностей является одним из приемов создания юмористического эффекта. Приведем примеры из обширного словаря несуществующих понятий, расположенного на одном из интернетовских сайтов:

Narcolepulacy **(***nar ko lep' ul ah see***)** *– n. The contagious action of yawning, causing everyone in sight to also yawn* – заразительное действие зевания, заставляющее всех вокруг также зевать.

Sniglet (snig'lit) – n. Any word that doesn't appear in the dictionary, but should – любое слово, которого нет в словаре, но которое должно там быть.

Shirmers – n., pl. Tall young men who stand around smiling at weddings as if to suggest that they know the bride rather well – высокие молодые люди, которые стоят и улыбаются на свадьбе, как бы показывая, что они очень хорошо знакомы с невестой.

Некоторые из этих слов мотивированы корнями из греческого или латыни, некоторые представляют собой сложные и сложносокращенные образования, некоторые имеют фоносемантические ассоциации.

Культурный концепт, будучи важнейшей категорией лингвокультурологии, представляет собой неоднородное образование. Выделяются более конкретные и

более абстрактные концепты, вплоть до мировоззренческих универсалий. Это противопоставление — по ценностной, ведущей стороне концепта — дает возможность рассматривать разноплановые категории, от таких концептов, как 'новые русские' (Козлова, 1999), 'деньги' (Агаркова, 2000), 'дом' (Медведева, 2001), до отношения к важнейшим категориям этики, например, 'счастье' (Воркачев, 2002) или предельным понятиям – 'бытие', 'природа', 'жизнь' и др. (Снитко, 1999). Можно противопоставлять концепты по способу их жанровой фиксации, например, концепты текстов в языковом сознании (Слышкин, 2000), законов и норм поведения. Заслуживает внимания концепт как константа идиостиля (Тильман, 1999; Борисова, 2001; Тарасова, 2001). Например, в русском коллективном сознании концепт 'душа' ассоциируется с двумя смысловыми рядами — внутренний психический мир человека и бессмертное нематериальное начало, а в индивидуальном сознании поэта Георгия Иванова эти ряды обогащаются дополнительными смыслами, напряжение возникает за счет одновременного полярного понимания души как смертной и бессмертной сущности (Тарасова, 2001). В современных исследованиях отечественных ученых концепты 'судьба' и 'душа' наиболее часто оказываются предметом изучения, и это подтверждает правоту тех лингвистов, которые признают эти концепты культурными доминантами русской ментальности.

Более детально разработана типология концептов по принятым в когнитивной науке признакам (отметим, что речь здесь идет не о культурных концептах, а о когнитивных концептах): 1) *мыслительные картинки* (конкретные зрительные образы — рыба "налим"); 2) *схемы* (менее детальные образы — "река" как голубая лента); 3) *гиперонимы* (очень обобщенные образы — "обувь"); 4) *фреймы* (совокупность хранимых в памяти ассоциаций — "базар"); 5) *инсайты* (знания о функциональной предназначенности предмета — "барабан"); 6) *сценарии* (знания о сюжетном развитии событий — "драка"); 7) *калейдоскопические концепты* (совокупность сценариев и фреймов, связанных с переживаниями и чувствами — "совесть") (Бабушкин, 1996, с.43–67). Н.Н.Болдырев подчеркивает, что за концептом могут стоять знания разной степени абстракции, разные форматы знания: 1) *конкретно-чувственный образ* (конкретный телефон); 2) *представление* (мыслительная картинка как обобщенный чувственный образ, например, телефон вообще); 3) *схема* – мыслительный образец предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер (геометрический аспект представления, общие контуры чего-либо – дома, человеческой фигуры, траектории движения); 4) *понятие* – концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики (понятие – это концепт, лишенный второстепенных признаков, с позиций логического анализа); 5) *прототип* – категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определенной категории (представление о типичном автомобиле, типичном политике и т.д., это обоснование для концептуализации, выделение типичного на основе жизненного опыта); 6) *пропозициональная структура*, или *пропозиция* – модель определенной области опыта, в которой вычленяются элементы (аргументы и связи между ними), даются их характеристики; это обобщенная логическая модель отношений, отражаемая в глубинной грамматике; 7) *фрейм* – объемный многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации, фрейм представляет собой двухуровневую структуру, состоящую из вершинных узлов, которые содержат постоянные данные для определенной ситуации, и терминальных узлов, или слотов, заполняющихся данными из конкретной ситуации, по М.Минскому (например, фрейм «театр» включает вершинные узлы «билетная касса», «сцена», «зрительный зал»,

«спектакль» и др., и терминальные узлы, например, «очередь в билетную кассу конкретного театра, впечатления, связанные с этим событием, в котором я принимал участие»; анализируя фреймы второго уровня (вложенные фреймы, или субфреймы), мы восстанавливаем ситуацию в целом; 8) *сценарии*, или *скрипты* – динамически представленные фреймы, разворачиваемая во времени последовательность этапов, эпизодов (например, посещение театра); 9) *гештальт* – «концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации, высший уровень абстракции: недискретное, неструктурированное знание» (Болдырев, 2001, с.36–38). Гештальт в таком понимании трактуется как концептуальная система, объединяющая все перечисленные типы концептов, а концепт мыслится как родовой термин по отношению ко всем остальным, выступающим в качестве его видовых уточнений. Достоинством когнитивного подхода к изучению квантов знания, фиксируемых в коллективном и индивидуальном сознании, является, как можно видеть, предельно широкий исследовательский горизонт. Разумеется, приведенные типы концептов вряд ли можно втиснуть в схемы дихотомического типа. Здесь мы сталкиваемся с сущностями, не поддающимися одномерной классификации, поскольку мир многомерен.

В исследовании Н.И. Колодиной (2002), посвященном когнитивно-герменевтическому моделированию художественного текста, выделяются своеобразные когнитивные атомы – *мнемо-единицы знаний*, соотносимые с семами в лингвистической семантике, и сложные когнитивные структуры – *мнемо-паттерны*, понимаемые как мыслительные образы, сформировавшиеся в результате категоризации представлений. Автор ведет полемику с теми учеными, которые трактуют концепты как статические образования, открытые для исследователя через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты. Для Н.И.Колодиной важно подчеркнуть как индивидуальность структуры знаний, так и индивидуальность механизма понимания и интерпретации. Соглашаясь с динамическим пониманием мнемо–паттерна, я бы заметил, впрочем, что статическое и динамическое в языке неразрывно связаны, статика – это попытка осмыслить динамику. Не случайно мнемо-паттерны, выделяемые при интерпретации художественного текста, концептуализируются и получают вербальное обозначение, например, "*бравирование", "растерянность*" и т.д. Вероятно, такой подход к моделированию ментальных образований может быть дополнительным по отношению к изучению этнокультурных и социокультурных концептов.

По способу языковой репрезентации концептов можно выделить те мыслительные образования, которые получают языковое выражение в лексической и фразеологической системах языка, а также те, которые находят грамматическое выражение. Некоторые концепты выражаются и на фонетическом уровне (применительно к эмоциональным концептам это осуществляется интонационно и звукоподражательно). Выделяются концепты, которые специфическим образом организуют грамматическую систему языка (Вежбицкая, 1996): например, агентивное или пациентивное представление ситуаций (*Я должен — мне нужно*).

Классификация фреймов, построенная на их вербализации, предложена С.А.Жаботинской (2000, с.11–12), выделяющей предметноцентрические, акциональные, партонимические, гипонимические и ассоциативные фреймовые структуры. Эта классификация представляет собой обобщение частеречной системы, например, первый тип фреймов соответствует экзистенциальной структуре «Нечто/некто существует», второй тип – структуре «Некто действует по

отношению к предмету», третий тип – структуре обладания «Некто/нечто имеет нечто», четвертый – структуре родовидовых различий «Нечто включает нечто», пятый – структуре подобия «Нечто подобно другому». Н.Ф.Алефиренко (2000, с.34) рассматривает фразеологическое значение и выделяет два типа концептов, составляющих его суть: логические и ономатопоэтические, т.е. определяющие прямые и переносные значения слов в составе фразеологической единицы.

Концепт, будучи динамическим образованием, обладает комплексом характеристик, и различные характеристики становятся актуальными в разные периоды бытования этого концепта. Например, концепт "болезнь" в русской наивной картине мира (Песоцкая, 2001, с.224) характеризуется константными и вариативными признаками. К первым относятся характер проявления, место проявления в организме, распространенность, ожидаемость, способ передачи болезни; ко вторым — исцеляемость и "напускаемость" (в древнем сознании) и исследованность, причина, степень сложности, время, половой и возрастной статус больного (в современном сознании). С исследователем можно согласиться, отметив, что применительно к данному концепту современное наивное языковое сознание испытывает сильное влияние со стороны научной медицинской картины мира. По мнению А.Н.Усачевой (2002, с.6), концепт 'состояние здоровья' характеризуется тремя типами оценки: внутренней (ее объектом является самочувствие), нормативной (ее объектами выступают внешний вид, сила, чистота) и внешней (ее объекты – отношение к еде, спорту, вредным привычкам, врачам и лечению). Внутренняя и нормативная оценки применительно к состоянию здоровья обнаруживают малую вариативность в различных культурах и в разные эпохи, а внешняя оценка весьма вариативна (показательно повышенное внимание в современном англоязычном мире к калорийности пищи как фактору ухудшения здоровья: *Lose weight now – ask me how*).

В этой связи интересной представляется проблема несоответствий между наивной и научной (точнее — специальной) картинами мира применительно к различным концептуализированным областям в различных лингвокультурах. К числу таких областей относятся, например, машины, играющие особую роль в современной жизни — автомобили и компьютеры. Автомобиль сравнивается с домашним животным — верным конем, он может болеть, у него может быть покладистый или скверный характер, он "знает" хозяина. В технически развитых странах концептуализация автомобиля, его обслуживания, его дизайна и других характеристик неизбежно включает статусно-оценочную значимость этого предмета. Даже окраска легкового автомобиля приобретает автономную сферу употребления: например, оттенки *"баклажан"* (темно-фиолетовый), *"мираж"* (серебристо-голубоватый), *"опал"* (серо-голубой с перламутровым отливом), *"альпийская белизна"* (ярко-белый цвет, этим цветом окрашены обычно служебные автомобили), *"приз"* (светло-зеленый), *"аквамарин"* (цвет морской волны с перламутровым отливом), *"коррида"* (оранжево-красный), *"мокрый асфальт"* (темно-серый с перламутровым отливом). Отметим, что ранее право на отдельную сферу хроматического обозначения имели в русской лингвокультуре лошади, масти которых (гнедой, каурый, буланый, вороной конь) современный средний носитель языка сможет охарактеризовать весьма приблизительно. Автомобиль приобретает множество стилистически значимых наименований: нейтральное общее, специальное техническое с указанием серии модели, фирменное, стилистически сниженное или игровое (сравним: *"шестерка", "копейка", "мерс"*).

Компьютеры также наделяются дополнительными характеристиками, прежде всего им приписывается одушевленность. Интересно отметить, что в русском узусе несколько лет тому назад компьютерщики мужчины чаще говорили *"моя*

машина", а женщины — *"мой компьютер",* т.е. можно с определенными оговорками говорить о гендерной специфике "общения" человека с этим сложным прибором.

Важнейшей характеристикой отрефлектированного концепта является его опора на некоторое лексико-семантическое множество. И.А.Стернин при изучении концепта предлагает противопоставлять базовый слой и вторичные слои концепта, различающиеся либо не различающиеся по уровню абстракции (одноуровневые, многоуровневые и сегментные концепты) (Стернин, 2001, с.59–60). Такой подход основан на признании определенной аналогии между структурой ментальных образований и семантической системой языка.

Нельзя не согласиться с А.Вежбицкой (1996), полагающей, что такие доминанты поведения в русской культуре, как относительная неконтролируемость чувств, неконтролируемость судьбы, категоричность моральных суждений, заложены в русской грамматике и определяют мировоззрение носителей языка. Вместе с тем было бы упрощением считать, что своеобразие культуры народа сводится к нескольким концептам, даже столь многомерным и существенным, как 'судьба', 'тоска', 'воля' для русской культуры, 'Ordnung' — порядок, 'Befehl' — приказ, 'Angst' — страх для немецкой, 'Freedom' — свобода, 'Privacy' — приватность, 'Enterprise'— предприимчивость" для английской. В самом деле, концепты, названные приведенными именами, играют особую роль в представлении обобщенных типов носителей соответствующих культур со стороны иностранцев. Но, во-первых, вырванные из системного множества концепты искажаются, во-вторых, не учитываются самопредставления (например, немцы глазами русских и немцы глазами немцев), в-третьих, выбор значимых концептов для представления своеобразия культуры народа претерпит существенные изменения, если мы будем говорить не только об этнокультурных, но об этносоциокультурных концептах (важнейшие концепты в сознании английских рабочих вряд ли совпадут с доминантными концептами английских бизнесменов или студентов).

Различие между культурами состоит в значимых нюансах, выделяемых при сравнении больших концептуальных объединений (концептосфер). Множественные характеристики дадут здесь более веские основания для того, чтобы сделать выводы о специфике менталитета того или иного народа. Концепт опирается на ***"лингвокультурологическое поле*** — иерархическую систему единиц, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры" (Воробьев, 1997, с.60).

Концепты связаны с конкретными ситуациями в памяти людей, и эти ситуации подводятся под сценарий, именуемый соответствующим концептом, например, 'милосердие' — "предупреждение об опасности; предоставление возможности избежать неприятности; пожертвования; помощь инвалидам; распределение инвалидных колясок; утешение потерявшегося ребенка; уход, когда присутствие причиняет страдание и мн. др." (Жданова, Ревзина, 1991, с.60, 61). Задача лингвокультурологии, как считает В.А.Маслова, заключается в том, чтобы выразить культурную значимость языковой единицы (т.е. "культурные знания") на основе соотнесения прототипной ситуации фразеологизма или другой языковой единицы с "кодами" культуры, известными носителю языка либо устанавливаемыми с помощью специального анализа (Маслова, 1997, с.10, 11). Концепт обладает определенной памятью, избирательно воплощается не только в определенных языковых единицах, но и когнитивных моделях на протяжении длительного периода развития языка (Балашова, 1998, с.197).

Таким образом, культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими,

фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими, по словам Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова (1999, с.12), повторяющиеся фрагменты социальной жизни. В этой связи заслуживает внимания понятие "***лингвокультурема***" — комплексная межуровневая единица, форму которой составляет единство знака и языкового значения, а содержание — единство языкового значения и культурного смысла (Воробьев, 1997, с.44, 49). Лингвисты стремятся уйти от многозначности термина "концепт", одно из значений которого и представляет собой содержательную сторону лингвокультуремы. Эльс Оксаар соотносит "***культурему***" как социокультурную категорию с "***бихевиоремой***" как коммуникативной категорией (противопоставление культуры и поведения как содержания и формы), уточняя способы выражения бихевиоремы – вербальный (слова), паравербальный (тембр, артикуляционный контроль и т.д.), невербальный (мимика, жестикуляция) и экстравербальный (характеристики времени, места, социальные индексы и др.) (Oksaar, 1988, S.28). В качестве альтернативного обозначения содержания лингвокультуремы предложен термин "***логоэпистема***" — "знание, несомое словом как таковым — его внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой" (Верещагин, Костомаров, 1999, с.7). Соглашаясь с тем, что концепт понимается в лингвистике, логике, психологии, культурологии не совсем одинаково, я бы не стал выводить это понятие из арсенала лингвокультурологии. Обратим внимание: ведь логоэпистема сориентирована на слово как основной носитель знания, сконцентрированного в лексическом значении и связанного со всем богатством данной культуры. Содержание концепта выражается не только словом, оценочные характеристики концепта, составляющие суть этого ментального образования при лингвокультурном сопоставлении, раскрываются в толковании, в тексте.

Представляют несомненный интерес те концепты, которые отражают специфическую логику, свойственную носителям определенной лингвокультуры. У таких концептов может не быть однословного обозначения, они представляют собой своеобразные коды — ключи к пониманию ценностей этой культуры, условий жизни людей, стереотипов их поведения. В частности, концепт-код прослеживается в этнокультурном юморе. Например:

Надпись на автозаправочной станции: "Бензина на самом деле нет".

Необходимо знать, что в период дефицита объявления о том, что чего-либо нет, часто подвергаются в нашей стране справедливому сомнению: для всех официально — нет, но для некоторых, возможно, есть. Этот концепт-код раскрывает реалии нашей жизни и вытекающую отсюда логику поведения людей. Такая надпись вызывает улыбку у носителей современной русской культуры, переживших соответствующий период дефицита товаров.

Немецкий юмор, как известно, часто строится на столкновении прямой и изощренно ошибочной логики:

Врач: Вы курите?

Пациент: Нет.

Врач: Жаль, если бы Вы курили, я бы посоветовал Вам бросить, и Вы бы почувствовали себя лучше.

Изощренная логика в данном случае сама по себе безошибочна, но абсолютно бессмысленна и поэтому является предметом шутки.

Русскому лингвокультурному сознанию присуща постоянная готовность свести ситуацию к абсурду для расшатывания, казалось бы, незыблемых норм: *"Все пропьем, но флот не опозорим!"*. Ясно, что подразумевается пирушка моряков, состязающихся в количестве выпитого спиртного. Позор и выпивка традиционно соотносятся в иной плоскости: позор пьяницам. В приведенной шутке эта норма

поведения ставится под сомнение и поэтому вызывает улыбку, — впрочем, только у носителей русской лингвокультуры. Приведем еще один пример, требующий, впрочем, определенных знаний о культуре и истории России: *«И поехала она с ним в Сибирь на каторгу, и испортила ему всю каторгу»*. Каторга – особый вид наказания с привлечением к тяжелому физическому труду в суровых условиях – сравнивается с развлекательным мероприятием, которое можно испортить; страноведческая информация о женах декабристов, разделивших со своими мужьями тяготы и лишения заключения и ставшими образцами самоотверженной любви и верности, подвергается карнавальному переосмыслению; общий вывод этой нелепой фразы сводится к иронической жалобе женатого мужчины на его драгоценную половину, способную сделать жизнь хуже каторги. Эта тема многократно выражается в русском коллективном сознании: *«Если б я был султан, был бы холостой!»* — фраза из песни популярной комедии «Кавказская пленница», или известная фраза из песни В.Высоцкого: *«Домой придешь – там ты сидишь».*

К числу концептов-кодов относятся и символические действия, например, закрепленные в языке благопожелания, проклятия, заклинания и т.д. Известна армянская формула *«цавт танэм» – «я возьму твою боль»,* которую произносят, желая утешить близкого человека и производя тем самым магическое действие. Его смысл ранее понимался буквально — как жертвенная молитва о том, чтобы страдание близкого человека перешло на говорящего. Наблюдения показывают, что магические формулы в трансформированном виде пронизывают ежедневный быт современного человека, своеобразно преломляясь в различных этнических и социальных группах – эта проблема, как и многие другие проблемы лингвокультурологии, еще ждет своего решения.

Детальная характеристика концепта-кода (ключевого концепта) советской культуры 'очередь' дана в работе Е.М.Верещагина (1996). Автор перечисляет коллективные и индивидуальные рече-поведенческие тактики, характеризующие очередь как культурный концепт, в виде клише: "*Никого не пропускайте!", "Отпускайте по норме!", "Подходите скорее!", "Не толкайтесь!", "Мне об этом в очереди сказали"* и др. Этот концепт имел четкие ценностные основания — умения выжить в условиях дефицита товаров. Отсюда множественные наименования успешного приобретения дефицитного товара (*отхватить, вырвать, поймать на лету* и — добавлю — *достать*), сверхценный статус продавца как распределителя блага, ритуализация момента покупки, четкое разделение на своих и чужих по признаку легитимности получения товара в данном месте.

Этнокультурные модели поведения выявляются в различных речевых образованиях, например, в речевых рефлексах — определенных структурах, используемых в речи не с номинативными целями, а для выполнения речеорганизующих (дискурсивных), модальных, аргументативных функций *("Кому говорят!"*) (Гак, 1998, с.685), дискурсных словах как отражениях этнокультурных стереотипов поведения (*авось, видно, заодно*) (Шмелев, 1995, с.146). Этнокультурные характеристики дискурса отчетливо прослеживаются в речеповеденческих ситуациях. "Типичной речеповеденческой ситуацией можно назвать регулярно повторяющийся "фрагмент социальной жизни": приветствие, просьбу, благодарность, призыв к откровенности, ритуал обсуждения цены при частной покупке, соболезнование, недовольство, плохое самочувствие, говорение комплиментов, демонстрацию дружелюбия (или враждебности), ухаживание, энтузиазм (или сдержанность) по поводу определенного предложения, приглашение, советование, запрещение (или разрешение) и т.д. Если придерживаться единого критерия при отграничении типичных ситуаций, то их

список окажется исчислимым" (Верещагин, Костомаров, 1999, с.12). И.А.Стернин предлагает следующую модель описания коммуникативного поведения той или иной лингвокультурной общности: 1) очерк национального характера; 2) доминантные особенности общения народа; 3) вербальное коммуникативное поведение (нормы речевого этикета и такие сюжеты, как общение с незнакомыми, общение в семье, в официальном учреждении, в гостях и т.д.); 4) невербальное коммуникативное поведение; 5) нацио-нальный социальный символизм (символика одежды, цветовых оттенков, подарков, примет и др.) (Стернин, 1996, с.103). Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о национально-специфическом (этнокультурном) коммуникативном поведении, мы всегда имеем в виду, что этнокультурная специфика поведения неразрывно связана с социокультурной спецификой поведения. Интересным для изучения представляется вопрос о том, каким типам личности свойственно идентифицировать себя и других прежде всего по этническим признакам, каким – по социально-статусным, каким – по социально-ролевым, каким – по личностно-индивидуальным, и каково соотношение таких личностных типов в различных лингвокультурах.

2.3. Культурные доминанты в языке

Коммуникативная личность как предмет лингвистического изучения представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. В структуре языковой личности особое место принадлежит ценностям — наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения. Эти ориентиры возникают, по мнению П.С.Гуревича (1995, с.120), не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека, они представляют собой личностно окрашенное отношение к миру. Ценности лежат в основе оценки, тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события. В этом смысле представляется оправданным разделить ценности на внешние и внутренние, имея в виду, разумеется, то обстоятельство, что между внешними, социально-обусловленными, и внутренними, персонально-обусловленными, ценностями нет четко очерченной границы. Вероятно, рубежами на условной шкале персонально-социальных ценностей могут считаться границы языкового коллектива, соответствующие, в определенной степени, типам коммуникативных дистанций, по Э.Холлу (Hall, 1969, p.116–125). Таким образом, противопоставляются ценности индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (например, в семье, между близкими друзьями), макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.), этнические и общечеловеческие. Можно выделить также ценности типа цивилизации (например, ценности современного индустриального общества, ценности средневекового христианства) между этническими и общечеловеческими, но с лингвистической точки зрения наибольший интерес представляют те явления, которые зафиксированы в языке — прежде всего, в его лексике и фразеологии.

Лингвистическая классификация ценностей может быть построена на различных основаниях. Казалось бы, в первую очередь есть смысл говорить о типах оценочных слов (слова, значения которых допускают однозначную общеязыковую интерпретацию в форме модальной рамки «и это хорошо» либо «и это плохо», слова, коннотации и импликации которых открыты для подобной интерпретации, и, наконец, слова, значения которых могут получить подобную интерпретацию лишь в нестандартных ситуациях). Но в таком случае

размывается различие между ценностью и оценкой, нарушается иерархия ценностей (как определить меру ценности в значениях слов *опрятность, щедрость, геройство*?). С другой стороны, ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке. Номинативная плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие. В этом случае наступает отождествление ценности и актуальности явления (наименований профессий и болезней явно больше, чем наименований видов помощи и предательства). Вероятно, для получения более адекватной картины представления ценностей в языке (и соответственно, в структуре языковой и коммуникативной личности) целесообразно учитывать наряду с оценочной и номинативной сторонами и собственно аксиологическую сторону проблемы. Обратившись к специальной литературе по аксиологии, обнаруживаем, что ценности в значительной мере определяются идеологией, общественными институтами, верованиями, потребностями. Есть расхождение между естественно-языковым и специальным (научным, религиозным и т.д.) представлением ценностей. Принимая во внимание потребности человека, конфликт между благом для себя и благом для другого (различие между утилитарными и моральными ценностями), а также рациональный и иррациональный характер переживания и понимания ценностей, предлагаем шкалу утилитарных и моральных ценностей, имеющую продолжение в область витальных потребностей человека (субутилитарные ценности), с одной стороны, и в область иррациональных установок, выступающих в качестве аксиом поведения и оценки (суперморальные ценности), с другой стороны.

В качестве попытки комплексного осмысления ценностей в языке можно предложить модель **ценностной картины мира**. Мы исходим из того, что наряду с языковой картиной мира (в качестве ее аспекта) объективно выделяется ценностная картина мира в языке. Здесь уместно разграничить, по меньшей мере, этнокультурный и социокультурный планы, применительно к различным видам оценочных отношений, например, отношение к старшим и младшим, детям, женщинам и мужчинам, к животным, к собственности, к здоровью и болезням, к смерти, к состязаниям и играм, к труду и подвигу, к чуду и обыденности, к приватности, к жилищу, к земле и небу, к явлениям природы, ко времени и пространству. Такой материал прослеживается в этнографических, социологических, литературоведческих, лингвистических исследованиях (Hsu, 1969; Теребихин, 1993; Топорова, 1994; Гачев, 1995). При изучении ценностной картины мира в языке мы исходим из следующих положений:

1) ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть этой картины сводится к различной номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, различной комбинаторике ценностей;

2) ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами;

3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры (например, из определенного типа отношения к старшим и младшим можно вывести тип отношения к собственности, к состязанию, к приватности и т.д.);

4) в ценностной картине мира существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы, **культурные доминанты**, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. Ю.С.Степанов говорит в этом случае о ***константах*** культуры (1997). Культурные доминанты – это наиболее важные для данной лингвокультуры концепты.

А.Д.Шмелев пишет, что "анализ русской лексики позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих русских лексических единиц и фразеологизмов, которые представляются специфичными именно для русского видения мира и русской культуры" (Шмелев, 2002, с.17). Разработка культурных доминант в языке весьма важна в теоретическом плане, поскольку позволяет интегрировать достижения в области культурологического языкознания (от В. фон Гумбольдта до новейших лингвострановедческих работ), прагматической и социальной лингвистики. Прикладная польза от изучения рассматриваемой проблемы для преподавания языка, для практики перевода, для оптимизации межкультурного общения очевидна. Вместе с тем следует заметить, что исследователь культурных доминант сталкивается с опасностью упрощенного, схематического и тенденциозного освещения установленных корреляций, поэтому обоснование методики исследования и принципов интерпретации полученных данных приобретает первостепенную значимость.

Методика изучения культурных доминант в языке представляет собой систему исследовательских процедур, направленных на освещение различных сторон концептов, а именно смыслового потенциала соответствующих концептов в данной культуре. Собственно лингвистическое исследование культурных доминант осуществляется в виде наблюдения и эксперимента (сплошная выборка лексических и фразеологических единиц, а также прецедентных текстов из словарей, сборников пословиц и афоризмов, текстов художественной литературы, газет и т.д., с одной стороны, и интервьюирование носителей языка, разработка анкет, включающих различные оценочные суждения, связанные с определенными предметными областями, с другой стороны). Лингвистическое изучение культурных концептов неизбежно должно быть дополнено данными других дисциплин — культурологии, истории, психологии, этнографии.

«Лексикон русского менталитета» под редакцией Анджея Лазари (RML, 1995) представляет собой попытку дать объяснение философским, социальным, религиозным и политическим идеям, составляющим специфику русского менталитета. Редактор этого издания отмечает в предисловии, что эта работа мыслится как часть энциклопедического словаря «Идеи в России», в котором должно быть более 600 единиц. По мнению А.Лазари, многие феномены и концепты в России не имеют верных соответствий в других странах и языках, или, что еще хуже, имеют кажущиеся соответствия. Понимая сложность и объем такого труда, А.Лазари характеризует полученный лексикон как предварительный результат, не свободный от противоречий и ошибок.

Для предметного обсуждения достоинств и недостатков рассматриваемой работы приведем текст одной из словарных статей.

Судьба. Fate.

Even though the Russian term *sud'ba* is customarily rendered into English as 'fate', these are two basically different concepts. *Sud'ba* does not contain within itself chance, coincidence, risk, just as 'fate' is not connected with the meaning to 'judge', to 'judge beforehand'. 'Fate', even that which is personified and situated beyond the subject, leaves to the subject its own peculiar 'free will'; it can, for example 'be either provoked or not, or it can be opposed, whereas *sud'ba* does not take this kind of 'will' into consideration: one must subordinate himself to it, accept it with humility – *pokorit'sya*. It is here, in the relation to 'free will' towards *sud'ba* / *fate* – that lies among others, the

basic difference in attitudes of Orthodoxy and Catholicism, the Russian attitude and the Western attitude.

Even more, *sud'ba* is as if pre-established, it embraces the whole of human life, and therefore it can be interpreted as (in a general outline) a fixed way of life. Being understood as a 'divine providence' it contains in itself a 'higher meaning', it becomes the 'experience of man', and consequently leads to the justification and acceptance both of all kinds of misfortunes (including historical calamities) as well as acts (compare a proverbial sympathy of the Russian people for criminals and convicts). On the other hand, the attempt to change one's fate is looked upon not too favourably. Certainly not without good reason, with such understanding of *sud'ba* all attempts of opposing it must be associated with an iconoclastic attitude; and generally this is the case. It certainly is not by accident that all historical revolts in Russia together with the October Revolution, on the one hand, activated just such attitude and anti-religious acts, and were carried out under the slogans of holy missions, on the other hand.

So, when it is said in various discourses *sud'by Rossii* or *puti Rossii*, the talk is not only of history, but rather, above all, of the '*destiny – the mission*' of Russia and it is there that the contents of this mystical 'destiny' is sought (Faryno, 1995, p.108–109).

Итак, в отличие от английского fate русский концепт 'судьба' не включает признаки «случай», «совпадение», «риск», так же как и fate не содержит признаков «судить» и «судить заранее». Судьба-fate всегда оставляет субъекту право «свободной воли», человек может бросить вызов и противостоять судьбе-fate, в то время как русский концепт 'судьба' не дает человеку права на выбор, ей следует покориться. Именно свободная воля, по мнению Ежи Фарыно, и определяет разницу между православием и католицизмом, между русским и западным отношением к жизни. Судьба включает всю жизнь и может рассматриваться как заданный путь жизни. Судьба понимается как божественное провидение, имеет высшее значение, становится испытанием для человека. Такое отношение к судьбе ведет к оправданию и принятию любых несчастий (в том числе и исторических катастроф) и действий (общеизвестно сочувствие русских людей к преступникам и заключенным). Попытки изменить судьбу не приветствуются. Противостояние судьбе осознается как иконоборчество и осуществляется, если взглянуть на революции в России с этих позиций, как антирелигиозное действие под лозунгами святого предназначения, т.е. как борьба против старой веры за новую веру. Поэтому, когда говорят о судьбах или путях России, то имеют в виду не только историю, а предназначение, особую мистическую миссию России.

Сравним эти размышления с данными лингвистического исследования. Детальный многоаспектный анализ основной языковой репрезентации рассматриваемого концепта русской лингвокультуры был выполнен В.П.Москвиным на весьма репрезентативном материале более 2500 контекстуальных реализаций слова *судьба*, а также слов, парадигматически (таких, к примеру, как *рок*, *фортуна*, *парка* и проч.) и эпидигматически (*судить* и др.) связанных с этим полисемантом. На основании проведенного исследования, автор пришел к выводу о том, что слово *судьба* используется в русском языке в девяти основных значениях: 1) 'сверхъестественная сила, предопределяющая все события в жизни людей'; 2) 'сила, определяющая все события в жизни отдельного человека' ("индивидуальная" судьба); 3) 'воле-изъявление высшей силы'; 4) 'волеизъявление'; 5) 'суждено, предопределено свыше' (как предикатив); 6) 'то, что назначено испытать в соответствии с приговором высшей силы', 'то, что суждено'; 7) 'жизнь'; 8) 'будущее'; 9) 'история' (Москвин, 1997).

Этому концепту посвящена солидная коллективная монография под редакцией Н.Д.Арутюновой «Понятие судьбы в контексте разных культур». М.: Наука, 1994. В.Н.Топоров (1994, с.38, 50, 51) отмечает, что русские слова *«судьба»* и *«случай»*

образуют полярность абсолютного детерминизма (и, следовательно, предсказуемости) и абсолютного индетерминизма (полной произвольности), хотя в далекой ретроспективе эти слова, как и немецкое *Los* или английское *lot*, обнаруживают общий элемент отпускания-освобождения. Высказывается тезис о том, что судьба совпадает с роком, Богом, Божьей или мировой волей. Узнать свою судьбу, свое будущее – значит преодолеть свое Я, т.е. слиться с судьбой. А.Я.Гуревич (1994, с.155) рассматривает диалектику судьбы у германцев и древних скандинавов и доказывает, что в эддических текстах герой формирует собственную судьбу, он ощущает в себе свою индивидуальную судьбу. Анализируя пословицы и афоризмы, касающиеся судьбы, В.Г.Гак (1994, с.199) выделяет основные характеристики судьбы, которые могут быть представлены в виде оппозиций: 1) судьба и воля, 2) постоянство / изменчивость судьбы, 3) счастливая / несчастливая судьба, 4) справедливая / несправедливая судьба, 5) отношение человека к судьбе: исправимость / неисправимость ее, 6) способы изменения судьбы: активный / пассивный. Отношение к судьбе определяется мудростью человека, а мудрость приходит с жизненным опытом, судьба становится человеку ясной лишь под конец жизни.

Достоинством приведенной выше словарной статьи Е.Фарыно о специфике русского понимания судьбы является выявление отношения к судьбе как к Божественному волеизъявлению. Можно согласиться и с тем, что такое понимание является доминантой в традиционной русской лингвокультуре, т.е. оно определяет многие моменты мировидения и поведения. Вместе с тем представляется тенденциозным тезис автора о сочувствии русских людей преступникам (отрицательное отношение к власти, угнетателям, представителям закона, действительно, весьма распространено и объясняется исторически длительностью крепостного права, но отсюда не вытекает самоотождествление с криминалитетом). Исторические катастрофы вовсе не оправдываются, фраза *«Кто виноват?»* является прецедентной для отечественной истории, другое дело, что мысль о доле личной ответственности за случившееся со всей страной не является доминирующей в массах. Впрочем, как известно, такая мысль не типична для массового сознания ни в каком сообществе. Тенденциозность видна и в том, что в российском самосознании якобы непременно есть мистическое понимание пути России, такое представление вряд ли можно считать массовым или типичным, оно отражает позицию определенной группы людей. Прав В.П.Москвин, отметивший на полях рукописи данной книги, что 1) вряд ли можно делать выводы о "русской судьбе" на основании только одного слова *судьба*, ведь соответствующее понятие в русском языке распределено между значениями целого ряда слов (*рок, фатум, доля*…), и 2) остается неясным, какое из значений слова судьба лежит в основе соответствующего культурного концепта.

По-видимому, рассматриваемая словарная статья – это пример индивидуально-авторской полемической публицистики. Поставленные вопросы, однако, могут быть взяты в качестве ориентиров для социолингвистического исследования. В лингвокультурологии, впрочем, доля субъективных наблюдений и выводов достаточно велика. Рассматриваемый лексикон, заметим, не претендует на роль универсального толкового словаря, произвольность отбора концептов и свобода их толкований означают лишь то, что другие исследователи могут сделать словарь концептов на иных методологических основаниях. И такой словарь – фундаментальный труд Ю.С.Степанова (1997) – вышел в свет.

Этот словарь представляет собой систематизацию ценностей культуры, проявляющихся в словах и вещах, отражающих историю народа и размышления его наиболее талантливых представителей, с учетом данных различных областей знания. Понимая концепт как сгусток культуры в сознании человека,

Ю.С.Степанов выделяет три компонента концепта: 1) основной признак, актуальный для всех носителей данной культуры, 2) дополнительный, «пассивный» признак (их может быть несколько), важный для отдельных социальных групп, 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме (Степанов, 1997, с.42–45). В качестве примера приводятся дни *23 февраля* и *8 марта*, которые для всех жителей России означают «праздник мужчин» и «праздник женщин» (это основной признак), однако по своему происхождению эти даты отмечаются как «День Советской армии» и «Международный женский день» (дополнительный признак), наконец, исторически эти даты соотносятся с победой Красной Армии над войсками Германии под Псковом в 1918 г. и решением женского секретариата Коминтерна (этимологический признак). В книге последовательно раскрывается этимология всех рассматриваемых концептов, приводятся исторические сведения, дается развернутый и подчеркнуто субъективно-авторский комментарий к этим сведениям.

Выявление концептов, составляющих константы той или иной культуры, это, по сути дела, исследование бесконечности. Можно спорить по поводу того, относится ли тот или иной концепт к константам культуры – культура развивается, концепты подвижны и принимают различные оболочки, отдельность концепта может быть иллюзорной. Думается, что Ю.С.Степанов прав в том, что концепты, во-первых, реальны, и, во-вторых, по-разному реальны для различных людей в различные эпохи и в своих различных модусах или ипостасях. Отсюда вытекает тезис о правомерности различных подходов к исследованию концептов. Имеют ценность и наблюдения, и интроспективные определения, и гипотетические модели, и социологические и социолингвистические эксперименты, и анализ значений слов, фразеологизмов, паремий, художественных и деловых текстов. Поэтому в качестве главного метода изучения концептов, на мой взгляд, выступает интерпретативный анализ – основной метод герменевтики. Сфера концептов – это сфера понимания. Приведем в качестве иллюстрации характеристики некоторых концептов в различных лингвокультурах.

С точки зрения специфики немецкой картины мира, заслуживают внимания те культурные концепты, которые традиционно связываются с образом немца в глазах других народов. Необходимо оговориться, что этот образ может не совпадать с собственным мнением немцев о себе как о народе, этот образ является абстракцией, более точную картину мы можем получить, обратившись к модельным личностям, например, "немецкий офицер", "немецкий бюргер", "немецкая домохозяйка", "немецкий учитель", "немецкий философ" и т.д.

К типичным характеристикам немецкого менталитета относятся любовь к порядку и чистоте. С точки зрения других народов, эта любовь носит несколько преувеличенный характер. Известно утверждение *"Ordnung muss sein".* Порядок мыслится как точность, пунктуальность, аккуратность, умение считать (в немецком языке противопоставляются глаголы rechnen — zahlen), уважение к приказу, иерархичность, основательность и доскональность, целеустремленность (точнее — осознание цели: *zielbewusst*), рационализм. В стремлении аккуратно разложить все по полочкам немцы готовы исправлять дефекты окружающего мира. В известной мере стереотипы немецкого менталитета объясняются особенностями протестантской этики, когда каждый человек индивидуально отвечает за свои поступки перед Богом. Этим, по-видимому, объясняется высокое трудолюбие немцев, умение мобилизовать все ресурсы для достижения поставленной цели. Англичане говорят о немцах: *"They work like hell."* — "Они работают, как черти".

Заслуживает внимания сентенция, приписываемая И.Г.Эренбургу: *“В Германии вы должны вести себя, как все, но думать имеете право все, что угодно; во Франции можно вести себя, как угодно, но думать нужно, как все”.* Единообразие поведения связано с необходимостью поддержания порядка. Вместе с тем интеллектуальная свобода в Германии, традиционное уважение немцев к теориям явились одним из оснований немецкой философии. Отметим в этой связи, что типичным негативным персонажем в современном американском массовом сознании является безумный профессор, который хочет уничтожить весь мир и живущих в нем нормальных людей, а антонимом слова *democratic* выступает слово *intellectual*. Германия — одна из немногих стран, где интеллектуальная деятельность традиционно является престижной.

Чистота направлена на борьбу с грязью. В немецком языке существует глагол *putzen* — “чистить, убирать (комнату)”, в этом слове есть смысл, который по-русски в ряде случаев передается глаголом *начищать,* т.е. очищая, доводить до высокой степени чистоты. Для подобного действия в определенных ситуациях используется глагол *драить* – чистить, натирать до блеска (БТС) (например, *драить палубу*). В этом смысле русский глагол *убирать* (грязь) означает меньшую степень чистоты в результате уборки, а английское выражение *to tidy up the room* имеет смысл “убрать, аккуратно разложив все на свои места”. Немецкая уборщица — *Putzfrau* — буквально полирует комнату. Трудно представить себе в немецком языке речение *“От грязи еще никто не умер”*, в русском языке эта фраза воспринимается как стремление свести к шутке замечание относительно физической нечистоплотности; немцы же вряд ли оценят такой юмор. Для русского сознания несопоставимо важнее чистота души.

Всем известно очень серьезное отношение немцев к точности в оценке явлений, эта точность является частью глобального концепта “порядок” и выражается в пунктуальности, строгом соблюдении норм закона, неприязни к опозданиям, а также в любви к счету. Немцы любят считать все вокруг, вести бухгалтерский учет своих доходов и расходов, рационально считать плюсы и минусы в тех ситуациях, где представители других народов действуют только интуитивно. Немецкая точность является ценностной доминантой в рекламных текстах. Например, в рекламе аудио- и видеоаппаратуры говорится: *German precision in sound and vision*. В современных российских городах появляются «Немецкие химчистки», где стоимость услуг достаточно высока и – это имплицируется названием – качество выполнения заказа является безукоризненным.

Очень интересные наблюдения о немецкой языковой картине мира в плане правил и норм поведения содержатся в работах А.Вежбицкой (1999). Она отмечает, что хотя “в послевоенную эпоху заметно реже стали употребляться слова типа *Gehorsam* — “повиновение” и выражения вроде *Befehl ist Befehl* — *“приказ есть приказ”,* ... такие традиционные для немцев ценности, как социальная дисциплина и Ordnung — “порядок”, основанный на законной власти, отнюдь не устарели” (Вежбицкая, 1999, с.688). Это выражается, в частности, в особой роли, которую играют в немецкой культуре запреты, например, *Zutritt verboten!, Betteln und hausieren verboten!* — “Проход запрещен!”, “Попрошайничать и торговать вразнос запрещено!”. В англоязычной культуре формуле “X verboten!” соответствует формула “No X-ing”, например, *No smoking* — “Не курить”. Английское prohibited — “запрещено” — используется только в тех случаях, когда запрещаемое действие представляет опасность для жизни людей (например, запрет курения вблизи нефтяных резервуаров). То, что в английском языке относится к понятию “правила”, в немецком интерпретируется как “запреты”. В немецкой картине мира принято жестко регламентировать поведение людей.

Англичане же выбирают более мягкое и косвенное воздействие. Например, в кафе можно увидеть надпись *“Thank you for not smoking”* — “Благодарим вас за то, что вы не курите”, а не No smoking. Сравним надпись на стене университетской библиотеки: *Bitte leise sprechen!* — “Пожалуйста, говорите тихо” (обратим внимание на восклицательные знаки в немецких объявлениях — если это и просьба, то очень настоятельная, а по сути дела — это приказ). В английских библиотеках пишут в таких местах *“Quiet work area”* — “Место спокойной работы”, т.е. “Здесь не шумят”. Сравним распространенные надписи на русском языке: *“Не курить”, “Не сорить”, “По газонам не ходить”* и, конечно, в вагонах *“Не высовываться”.* Степень категоричности, как видим, является величиной градуальной. Здесь, впрочем, мы разделяем точку зрения не А.Вежбицкой, а Р.Водак, которая пишет об институциональном дискурсе как о голосе государства, говорящего с людьми (Водак, 1997, с.23). Где здесь мера этнокультурной и социокультурной специфики? На наш взгляд, этнокультурная специфика в отношении запретов состоит в том, что одни народы не терпят чрезмерного и прямого вмешательства государства или общества в их личную жизнь, а другие считают это допустимым и правильным.

А.Вежбицкая делает следующие выводы относительно запретов в немецкой культуре: 1) немцы одобряют такую ситуацию, когда кто-либо прямо говорит людям, что они должны и не должны делать; 2) это свидетельствует о “широком распространении идеи личной власти как источника ограничения и принуждения”; 3) знаки запретов фокусируют внимание прежде всего на негативной стороне вещей (Вежбицкая, 1999, с.695–696).

Очень важным является комментарий А.Вежбицкой относительно роли концепта Angst — 'страх' в немецкой культуре. Этот концепт очень приблизительно соответствует словам со значением “страх” в других языках, поскольку в концепте 'Angst' содержится нечто от состояния депрессии, тревоги, неприкрытости, незащищенности, неуверенности. Как это ни парадоксально, но понятие "Angst" антонимически связано с понятием "Ordnung", поскольку "Ordnung" — “порядок” подразумевает "Sicherheit" — “безопасность, приобретаемая в уверенности” и "Geborgenheit" — “укрытость, т.е. нахождение в месте, где можно себя чувствовать в безопасности и защищенным” (Вежбицкая, 1999, с.601–602).

Немецкая основательность в карикатурной форме показана в английском анекдоте:

A professor giving a talk to a multinational audience tells a joke against the Germans. Someone at the back of the hall jumps up and protests angrily:

"I'm German!"

"OK", says the speaker "I'll say it again — slowly".

В данном случае основательность заменяется медлительностью: подразумевается, что немцы — тугодумы.

К полицейскому в Германии подбегает человек: "Господин полицейский, у меня украли велосипед!" – "Он был в порядке?" – "Да, ездил нормально". – "Звонок был на нем?" – "Нет". – "Ручной тормоз работал?" – "Его вообще не было". – "Фонарь?" – "Не было". – "Так, платите штраф 30 марок!"

В этом тексте гипертрофированно выражена немецкая страсть к порядку: ситуация абсурдно переворачивается, полицейский подменяет тему похищения велосипеда темой общего порядка езды на этом виде транспорта.

Хотелось бы заметить, что нормы проявления тех или иных качеств условны не только применительно к этнокультурным сообществам, но и к социокультурным группам внутри одного и того же этноса. В этом отношении интересен концепт 'скорость'. Известно, что южные народы обладают более горячим темпераментом,

чем жители северных стран, и характеризуют медлительных, по их мнению, представителей соответствующих этносов с насмешкой. Показателен следующий анекдот:

Едут в машине несколько финнов. Дорогу перебежал какой-то маленький зверек. Через полчаса один из пассажиров сказал: «Заяц». Еще через полчаса другой пассажир возразил: «Белка». Прошло еще полчаса, и старший в компании заметил: «Хватит спорить, горячие финские парни!».

В этом тексте преувеличенно показана медлительность реакции жителей Суоми. Предполагается, что реакция тех, с кем себя ассоциирует рассказчик анекдота, должна быть быстрой. Медлительность ассоциируется с умственной несостоятельностью и поэтому вызывает улыбку. Увеличение скорости жизни в современном мире привело к тому, что для молодых людей в России скорость стала знаковым моментом существования. Понятие «тормозить», замедлять движение, приобрело резко отрицательную оценку. Реклама всячески поддерживает этот стереотип: *«Не тормози! Сникерсни!»* Шоколадный батончик «Сникерс» в английском имеет очевидную ассоциацию с не совсем приличным поведением подростка – *to snicker* (вариант — *snigger — a quiet and disrespectful laugh kept to oneself*), *хихикать, тихо ржать, выражая неуважение.* Для англоязычной культуры ослабление эмоционального самоконтроля, вероятно, актуально. На большой скорости осуществлять такой самоконтроль бессмысленно. Тот, кто проигрывает в скорости, заслуживает насмешки:

Устроился один тормоз сторожем в зоопарк. В первый же день у него убежали из клетки черепахи. Он говорит: «Я их хотел покормить, а они как побегут, как побегут…»

Черепаха – символ медлительности, поведение этого человека (медленнее эталона медленности) характеризует концепт 'скорость' в языковом сознании современной молодежи. В ассоциативном словаре в списке реакций на слова *тормоз, тормозить* указаны единицы *тупой, ты, плохо доходит, тугодум, закомплексованный* (РАС-5). Возможно, культ скорости, ощущение полноты жизни на высокой скорости связано с сегодняшним осознанием свободы, но вместе с тем вспомним классическую фразу Н.В.Гоголя: *«Какой русский не любит быстрой езды!»*

Одной из наиболее сложных областей описания лингвокультурной специфики того или иного народа является сфера эмоций. Многие характеристики онтологии и языковой репрезентации эмоций раскрыты в исследованиях В.И.Шаховского (Шаховский, 1987, 1998). Специфике эмоциональных концептов в немецкой лингвокультуре посвящена монография Н.А.Красавского (2001). Автор рассматривает базисные эмоции «Angst» — «страх», «Freude» — «радость», «Trauer» — «печаль», «Zorn» — «гнев», определяет словарные номинанты этих эмоций и анализирует их историческое развитие, выявляет парадигматические и синтагматические отношения между языковыми единицами, выражающими соответствующие концепты, характеризует концептуализацию эмоций в мифологической, мифолого-религиозной и современной наивной и научной картинах мира. Эмоциональный концепт понимается в рассматриваемом исследовании как «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, оценку и культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» (Красавский, 2001, с.60). Автор доказывает, что в толковые словари следует внести ряд важнейших содержательных признаков, фиксируемых в

психологических дефинициях. К числу таких признаков (параметров) можно отнести «род», «видовые характеристики» («интенсивность, причина, последствия, условия появления эмоции», «объект эмоции», «длительность, осознанность, контролируемость или неконтролируемость, положительная/отрицательная знаковая направленность эмоций»). Автор отмечает, что максимально распредмеченным в филологических определениях является базисный эмоциональный концепт Angst — «страх». Менее полны знания наивного человека природы таких концептов, как Zorn — «гнев», Trauer — «печаль». Их когнитивные структуры представлены более усеченным набором семантических признаков. Более детальное лексикографическое описание концепта Angst — «страх», по мнению Н.А.Красавского, объясняется его глубокой рефлексией языковым сознанием. В книге отмечено, что «русская печаль и её концептуальные «дериваты» (*тоска*, *грусть* и др.) имеют не только несколько более высокую частотность употребления в художественном дискурсе по сравнению с составляющими микропарадигмы Trauer, но и обладает более богатыми ассоциациями, отличающимися образностью и ярко выраженной оценочностью. Используемые в своих метафорических значениях элементы микропарадигмы «печаль» активны, зримы, чем соответствующие элементы немецкой парадигмы Trauer. Примечательно, что для носителей русского языка и русской культуры часто не ясны каузаторы печали. Русское языковое сознание мыслит этот концепт преимущественно антропоморфно, антропоцентрично. Русские концепты группы "печаль" (грусть, тоска) по сравнению с их немецкими эквивалентами мыслятся русским языковым сознанием многочисленными образами; они располагают в нем значительно более широкой ассоциативной направленностью. Концепт русской печали обладает ярко выраженной этноспецификой. Он квалифицируется как национально маркированный, о чем, помимо прочего, свидетельствуют номинанты-дублеты эмоций (грусть-тоска, тоска-печаль, тоска-кручина). Последние относятся к безэквивалентной лексике. Они могут быть транслируемы в другой язык, в другую культуру описательными средствами» (Красавский, 2001, с.211–212). Весьма интересен вывод автора о том, что на раннем этапе развития цивилизации вызывающие эмоциональные реакции у древнего человека реальные события, предметы лингвистически никак не дифференцировались. Сама эмоция и событие, ее спровоцировавшее (т.е. причина), часто именовались одним и тем же словом. Можно предположить, пишет автор, что архаичный человек относился к переживаемым им эмоциональным реакциям, примитивным эмоциям как к *реальным объектам* мира.

'Тоска', один из наиболее характерных концептов русской культуры, по мнению А.Вежбицкой, анализируется в исследовании Е.В.Димитровой (2001), которая выделяет в этом концепте следующие смыслы: томление, грусть, печаль, скуку, уныние, хандру, тревогу, тоску по Родине, сожаление об утраченном, стремление к чему-либо, пока не происходящему, тоску по близким, любимым людям. Французский эквивалент этого концепта — angoisse – принципиально отличается от русской тоски: можно делать вид, что испытываешь это чувство, другими являются и поведенческие реакции: испытывая angoisse, француз может дрожать, чувствовать озноб, потеть (во французском это чувство сопряжено с неприятными физическими ощущениями и страхом) (Димитрова, 2001, с.12–13). Интересно отметить общий компонент в словах *anguish* (англ.) – «мучение, мука, страдание», *angoisse* (фр.) – «тоска, ужас, тревога», *Angst* (нем.) – «страх»: идея удушья, сдавливания, латинское angere — 1) сжимать, сдавливать, душить, теснить, щемить, 2) стеснять, беспокоить, тревожить, мучить, удручать (ЛРС).

Действительно, в своем развитии концепты проходят путь от проявления к содержанию (холод – стыд, оцепенение – страх, огонь — гнев и ярость и т.д.).

Концепт 'любовь' не мог остаться вне поля зрения исследователей. Рассматривая семантизацию любви в русской и испанской лексикографии, С.Г.Воркачев (1995) устанавливает признаки данного концепта (ценность, желание, эмоциональная оценка, немотивированность выбора объекта, индивидуализированность объекта, гармония, каритативность (чувство самоотверженной привязанности), половое влечение, гармония) и отмечает, что в испанских словарях не фигурирует признак немотивированности выбора объекта, а в русских – признак благожелания (Воркачев, 1995, с.130–131). Л.Е.Вильмс (1997) выделяет признаки данного концепта, зафиксированные в словарях русского и немецкого языков (глубина, сила, интимность, избирательность, теплота, уважение, страсть, самоотверженность, страдание, преданность, устремленность, непредсказуемость). Интересны выводы о том, что, по данным анализа лексики и фразеологии, в немецком культурном социуме негативно оцениваются безрассудочность, открытая демонстрация чувства и отрицается мистический характер любви, в русском же – осуждаются легкомыслие, безответственность и нескромность (особенно жесткие требования предъявляются женщине) (Вильмс, 1997, с.20-21). При исследовании этого же концепта Е.Е.Каштанова (1997) выделяет пять основных семантических параллелей, характеризующих основные мировоззренческие направления в осмыслении любви в русской философии – Бог, семья, свобода, страсть, смерть. В работе выделяются константные признаки любовного переживания (на основе анализа словарных дефиниций): ценность объекта чувств, интерес к объекту чувства, характеризация чувства, обоюдность чувства, односторонность чувства, предпочтение объекта чувства, половое влечение, формы проявления чувства, моральные чувства, интимность чувства, удовлетворение, общность, основание выбора объекта чувства (Каштанова, 1997, с.12). Отмечается, что речевое воплощение концепта 'любовь' в текстах массовой культуры (песнях) реализуется весьма часто как нарушение табу (эстетизация физиологической стороны взаимоотношений полов), и это ведет к вульгаризации любовного чувства. Обратим внимание на то, что в различных лингвокультурах выдвигаются на первый план такие характеристики любви, как восхищение и жалость (Кирнозе, 2001), т.е. страсть и сочувствие. Этот концепт, как и ряд других концептов (например, выражаемых словами *знать* и *ведать*), является внутренне парным, подразумевающим противопоставление сильной страсти (любовь как жгучее, "*лю*тое" чувство, эрос) и доброго, сердечного отношения, глубокой привязанности (в русском языке это выражено как "*быть милым*").

Концепт 'честь' составляет одно из важнейших ментальных образований в оценочной картине мира. Этимологический словарь М.Фасмера устанавливает корреляцию русского слова *честь* и древнеиндийского *cetati* – «соблюдает, мыслит, понимает, думает». Рассматривая этот концепт в древнегреческом, Э.Бенвенист (1995) определяет *geras* как «честь, почетный дар, почести», это блага в натуральном виде, собранные воинами при разграблении города, сложенная воедино общая добыча, и далее – ее часть, принадлежащая вождю. Ситуативная конкретизация этого слова приводит к уточненному пониманию данного концепта: экстраординарные преимущества, закрепленные по праву за царем, – материальные блага, предоставляемые народом, почетное место, лучший кусок мяса и чаша вина (Там же, с.271). Честь – это царские привилегии: право вести войну, где захочется, право брать столько скота, сколько захочется, главное место на общественных пирах, первое блюдо от каждой перемены блюд, двойная по отношению к другим пирующим порция, право выбора животных для

жертвоприношений, право сидеть на почетном месте во время игр. Речь идет, как можно видеть, о выделяющих царя благах — натуральных и символических. По сути дела, такое выделение сохранилось и до наших дней: например, оплачиваемый проезд в вагоне категории «СВ» в командировках разрешен только современным отечественным чиновникам высокого ранга, остальным положено ездить в купейных вагонах. Председатель государственной аттестационной комиссии имеет дополнительное право голоса на государственных выпускных экзаменах в случае возникновения конфликтной ситуации при выставлении студенту оценки за ответ. В современном сознании такое выделение зафиксировано более дифференцированно как противопоставление прерогативы и привилегии. Прерогатива – это дополнительное право, а привилегия – освобождение от обязанностей, выполняемых всеми остальными. Например, женщины по этикету имеют привилегию не снимать головной убор в помещении. Лица, отмеченные высшими наградами страны, освобождаются при проезде от оплаты в общественном транспорте. Нетрудно заметить, что привилегии основаны на дефиците определенных благ: если бы еды было вдоволь на всех, двойная порция не рассматривалась бы как награда.

Сравнивая языковые способы выражения концепта 'честь' в американской и русской лингвокультурах, Г.Г.Слышкин (1996, с.57) отмечает, что в американских толковых словарях *честь* трактуется большей частью как высокая репутация, т.е. высокое уважение со стороны окружающих, в русских толковых словарях этот концепт раскрывается в единстве внутреннего качества и отношения окружающих. Американское *honor* ассоциируется с титулами, наградами, привилегиями и т.д. В историческом плане американское понимание чести, по мнению автора, есть развитие западноевропейского концепта рыцарской чести, изначально связанного с соревновательностью и утверждением в обществе, в то время как «древнерусская семья воспитывала своих членов по веками выработанному шаблону, в основе которого лежали религиозные предписания. Понятие чести не фигурирует среди христианских добродетелей, а соревновательность чужда идеалу ортодоксального христианства, культивировавшего терпение и послушание». Поэтому понятие чести соотносится в русской культуре с внутренними качествами человека (Там же, с.59). Что же касается понимания женской чести как добрачной девственности, то такое понимание данного концепта, по справедливому замечанию Г.Г.Слышкина, объясняется экономической зависимостью женщин в прошлом. В семиотическом плане соотношение "честь / бесчестье" предлагается рассматривать как один из вариантов оппозиции "свой / чужой": бесчестье переводит члена "своей" группы в разряд "чужих" существ (Гойман, 2001, с.19). С.В.Вишаренко анализирует принципы структурирования концепта honour на материале ранненовоанглийского периода и выделяет в когнитивном пространстве этого концепта, воплощенного в значениях 80 существительных (из них ядерные — *honour, dignity, chastity, valour, reverence, glory, praise, worship, boast, fame, renown, reputation*), следующие признаки: 1) благородство характера, 2) чистота духа, 3) целомудрие, 4) неустрашимость, 5) физическая сила и мужество, 6) блеск, великолепие, 7) амбициозность, тщеславие, 8) сакральное величие и благость, 9) почитание, поклонение, 10) уважение, одобрение, 11) общественная известность, 12) высокое положение в социальной иерархии (Вишаренко, 1999, с.22). Интересно отметить, что концепт 'честь' специфически проявляется как апелляция к моральному стандарту поведения в английской лингвокультуре применительно к жанру договора. Известно, что английские бизнесмены весьма часто заключают устную договоренность, и на этом основании совершаются сделки на большую стоимость. В том случае, если партнер повел себя не должным образом, произносится

фраза: «*You have dishonoured your agreement*». В русском деловом общении апелляция к чести в такой ситуации представляется маловероятной, особенно применительно к современному состоянию отечественного предпринимательства.

Заслуживает внимания диссертационное исследование, посвященное концепту 'риск' в английской лингвокультуре (Ефимова, 2000). Интерпретируя риск как вид деятельности в ситуации неопределенности и необходимости выбора, результат которого не полностью предсказуем, автор выделяет наиболее общие метафоры риска – война, азартная игра, охота, борьба со стихией, часто морской, выход из убежища навстречу опасности (Ефимова, 2000, с.11). Фрейм ситуации риска включает ситуацию, участник которой стремится к успеху, но допускает вероятность поражения, испытывая при этом эмоции отчаяния и надежды, делает выбор, понимая, что мог отказаться от риска, и приходит к поражению или победе. Каждая из этих характеристик рассматривается как субфрейм, который иллюстрируется определенными идиомами, например: принятие ситуации риска — *to step in the breach, to stick one's neck out, to swim against the stream, to beard the lion in its den, to walk a tightrope* и др.

Концепт 'успех' весьма значим для любой культуры, поскольку целесообразное действие предполагает оценку его выполнения. Содержанием этого концепта является положительно оцениваемая реализация усилий по достижении цели. Можно построить следующую модель фрейма, представляющего ситуацию успеха: "(я знаю, что) 1) Х хотел, чтобы было положение дел А, 2) он действовал, чтобы было А, 3) были препятствия Р, которые Х должен был преодолеть, 4) могло быть так, чтобы не было А, 5) Х преодолел препятствия Р, и А существует, 6) (и поэтому я думаю, что) Х заслуживает положительной оценки за действия по достижении А". Ассоциативный круг концепта 'успех' включает следующие смыслы: 1) положение дел А достижимо; 2) Х рад тому, что существует А, 3) при оценке действий Х учитываются средства, используемые Х для достижения цели (положения дел А), 4) степень успеха зависит от величины препятствий Р, 5) успех связан не только с усилиями Х, но и с везением, 6) успех уточняется в концептуальном пространстве "цель, средство, препятствие, амбиция, победа, поражение, неудача, достижение, признание, карьера, награда, состязание, борьба", 7) существуют символические знаки успеха. Словарные дефиниции соответствуют приведенной модели: *success is the achieving of desired results (CIDE). Success is 1.1. the achievement of something that you have been trying to do; 1.2. the achievement of a high position in a particular field, for example in business or politics; 2. A success is someone or something that achieves a high position, makes a lot of money, or is popular (COBUILD). Success – 1) the accomplishment of an aim; a favourable outcome (their efforts met with success); 2) the attainment of wealth, fame, or position (spoilt by success); 3) a thing or person that turns out well; 4) archaic a usu. specified outcome of an undertaking (ill success) (COD).* Успех – 1) положительный результат, удачное завершение чего-либо || благоприятный исход, победа в каком–либо сражении, поединке и т.п.; 2) мн. хорошие результаты в учебных занятиях, достижения в освоении, изучении чего–либо; 3) общественное признание, одобрение чего–либо, чьих–либо достижений || признание окружающими чьих–либо достоинств; интерес, влечения со стороны лиц другого пола (БТС). В английском тезаурусе выделяются следующие смысловые уточнители успеха: *success – 1. [the fact of succeeding] – syn. achieving, gaining, prospering, attaining, accomplishing, progressing, advancing, triumphing, making a fortune, finishing, completion, consummation, doing, culmination, conclusion, termination, resolution, end, attainment, realization, maturation, breakthrough, victory, triumph, accomplishment, benefiting, having good luck; being out in front, making a noise in the world, making a ten strike; ant. failure, disappointment, failing. 2. [the fact of*

being succeeded to a high degree] – syn. fortune, good luck, achievement, gain, benefit, prosperity, victory, advance, attainment, progress, profit, prosperous issue, bed of roses, favorable outcome; – ant. defeat, loss, disaster. 3. [a successful person or thing] – syn. celebrity, famous person, leader, authority, master, expert, man of fortune; somebody, star, gallery hit, bell-ringer, VIP. – ant. failure, loser, nonentity (WNWThes). В русском синонимическом словаре качество "*успешный*" сопоставляется с близкими по значению единицами "*удачный*", "*счастливый*", "*благополучный*"; общим значением является положительный результат, слова "*успешный*" и "*счастливый*" являются интенсификаторами данного смысла, "благополучный" указывает на благоприятное, без каких-либо осложнений завершение какого-либо дела, предприятия (БССРЯ), выделяются ассоциативные направления конкретизации этого концепта: 1) достижение, завоевание, победа, триумф, торжество; свершение; 2) лавры, (о шумном успехе) фурор; 3) удача (СсинРЯ).

Этимология имени концепта (*успех, success*) означает "движение, быстрое следование. В китайском языке концепт 'успех' (*cheng gong*) передается с помощью иероглифов, состоящих из идеограмм со значениями "закончить" + "работа" + "усилия".

Пословицы выделяют следующие направления концептуализации ценностного основания успеха: 1) усилия по достижении успеха заслуживают похвалы (*Nothing seek, nothing find; There is always room at the top*); 2) нельзя сдаваться, сталкиваясь с трудностями (*Глаза боятся, а руки делают; If at first you don't succeed, try, try, try again; Forsaken by the wind, you must use your oars*); 3) есть положительный смысл и в поражении – это урок для будущей победы (*Adversity is a touchstone of virtue*); 4) успешный результат перевешивает сомнительные средства, которые используются для достижения цели (*Победителей не судят; Цель оправдывает средства; The end justifies the means*); 5) стремление к успеху должно основываться на адекватной самооценке (*Hasty climbers have sudden falls; Step by step the ladder is ascended; Дорогу осилит идущий*); 6) стремление к достижению собственного успеха не должно приводить к игнорированию интересов других людей (*Всякая козявка лезет в букашки*). В афористике мы сталкиваемся с парадоксальным переосмыслением общепринятых оценок: "*Победы – истины подлецов".*

Принципиально различается оценка человека, которого преследуют неудачи, в русской и английской лингвокультурах. Неудача по-русски связана с обреченностью, невезеньем, наиболее часто приводятся примеры "*неудачник в жизни, по жизни, в любви, бедный, вечный, во всем*" (РАС). Таких людей можно пожалеть. В английском *loser* осмысливается как проигравший в состязании, для англичан очень важно уметь достойно проигрывать: *A good loser is a person who behaves well and does not show their disappointment when they are defeated; a bad loser is a person who complains when they are defeated (CIDE).* Характерны примеры: *a born loser, a romantic loser.* Человек, потерпевший неудачу, не должен показывать свое разочарование и, тем более, не должен жаловаться. Критически оценивается неумение субъекта перебороть неудачу (*неудачник от рожденья*), романтичность как причина неудач.

Можно установить следующую специфику понимания концепта 'успех' в английской и русской лингвокультурах: 1) для русской лингвокультуры характерен акцент на везении и учете средств, используемых для достижения цели (моральный аспект), для английской – акцент на успехе как таковом, символизация успеха, акцент на усилиях индивида; 2) в английской лингвокультуре успех ассоциируется с карьерой, богатством и славой, в русской – с победой в бою, достижениями в познаниях и завоеванием симпатий; 3) к людям, которые не добились успеха, по-русски относятся с жалостью, по-английски – с

элементом презрения. Отсюда следует, что в английской культуре успех напрямую связывается с усилиями личности, в русской – с везением и способностями человека.

Концептуализация критической оценки усилий человека может развиваться, по меньшей мере, в двух направлениях: 1) некто не прикладывает усилий для достижения цели ('лень'), 2) некто неправильно прикладывает усилия для достижения цели либо выбрал неверную цель ('суета' и 'тщета'). В русской и английской лингвокультурах своеобразно осмыслены концепты 'суета' и 'тщета'. Содержанием этих концептов является отрицательно оцениваемая бессмысленная активность, это действия, которые заведомо лишены достижимого результата. Образная составляющая концепта 'суета' – человек, который частыми движениями пытается переставлять предметы, переместиться, оставаясь в том же положении (белка в колесе), нервничает, выглядит иногда смешно и нелепо. Внешняя характеристика суеты применительно к мотивации действия может, впрочем, принимать и положительную оценку: хозяйка суетится на кухне, готовясь к приходу гостей, т.е. делает все торопливо, хочет успеть сделать как можно больше. Образ тщеты более абстрактен, здесь возникают картины бессмысленных усилий (ситом черпать воду), тщетной борьбы с обстоятельствами, с природными катаклизмами (тщетные попытки спастись во время землетрясения).

Понятийная составляющая этих концептов – это их обозначения и выражения. *Тщета – (книжн.) отсутствие смысла, ценности в чем-л., бесполезность, суетность, тщетность (БТС); тщетный – бесполезный, бесплодный, напрасный (БТС). Суета – 1) (книжн) все тщетное, пустое, не имеющее истинной ценности (Перед лицом смерти все прах и суета); 2) торопливое, беспорядочное движение, беготня, хлопоты (Праздничная суета; дорожная, предотъездная суета; повседневная суета) (БТС).*

Суета – торопливое, беспорядочное движение – в синонимических словарях уточняется в ряду слов: *хлопоты, беганье, суматоха, сутолока; сумятица, суетня, беготня, хлопотня; из-за пустяков: мышиная возня; суетиться, суматошиться; суетливый, суетный, суматошный, суматошливый*. Различия между синонимами наблюдаются по трем признакам: 1) степень интенсивности (*суматоха* и особенно *сумятица* имеют усилительный характер, указывая на большее движение, большую беспорядочность и суетливость хлопот, 2) бестолковость действий (*суматошиться, суматошный, суматошливый*), 3) ясность внутренней формы (*беготня, мышиная возня*) (БССРЯ). Идея тщеты – усилия, не приводящие к достижению поставленной цели или не приносящие результатов, – уточняется в синонимах: *напрасный, тщетный, безрезультатный, безуспешный, бесплодный, бесполезный; напрасно, тщетно, безуспешно, безрезультатно, бесплодно, бесполезно, бессмысленно, понапрасну (разг.), зря, даром (разг.), задаром (прост.), попусту (разг.), по-пустому (прост.), впустую (разгю), вхолостую (прост.).* О.Ю.Богуславская выделяет следующие отличительные признаки, релевантные для данных слов: 1) наличие цели (для прилагательных *бесплодный* и *бесполезный* цель необязательна; 2) характер описываемого явления (действие, состояние или предмет), 3) момент возникновения неудачи (*бесполезный* – ближе к концу, *тщетный* – к началу действия), 4) характер цели (*безрезультатный* – конкретная цель), 5) наличие либо отсутствие причинно–следственной связи между целью и действием (*напрасный* – отсутствие такой связи), 6) ретроспективность / проспективность (*напрасный, тщетный, бесплодный* и *бесполезный* – отношение к будущему), 7) возможность оценочной интерпретации

усилия субъекта (она есть для синонимов *напрасный, бесплодный и бесполезный*) (НОСС1). Тщетность относится к обозначению настойчивых усилий.

В словаре В.И.Даля отмечается, что суета противоположна вечному благу, жизни духовной: *суетный, напрасный, тщетный, пустой, безумный, глумный, глупый, вздорный || мирской, светский, земной, плотской, вещественный, временный, относящийся до жизни земной и до страстей человека; суета, тщета, пустота или ничтожность, бесполезность помыслов, стремлений и дел людских; тот, кто суетится, мечется, торопится – егоза, юла, непоседа; пустой хлопотун или беспокойный, опрометчивый торопыга* (Даль). *Тщетный* определяется в этом словаре как *тунный, напрасный, дармовой, бесполезный; пустой, безуспешный; суетный. Тщетное старание – неудачное; – труд, бесполезный; – надежда, обману(тая)вшая; – просьба, безуспешная; – умствование, суетное и самонадеянное* (Даль). Эти концепты вербализованы в русских морфемах *суе- и тще-,* например: *суесловие – пустословие, вздорные, пустые речи, слова на ветер, без пользы и толку; беседа безнравственная; тщеславный – кто жадно ищет славы мирской или суетной, стремится к почету, похвалам, требует признания мнимых достоинств своих, делает добро не ради добра, а ради похвалы, почету, и внешних знаков почестей* (Даль).

Обратимся к дефинициям английских толковых и синонимических словарей: *vanity – 1) conceit and desire for admiration of one's personal attainments or attractions; 2) a) futility or unsubstantiality (the vanity of human achievement); b) an unreal thing; 3) ostentatious display (COD); vain – 1) excessively proud or conceited, esp. about one's own attributes; 2) empty, trivial, unsubstantial (vain boasts; vain triumphs); 3) useless; followed by no good result (in the vain hope of dissuading them); in vain – without result or success (it was in vain that we protested); take a person's name in vain – use it lightly or profanely [Middle English via Old French from Latin vanus 'empty, without substance'] (COD). Vain – 1) full of self-admiration; thinking too highly of one's appearance, abilities, etc; conceited; 2) without result, unsuccessful; 3) (old use or lit.) without meaning or value (LDELC). Vainglory (lit or old use) great and unreasonable pride in one's abilities; great vanity (LDELC). Futile – 1) useless, ineffectual, vain; 2) frivolous, trifling [Latin futilis 'leaky, futile', related to fundere 'pour'] (COD).* Идея тщеты – бессмысленных усилий – в английском языковом сознании сопряжена, как можно видеть, с тщеславием, самолюбованием, выставлением напоказ своих усилий и качеств. В синонимическом словаре эта идея уточняется в ряду единиц, объединенных значением "бесплодность результата" *(barren of result): futile, vain, fruitless, bootless, abortive* (WNDS). В качестве дифференциальных признаков выделяются семы "полная неудача" и "неразумность предприятия" (*futile*), "длительные усилия" и "большое разочарование" (*fruitless*), "стремление достичь облегчения" (*bootless*), "неудача на начальном этапе" (*abortive*).

Bustle – n. excited activity; a fuss; v. 1) intr. (often foll. by about) a) work etc. showily, energetically, and officiously; b) scurry (bustled about the kitchen banging saucepans); 2) tr. make (a person) hurry or work hard (bustled him into his overcoat); 3) intr. (as bustling adj.) colloq. full of activity; [perhaps from buskle frequentative of busk 'prepare', from Old Nors] (COD). Fuss – n. 1) excited commotion, bustle, ostentatious or nervous activity; 2) a) excessive concern about a trivial thing; b) abundance of petty detail; 3) a sustained protest or dispute; 4) a person who fusses; v. 1) intr. a) make a fuss; b) busy oneself restlessly with trivial things; c) (often foll. by about, up and down) move fussily; 2) tr. Brit. agitate, worry; make a fuss – complain vigorously; make a fuss over (or Brit. of) – treat (a person or animal) with great or excessive attention [18th c.: perhaps Anglo-Irish] (COD). Идея суеты уточняется в словарных дефинициях при помощи

признаков "напоказ", "энергично", "нервно, возбужденно", "беспокойно", "мелочные дела", "дела, не заслуживающие внимания". В синонимическом словаре идея возбужденной торопливости в действиях развивается в следующих направлениях: "шумно и назойливо" (*bustle*), "нервозно и чрезмерно торопливо (суматошно)" (*flurry*), "бессмысленно и безрезультатно" (*fuss*), "напрасно и расточительно" (*ado*) (WNDS).

На основании анализа словарных дефиниций можно построить следующий фрейм концепта 'тщета': "Я уверен в том, что не будет положения дел А, которого хочет X, действуя для того, чтобы было А, и поэтому я думаю, что желания и действия X должны оцениваться отрицательно". Ассоциативный круг этого фрейма можно очертить следующим образом: 1) положение дел А по своей природе не имеет ценности, есть положение дел В, которое является ценным априори, 2) даже если усилия X будут большими, это не принесет успеха, 3) отрицательная оценка конкретизируется как квалификация поведения X (вредное, абсурдное, жалкое, самонадеянное). Фрейм концепта 'суета' можно представить так: "Я думаю, что X при выполнении действия А ведет себя чересчур эмоционально (нервно, возбужденно, взволнованно), напрасно стремится ускорить завершение действия А, игнорирует более важные вещи, и поэтому я считаю, что действия X должны оцениваться отрицательно". Ассоциативный круг данного фрейма включает следующие характеристики: 1) существует целесообразный минимум затраты усилий для выполнения действия А, 2) существует принятый в обществе стандарт проявления эмоций применительно к типовому действию А, 3) отрицательная оценка конкретизируется как квалификация поведения X (неконтролируемое, бестолковое, нецелесообразное).

Этимология слов, обозначающих концепты 'тщета' и 'суета' в русском и английском языках, сводится к идеям пустоты, праздности, протекания жидкости, частых движений. Интересно, что и в китайской идеографике понятие "*зря, напрасно*" (*bai bai de*) передается через удвоенную идеограмму со значением "белый" (понятна логика: белый – бесцветный – пустой).

В русской и английской фразеологии и паремиологии бессмысленные действия уточняются в следующих направлениях: 1) абсурдность действия (*ситом черпать воду ~ carry water in a sieve; толочь воду в ступе; to carry coal to Newcastle – возить уголь в Ньюкасл,* т.е. туда, где его добывают; *ехать в Тулу со своим самоваром; charge the windmills – сражаться с ветряными мельницами* (как Дон Кихот); *force an open door – ломиться в открытую дверь; sow the sand – пахать песок; square the circle – "делать квадрат из круга"; beat the air ~ ловить ветер (библ.); cry for the Moon – "(о детях) плакать, чтобы дали луну",* т.е. желать невозможного); 2) безрезультатность действия (*come to nothing; end in smoke; fall to the ground; fall flat; псу / коту под хвост*); 3) самонадеянное поведение субъекта (*put on airs; раздувать щеки; хлопать крыльями*). Нормы поведения, заданные в этих и подобных им высказываниях, сводятся к требованиям оценивать адекватно себя и ситуацию. В афористике можно встретить речения, ставящие под сомнение обиходные правила трезвой оценки обстоятельств: "*Выпьем за успех нашего абсолютно безнадежного предприятия!*" То, что порой кажется тщетным и бессмысленным, может иметь высокий смысл и в дальнейшем может оказаться значимым.

Обозначение, выражение и описание тщеты и суеты, разумеется, не исчерпывается фрагментарными наблюдениями и обобщениями и требует детального изучения, но приведенные примеры дают основание считать, что специфика понимания концептов 'тщета' и 'суета' в русской и английской лингвокультурах состоит в следующем: в русском языковом сознании акцент делается на противопоставлении истинных и мнимых ценностей, при этом суета

выступает как проявление тщеты, в английском подчеркивается самонадеянность субъекта и осуждается выставление им напоказ своих качеств и усилий.

В ряду слов, характеризующих поведение людей, выделяются лексические единицы, значение которых содержит оценочный знак и мотивировку оценки. Представляет интерес сопоставительное изучение слов, интерпретирующих поведение детей, которые нарушают определенные нормы приличия в английской и русской лингвокультурах. Речь идет о шалости, т.е. о детских поступках и проделках, которые взрослыми рассматриваются как нарушения поведения, обычно простительные, и которые доставляют удовольствие детям. В коллективном сознании такое поведение представлено множеством сцен в памяти, оно типизируется, имеет четкие параметры для определения, находит множественное языковое воплощение в обозначении, выражении и описании, соотносится с модальностью долженствования и предположения, содержит оценочный знак и, таким образом, является культурным концептом. Этот концепт соотносится со следующими концептуализируемыми областями: 1) человеческое поведение, 2) поведение детей, 3) нормы поведения, 4) нарушения поведения, 5) мотивация поведения, 6) поступки как намеренные действия, 7) типичные проявления нарушений поведения, 8) реакция взрослых на нарушения поведения детей, 9) реакция детей на контроль со стороны взрослых. Предполагается, что в английской и русской лингвокультурах данный концепт имеет множество совпадающих поведенческих ходов как со стороны детей, так и со стороны взрослых, но вместе с тем характеризуется специфическими признаками, которые в разной степени оказываются актуальными для носителей сравниваемых лингвокультур и которые существуют в особых признаковых объединениях, не совпадающих в сознании англичан и русских. Исходя из более общих характеристик английской и русской лингвокультур, мы конкретизируем гипотезу в следующем направлении: английская лингвокультура характеризуется высокой степенью самоконтроля, детям свойственно свободное проявление эмоций, следовательно, детские шалости в английской системе поведения оцениваются и наказываются более строго, чем в русском типичном поведении.

Обратившись к толковым и синонимическим словарям английского и русского языков, мы обнаруживаем, что основное обозначение рассматриваемого концепта 'шалость' – 'mischief' – совпадает в сравниваемых лингвокультурах, поскольку оба слова характеризуют 1) поведение детей, 2) нацеленное на получение удовольствия, 3) доставляющее другим людям небольшие неприятности или неудобства, 4) оцениваемое взрослыми как подлежащее исправлению.

Общий список обозначений рассматриваемого концепта в русском и английском языках включает следующие единицы: *шалить, проказничать, озорничать, баловаться, бедокурить, озоровать, баловать, шкодить; шаловливый, проказливый, озорной, баловной, баловливый, шкодливый, дурашливый; шалость, проказа, озорство, баловство, шкода, дурачество; шалун, проказник, озорник, баловник, баловень, бедокур, сорванец, пострел; to be naughty (of children), to play up, to play tricks; (of children) naughty, mischievous; (childish) prank, mischief, naughtiness, a terror; (of a girl) tomboy*.

Какое же поведение детей доставляет им удовольствие, но вызывает неудовольствие у взрослых? Это чрезмерно резвая, вольная и шумная игра (БССРЯ, БТС), грубая шалость (озорное поведение) и, как исключение, – намеренное причинение вреда (шкода, шкодливость). В словаре В.И.Даля слабо дифференцируется поведение взрослых и детей применительно к рассматриваемому концепту: *шаль – дурь, взбалмочность или блажь; одурение, ошалелость; дурачество, шалость, повесничество, баловство; шутка, потеха, проказы; шалить – дурить, баловать, чудить, проказить, дурачиться,*

повесничать; в меньш. степ. *играть, забавляться, резвиться*; в высшей: *своевольничать во вред другим, таскать тайком, воровать, даже грабить по дорогам и разбойничать* (Даль). Акцентируется оценка такого поведения – глупое, плохое поведение, показана градация шалости – от простительных шуток до эвфемистически обозначаемых преступлений. Вместе с тем современные толковые словари русского языка выделяют весьма существенный признак в значении слова "*озорной*" – *(разг.) склонный к шалостям, баловству; выражающий задор, лукавство, готовность к озорству; исполненный озорства* (БТС), это признак "*задор*" – *1) горячность, пыл, страстность (юношеский з.; смеяться с з.); 2) дерзкий, вызывающий тон; задиристость, запальчивость*. Озорство как показатель страстности положительно оценивается в русской лингвокультуре, хотя дефиниция показывает, что это качество легко переходит в агрессивность. Обратим внимание на то, что в русских лексикографических источниках не уточняются формы проявления шалости: *проделка* – *предосудительный поступок, шутливая выходка* (БТС). *Проказа,* впрочем, объясняется в словаре В.И.Даля, с подчеркиванием злого намерения со стороны шутника: *пакости, проделки на зло кому, прокуда; шалости, дурачества, вредные шутки; или затеи, забавы и потехи. Проказить и проказничать* – *строить проказы, выкидывать штуки, чудить, чудачить; каверзить, пакостить, прокудить,* юж. *шкодить, тешиться, делая что на зло, во вред другим; дурить, шалить, шутить, забавляться, смешить людей* (Даль). Еще более определенно это качество поведения выделено в семантике глагола *шкодить* – *вредить, убыточить, изъянить, портить, причинять убыток;* || *шалить, дурить, баловать, причиняя этим вред, порчу; проказить, прокудить, пакостить* (Даль). Негативная характеристика видна в значении слова *озоровать (озорничать)* – *буянить, буйствовать, самоуправничать, нагло самовольничать; придираться и драться;* || *пакостить, прокудить, портить или вредить из шалости* (Даль). Мы видим, что современное понимание шалости, проказливости и озорства в русской лингвокультуре возникло на основе смягчения более старого резко негативного отношения к такому поведению. В основе этого смыслового сдвига лежит переход от идеи причинения вреда, странного и опасного поведения к идее потешности, забавы. Такой смысловой переход отражает определенный сдвиг в ментальности: архаичное сознание сконцентрировано на результате действия, современное сознание – на мотивации этого действия. Такое положение дел прослеживается в древних нормах наказания: если человек совершил проступок, он должен был быть наказан за это, даже в случае непреднамеренного действия, поскольку так было угодно высшим силам, а сам человек выступал не более чем орудием в руках этих сил. Внимание к мотивации поступка и проступка акцентирует роль личности и личной ответственности за поведение. Применительно к шалости это значит, что ребенок может быть наказан, если его шалость им осознается и, следовательно, допускает несение ответственности.

В словарях английского языка встречаем следующие определения: *mischief* – *1) behaviour that is intended to cause trouble for people, 2) eagerness to have fun, esp. by embarrassing people or by playing harmless tricks, 3) naughty behaviour by children; a mischievous person 1) says or does things which are intended to cause trouble for people (|| unkind || malicious), 2) is eager to have fun esp. by embarrassing people or by playing harmless tricks (|| playful || roguish || not serious || impish); a mischievous child is often naughty but does not do any real harm (COBUILD); mischief* – *behaviour, esp. of a child, which is slightly bad but is not intended to cause serious harm or damage. Sometimes mischief is used to avoid referring to something*

worse, such as damage. (Dated) If you make mischief you say something which causes other people to be upset or annoyed with each other (COBUILD).

В этих определениях подчеркивается намерение причинить неудобство, неприятности людям, акцентируются понятия "вред" и "ущерб", хотя специально оговаривается то обстоятельство, что детские проделки не нацелены на причинение серьезного вреда. Заслуживает внимания слово *naughty* – "непослушный, шаловливый, капризный", это слово используется при разговоре с детьми и о детях: *naughty – (esp. of children) behaving badly and not being obedient, or (of behaviour) bad. Naughty is usually used when talking to children. Naughty can be used humorously to describe adults or their actions* (CIDE).

В определенных контекстах, впрочем, это слово значит "порочный". В английских словарях приводятся интересные примеры, уточняющие семантику слов со значением "проделка": *prank – a trick that is intended to be amusing but not cause harm or damage (When I was at school we were always playing pranks on our teachers)* (CIDE); *trick – an action which is intended to deceive, either as a way of cheating someone, or as a joke or form of entertainment (She played a really nasty trick on me – she put syrup in my shampoo bottle!)* (CIDE); *prank – a practical joke – a trick played on someone to amuse others: She glued a teacher's book to the desk as a practical joke* (LDELC*); a practical joke is a joke which makes someone seem foolish and involves a physical action rather than words: She stuck her boss's cup and saucer together as a practical joke* (CIDE).

Мы видим, что проделки и розыгрыши, соотносимые с шалостями, в английской лингвокультуре исполнены желания высмеять человека, от которого шутник так или иначе зависит: ученики устраивают розыгрыш учителю, приклеивая его книгу к столу, секретарша склеивает своему шефу чашку и блюдце, некто (кстати, во всех примерах этот некто женского рода!) наливает кому-то сироп в бутылку из-под шампуня. Не случайно в английском языке существует выражение *a practical joke*, приблизительно переводимое как "*грубый розыгрыш*", намеренное зловредное действие, осуществляемое для потехи. Все, кому довелось поработать в школе, хорошо помнят о трюках, которые любят устраивать ученики своим учителям, особенно начинающим или слабохарактерным: учительский стул может стоять на подпиленных ножках, в сумочке учительницы может оказаться мышь, к люстре над головой учителя может быть прикреплен надувной шарик, наполненный водой, и т.д. Но в русском языке нет однословного обозначения для таких действий (если не считать слово "*хулиганство*", используемое в таких контекстах расширительно), и это значит, что подобные действия не стали концептом. В английской лингвокультуре этот опыт осмыслен как концепт. Вероятно, стиль поведения молодых насмешливых задир оказался настолько существенным для всех англичан, что такое поведение получило специальное обозначение. Первоапрельские розыгрыши часто сводятся к таким трюкам. Если в России мы вывешиваем смешные объявления, разыгрываем друг друга разными забавными историями, то в Англии предпринимаются действия (например, в одном из колледжей студенты разобрали на части стоявший на улице автомобиль своего профессора и собрали его в целом виде на крыше этого колледжа). Отметим, что в русском молодежном жаргоне есть слово "*прикол*" – шутка, розыгрыш. Приколист (прикольщик) – это шутник, юморист, человек, создающий вокруг себя смешные, забавные ситуации (Никитина, 1996, с.164). Прикольный человек – веселый, остроумный, ироничный, выделяющийся из общей массы. В стремлении удивить других приколист может обидеть того, над кем он потешается, но такое поведение не является в коллективном сознании злонамеренным. В русском ассоциативном словаре приведены наиболее частотные реакции на стимул "прикол": "шутка" и "смех" (РАС–5).

Игривое поведение в английской лингвокультуре сопряжено с желанием подшутить над ближним. В словаре синонимов Вебстера встречаем слова: *playful, frolicsome, sportive, roguish, waggish, impish, mischievous* – все они объясняются следующим образом: *given to play, jests, or tricks or indicative of such a disposition of mood* (WNDS). В нескольких словах мы сталкиваемся с интересной комбинацией признаков: *mingled playfulness and malice* – игривость, смешанная со зловредностью (*roguish – rogue – 1) a dishonest or unprincipled person, 2) joc. a mischievous person, esp. a child* (COD); интересен смысловой сдвиг "жулик, мошенник – плутишка, шалун", ясно, что так к ребенку обращались в шутку; *impish – imp – 1) a mischievous child, 2) a small mischievous devil or sprite* (COD); "чертенок, бесенок – шалун, проказник". Толкуя в синонимическом словаре слово *mischievous – often it suggests little more than thoughtless indifference to the possible effects of one's sports, tricks or practical jokes* (WNDS), лексикографы выделяют признак бездумного равнодушия шутников к последствиям своих розыгрышей и проделок. К приведенным словам примыкает и слово *hoax – a humorous or malicious deception, a practical joke* (COD), характерно то, что в понятии "мистификация, розыгрыш, трюк" органически соединяются признаки "смешной или злой обман". Столь детальная характеристика насмешливого поведения в английской лексике свидетельствует о том, что в английском характере типичны черты весьма задиристого человека, образ которого очень точно показан Шекспиром в Меркуцио из "Ромео и Джульетты". Этот шутник балансирует на грани колкости и балагурства и в любой момент готов к поединку. Но такое поведение вряд ли свойственно ребенку. Англичане, судя по специфике признаковой комбинаторики рассматриваемых лексических значений, требуют от детей послушания, но поощряют в них любовь к розыгрышам, в том числе и рискованным.

В известных нам паремиологических справочниках нет специальных рубрик на тему "шалость", но, обратившись к пословицам и поговоркам, в которых содержатся советы по воспитанию детей, мы можем реконструировать те нормы поведения, которые были приняты в английской и русской народной (крестьянской) лингвокультурах применительно к рассматриваемому концепту. Эти нормы в значительной мере совпадают: 1) детям (и молодым людям) свойственно вести себя неосмотрительно и чрезмерно активно: *Boys will be boys. God's lambs will play. Young colts will canter. Молодо – зелено*, 2) детей следует наказывать за проступки, в том числе и физически: *Spare the rod and spoil the child. A whip for a fool and a rod for a school, is always in good season. The rod breaks no bones. Наказуй детей в юности, успокоят тя на старости. Не наказанный сын – бесчестие отцу. Кулаком да в спину – то и приголубье сыну* (Даль). Обратим внимание на то, что в качестве объекта оценки и наказания фигурируют мальчики, которым, как известно, шалости свойственны в большей мере, чем девочкам. Различия в нормах, ассоциативно связанных с концептом "шалость", касаются конкретных особенностей поведения детей в английском языковом сознании: *Children should be seen and not heard* (Originally applied specifically to young women. – J.Simpson) – дети должны быть на виду, но их не должно быть слышно, эта норма первоначально относилась к девушкам; *When children stand quiet, they have done some ill* – когда дети ведут себя тихо, значит, они что–то натворили (это речение не является пословицей, а представляет собой общеизвестную истину). В английских пословицах более подробно, чем в русских раскрывается мотивация наказания детей: *Better children weep than old men* (It is better to punish children, however cruel it may seem, than to let them develop faults which will cause more sorrow in later life) – *пусть лучше дети плачут, чем старики, т.е. пусть лучше поплачут в детстве, чем в старости*. Осуждаются

родители, балующие своих детей: *He that cockers his child, provides for his enemy. A pitiful mother makes a scabby daughter. Dawted daughters make daidling wives*. – *Том, кто балует своего ребенка, обеспечивает его врага. У жалостливой матери вырастает болезненная дочь. Избалованные дочери становятся ленивыми женами*. Субъект оценки считает, как можно видеть, что жена должна быть здоровой и трудолюбивой, по отношению к мужьям в английской паремиологии аналогичных требований не содержится. Весьма специфична русская пословица: *Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало.* В наши дни эта фраза используется как ироничный комментарий к странному занятию кого-либо, но внутренняя форма этого речения содержит отчетливо выраженный совет: *Дети не должны огорчаться*. В послании апостола Павла к колоссянам эта норма сформулирована предельно отчетливо: "*Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали"* (3:21).

Итак, обозначение концепта 'шалость' ('mischief') в английском и русском языках различается в следующих отношениях: 1) сущность шалости: в русском языке – чрезмерная подвижность, в английском языке – непослушание, 2) объект оценки: в русском языке – маленький ребенок, шалость которого естественна и вызывает улыбку, в английском языке – ребенок постарше, шалость которого порой продиктована желанием досадить другим людям, 3) проявление шалости: в русском языке – игривость, легкомысленное веселье, в английском языке – высмеивание кого–либо, 4) оценка шалости: в русском языке – порицание, сопряженное с симпатией к нарушителю норм поведения, в английском языке – вызов, на который нужно дать ответ. Психологически шалость по-русски сводится к шутовскому поведению, к ситуации полной неуправляемости собой и получения от этого удовольствия, т.е. к чувству своеобразного опьянения собственной активностью, в то время как шалость по-английски – это протест против чрезмерного контроля со стороны старших, это выплескивание накопившегося раздражения и чувство эмоциональной разрядки, возникающей при осмеянии источника раздражения либо того, кто этот источник заменяет.

Содержательный минимум концепта 'труд' выражается как «целенаправленная деятельность, требующая физического или умственного напряжения, осуществляемая не для удовольствия, предполагающая получение денег». Конкретизация содержательного минимума данного концепта представляется следующей: 1) характеристика работы, 2) отношение к труду, 3) результативность. В качестве единиц изучения рассматривались глаголы и прилагательные со значением «работать», «бездельничать», «трудолюбивый», «ленивый» (*to work, to labour, to toil, to drudge, to grind, to travail, to moil, to slave; sich bemuhen, sich abrackern, schuften, sich abplagen, sich abmuhen, sich anstrengen, sich regen; трудиться, работать, вкалывать, надрываться, корпеть, потеть, горбатиться, ишачить* и др.). Понятие «трудиться» противопоставляется понятию «играть» (деятельность, осуществляемая только для удовольствия, обычно о детях), отсюда — пресуппозиция необходимости труда, и как следствие этого — вариативное представление волеизъявления и долженствования в связи с выполняемой работой.

Модель концепта 'труд' строится на основе фрейма, в центре которого находится образ человека, выполняющего напряженную (обычно физическую) работу. Эта работа может быть тяжелой, длительной, изнурительной, монотонной, постоянной (объективные характеристики процесса). Человек трудится по принуждению (внешнему либо внутреннему), напряженно, умело, проявляя старательность, упорство, терпение, выносливость (субъективные характеристики). При этом работа выполняется успешно, качественно, красиво, быстро (объективные характеристики результата). Все эти характеристики могут

быть выражены в виде условных шкал с положительным и отрицательным полюсом. Идея «лени» предполагает не только нежелание трудиться, но и удовольствие от праздного времяпрепровождения, пассивность как черту характера, а также сопутствующие процессы (слоняться без дела, заниматься пустяками, откладывать дела на потом, отвлекаться, медлить).

Этнокультурные различия в представлении отношения к труду на материале английского, немецкого и русского языков сводятся не к наличию и отсутствию тех или иных признаков, а к своеобразной признаковой комбинации и частотности признаков. Так, идея прилежности в русском языке связана с умственным трудом, прежде всего, с учением (английское *diligent* не ассоциируется только с учебой и предполагает постоянные, а не разовые усилия). В русском языке осуждается халтурная, небрежная работа в ином ключе по сравнению с английским и немецким: в русском языке *«он халтурит»* означает «он не хочет делать качественно (работа выполняется попутно и поэтому небрежно), а мог бы», т.е. он не желает работать старательно, добросовестно. Осуждается плохая мотивация. В английском языке на первый план выходит идея неумелого труда (осуждается дилетант и шарлатан, т.е. тот, кто не умеет делать, а берется; прежде всего, это относится к представителям творческих профессий). Следовательно, подчеркивается низкая результативность работы. Эффективная работа предполагает сосредоточенность на деле. Английское *businesslike* несет положительную оценку, в то время как русское *деловой* имеет амбивалентную оценочную коннотацию, особенно в современной разговорной речи: *«Деловой какой!»* Отрицательная ассоциация данного слова (и соответствующего признака) вытекает из поведения человека, ставящего дело на первый план, а поддержание хороших отношений с людьми в общении — на второй план. Признавая важность результата, носители русской культуры, как видим, уделяют большое внимание процессу и особенно мотивации труда. В русских пословицах мы находим известные речения *«Дурака работа любит», «Работа — не волк, в лес не убежит», «От работы кони дохнут»,* в английском и немецком таких пословиц не встретилось, и это можно объяснить исторически: степень внешнего принуждения для трудящегося в России была очень высокой по сравнению с другими странами. Именно поэтому для жителей Западной Европы существенны утилитарные признаки результативности труда (работаем для себя и на себя), а для России — этические признаки уважительного отношения к труду и трудящемуся человеку (не случайны этимологические ассоциации «*труд — страдание», «работа — рабство*»). Концепт 'труд' анализируется в работах целого ряда исследователей (Гоннова, 1997; Кормакова, 1999; Токарев, 2000; Феоктистова, Ермолаева, 2000; Иванова, Самохина, 2002), поскольку отношение к труду позволяет раскрыть систему общественных отношений и тем самым базовые ценности общества.

В современном русском языке широко распространено жаргонное слово *"халява",* обозначающее нечто дармовое, бесплатное. Вместе с тем получить что-либо можно бесплатно, даром, с одной стороны, и без должных усилий, с другой стороны (сравним: *"пить пиво на халяву"* и *"сдать экзамен на халяву"*). Понятно, что между этими ситуациями есть связь, причем в основу положена отрицательная оценка незаслуженного получения чего-либо (отсюда и *"дармоед"*). Распространяемые на презентациях бесплатные сувениры, обозначаемые по-английски *freebie*, не содержат отрицательной оценки соответствующих ситуаций. Анализ русских разговорных оценочных обозначений работы, которая выполняется плохо (*халтура, халява, лажа*), показывает, что говорящий может использовать эти слова и их дериваты, говоря о том, что не заслуживает серьезного отношения: вообще *халтурить, делать что-либо на халяву, гнать*

лажу нельзя, но в определенных ситуациях можно. Перевод этих выражений на английский затруднителен, поскольку отсутствует концепт, и поэтому требуются гораздо более резкие обозначения, коррелятами которых на русском языке являются грубые вульгаризмы с общей отрицательной оценкой.

Содержательный минимум концепта 'подвиг' выражается как «неординарный, исключительный, благородный поступок, связанный с моральным выбором и с большими усилиями и риском». Отношение к подвигу моделируется как характеристика человека, совершающего такой поступок либо неспособного к подвигу. В качестве конкретизирующих направлений для данного концепта выделяются следующие признаки: наличие опасности, отсутствие страха, способ осуществления поступка (Кохташвили, 2001). Рассматриваются прилагательные со значением «смелый, храбрый» (*brave, courageous, fearless, heroic, bold, daring, gallant, chivalrous, valiant, dashing, doughty, dauntless, intrepid, knightly, valorous; heroisch, heldisch, unerschrocken, tapfer, mutig, kuhn, brav, verwegen, dreisst, ritterlich, edelmutig, wagemutig; героический, мужественный, смелый, храбрый, отважный, удалой, бесстрашный, лихой* и др.).

Фрейм подвига строится как модель ситуации, связанной с необходимостью спасения кого/чего-либо и большим риском для жизни человека, совершающего такой поступок. Человек совершает подвиг невзирая на опасность, без страха, проявляя благородство, хладнокровие, силу, мудрость, энтузиазм, презрение к опасности, стремительно, импульсивно, напоказ.

Этнокультурная специфика отношения к подвигу применительно к английскому, немецкому и русскому языкам обнаруживается в признаке способа осуществления этого поступка. Подвиг в глазах англичан и немцев сопряжен с благородством, изяществом, мудростью, умением, действием напоказ и прославленностью. По-русски подвиг — не искусство, а защита родной земли ценой жизни. Не случайно в сознании англичан идея мужества сопрягается с рыцарским кодексом поведения: *chivalrous — (esp. of men) marked by bravery, honour, generosity, and good manners* (LDCE). Рыцарские турниры были неотъемлемой частью жизни Англии и Германии. Поэтому понятие «подвиг» ассоциируется у жителей этих стран с ситуацией поединка как состязания, где есть противник, с которым необходимо помериться силой и которого нужно победить, и где есть публика, перед которой можно изящно продемонстрировать свои умения и возможности, не убивать противника, упавшего с лошади, но подать ему руку и дать возможность вновь взять выбитый меч. Для русских, хоть и существовали кулачные бои, подвиг связан с охраной родного края. Необязательно было всю жизнь упражняться в военном искусстве, но если враг нападал на родную землю, то требовалось встать и защитить ее. Исторически такое различие объясняется тем обстоятельством, что Россия противостояла набегам кочевников. Эти набеги отличались особой жестокостью: кочевникам не нужна была дополнительная рабочая сила. В этой связи противостояние героя и врага приобретало не эстетическую, а, прежде всего, этическую значимость.

Содержательный минимум концепта 'чудо' выражается как «нечто необычное, небывалое, сверхъестественное, вызывающее удивление и восхищение». Конкретизация этого концепта в языке осуществляется в двух направлениях: 1) неконтролируемость и необъяснимость чуда, 2) эмоцио-нальное отношение к чудесному явлению — от ужаса до восторга. Фрейм чудесного явления строится как образ ситуации, в центре которой находится очевидец, переживающий реальность необъяснимого явления. Концепт "чудо" обозначается следующими существительными: *wonder, wonderment, marvel, miracle, miraculousness, astonishment, amazement, bewilderment, admiration, awe, stupor, stuperfaction, fascination, sensation, surprise, curiosity, rarity, freak, phenomenon, spectacle; das*

Wunder, die Verwunderung, die Wunderding, das Erstaunen, die Verbluffung, die Verwirrung, das Ьberraschen, die Neugier, die Kuriositдt, die Seltenheit, die Raritдt, der Einfall, die Grille, die Laune, das Phдnomen, die Erscheinung, das Aufsehen, die Sensation, die Bewunderung, die Ehrfurcht, die Erstarrung, der Zauber, der Reiz, der Charme; чудо, феномен, диво, диковина, невидаль, невидальщина, удивление, изумление, редкость, волшебство, колдовство и др. Чудесное явление представляется неожиданным, необычным, небывалым, уникальным, странным, любопытным, озадачивающим, вводящим в замешательство, абсурдным, вводящим в оцепенение, шокирующим, ошеломляющим, повергающим в страх, волшебным, чарующим, притягательным, заставляющим любоваться, таинственным, сказочным, прекрасным, божественным.

Этнокультурная специфика отношения к чуду на материале сравниваемых языков заключается в том, что для англичан чудо — это прежде всего нечто озадачивающее, необъяснимое и вместе с тем неожиданно приятное, для немцев — нечто волшебное и притягательное, для русских — таинственное, божественное и прекрасное. Разница в представлении этой идеи состоит в едва заметных нюансах соотношения между рациональным и эмоциональным восприятием чуда. В английской культуре отношение к чуду носит более рациональный характер, в русской культуре — более эмоциональный, в немецкой культуре мы видим промежуточную позицию в языковом представлении чуда. Английский стереотип поведения требует активности от человека. Встреча с чудом, осмысление чуда показывают человеку, что его активность ограничена, интеллектуальное затруднение и беспомощность (*bewilderment, puzzlement*) вызывают отрицательные эмоции, которые уравновешиваются радостным удивлением (*something unusually beautiful* — COBUILD). Характерным является словосочетание *to work /to perform / to do wonders* — творить чудеса. В немецкой картине мира применительно к концепту «чудо» переход к положительным эмоциям совершается легче, выделяется идея причастности чуду особых людей: *Nur das Genie beherrscht das Chaos.* В русском языке прослеживается идея непостижимости и высшей силы, связанной с чудесным явлением: чудом очутиться, чудом спастись.

Содержательный минимум концепта «умный/глупый» выражается как «обладающий (высокой/ограниченной) способностью думать и понимать». Эта способность конкретизируется в следующих направлениях: 1) умный от природы, 2) умный вследствие приобретенного образования и опыта, 3) благоразумный, 4) остроумный, 5) хитрый, 6) патологически глупый, 7) тупой, 8) ведущий себя глупо. Фрейм интеллектуального качества человека строится как образ сосредоточенного, понимающего либо непонимающего человеческого лица. В качестве единиц изучения взяты прилагательные со значением «умный / глупый»: *clever, alert, apt, bright, intelligent, quick-witted, wise, prudent, judicious, sagacious, sensible, reasonable, shrewd, smart, sharp, keen, witty, acute, sly, cunning, tricky, wily, foxy, crafty, artful, crazy, mad, cranky, silly, insane, lunatic, stupid, dull, dense, crass, petty, dumb, unintelligent, foolish, infatuated, wild, ill-advised, unreasonable, naive, irrational, ludicrous, ridiculous; klug, aufgeweckt, geweckt, hell, intelligent, weise, vernunftig, einsichtsvoll, besonnen, nьchtern,verstдndig, scharfsinnig, geistreich, witzig, schlau, verschmitzt, pfiffig* и др. Умный человек способен быстро соображать, легко обучаться, делать верные выводы, видеть суть, руководствоваться здравым смыслом, вести себя осторожно и расчетливо, быть практичным, проявлять чуткость и понимание, остроумие и находчивость; он может обманывать и лицемерить, вести себя беспринципно и коварно, прикрываясь дипломатичностью и показной доброжелательностью. Среди людей, неспособных соображать, по данным словарных дефиниций, выделяются умалишенные (прежде всего —

опасные для окружающих), люди, к которым относятся с презрением, и люди, ведущие себя глупо (наивно, нелепо, дурашливо).

Этнокультурная специфика интеллектуальной оценки на материале английского и немецкого языков наблюдается в результативности умственной деятельности (актуальным для англичан является признак быстроты соображения, для немцев же это — не самый важный признак ума). Английское благоразумие ассоциируется с трезвым расчетом и практичностью (без эмоций), в то время как немцы связывают способность здраво мыслить с чуткостью и пониманием. Остроумие и проницательность в английских прилагательных связаны с хитростью и ловкостью, в немецкой лексике — с весельем и желанием пошутить. В английском языке хитрость включает дипломатичность, в немецком языке такая ассоциация не подтвердилась. В немецком языке больше слов со значением патологически глупого поведения, чем в английском; следовательно, для немцев неумное поведение в большей мере ассоциируется с патологией. Английский стереотип поведения предписывает строго контролировать свои эмоции. Характерным является слово *infatuated — filled with a strong unreasonable feeling of love for someone* (LDCE) — поглупевший от любви. Ни в немецком, ни в русском языках такого слова нет. Анализ прилагательных с классификационным признаком «нелепый» позволяет сделать вывод, что для англичан глупый – значит смешной, вызывающий смех. Смех в таком случае оскорбителен. Для немцев смешно то, что остроумно подмечено, что характеризуется проницательностью, глубиной ума, живостью мысли. Для англичан смешно то, что нелепо, глуповато. Иначе говоря, в английской культуре смеются над кем-либо, в немецкой — по причине чего-либо.

Проведенный нами ранее анализ английских и русских пейоративов (Карасик, 1992) в значительной мере согласуется с приведенными данными. Была проведена выборка существительных с отрицательно-оценочным значением типа *болван, нахал, подлиза* и т.д. Полученный корпус пейоративов был разделен на классы по следующим признакам: 1) человек, получающий отрицательную оценку вследствие своей несостоятельности либо вследствие неуважительного отношения к окружающим, 2) несостоятельность, вытекающая из объективных характеристик человека (оценка по внешним данным и по внутренней сущности — *урод* и *рохля*), 3) несостоятельность, субъективно приписываемая человеку (общая оценка личности и оценка личности как представителя группы — *подлец* и *чучмек,* 4) степень социальной опасности неуважительного отношения к людям (преступное неуважение и нарушение норм этики, невыполнение обязанностей и неуважение общественного мнения). Этнокультурная специфика пейоративов наблюдается в следующих сферах: в русском языке число общих пейоративов в 1,5 раза превышает число аналогичных английских единиц; в русском языке в 1,5 раза больше слов, обозначающих физические недостатки человека; в английском языке почти в два раза больше слов, обозначающих интеллектуальную несостоятельность; в английском языке в 2,5 раза больше этнических инвектив; в английском языке в два раза больше слов, обозначающих преступников, а в русском — в два раза больше слов со значением «задира, буян»; в английском языке в два раза больше слов, обозначающих развратных и сварливых женщин.

В английском языке основным направлением пейоративизации является подчеркивание того, что объект отрицательной оценки — это чужой и глупый человек. Отсюда вытекают приоритетные ценности — быть своим и быть умным. В русском языке основным направлением отрицательной оценки является подчеркивание того, что объект оценки — это противный и уродливый человек. Отсюда вытекают приоритетные ценности — быть приятным и быть красивым. Отметим, что в уголовном русском жаргоне процентное соотношение этнических

инвектив и слов, обозначающих внешнюю и внутреннюю несостоятельность человека, совпадает с соответствующим соотношением в английском языке (большое количество слов со значением «болван», «дурак» в уголовном жаргоне объясняется тем, что в этот класс попадают объекты преступлений). В английском языке выделяются многообразные оценочные характеристики преступников, и отсюда можно сделать вывод о ценности закона в англоязычной культуре. В русском языке — не в жаргоне! — нет столь дробной дифференциации преступников, но существенна собственно этическая сторона дела, осуждается дерзко-бесстыдное отношение к людям, поведение не по совести, и отсюда вытекает требование уважения к обществу. Большое количество слов, посвященных поведению женщин в англоязычном обществе, свидетельствует как о высокой требовательности к женской чести и сдержанности, так и о неравенстве мужчин и женщин. В литературном русском языке аналогий в этом отношении мы не нашли.

Приведенные наблюдения нуждаются в дальнейшем уточнении и возможной корректировке. Вместе с тем можно сделать некоторые выводы.

1. Культурные доминанты в языке объективно выделяются и могут быть измерены. Этнокультурная специфика представления того или иного концепта может быть выявлена посредством картирования соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов. В качестве вспомогательного средства изучения культурных доминант в языке, по-видимому, может использоваться и внутренняя форма слов.

2. Этнокультурная специфика представления того или иного концепта должна быть дополнена социокультурной спецификой.

3. Ценностная картина мира в языке представляет собой проявление семантического закона, согласно которому наиболее важные предметы и явления жизни народа получают разнообразную и подробную номинацию. При межъязыковом сопоставлении ценностных картин мира обнаруживается, что различие между представлением тех или иных концептов выражается большей частью не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике.

4. Выявляются следующие ценностные соотношения между английской и русской культурами применительно к определенным культурным концептам:

Английская культура	**Русская культура**
Успех зависит прежде всего от усилий человека.	Успех зависит прежде всего от способностей человека и везения.
Главное в работе — результат.	Главное в работе — желание трудиться.
Герой должен вести себя благородно.	Герой должен идти на самопожертвование.
Человек удивляется чуду.	Человек испытывает восторг перед чудом.
Следует вести себя умно.	Следует вести себя красиво.
Глупец достоин осмеяния.	Глупец достоин сожаления.
Шалость заслуживает наказания.	Шалость заслуживает порицания.

Тот, кто преследует мнимые цели, выставляя себя напоказ, достоин осуждения.	Тот, кто преследует мнимые цели, достоин сожаления.

2.4. Лингвокультурные характеристики грамматических категорий

Вопрос о лингвокультурной специфике грамматических категорий постоянно находится в центре внимания языковедов. Собственно говоря, все попытки охарактеризовать языки типологически (например, языки с аналитической или синтетической тенденцией, языки эргативного или активного строя) подразумевают выход на специфику мышления. На наш взгляд, правы те ученые, которые разграничивают типы грамматических категорий: есть формальные и содержательные категории, первые никак не отражают национально-культурное своеобразие в картировании мира (по крайней мере, на современном этапе), а вторые, несомненно, обладают культурной спецификой и поэтому в значительной мере определяют поведение людей, пользующихся именно этим языком. А.Вежбицкая, например, считает имперсональность важным признаком русского языкового сознания *("Мне нравится, думается, дышится"* вместо *"I like, I think, I breathe*). В данном случае мы имеем дело с более древним представлением ситуации применительно к русскому языку: в английском имеются архаичные формы типа *"methinks".* Медиальный залог (*дверь открывается, продукты портятся, одежда пачкается*) свидетельствует об архаичном понимании каузативно-причинных отношений (Листунова, 1998). На наш взгляд, такие грамматические категории английского языка, как модальность в ее обширном диапазоне некатегоричности, видо-временные формы глагола (континуальность и перфектность), а также наличие артикля имеют связь с некоторыми характерными чертами языкового поведения англичан (например, обостренное понимание состояния "здесь и сейчас" в противоположность значению "вообще и регулярно", указательность и отнесение к классу) в отличие от языкового поведения русских. Но было бы ошибочным делать слишком широкие выводы из специфики категориальных форм, поскольку эти формы неизбежно выражают целый спектр значений. Мы, вероятно, можем утверждать, что отдельные типовые ситуации, связанные с предпочтительным выражением идеи именно такой грамматической формой, могут рассматриваться как культурно-специфические по сравнению с иным способом грамматического выражения. Например, пассивный залог: *He is much spoken about — People speak much about him.* Второе предложение грамматически верно, но может рассматриваться только как потенциальная форма для выражения той идеи, которая нормально вербализуется в первом предложении (Савицкий, Плеханов, 2001). Лингвокультуролог может попытаться объяснить, почему первое предложение более соответствует именно английской манере выражать свои мысли. Для представителя структурной лингвистики разница между этими предложениями заключается лишь в способах раскрытия глубинной структуры предложения: активный залог первичен, а пассивный вторичен.

Мы солидарны с мнением тех исследователей, которые считают, что в грамматике нет ничего такого, чего бы не было в лексике. Поэтому этнокультурная специфика грамматики — это часть той специфики, которую можно обнаружить в лексике (включая, разумеется, обширный фразеологический пласт языка).

Концепт как лингвистическая категория представляет собой развитие идеи понятийной категории применительно к грамматике. Для грамматистов категория — это, как правило, двустороннее единство абстрактного значения отношения (релятивное значение) и системы взаимосвязанных оппозитивных форм, выражающих это значение. Речь идет, это следует подчеркнуть, о формальной категории: "Та или иная единица, имеющая только в высшей степени общее значение, представленное отдельными, объединяемыми и обобщаемыми

в нем (т.е. относительно более частными) видовыми значениями, и выражающая это свое общее значение в систематическом противопоставлении различных форм, и может быть с наибольшим основанием определена как формальная категория языка" (Смирницкий, 1957, с.29). В широком смысле категория — это "любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства" (Булыгина, Крылов, 1990, с.215). Если отвлечься от способов выражения категории, а они могут быть как явными, так и неявными (скрытыми), то лингвисты говорят о понятийных категориях, т.е. о категориях, "не зависящих от более или менее случайных фактов существующих языков" (Есперсен, 1958, с.58). Так, например, О.Есперсен рассматривает соотношение грамматического рода и понятийного пола (гендера). Главные понятийные категории, отмечает датский лингвист, находят грамматическое выражение, причем не всегда: "грамматические категории представляют собой симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями" (Там же, с.60). И.И.Мещанинов (1978, с.238) относит к понятийным категориям множественность, вещественность, одушевленность, модальность.

Специфика категориального грамматического распределения внутри языков объясняется различными причинами. Это, в первую очередь, тип языка: понятно, что в корневом языке трудно детализировать аспектуальные значения, следовательно, предпосылки категориальной детализации вида и его лингвокультурного осмысления могут возникнуть только при условии соответствующих языковых средств, а именно — аффиксов. Это и соотношение между категориями, своеобразный внутренний баланс языковой системы, необходимость закрепить те или иные признаки как в сфере идентификации, так и предикации (по Н.Д.Арутюновой). Этой причиной, вероятно, объясняется то, что некоторые категории со временем исчезают из языков либо появляются своеобразные категориальные пробные варианты, как, например, в афроамериканском английском прослеживаются новые формы специфических видовых значений ("сверхотдаленное" прошлое, "мерцающее" настоящее — "он то есть, то его нет"). Вместе с тем с позиций лингвокультурологии наиболее важной представляется категориальная специфика языка, обусловленная менталитетом народа. Почему в английском настолько детально представлена модальность? Почему в албанском морфологически выражена адмиративность ("он все-таки пришел", "все-таки прочитал", "все-таки остался" и т.д.)? Почему в болгарском формально выражена пересказывательность ("Он пришел" и это факт — "Он пришел", но я этого сам не видел, мне об этом рассказали)? Почему в русском настолько детально выражена видовая характеристика действия?

Лингвокультурное изучение языка дает множество доказательств в пользу того, что языки фиксируют в грамматике наиболее существенные концепты для культуры соответствующего народа либо значимо их игнорируют. В развитие аргументации Б.Уорфа (1960) хотелось бы привести некоторые соображения о суперкатегории определенности/ неопределенности. Известно, что в ряде языков выделяются определенные артикли, назначение которых состоит в тематизации обозначаемой сущности (предмета, качества, события), т.е. представления этой сущности как известной участникам общения. Этимологически определенный артикль совпадает с указательным местоимением. Наряду с этим в некоторых языках выделяется особый вид действия, происходящего в данный момент на наших глазах, как, например, континуальный вид в английском. В этом смысле можно сказать, что в английском языке существует суперкатегория определенности, распространяющаяся на именное и глагольное обозначение действительности. Значимость этой категории в межъязыковом сопоставлении может быть измерена: есть языки, где эта категория представлена наиболее развернуто (английский), менее развернуто, только применительно к артиклю

(немецкий) и не представлена формально (русский). Лексические способы обозначения определенности во внимание не принимаются, поскольку описательно, с помощью лексики и паралингвистических жестов, можно передать многие значения во всех языках. Максимальная степень развернутости категории свидетельствует о том, что эта категория обозначает приоритетный для данной лингвокультуры признак. На мой взгляд, этот признак состоит в том, что английский стиль общения резко смещен в сторону актуализации активности адресата в процессе общения по сравнению, скажем, с русским. Адресат в англоязычном общении постоянно должен держать в поле зрения информацию о том, что нечто происходит именно здесь и сейчас, а не вообще. Отсюда и внимание к обозначению времени, к ощущению времени, и даже к маркированным в англоязычной культуре признакам "старый — новый": у британцев понятие "старый" часто ассоциируется с положительной оценкой, типичным является словосочетание *"good old"*, у американцев аналогичный оценочный смысл вкладывается в понятие "новый", о чем мы можем судить прежде всего по рекламным текстам.

Сравнивая различные грамматические категории, мы видим, что с позиций лингвокультурного моделирования языка можно выделить те категории, которые составляют этнокультурную специфику данного языка, и те, которые вряд ли можно отнести к национально-специфичным. Для англоязычного способа интерпретации действительности, как известно, характерны два весьма существенных измерения: детальная разработанность модальных оттенков, определяющих позицию говорящего по отношению к миру, с одной стороны, и детальная характеристика фактуальности / нефактуальности происходящего. Иначе говоря, англичанин на каждом шагу подчеркивает свое отношение к тому, что происходит, и определяет релевантность происходящего в терминах определенности или неопределенности, значимости для данного момента (континуальное представление действия и перфектная корреляция события), соответствия действительности (изменение форм при согласовании времен). Для русского менталитета эти характеристики вряд ли являются первостепенными. Гораздо важнее подчеркнуть то, как разворачивается действие, участниками которого мы являемся. Отсюда имперсональность, столь характерная для носителей русской лингвокультуры, и детальная морфологическая дифференциация аспектуальных оттенков глагольного действия. Подобно тому как однословное выражение концепта является знаком его актуальности для носителей определенной лингвокультуры, специализированное морфологическое или синтаксическое выражение таких признаков, как модальность, фактуальность, аспектуальность, имперсональность, сигнализирует об особом видении мира, зафиксированном в языковых формах. Важно отметить следующее обстоятельство: если лексико-фразеологическое воплощение концепта может быть как социоспецифическим, так и этноспецифическим, то грамматическое воплощение концепта свидетельствует именно об этноспецифическом осмыслении действительности.

Лингвистическое моделирование признакового развертывания осуществляется системой языковых категорий. Эти категории разнородны, но в данном случае для нас важно подчеркнуть то обстоятельство, что при всей неоднородности различных языковых категорий — прагмалингвистических и лингвосемантических, лексических и грамматических — эти категории организованы иерархически, т.е. включают категориальные и субкатегориальные признаки. Категориальные признаки по своей природе представляют собой мощные обобщения предметов, их свойств и отношений. В этом смысле описание категориальных признаков стремится к выявлению языковых универсалий, не общих принципов организации

языка, свойственных всем языкам мира, а универсальных понятийных категорий, таких как время, красота, польза, возможность и т.д. Языковым универсальным понятиям противостоят конкретные для данного языка частные сложные понятия, соотносимые во многих случаях с отдельными словами и словозначениями. Такие понятия являются уникальными. Вместе с тем концептологическое осмысление языковых признаков включает в себя *трансляцию* соответствующих культурных феноменов, выявление и сохранение особенностей, свойственных типам тех или иных значений. Иначе говоря, задача состоит в выявлении опосредующих звеньев между универсальными и уникальными понятиями. Такие звенья мы называем *субкатегориальными признаками* в языке.

Субкатегориальные признаки более конкретны, чем абстрактные категории, с одной стороны, и образуют специфические комбинации, свойственные тому или иному языку, с другой стороны. Один из наиболее важных принципов субкатегориального анализа заключается в том, что переходы признаков более существенны, чем сами признаки. Признаки не существуют изолированно, они всегда представлены в виде признаковых кластеров, сложных единств, стороны которых могут быть с исследовательской целью проанализированы отдельно. Признаковые кластеры имеют разное строение, но подобно категориям, они организованы иерархически в том смысле, что существуют разные степени репрезентации признаков в составе признакового кластера: есть доминирующий, определяющий признак и есть подчиненные, определяемые признаки. Применительно к грамматической системе языка можно сказать, что типологическая тенденция языка определяет развертывание тех или иных категорий. Типологические тенденции не сводятся к формально-языковым характеристикам. Наряду с тенденцией преимущественно аналитического или синтетического строя, эргативной или номинативной конструкции, существуют и тенденции, которые трудно объяснить, не выходя за рамки техники конкретного языка.

Мы имеем в виду культурологическую обусловленность языка. Чем, например, объяснить то, что общение по-русски значительно категоричнее общения по-английски? Или то, что немцы (по наблюдениям В.Я.Мыркина) в разговорной речи значительно чаще используют глагол в настоящем времени для обозначения будущего, чем русские? Или то, что в латыни использовалось причастие будущего времени (*ornaturus* — тот, который будет украшен), а в русском языке такая категориальная форма не используется, хотя имеется формальное основание для построения соответствующих причастий (*"побегущий", "возьмущий", "сотрущий"*)? Думается, что культурологический подход к языку, моделирование концептосферы языка может дать нам основания для ответов на подобные вопросы.

Среди разнообразных концептов особую роль играют те многомерные социопсихические образования, которые служат ориентирами бытия. К числу таких ориентиров относится концепт времени. В философской, теологической и естественно-научной литературе выработано множество пониманий времени. Для лингвистических исследований, как отмечает В.Я.Мыркин (1989), наиболее характерным является разграничение трех основных интерпретаций времени: время хронологическое, релятивное и эгоцентрическое. Первое понимание времени выражается в датах и фиксации временных интервалов на некоторой принятой в обществе шкале, например, год 1564 в христианском летоисчислении. Второе понимание времени выражается в понятиях "раньше — одновременно — позже", точкой отсчета является произвольно выбранный момент. Третье понимание связано с моментом осознания времени как настоящего, прошедшего и будущего. Различие между тремя способами осознания времени состоит в

степени объективности представления этого концепта. Максимально объективным является время хронологическое, минимально объективным — время эгоцентрическое, релятивное время занимает промежуточное положение между двумя другими представлениями. Все понимания времени находят отражение в языке. Хронологическое время именует некоторый период числовым выражением (*Московское время 20 часов 45 минут*) либо именем собственным (*поэт династии Тан*), либо коррелятивной связью между называемым моментом и некоторым независимым от говорящего событием (*"Дочь вождя родилась, когда цвел миндаль"*). Релятивное время выражается при помощи предлогов и наречий *("до революции", "раньше", "недавно"*), а также посредством особого глагольного вида (например, плюсквамперфект). Эгоцентрическое время выражается специальными наречиями (*"вчера", "сейчас", "tonight"*) и прежде всего категорией глагольного времени. Категориальный признак времени (темпоральный признак) наличествует в свернутом выражении в значении большого числа слов типа *"новый", "опоздать", "ждать".* Необходимо отметить, что существенную роль в языковом освещении времени играют такие признаки этого концепта, как регулярность смены некоторых состояний (прямая ассоциация признака, положенного в основу номинации времени *Zeit – tide*, с *приливом* в германских языках), собственно изменение как *вращение* (внутренняя форма слова "время" в русском языке), привязанность временных периодов к природным явлениям (народные названия месяцев).

Понятие времени относится к числу сложных концептов, осознаваемых и переживаемых в единстве с более конкретными понятиями. Первичной является тесная связь между темпоральным и пространственным дейксисом. Дейктическая триада "Я — здесь — сейчас" конкретизируется в языке как программа развертывающихся категориальных кластеров.

В лингвистической теории существует несколько подходов к изучению таких кластеров. Эти подходы могут быть обозначены как семиотический, структурный и типологический.

Семиотический подход базируется на противопоставлении прагматики, семантики и синтактики как важнейших знаковых сторон, по Ч.Моррису (1983). В прагматическом отношении категориальный кластер времени проявляется в единстве ситуативных характеристик высказывания. С точки зрения Э.Ганса (Gans, 1981) , существует три прототипных класса высказываний: остенсивные, императивные и индикативные. К остенсивным высказываниям относятся собственно случаи остенсивной референции (говорящий показывает на змею и говорит: *"Это змея"*), а также эмоциональные высказывания, ядро которых составляют междометия и их эквиваленты. Остенсивные высказывания сориентированы только на момент речи, являются речевым субститутом жеста и поэтому обозначают ситуацию в ее данной конкретной полноте. Императивные высказывания охватывают обширный класс ситуаций, объединяющих данный момент с некоторым моментом в будущем. С точки зрения темпорального признака возможны четыре комбинаторных варианта (сочетание признаков: наличие, отсутствие, волеизъявление, настоящее и будущее):

Дай мне яблоко = У меня нет яблока + Я хочу, чтобы у меня было яблоко;

Не мешай мне = Ты мне мешаешь + Я хочу, чтобы ты мне не мешал;

Останься здесь = Ты находишься здесь + Я хочу, чтобы ты находился здесь;

Не уходи = Ты находишься здесь + Я хочу, чтобы ты не уходил.

Императивные высказывания включают признак отрицания (отсутствие предмета или качества либо отрицательное волеизъявление) и в темпоральном отношении являются двунаправленными. Строго говоря, вторым вектором императивных высказываний является не будущее, а ненастоящее. В этом

смысле императивные высказывания образуют переходный класс между речевыми обозначениями настоящего момента и ненастоящего момента. Индикативные высказывания (в этом их отличительная особенность) принципиально не замещаются жестами. С индикативных высказываний начинается человеческий язык как хранилище знаний и опыта людей. Признак данного момента может присутствовать в индикативном высказывании как один из возможных ориентиров (*Мои соседи ремонтируют квартиру*). Настоящее время оказывается связанным не только с данным моментом, но с неопределенно размытым временным диапазоном, примыкающим к данному моменту. Итак, в индикативе выделяется настоящее точечное, настоящее неопределенное, настоящее всеобщее с соответствующими проекциями в прошлое и будущее. Следующая ступень освоения времени в языке заключается в противопоставлении реального и ирреального действия или состояния.

В семантическом отношении категориальный кластер времени проявляется в темпоральной характеристике глагола как центра высказывания. В значении глагола как части речи заложена потенциальная темпоральная характеристика. Эта характеристика реализуется в высказывании, в глагольной референции. Вне высказывания глагол представляет собой (как и всякое другое слово вне контекста) языковую единицу, значение которой сводится к ее денотативным, сигнификативным и коннотативным характеристикам. Темпоральный признак глагольного значения представляет собой специфический компонент глагольной семантики, а именно — конкретизацию процессуального признака как главного частеречного признака глагола. Время по определению есть референтная характеристика процесса. В значении глагола время выражено денотативно, т.е. как возможность референции, в категориальном комплексе признаков, выделяемых в содержании слова. Например, значение глагола "бежать" может быть представлено как комбинация признаков "процесс", "движение", "движение определенного типа". Компоненты "движение" и "движение определенного типа" представляют собой тематическую характеристику и конкретизацию тематической характеристики данного глагола, описывают его лексическое значение. Компонент "процесс" есть частеречная, грамматическая характеристика данного глагола. Разновидности процессуальной характеристики глагольного действия являются в своей совокупности парадигматическим контекстом глагола. Эти разновидности сводятся к следующим типам: 1) действие — состояние, 2) возможность — процесс — результат, 3) фазовая характеристика процесса (начало — продолжение — окончание), 4) степень интенсивности процесса (сильная — нейтральная — слабая), 5) способ реализации процесса (аспектуальные и акциональные характеристики). Разновидности процессуальной характеристики применительно к конкретному глагольному значению прежде всего связаны с лексической семантикой соответствующего глагола. Например, глаголы *искать, допивать, посмеиваться, учительствовать* в русском языке проявляют различные процессуальные характеристики в силу денотативных особенностей описываемых процессов. Вместе с тем номинативная техника языка в значительной мере влияет на выражение тех или иных разновидностей глагольного процессуального значения. Слабые аффиксальные ресурсы английского языка не позволяют выразить тонкие апектуальные оттенки значения, свойственные русскому глаголу. Темпоральный признак процесса реализуется через категориальный кластер глагольного значения. В английском языке такой категориальный кластер находит выражение в неоднословных образованиях типа *take a rest, have a smoke, get on, give up*. Существуют определенные корреляции между выражениями *He would go, He used to go* и *хаживал*.

В синтактическом отношении категориальный кластер времени проявляется в единстве глагольных категорий, присущих определенному языку (при условии, что в этом языке выделяется глагол как часть речи). Так, в русском языке функционирует единый комплекс вида, залога, наклонения, времени и лица в системе глагола. Вид и залог — независимые категории, определяющие наклонение, которое, в свою очередь, определяет время глагола, а последнее определяет лицо. Семантика времени предполагает различную степень обусловленности темпорального признака другими категориальными признаками глагола. Залоговое значение так же, как и значение лица, практически не влияет на темпоральный признак глагола, в то время как видовое (аспектуальное) и модальное значения являются определяющими для глагольного выражения времени. При сравнении грамматических категорий в различных языках выясняется то, что предметные области, схваченные определенными категориями, частично совпадают, различаясь, главным образом, по детализации обозначения. Например, перфектная корреляция в английском языке представляет собой особую категорию, содержанием которой является признаковый комплекс ретроспекции (связи между прошедшим и настоящим), завершенности и предшествования. В русском языке эти значения выражаются категориальными формами совершенного вида. Аналогичным образом категория засвидетельствованности (сообщение о чем-то как о факте либо как об информации, полученной от других людей) в болгарском языке является специализированной, имеет собственные категориальные формы, а в русском и английском языках выражается при помощи категориальных средств модальности и залога (*The government reshuffle is reported to be unavoidable. — Правительственная перетряска, как сообщают, неизбежна*).

Структурный подход к изучению категориального кластера времени состоит в освещении темпорального признака, фиксируемого в глагольной формуле S-V-O-D (субъект — предикат — объект — обстоятельство). Речь идет о согласовании темпорального признака глагола с соответствующими признаками в глагольном окружении. Предполагается, что субъект и объект глагола могут содержать темпоральный признак в своей семантике и могут уточняться атрибутивно. Строго говоря, только обстоятельственный признак непосредственно уточняет темпоральную характеристику глагола (имеется в виду обстоятельство времени), однако темпоральная характеристика всего высказывания складывается из взаимодействия разных компонентов категориального кластера времени. Например: "*Опоздавшие на вечерний рейс пассажиры слушали последние известия, чтобы скоротать время, и думали о том, что завтра их ждут новые непредсказуемые испытания*". Предикатное ядро данного высказывания характеризует процесс, который имел место в прошлом, этот процесс показан как факт. Между двумя однородными предикатами предложения нет отношений предшествования. Субъектом приведенного высказывания являются пассажиры, т.е. люди, пользующиеся транспортом. Пассажир (в отличие от водителя, гонщика, жокея, автолюбителя и т.д.) – это временная, а не постоянная характеристика человека. Пассажир — это человек в момент поездки, сразу же после поездки или перед ней.

Слова *пассажир, пациент, клиент, гость, жених, покойник* характеризуют людей в данный момент и в этом смысле подобны по своей семантике английским глаголам, употребляющимся в континуальном аспекте. При этом интересно отметить то, что транспонированный континуальный аспект, характеризующий не глагол, а имя существительное, свойствен как английскому, так и русскому языку, в то время как категориально выраженный темпоральный признак длящегося данного момента формально представлен только в английском языке. Пассажиры

были опоздавшими, т.е. они должны были прийти раньше. В этой сложной модально-темпоральной характеристике признак времени связан с признаком предшествования. Пассажиры должны были прийти на вечерний рейс некоторого транспорта: предполагается, что транспорт ходит по графику, существует расписание, представляющее собой типовую последовательность прибытия и убытия транспортного средства. Понятия "рейс" и "вечерний" содержат темпоральные признаки, выявляющиеся при толковании значений соответствующих слов. Аналогичным образом можно рассматривать значение выражения "последние известия". Пассажиры слушали последние известия, чтобы скоротать время — цель ассоциируется с будущим, с проспективной направленностью процесса. Дополнительное придаточное предложение формально не определяет темпоральную характеристику высказывания, но содержание такого предложения необходимо включает указание относительно времени некоторого события ("испытания"), в данном случае имеются в виду футуральные характеристики события, это выражено семантикой глагола *ждать,* имеющего проспективную направленность, и значением наречия *завтра.* Независимые футуральные признаки устанавливаются в значении прилагательного *новый* и *непредсказуемый,* в последнем случае футуральный признак выражен опосредованно: непредсказуемый — тот, который не может быть предсказан, признак модальности имплицирует признак будущего времени. Разумеется, полная характеристика темпорального кластера может быть получена только при анализе целостного контекста высказывания, а не изолированного предложения.

Типологический подход к изучению категориального кластера времени состоит, на наш взгляд, в выделении типов представления времени в категориальных системах языков, с одной стороны, и в различных функциональных стилях речи, с другой стороны.

Типы представления времени в языке соответствуют типу репрезентации действия в языке. Иначе говоря, система глагольных категорий отражает категориальный кластер времени сквозь призму строя соответствующего языка. В типологическом плане языки часто классифицируются по их месту на условной шкале между полярными точками некоторой категории, например, языки с синтетической или аналитической тенденцией, языки эргативного или номинативного строя и т.д. При этом важно отметить, что есть принципиально различные типы категорий: одни категории относятся сугубо к формальной и материальной стороне языка, например, фонологические категории; другие категории относятся только к содержательной стороне языка, таковы семантические и прагматические категории во всем их многообразии; есть также категории промежуточного типа, в частности, некоторые синтаксические категории. Менталитет народа не соотносится напрямую с категорией звонкости/глухости согласных, но вряд ли можно отрицать связь между грамматическим выражением почтительности и складом мировосприятия, поведенческими доминантами народа.

Содержательные категории языка распадаются на выраженные и скрытые. Типологически возможно составление инвентаря скрытых категорий на основе анализа категориального фонда всех языков. При этом мы исходим из презумпции универсальности языковых категорий: если хоть в каком-либо языке наличествует некоторая выраженная категория, то гипотетически в любом языке такая категория существует как криптотип, по Б.Уорфу (скрытая категория) (Уорф, 1972). Скрытые категории имеют разную степень опосредованности. Речь идет о категориальной транспозиции, проявлении категории "на чужой территории". Например, грамматические категории времени и вида, свойственные глаголу как

части речи, могут проявляться в значении существительных (в слове *убийца* реализован признак прошедшего времени, в слове *пассажир* — признак настоящего континуального времени). Одна из основных идей функциональной грамматики заключается в том, что грамматические категории выступают в качестве ядерного значения, которое опирается на определенный пласт лексических значений (Бондарко, 1985). Так, функционально-семантическая категория футуральности (часть категории темпоральности) выражается в русском языке не только особой глагольной формой, но и целым рядом слов, значение которых прямо или косвенно относится к будущему времени. Содержательная категория грамматикализуется только при наличии достаточно представительной лексической опоры в языке, при этом условием грамматикализации выступает плотность наименования определенного признака, во-первых, и дифференциация характеристик этого признака, во-вторых.

Функционально-стилистическая репрезентация времени в языке рассматривается применительно к выделенным в лингвистике жанрам и стилям речи. В этом смысле разграничивается время повествовательное и неповествовательное. Повествование, описание и рассуждение — основные композиционно-речевые формы (функционально-смысловые типы речи или коммуникативные жанры) — показывают различную "фактуру" времени. В строгом смысле эгоцентрическое время прослеживается только в нарративных текстах, основной функцией которых является сообщение о некотором событии. События же разворачиваются во времени. Разумеется, повествовательное время в художественном тексте представляет собой сложное партитурное образование: существует максимально независимое от персонажей фоновое время, есть авторское время в сюжетном и фабульном развитии произведения, есть время в восприятии героев, в частности, рассказчика или повествователя, а также отраженное время в восприятии персонажей, о которых ведется повествование. Ненарративные жанры отражают мир сквозь призму вечно длящегося настоящего момента. Это обстоятельство особенно становится заметным при намеренном столкновении повествования и описания. Так, в рассказе У.Сарояна "Смельчак на летящей трапеции" сначала описывается сон героя, а затем — пробуждение и поступки молодого человека:

1. Sleep. Horizontally wakeful amid universal widths, practicing laughter and mirth, satire, the end of all, of Rome and yes of Babylon, clenched teeth, remembrance, much warmth volcanic, the streets of Paris, the plains of Jericho, much gliding as if reptile in abstraction, a gallery of watercolors, the sea and the fish with eyes, symphony... 2. Wakefulness. He (the living) dressed and shaved, grinning at himself at the mirror. Very handsome, he said: where is my tie? (He had but one).

Показательно то, что для описания сна автор использует только назывные предложения. Отсутствие глаголов создает ощущение вневременного бытия героя, одновременности различных состояний, а также действий и событий, представленных в снятом, панхроничном виде. Временная протяженность является важнейшим показателем реальности мира. В этой связи представляется уместной антитеза П.Флоренского: "...в сновидении время бежит, и ускоренно бежит навстречу настоящему, против движения времени бодрственного сознания" (Скрелина, 1993). Наряду с описанием рассуждение не имеет временного вектора. Следует отметить, впрочем, некоторую прозрачность аргументативного жанра с точки зрения темпорального признака: рассуждение может вестись в настоящем, прошедшем и будущем времени, но сущность рассуждения заключается в построении логической, а не темпоральной последовательности. Говоря о специфике функционального стиля применительно к кластеру времени, мы имеем в виду некоторые особенности разговорного стиля (активное использование

настоящего времени для описания будущего), praesens historicum в художественном повествовании, а также особую значимость настоящего времени для перформативных высказываний в текстах деловых документов.

Будучи существенным признаком действительности, время фиксируется в лексической семантике большой группы слов. С точки зрения степени представленности признака в лексической семантике можно выделить слова, специализированно обозначающие время (*"время", "вчера", "тогда", "прошлый", "час"* и т.д.), и слова, в содержании которых темпоральный признак выражен синкретично, в единстве с другими признаками (*"ждать", "планировать", "опаздывать", "спешить", "стремительный", "допотопный", "желторотый", "вечный"* и т.д.).

Таким образом, концепт времени в языке представляет собой многомерное образование, при этом измерения данного концепта зависят от его существенных признаков. Приведенные подходы к описанию времени в обыденном языке, разумеется, не исчерпывают смысловое пространство рассматриваемого кластера, но дают возможность выделить некоторые его характерные признаки и позволяют сделать следующие выводы: 1) время линейно; 2) время имеет направление (векторно); 3) время измеряемо; 4) существует реальное и воображаемое (фактическое и контрфактическое) время; 5) контрфактическое время имеет свои характеристики, которые могут не совпадать с характеристиками реального времени; 6) события всегда предполагают фиксацию на временной шкале; 7) события на временной шкале могут быть представлены точечно и процессуально; 8) события на временной шкале соотносимы с наблюдателем; 9) наблюдатель может занимать пассивную и активную позиции; 10) пассивный наблюдатель фиксирует объективное время событий относительно некоторых условных точек отсчета; 11) активный наблюдатель фиксирует объективное время событий относительно их взаимной последовательности либо относительно момента наблюдения; 12) языковая фиксация времени осуществляется грамматическими, лексическими и функционально-стилистическими средствами, образующими целостную систему языковой темпоральности; 13) главным средством языковой темпоральности является категория времени глагола; 14) представление времени в конкретном языке зависит от своеобразия категориального кластера глагола, т.е. от набора глагольных категорий, от соотношения выраженных и скрытых категорий в этом языке, от того, какие глагольные категории являются доминантными, определяющими для данного языка; 15) центром категориального кластера времени в языке является модальное видо-временное единство, т.е. кластер "наклонение — время — вид"; 16) максимальная дифференциация времени реализуется в индикативе; 17) видовые, акциональные, таксисные характеристики процесса влияют на темпоральное представление этого процесса в языке; 18) способы вторичной предикации отражают реляционные характеристики времени; 19) темпоральный признак выражен в лексическом значении большой группы слов; 20) кластерная организация времени в лексической репрезентации состоит в сочетании признака времени с темпорально-связанными признаками бытия, отрицания, движения, предсказуемости, желательности, возможности, регулярности и др.; 21) лексико-грамматическое выражение признака времени отражает специфику национального картирования мира средствами языка; 22) функционально-стилистическое выражение признака времени отражает специфику композиционно-речевой формы и функционального стиля, при этом максимальная дифференциация времени проявляется в повествовании и максимальная дифференциация измерений контрфактического времени — в текстах художественной литературы.

2.5. Лингвокультурные характеристики юмора[1]

Что является предметно-образной характеристикой концепта "юмор"? Добродушно-насмешливое отношение к чему-либо выражается на лицах людей, испытывающих соответствующую эмоцию. Образом юмора является добродушная улыбка, которая отличается от образа шутки, возможно, чуть большей степенью интеллектуализации, т.е. это может быть улыбка с хитроватым прищуром, либо лицо человека, пытающегося сохранить бесстрастное выражение при рассказывании смешной истории (мы понимаем, что бесстрастная маска на лице рассказчика вот-вот сменится улыбкой), это и понимающее лицо слушателя, который готов поддержать юмористическую тональность общения, это определенные модуляции голоса рассказчика, это смех, который может завершить общение, либо улыбка, либо усмешка. Образом юмора может быть вся гамма мимических движений, показывающих удовольствие, сопряженное с небольшой степенью интеллектуальных усилий.

Фрейм юмора как его предметно-образная сторона представляет собой последовательное расширение хранящихся в памяти образов тех ситуаций, которые сопряжены с добродушно-насмешливой интенцией, тональностью и образцами поведения людей. Исходным моментом фрейма является улыбающееся лицо либо характерная интонация, затем фрейм расширяется и вовлекает более широкий круг ассоциаций. При исследовании фрейма лингвист вынужден обращаться к языковым воплощениям хранящегося в памяти фрагмента действительности (как однословным, так и неоднословным), т.е. к понятийной характеристике концепта.

Понятийная характеристика концепта есть его описание посредством признаков, выделяемых в составе целого представления. К числу понятийных характеристик относятся словесное обозначение (именование) и словесная характеристика. Мы исходим из того, что концепт может иметь несколько именований и множество характеристик, вместе с тем целесообразно выделить основное обозначение, которое выступает в качестве имени для концепта. Понятийная характеристика концепта неразрывно связана с его образной характеристикой.

Понятийной характеристикой исследуемого концепта является прежде всего слово "юмор", т.е. обозначение концепта. Следующей ступенью мы считаем серию определений данного концепта, при этом ведущим определением выступает словарная дефиниция (одна из дефиниций, приведенных выше). В соответствии с традицией, заложенной А.А.Потебней, выделяется ближайшее и дальнейшее значение слова, т.е. тот содержательный минимум, который должен быть известен любому носителю данной культуры и который фиксируется в обычном толковом словаре в виде дефиниции, и то научное либо личностно специфическое расширение и уточнение содержания, связанного с определяемым объектом, которое является релевантным для специалистов (например, для социологов — исследователей юмора) или для людей, связывающих с этим концептом какие-либо особенные личностно значимые характеристики (специфическим будет, например, отношение к юмору у профессионального эстрадного сатирика). Наконец, самой полной (и в принципе неисчерпаемой) характеристикой юмора является перечень определений, связанных как с понятием "юмор", так и с характеристиками ситуаций, которые так или иначе ассоциируются с юмористическим поведением.

[1] Этот раздел написан совместно с А.В.Карасиком.

Одним из возможных путей понятийного моделирования исследуемого культурного концепта может стать обращение к идеографическим словарям.

Приведем фрагмент идеографического описания понятия "humour" в английских тезаурусах:

Humour — *(n.) The quality of being laughable or comical: drollery, facetiousness, drollness, funniness, ludicrousness, waggishness, wittiness, jocularity, wit, humorousness, seriousness (antonym), sadness (antonym), gravity (antonym), sobriety (antonym) (Heritage); Humour n. — 1. The humour of the situation had everyone laughing: funniness, comedy, comicality, ridiculousness, ludicrousness, drollery, nonsense, jocularity, jocoseness, jocosity. 2. The book is cheerful and full of humour: jokes, joking, wit, wittiness, witticisms, gags, wisecracks, jests, jesting, foolery, fooling, foolishness, tomfoolery, raillery, ridicule, buffoonery, waggery, monkeyshines, comedy, high comedy, low comedy, broad comedy, slapstick, low humour, broad humour, burlesque, farce, caricature, parody, travesty, satire, whimsy, wordplay, puns. Antonyms — seriousness, gravity, solemnity, sobriety; sadness, grief, sorrow, melancholy (Random House).*

Funny — *1. (adj.) Behaving like a clown:, clownish, buffoonish, foolish, entertaining, amusing, silly, sensible (antonym). 2. (adj.) Causing or deserving laughter, laughable, jocose, amusing, entertaining, comic, comical, droll, farcical, foolish, humorous, rich, burlesque, risible, witty, serious (antonym) (Heritage);* ***funny*** *adj. — 1. It's a very funny story, but I don't want to repeat it: comical, amusing, humorous, diverting, laughable, hilarious, absurd, ridiculous, ludicrous; witty, droll, comic, facetious, waggish, jocular, jocose, sporting, jesting, antic, mirthful, merry; farcical. Antonyms — 1 serious, sober, humourless; solemn, grave; mournful (Random House).*

Приведенный список показывает системные связи основного обозначения исследуемого концепта, но не раскрывает характеристик ситуации, которую носители языка могут определить как юмористическую. Для раскрытия характеристик такой ситуации необходимо обратиться к текстам, в которых вербализуется поведение людей, которые шутят и понимают шутки. Отметим, что значительная часть соответствующей информации остается как бы за кадром: участники ситуации должны догадаться, что кто-либо пытается пошутить, сказать нечто остроумное, рассказать анекдот. Вербализация иллокуции в данном случае сводит юмор на нет либо преследует иную цель, например, успокоить адресата, который может принять шутку за оскорбление (говорящий примирительно улыбается и говорит: *"Это шутка", "A joke"*, или *"Шучу"* — в игровой имитации сниженной речи на русском языке — *"Шутю"*).

В Русском ассоциативном словаре (РАС) приводится следующий ассоциативный ряд реакций на слова-стимулы "*юмор" — смех (21), черный (16), сатира (8), плоский, тонкий (4), анекдот, острый (3), веселый, веселье, и сатира, смешно, смеяться, шутка, юморист (2) (всего — 104 реакции); "шутка" — смех (58), плоская (34), глупая (26), прибаутка (25), веселая (21), юмор (17), острая (15), всерьез, удачная (13), злая, неудачная, неуместная (9), анекдот, весело, плохая, утка (7), в деле, в сторону (5), веселье, грубая, дурацкая, ли, розыгрыш, серьезная (4), друга, не к месту, обида, острота, пошлая, сказать (3), 1 апреля, грустная, добрая, друзья, игра, к месту, каламбур, клоун, моя, настроение, не в тему, не удалась, остроумная, правда, смешная, смешно, тупая, улыбка, штука, шутке рознь (2)* (всего — 510 реакций). Список обратных реакций (от реакции — к стимулу) составили следующие слова: *"юмор" — шутка, детский, бесплодный, веселый, выстрел, женский, нездоровый, плохой, разный, черный, "шутка" — брехня, враки, гнев, играть, история, король, неправда, обольстить, сейчас, смеяться, спор, танцевать, это*.

Можно сказать, что приведенные реакции затрагивают основные характеристики исследуемого концепта (если не принимать во внимание несерьезные ответы и ответы, представляющие собой часть устойчивых фраз). Самой частотной реакцией на слова "*юмор"* и "*шутка*" является слово "*смех",* т.е. следствие соответствующего поведения, его перлокутивный эффект. Вместе с тем, если посмотреть на список реакций под другим углом зрения, а именно с точки зрения характеристики юмора или шутки, то подавляющее число реакций будет характеризовать качество юмора или шутки, участников ситуации, жанровую принадлежность этого речевого действия. Обращает на себя внимание тот факт, что в ассоциативном словаре отрицательные реакции на слова "*юмор*" и "*шутка*" занимают значительную часть в общем корпусе ответов: "*черный юмор", "плоская, глупая, злая, неудачная, неуместная шутка".* Это свидетельствует о том, что игровое, шутливое поведение балансирует на грани коммуникативного конфликта, тот, кто шутит, может легко обидеть адресата; в свою очередь, это говорит о том, что многие адресаты признаются в отсутствии чувства юмора.

Будучи культурным концептом, юмор обладает ценностными характеристиками, т.е. связан с ключевыми жизненными ориентирами. Юмор по своей сути есть один из самых удобных способов адаптации человека к меняющимся обстоятельствам, это реакция на неожиданное развитие событий, в известной мере — примирение с действительностью, причем с переживанием положительных эмоций, которые, как известно, способствуют укреплению здоровья человека. Таким образом, юмор — это органическая защитная характеристика человеческой психики, достаточно тонкий и сложный эмоциональный феномен, связанный с выживаемостью человека как вида, т.е. юмор связан с витальными ценностями человека. Отметим, что с позиций витальных ценностей (как средство выживания и психологической самозащиты) смех соотносим со страхом, но страх представляет собой способ эмоциональной концентрации на негативной основе перед опасным событием, а смех — способ эмоциональной релаксации на позитивной основе после опасного события.

Основываясь на системе оценочных значений по Н.Д.Арутюновой (1998, с.198–199), мы соотносим оценочные характеристики концепта "юмор" с типами оценочных значений 1) общей оценки (хороший, прекрасный), 2) сенсорно-вкусовой оценки (приятный, вкусный), 3) психологической (интересный, веселый), 4) эстетической (красивый, уродливый), 5) этической (добрый, порочный), 6) утилитарной (полезный, благоприятный), 7) нормативной (правильный, нормальный), 8) телеологической (эффективный, удачный). Мы исходим из того, что юмористическая ситуация характеризуется всеми видами оценочного значения, вместе с тем существуют разновидности объектов и отношения к ним, связанные с юмором. Если представить себе условную запись юмористической ситуации в виде модальной рамки, где в скобках находится диктум, а за скобками — модус, по Ш.Балли, то юмористическая оценка приобретает вид сложного модуса по отношению к некоторому положению дел: 1) имеет место некоторое положение дел, 2) оно могло развиться в неблагоприятную сторону для субъекта оценки, т.е. могло представить собой угрозу, 3) оно разрешилось благоприятно, 4) угроза была относительно маленькой, 5) субъект по этому поводу испытывает чувство облегчения, 6) субъект хочет поделиться этим чувством с адресатом, т.е. вступить в коммуникативные отношения, 7) адресат разделяет чувства субъекта и смеется. В этой записи представлена структура коммуникативного действия, в котором выделяются Субъект и Адресат с их основными для данной ситуации характеристиками (Коммуникативное действие ⇒ Смех), основные эмоциональные состояния субъекта (некоторое опасение и облегчение), характеристики ситуации (малая угроза субъекту).

На наш взгляд, чувство облегчения ассоциируется с общей положительной оценкой, в то время как разновидности возможной небольшой угрозы для субъекта юмористической оценки связаны с частнооценочными значениями. Например, нечто казалось вкусным, приятным, полезным, правильным и т.д., но оказалось совершенно иным, и по этому поводу субъект мог бы огорчиться, но степень соотносительного ущерба для субъекта очень мала, и поэтому его реакция в целом носит положительный характер.

Ценностные характеристики юмора как культурного концепта можно установить, обратившись к анализу выраженных в языке оценочных суждений по поводу данного концепта. Эти суждения выражаются в устойчивых речениях — пословицах и афоризмах, в значениях слов, определяющих исследуемый концепт, в реакциях информантов, которым предложено выразить свое отношение к той или иной ситуации.

Достоинство паремиологических текстов — в их универсальном характере. Пословицы и афоризмы дают широкий спектр ситуативных проявлений шутки и юмора. Вместе с тем понятно, что пословица как фольклорный жанр ограничена в социальном отношении теми людьми, которые этим жанром преимущественно пользуются. Функционально пословицы связаны с ценностями крестьянской жизни, афоризмы — с ценностями образованного городского населения, анекдоты — с перевернутыми ценностями всего общества, хотя формально они представляют городской фольклор. Обратившись к списку пословиц, приведенных в известном словаре В.И.Даля "Пословицы русского народа" (1996), мы находим достаточно большой список этих речений под рубрикой "смех — шутка — веселье". Приводимые пословицы интересны с точки зрения связи исследуемого культурного концепта с другими концептами. В пословицах фиксируется связь смеха и преодоления жизненных проблем ("*Под силу беда со смехами, а невмочь беда со слезами"*), связь смеха и отдыха ("*Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем"*), закономерность связи радости и печали, смеха и слез ("*Кто смешлив, тот и слезлив"; "Смех до плача доводит"*), возможность обидеть людей шуткой *("Над кем посмеешься, тот над тобою поплачет"; "Последний смех лучше первого"*), связь шутки и розыгрыша ("*Полно шутить, – сказал волк капкану, – отпусти лапу-то"*).

В паремиологических текстах наиболее явно выражены нормы поведения, т.е. ценностно значимые стереотипы социального взаимодействия людей в конкретных ситуациях общения. Нормы поведения актуализируются прежде всего тогда, когда возникает выбор между той или иной поведенческой стратегией. Важнейшим противопоставлением поведенческих стратегий является контраст между этическими (моральными) и утилитарными нормами поведения. В первом случае акцентируются интересы других людей, во втором случае — интересы индивида. Эти интересы взаимосвязаны и в известной мере находятся в гармоническом единстве, но возможен конфликт таких интересов, который, повторяясь, находит типичное решение, формулируемое в типовых оценочных суждениях, например, *“Не плюй в колодец — пригодится воды напиться”* — “Веди себя предусмотрительно, не порть отношений с людьми, ибо возможно, что в будущем тебе придется к ним обратиться” -- “Контролируй себя, не будь эгоистичным и глупым”. Осуждение эгоизма вытекает из норм морали, осуждение глупости — из норм рационального утилитарного поведения.

Наряду с утилитарными и моральными нормами существуют и другие нормы поведения. С одной стороны, выделяются самоочевидные витальные потребности людей, допускающие формулировку в виде норм: “Необходимо есть, спать, следует отличаться от животных”. Такие нормы можно трактовать как субутилитарные. Они усваиваются в раннем детстве и никогда прямо не

формулируются в пословицах. С другой стороны, выделяются основные принципы человеческого поведения, закрепленные в догматах веры и юридических кодексах: “Нельзя убивать людей”, “Нельзя красть”, “Нельзя заниматься развратом”. Такие нормы не объясняются, признаются высшими ценностями и поэтому могут рассматриваться как суперморальные нормы поведения. Отметим, что в языке есть целый ряд пословиц, в которых идет речь о людях, нарушающих суперморальные нормы поведения. Например, *“На воре шапка горит”.* Но выводимый смысл этой пословицы носит утилитарный характер: “Не стоит рисковать, совершая преступление, поскольку за ним последует наказание”. Выводимый смысл может носить моральный характер: *“Once a thief, always a thief”* — “Не следует рассчитывать на то, что люди быстро забудут о твоем плохом поступке, нужно отвечать за свои дела”. Примером шутливого переосмысления суперморальных норм может послужить серия анекдотов о врачах, которые не думают о своих пациентах: *"Доктор, Вам всегда удается вырвать зуб без боли?" — "Нет, вчера я даже вывихнул себе руку."* Суперморальной нормой является требование не причинять боли другим, на эту норму накладывается нормативное представление о враче, который призван помогать пациенту, а не мучить его. Можно сказать, что шутливые переосмысления данных норм подчеркивают их значимость для современного общества. Субутилитарные нормы также могут подвергаться юмористическому переосмыслению, это касается, например, употребления в пищу отбросов или грязи *("Кажется, эту баклажанную икру уже один раз съели"*). Отметим, что в афоризмах или анекдотах субутилитарные нормы в чистом виде редко высмеиваются (исключение составляют детские анекдоты). Вместе с тем наблюдается комплексное юмористическое переосмысление моральных и субутилитарных норм в анекдотах: *"Рафик сидит на балконе и ест гнилой банан. Мама смотрит из окна и говорит: "Не ешь эту дрянь! Отдай ее папе".* Использование в пищу несвежих продуктов — нарушение субутилитарной нормы, а неожиданный переход к новому действующему лицу — это абсурдное переворачивание моральной нормы (Нельзя есть отбросы, но к папе это не относится).

Пословицы как обобщенное ценностное представление народа о тех или иных явлениях или человеческих качествах достаточно ограничены по своей тематике. В этом смысле личностные дополнения или даже глубокие личностные суждения, например в форме афоризмов, могут внести определенные дополнения в общую картину юмористического картирования мира. Например, известно изречение К.Маркса *"Идея становится материальной силой, овладев массами"*. Писатель В.Аксенов подметил: *"Именно идиотские идеи быстрее всего овладевают массами".* Перед нами шутливое переосмысление прецедентного текста, с добавлением качественно нового признака — скорости распространения идеи в зависимости от ее интеллектуального потенциала. Это парадоксальное высказывание коррелирует с большим корпусом различных фраз, посвященных дуракам, в том числе и не всегда юмористическим.

Заслуживает внимания фраза Ф.Кривина: *«Победителей не судят. А зря!»* Авторский комментарий в этой фразе переворачивает систему утилитарных ценностей, на которых строится оправдание любых побед, какой бы ценой они ни были одержаны.

Будучи разновидностью критики, юмор строится на определенной системе ценностей. Этнический юмор основан на карикатурной характеристике других этносов. М.А.Кулинич (1999) моделирует ценности в этническом юморе с помощью системы бинарных оппозиций, левая часть которых — это высмеиваемое качество другого народа, а правая часть — позитивное качество, которое принимается как автохарактеристика своего этноса: глупость — ум,

нечистоплотность — опрятность, лень — трудолюбие и др. Отмечается, впрочем, что некоторые качества могут иметь два экстремума: недостаточный и избыточный характер, например, вульгарность — чопорность. В таком случае "своим" приписывается разумная "золотая середина", а чужие выставляются как носители экстремальных характеристик. Очень важным представляется замечание М.А.Кулинич о том, что в случае двойственного экстремума один из объектов шутливой критики может быть представителем собственного этноса, но в таком случае он репрезентирует чужую социальную группу, например, с позиций усредненного англичанина американцы вульгарны, но собственные аристократы чопорны (Кулинич, 1999, с.48). Любовь к порядку традиционно считается характеристикой немецкого менталитета. Вместе с тем итальянцы, известные своим раскованным и неупорядоченным поведением, критикуют это качество, выбрав мишенью карабинеров, т.е. полицейских:

У карабинера в Венеции спрашивают: "Почему ботинок мокрый?" — "Окурок тушил".

В Венеции вместо улиц каналы, окурок обычно затаптывают. Соответственно, полицейский затаптывает окурок, который брошен в канал. В данном случае стереотипное действие по поддержанию порядка приобретает характер гротеска, а карабинеры — хранители порядка — характеризуются как тупые автоматы.

Отношение к собственности является одним из существенных для любой культуры концептов (Бабаева, 1997).

Критически оценивая отклонения от некой точки отсчета в отношении к собственности, люди склонны высмеивать чрезмерное богатство и чрезмерную бедность, жадность и скупость, мотовство и другие характеристики поведения. В основном высмеивается скупость, доходящая до абсурда. Вместе с тем щедрость, которая выходит за рамки привычных стереотипов поведения, также вызывает насмешку. Например:

Один кавказец сильно потратился в ресторане и, уходя, сказал гардеробщику: "Пальто не надо!"

В России считают, что кавказцы славятся своей щедростью (иногда показной); в ресторане принято давать на чай официанту, при этом говорят: "*Сдачи не надо*". В приведенном тексте пальто превращается в чаевые, это абсурдно и поэтому вызывает улыбку. Отметим, что образ кавказца (обычно грузина) как чрезмерно богатого человека в современном русском языковом сознании сменился образом "нового русского", при этом сюжеты анекдотов остались прежними:

Заходит "новый русский" в ресторан и ставит на стол большой чемодан. Официант говорит: "Чемоданы на стол не ставят!" — "Для кого чемодан, а для кого — кошелек!", – отвечает "новый русский".

В этом тексте гиперболизируется вещественное выражение богатства — много денег — чемодан денег. В британском языковом сознании шотландцы и голландцы характеризуются повышенной скупостью, а ирландцы — нерациональностью, вместе с тем скупость достаточно часто высмеивается, а импульсивность и странная логика поведения редко связываются с мотовством применительно к ирландцам; возможно, в коллективном сознании англичан образ ирландца не ассоциируется с богатством, а бедный человек не может безрассудно выбрасывать деньги на ветер.

К числу тематически релевантных объектов этнического юмора относятся концепты пищи и выпивки. Юмор, связанный с пищей, касается обжорства, неразборчивости в еде, нарушений этикета за столом, поедания испорченной пищи, нарушения эстетических характеристик пищи, использования странных продуктов для пищи, людоедства и т.д. При этом тема еды часто выступает как повод для создания комической ситуации. Например:

"Официант! Что делает эта муха в моем супе?" — "Плавает, сэр".

Мухи, волосы и другие посторонние предметы в пище вызывают отвращение, но соль данного анекдота — в невозмутимой реакции официанта, который делает вид, что не понял вопроса посетителя ресторана ("Почему в моем супе муха?"). На самом низовом уровне культуры обыгрывается тема экскрементов, случайно используемых в качестве пищи. Англичане с насмешкой относятся к изысканности французской кухни, особым объектом юмора выступает сыр с резким запахом (примером может послужить известный эпизод в книге Дж.К.Джерома "Трое в лодке, не считая собаки").

Алкоголь и отношение к нему выступают в качестве существенного индикатора этнокультурных ценностей. Обыгрывается пьянство, причем критике подвергается как неумеренное пьянство, так и несостоятельность в возможности много выпить. Англичане часто критикуют ирландцев за пристрастие жителей "Изумрудного острова" — Emerald Island — к неумеренному принятию алкоголя. Эта тема является одной из ведущих в русском языковом сознании. Отметим, что пьянство не получает отрицательной оценки, но выглядит как курьезное и часто положительно оцениваемое по сравнению с другими недостатками поведение. Например:

Алкоголик идет по улице, видит лежащего в луже человека и говорит: "Надо же, люди уже гуляют, а я — ни в одном глазу!"

Абсурдность ситуации заключается в том, что внешний признак опьянения — лежать в луже без сознания — воспринимается как желаемое состояние.

Очень часто тема алкоголя в русских анекдотах выражена в виде этнического сопоставления:

Поспорили француз, американец и русский, кто больше выпьет, и пригласили ученых с микроскопом, чтобы те увидели, что происходит в мозгу у испытуемых. Француз выпил бутылку, в его мозгу возникли эротические картинки, выпил две — и отключился. Американец выпил бутылку, в его мозгу возник образ гонки на автомобиле, выпил две — и отключился. Русский выпил бутылку, в мозгу — ничего, выпил две — ничего, выпил три — возникла какая-то точка. Взяли самый сильный микроскоп и увидели крохотный соленый огурец.

Этот анекдот гиперболически подчеркивает мощь людей, которые способны много выпить, и показывает типичный для русской культуры способ закуски.

В качестве зеркального отражения этой же темы уместен, на наш взгляд, следующий пример:

Приехал немец в Россию, его каждый день сердечно угощают, он пьет много водки. Первый день он пишет письмо жене: "Меня прекрасно принимают, но мне очень плохо от водки". На второй день: "Марта, я сегодня столько выпил, что чуть не умер". На третий день: "Лучше бы я умер вчера".

Подчеркивается слабость иностранцев в отношении выпивки. Данный анекдот является типичным самопредставлением в этнокультурном сопоставлении.

Неадекватное поведение пьяных представляется как клоунада:

В середине ночи возвращается домой пьяный мужик, включает свет в коридоре, пытается повесить одежду, вешалка падает с грохотом, все выскакивают из комнаты, а он говорит: "Ну, что? Плохо без батьки-то?"

Абсурд данной ситуации состоит в том, что восприятие собственного поведения пьяницы является неадекватным, он думает, что все выскочили, чтобы его встретить.

Пьяные не всегда радуются своему состоянию:

Приходит пьяница домой, жена встречает его тумаками и кричит: "Будешь пить, паразит? Пить будешь?" Он мычит что-то в ответ и, наконец, говорит: "Ладно, наливай!"

В этом анекдоте обыгрывается ситуация назойливого угощения, когда человека заставляют выпить в компании против его желания.

Гендерные отношения, включая темы семьи, секса, ухаживания, занимают существенное место в жизни людей и поэтому закономерно фиксируются в концептах. Как и в других случаях, объектом юмора выступает отклонение от норм поведения: чрезмерная и недостаточная сексуальная активность, различные аномалии, замещение высоких чувств корыстными или органическими позывами и т.д. Необходимо оговориться, что эти концепты относятся к традиционно табуируемой области, и поэтому они часто связаны с другими концептами (ум / глупость, красота / уродство, смелость / трусость и др.).

A funny thing about drinking is that you turn into the world's greatest lover and make sexual promises that you can't keep. It's like this: "When we come home, do you know what I'm going to do? I'm going to — I'm going to — I'm going to — fall asleep, that's what I'm going to do".

Юмористически характеризуется перевод обстоятельств интимных отношений в подтекст:

Сидят в купе четыре женщины. Оказалось, что все возвращаются с курорта. Одна говорит: "Приеду и все-все мужу расскажу!" "Ну и дура!" — подумала вторая. "Ну и смелая!" — подумала третья. "Ну и память!" — подумала четвертая.

В современном русском языковом сознании курорт ассоциируется со свободным поведением и нарушением супружеской верности. В приведенном анекдоте показан спектр оценок этого поведения: оно осуждается, оправдывается и характеризуется в количественном отношении. Именно последняя характеристика и вызывает улыбку: измен было так много, что их невозможно запомнить.

Табуируемая тема осознается в первую очередь:

"Тетя Маша! А я вашу Галю того…" — "Так женись!" — "Да нет, я ее того … — трактором переехал."

Гиперболизация имеет форму черного юмора, но это уже фоновая характеристика анекдота.

Для анекдотов на интимную тему характерно использование жанра колкости как антипода комплименту:

"Дорогой, что ты во мне больше любишь, мое прекрасное тело или красивое лицо?" — "Твое чувство юмора!"

Пресуппозиция интимных отношений строится на высокой оценке внешнего вида партнера.

Приведем пример англоязычного анекдота:

A rather confident man walks into a bar and takes a seat next to a very attractive woman. He gives her a quick glance, then casually looks at his watch for a moment. The woman notices this and asks, "Is your date running late?" "No", he replies, "I just bought this state-of-the-art watch and I was just testing it." The intrigued woman says, "A state-of-the-art watch? What's so special about it?" It uses alpha waves to telepathically talk to me," he explains. "What's it telling you now?" "Well, it says we're passionately in love..." The woman giggles and replies, "Well it must be broken then because we're just sitting here and chatting!" The man explains, "Damn thing must be an hour fast."

В данном анекдоте юмористический эффект состоит в неожиданной развязке, при этом обычный флирт подается как неподконтрольное человеку событие, за

которое отвечают волшебные часы. Получается, что чувства людей — это программируемый механизм, а поскольку это не так, то происходит конфликт двух сценариев — обычного и несерьезно-игрового, при этом игровое осмысление ситуации становится релевантным.

Концепт 'здоровье' также получает юмористическое освещение в языковом сознании и коммуникативном поведении. Устанавливаются следующие юмористические характеристики здоровья: отклонения от норм внешности, смешное проявление болезней (выделяются анекдоты о психических и венерических больных), ненормальная реакция врачей на заболевание.

К числу анекдотов на тему ненормальной внешности относятся шутки о дистрофиках:

Дистрофик прогоняет муху: "Прочь, прочь, окаянная птица! Всю грудь истоптала!"

Юмористический эффект строится на гиперболизации признака худобы.

Внешность человека связывается в анекдотах с развитием науки и техники:

XXI век. У обрыва реки стоят дедушка и внучек. "Дедушка, а правда, что здесь когда-то была атомная станция?" — "Правда, внучек," — сказал дедушка и погладил внука по головке. — "А правда, что она взорвалась?" — "Правда, внучек, правда," — сказал дедушка и погладил внука по второй головке.

В этом тексте в юмористической форме отражено весьма печальное событие — авария на Чернобыльской атомной станции. Тот факт, что эта тема стала фигурировать в анекдотах, свидетельствует о ее актуальности и вместе с тем о том, что люди не сдаются даже в самой тяжелой обстановке.

Психические отклонения являются излюбленной мишенью в анекдотах.

"Что Вы умеете делать?" — спрашивает психиатр. "Все, доктор! Я и сапожник, я и портной, я и чайник, я и сахарница!"

Рассказывая этот анекдот, говорящий имитирует поведение больного, который жестами изображает предметы. Пересечение в одном ряду несопрягаемых вещей вызывает комический эффект.

В анекдотах высмеиваются и дефекты речи:

В хлебном магазине. Заика: "Б-б-б-булочку з-з-за т-т-три рубля!" — Продавец: "П-п-п-п-ожалуйста!" Другой покупатель: "И мне!" — "Пожалуйста!" Заика продавцу: "Д-д-д-дразнишься н-н-н-надо м-м-м-м-ной?" Продавец заике: "Н-н-н-ет, н-н-н-над ним!"

Этот анекдот можно отнести к шутовскому типу, абсурд ситуации очевиден, подчеркивается нормальность правильного и ненормальность дефективного произношения.

Профессия врача привлекает к себе пристальное внимание людей — от врача слишком многое зависит. В анекдотах обыгрывается широкий спектр человеческих качеств врачей и пациентов, с одной стороны, и смешных ситуаций, в которые они попадают, с другой стороны.

Послеоперационные больные жалуются друг другу: "Хирурги непонятно о чем думают, недавно одному больному пришлось делать повторную операцию, ножницы вынимать…" В этот момент открывается дверь в палату, и хирург говорит: "Ребята, мой шарф не видели?"

Рассеянность врача гиперболизирована и призвана подчеркнуть ответственность медика за жизнь человека.

В кабинет врача входит больной: "Доктор, я к Вам с печенью". — "Прекрасно! Давайте ее сюда, я положу ее в холодильник".

В этой миниатюре карнавально переворачивается требование общества к врачу — всегда быть готовым оказать медицинскую помощь. У этого анекдота есть и второе прочтение, непонятное для иностранцев и людей иной культурно-

исторической среды: пустые прилавки в магазинах, пища как презент (в обычной ситуации мясо или картофель презентом не выступают). Отметим двусмысленность как технику данного анекдота — один из простейших способов вызвать комический эффект.

Врачи в русских анекдотах могут брать взятки:

"Ты почему не пьешь?" — "У меня язва, врач запретил." — "У меня тоже язва, мне тоже врач запретил, я ему дал на лапу, и он сказал: "Пей, что хочешь!"

В этом тексте переворачивается известная истина "Здоровье не купишь". Вместе с тем в русских анекдотах нам не встретилось примеров на тему оплаты медицинской помощи, когда больной пытается сэкономить на медицинских услугах, а врач — продлить лечение.

Two doctors: "Can you see the woman over there? I am in love with her". — "Marry her, then!" — "No, I can't lose my best patient."

Финансовые интересы врача ставятся выше его личных пристрастий, и это не удивительно: гонорар врача в англоязычном мире весьма высок.

В нашем корпусе примеров отмечены типичные шутки врачей, например:

"Если больной хочет выздороветь, медицина бессильна", "Ну, что, лечить будем или пусть живет?", "Больные выздоравливают, как мухи".

В этих шутках актуализируется идея о том, что усилия врачей помочь пациенту не всегда приводят к желаемому результату.

Весьма интересной областью для сопоставительного изучения юмора является концепт смерти. Известно, что в русской лингвокультуре к смерти относятся серьезно, в то время как в английской люди пытаются уйти от страха перед смертью, смеясь над ней. В этом плане заслуживает внимания такой редкий жанр, как игровые эпитафии на могилах. Например, на могиле британского полковника, который был смертельно ранен случайным выстрелом из ружья (оружие выстрелило в руках ординарца, верно служившего хозяину много лет), выбита следующая надпись: *Well done. Good and obedient servant*. В этом смысле уместно противопоставить иронию говорящего и иронию ситуации. Ирония ситуации не всегда осмысливается как смешное явление, поскольку требует особого философского отношения к жизни.

В русском языковом сознании шутки на тему смерти также имеют место (в последнее время появились в большом количестве примеры черного юмора). Например:

"Скорая помощь, приезжайте, тут человек попал под асфальтоукатчик!" – "Адрес!" – "Улица Льговская, дом 8, 10, 12…"

Абсурд образа перевешивает моральное табу смеяться над смертью.

Смерть сама по себе, как и многие другие события, является оценочно-нейтральной, эмоциогенным это событие становится для тех, кто неравнодушен к умершему. Высмеивается несоразмерность переживаний, когда, например, на смертном одре человек беспокоится о житейских пустяках, либо душевная пустота у тех, кто должен проявлять понимание и сострадание. Например:

К психиатру приходит пациент. "Доктор, у меня депрессия!" "Ах, у Вас депрессия!" — восклицает психиатр. "Мне плохо, я не хочу жить!" — "Вам плохо, Вы не хотите жить!" Пациент подбегает к окну: "Я сейчас выброшусь!" — "Вы сейчас выброситесь!" Пациент прыгает из окна. Доктор подбегает к окну, смотрит вниз и восклицает: "Плюх!"

В этом анекдоте высмеивается несоответствие между требованием общества к врачу всегда оказывать помощь пациенту и стремлением гуманистической психиатрии выразить сочувствие пациенту. Сочувствие только в виде констатации превращается в абсурд. Смерть на фоне абсурда теряет свою значимость.

Отношение к смерти связано с этикетными нормами поведения во время похорон и поминальных обрядов.

Встречаются двое аспирантов. "Откуда ты такой довольный?" "С поминок." "?" "А что, накормили, напоили, а главное, никто не говорит: "А ты когда?"

В этой шутке обыгрывается весьма болезненная тема для аспирантов — уточнение сроков завершения и защиты диссертации.

В более простых текстах юмористический эффект состоит в страхе перед мертвецами:

Идет человек через кладбище, догоняет попутчика. "Хорошо, что не один, а то мертвецов боюсь!" — "А чего нас бояться…"

Таким образом, юмористическое осмысление концептов распространяется на все их существенные признаки, и лингвокультурная специфика юмора в этом отношении сводится к соотносительной важности того или иного признака. На наш взгляд, существуют две разновидности юмористического осмысления концептов: в первом случае тема анекдота выступает как фоновая характеристика для комического освещения какого-либо человеческого качества (ситуация "любовник — муж" для осмеяния глупости), во втором случае юмористическая тематика определенной концептуальной области проявляется через другие темы (например, разговор идет о возвышенных чувствах, а подразумевается плотское удовлетворение инстинкта). Анекдоты первого типа более интересны для социально-психологического анализа, они соотносятся с юмором характеров, а не с комизмом ситуаций. Анекдоты второго типа иллюстрируют нарушения табу и представляют интерес прежде всего для культуролога и этнографа. В нашем корпусе примеров зарегистрирован английский анекдот с выдвижением на первый план табу как темы и расового оскорбления как идеи текста (двойная глубина смысла):

There came a missionary to a remote tribe in Africa. He lives and teaches there, but one day the chief comes up to him and says: "My wife gave birth to a white child. What does it mean?" "Such things happen. There are exceptions everywhere in nature. For instance, in the sheep herd nearby all the sheep are milky white, but there is still a black one there." "Well, oh, look here, I'll hush down the rumours about my child, but please, keep silent about that black sheep here!"

Миссионер, пытаясь оправдаться (т.е. будучи виновным), переводит разговор в абстрактную плоскость генетических законов наследственности и непреднамеренно упоминает о черной овце из ближайшего стада. Для вождя племени разговор становится опасным (фактически он признается в скотоложстве), он воспринимает приведенный пример как шантаж и пытается пойти на компромисс. Африканцы в этом анекдоте показаны как примитивные животные (ведь белому миссионеру эта идея даже не могла прийти в голову). Ситуация становится гротеском, поскольку африканцы якобы даже не понимают, что люди и животные не скрещиваются. Этот анекдот показателен для английской культуры: во-первых, кульминация слишком неожиданна, во-вторых, имеет место компромисс (одобряемая стратегия поведения) и, в-третьих, мы сталкиваемся с проявлением расизма (африканцы показаны как очень примитивные люди).

В корпусе типичных английских шуток выделяется группа текстов, характеризующих действительность с позиций человека со странностями. Например:

Things to do in the lift

1) When there's only one other person in the lift, tap them on the shoulder and then pretend it wasn't you.

2) Push the buttons and pretend they give you a shock. Smile, and go back for more.

3) Ask if you can push the buttons for other people, but push the wrong ones.

4) Call the Psychic Hotline from your cell phone and ask if they know what floor you're on.

5) Hold the doors open and say you're waiting for your friend. After awhile, let the doors close and say, "Hi Greg. How's your day been?"

6) Drop a pen and wait until someone reaches to help pick it up, then scream, "That's mine!"

7) Bring a camera and take pictures of everyone in the lift.

8) Move your desk into the lift and whenever someone gets on, ask if they have an appointment.

9) Lay down a Twister mat and ask people if they'd like to play.

10) Leave a box in the corner, and when someone gets on ask them if they hear something ticking.

11) Pretend you are a flight attendant and review emergency procedures and exit with the passengers.

12) Ask, "Did you feel that?"

13) Stand really close to someone, sniffing them occasionally.

14) When the doors close, announce to the others, "It's okay. Don't panic, they open up again."

15) Swat at flies that don't exist.

16) Tell people that you can see their aura.

17) Call out, "Group hug!" then enforce it.

18) Grimace painfully while smacking your forehead and muttering "Shut up, all of you, just shut up!"

19) Crack open your briefcase or handbag, and while peering inside, ask, "Got enough air in there?"

20) Stand silently and motionless in the corner, facing the wall, without getting off.

21) Stare at another passenger for a while, then announce in horror, "You're one of THEM!" and back away slowly.

22) Wear a puppet on your hand and use it to talk to the other passengers.

23) Listen to the lift walls with your stethoscope.

24) Make explosion noises when anyone presses a button.

25) Grinning, stare at another passenger for a while, and then announce, "I have new socks on."

26) Draw a little square on the floor with chalk and announce to the other passengers, "This is my personal space" (www.jokes.co.uk).

Эти абсурдные советы характеризуют поведение не совсем нормальных людей, причем в общем списке фигурируют намеки на весьма актуальные концепты в языковом сознании англичан: нарушение личного пространства (прикосновения, обнюхивания, демонстративное поведение), страх перед возможными террористическими актами, инструкция как весьма распространенный тип дискурса в нашу компьютеризованную эпоху. В качестве места действия взят лифт – весьма ограниченное пространство, в котором люди чувствуют себя несколько стесненно, где нормы этикета предписывают отводить взгляд от незнакомого человека, стоящего рядом. Специфика английского юмора в значительной мере состоит в том, что говорящий ни в коем случае не должен показывать своих коммуникативных намерений, это балансировка между серьезным и полусерьезным общением, именно такая дискурсивная неопределенность и создает предпосылки для постоянного переосмысления всей ситуации.

Английский юмор должен быть едва уловим. Примером такой изящной манеры общения являются советы Джона Моргана, который еженедельно публиковал в газете "The Times" под рубрикой "Modern Manners" ответы на вопросы читателей о

нормах этикета в современной жизни. Вопросы касались самых разных сторон поведения в различных обстоятельствах. Например:

Kissing

Q: *There seems to be confusion about the etiquette of social kissing. When - and whom - should we kiss on the cheek? Should we kiss once, twice or even three times like some continentals? Standardisation of a practice which can cause awkardness and embarrassment is surely long overdue. - Philip Watson, London W9*

A: *Social kissing, as the name suggests, is usually reserved for social life, unless you work in lovey-dovey metiers such as fashion, magazines, the theatre and so on, where no professional greeting is complete without osculatory over excitement. It is crass and presumptuous to kiss people you are meeting for the first time: a traditional handshake or small nod of the head is all that is called for. The only site for a social kiss is the cheek: attempts at mouths, foreheads or any other part of the anatomy display distinctly sexual rather than social intentions. One kiss is usual for the older generation, two quite permissible for young people, but three is quite excessive for any age. If kissing twice, it is usual to adopt a left-right sequence.*

Читатель спрашивает, как следует целоваться в официальной ситуации, и журналист вполне серьезно отвечает на поставленный вопрос: этикетный поцелуй уместен только при встрече знакомых людей, с незнакомыми целоваться при первой встрече глупо и дерзко, единственным этикетно приемлемым местом для официального поцелуя является щека, существуют и возрастные рекомендации, касающиеся количества поцелуев: один – для людей старшего поколения и два – для молодежи, в последнем случае нужно целовать партнера сначала в левую, а затем в правую щеку. Серьезность ответа, однако, сразу же ставится под сомнение: ведь и вопрос можно было бы рассматривать как провокацию. Определенные словосочетания в ответе недвусмысленно показывают чуть уловимую улыбку публициста: *osculatory over excitement* – "целовальное сверхвозбуждение", *attempts at mouths, foreheads or any other part of the anatomy* – "неудачные попытки поцеловать в рот, лоб или другую часть анатомии". Этот ответ является серьезным и не совсем серьезным одновременно, и в этом заключается изюминка такой манеры общения.

Высмеивание банальностей и общих мест – традиционное занятие литераторов, в отечественной культуре таковы изречения Козьмы Пруткова: *"Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою".* Подобные высказывания можно свести к шутливому совету: *"Не делай умное лицо!"* Для англичан такая линия поведения является важной характеристикой в общении. Например: *Reading when you're drunk is horrible*. Действительно, читать, когда пьян, ужасно, но формулировать это наблюдение как жизненное обобщение значит высмеивать банальные истины как таковые.

Заслуживает внимания вопрос о юмористическом освещении знаменитостей в различных лингвокультурах. Д.Бжозовска (Brzozowska, 2001) сравнивает английские и польские шутки о людях, находящихся в центре внимания всех: о членах королевской семьи, известных политиках, популярных артистах, спортсменах и т.д. Англичанам, по мнению автора, присуще желание посплетничать о тех, кто привлекает к себе внимание. Об этом свидетельствуют особые колонки в газетах (светская хроника), в английских анекдотах часто фигурируют известные всем лица. В польской культуре открыто сплетничают, как правило, женщины, мужчины-поляки стыдятся это делать, мужчины-англичане же с удовольствием обсуждают поведение тех, кто оказался на виду. Автор полагает, что такая черта английского характера объясняется пуританским стремлением не закрывать свои окна от посторонних взглядов. На наш взгляд, такая точка зрения

может быть верна лишь отчасти. Англичане остро переживают свой социальный статус, и поэтому отношения статусного неравенства, постоянного ощущения своего места на социальной лестнице получают вариативное и детальное выражение в английской лингвокультуре, в том числе и в юмористическом освещении. Возможно, корни такого пристального внимания к знаменитостям можно найти в основаниях протестантской этики, нацеливающей человека на активное преобразование мира: ведь многие знаменитости добились известности своими усилиями. Разумеется, степень этих усилий постоянно критически контролируется:

What is the difference between Tony Blair and God? God does not think he is Tony Blair.

Британский премьер-министр Тони Блэр мягко осуждается за стремление демонстрировать свое могущество.

Лингвокультурная специфика юмора осознается прежде всего в ситуациях непонимания юмора.

Непонимание юмора как следствие недостаточной компетенции в межкультурном общении может быть разбито на несколько типов: 1) непонимание бытового юмора, связанное с отсутствием аналогичных реалий в своей культуре, 2) непонимание тех или иных принятых этикетных норм, 3) непонимание глубинных ценностей соответствующей культуры.

Непонимание юмора, основанное на незнании реалий, легко снимается при наличии комментариев. Исключение составляет игра слов: носитель другой культуры понимает, что, вероятно, в другом языке такое случайное совпадение омонимичных единиц может оказаться смешным, но поскольку в родном языке эти слова отнюдь не являются омонимами, то комического эффекта нет. Разъяснение, связанное с формой слов, фактически устраняет неожиданность смыслового столкновения, лежащего в основе юмора. Аналогичным образом не вызывают смеха шутки, построенные на рифмах. Такие шутки не очень характерны для английской культуры, а в русских анекдотах они зарегистрированы в нашем корпусе примеров, главным образом, применительно к примитивным анекдотам.

Обычно вызывают улыбку анекдоты, связанные с различными классификациями, касающимися представлений о других народах. Даже если соль анекдота не понятна сразу, носитель русской культуры легко догадывается о том, что сама структура анекдота должна подсказать его кульминацию. Например, переведенный на русский язык следующий анекдот не вполне вписывается в представление русских об итальянцах, но становится понятным благодаря контексту:

Как убедить новобранца-парашютиста сделать первый прыжок? Американцу нужно сказать: "Если ты мужчина, ты прыгнешь!" Англичанину: "Сэр, это — традиция". Французу: "Это — просьба дамы". Немцу: "Это приказ". Итальянцу: "Прыгать запрещено!"

Последняя реплика в анекдоте построена на контрасте, этот контраст базируется на типичном образе-стереотипе итальянца в глазах европейцев.

Более сложным является анекдот с перепутанной классификацией:

Рай — это место, где полицейские — англичане, повара — французы, механики — немцы, любовники — итальянцы, а менеджеры — швейцарцы. Ад — это место, где повара — англичане, механики — французы, любовники — швейцарцы, полицейские — немцы, а менеджеры — итальянцы.

Англичане с уважением относятся к своим полицейским, немецкие полицейские известны своей суровостью; известно также, что французская кухня славится своей изысканностью, а английская вызывает нарекания у французов и других

европейцев (отметим, что современная английская кухня в значительной мере интернациональна). Немцы известны в Европе любовью к механике и точным механизмам; стереотип итальянца — страстный любовник; швейцарцы славятся своей дисциплинированностью и хорошими организаторскими способностями, идея надежности закреплена в концепте "швейцарский банк". Этот анекдот становится понятным русским слушателям после комментария, но у европейцев, часто путешествующих по странам своего континента, данная перепутанная классификация вызывает неподдельную улыбку: они вспоминают, что во Франции никто не смог починить их автомобиль, в Италии им пришлось потратить много времени в аэропорту из-за административных неполадок и безответственности персонала и т.д. Иначе говоря, такого рода анекдоты базируются в значительной мере на личном опыте, т.е. на осознанном переживании непонятных реалий.

Приведем еще один анекдот, обыгрывающий стереотипы представления чужих этносов:

Немецкая, американская и шведская полиция участвуют в конкурсе — кто лучше всех ловит преступников. Дано задание: в лес выпущен заяц, и его надо поймать. Шведские полицейские заводят животных-осведомителей по всему лесу, опрашивают всех растительных и минеральных свидетелей и после трех месяцев напряженного поиска приходят к выводу, что зайцев в природе нет. Американцы врываются в лес, две недели рыщут по лесу, никого не могут найти, поджигают лес, убивая всех, в том числе и зайцев, и никому не приносят извинений. Немцы принимаются за дело и через два часа возвращаются с сильно избитым медведем, который вопит: "Да, я — заяц, я — заяц! Только не бейте меня ногами!".

С точки зрения англичан и американцев, шведские полицейские излишне щепетильны и либеральны. На наш взгляд, шведы в этом ряду оказались случайно: требовалось построить своеобразную классификацию жестокости и показать, что есть народ, полиция которого излишне мягко относится к преступникам. Американская полиция отличается не изощренной жестокостью (здесь приоритет принадлежит немцам), а недостаточной компетенцией, которая компенсируется проявлением грубой силы. Обращает на себя внимание и акцентируемое у американцев отсутствие такта ("никому не приносят извинений"), последний признак является болезненным для тех культур, где принято соблюдать нормы вежливости, прежде всего — для английской культуры. Этот анекдот в общих чертах понятен носителям русской культуры, представляющим себе поведение американских суперменов по фильмам и знающим о жестокости немцев во время войны.

Англичане продемонстрировали полное непонимание русских реалий, связанных с именами собственными в анекдотах:

Тетя Валя: "Дорогие ребята! Первое место на нашем конкурсе рисунков на тему "Ваня и медведь" занял Вова Глазунов из Москвы. У него самый красивый рисунок. Правда, ему немножко помогал дедушка Илья…"

Англичане могут не знать о том, что Илья Глазунов — известный современный российский художник. Кроме того, мысль о том, что ребенок пошлет на конкурс детских рисунков картинку, которую ему помогли нарисовать, кажется англичанам странной: эта идея нарушает представления англичан о "честной игре" ("fair play"). Аналогичным образом англичане не понимают отношения русских к подсказке во время экзамена: у нас товарищ, который отказался тебе подсказать во время экзамена, однозначно оценивается как предатель, в английской культуре отказ помочь в такой ситуации не воспринимается столь остро (наказание за обман, "cheating at the exam", является весьма суровым).

Англичане испытали трудности при понимании весьма специфических русских анекдотов о КГБ:

Мужик звонит в КГБ по телефону-автомату: "Алло, КГБ? Плохо работаете!" Побежал к другому телефону-автомату: "Алло, КГБ? Плохо работаете!" Отбежал к третьему: "Алло, КГБ? Плохо работаете!" Чувствует на плече руку: "Как можем, так и работаем".

Специфика этих анекдотов состоит в том, что госбезопасность наделяется сверхъестественными способностями и оценивается при этом положительно. Такое отношение к власти противоречит нормам карнавальной культуры, переворачиванию ценностей и природе анекдота. Не случайно бытует мнение, что подобного рода анекдоты специально придумывались в аналитических отделах КГБ для создания соответствующих стереотипов у населения. Кстати, и сама аббревиатура КГБ – "Комитет государственной безопасности" – расшифровывалась шутливо также с положительной коннотацией "контора глубокого бурения". Идея вездесущности наших спецслужб выражена в следующем анекдоте, не совсем понятном для англичан (они понимают замысел этого текста, но не согласны внутренне с пафосом анекдота):

В NASA гадают — почему взорвался левый твердотопливный ускоритель SHATLL'a, а в КГБ — почему не взорвался правый...

Даже не принимая во внимание то, что КГБ приписываются в этом тексте функции внешней разведки, носители русской культуры подчеркивают способность наших спецслужб проводить в жизнь самые фантастические операции. Англичане воспринимают такой текст как претенциозный и отчасти национально шовинистический.

Откровенная апологетика власти не является исключением в русских анекдотах, посвященных встречам высших руководителей. Приведем детский анекдот времен Брежнева:

Приезжает Брежнев в Америку. Американский президент Рейган говорит: "Нажми на эту кнопочку!" Брежнев нажал и оказался под холодным душем. Через некоторое время приезжает Рейган в Москву. Брежнев ему говорит: "Нажми на эту кнопочку!" Рейган нажал, ничего не произошло. Нажал еще раз, тоже ничего не произошло. Он говорит: "Что же это такое? Вот у нас, в Америке…" А Брежнев ему: "Нету больше вашей Америки".

Англичане не нашли этот анекдот смешным, реакцией была вежливая улыбка, в ряде случаев — пожатие плечами. Нельзя сказать, чтобы респонденты (а это были подданные Соединенного Королевства) испытывали солидарность по отношению к США, но откровенное восхваление мощи СССР в жанре анекдота показалось им странным. Интересно, что в то же самое время циркулировали анекдоты, в которых Брежнев был показан весьма немощным человеком, эти анекдоты не вызвали непонимания у английских респондентов.

Говоря о реалиях нашей культуры, непонятных для англичан-респондентов, отметим, что весьма специфическими для русской культуры являются анекдоты о милиции. Отношение к стражам порядка у носителей русской культуры резко отрицательное. Милиция в зеркале анекдота отличается коррумпированностью и недалекостью. Например:

Приходит милиционер-гаишник домой, злой и замерзший — мало заработал, стоя на трассе. Ему открывает дверь сын-школьник. Гаишник кричит: "Давай дневник, если получил двойку, выпорю!" Мальчишка в слезах бежит к матери: "Мне сегодня как раз двойку поставили!" "Ладно, не бойся," – говорит мать и кладет в дневник сыну на страницу с двойкой пятьдесят рублей. Мальчишка с ужасом подает дневник отцу. Тот, нахмурившись, листает, доходит до

странички с банкнотой, кладет ее в карман, облегченно вздыхает и говорит: "Хорошо, что хоть дома все в порядке!"

Этот текст показался трудным для англичан, они поняли, что речь идет о неадекватном поведении милиционера, но вся система русских реалий оказалась для них закрытой. Им пришлось рассказать, что милиция на дорогах, служба государственной автоинспекции, теперь, кстати, переименованная в Государственную инспекцию безопасности дорожного движения (ГИБДД), почти всегда воспринимается в сознании носителей русской культуры как вымогатели, несправедливо штрафующие водителей за малозначимые нарушения движения. Понятно, что рассказчиками анекдотов выступают жертвы несправедливого контроля государства над людьми. Носителям современной русской культуры известна и процедура предъявления водительских прав милиционеру, обычно в права вкладывается банкнота. Юмор приведенного текста состоит в том, что вместо водительских прав фигурирует дневник учащегося — еще одна реалия, отсутствующая в английской культуре. Английские школьники не имеют дневников, которые являются жесткой формой контроля над детьми.

Анекдоты о русской власти показались англичанам странными и потребовали объяснения:

Партийная чистка. Всем, кто раньше участвовал в антисоветских организациях, приказано в суточный срок написать заявление. Мужик приходит домой грустный. Жена спрашивает, что случилось.

- Понимаешь, я же в банде зеленых против красных воевал! Что мне теперь делать?

- А ты не пиши ничего, может, и не узнают.

- Как же не узнают! Парткомиссию наш батько возглавляет!

Этот анекдот вызвал трудности даже на предварительном этапе перед предъявлением его информантам. Слова "чистка", "парткомиссия" и "батько" пришлось переводить описательно: *чистка — political purge, парткомиссия — checking party committee, батько — gang leader*. Суть анекдота была понята приблизительно верно, но в процессе объяснения реалий этот текст потерял свою анекдотичность и превратился в комментарий к истории нашей страны.

Англичане смогли лишь поверхностно оценить следующую шутку:

На выставке пожарных частей:

- Дядь, зачем тебе каска и с ремнем?

- Да вот, малыш, когда полезу в горящий дом, да если упадет чего на голову — так каска спасет меня.

- Тьфу ты, а я думал, чтоб морда не треснула.

Поверхностное понимание этого текста — насмешка мальчика над толстым пожарником. В этом смысле перед нами — анекдот-ловушка. Аналогичные реакции вызывают комментарии, которые описаны В.В.Дементьевым (2000): *"Ты что-то сказал?" — "Нет…" — "А мне послышалось "спасибо"… Прислышится же такое…".* Но в данном тексте англичанам непонятна лингвокультурная пресуппозиция: пожарник — это человек, который все время спит на службе, поэтому у него распухшая физиономия, которую нужно ремешком перевязывать, чтобы она не треснула. Мальчик во многих русских анекдотах — это провокатор-трикстер, который неизбежно ставит в тупик взрослого. В наиболее рельефной форме эта функция выражена в серии анекдотов про Вовочку (многие из этих анекдотов являются грубыми).

Результаты нашего экспериментального анализа восприятия анекдотов показали, что признак "грубость" не фигурировал в ответах респондентов как с английской стороны, так и с русской (впрочем, откровенно скабрезные анекдоты нами не рассматривались, хотя для проведения объективного исследования в

специальной работе их следует также принимать во внимание). Целый ряд английских анекдотов был воспринят русскими респондентами как предельно пресные. У англичан такая же реакция прослеживается на изысканные анекдоты стран Юго-Восточной Азии:

Приказал обезьяний царь достать ему с неба луну. Придворные прыгали с высокой скалы, разбивались, и, наконец, самый ловкий из них сумел допрыгнуть до луны и принес ее своему повелителю. Передавая луну царю, придворный спросил: "О великий царь, осмелюсь спросить, зачем тебе луна?" Царь задумался: "В самом деле, зачем?.."

Такие анекдоты носят философский характер, заставляют задуматься о жизни, возможно, с улыбкой, но их вряд ли можно отнести к спонтанно возникающим шуткам.

Английские респонденты оказались в затруднении при попытке понять анекдот, в котором фигурирует весьма специфическая для русского языкового сознания ценность:

Объявление в украинской газете: "Меняю ковер 3х4 м на кусок сала такого же размера".

В сознании русских сало — любимая пища украинцев, анекдот содержит очевидную гиперболу. При этом в качестве мерила ценности выступает ковер, который в наших квартирах часто вешали на стену как украшение и который рассматривался как ценная инвестиция. В английском нет однословного и однозначного перевода русской реалии "сало", есть слова, означающие жир, топленый жир, англичанам непонятна гипербола в размерах необъятного куска сала, наконец, они воспринимают ковры только как удобное напольное покрытие, а вовсе не как предмет искусства или демонстрацию благосостояния. Англичане также не могут понять специфического подтрунивания русских над украинцами и наоборот, хотя аналогичные отношения имеют место между англичанами и шотландцами, англичанами и ирландцами и т.д. Элементы взаимного непонимания в межкультурном контакте, представленные в карикатурной анекдотической форме, являются, по-видимому, этнокультурной универсалией, но качества другого народа, подлежащие осмеянию, специфичны. Интересны попытки обыденного объяснения такого положения дел применительно к фризам в Германии: над жителями этой области на границе Германии и Голландии традиционно посмеиваются, подчеркивая их интеллектуальную несостоятельность. В современной Германии, однако, бытует мнение, что такое отношение к фризам является реакцией на то обстоятельство, что во времена фашизма эти граждане Германии по своим внешним данным считались образцами арийцев. На самом деле шутки о фризах были распространены и раньше: юмор на этническую тему строится на древних глубинных предубеждениях. Англичане не смогли понять характерный анекдот о межкультурном непонимании между русскими и украинцами:

Мыкола, ты знаешь, как москали наше пыво называют? Пиииво! Повбывав бы!

Попытка перевести этот анекдот на английский (и любой другой иностранный язык) обречена на провал: здесь и фонетические особенности речи украинцев, и имитация этой речи русскими, и особая интонация. Но даже при полном объяснении или моделировании искусственных аналогичных фонетических искажений в английском (например, вместо *beer* — *bir*, вместо *kill* — *kell*) респонденты не смогли понять главного: абсолютно немотивированной причины национальной неприязни, а именно этот момент и высмеивается. Отсутствие причины для расправы анекдотически преломляется и в других русских анекдотах, странных для англичан:

Жена: За что ж ты меня ударил, я же ничего не сделала!

Муж: Было бы за что, вообще бы убил.

Пресуппозиция о праве мужа ударить жену кажется англичанам странной, хотя в большом количестве анекдотов о теще подобная пресуппозиция не вызывает вопросов. Англичанам в принципе непонятно немотивированное действие: сталкиваясь с миром, в котором в принципе нет причинно-следственных отношений и который русскими именно поэтому воспринимается как веселый, англичане испытывают своеобразный когнитивный дискомфорт. Отсюда вытекает вывод об упорядоченности мира как ценности в англоязычном сознании.

Такого рода анекдоты резко контрастируют с шутками, преувеличивающими и карикатурно представляющими определенные человеческие качества. В нашем корпусе примеров есть юмористическая миниатюра на тему "радиоперехват":

Actual radio conversation released by the Chief of Naval Operations (so it says)

Hail: Please divert your course 15 degrees to the North to avoid a collision.

Reply: Recommend you divert YOUR course 15 degrees to the South to avoid a collision.

Hail: This is the Captain of a U.S. Navy Ship. I say again, divert YOUR course.

Reply: No, I say again, you divert YOUR course.

Hail: THIS IS THE AIRCRAFT CARRIER ENTERPRISE. WE ARE A LARGE WARSHIP OF THE U.S. NAVY. DIVERT YOUR COURSE NOW!

Reply: This is the lighthouse...your call.

Радиозапись из отчета военно-морского флота.

Запрос: Прошу Вас изменить Ваш курс на 15 градусов к северу, с тем чтобы избежать столкновения.

Ответ: Рекомендую Вам изменить Ваш курс на 15 градусов к югу, с тем чтобы избежать столкновения.

Запрос: Говорит капитан военно-морского флота США. Повторяю, измените Ваш курс.

Ответ: Нет, повторяю, Вы измените Ваш курс.

Запрос: Говорит авианосец "Энтерпрайз". Мы являемся большим военным кораблем флота США. Немедленно измените Ваш курс!

Ответ: Это маяк… Прием!

Этот анекдот не вызвал затруднений у русских респондентов, ситуация нелепого противоборства смешна сама по себе, но для американцев в данном тексте содержится дополнительная информация страноведческого характера, усиливающая юмористический эффект. Данный авианосец — один из наиболее крупных американских военных кораблей, принимавший участие в фактических военных действиях и являющийся символом военной мощи США. Кроме того, в языковом сознании русских понятие "маяк" не обязательно включает признаки крупного сооружения, построенного на высокой скале или острове, в английском языке сама внутренняя форма слова *lighthouse* содержит элемент "дом, здание".

Носители русской культуры не нашли ничего смешного в английской шутке:

Судья предупреждает свидетеля: "Вы понимаете, что Вы дали клятву говорить правду?" – "Да". – "Вы понимаете, что случится, если Вы не будете говорить правду?" – "Конечно," говорит свидетель, – "Мы выиграем процесс".

Эта ситуация в русском языковом сознании представляется самоочевидной, здесь нет внутреннего конфликта, который для английского менталитета состоит в признании высокой значимости концепта "закон", необходимости соблюдения закона, "игры по правилам" (fair play). Разумеется, в англоязычных странах законы нарушаются, но там реализуется иная акцентировка в оценке нарушений закона: на первый план выходит правовое нарушение, а лишь затем — моральное. В русском языке есть пословица *"Не пойман — не вор"*, допускающая двоякое

осмысление: не схвачен в момент преступления, значит, не может быть судим (это оправдание для вора, его насмешка над законом, и в то же время это — горькая констатация того, что человеке, совершивший преступление, т.е. морально виноватый, в первую очередь, не получит по заслугам). В английском действуют более жесткие нормы: *Once a thief — always a thief. — Один раз своровал — уже вор.*

Во многих случаях респонденты оказываются в затруднении при интерпретации шутки, если эта шутка, по их мнению, является жестокой. Иначе говоря, в одной культуре некоторое явление оценивается как комичное, а в другой получает неадекватную, сверхсензитивную оценку (с позиций исходной культуры). Приведем примеры русских анекдотов, которые оказались непонятными для англичан (тексты анекдотов приводятся в их исходном звучании на русском языке):

(1) Едет скорая помощь, а за ней катится голова и бормочет: "Ничего себе, сходил за хлебушком…"

(2) Палач заносит топор над головой осужденного и спрашивает: "Вам как, куском или порезать?"

(3) Идет мужик с топором по улице и говорит: "Тридцать три, тридцать три, тридцать три…" Прохожий его спрашивает: "Ты что считаешь?" Тот его топором по голове: "Тридцать четыре, тридцать четыре, тридцать четыре…"

Поверхностное прочтение этих анекдотов не дает никаких оснований считать их смешными текстами. Вместе с тем в русской аудитории эти шутки вызывают улыбку. Первый анекдот содержит парадоксально выраженную философскую идею о непредсказуемости следующего момента нашей жизни, такое фаталистическое отношение к жизни, принятие абсолютно неожиданных жизненных поворотов и попытка с ними смириться, пусть и с улыбкой, составляет особенность русского менталитета, непонятную для англичан. Нам жаль беднягу, который пошел за хлебушком, и мы моментально ставим себя на его место. Ситуация вызывает не протест, а удивление, в этом и состоит принципиальное отличие ценностных картин мира в английской и русской лингвокультурах.

Отношение к судьбе удивительным образом преломляется и в русских политических шутках, непонятных для англичан:

Заседание в ставке Сталина. Сталин: "Где маршал Блюхер?" — "Расстрелян как враг народа, товарищ Сталин!" — "Где маршал Тухачевский?" — "Расстрелян как враг народа, товарищ Сталин!" — "А где маршал Жуков?" — Я здесь, товарищ Сталин!" — "Молодец!"

Англичане сумели понять, что нет никакой заслуги маршала Жукова в том, что он не был расстрелян. Они знают и о патологической жестокости Сталина. Им непонятно, что в этом тексте смешного. На наш взгляд, Сталин в этом анекдоте персонализирует судьбу, от которой все равно не уйдешь и по отношению к которой надо проявлять открытость, не противоборство, а готовность идти навстречу. В коллективном сознании такое поведение оценивается как положительное. Не случайно тиран доволен таким ответом.

Отметим, что в индивидуальном сознании мы можем столкнуться с отношением, принципиально отличным от данного: *"Если плюнуть в пасть льву, он становится ручным"*. Но такой парадокс не станет общепринятым.

Второй анекдот расценивается английскими респондентами как грубый. Такой брутальный юмор нравится, отметим, не всем носителям русской культуры, это шутка на грани балаганного шутовства; говорящий не столько стремится развеселить слушателя, сколько шутит для собственного удовольствия. Этот вид юмора граничит с насмешливо-агрессивным поведением: говорящий, возможно,

испытывает своего собеседника на готовность подстраиваться на избираемую говорящим коммуникативную тональность, даже если эта тональность не нравится адресату. В этой связи отметим характерные формулы мальчишеского задиристого коммуникативного поведения: *"Ты что, обиделся? На обиженных воду возят."* (Есть вульгарные варианты продолжения этой формулы.) Возможно, что шутки этого типа были бы приняты в специфической социальной среде в Англии, например, среди представителей уголовного мира, школьников в закрытых учебных заведениях, в армии, но среди наших респондентов таких не было.

Третий анекдот в определенной мере соотносим с первым, поскольку показывает абсолютную незащищенность человека перед судьбой. Отличие этого анекдота состоит в том, что прохожий сам напросился на удар судьбы: если бы человек не проявил активность, топор бы не упал на его голову, и эта мысль кажется представителям русской культуры забавной. Англичане не могут этого понять, поскольку образцы поведения англичан в такой ситуации в корне противоположны образцам поведения русских.

Общая картина типов непонимания русскими респондентами английского юмора является следующей: из предложенных нами переведенных с английского языка на русский шуток в качестве материала для проверки реакции принципиально не доступны интерпретации анекдоты, построенные на игре слов или содержащие реалии британского образа жизни. Анекдоты, базирующиеся на универсальных ценностях, восприняты с полным пониманием. Затруднения у русских респондентов при интерпретации английского юмора сводились к следующим типовым ответам: "пресная шутка", "чужой образ жизни, нас это не волнует", "я понимаю смысл анекдота, но смеха он не вызывает". Весьма частой реакцией респондентов (28%) было удивление: почему английская шутка такая длинная? ("Похоже на рассказ Диккенса"). В русской культуре приняты гораздо более короткие анекдоты. В этой связи, интерпретируя полученные результаты, мы можем сделать вывод, что распределение юмористических текстов, хранящихся как целостные образования в памяти англичан и русских, вероятно, различно: англичане предпочитают ситуативный юмор, они готовы к юмористической ситуации непредсказуемого порядка, они готовы шутить, общаться с улыбкой в той ситуации, когда русские еще не готовы к такой тональности общения. В этой же связи заметим, что и улыбка на лице англичанина появляется в ситуации неопределенности гораздо чаще, чем на лице у жителей России (ср. анализ семиотики улыбки в русском коммуникативном поведении — Стернин, 2000). У англичан есть и короткие шутки, в частности, так называемые knock-knock jokes, но их сфера употребления значительно уже, чем сфера употребления русских анекдотов, которые рассказываются в компаниях как к случаю, это их первичная функция, так и для общего веселья, когда люди рассказывают анекдоты как новости (характерная фраза: *"Слышал новый анекдот?"*). Не случайно в русском языковом сознании есть концепт специфической ситуации рассказывания анекдотов — "травить анекдоты", т.е. в компании рассказывать анекдот за анекдотом вне всякой связи с ситуацией. Это может быть общение в купе поезда, при встрече хорошо знакомых и малознакомых людей. Иначе говоря, анекдот в русском коммуникативном поведении является ключом переключения тональности из серьезной в смешную. Можно сказать, что для многих носителей русской культуры настроенность на смешную тональность именно в серьезной ситуации общения, намеренное переворачивание условий общения, является нормой: на этом приеме построены многие выступления известного сатирика Михаила Задорнова.

Общая картина непонимания англичанами русских анекдотов такова: абсолютно непонятны анекдоты, построенные на игре слов и наших реалиях, вполне понятны шутки универсального характера (как правило, на темы отношений между мужчинами и женщинами, между начальниками и подчиненными, а также ситуации различных ловушек и розыгрышей). Непонятными оказываются анекдоты, связанные с ценностными различиями между русской и английской культурами, например, отношение к концептам "закон", "причинность", "коллективизм". Существенное затруднение вызывают случаи русского черного юмора, англичанам требуется некоторое усилие, чтобы понять комизм ситуации, в которой обыгрываются убийство, насилие, жестокость.

2.6. Импорт концептов

Активное лавинообразное заимствование английских слов и выражений в современном русском языке стало знаком нашей сегодняшней жизни. Заимствования происходят всегда при контакте культур, это объясняется различными причинами: потребностью наименования новых реалий, стремлением к выразительности, языковой игрой, демонстрацией своей принадлежности к особой группе, например, экспертов. Л.П.Крысин отмечает, что "один из наиболее живых и социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи, – процесс активизации употребления иноязычных слов" (Крысин, 2000, с.142). Отношение к английским заимствованиям в современной российской культуре варьирует от резкого осуждения до некритического восторженного принятия.

Известно, что языки различаются по степени иммунитета к чужому слову (есть языки, активно впитывающие любое инородное включение, и языки, сопротивляющиеся этому процессу). Так, в болгарском языке отчетливо прослеживается тенденция использовать собственные ресурсы для наименования явлений (сравним болгарские и русские слова *говорител* и *диктор, вертележка»* и *карусель*), в чешском языке чужие слова приобретают насмешливо-ироническую коннотацию (сравним два слова, характеризующих понятие «театральный»: *divadelni* и *teatralni,* первое – это нейтральная характеристика предметов и явлений, относящихся к театру – divadlo, например, театральная афиша, второе имеет значение «наигранный, неестественный, аффектированный»). Такая чувствительность к заимствованиям объясняется пограничным положением этноса, необходимостью подчеркивания своей идентичности. Это переживание угрозы своему языку имеет исторический характер: в Германии в свое время настойчиво внедрялись в обиход свои германские слова вместо интернационализмов для обозначения телевизора и телефона: *Fernseehapparat, Fernsprecher*, затем наступил период принятия чужого – преимущественно английского – слова, *Tonbandgerät* и *Recorder* стали обозначать разные типы магнитофонов – бобинный и кассетный, наконец, для обозначения мобильного телефона немцы стали использовать английское слово *handy*, у которого в Англии или США такого значения нет.

Английский язык активно впитывает различные заимствования, в текстах масс-медиа чужие слова удивительно быстро проходят этап освоения. В силу сравнительной бедности аффиксальной базы английского языка и для экспрессивного уточнения смысла понятий в английском легко возникают своеобразные аффиксоиды, части заимствованных слов, выделяемые по фонетическому принципу и переосмысливаемые по требованию момента: вспомним *Watergate, Irangate, zippergate* (первое слово – это название места, где произошел известный скандал с подслушиванием политических оппонентов, в результате чего президент США Р.Никсон вынужден был уйти в отставку, второе слово было создано для обозначения политического скандала в связи с незаконной продажей оружия в Иран, третье слово возникло на базе окказионального аффиксоида *–gate* со значением «политический скандал» как родового признака и уточняющего компонента в качестве видового признака, в данном случае это *zipper* — молния на брюках, имеется в виду скандальное разоблачение президента Б.Клинтона).

Англицизмы и американизмы в русском языке существуют давно, наиболее освоенной территорией для таких слов стал спорт, слова *футбол, баскетбол, волейбол* активно внедрились в языковое сознание всего населения, спортивные комментаторы часто использовали более специфические термины (*форвард,*

голкипер, рефери), но *нападающий* постепенно вытеснил *форварда*, и англицизм остался стилистическим резервным обозначением для соответствующего понятия. В современном русском англицизмы постоянно используются в компьютерном дискурсе, т.е. в речи специалистов по компьютерам и в общении тех, кто пользуется этим прибором (*монитор, драйвер, флоппи*). Политическая и экономическая сферы также стали ареной активного использования английских слов, при этом англицизмы используются вследствие однословности и экспрессивности (сравним неудобопроизносимое по-русски, но однословное обозначение *инаугурация* и *торжественное вступление в должность высшего государственного должностного лица.* Имеющиеся слова *коронация, венчание* или близкое по смыслу *воцарение* не годятся по политическим соображениям, латинский окказионализм *импрезиденция* (по аналогии с термином *интронизация*) труден для тех, кто не знает латыни, кроме того, латинский префикс *in-* многозначен (сравним *имперфект*). Главное, однако, состоит в том, что инаугурация президента России по своей сути, как это подчеркивается самим словом, не отличается от соответствующей процедуры в США, молчаливо признаваемой в качестве образца. Речь идет о внедрении в иную культуру концепта — ментального образования, опирающегося на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании.

В данной работе рассматриваются типы английских и американских концептов, внедряемых в русское языковое сознание, и реакция носителей русской культуры на эти процессы. В качестве критериев классификации этих концептов положены признаки формальности, наличия ценностного компонента, разновидности этого компонента и ценностной специфики. В лингвистическом аспекте определить чужие концепты можно лишь отталкиваясь от их вербальных проявлений. Таким образом, предполагается, что за английскими словами в русском языке либо скрываются специфические англоязычные концепты, либо нет; если такие концепты можно установить, т.е. можно отметить их ценностную значимость, то предлагается противопоставить общеоценочные и частнооценочные концепты. Общеоценочные чужие концепты паразитарны по своей сути – не важно, почему чужое лучше, чем свое, оно чужое, и поэтому уже лучшее. Паразитарные концепты не меняют ценностных содержательных ориентиров в сознании людей. Частнооценочные концепты дают возможность прийти к определенным объяснениям, которые в той или иной степени модифицируют всю сетку оценочных отношений в языковом сознании. Приведем аналогию: если я говорю, что NN – плохой человек (общеоценочная характеристика), я высказываю свое мнение и не раскрываю соотношение ценностей, на основании которых выносится оценка; но если я утверждаю, что NN – трус (частнооценочная характеристика), то помимо высказывания своего мнения я называю качества, подлежащие оценке и допускающие формулировку в кодексе ценностей (трус – это тот, кто не может контролировать свой страх, а страх следует контролировать).

К первому типу рассматриваемых единиц можно отнести нулевые, или пустые концепты. Они проявляются как английские варваризмы, используемые в речи на русском языке вместо русских слов без смысловой дифференциации. Например, *фейсом об тейбл,* игровое замещение русских слов *лицо* и *стол.* Такие концепты проявляются в речи людей, часто говорящих по-английски — преподавателей английского языка, эмигрантов, переехавших в США и Канаду, студентов и школьников, изучающих английский. Весьма часто люди, использующие макаронический стиль смешения языков, оставляют английские корни слов и добавляют русские аффиксы, тонко дифференцирующие отношение к предметам: *чилдренята — children, виндовочка — window, заспикать — speak.*

Второй тип составляют квази-концепты, обозначающие реалии, заимствуемые из английской и американской культуры. По своей сути такие концепты составляют ядро обычных заимствований. Зачем придумывать обозначения на русском языке для приборов типа *сканер* и *принтер* или для нового вида спорта *винд-серфинг*? Концептами в строгом смысле слова назвать ментальные образования, стоящие за данными словами, весьма трудно – здесь вряд ли можно найти ценностные или этнокультурные признаки. Некоторые концепты внедряются в специальные сферы общения благодаря тому обстоятельству, что они однословно выражаются в другом языке, например, *deadline – 1) a time limit for the completion of an activity etc.; 2) hist. a line beyond which prisoners were not allowed to go* (COD); это слово часто используется в нашей академической среде для обозначения крайнего срока подачи документов, статей, заявок на участие в конференции и т.д. Носители русской лингвокультуры воспринимают внутреннюю форму приведенного слова как метафору, вместе с тем история этого концепта, отраженная во втором значении данного слова (когда-то оно было первым), свидетельствует о неметафорическом исходном смысле этого концепта для заключенных.

Третий тип можно было бы назвать паразитарные концепты, к ним относятся те мыслительные образования, которые обозначаются английскими словами с целью сделать вид, что рекламируемые явления, для которых в русском языке есть свои обозначения, имеют нечто особое, отличающееся от наших обычных предметов, явлений, событий. Типичным примером являются магазины «Сэконд хэнд» — second hand – товары, бывшие в употреблении. Впрочем, определенное сужение значения этого словосочетания имеет место – в этих магазинах продается только бывшая в употреблении одежда (точнее, одежда на вес) в отличие от наших комиссионных магазинов.

В аэропортах функционируют службы безопасности, осуществляющие досмотр багажа пассажиров. В московском аэропорту Домодедово после прохождения такого досмотра пассажиры получают посадочный талон, на котором стоит штамп: ЗАО “Ист лайн авиэйшн секьюрити”. Этот текст явно предназначен для российских авиапассажиров, иначе бы можно было дать английские слова в их латинском написании. Предполагается, по-видимому, также, что адресаты данного текста должны знать значения соответствующих слов. Почему закрытое акционерное общество «Служба безопасности восточных авиалиний» использует для самоназвания английские слова в их русской транслитерации? Дополнительный общеоценочный смысл, который вкладывается в название службы безопасности, состоит, на мой взгляд, в том, что эта служба во всех отношениях якобы похожа на соответствующие службы в англоязычном мире, т.е. отличается эффективностью, вежливостью и другими характеристиками, традиционно приписываемыми таким ведомствам. Паразитарные концепты сходны с нулевыми, но отличаются от последних претензией на дополнительный смысл.

Четвертый тип составляют чужие частнооценочные концепты, т.е. чужие концепты в полном смысле слова, фиксирующие ценности иной культуры. Эти концепты выделяют те смысловые объекты, которых в нашей культуре нет, и в этом отношении имеется определенное сходство между квази-концептами и чужими концептами. Например, в экономике и политике возникла необходимость выделить и обозначить такие явления, как *спонсор, менеджер, дилер, импичмент*. Так, спонсор – это физическое или юридическое лицо, оказывающее финансовую поддержку кому-либо в обмен на рекламу своей деятельности, продукции и т.п. (БТС). Оказание финансовой поддержки чужому человеку или группе людей подразумевает, что те, кому оказывается такая поддержка, зависят от спонсора. Такая зависимость отличается от отношений между работодателем и работником:

спонсор оказывает благодеяние, а работодатель действует на основе экономических интересов. Вместе с тем благодеяние спонсора не является бескорыстным, и здесь возникает противоречие между концептами «бесплатное и бескорыстное – бесплатное и небескорыстное благодеяние». Эти концепты находят воплощение в целом ряде слов, например, *подарок* и *презент, меценат* и *спонсор.* В русской лингвокультуре скрываемые корыстные отношения осуждаются, не случайно слово *спонсор* часто эвфемистически используется для обозначения богатого содержателя женщины. Тем не менее активное использование слова *спонсор* на телевидении с положительной коннотацией внедряет в языковое сознание идею о том, что оказание финансовой поддержки в обмен на рекламу есть благо. Обратим внимание на то, что в отличие от мецената, оказывающего бескорыстную помощь искусству и науке, спонсор может направить свои финансовые средства не только в эти области.

У слов, выражающих эти концепты, нет прямых коррелятов в русском языке. С чисто языковой стороны дела, можно спорить о том, насколько эти слова соответствуют фонетическим нормам русского языка. На мой взгляд, английские заимствования на латинской основе легче вписываются в систему русского словаря, в то время как выражения типа *ноу-хау* — *know how* — совокупность технических знаний, навыков, коммерческих тайн и т.п., необходимых для производства и реализации какой-л. продукции (БТС) – отторгаются русской фонетической и морфологической системами. Аналогично в русском языке с трудом приживаются и заимствования из китайского языка.

Главное отличие чужих концептов – это установление ценностных отношений, свойственных иной, в нашем случае английской либо американской, культуре. Эти отношения, нормы поведения могут быть выражены в чистом виде, например, в английском слове *fair – free from injustice, dishonesty, or self-interest* (LDELC), *fair play – playing according to the rules of a game* (LDELC). Идея честной игры как игры по правилам выдвигает на передний план важность договоренности и соблюдения этой договоренности. Этот концепт не имеет языкового выражения в русском языке, мы знаем, что в состязании возможны ситуации, когда победа достигается с помощью хитрости, а хитрость и честность в русском коллективном сознании несовместимы. И в немецкой лингвокультуре такой концепт отсутствует, по-немецки говорят в таком случае, используя немецкий отрицательный аффикс: *Das ist **un**fair*. Соответственно словосочетание *честный бизнес* в русской лингвокультуре воспринимается как оксюморон. Русский концепт честности связан со справедливостью, имеющей универсальную значимость. «Противопоставление справедливости и законности, которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно» (Левонтина, Шмелев, 2000, с.281). В русском языковом сознании справедливость – это высшая справедливость, моральная, а не юридически закрепленная норма. В основе юридических норм, несомненно, лежат нормы нравственности, но, во-первых, лишь часть моральных норм закрепляется в юридических кодексах, во-вторых, юридические кодексы могут содержать нормы, противоречащие интуитивно понимаемым законам высшей справедливости, в-третьих, не все моральные нормы вербализуются, а юридические нормы вербализованы всегда, и их интерпретация может казуистически поменять добро и зло. Таким образом, концепт 'закон' в его юридической англоязычной формулировке (*law — a rule enacted or customary in a community and recognized as enjoining or prohibiting certain actions and enforced by the imposition of penalties* (COD)) содержит ассоциации, чуждые носителям русской культуры. Именно поэтому американцы эмоционально восклицают: *“It’s illegal!”,* сталкиваясь, например, с ситуацией, когда их друзья в России совершают определенные нарушения закона, в частности, пользуются

пиратскими компьютерными дисками или видеокассетами. Люди, живущие в России, искренне не понимают, почему так волнуются их американские гости, ведь нарушается буква закона, а не принцип справедливости. Американцам не понятен мягкий юмор объявления в ларьке: *«Компьютерные диски – лицензионные и обычные».*

Понятие *fair play* является одним из ключевых в английской национальной ментальности, отмечает М.В.Цветкова (2001, с.87). Культурогенный потенциал этого концепта в английской лингвокультуре выражается в том, что «игра по правилам» подчеркивает роль спорта в жизни джентльмена, важность соблюдения спортивной этики, незыблемость устного джентльменского соглашения, подведение идеи честной игры под требования здравого смысла, соблюдение равновесия и ответственность сильного за слабого, а также благотворительность (*charity*). Соглашаясь с принципом органической взаимосвязи ценностных характеристик перечисленных концептов, я хотел бы подчеркнуть, что нормы джентльменского поведения очень красивы, они являются логическим развитием норм рыцарского поведения, но отличаются тем же самым ограничением, какое свойственно рыцарскому кодексу: эти нормы распространяются только на своих, только на тех, кто попадает априори под понятие «джентльмен». По отношению к простолюдинам, слугам и туземцам джентльмены могли себя вести (и вели) иначе.

Другим примером ценностного концепта, доминантного в поведении современной российской молодежи, является ментальное образование, выражаемое прежде всего словом *крутой.* Это слово не совсем точно определяется в словаре как «(жарг.) чрезвычайный, крайний в проявлениях своих свойств, качеств, взглядов и т.п. (БТС)». Данная дефиниция определяет расширительное значение этого слова, которое в его исходном жаргонном смысле соответствует спектру значений английского прилагательного *tough:*

1 hard to break, cut, tear, or chew; durable; strong.

2 (of a person) able to endure hardship; hardy.

3 unyielding, stubborn, difficult (it was a tough job; a tough customer).

4 *colloq*. a acting sternly; hard (get tough with). b (of circumstances, luck, etc.) severe, unpleasant, hard, unjust.

5 *colloq*. criminal or violent (tough guys) (COD).

В переводе этого слова на русский язык фигурируют признаки «крепкий; плотный; прочный; выносливый; жёсткий; упрямый; несговорчивый». Человек, характеризуемый этим словом, соответствует образу супермена из фильма-боевика: он не сдается, презирает препятствия, проявляет максимальное упорство в достижении цели, сурово и надменно смотрит на противников, т.е. является образцом мужественного самоконтроля, как популярные киногерои Рэмбо или Джеймс Бонд, или Терминатор. При этом в его поведении нет героизма, решимости помочь другим, жертвенности, открытого проявления своих чувств, но есть спортивный азарт, состязание с противником – людьми или стихией. Не случайно его действия находятся по ту сторону добра и зла, логика поведения такого супермена неизбежно ведет его к преступлениям. Восхищение тем, кто является потенциальным преступником, внутреннее оправдание такого человека – классического пирата или вершителя судеб на "диком" Западе – совпало с общей криминализацией современной жизни в России. У рассматриваемого концепта есть выражение, еще не освоенное русской лингвокультурой и проявляемое в английском слове *cool — calmly audacious (a cool customer)* (COD), сочетание дерзости, т.е. готовности нарушить запреты, и спокойствия, т.е. эмоционального самоконтроля. Другая точка зрения по поводу развития концепта, выражаемого словом *крутой,* приводится В.Н.Шапошниковым

(1998, с.217–219). Автор полагает, что о заимствовании концепта здесь говорить неправомерно, эти концепты в сравниваемых языках развивались параллельно.

В русском языке появилось слово *киллер* — наемный убийца. В английском языке в содержании понятия «убийство» — *murder* — наличествует ряд юридически значимых признаков (незаконное умышленное убийство человека), соответственно, принципиально различаются *killer* и *murderer*, в первом случае речь может идти о случайном убийстве, во втором – только о преступлении. В заимствованном слове *киллер* закодирован своеобразный иммунитет против моральной оценки: это работа, выполняемая за плату. В русском блатном жаргоне существует достаточно дробная дифференциация специальностей преступников: *медвежатники* вскрывают сейфы, *малинники* грабят учреждения или заведения, но не квартиры (на квартирах специализируются *домушники*), "*скрипачи*" совершают кражи из женских сумочек и т.д., но специальное обозначение для наемного убийцы взято из английского, хотя ресурсы русского языка бездонны. Можно понять причину английского заимствования *баблгамщик* — нелегальный торговец жевательной резинкой, получаемой от иностранцев в 60–80-е годы, поскольку сам предмет (bubble-gum) отсутствовал в СССР. Что же касается слова *киллер,* то оно апеллирует к новому концепту в коллективном языковом сознании современной России.

Весьма интересен новый чужой концепт – *пиар,* транслитерируемый как *паблик рилейшнз.* Public relations — *the professional maintenance of a favourable public image, esp. by a company, famous person, etc.* (COD). Профессионально организуемое поддержание благоприятного общественного имиджа компании либо известного человека нарушает сложившиеся в нашем обществе стереотипы поведения. Имидж – это знаковый заменитель, отражающий основные черты сложного и углубленного портрета человека (Почепцов, 2000, с.12). Пиарщики через средства массовой информации подчеркивают определенные детали поведения освещаемых людей с целью выработки у населения устойчивых навыков восприятия соответствующих людей. Искренняя улыбка лидера, его рукопожатия с простыми людьми, его озабоченное лицо во время встречи с посетителями, пришедшими к нему со своими проблемами, эти и другие регулярно повторяемые видеокадры формируют у зрителей доверие к соответствующему деятелю как политическому знаку. Такими способами работники средств массовой информации пользовались всегда, в любую эпоху. В наше время высокая степень формальности в демонстрации хорошего отношения нарушает традиционную меру искренности в общении. Степень эмоциональной вовлеченности в традиционном русском общении является более высокой, чем в англоязычных странах, где принято контролировать свои эмоции. Эмоциональный самоконтроль ассоциируется с недостаточной искренностью. Принесение искренности в жертву успешности общения и поддержания приятного коммуникативного климата меняет фундаментальные ценностные доминанты в общении. Критическое отношение к этому новому концепту допустимой фальши в чувствах мы видим в следующем анекдоте:

Отец приходит домой: «Вот тебе, сынок, мороженое». – «Папа, ты это на самом деле или это пиар?»

Не следует думать, однако, что новые концепты, импортируемые из английской и американской лингвокультуры, представляют собой только негативные ценности, антиценности. Заслуживает внимания новый концепт, активно внедряющийся в современное сознание жителей России, — приватность (privacy). В исследовании О.Г.Прохвачевой отмечается, что «приватность как осознание человеком своей личной сферы в противоположность общественной является культурным концептом, моделируемым в качестве обобщенной ситуации,

участники которой стремятся сохранить от несанкционированного вторжения свое личное пространство» (Прохвачева, 2000, с.3). Приватность – это одна из сторон суверенитета личности. Экспериментальное изучение этого концепта, по данным социолингвистического анкетирования, позволило выявить список тем, табуированных в американской лингвокультуре (интимные и личные взаимоотношения, деньги, политика, вредные привычки, здоровье, религия, этническая принадлежность). Эти темы квалифицируются как невозможные при общении с незнакомыми людьми. Респонденты, как показало исследование, считают оскорбительным распространять личную информацию о других людях, а также не соблюдать нормы проксемного поведения – прикасаться к чужому человеку, использовать его посуду, дышать ему в лицо. В русской лингвокультуре вопросы типа *«Сколько вы зарабатываете?», «За кого Вы голосовали?», «Верующий ли Вы человек?»* обычно не вызывают протеста со стороны адресата, но ситуация последнее время меняется.

Можно выделить такие концепты, которые на данном этапе межкультурного общения еще не внедрились в систему ценностей нашего общества. К числу таких концептов относится, на мой взгляд, диффамация – распространение сведений, порочащих кого-л. (БТС). Дефиниции в Большом толковом словаре русского языка и в Англо-русском юридическом словаре (*defamation – клевета*) не совсем полно раскрывают значение этого слова и, соответственно, стоящий за этим словом концепт. Обратимся к английской энциклопедии: ***Defamation**, the act of damaging the reputation of another by means of false and calumnious communications that expose that person to contempt, ridicule, hatred, or social ostracism. In the common law, defamation in writing is classified as libel, and oral defamation as slander* (Encarta). Диффамация – это нанесение ущерба репутации кого-либо путем ложных или клеветнических высказываний, характеризующих этого человека как заслуживающего презрения, насмешки, ненависти или остракизма (изгнания из общества). В британском и американском праве разграничивается письменная и устная клевета (распространение заведомо ложных обвинений, позорящих кого-либо). В юридической практике клевета – это приписывание кому-либо противозаконного действия, и в этом состоит отличие клеветы от оскорбления, т.е. нанесения обиды, унижения, несправедливого, незаслуженного причинения огорчения. Клевета – это приписывание кому-либо определенного факта (*Он украл у меня часы*), оскорбление – оценочная нефактуальная квалификация (*Он – вор*). К судебной ответственности человек может быть привлечен только по факту совершения противоправного действия. В американском праве письменная клевета (libel) обычно касается известных лиц и организаций, ответчиками, как правило, выступают средства массовой информации, потерпевшая сторона определяет моральный и материальный ущерб и требует его компенсации. Устная клевета (slander) касается трех основных сфер: обвинения в совершении преступления, распространения ложной информации о том, что кто-либо страдает опасной для общества болезнью, либо распространения ложных сведений, наносящих вред индивидууму в его профессиональной деятельности — *Statements considered slanderous include those that impute the commission of a felony, that impute an individual to be suffering from an offensive disease, or that are injurious to an individual in his or her trade or profession* (Encarta).

Сравним эти нормы с нормами, зафиксированными в Уголовном кодексе Российской Федерации (1996):

Статья 129. Клевета

1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, -

наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

2. Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, -

наказывается штрафом в размере от ста до двухсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до двух месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев.

3. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, -

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Статья 130. Оскорбление

1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, -

наказывается штрафом в размере до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок до ста двадцати часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев.

2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, -

наказывается штрафом в размере до двухсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух месяцев, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

Можно отметить значительное сходство в диспозициональной части статей, касающихся преступлений против свободы, чести и достоинства личности в современной России и США. Однако в приведенных выше текстах англоязычного права та часть закона, в которой сформулированы основные признаки преступления, является более детальной. Конкретные характеристики клеветы, зафиксированные в диспозициях соответствующих англоязычных правовых документов, дают индивидууму возможность более успешно отстаивать свои права. Следует отметить, что степень абстрактности или конкретности юридических норм – величина относительная, есть определенная традиция, есть комментарии к нормам закона, есть и здравый смысл, который позволяет юристам в конкретных ситуациях интерпретировать закон определенным образом. Лингвистически релевантной при сопоставлении рассматриваемых юридических норм является зависимость языка юриспруденции от языка повседневного общения. Специфика английской лексики, состоящая в значительном числе разнокорневых обозначений близких сущностей, приводит к необходимости смыслового уточнения этих обозначений и выделению тех отличительных признаков, которые в специальном дискурсе приобретают терминологический характер и ведут к определенным действиям посредством слова, к действиям в сфере культуры, оказывающим влияние на формирование национально-специфической ценностной картины мира.

Внедрение концепта диффамации в русскую лингвокультуру позволит изменить существующее положение вещей, при котором «важнейшие отличия обиходного представления концепта «закон» в английском языковом сознании заключаются в понимании закона как гаранта свободы, в русском языковом сознании – как предела, ограничителя свободы» (Палашевская, 2001, с.3).

В содержательном плане концепты можно разделить на ментальные оценочные репрезентации предметов, действий, событий и качеств. Имеется в виду не опора на соответствующие языковые единицы (существительные, глаголы и прилагательные), а когнитивно-оценочная характеристика определенных представлений, закрепленных в нашем сознании. Например, действия – это стереотипы речевого и неречевого поведения. Иллюстрацией может послужить восклицание: *«Я сделал это!»* — буквальный перевод с английского *«I did it!»* Права Н.Зимянина, считающая что в русском языке такая фраза ассоциируется с определенным эвфемизмом, прикрывающим спектр вульгарных ассоциаций (Горбаневский и др., 1999, с.200). Концепты-качества в наибольшей степени выражают оценочные признаки, и поэтому их роль в перестройке всей концептуальной системы той или иной культуры является ведущей. Именно концепты-качества осмысливаются как понятия в различных областях знания, хотя качественные характеристики можно вывести и при анализе предметных и событийных концептов. Концепты-качества составляют смысловое ядро картины мира и ценностной системы определенного человеческого сообщества. В этом смысловом ядре можно установить культурные доминанты, т.е. концепты особого порядка, культурогенные концепты. С точки зрения лингвокультурологии эти концепты и определяют идентичность социальной группы или народа в целом.

Отношение носителей культуры к концептам в оценочном плане распадается на осознание и неосознание, а в случае осознания – на одобрение, безразличие и неприятие. С позиций сохранения своей идентичности, естественным следует признать то состояние, когда чужие концепты в большей степени вызывают неприятие и безразличие, чем одобрение. Неприятие чужих концептов может выражаться широким спектром отношений – активное противоборство, высмеивание, мягкий юмор, игнорирование.

Примером активного противоборства с чужим концептом может послужить история столкновения концептов «интернационализм – космополитизм», тождественных по своей сути, но принципиально отличающихся по признаку «свой – чужой», так же как противопоставляются понятия «разведчик» и «шпион». Детальная характеристика государственного директивного неприятия концепта «космополитизм» приводится Ю.С.Степановым (1997, с.487–493). На мой взгляд, отношение к английским и американским концептам в современной русской культуре не является враждебным (наверное, о враждебном отношении можно говорить только в условиях войны, в том числе и холодной войны; во время Великой отечественной войны в советской публицистике слово *Орднунг* использовалось как резко отрицательная характеристика понятия «немецкий порядок» в ассоциативном ряду с понятиями «оккупация», «насилие», «враг»). По отношению к английским и американским концептам мы сталкиваемся сегодня с мягкой критикой в форме анекдотов, шуток, пародий, причем часто высмеиваются не сами концепты, а неуместное заимствование, пустые и паразитарные концепты.

Примеры языковой игры: «*Леди с дилижанса – пони легче*» (на фоне поговорки «*Баба с возу – кобыле легче*»). Интересны случаи межъязыковых каламбуров: «*Наш последний и решительный boy*» — ироническая характеристика молодого человека, обыгрывание известного прецедентного текста. Иронически

обыгрывается речеповеденческая формула: «*Это ваши проблемы*» — «*It's your problem*» — эвфемистическое выражение отрицательного ответа на прямую или косвенную просьбу о помощи.

В журналистике обыгрывание заимствований представлено наиболее ярко. Необычное слово экспрессивно, оно привлекает внимание читателя или слушателя, и поэтому поиск таких выражений становится одним из приоритетов у тех, кто формирует общественное мнение через средства массовой информации. Под заголовком «Саддамит» опубликована информация о встрече вице-президента Ирака с руководителями России. Имя иракского президента Саддама Хусейна оказалось телескопически вмонтированным в слово *саммит* — встреча на высшем уровне. Английское *summit – 1) the highest point or part of a mountain or hill; 2) the highest possible degree or state; peak or climax; 3) a meeting of heads of governments or other high officials* (Collins) – уже не воспринимается как необычное и требует экспрессивного расцвечивания. Заметим, что в приведенном примере возникает еще одна фонетическая ассоциация – содомит.

Статья, посвященная распространению религии через интернет, названа *«Интернет акбар!».* Прецедентная фраза в мусульманском каноне *«Аллах акбар!» — «Велик аллах!»* – вызывает в современной России не самые лучшие ассоциации в связи с тем, что войны в Афганистане и Чечне сформировали у многих жителей нашей страны настороженное отношение к этой религии. Известно, что арабские террористы с этим возгласом осуществляют взрывы. Столкновение приведенных заимствований в заголовке пародирует тональность мусульманского вероучения и тем самым противоречит не только нормам политкорректности и религиозной толерантности, но и здравому смыслу в стране, где мусульмане составляют вторую по численности конфессиональную группу.

Примером пародирования неуместных англоязычных заимствований является ироническое стихотворение Александра Левина "В зеркале прессы":

В огромном супермаркере Борису Нелокаичу
показывали вайзоры, кондомеры, гарпункели,
потрясные блин-глюкены, отличные фуфлоеры,
а также джинсы с тоником, хай-фай и почечуй.
Показывали блееры, вылазеры и плюеры,
сосисэджи, сарделинги, потаты и моркоуфели,
пластмассерные блюдинги, рисованные гномиксы,
хухоумы, мумаузы, пятьсот сортов яиц.
Борису Нелокаичу показывали мойкеры,
ухватистые шайкеры, захватистые дюдеры,
компотеры, плей-бодеры, люлякеры-кебаберы,
горячие собакеры, холодный банкен-бир.
Показывали разные девайсы и бутлегеры,
кинсайзы, голопоптеры, невспейпоры и прочее.
И Борис Нелокаевич поклялся, что на родине
такой же цукермаркерет народу возведет!
(Даугава, 1990, №10. С.26.)

Этот текст достаточно прост по содержанию: Президенту России во время его визита на Запад демонстрируют изобилие различных товаров в универсальном магазине. В координативном ряду фигурируют 33 вида продуктов, многие из которых перечисляются без определений, при этом сами объекты обозначены как англоязычные заимствования либо варваризмы. Комический эффект возникает за счет следующих моментов: 1) наименования объектов соотносятся с разговорной и сниженной русской лексикой, хотя фонетически вроде бы вписываются в звучание английских слов (*блин-глюкен* — сочетание эвфемистически-

вульгарного междометия и видоизмененного жаргонного слова, обозначающего наркотические галлюцинации либо — у компьютерщиков — необъяснимые явления; *фуфлоеры, мойкеры, шайкеры* и др. — русские корни жаргонных либо обыденных слов соединяются с агентивным продуктивным суффиксом; 2) в тексте дана транслитерация английских слов русскими буквами (*вайзоры, кинсайзы, девайсы* и *бутлегеры* — но в одном ряду идут слова, по-английски означающие товары, — прозрачные козырьки, сигареты определенного стандарта, всякие устройства — и самогонщиков), при этом известное многим слово *газета* — *newspaper* — приводится с намеренным сильным искажением произношения; 3) возникает наложение искаженного английского и совершенно иного по значению русского слова — *helicopter* и *голопоптер, компотеры* — *компот* и *компьютер, play board* и *плейбой*, отметим, что для многих, говорящих по-русски, последнее слово ассоциируется не с богатым молодым прожигателем жизни, а с фривольным журналом; 4) дается смешной обратный перевод бутерброда — *hot dog* — *"горячие собакеры";* пива в банке — *"банкен-бир",* в последнем случае возникает ассоциация с немецким языком; 5) мы встречаемся в тексте с авторскими новообразованиями-псевдословами *гарпункели, хухоумы, мумаузы*, эти слова фоносемантически ассоциируются со смешными предметами; 6) в одном ряду идут слова *хай-фай* — *hi-fi* — *high fidelity* (обычно об аудиотехнике высокого качества) и *почечуй* — русское устаревшее народное название геморроя; 7) доводящая до абсурда гиперболизация *"пятьсот сортов яиц",* а также бессмысленное сочетание *"джинсы с тоником"*. Слово *супермаркет* дважды дается искаженно: в первом случае заменяется суффикс, во втором — вместо компонента *супер* мы видим *цукер,* по-немецки *сахар.* Наконец, имя действующего лица приводится в предпоследней строке (в соответствии с ритмом) с ударением на первом слоге, именно так произносят это имя англичане и американцы. В этом стихотворении в игровой форме критикуется как неуместное и безграмотное заимствование слов и концептов в русский язык из английского, так и отсутствие вкуса у журналистов, которые искажают факты (название этого стихотворения "В зеркале прессы"), метафора кривого зеркала многократно подчеркивается искажениями слов.

Таким образом, вовсе не все случаи заимствований английских слов и выражений свидетельствуют о заимствовании связанных с этими словами концептов, существуют паразитарные по отношению к родному языку концепты, они имеют общеоценочный характер и объясняются сегодняшней языковой модой, и, наконец, выделяются чужие концепты, апеллирующие к иной системе ценностей, такие концепты имеют частнооценочный характер. Отношение в современном коллективном русском языковом сознании к чужим концептам, импортируемым из американской и английской лингвокультур, не является отрицательным, критически оценивается отсутствие меры в заимствованиях предметных концептов. Проанализированный материал свидетельствует о том, что правы те филологи, которые считают, что нет оснований для панических прогнозов относительно угрозы существованию русского языка (Литвин, 1998, с.115). Л.П.Крысин справедливо считает, что активизация заимствований избирательна: "на самом деле надо говорить об известной р а с п р е д е л е н н о с т и иноязычных слов – по функциональным стилям и речевым жанрам" (Крысин, 2000, с.158). Вместе с тем языковые эксперты, в роли которых выступают писатели, публицисты, учителя и, разумеется, ученые-филологи, должны привлекать внимание общественности к фактам, свидетельствующим о недостатках вкуса, образования и воспитанности у тех, кто не осознает ценности слова.

Выводы

Осознание того факта, что этнокультурный опыт представляет собой объект лингвистического изучения, закономерно привело филологов к выделению и обоснованию лингвокультурологии как особой области языкознания. В рамках лингвокультурологии выделяются контрастивные и типологические исследования.

Одно из важнейших понятий лингвокультурологии “языковая картина мира” определяется как система отраженных в языковой семантике образов, интерпретирующих опыт народа, говорящего на данном языке. Языковая картина мира является частью ментальной картины мира и в свою очередь может быть разбита на определенные области или представлена в виде аспектов, таких как, например, ценностная, эмотивная или юмористическая языковые картины мира. Принципиально важной для понимания этнокультурной специфики является ***ценностная картина мира*** — часть языковой картины мира, моделируемая в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными, литературными сюжетами.

В языковой картине мира диалектически взаимосвязаны объективные и субъективные моменты отражения мира. Изучение языковой картины мира сориентировано на выявление совпадающих, частично (не)совпадающих и несовпадающих культурных концептов. Языковые картины мира различаются в грамматическом и лексическом отношении, при этом грамматическая специфика языкового картирования мира касается только содержательных грамматических категорий и производна от лексической специфики. Особую роль в изучении языковой картины мира играют фразеологические единицы, паремии, прецедентные тексты. Социально-исторические характеристики жизни народа во многом определяют своеобразие языковой избирательной фиксации мира, в свою очередь, зафиксированный в языке способ видения мира оказывает влияние на активное социально-историческое сознание народа и его ежедневное поведение.

Выделение различных аспектов в языковой картине мира обусловлено как ее онтологическими характеристиками, так и прикладными вопросами учета этих характеристик в педагогической и лексикографической деятельности. К числу онтологических характеристик языковой картины мира можно отнести следующие признаки: 1) наличие **имен концептов**, 2) **неравномерная концептуализация** разных фрагментов действительности в зависимости от их важности для жизни соответствующего этноса, 3) **специфическая комбинаторика** ассоциативных признаков этих концептов, 4) **специфическая квалификация** определенных предметных областей, 5) **специфическая ориентация** этих областей на ту или иную сферу общения.

Категории лингвокультурологии формируются на базе осмысления этносоциокультурных особенностей языкового сознания и речевого поведения носителей той или иной лингвокультуры при ее сопоставлении с другими лингвокультурами. Центральной категорией лингвокультурологии является ***культурный концепт*** — сложное психическое образование, включающее образный, понятийный и ценностный компоненты. Система концептов образует концептосферу языка. С позиций языковой личности правомерно говорить о том, что существуют индивидуальные культурные концепты, а их система образует концептосферу этой языковой личности. С позиций социолингвистического моделирования языковой картины мира на первый план выдвигаются групповые культурные концепты. К важнейшим культурным концептам относятся ***лингвокультурные ценностные доминанты*** — наиболее существенные для данной культуры смыслы, совокупность которых образует определенный тип

культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке.

Типология культурных концептов может быть построена на когнитивных и коммуникативных основаниях. Этнокультурная специфика концепта сводится к его количественным и качественным параметрам, выражающимся в экземплификативной и квалификативной функциях его текстового воплощения. В ряду типов культурных концептов весьма перспективными для изучения представляются ***категориальные культурные концепты***, ***концепты стереотипов поведения***, зафиксированные в семантике разноуровневых языковых единиц, и ***концепты-коды,*** в концентрированном виде представляющие распредмечивание ценностных смыслов.

Этнокультурная концептосфера представляет собой динамическое образование. Одним из факторов изменения концептосферы является импорт концептов. С точки зрения ценностного основания импортируемых концептов, эти единицы могут быть противопоставлены как общеоценочные и частнооценочные, последние обладают генеративным ценностным потенциалом, т.е. способны создавать координаты для новой системы ценностей.

Глава 3. Дискурс

3.1. Определение дискурса

Лингвистика текста активно развивается в нескольких направлениях в соответствии с основными научными парадигмами современного языкознания. Выделяются структурный, коммуникативный и лингвокультурологический подходы к исследованию текста, его характеристик и категорий. Лингвисты подошли к осмыслению текста с нескольких сторон.

С позиций грамматики возникла необходимость систематизировать знания о структурах, выходящих за рамки предложения и высказывания. Изучение проблем сложного синтаксического целого, сверхфразовых единств, макросинтаксиса привело к возникновению грамматики текста. В рамках данного подхода споры ведутся о понимании текста как явления языка либо речи: иначе говоря, можно ли выделить в тексте строевые элементы, соответствующие структурным единицам в уровневой модели языка. Этот подход приобретает значительно большую объяснительную силу с учетом функциональных характеристик языковых единиц.

С позиций стилистики потребовалось обобщить большой теоретический материал, касающийся прежде всего функциональных стилей и интерпретации текста. Основные положения, к которым можно свести теоретическую базу стилистики текста, состоят, по-видимому, в следующем: 1) текст есть результат, а не процесс речи и обычно зафиксирован в письменной форме, 2) текст — это интенциональное произведение автора, обращенное к адресату, 3) существуют различные типы и жанры текстов, 4) существуют фундаментальные характеристики, свойственные всем текстам, — текстовые категории. Исследование текстовых категорий привело к возникновению лингвистики текста как особой области языкознания. Можно посетовать, что весьма удобное для данной дисциплины наименование "текстология" (ср.: "лексикология", "морфология", "фонология") уже давно используется в литературоведении для обозначения области знаний, связанных с установлением точного текста литературных произведений (история создания текста, его атрибуция, датировка и т.д.).

Для лингвистики текста (в отличие от стилистики текста) существенным является вопрос о тексте как процессе, и здесь структурная модель описания

текста как самодостаточного герметичного образования становится недостаточной, возникает необходимость учета обстоятельств общения и характеристик коммуникантов, т.е. требуется переход к коммуникативной модели представления текста. Такой переход осуществляется в следующих направлениях: 1) осваиваются результаты исследований, так или иначе связанных с целым текстом, в прагма-, психо- и социолингвистике, риторике, литературоведении, когнитологии, 2) концептуально и терминологически противопоставляются текст, погруженный в ситуацию реального общения, т.е. дискурс, и текст вне такой ситуации, 3) на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения, 4) исследуются не идеальные, правильно построенные тексты, а текстовые стратегии в их разнообразных реализациях.

Еще более широкий круг вопросов, затрагивающих сущность текста как феномена человеческой культуры, рассматривается при лингвокультурологическом исследовании текста. Корни такого подхода прослеживаются в трудах В. фон Гумбольдта и его последователей, в том числе представителей лингвистической антропологии (Hymes, 1974; Duranti, 1997). Такой подход направлен на освещение особенностей менталитета народа, обусловленных его историей и отраженных в языке, прецедентных текстах (по Ю.Н.Караулову), концептосфере (Д.С.Лихачев), культурных концептах (Ю.С.Степанов). На наш взгляд, важнейшей характеристикой дискурса как феномена культуры являются его ценностные признаки. В коллективном сознании языковых личностей существует неписаный кодекс поведения, в котором при помощи специальных приемов изучения могут быть выделены ценностные доминанты соответствующей культуры как в этическом и утилитарном, так и в эстетическом планах (например, языковой вкус). Если понимать функцию объекта как его место в системе более высокого объекта (по Э.Бенвенисту), то функциональной характеристикой языка является его место в культуре. Соответственно интертекстуальные соотношения целого текста (либо его автономных фрагментов) являются предметом изучения лингвокультурологии. Отсюда, в частности, важность изучения вторичных текстов, аллюзий, типов дискурса.

Речевая деятельность находится в фокусе интересов современного языкознания и смежных с лингвистикой областей знания, прежде всего — психологии, социологии, культурологии. Многие термины, используемые в лингвистике речи, прагмалингвистике, психолингвистике, социолингвистике и лингвокультурологии, трактуются неоднозначно. К их числу несомненно относится такое понятие, как дискурс. Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие "дискурс" стало шире понятия "язык". Показательна статья С.Слембрука "Что значит "анализ дискурса"?" (Slembrouck, 2001), автор которой привлекает для объяснения сущности этого понятия такие области знания, как аналитическую философию в качестве основания лингвопрагматики, стилистику и социальную лингвистику, лингвистическую антропологию, теорию контекстуализации, культурологию, социологию и этнометодологию.

М.Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это – единица языка, превосходящая по объему предложение, 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте, 3) по своей организации дискурс интерактивен, т.е. диалогичен. ("It refers to attempts to study the organisation of language above the sentence or above the clause, and therefore to study larger linguistic units, such as conversational exchanges or written texts. It follows that discourse analysis is also concerned with

language use in social contexts, and in particular with interaction or dialogue between speakers".) (Stubbs, 1983, p.1). Хотелось бы обратить внимание на логическую связку между первым и вторым пунктами в этом классическом определении: изучение языковых образований, превосходящих предложение, подразумевает анализ условий социального контекста.

П.Серио выделяет восемь значений термина "дискурс": 1) эквивалент понятия "речь" (по Ф.Соссюру), т.е. любое конкретное высказывание, 2) единицу, по размерам превосходящую фразу, 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания, 4) беседу как основной тип высказывания, 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позицию (по Э.Бенвенисту), 6) употребление единиц языка, их речевую актуализацию, 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс, 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста (Серио, 1999, с.26-27).

В.Г.Костомаров и Н.Д.Бурвикова противопоставляют дискурсию (процесс развертывания текста в сознании получателя информации) и дискурс (результат восприятия текста, когда воспринимаемый смысл совпадает с замыслом отправителя текста) (Костомаров, Бурвикова, 1999, с.10). Такое понимание соответствует логико-философской традиции, согласно которой противопоставляются дискурсивное и интуитивное знания, т.е. знания, полученные в результате рассуждения и в результате озарения.

Суммируя различные понимания дискурса, М.Л.Макаров показывает основные координаты, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная, ситуативная интерпретации. Формальная интерпретация — это понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Речь идет о сверхфразовом единстве, сложном синтаксическом целом, выражаемом как абзац или кортеж реплик в диалоге, на первый план здесь выдвигается система коннекторов, обеспечивающая целостность этого образования. Функциональная интерпретация в самом широком понимании — это понимание дискурса как использования (употребления) языка, т.е. речи во всех ее разновидностях. Компромиссным (более узким) вариантом функционального понимания дискурса является установление корреляции "текст и предложение" — "дискурс и высказывание", т.е. понимание дискурса как целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. Такая трактовка дискурса встраивается в противопоставление дискурса как процесса и текста как продукта речи либо текста как виртуальной абстрактной сущности и дискурса как актуализации этой сущности (отметим принципиальное единство в понимании дискурса как динамического промежуточного речевого образования в отличие от полярно различных трактовок текста — от предельно абстрактного конструкта до предельно конкретной материальной данности). Контекст как признак дискурса акцентирует внимание исследователей на противопоставлении того, что сказано, и того, что имелось в виду (локуции и иллокуции), а отсюда — на ситуации общения. Ситуативная интерпретация дискурса — это учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования. Закономерно поэтому обращение к дискурсу со стороны многих ученых, разрабатывающих теорию речевых актов, логическую прагматику общения, конверсационный анализ, анализ диалога, лингвистический анализ текста, критический анализ дискурса, проблемы социолингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистики и психолингвистики (Макаров, 1998, с.68–75).

Заслуживает внимания выделение двух типов исследований, посвященных дискурсу, – когнитивно-дискурсивных и коммуникативно-дискурсивных (Данилова, 2001, с.46). Такое противопоставление подходов к дискурсу сводится к известному различию между семантикой и прагматикой знака. Семантика дискурса в таком понимании может трактоваться как совокупность интенций и пропозициональных установок в общении, а прагматика дискурса – как способы выражения соответствующих интенций и установок. В таком случае множественные связи дискурса с другими явлениями, включая связи определенного типа дискурса с другими типами дискурса, представляют собой его синтактику (связь знака с другими знаками). В современной лингвистике в этом смысле обычно используется понятие "интертекстуальность". В известной мере противопоставление между планом интенций и планом их выражения соответствует противопоставлению между внутренним и внешним аспектами деятельности, или между собственно деятельностью и поведением.

В.Е.Чернявская (2001), обобщив различные понимания дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, сводит их к двум основным типам: 1) "конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве", и 2) "совокупность тематически соотнесенных текстов" (Чернявская, 2001, с.14, 16). Эти явления, как можно видеть, подводятся под понятия "дискурс" и "тип дискурса", что в традиционной лингвистике соответствует противопоставлению аллофона и фонемы, алломорфа и морфемы и т.д. Данное противопоставление созвучно выделению текста и сверхтекста, текста и текстотипа. Тип дискурса, как и сверхтекст, – это обобщенное представление о тексте, концепт текста в сознании носителей соответствующей культуры. В этой связи представляется обоснованным выделение в структуре дискурса как когнитивного образования трех компонентов, соответствующих 1) обобщенной модели референтной ситуации, 2) репрезентациям знаний о социальном контексте, с учетом которого осуществляется социальной взаимодействие посредством текстов, 3) лингвистическим знаниям (нарративным схемам построения текста и семантико-синтаксическим структурам) (Руберт, 2001, с.31). Эти стороны дискурса соотносимы с образно-понятийным и поведенческим аспектами языкового знания (поведенческий аспект включает, как предлагает считать цитируемый автор, экстралингвистическую и формально-лингвистическую составляющие). Такая схема соотносима и с типами пресуппозиций, выделяемыми в прагмалингвистике: пресуппозиции о мире, нормах поведения и употреблении языка.

Ситуативное (точнее, культурно-ситуативное) понимание дискурса раскрывается в "Лингвистическом энциклопедическом словаре", где дискурс определяется как "связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, "погруженная в жизнь". Поэтому термин "дискурс", в отличие от термина "текст", не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно" (Арутюнова 1990, с. 136–137). Соглашаясь с тем, что между языком и речью должно быть опосредующее звено, В.Я.Мыркин предлагает считать таким звеном три различных образования: языковую (или речевую) норму, индивидуальный язык (идиолект), дискурс (или текст) в отвлечении от личности говорящего и контекста (ситуации); в таком прочтении дискурс толкуется как искусственный аналог подлинной речи, например,

сконструированное предложение (Мыркин, 1994, с. 7, 19). Исследователь из Архангельска предлагает оригинальную концепцию языка как объекта лингвистического исследования, включающую язык-устройство (психонейрофизиологический механизм порождения речи), речь (духовную деятельность человека), родной язык (конкретный язык того или иного этноса, народа), дискурс (изъятое из естественного контекста высказывание), язык-таксономия — упорядоченное описание языка-устройства (Мыркин, 1994, с.88). Очевидно, что рассматриваемая схема должна быть дополнена текстовой координатой измерения — от речи как духовной деятельности человека в ее тотальности до конкретного речевого действия, именно на этой оси измерения мы приходим к выделению культурно-ситуативного речевого образования, именуемого во многих работах "дискурс", хотя следует отметить, что этот термин является не самым удачным обозначением концептуализируемой сущности и вызывает споры даже из-за того, на какой слог в этом слове падает ударение.

Дискурс является центральным моментом человеческой жизни "в языке", того, что Б.М.Гаспаров (1996) называет языковым существованием: "Всякий акт употребления языка — будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге — представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан". К этим обстоятельствам относятся: 1) коммуникативные намерения автора; 2) взаимоотношения автора и адресатов; 3) всевозможные "обстоятельства", значимые и случайные; 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано, в частности; 5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия (Гаспаров, 1996, с.10). Человеческий опыт органически включает этнокультурные модели поведения, которые реализуются осознанно и бессознательно, находят многообразное выражение в речи и кристаллизуются в значении и внутренней форме содержательных единиц языка.

Анализ дискурса — междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, семиотического направления литературоведения, стилистики и философии. Анализ дискурса осуществляется с различных позиций, но всех исследователей дискурса объединяют следующие основные посылки:

1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе;

2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т.е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга;

3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте;

4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения;

5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии;

6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста.

Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в "сухом остатке" общения, с другой стороны. С позиций

лингвофилософии дискурс — это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования, поэтому правомерно, например, выделение делового (утилитарного) и игрового регистров дискурса; назначение первого — ориентировать человека в реальном мире; здесь важны цель и истина для адекватного представления образа реальности и полезного, эффективного действования в ней; назначение второго — освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных, речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения. В таком понимании игровой дискурс — это пространство творческого порождения и восприятия художественных произведений. Противопоставление регулярного (социально-коллективного) и сингулярного (индивидуально-личностного) начал в речи является одной из языковых антиномий и терминологически фиксируется как рекурсивная и дискурсивная рефлексия (Борботько, 1998, с.15). Существенным, на наш взгляд, является противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса. В первом случае в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир, во втором случае общение сводится к диалогу представителей той или иной социальной группы. Личностный (персональный) дискурс представлен двумя основными разновидностями — бытовой (обиходный) и бытийный дискурс. Специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего. Бытийный дискурс предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов, здесь речь идет не об очевидных вещах, а о художественном и философском постижении мира. Особенности художественного текста изучены весьма основательно, хотя его дискурсивные характеристики еще предстоит осветить. Лингвистический анализ философского дискурса, включая наивно-философский опыт, теологические, психологические и собственно философские толкования, представляется перспективной задачей, которая успешно решается в границах концептуальной лингвокультурологии. Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития (Карасик, 1998, с.190–191).

С позиций лингвистики речи дискурс — это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей. Моделируя разговорную речь, О.Б.Сиротинина противопоставляет 1) тексты, отвечающие всем признакам текстовой структуры (в качестве примера приводится рассказ, который неоднократно повторяется рассказчиком), 2) оборванные тексты, характеризующиеся незаконченностью, тематической аморфностью, 3) текстоиды (по И.А.Стернину), которые не имеют строгого членения на части, принципиально не завершены, более спонтанны, чем другие виды текстов, рассчитаны на активного слушателя, тематически разъяты (темы возникают по ходу реализации текста), 4) разговоры (по Н.А.Купиной), в которых развитие темы прослеживается с трудом, а прямая диалогичность, т.е. мена ролей говорящего и слушающего, является обязательной, 5) дискурсы, являющиеся нетекстовой реализацией разговорной речи и отличающиеся нечеткостью деления на части, господством

ассоциативных связей, полной спонтанностью и непонятностью для посторонних (Сиротинина, 1994, с.122). Помимо структурных характеристик дискурс имеет тонально-жанровые измерения. Говоря о тональности дискурса, мы имеем в виду такие параметры, как серьезность либо несерьезность, обиходность либо ритуальность, стремление к унисону либо конфликту, сокращение либо увеличение дистанции общения, открытое (прямое) либо завуалированное (косвенное) выражение интенций, направленность на информативное либо фатическое общение. Эти параметры взаимосвязаны. В.В.Дементьев строит типологию жанров фатического общения при помощи двух осей координат, соответствующих параметрам степени косвенности и регулирования межличностных отношений (от унисона до диссонанса), в результате чего выделяются пять основных жанров фатической коммуникации: 1) доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты, 2) прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры, 3) флирт, шутка, 4) ирония, издевка, розыгрыш, 5) празднoречевые жанры (small talk) (Дементьев, 1995, с.55–57). Жанровые характеристики дискурса могут рассматриваться как совокупность признаков, представленных, например, в модели Т.В.Шмелевой: 1) коммуникативная цель, которая дает возможность противопоставить четыре типа речевых жанров (информативные, императивные, этикетные и оценочные), 2) образ автора, 3) образ адресата, 4) образ прошлого, т.е. ретроактивная направленность речевого события, характерная для ответа, отказа, согласия, опровержения, 5) образ будущего как выход на последующий эпизод общения, это приглашение, обещание, прогноз, 6) диктумное (событийное) содержание (набор актантов, их отношения, временная перспектива и оценка диктумного события), 7) языковое воплощение речевого жанра (Шмелева, 1997, с.91–97). Личностные характеристики участников дискурса неизбежно отражаются в типовых моделях его реализации, и в этом смысле ценным является выделение типов участников дискурса, например, инвективный, куртуазный и рационально-эвристический типы языковых личностей; в основу выделения этих типов положены речевые стратегии конфликтного поведения, в первом случае — прямая вербальная агрессия, во втором — эмоция обиды и тяготение к этикетности, в третьем — здравомыслие и ирония (Седов, 1999, с.57). Понятно, что личностные характеристики коммуникантов представляют собой неразрывное единство индивидуальных, социальных, национально-культурных и общечеловеческих особенностей поведения, вместе с тем специфика осознания, выражения, комбинаторики этих особенностей в определенных ситуациях общения, жанрах речи и типах дискурса остается недостаточно изученной. Нельзя забывать и о динамике смысловых переходов: В.И.Шаховский отмечает, что индивидуальная интерпретация смыслов в диалоге зависит от меняющейся компетенции участников общения, от того, что они думают и чувствуют, осознавая мир и свое месте в нем (Шаховский, Сорокин, Томашева, 1998, с. 130).

С позиций социолингвистики дискурс — это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение. Представляется возможным выделить применительно к современному социуму политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса. Разумеется, приведенный список может быть дополнен либо видоизменен. Важно отметить, что институциональный дискурс исторически изменчив — исчезает общественный институт как особая культурная система и, соответственно, растворяется в

близких, смежных видах дискурса свойственный исчезающему институту дискурс как целостный тип общения. Например, в современной России вряд ли можно установить охотничий дискурс. Для определения типа институционального общения необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников общения (учитель — ученик, врач — пациент, офицер — солдат), цель общения (педагогический дискурс — социализация нового члена общества, политический дискурс — сохранение или перераспределение власти), прототипное место общения (храм, школа, стадион, тюрьма и т.д.). Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Разумеется, любое общение носит многомерный, партитурный характер, и его типы выделяются с известной степенью условности. Полное устранение личностного начала превращает участников институционального общения в манекенов, вместе с тем существует интуитивно ощущаемая участниками общения граница, выход за которую подрывает основы существования того или иного общественного института. Институциональность носит градуальный характер. Ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации — учителя и ученика, священника и прихожанина, ученого и его коллеги, журналиста и читателя (слушателя, зрителя). Следует отметить, что центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь. Примером может послужить “Кратологический словарь”, представляющий собой тезаурус по политологии, организованный вокруг концепта “власть” (Халипов, 1997).

Институциональный дискурс строится по определенному шаблону, но степень трафаретности различных типов и жанров этого дискурса различна. Дело в том, что в реальной жизни прототипный порядок дискурса часто нарушается. Р.Водак приводит характерный пример медицинского дискурса, в основе которого лежит схема необходимых и достаточных коммуникативных действий, связанных с приемом пациента в одной из клиник Вены: 1) пациента приглашают в кабинет, 2) пациент раздевается и ложится на кушетку, 3) один из присутствующих врачей осматривает пациента, 4) пациент одевается и возвращается в прихожую, 5) врач, который произвел осмотр, диктует результаты своему коллеге, затем они обмениваются мнениями либо врач сам делает записи в рабочем журнале, 6) приглашают следующего пациента. Фактически эта схема очень редко воплощается в жизнь, поскольку попутно в кабинет заходят коллеги, врач отвечает на телефонный звонок, медсестра приносит рентгеновский снимок предыдущего пациента, обнаруживается, что потеряна учетная карта пациента и медсестра отправляется ее искать, электрокардиографический прибор не функционирует, следующий пациент, который записался на определенное время, заглядывает в кабинет и т.д. Все участники общения привыкли к отклонениям и накладкам и реагируют на них нормально (Wodak, 1996, p.55–56). Вероятно, существуют мягкие и жесткие разновидности институционального дискурса, приведенный пример иллюстрирует мягкую разновидность коммуникативного события, структура которого весьма вариативна, но определяющие компоненты этой структуры — осмотр и фиксация осмотра — не могут исчезнуть. Примером жесткой разновидности институционального дискурса являются различные ритуалы — военный парад, защита диссертации, вручение награды, церковная служба. Необходимо отметить, что с позиций социолингвистики, т.е. с учетом того, кто и в каких обстоятельствах принимает участие в общении, можно выделить

столько типов дискурса, сколько выделяется типизируемых личностей и соответствующих обстоятельств, например, дискурс театральной репетиции, молодежной дискотеки, психотерапевтической консультации и т.д. В данной работе из множества возможных типов дискурса, выделяемых по социолингвистическим признакам, взяты для рассмотрения типы институционального дискурса.

Базовые социологические характеристики бытового и институционального общения проницательно схвачены в трудах известного американского социолога Ирвинга Гоффмана, который разработал категориальный аппарат для измерения личности как участника социального действия: 1) благо (good) — желаемые объект или состояние, 2) притязание (claim) — право на обладание, контроль, использование и распоряжение благом, 3) претендент (claimant) — лицо, предъявляющее права на благо, 4) препятствие (impediment) — действие, средства или источники, ставящие притязание под угрозу, 5) контр-претендент (counter-claimant) — лицо, от имени которого исходит угроза притязаниям на то или иное благо, 6) агенты (agents) — индивидуумы, разыгрывающие роли претендента и контр-претендента применительно к притязаниям; 7) фиксированные, ситуативные и эгоцентрические территории индивидуума (например, квартира, скамейка, на которой сидит человек, кошелек в его кармане); 8) ритуальные условные действия, поддерживающие и исправляющие усилия индивида, направленные на достижение блага (supportive and remedial interchanges), 9) знаки связанности (tie-signs) — принадлежность индивидуума определенным коллективам в качестве члена соответствующих групп и связь с другими индивидуумами через социальные отношения (Goffman, 1972, p. 51, 52, 88, 124, 226).

Для анализа дискурса наиболее интересны коммуникативные действия, посредством которых индивидуум стремится осуществить свои права на получение символического блага либо отвести угрозу от своих притязаний на это благо. Например, совершив неодобряемое действие, виновник этого проступка пытается объяснить свое поведение и выбирает следующие линии объяснения: 1) утверждает, что приписываемый ему проступок не имел места, 2) доказывает, что обстоятельства действия радикально отличались от того, что ему ставится в вину, 3) говорит, что он не знал о возможных последствиях поступка, 4) признает вину, но ссылается на непреодолимые обстоятельства, такие как усталость или страсть, 5) соглашается с обвинением и признается, что не задумывался о последствиях. Эти линии объяснения сводятся к трем моделям поведения: полному раскрытию всех обстоятельств случившегося проступка, частичному уменьшению своей вины и заранее заготовленному оправданию. В этой связи речевое действие извинения представляет собой сложное социально-драматургическое образование, главный участник которого как бы распадается на две части: на виновного в совершении проступка и на того, кто осуждает этот проступок, признавая принятые правила поведения. В наиболее полной форме извинение, как отмечает И.Гоффман, включает пять элементов: 1) выражение неудобства и огорчения, 2) понимание того, как надо было себя вести и принятие наказания (отрицательных санкций), 3) словесно выраженное самоосуждение, 4) обещание вести себя впредь хорошо, 5) демонстрация раскаяния и стремления искупить свою вину (Goffman, 1972, p.140–144). Важное место в концепции Э.Гоффмана принадлежит понятию "ключ", "переключение" (key, keying), которое понимается как серия условных перекодирований той или иной деятельности, имеющей свой смысл в некотором исходном сценарии, но воспринимаемой участниками общения в новом смысле. К числу таких переключений относятся игры (действия "понарошку"), игровые соревнования, церемонии, изменения в

оформлении действий (technical redoings), изменения в мотивировках (regroundings) (Goffman, 1974, p.43, 44, 48, 58, 74). Институциональный дискурс в значительной мере может быть прояснен, если исследователь примет в качестве исходной посылки тезис о переосмыслении бытового дискурса в институциональный, поскольку бытовое, обыденное общение является генетически исходным и содержит в свернутой форме особенности общения на статусно-представительском уровне. С позиций обыденного общения многие моменты институционального дискурса кажутся странными, например, символические жесты военного дискурса или ритуальные формулы юридического дискурса, произносимые во время заседания суда, или формульные модели дипломатического этикета.

Переход от бытового дискурса к институциональному связан с определенными трудностями, о которых в свое время писал Б.Бернстайн, разграничивая расширенный и сокращенный коды общения (elaborated and restricted codes). В условиях обыденного общения все коммуниканты хорошо знают друг друга, ведут разговор о конкретных делах и не испытывают необходимости рассуждать о сложных материях либо объяснять близкому человеку очевидные вещи, поэтому разговор ведется при помощи сокращенного кода, который имеет высокую контекстную зависимость. Выходя за рамки обыденного общения, сталкиваясь с незнакомыми людьми, человек вынужден создавать для них необходимую фоновую информацию на основе предположений о том, чего собеседник, вероятно, не знает, и поэтому общение при помощи расширенного кода в меньшей мере зависит от контекста. Люди, относящиеся к среднему классу в традициях современной цивилизации, должны свободно переключать коды в общении. Этому учат школа и университет. Представители недостаточно образованных социальных слоев не владеют приемами общения при помощи расширенного кода, поскольку дома и среди друзей на улице такое общение бессмысленно, и это обстоятельство в известной мере препятствует их самореализации в жизни (Bernstein, 1979, p.164–167).

Контекстная зависимость является величиной, определяющей не только личные и социально-групповые, но и национально-культурные особенности общения. Сравнивая культуры с высокой и низкой контекстной зависимостью, И.Э.Клюканов предлагает параметры эпистемности, акториальности, пространственности и темпоральности в качестве ключевых моментов для определения этнокультурного типа. Эпистемность характеризует коммуникативный универсум с точки зрения отношения культуры к знанию в целом (насколько успешно субъект функционирует в незнакомых ситуациях и насколько он тяготеет к сознательному поиску новой информации), акториальность позволяет описать коммуникативное расстояние между представителями сравниваемых культур (степень зависимости поведения от мнения сообщества, приоритет сохранения лица как уважения со стороны других либо как самоуважения), пространственность трактуется как приемлемая в обществе степень авторитарности поведения (например, американцы считают русскую культуру более авторитарной, чем свою, это прослеживается в приглашениях, стремлении прийти на помощь и т.д., обратное воспринимается русскими как замкнутость, неискренность, нежелание идти на контакт), темпоральность позволяет охарактеризовать отношение представителей культуры к временному континууму (монохроничность в понимании времени представителями современной западной цивилизации и полихроничность времени в традиционных сообществах, отсюда повышенная чувствительность к точности измерения времени, опозданиям, успеху как опережению, фетишизация скорости и т.д.) (Клюканов, 1999, с.23–26).

Анализируя лингвокультурные основания мышления применительно к западноевропейской и восточноазиатской культурам, Т.Н.Снитко устанавливает фундаментальное различие между ними в виде позиции осваивающего мир человека: познание либо понимание. Культура познания представляет собой противопоставление субъекта и объекта, отсюда закономерны вопросы о природе объекта "Что есть это?" и ответы на эти вопросы в виде понятий, которые и составляют основу культуры. Культура понимания — это погруженность в мир, неразрывная связь человека и окружающего его мира, акцент на связях, а не на противоположностях между мирами, и поэтому закономерен вопрос "Что есть мир для меня?". Западная лингвокультура стремится вербализовать смысл, а восточная — показать его в богатстве его символических связей. Символическая природа иероглифов-понятий обеспечивает им широкие возможности смыслопорождения в культурном пространстве, символ обращен к духовному миру человека как целому, а не только к его разуму (Снитко, 1999, с.16,17,141). Понимание есть осознание себя в контексте, познание — отталкивание от контекста.

Попытка разработать категориальный аппарат для социально-культурного измерения общения предпринята в монографии Р.Ходжа и Г.Кресса "Социальная семиотика", авторы строят модель "логономической системы", представляющей собой набор правил, предписывающих условия для производства и восприятия смыслов, эти условия определяют, кто имеет право устанавливать и получать смыслы, какие темы могут наделяться смыслами, при каких обстоятельствах и в какой модальности это может происходить. Эти правила в наибольшей степени выражены в условностях этикета, законодательстве, производственных отношениях. Логономические правила определяют жанровую специфику дискурса, будь это производственное совещание, газетное интервью или лекция в университете (Hodge, Kress, 1988, p.3–6). Рассматриваемая модель наделяет социальной значимостью широкий круг взаимосвязанных явлений, включающих речь, одежду, пищу, жилище, образ жизни, при этом социальными маркерами могут служить любые переосмысленные предметы или явления. Знание ключей переосмысления является показателем принадлежности индивидуума к определенному институту.

Совершенно иной подход к изучению дискурса требуется при исследовании игрового и суггестивного общения, которые представляют собой не ситуативно обусловленные типы коммуникативного поведения, а особую тональность общения, пронизывающую различные виды персонального и институционального дискурса. Заслуживает внимания исследование, автор которого выносит на суд лингвистической общественности обширный список разновидностей модальной тональности: "официально, серьезно, шутливо, восторженно, дружелюбно, враждебно, саркастически, недоверчиво, безразлично, пессимистически, робко, мечтательно, с грустью, пренебрежительно, надменно, агрессивно, с отвращением, настойчиво, мрачно, удивленно, взволнованно, хвастливо, с тревогой, раздраженно, с обидой, отрешенно, радостно, притворно, задумчиво, решительно, вызывающе, таинственно, грубо, испуганно, вежливо, ласково" (Багдасарян, 2000: 95). Разумеется, можно предъявить автору замечания по поводу того, каковы критерии выделения соответствующих тональных нюансов, в какой мере они различны (например, "робко" и "испуганно"), можно ли считать данный список исчерпывающим, но постановку такой проблемы можно только приветствовать.

Итак, дискурс, понимаемый как текст в ситуации реального общения, допускает различные измерения.

С позиций языкового материала, лексико-грамматической ткани текста, можно анализировать дискурс в аспекте полноты, правильности, логичности высказываний, составляющих рассматриваемый текст, и при таком имманентно-лингвистическом подходе к изучению дискурса исследователь исходит из концепта «правильно построенного дискурса» как идеального типа, с одной стороны, и возможных отклонений от этого типа, с другой стороны, вплоть до таких коммуникативных фрагментов, которые лингвистически проанализировать не представляется возможным. Различие между позициями ученых, разделяющих имманентно-лингвистический подход к дискурсу, состоит в том, что одни исследователи полагают, что в качестве образца правильно построенного текста должен приниматься во внимание письменный литературный текст (Гальперин, 1981), и в таком случае устная речь с ее отклонениями от норм письменного текста рассматривается как маркированное явление, в то время как другие ученые наделяют устную и письменную речь равным статусом, полагая, что существуют как текстотип устной речи и отклонения от этого идеального типа, так и соответствующие корреляты письменной речи (Сиротинина, 1996).

С позиций участников общения (социолингвистический подход) все виды дискурса распадаются на личностно- и статусно-ориентированный дискурс. В первом случае участники общения стремятся раскрыть свой внутренний мир адресату и понять адресата как личность во всем многообразии личностных характеристик, во втором случае коммуниканты выступают в качестве представителей той или иной общественной группы, выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией. Личностно-ориентированный дискурс проявляется в двух основных сферах общения – бытовой и бытийной, при этом бытовое (обиходное) общение представляет собой генетически исходный тип дискурса, а бытийное общение выражается в виде художественного, философского, мифологического диалога. Статусно-ориентированный дискурс может носить институциональный и неинституциональный характер, в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени. Так, например, для современного общества релевантны научный, массово-информационный, политический, религиозный, педагогический, медицинский, военный, юридический, дипломатический, деловой, рекламный, спортивный и другие типы институционального дискурса. Вместе с тем вряд ли можно выделить по тем параметрам, которые являются определяющими для перечисленных типов дискурса, такое образование, как, например, филателистический дискурс. Статусно-ориентированным является и общение незнакомых или малознакомых людей, например, вопросы к незнакомым людям о времени или о местонахождении какого-либо учреждения.

Наряду с имманентно-лингвистическим и социолингвистическим подходами к изучению дискурса можно выделить прагмалингвистический подход, суть которого состоит в освещении способа общения в самом широком смысле. В этом смысле заслуживает внимания понятие "регистр" в трактовке М.Халлидея: разграничивая вариативные характеристики речи, связанные с личностью говорящего (диалект) и используемыми способами и средствами общения (регистр), ученый выделяет в рамках регистра три важнейших измерения: "поле", обстановка общения – field of activity (e.g. science, religion, law), "тональность", стиль дискурса – tenor - the social role relationships which obtain between the language users in a particular situation (e.g. teacher-pupil, preacher-congregation, parent-child), "модус", канал общения – medium used (e.g. written, spoken, spoken-to-be-written, written-to-be-cited) (Halliday, 1978, p.33). Детальный

анализ различных прагмалингвистических концепций дискурса приводится в монографиях М.Л.Макарова (1998) и В.В.Дементьева (2000).

В данной работе в прагмалингвистическом аспекте противопоставляются такие виды общения, как серьезное – несерьезное (игровое, юмористическое), ритуальное – неритуальное, информативное – фасцинативное, фатическое – нефатическое, прямое — непрямое. Необходимо отметить, что определенные характеристики видов дискурса, выделяемых на прагмалингвистическом основании, взаимопересекаются. Неритуальное общение, например, может включать информирование, фасцинативный обмен текстами, фатическую и нефатическую составляющие. На мой взгляд, эти параметры общения представляют собой своеобразные ключи и тональности дискурса, дополняющие и уточняющие те типы дискурса, которые выделяются на социолингвистической основе. Элементы ритуального дискурса наличествуют почти в любом из видов дискурса – и в бытовом (существуют семейные ритуалы), и в институциональном (здесь существует градация: в религиозном дискурсе степень ритуальности очень высока, а в диалоге незнакомых людей о том, как пройти на вокзал, ритуальности почти нет). Проблематично, впрочем, выделение ритуальных текстов в рамках бытийного дискурса, т.е. трудно доказать ритуальность художественного или философского текста. Мы сталкиваемся с игровым дискурсом в обыденном и художественном общении, в определенных видах массово-информационного, политического, педагогического общения. Элементы фатического общения прослеживаются в контактоустанавливающих единицах любого дискурса, при этом осложненная фатика специфически проявляется в различных видах институционального дискурса.

3.2. Категории дискурса

В данной работе категории дискурса выделяются и обосновываются с позиций коммуникативного языкознания с учетом достижений как структурно-функциональной, так и культурологической лингвистики. Следует отметить, что различные подходы к изучению языка являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. При этом мы имеем в виду принцип неопределенности (по В.Гейзенбергу): если при описании одного и того же явления мы будем стремиться к максимально точной фиксации одних характеристик, то тем неопределеннее становятся другие характеристики, дополнительно связанные с первыми. Например, если при моделировании лексической микросистемы мы стремимся предельно полно описать семантические типы единиц, то синтаксические характеристики этих единиц неизбежно будут размыты, семантические типы единиц лишь частично совпадут с синтаксическими типами этих же единиц, и наоборот, если нашей целью является установление синтаксических типов внутри лексической микросистемы, то семантические характеристики соответствующих классов слов будут нечеткими и разнородными.

Коммуникативный подход к изучению текста базируется на анализе коммуникативных обстоятельств как важнейшего смыслообразующего компонента текста. Для изучения ситуации общения необходимо выделить и обосновать категории прагмалингвистики. Основываясь на различных концепциях прагмалингвистики и социолингвистики (Р.Белл, В.Г.Гак, Дж.Серл, И.П.Сусов, Д.Хаймс и др.), мы выделяем такие категории: 1) участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики), 2) условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда),

3) организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств), 4) способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения). Ю.А.Левицкий (1998, с.79) в качестве одного из параметров текстообразования выдвигает признак "дефицит времени", существенным образом влияющий на специфику устного либо письменного дискурса. С точки зрения статусно-ролевых характеристик участников общения, например, принципиально важно противопоставить личностно-ориентированное и статусно-ориентированное общение и вытекающие отсюда типы личностного и институционального дискурса.

При выделении и рубрикации категорий дискурса мы принимаем во внимание известные семь признаков текстуальности: cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality and intertextuality (De Beaugrande, Dressler, 1981) – когезию, когерентность, интенциональность, приемлемость (здесь – интерпретируемость), информативность, ситуативность и интертекстуальность. Учитывая внешне- и внутритекстовые характеристики речи, мы предлагаем следующую классификацию категорий дискурса: 1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); 2) жанрово-стилистические, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии); 3) содержа–тельные (семантико-прагматические), раскрывающие смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия). Каждая из названных является рубрикой для более частных категорий, например, интерпретируемость, проявляющаяся как точность, ясность, глубина, экспликативность/ импликативность). Психолингвистический подход к дискурсу выдвигает на первый план проблемы порождения и восприятия текста, стадии и способы перекодирования информации, типы текстовой (и, шире, коммуникативной) компетенции, речевых ошибок и т.д.

Конститутивные категории дискурса вытекают из теории коммуникативных постулатов, т.е. принципов успешного общения. Если общение осуществляется нормально, в соответствии с мотивами и интенциями его участников, с правилами общения в данном социуме, то эти характеристики дискурса остаются незамеченными. Они осознаются только в случае коммуникативного сбоя. В составе этих категорий выделяется прежде всего относительная оформленность — наличие сигнала со стороны говорящего и готовность воспринять этот сигнал со стороны слушающего. Здесь следует отметить, что человек, исходящий из коммуникативного постулата рациональности мира, пытается найти разумное объяснение отсутствию сигнала в общении: например, получив письмо в виде чистого листа бумаги, я подумаю, что, скорее всего, мой корреспондент по рассеянности вложил в конверт этот белый лист. Сталкиваясь в тексте с купюрами и отточиями либо с зачеркнутыми вариантами текстовых фрагментов, я как читатель буду считать на основании своего опыта, что автор намеренно убрал текст для того, чтобы я попробовал догадаться о некоторой скрытой информации. Великолепный пример такого "нетекста" можно найти в "Жалобной книге" А.П.Чехова. Нарушение текстовой оформленности может иметь место в случае намеренного внешнего кодирования текста (переключение на другой язык, арго, технолект). Сюда же относится проблема фатического общения, целью которого является установление, поддержание и завершение контакта. Фатическая оформленность дискурса — категория многомерная, лишь

отчасти относящаяся к его конститутивным характеристикам. Выделение жанров фатического общения (В.В.Дементьев) свидетельствует о высокой информативной насыщенности этого типа дискурса (даже в его прототипном виде "small talk").

Тематическое, стилистическое и структурное единство дискурса является его конститутивным признаком, который осознается в случае дезинтеграции текста. Ведущим признаком в этой триаде мы считаем стилистический, поскольку именно с помощью этого признака некоторый текст может встраиваться в наш коммуникативный опыт и оцениваться как текст либо "нетекст". Существуют особые жанры, в рамках которых говорить о тематическом и структурном единстве текста можно с известными допущениями (например, поток сознания, модернистская лирика).

Относительная смысловая завершенность позволяет выделить текст в некотором сверхтексте. Этот признак связан со стилистическим и тематическим единством текста, с одной стороны, и формальной завершенностью, с другой стороны. Следует отметить, что в соответствии с принципом контекстуализации любой текстовый фрагмент стремится к самодостаточности. Поэтому криминалисты, специалисты в области психопатологии и интерпретаторы художественных текстов могут рассматривать недописанное письмо или магнитофонную запись речи человека, находящегося в состоянии аффекта, как текст. Гораздо легче провести границу между текстом и нетекстом, основываясь на формальной правильности составных частей текста. В рамках грамматики текста продуктивным оказывается противопоставление высказывания, построенного в соответствии с нормами литературной либо разговорной речи, и "изглашения" (М.Я.Блох), нарушающего такие нормы. Изглашение допускает любую интерпретацию и представляет собой нечто промежуточное между нечленораздельным бормотанием, криком, произвольным набором слов, бессмысленных обрывков фраз (это может быть записано как на магнитном носителе, так и на бумаге, но остается изглашением).

Мы можем сказать, что перед нами нетекст, если это речевое произведение не поддается интерпретации, поскольку оно не оформлено, не воспринимается как целостное образование и не выделяется из более крупного сверхтекстового массива.

Жанрово-стилистические категории дискурса позволяют адресату отнести тот или иной текст к определенной сфере общения на основании сложившихся представлений о нормах и правилах общения, об условиях уместности, о типах коммуникативного поведения. Это ориентирующие, а не смыслораскрывающие категории. Центральным моментом для обсуждения сущности этих категорий является тип коммуникативной ситуации. В этой связи заслуживает внимания проблема естественности дискурса: для того, чтобы некоторое общение могло считаться естественным, в сознании коммуникантов должны быть представлены "идеализированные модели оцениваемых дискурсивных событий" (Цурикова, 2002, с.120). Иначе говоря, в нашем сознании существуют концепты определенного дискурса, его типов и жанров.

С позиций отношений между участниками коммуникации наиболее существенным критерием является, на наш взгляд, дистанция, противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного общения. Мы говорим о личностно-ориентированном общении, если нам хорошо известен собеседник, если мы стремимся не только передать некоторую информацию или оказать определенное воздействие на него, но и раскрыть свою душу и попытаться понять внутренний мир адресата. Адресат в таком общении интересует нас во всей полноте своих характеристик. В случае статусно-

ориентированного общения коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей (начальник и подчиненный, клиент, пациент, пассажир, прихожанин, ученик и т.д.). Эти ролевые характеристики, разумеется, неоднородны: роль учителя, например, значительно объемнее роли пациента. Отметим, что вряд ли существуют "чистые" статусные и личностные виды общения. Вместе с тем практика общения свидетельствует о коммуникативной доминанте, именно поэтому продавец в магазине будет скорее всего удивлен, если покупатель будет задавать ему вопросы о смысле жизни. Вероятно, более точным будет понимание коммуникативной дистанции как определенной шкалы между предельно личностно-ориентированным и предельно статусно-ориентированным общением, например, это разговор по душам или лирическое стихотворение, с одной стороны, и прохождение таможенного контроля, с другой стороны.

Следующий критерий — самовыражение говорящего — позволяет противопоставить художественно-ориентированное и обиходно-ориентированное общение. В первом случае мотивом общения является потребность раскрыть себя:

И, если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Все исчезает – остается
Пространство, звезды и певец!

(О.Мандельштам).

Дифференциация художественно-ориентированного общения может проходить по различным признакам: это языковая игра, различные виды игрового поведения, включая игру в театре, художественная речь, художественная литература во всем многообразии ее жанров. Художественно-ориентированное общение в значительной мере пересекается с личностно-ориентированным общением, поскольку в творчестве происходит наибольшее самораскрытие личности. Мы солидарны с В.Г.Борботько (1998), противопоставляющим дискурсивную и рекурсивную организацию речи, т.е. творческую речь и стандартное использование языка. Обиходно-ориентированное общение направлено на удовлетворение практических потребностей говорящего, оно, представляя собой разновидность действия, перформативно по своей сущности и поэтому стремится к наиболее экономному — стандартному (и в значительной степени клишированному) — выражению. Этот вид речевой коммуникации является дополнением к жесту, невербальному действию, и в данном случае нельзя не согласиться с теми лингвистами, которые считают, что вербальная коммуникация играет вторичную роль в общении (И.Н.Горелов). На наш взгляд, обиходное, бытовое общение содержит в себе все потенциальные разновидности статусно-ориентированного (институционального) общения. Эти разновидности выделяются в соответствии со сложившимися общественными институтами в том или ином социуме в определенный период (суд, армия, учебное заведение и т.д.). Таким образом, в качестве следующего критерия для выделения жанрово-стилистических разновидностей дискурса может быть система общественных институтов социума.

Участники личностного дискурса выступают во всей полноте своих качеств, в отличие от участников институционального дискурса, системообразующим признаком которого является статусная, представительская функция человека. Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Весьма часто

личностное общение сводится к бытовому, но возможно общение между хорошо знающими друг друга людьми и на небытовом, бытийном уровне. Любое общение носит многомерный, партитурный характер, и поэтому выделение типов общения в конкретном речевом действии представляет собой условность и проводится с исследовательской целью. Полное устранение личностного начала в институциональном общении превращает участников такого общения в манекенов. Не случайно нормы общения слуг и хозяев во многих сообществах требовали от слуг бесстрастного выражения лица. Аналогичное значение имеет светская улыбка на официальном приеме или сосредоточенный серьезный вид на производственном совещании.

Институциональность носит градуальный характер. Ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации — учителя и ученика, священника и прихожанина, следователя и подследственного, врача и пациента. Наряду с этим типом общения выделяется также общение учителей, а также учеников между собой. На периферии институционального общения находится контакт представителя института с человеком, не относящимся к этому институту. Таким образом, устанавливается следующая иерархия участников институционального дискурса: агент — клиент — маргинал.

К числу жанрово-стилистических категорий дискурса относится, на наш взгляд, и категория проективности. Дискурс представляет собой образование, построенное по определенным канонам в соответствии с целями и обстоятельствами общения, и степень каноничности дискурса и является основанием для его типизации. В этом смысле можно противопоставить базовый и проективный типы дискурса. Мы говорим о базовом педагогическом дискурсе, когда, например, учитель ведет урок и объясняет новый материал учащимся в школе. Вместе с тем учитель как агент дискурса может выступить в ином амплуа: вести политическую агитацию или рекламную кампанию, формально оставаясь в рамках своей сферы общения, в таком случае мы можем говорить о проективном политическом либо рекламном дискурсе на базе дискурса педагогического. Весьма вероятной является и такая ситуация, когда во время научной конференции или неформального обсуждения той или иной научной проблемы один из участников общения начинает читать своим коллегам лекцию, объясняя определенные понятия и концепции, т.е осуществляет проективный педагогический дискурс на базе научного. Базовый дискурс является в известной мере идеалом, хотя и представлен в определенных жанрах, выступающих в качестве прототипных для этого типа дискурса. Соотношение между базовым и прототипным дискурсом в определенной мере отражает соотношение между прямыми и косвенными речевыми действиями. Подобно тому как существуют принципиально имплицитные речевые акты (например, лесть – Петелина, 1985), существуют и принципиально проективные типы дискурса, это особенно касается дискурса масс-медиа. Так, например, политический дискурс реализуется в современной жизни преимущественно через средства массовой информации (Шейгал, 2000).

Нормы институционального дискурса отражают этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы, образующей институт.

Говоря о жанрово-стилистической категоризации дискурса, нельзя обойти вопрос о функциональном стиле. В лингвистической литературе функциональные стили рассматриваются как производные от функций языка (общение, сообщение и воздействие, по В.В.Виноградову, и соответственно выделяются обиходно-бытовой, обиходно-деловой, официально-документальный, научный, художественно-беллетристический и публицистический стили), как производные

от сферы употребления языка с учетом экстралингвистических форм общественной деятельности (в нашем понимании — это общественные институты), от формы проявления языка (устной или письменной), от вида речи (монологической или диалогической), от способа общения (массового или индивидуального), а также тона, или регистра, речи (высокий, нейтральный, сниженный), как производные от трех базовых дифференциальных признаков — эмоциональность / неэмоциональность, спонтанность / неспонтанность, нормативность / ненормативность (Долинин, 1978, с.109–110). Известна радикальная позиция Ю.М.Скребнева (Skrebnev, 1994, с.15), который считал, что стиль представляет собой характеристику подъязыка, выделяемого исследователем в соответствии с целями исследования, и поэтому количество стилей может быть бесконечным — от стиля Ч.Диккенса до стиля кулинарных рецептов. На наш взгляд, продуктивным для понимания сущности функционального стиля может быть жанровый канон, т.е. стереотип порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах. В этом смысле дискурс представляет собой прототип, гештальт, когнитивное образование, сопоставимое с когнитивными образованиями, репрезентирующими предметы, события, качества и т.д. Термин "функциональный стиль" относится, на наш взгляд, к числу наименее удачных терминов в лингвистике, и поэтому, основываясь на критерии жанрового канона дискурса, мы предлагаем новое обозначение для обсуждаемого понятия — формат дискурса. Под форматом дискурса понимается разновидность дискурса, выделяемая на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств. Формат дискурса представляет собой конкретизацию типа дискурса, количество этих форматов является достаточно большим, но измеримым. Формат дискурса в свою очередь конкретизируется жанрами речи, которые выделяются на индуктивной основе.

К числу жанрово-стилистических категорий дискурса относится, на наш взгляд, категория развернутости и свернутости текста (амплификация / компрессия). Участники общения владеют обобщенными сценариями речевых жанров и могут разворачивать диалог в пределах того или иного жанра в соответствии с обстоятельствами общения. Это удобнее проиллюстрировать на примере простых речевых актов, например, просьба может состоять из трех типовых ходов — главного, вспомогательного и нейтрального, т.е. начала разговора, обращения, просьбы о просьбе ("*Я хотел бы обратиться к тебе с просьбой*"), мотивировки, обещаний, собственно просьбы, а также не относящихся к просьбе ходов. Чем короче коммуникативная дистанция, тем меньше вспомогательных компонентов будет использоваться. Но именно вспомогательные и нейтральные ходы представляют наибольший интерес для исследователя, стремящегося установить релевантные для речевого жанра параметры общения, а также этно- и социокультурную специфику этого жанра. Чрезмерная развернутость конкретного речевого действия на фоне прототипного речевого жанра свидетельствует о возможных дополнительных целях этого поведенческого акта (просьба + лесть + ирония + прямые и косвенные намеки + игра и т.д.). Чрезмерная свернутость такого же речевого действия также приобретает знаковый характер и сигнализирует либо о чрезвычайных обстоятельствах (просьба о помощи), либо о трансформации данного речевого акта в другой акт (просьба переходит в приказ). Аналогичным образом организованы и вторичные речевые жанры, так, например, отзыв официального оппонента о диссертации, написанный на 20 страницах, будет, вероятно, воспринят как экстравагантный способ изложить свою концепцию, показать свою эрудицию, и поэтому трансформируется в другой жанр.

Известны также анекдотичные сжатия определенных текстовых жанров (*Заголовок "История мидян". Текст: "Начало истории мидян. История мидян темна и непонятна. Конец истории мидян"*).

Содержательные (семантико-прагматические) категории дискурса являются предметом оживленной дискуссии в лингвистической литературе (Гальперин, 1981; Трошина, 1982; Черняховская, 1983; Тураева, 1986; Макаров, 1990, 1998; Мышкина, 1991; Воробьева, 1993 и др.). Основные две линии в понимании категорий текста (и дискурса) состоят в том, что отправным пунктом в моделировании этих категорий может выступать текст как таковой либо текст в ситуации общения. В первом случае базовой категорией закономерно признается информативность текста в ее трех ипостасях, по И.Р.Гальперину: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информация. В рамках этого же подхода в качестве основной категории текста может рассматриваться его смысловая целостность (цельность, интегративность). Во втором случае с учетом диалогичности общения важнейшей текстовой категорией признается адресованность, фактор адресата. Эта позиция четко выражена М.Л.Макаровым (1990), который противопоставляет в тексте основную пропозицию (тему текста) и основную иллокуцию (идею, смысл текста).

Существенным является выделение общих и частных категорий текста, особенность первых состоит в том, что они свойственны всем типам текстов, а специфика вторых — в том, что они могут быть обнаружены лишь в определенных типах текста (Воробьева, 1993). В самом деле, направленность на адресата устанавливается как в лирическом стихотворении, так и в инструкции для покупателя, прилагаемой к товару, но подтекст в инструкции вряд ли может быть актуализован. Следует отметить, что содержательные категории текста во многих работах исследователей явно или неявно сориентированы на художественный текст как текстовый прототип. О.Розеншток-Хюсси (1994, с.76) не случайно устанавливает терминологическую пирамиду: диалог как обращение к слушателям, монолог как мышление вслух и плеолог как обращенность к читателям, как речь, которая адресована более чем одной аудитории, чтобы будущее удержало это в вечном пользовании, плеолог — прототип литературы. Именно поэтому мы считаем целесообразным при выделении категорий дискурса вначале сориентироваться на тип социальной дистанции в диалоге и соответственно на тип дискурса, а затем — на формат и жанр текста.

Основные две линии в моделировании категорий текста соответствуют, с одной стороны, герменевтической традиции интерпретации текста как самодостаточного явления, например, в границах стилистики декодирования, и экзегезе как толкованию текста с учетом внешних факторов его появления, как изучению "жизни текста", и, с другой стороны", противопоставлению понятности (понимаемости) и понимания текста (ср.: comprehensability — comprehension, Verständigkeit — Verstehen в работах Р.Водак). Изучение дискурса, разумеется, предполагает выбор второй линии моделирования текстовых категорий.

К числу содержательных категорий дискурса относится интерпретируемость текста. Эта категория является, на наш взгляд, уточнением адресованности текста и проявляется в более частных категориях точности, ясности, глубины и экспликативности / импликативности текста. Особенность названных категорий дискурса заключается в том, что они в значительной мере меняют свои сущностные характеристики в зависимости от формата текста. Так, например, точность научного текста заключается в развертывании и уточнении характеристик понятия, точность делового текста — в строгом следовании жанровому канону (Ковшикова, 1997), точность художественного текста — в динамике образных ассоциаций (Тряпицына, 2000).

Коммуникативная ясность — это совпадение интенции автора и интерпретации адресата применительно к определенному тексту. Применительно к бытовому личностному общению ясность текста обеспечивается общностью тезаурусов участников коммуникации, ситуативной наглядностью (такое общение остенсивно по своей сути) и возможностью немедленной проверки адекватности понимания. В деловом общении ясность дискурса достигается благодаря клишированным (трафаретным) средствам общения, а также прецедентным юридическим и специальным (производственным, коммерческим, дипломатическим и др.) текстам (Глазко, 1996). Исследования Р.Водак (1997, с.68–69) убедительно доказывают, что формулировки как юридических документов, так и политических заявлений, предназначенных для широкой публики, понятны очень узкому кругу людей, при этом парафраза повышает степень ясности этих текстов только для тех людей, которые поняли текст с начала и без парафразы. Чрезвычайно интересным является вопрос о ясности текста применительно к религиозному (и мистическому) дискурсу: при достижении особого эмоционального состояния прозрения участники общения приобретают ощущение полного понимания внутреннего мира друг друга. Впрочем, может ли быть такое общение предметом изучения для лингвиста? Ясность художественного текста по своей сути фасцинативна: если текст оказывает на читателя или слушателя эмоциональное воздействие, если повторное восприятие этого же текста доставляет большее удовольствие, чем первое чтение, то интенция автора реализовалась успешно. Разумеется, возможны ситуации, когда читатели находят свой особый смысл в тех идеях и текстовых формах дискурса, которые для автора не играли никакой роли. Ясность научного текста определяется четкостью понятийно-терминологического аппарата, логичностью изложения, иллюстративным материалом и простым и строгим литературным языком.

Мы говорим о глубине текста, имея в виду возможную неоднозначность интерпретации смысла. Глубина дискурса определяется необходимым количеством объяснительных трансформаций для однозначной интерпретации текста, это операциональная категория. Глубина текста легче всего иллюстрируется методом “от противного”: есть обстоятельства общения, не требующие того, чтобы над сообщением следовало бы задуматься, и есть обстоятельства, заставляющие внимательно проанализировать смысл прочитанного или услышанного. Прототипным глубоким текстом является универсальное автосемантичное высказывание — сентенция, афоризм, пословица. Например, “*Если не я для себя, кто за меня? Но если я только для себя — что я? И если не теперь, то когда?*” (Гиллель). Этот религиозно-этический постулат может быть прокомментирован в виде трех интерпретативных ходов: 1) Ошибается тот, кто считает, что от человека ничего не зависит; судьба человека — в его руках, и нужно действовать; 2) Ошибается тот, кто действует только в собственных интересах; замкнувшись на самом себе, превращаешься в ничто, 3) Нельзя терять время, откладывая на потом главное и необходимое, поскольку жизнь коротка, и можно опоздать. Глубоким может быть не только философский трактат, но и обыденное замечание, например, парадоксальная фраза в диалоге: “*Не торопись, а то успеешь*”. За этой фразой стоит принцип жизни человека, не желающего погрязнуть в суете. Глубина текста является сигналом для адресата: нужно перейти к внимательному осмыслению сообщаемого.

Импликативность, т.е. наличие косвенно выраженного смысла, проявляется в обиходной речи как намек, в художественном тексте – как подтекст, в деловом общении – как саморепрезентация. В политическом дискурсе особый интерес представляют случаи дезавуирования, т.е. признания некоторых сделанных

заявлений и сообщений либо не соответствующими действительности, либо отражающими личное мнение чиновника, находящегося на государственной или партийной службе и поэтому, как предполагается, имеющего право говорить только то, что санкционировано руководством.

Формально-структурные категории текста достаточно детально изучены (см. работы И.Р.Гальперина, О.П.Воробьевой, Н.Н.Трошиной и др.). Отметим, что эти категории позволяют установить содержательные характеристики текста, будучи неразрывно связанными с семантико-прагматическими и жанрово-стилистическими категориями. Например, формальная связность текста (когезия) соотносится с содержательной связностью (когерентностью), выступающей в качестве уточнения категорий информативности и целостности текста. Важно подчеркнуть то обстоятельство, что категории дискурса представляют собой аспекты изучения весьма сложного явления, определенный угол зрения, под которым можно рассматривать текст в ситуации. В данной работе предложен социолингвистический подход к изучению дискурса, в рамках этого подхода выделяются три типа категорий — тип дискурса, формат текста и жанр речи как базовые характеристики текста в коммуникативной ситуации.

3.3. Социолингвистические типы дискурса

3.3.1. Институциональный дискурс

Институциональный дискурс рассматривается в различных исследованиях, посвященных определенным типам общения, выделяемым на основании социолингвистических признаков. Весьма активно анализируется политический дискурс (Серио, 1993; Купина, 1995; Попова, 1995; Баранов, 1997; Базылев, 1998; Шейгал, 1998, 2000; Асеева, 1999; Гудков, 1999; Бокмельдер, 2000; Желтухина, 2000; Кочкин, 2000; Чудинов, 2001; Бакумова, 2002), много работ посвящено изучению делового дискурса (Астафурова, 1997; Ковшикова, 1997; Драбкина, Харьковская, 1998; Филонова, 1998; Яровицына, 1999; Сыщиков, 2000; Трошина, 2000; Чигридова, 2000; Кузнецова, 2001), внимание исследователей привлекает массово-информационный дискурс (Зильберт, 1986, 1991; Капишникова, 1999; Алещанова, 2000; Гусева, 2000; Курченкова, 2000; Майданова, 2000; Ягубова, 2001), освещаются различные аспекты рекламного дискурса (Пирогова, 1996; Анопина, 1997; Долуденко, 1998; Ксензенко, 1998; Ильинова, 1998; Домовец, 1999; Кочетова, 1999; Красавский, 1999; Рыбакова, 1999; Лившиц, 2001; Денисова, 2002), объектом изучения является научный дискурс (Богданова, 1989; Васильев, 1998; Яцко, 1998; Аликаев, 1999; Белых, 1999; Красильникова, 1999, Михайлова, 1999; Бобырева, 2000; Кириллова, 2001; Гришечкина, 2002), моделируется педагогический дискурс (Карасик, 1999; Коротеева, 1999; Лемяскина, 1999; Ленец, 1999; Толочко, 1999; Милованова, 1998), осуществляется лингвистическое описание религиозного дискурса (Крысин, 1996; Грудева, 1999; Карасик, 1999; Прохватилова, 1999; Агеева, 2000; Крылова, 2000), в меньшей мере освещена специфика спортивного (Аксенова, 1986; Зильберт, 2001; Панкратова, 2001) и медицинского дискурса (Бейлинсон, 2001). В данной работе предложена модель рассмотрения институционального дискурса применительно к педагогическому, религиозному и научному общению и показаны другие подходы к изучению типов дискурса (политический и медицинский), выделяемых на основании социолингвистических признаков.

Педагогический дискурс

В нашей работе дано описание институционального дискурса по определенной схеме: при анализе дискурса предлагается охарактеризовать его типовых участников, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы.

Участники педагогического дискурса – учитель и ученик. Учитель наделен правом передавать ученику знания и нормы поведения общества и оценивать успехи ученика. Учитель персонифицирует мудрость поколений и поэтому априорно обладает высоким авторитетом в обществе. В современном русском языке возникла потребность лексически разграничить характеристики учителя как социального типа, поэтому образовалась семантико-стилистическая парадигма слов: *учитель, преподаватель, воспитатель, наставник, педагог, доцент, профессор, ментор, тренер, инструктор, гуру, гувернер (гувернантка), репетитор и др.*. Семантически противопоставляются слова, обозначающие человека, который передает предметные знания в какой-либо области (*преподаватель*), либо того, кто оказывает влияние на формирование характера растущего человека (*воспитатель, наставник*).

Предметная подготовка уточняется характеристикой типа учебного заведения (начальная, общеобразовательная, высшая школа), при этом в средней школе градация учительской квалификации отражена только в документах, определяющих квалификационный разряд (категорию), а в высшей школе такая квалификация формально закреплена в ученых званиях. Отдельно обозначена профессия спортивного педагога (*тренер*) и человека, который учит конкретным навыкам (например, *инструктор* по стрельбе или по вождению автомобиля). Для подготовки к экзаменам в частном порядке обращаются к помощи репетитора. В дворянском быту дореволюционной России к воспитанию и домашнему обучению детей часто привлекались гувернеры и гувернантки, обычно иностранцы. В словарь вошло заимствованное слово для названия наставника в религиозном становлении человека (*гуру*), теперь этот термин используется не только в контекстах, связанных с буддизмом, но для обозначения человека, являющегося высшим авторитетом для ученика в особых областях знания, обычно закрытого для посторонних. Обучение не заканчивается за школьной партой или студенческой скамьей, на производстве его ведут наставники. Крайне интересна ассоциативная семантика слова «*педагог*»: здесь подчеркивается профессиональная подготовка (сравним: педагогические и *учительские, *преподавательские учебные заведения), способность к этому виду деятельности и высокая оценка личности преподавателя (*«Кто Ваш педагог?»*).

Отрицательная характеристика наиболее распространенного дефекта личности учителя (эта профессия, как и всякая другая, может деформировать личность) выражена в слове *ментор,* скорее – в прилагательном *менторский* — постоянно поучающий, навязчиво воспитывающий, обычно говорят о менторском (или дидактическом) тоне. В английском, впрочем, *mentor – a wise and trusted counselor* (WEUD) – не имеет отрицательных коннотаций и означает "наставник", так, например, говорят о своем научном руководителе. Интересно отметить, что в русском языке нет специального слова для обозначения человека, выдающего себя за учителя (сравним: врач может быть шарлатаном, ученый – дилетантом, писатель – графоманом), если не рассматривать слово *лжеучитель*, относящееся к религиозной сфере общения.

Реалии нашей жизни таковы, что статистически в школах работают в основном женщины, особенно в начальных классах. Поэтому в Русском ассоциативном словаре преобладающей реакцией на стимул *учительница* является слово *первая,* характеристики *добрая* и *любимая* значительно перевешивают реакции *строгая* и *мучительница.* Стимул *учитель* представлен гораздо меньшим и

поэтому менее надежным количеством реакций, из которых оценочные уравновешивают друг друга (*добрый, любимый — злой, мучитель*). С возрастом оценка респондентов меняется по содержанию: преподаватель – не *добрый* или *злой,* а *умный* или *глупый, «хороший»* или *«плохой».* Гендерная специфика распределения учителей в школе привела к тому, что у нас может быть *училка* (и *воспиталка* в детском саду), но нет параллельных обозначений для мужчин. Сленговое студенческое *препод* или *проф* — это оценочно нейтральные слова.

В английском идеографическом словаре – тезаурусе П.Роже (Roget) –дан весьма значительный список слов, ассоциативно связанный с понятием *«teacher»* — «учитель»: *teacher, preceptor, mentor, guide; minister, pastor; guru, sage; instructor, educator; tutor, private tutor, coach; governess, nursemaid, keeper; educationist, educationalist, pedagogue; pedant, wiseacre; schoolmarm; schoolmaster or mistress, schoolteacher, class teacher, subject teacher; assistant teacher, department head, head teacher, head, headmaster or -mistress* (Brit), *principal, chaplain; student teacher, monitor; prefect, proctor; dean, chairman or -woman, chairperson, chair, fellow; lecturer, expositor, exponent, interpreter; prelector, assistant professor, associate professor, professor, adjunct professor, chaired professor, visiting professor, professor emeritus; catechist, catechizer; initiator, mystagogue; confidant, consultant, adviser; teaching staff, faculty, professoriate.*

Other Forms — scholar: don, reader, professor, pedagogue, teacher; sage: master, mentor, guide, guru, pundit, rabbi, teacher; interpreter: interpreter, clarifier, explainer, exponent, expounder, expositor, exegete, teacher, religious teacher; lecture: lecturer, teacher; director: director of studies, teacher; adviser: guide, philosopher and friend, mentor, confidant(e), teacher; expert: professional, pro, specialist, authority, doyen, professor, teacher; master: schoolmaster or -mistress, teacher.

В этом списке даны различные наименования преподавателей высшей и средней школы Англии и США с детальной характеристикой реалий их образовательной системы. Некоторые из этих реалий трудно перевести на русский язык, например, такие обозначения, как *visiting professor (A professor on leave who is invited to serve as a member of the faculty of another college or university for a limited period of time, often an academic year* – университетский преподаватель, который во время своего отпуска приглашен в другой колледж или университет для временной работы на определенный период, обычно на учебный год), *professor emeritus (Retired but retaining an honorary title corresponding to that held immediately before retirement* – ушедший в отставку профессор университета, имеющий право на это звание и, как правило, пожизненное жалованье в размере прежней заработной платы – *tenure — the status of holding one's position on a permanent basis without periodic contract renewals: a teacher granted tenure on a faculty*). Даны обозначения религиозных учителей в различных конфессиях (интересно, что в английском *учитель* и *проповедник* сближаются как семантически, так и по форме: *teacher* – *preacher*), приводятся наименования специалистов в области теории педагогики (*educationist, educationalist, pedagogue* – последнее слово содержит негативную ассоциацию «педантичный»).

Обращение к учителю со стороны учащегося на любой ступени обучения в русской лингвокультуре требует называния имени и отчества, в английской лингвокультуре используется формула Mr / Ms + фамилия (*Mr. Preston*), в репликах, адресованных учителям-мужчинам, школьники используют вежливое слово *sir.* В университетском общении возможна более свободная система обращения в зависимости от того, каковы обстоятельства общения – возраст преподавателя, степень личного знакомства с ним, место встречи (большая лекционная аудитория, небольшой класс для практического занятия, неформальная встреча вне стен учебной аудитории).

Наименования учащихся в русском языке вариативны, хотя и уступают количественно наименованиям учителей (это закономерно, поскольку агенты института обозначаются всегда более детально, чем клиенты). Наименования учащихся различаются по ступени обучения (*школьник, пятиклассник, студент, второкурсник, аспирант*), по виду учебного учреждения (*курсант, слушатель, адъюнкт, семинарист*), по успеваемости (*отличник, двоечник* – эти понятия, кстати, лишь описательно переводятся на английский, но в высшей школе англоязычных стран более четко концептуализировано понятие *стипендиат,* поскольку стипендию там надо выиграть в конкурсе), по отношению к периоду обучения (*выпускник*). В словаре П.Роже мы сталкиваемся приблизительно с такой же ситуацией: *student, university student, college student, coed, collegian, seminarist; undergraduate, undergrad, freshman, frosh, sophomore; former student, alumnus, alumna; scholarship-holder, Rhodes Scholar; honors student; graduate student, fellow; mature student, researcher, specialist.*

Other Forms — inquirer: student, seeker, thinker, seeker of truth, philosopher; scholar: student, serious student, learner; learner: pupil, scholar, schoolboy or -girl, student.

Специфика английского языка состоит в более широком обозначении понятия *student* — «тот, кто изучает что-либо»: *a person who makes a thorough study of a subject; Example: a keen student of opinion polls* (Collins).

К учащимся учителя обращаются официально по фамилии, неофициально – по имени.

Хронотоп педагогического дискурса четко очерчен: это время, закрепленное за учебным процессом (школьный урок, университетская лекция) и место, где соответствующий процесс происходит (школа, класс, учебная аудитория). Метафорика школы рассматривается в статье О.В.Толочко (1999). Автор показывает, что школа в произведениях художественной литературы ассоциируется с войной, адом, посещением врача, каторгой, судом, духовной смертью. Пространство школьного класса семиотически распределено в виде территории учителя (учительский стол, пространство перед классной доской, доска) и территории учащихся (парты), при этом задние парты (*«камчатка»*) часто являются местом, где любят сидеть слабоуспевающие ученики, а передние парты – это либо места для слабовидящих и низкорослых учеников, либо места, куда сажают тех, кто мешает вести урок, либо – в старые времена – места для лучших, «первых учеников». Учитель имеет право находиться в любом месте класса, передвигаться по классу, учащиеся должны сидеть на своих местах и выходить к доске только по вызову учителя. Учащиеся обязаны выполнять ритуальные действия: приветствовать учителя в начале и конце урока коллективным вставанием, показывать готовность к ответу специальным жестом – поднятием согнутой в локте руки, а готовность к слушанию – лежащими на парте руками, согнутыми в локтях, при этом ладонь правой руки покоится на локте левой (учителя начальных классов внимательно следят за соблюдением этих жестов).

Цель педагогического дискурса — социализация нового члена общества (объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов).

Ценности педагогического дискурса объясняются его системообразующей целью и могут быть выражены аксиологическими протокольными предложениями, т.е. высказываниями, содержащими операторы долженствования (*следует, нужно, должно*) и положительные ценности. Такие предложения являются исследовательским конструктом, но в ряде случаев они могут получать

реализацию в определенных кодексах, могут быть зашифрованы в пословицах, могут проявляться в различных модификациях (вплоть до пародирования и прямого отрицания) в прецедентных текстах и, главным образом, находят прямое выражение в ситуациях коммуникативного сбоя, когда участники общения вынуждены формулировать то, что обычно подразумевается и является условием нормального общения. Например, *“Старших нужно уважать”* — Ср. варианты: *“Яйца курицу не учат”, “Старый конь борозды не испортит”, “Старая раковина жемчуг дает”, “Почитай старших — вас станут почитать младшие”* и т.д.

Полный список ценностей педагогического дискурса весьма трудно составить по нескольким причинам: во-первых, педагогический дискурс является основой для формирования мировоззрения, и поэтому почти все моральные ценности заложены в этом типе дискурса; во-вторых, педагогический дискурс в некоторых аспектах пересекается с религиозным, научным и политическим типами дискурса, и поэтому трудно выделить собственно педагогические стороны ценностей; в-третьих, ценности дискурса несут идеологический заряд, и поэтому в разных идеологических системах возможны расхождения в соответствующих ценностях; наконец, ценностная картина мира состоит не из дискретных образований, а из континуума, который членится людьми с известной долей условности. Тем не менее можно очертить такой список, открытый для модификаций и корректировок:

Жизнь есть благо, поэтому следует ценить жизнь, свою жизнь, жизнь ближних и дальних людей, жизнь живых существ.

Познание есть благо, поэтому следует учиться. Следствия: следует с почтением относиться к учителю, к источникам знания, прежде всего — книгам, к процессу учения и месту обучения.

Знания приходят с опытом и возрастом, поэтому следует с почтением относиться к старшим. Следствия: старшие должны наставлять младших, младшим следует учиться у старших.

Учение сопряжено с преодолением трудностей, поэтому следует проявлять упорство и настойчивость в учении. Следствия: следует поощрять упорных и порицать нерадивых учеников, следует помогать ученикам.

Учение сопряжено с ошибками, поэтому следует замечать и исправлять ошибки.

Знания могут быть глубокими и поверхностными, следует стремиться к получению глубоких знаний. Следствия: следует с почтением относиться к носителям глубоких и достоверных знаний, следует проверять поверхностные знания.

Знания передаются постепенно, поэтому следует определять меру знания для ученика. Следствия: следует передавать знания ученикам, подготовленным к усвоению этих знаний, следует избегать поспешности и замедленности в обучении.

Знания закрепляются в повторениях, упражнениях и практике, поэтому следует многократно повторять то, что должно быть усвоено.

Учитель должен быть образцом для ученика.

Разумеется, этот список можно продолжить.

Ценности педагогического дискурса соответствуют ценностям социализации как общественного явления и организованного обществом института. Говоря о ценностях дискурса, я имею в виду несколько путей выявления этих ценностей. Во-первых, это моделирование культурных концептов, необходимым компонентом которых является ценностная составляющая, благодаря чему можно установить ценностную картину мира применительно к определенному этносу или социуму (Карасик, 1994, 1996). Во-вторых, это моделирование нормативных постулатов и следствий в рамках поведенческих стереотипов (например, приоритет

родственных отношений “муж и жена” либо “родители и дети”, первая модель соответствует западноевропейской и американской культурной парадигме, вторая — китайской — Hsu, 1969). В-третьих, это анализ топосов, или общих мест в риторике, например, народная педагогика, отраженная в пословицах: характеристики трудолюбия и лени, честности и нечестности, смелости, трусости и безрассудства, гордости и утраты доброго имени, терпеливости и нетерпеливости, бескорыстия и корысти, скромности и нескромности, силе и слабости (Рождественский, 1997, с.523–524).

Стратегии педагогического дискурса состоят из коммуникативных интенций, конкретизирующих основную цель социализации человека — превратить человека в члена общества, разделяющего систему ценностей, знаний и мнений, норм и правил поведения этого общества. Можно выделить следующие коммуникативные стратегии: объясняющую, оценивающую, контролирующую, содействующую, организующую.

Объясняющая коммуникативная стратегия представляет собой последовательность интенций, сориентированных на информирование человека, сообщение ему знаний и мнений о мире. Эта интенция реализуется во множестве жанров педагогического общения: от бытового разговора между родителями и детьми об окружающей действительности (наименование предметов, их характеристики и связи) до философской беседы между учителем и его последователями. Именно эта интенция отражена в исходном значении глагола “*учить*” — “передавать знания”. Разумеется, мы говорим не только о знаниях, т.е. о сложившейся системе информации, признаваемой в обществе в качестве коллективного объективного достояния, но и о мнениях, т.е. об индивидуальных и субъективных представлениях. Научные и обыденные знания пересекаются, в ряде случаев не совпадая: научная система знаний о мире две тысячи лет тому назад вряд ли будет признана объективной по меркам сегодняшнего дня. Данная стратегия в наибольшей степени сближает педагогический дискурс с научным, разница состоит в том, что педагогический дискурс не нацелен на поиск объективной истины, он опирается на аксиоматику, которую следует принять на веру. Соответственно и намерение учителя сводится к передаче накопленного опыта, а не к поискам новой информации. О.Розеншток-Хюсси (1994, с.198–199), в известной мере прямолинейно схематизируя действительность, верно определил основную сущность педагогического дискурса — это передача традиций, это повествование, это запись человеческой истории, человек “заслонен своим поступком, он замещен фактом, который теперь передается и записывается для потомства”. Для ученика же цели педагогического дискурса в значительной степени совпадают с целями научного общения.

Коммуникативная стратегия как рубрика для речевых действий может быть обозначена глаголами речи. В теории речевых актов велась дискуссия по поводу возможности исчисления этих актов по их языковому наименованию, и есть два полярных подхода к решению этого вопроса: выделяется столько речевых действий, сколько есть в языке глаголов для их именования, и столько речевых актов, сколько можно установить коммуникативных ситуаций. Недостатки первого (вербоцентристского) подхода — попытка заменить метаязык естественным языком с его размытой семантикой (чем, например, отличаются речевые акты “хвастаться” и “хвалиться”?) и невозможность выделить речевые действия, для которых нет однословного наименования (сделать комплимент, сказать колкость); недостаток второго (ситуативно-центристского) подхода — известный субъективизм классификации. По-видимому, целесообразно сочетать оба подхода, при этом на начальном этапе вербоцентристский подход является с некоторыми оговорками достаточно обоснованным приемом для выделения

интересующего нас корпуса явлений. Дискуссионный вопрос о том, является ли термин “объяснять” родовым понятием в данном контексте, остается открытым. Итак, ОБЪЯСНЯТЬ: называть, характеризовать, определять, соотносить, обобщать, конкретизировать, спрашивать, отвечать, интерпретировать, переформулировать.

Называя что-либо в педагогическом дискурсе, учитель показывает, произносит имя, отчетливо проговаривая его, выделяет наименование предмета из слов в составе высказывания. Назвать – значит предъявить, обозначить и акцентировать.

Характеризуя названное явление, учитель раскрывает его признаки. Здесь можно было бы и остановиться, сказав, что характеристика предмета с лингвистических позиций есть содержательный анализ этого предмета, описание сигнификата понятия. Действительно, определение, сравнение, обобщение, конкретизация, интерпретация являются разновидностями характеристики. Вместе с тем эти уточнения объясняющей стратегии настолько важны, что заслуживают специального выделения. В узком смысле слова характеристика есть описание предмета.

Последовательно раскрывая свойства и качества предмета, учитель приходит к выделению наиболее существенных признаков, т.е. к определению понятия. Если логическое определение строится на родовидовом соотношении признаков, то для педагогической дефиниции требуется не столько научная точность, сколько соответствие новой информации уровню знаний адресата. Педагогическая дефиниция имеет тройную ориентацию: во-первых, требуется адекватная характеристика предмета (научная ориентация); во-вторых, определение предмета должно быть понятно получателю речи (адресатная ориентация); в-третьих, отсюда вытекает процессуальность дефиниции, ее временный и рабочий характер на каждом этапе обучения, поскольку в целом задача состоит не в том, чтобы дать дефиницию, а в том, чтобы научить дефинировать (процессуальная ориентация). Данные три свойства педагогической дефиниции в известной мере противоречат друг другу. Противоречие разрешается в нестандартных формах дефинирования, например, в загадках (Коротеева, 1999).

Дефинирование подчинено цели дискурса. Например, в толковом словаре С.И.Ожегова слово *волк* определяется как *хищное животное, родственное собаке* (СОж), в четырехтомном Словаре русского языка под ред. А.П.Евгеньевой — как *хищное животное сем. псовых, обычно серой окраски, родственное собаке* (МАС). В английских толковых словарях находим следующие определения: *wolf — wild, flesh-eating animal of the dog family, hunting in packs (OALD); erect-eared straight-tailed coarse-furred tawny-grey fierce usu. Gregarious carnivorous doglike mammal of genus Canis, esp. Canis lupus, preying on sheep etc. Or combining in packs to hunt larger animals* (COD). В словаре для детей (РАФИСК) сказано: *Волк — это дикое животное. Он похож на собаку. Волки живут стаями.* В русском ассоциативном словаре (РАС) приводятся характерные признаки этого животного в коллективном сознании респондентов: серый, злой, голодный, зубастый, страшный и др. Для многих детей волк — это знакомый по сказкам страшный зверь, который съел Красную Шапочку и безжалостно убивает слабых и маленьких животных — зайцев, овечек (попытки высмеять волка в известном мультфильме “Ну, погоди!” являются карнавальным переворачиванием детских страхов). Задача педагогической дефиниции — сформировать в сознании адресата культурный концепт, в состав которого входят разнородные признаки образного, понятийного, оценочного, инструментального характера. Можно увидеть, что научная дефиниция (определение по Краткому Оксфордскому словарю в максимальной степени приближено к энциклопедической дефиниции)

стремится к фиксации существенных для познания признаков (млекопитающее, хищное стадное животное такого-то разряда), в то время как педагогическая дефиниция направлена на закрепление в памяти как объективно-описательных, так и оценочно-предписательных признаков, необходимых для правильного поведения при встрече с этим животным: это опасный дикий хищный (поедающий других животных) зверь. Экологический оценочный признак, как видим, в приведенных дефинициях отсутствует.

Одним из направлений дефинирования является сравнение, определение сходства и различия данного явления в сопоставлении с другими. Эта мыслительная операция является, по-видимому, базовой; не случайно вывод по аналогии (трансдукция) характерен для людей, не получивших систематического (формального, школьного) образования. Основой для объясняющей стратегии в данном случае является опора на опыт адресата. Соотнесение является дискурсивным дейктиком, указателем на знакомые ситуации, характеристики, явления. Существует набор языковых способов соотнесения явлений, например, “*как известно*”, “*в прошлый раз мы говорили о том, что…*”, “*помните ли вы*…”. С грамматической точки зрения соотнесение является операций выделения темы высказывания (тематизацией). Операция соотнесения прослеживается в любом языке, это — универсальная характеристика мышления, но в языках с грамматически выраженной категорией определенности тематизация представлена наиболее отчетливо. Так, на билете в музей мадам Тюссо в Лондоне написано: “*Where the People meet THE people*”. — “Где народ встречается с известными людьми”. Соотнесение и сравнение в педагогическом дискурсе позволяют не только подготовить почву для выделения признаков нового явления, но и систематизировать прежние знания.

Обобщение (генерализация) и ограничение (детерминация) представляют собой важнейшие операции теоретического познания, позволяют выделить классы и оперировать абстрактными именами, пользоваться дедукцией и индукцией в мышлении. Эти логические ходы в объяснении являются формальным знаком образованного человека. В научной литературе приводятся результаты социолингвистического анализа собеседования с людьми, пережившими смерч: разница в образовательном цензе респондентов состояла, как пишут Л.Шатцман и А.Стросс, не в грамматической правильности речи и богатстве вокабуляра, а в четырех факторах — взгляд на событие с чужой точки зрения, учет позиции адресата, классификаторы, иерархическая организация повествования (Schatzman, Strauss, 1972, p.207–215). Недостаточно образованные люди уверены в том, что их собеседник должен понимать их с полуслова, они не способны описывать событие в различных аспектах, принимать во внимание то, что рассказу должно предшествовать пояснение, им не удается отвлечься от наблюдаемого мира, различные фрагменты которого выстраиваются в их речи в однопорядковую цепь. В целом такая ущербность общения объясняется тем, что этим людям приходилось говорить только с хорошо знакомыми им людьми на бытовые темы, пользуясь “ограниченным кодом”, по Б.Бернстайну (Bernstein, 1972, p.164). Операции отвлечения (абстрагирования) и обобщения (генерализации) так же, как связанные с ними операции конкретизации и перехода от общего к частному, основываются на вычленении признаков предметов и закрепляются в человеческой практике, но способность артикулировать ненаблюдаемые признаки развивается с помощью специальных приемов (обобщающая, изолирующая, идеализирующая абстракции) (Кондаков, 1976, с.11). Обобщение в процессе объяснения выражается также в виде резюмирования, краткого подведения итогов с выделением основных мыслей.

Объяснение диалогично по своей природе, и хотя диалог шире, чем вопросно-ответное единство, вопросы и ответы занимают в процессе передачи знаний ведущее место. Учитель, стремясь побудить познавательную активность учащихся, ставит вопросы и, объясняя, дает на эти вопросы ответы. Специфика вопросов и ответов в педагогическом дискурсе заключается в том, что учитель, задавая вопрос, должен заранее знать ответ. Представляет интерес классификация вопросов в работе С.Ф.Гедз (1998): информативные и псевдоинформативные высказывания, к последним, в частности, относятся вопросы-загадки и вопросы викторин. Отвечая на информативный вопрос, адресат ликвидирует незнание адресанта, отвечая же на псевдоинформативный вопрос, адресат демонстрирует свои знания. Как показано в цитируемой работе, задавая вопрос, говорящий влияет на деятельностное поведение собеседника, и это влияние в рамках ситуации коммуникативного сотрудничества реализуется посредством речевых актов реквестива (просьбы) и пропозива (предлагания, а именно: предложения услуг, приглашения и запроса относительно желания адресата), а в конфликтной ситуации, задавая вопрос, говорящий прибегает к речевым актам угрозы и упрека. В лингвистических исследованиях противопоставляются информационные и риторические, уважительные и контролирующие, верификативные и апеллятивные, модальные и диктальные вопросы (Арутюнова, 1998; Чахоян, 1979; Goody, 1978). Вопросы в педагогическом дискурсе, разумеется, представлены во всей полноте своих первичных и вторичных функций, но специфика экспликативных (объясняющих) вопросов заключается в постепенном раскрытии сущности предмета, и поэтому прототипным вопросом в рассматриваемом дискурсе является вопрос в эвристическом диалоге Сократа (Михальская, 1998, с.44–47). Соответственно ответ в педагогическом дискурсе — это стимул к постановке нового вопроса.

Важнейшая характеристика познания — интерпретация действительности. Интерпретация — это толкование, направленное на раскрытие смысла. Противопоставляя значение и смысл как объективное абстрактное и субъективное конкретное содержание, человек в процессе интерпретации окружающего мира определяет предметы и явления для себя, здесь и сейчас. Обычно об интерпретации говорят применительно к содержанию художественного произведения, т.е. в тех случаях, когда возможно неоднозначное толкование смысла. Педагогическая интерпретация, как мне представляется, — это увязка учителем новой для ученика информации с жизненным опытом и мировоззрением ученика. Например, в курсе лекций по языкознанию в разделе “Прагмалингвистика” (тема: "Постулаты общения") для студентов факультета иностранных языков педагогического университета в качестве педагогической интерпретации объясняемого теоретического материала может служить такой комментарий:

“*Анализ постулатов общения имеет большую практическую значимость для понимания инокультурных норм поведения. Так, в англоязычной культуре коммуникативная дистанция на уровне социального общения (т.е. общения с незнакомыми и полузнакомыми людьми) для представителей среднего класса превышает дистанцию соответствующего уровня, принятую в России, и это выражается не только в том, что англичанин или американец могут в разговоре инстинктивно отшатнуться, если к ним подойти ближе, чем у них это принято, но и в тональности беседы, которая должна быть непременно приятной и вежливой; проблемные темы на социальной дистанции обычно табуируются, отсюда и фразы “It’s your problem”, “Business as usual” (Это — ваша проблема. Это — обычный бизнес). На это следует обратить внимание в*

живом общении, при просмотре фильмов и чтении художественной литературы”.

Педагогическая интерпретация часто реализуется как рассказ о собственном опыте, это весьма убедительное средство доказательства при передаче знаний.

В процессе объяснения нередко приходится возвращаться к предмету речи, повторять, показывая разные стороны проблемы. В этих случаях уместным оказывается прием переформулирования, перифразы, называния одного и того же явления разными именами. Этот прием полезен не только для оживления внимания, но и для развития речи, а также и для осознания неоднозначного соотнесения слова и идеи. Кроме того, перифраза выполняет функцию косвенного контроля понимания: участники педагогического дискурса могут увидеть, насколько глубоко усвоен материал.

Оценивающая стратегия педагогического дискурса выражает общественную значимость учителя как представителя норм общества и реализуется в праве учителя давать оценку как событиям, обстоятельствам и персонажам, о которых идет речь при обучении, так и достижениям ученика. Разумеется, оценка в чистом виде встречается весьма редко, обычно она сопряжена с выражением личностного отношения. Показателями личностного отношения выступают модусные операторы “Мне нравится / не нравится”, в частности, эмотивные знаки (“*Ах, какое было время!*”). Эмоции выражают отношение человека к содержанию знания в виде субъективной значимости этого содержания для языковой личности (Шаховский, 1995, с.12). Общеоценочное значение выражается операторами “хорошо — плохо”, частнооценочные значения могут быть сенсорно-вкусовыми (“душистый”), психологическими (“увлекательный”), эстетическими (“уродливый”), этическими (“добрый”), утилитарными (“вредный”), нормативными (“правильный”), телеологическими (“эффективный”) (Арутюнова, 1998, с.198–199). Оценивать – значит хвалить, порицать, критиковать, мотивировать, определять место объекта оценки на условной оценочной шкале, устанавливать идеалы.

Похвала — это одобрение, т.е. высказанная положительная оценка кому- или чему-либо. Речевой акт похвалы включает одобрительный отзыв в прямой или косвенной форме, может содержать как общеоценочные, так и частнооценочные значения. Порицание выступает в качестве антипода похвалы. Следует отметить, что в педагогическом дискурсе похвала редко переходит в восхваление и прославление, в то время как порицание легко трансформируется в осуждение и обвинение. Тем самым нарушается специфика именно педагогического общения. В естественном языке, как известно, существует асимметрия положительной и отрицательной оценки, слов с отрицательным оценочным значением гораздо больше, чем слов с положительной оценкой. Это объясняется тем, что отрицательный опыт имеет большее значение для человека. Специфика успешного педагогического дискурса заключается в изменении естественного языкового оценочного баланса: положительная оценка поступка адресата может трансформироваться в положительную оценку адресата в целом как личности, а отрицательная оценка соответствующего поступка не должна подвергаться подобной трансформации, поскольку отрицательная оценка учителем личности ученика ведет к потере чувства собственного достоинства ученика. Известно также, что наиболее эффективным является порицание с глазу на глаз, поскольку публичное порицание вызывает протест и поэтому, в частности, не практикуется в современной высшей школе Великобритании и США.

Критика представляет собой обсуждение с целью выявления достоинств и недостатков и вынесения оценки. В процессе критического обсуждения в педагогическом дискурсе определяются оценочные стереотипы, т.е. объекты, входящие в классификационные структуры и обладающие стандартным набором

признаков (Вольф, 1985, с.57), например, образы отлично выполненного чертежа, правильно решенной задачи, красиво прочитанного стихотворения. Критика тесно связана с мотивировкой оценки. Мотивировка оценки направлена на формирование у адресата системы ценностей и формулируется в виде аксиологического протокольного предложения либо его эквивалента. Например: *Нельзя опаздывать, потому что человек должен быть дисциплинированным*. Быть дисциплинированным значит подчиняться общим правилам и самоконтролю; правила — это принципы или установленные законы поведения; следует соблюдать законы и контролировать себя — в этом ряду протокольных предложений выражены ценности коллективной жизни.

Важнейшей характеристикой оценки является наличие оценочной шкалы. Точки на этой шкале выделяются в соответствии с выработанными критериями. Основным критерием для градации является возможность фиксации некоторого состояния для объективного определения степени качества. Например, оценка "7 баллов" по десятибалльной системе на вступительном экзамене для абитуриентов по английскому языку в Волгоградском государственном педагогическом университете ставится, если при чтении обеспечивается понимание основного содержания текста, аргументация ведется посредством простых языковых штампов; говорение выявляет умение поддерживать беседу с наводящими вопросами, налицо недостаточное выражение собственного отношения к теме, нарушения связности высказываний; в грамматике абитуриент делает от семи до девяти ошибок. Именно в педагогическом дискурсе оценка сопряжена с ее градуальным выражением, например: *получить пятерку на экзамене по физике*. При переходе в иные виды институционального дискурса столь жесткая цифровая градация оценки выглядит нелепо: **исповедаться на тройку*. В естественном языке градация обычно распространяется на качество, подлежащее оценке, в его норме и отклонениях в сторону недостатка и избытка: храбрость — трусость — безрассудство.

Контролирующая стратегия в педагогическом дискурсе представляет собой сложную интенцию, направленную на получение объективной информации об усвоении знаний, сформированности умений и навыков, осознании и принятии системы ценностей. Это обратная связь, выражающаяся в проверке готовности к получению новой информации, в контроле понимания во время объяснения и после предъявления нового материала. Вместе с тем эта стратегия включает действия учителя по формированию ответственности и дисциплинированности как необходимых качеств жизни в коллективе. Контролировать – значит поддерживать контакт с адресатом, стимулируя внимание, вести опрос, экзаменовать, тестировать.

Поддерживая контакт с адресатом (обычно коллективным в случае педагогического дискурса), учитель осуществляет невербальный контроль общения, дозирует время объяснения нового и повторения пройденного материала, называет этапы занятия, соотносит моменты информативного и фатического (контактоустанавливающего) общения. Существуют дискурсивные фразы для привлечения внимания, это, прежде всего, обращения, этикетные формулы, замечания, специальные комментарии. Знаком привлечения внимания может послужить изменение громкости голоса как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения силы звука, а также значимое молчание учителя. К числу способов привлечения внимания относятся и намеренные неправильные ходы в объяснении, например, сообщение о логической структуре материала и пропуск одного из компонентов: “*Известный отечественный языковед Б.Н.Головин выделяет четыре типа грамматических категорий — категории слов,*

словоформ и словесных конструкций” (намеренно пропущена категория словесных позиций).

Как текущий, так и итоговый опрос представляет собой серию заданий, в которых формулируются наиболее важные моменты применительно к темам теоретических дисциплин и практических курсов. Формулировка вопросов может быть выражена как в виде вопросительных, так и в виде побудительных предложений; в письменном опросе формулировки обычно даны как номинативные повествовательные предложения. Сказанное относится и к экзаменационным заданиям. Основное отличие экзамена как формы контроля знаний, умений и навыков состоит не в содержательном, а в ситуативно-статусном отношении: экзамен представляет собой формальную процедуру контроля и оценки. Формализация экзамена соответствует функции ритуала: обозначить определенный этап в жизни человека. В этом смысле экзамен как вид педагогического дискурса является инициацией и значит гораздо больше, чем контрольное мероприятие. Различного рода тесты, т.е. “стандартные задания, применяемые с целью определения умственного развития, специальных способностей, волевых качеств человека и других сторон его личности” (МАС) широко используются в педагогическом общении. Различаются тесты для самопроверки либо внешней проверки, с пробелами, которые требуется заполнить, либо с выбором правильного ответа из нескольких предложенных вариантов, стимулирующие креативную либо клишированную речь и т.д.

Содействующая стратегия педагогического дискурса состоит, как мне представляется, в поддержке и исправлении учащегося. Эта стратегия имеет много общего с оценивающей стратегией, но различие заключается в том, что оценка направлена на установление объективного положения дел, а содействие — на создание оптимальных условий для формирования личности человека (критика либо эмпатия). Содействующая стратегия выражается в виде положительного отношения к адресату как исходного постулата общения. Эта стратегия отражена в таких универсальных высказываниях, как следующие: *“Человеку свойственно ошибаться”, “Не ошибается только тот, кто ничего не делает”, “Действенна только благожелательная критика”, “Where there is a will, there is a way”.*

Организующая стратегия дискурса заключается в совместных действиях участников общения: 1) этикетные ходы педагогического дискурса (приветствия, обращения, знаки внимания); 2) директивные ходы *(“Откройте тетради”, “Прочитайте текст на стр. 24”*), а также трафаретные формулы, используемые при возникновении и разрешении конфликта; 3) тренировочные и игровые высказывания как на уроке, так и во время внеклассных мероприятий.

Следует заметить, что стратегии дискурса выделяются с известной степенью условности, являются исследовательской абстракцией. В реальном общении существует совокупность интенций, переходящих друг в друга, быстро меняющихся в зависимости от меняющихся обстоятельств общения, интеракция не является суммой действий, происходит координация стратегий (Макаров, 1998). Кроме того, правильно построенный “идеальный” тип иституционального дискурса весьма редко встречается в действительности.

Жанры педагогического дискурса могут быть исчислены либо в рамках дедуктивной модели, построенной на основании тех или иных признаков (например: цели, типы участников, типы сценариев, степень ритуализации и т.д.), либо на основании реально существующих естественно сложившихся форм общения, для которых возможно выделить прототипные (канонические) единицы: урок, лекция, семинар, экзамен, родительское собрание, диспут, беседа родителей и ребенка, учителя и ученика и др. Наиболее важные жанры дискурса

распадаются на виды (обычный урок, урок-экскурсия, урок-зачет и т.д.). Жанры педагогического дискурса тесно связаны с его стратегиями (Милованова, 1998). Одним из жанров педагогического дискурса является дефинирование — важный компонент объясняющей стратегии. Учебные дефиниции отличаются от логических, свойственных научному дискурсу, поскольку для объяснения признак достаточности (т.е. опоры на знания адресата) не менее важен, чем признак полноты (т.е. объективной характеристики явления). В педагогическом дискурсе выделяются остенсивные, классификационные, трансформационные, интерпретационные, экземплификативные, инструментальные, косвенные, а также квази- и псевдодефиниции (Коротеева, 1999, с.3).

Речь учителя как представителя профессиональной группы может быть измерена с помощью подсчета актуализаторов стратегий (в данном случае речь идет о таких стратегиях общения, как уверенное либо неуверенное речевое поведение, акцентирование автором элементов высказывания, удовлетворение автором прагматических ожиданий получателя), в результате чего можно сделать заключение о том, что типичными чертами речи учителей являются убежденность, уверенность, категоричность; умение выделить коммуникативно-значимую информацию; способность излагать информацию в достаточном и развернутом объеме (Ленец, 1999, с.3, 8). Эти характеристики речи учителя имеют универсальный характер. Типичной разновидностью коммуникативной неудачи в речи учителя является неправильно выраженное порицание, цель которого — добиться, чтобы ученик изменил свои действия в нужном направлении — не достигается вследствие замещения речевого акта побуждения выражением эмоционального состояния учителя, сопровождаемым оскорблением и унижением учащегося (Базилевская, 1991, с.19).

Для моделирования педагогического дискурса очень важен учет коммуникативных потребностей школьников. Так, для младших школьников характерны (по данным специального исследования) следующие коммуникативные потребности: поговорить с окружающими о своих чувствах, о том, что его интересует, волнует, получить интересующую информацию, узнать о жизни взрослого или сверстника, послушать интересный рассказ, сказку, смешную историю, прибегнуть к установлению эмоционального контакта через физический (просто обнять маму, папу, прикоснуться к учителю, подержать за руку подругу). Очень часто эти потребности не удовлетворяются. Дети (70% опрошенных) считают, что взрослые редко используют позитивные оценки, чаще — негативную лексику (Лемяскина, 1999, с.9,10).

К числу прецедентных текстов педагогического дискурса относятся прежде всего школьные учебники и хрестоматии, правила поведения учащихся, а также многие известные тексты детских книг, сюжеты популярных художественных и мультипликационных фильмов, тексты песен, пословицы, поговорки, известные афоризмы на тему учебы, знаний, отношений между учителем и учеником.

Заслуживают внимания определенные выражения, свойственные именно педагогическому дискурсу и определяющие данный тип общения. Например: «*Садись, два!*» — учитель ставит ученику отрицательную отметку за ответ, и это сопряжено с объяснениями дома, последующим наказанием и связанными с этим эмоциями ученика. Все учащиеся в русской лингвокультуре остро осознают и переживают фразу в устах учителя: «*К доске пойдет…*», в этот момент каждый, затаив дыхание, ждет, кто окажется жертвой. К числу моментально угадываемых диалогов относится следующий: *«Где твой дневник?» — «Дома забыл». – «А голову ты дома не забыл?».* Интересно отметить, что в военно-учебных заведениях, где отрицательные оценки связаны с дисциплинарными наказаниями, в частности, отсутствием увольнения из части во время выходных, курсанты

используют стандартную формулировку: *«Извините, я сегодня не готов к занятию». – «Почему?» — «Недопонял».* Такое выражение психологически переносит часть вины на преподавателя, который недостаточно успешно объяснил материал. Нельзя не согласиться с О.В.Толочко (1999), доказывающей, что в педагогическом дискурсе выделяется система концептов, образующих концептосферу «образование» и включающих такие оценочно насыщенные концепты, как «школа», «урок», «экзамен», «отличник» и «двоечник», «дневник», «отметка» и др.

Подведем некоторые итоги. Педагогический дискурс объективно выделяется в системе институционального дискурса, системообразующими признаками которого являются участники, хронотоп, цель, ценности, стратегии, жанры и прецедентные тексты. Стратегии педагогического дискурса — последовательности интенций речевых действий в типовой ситуации социализации — могут быть охарактеризованы как объяснение, оценка, контроль, содействие и организация деятельности основных участников этого дискурса — учителя и ученика.

Религиозный дискурс

Социолингвистический анализ дискурса (текста в ситуации реального общения) требует учета сложившихся в обществе институтов, таких, например, как образование, медицинская помощь, армия, судопроизводство, политическая деятельность, коммерция, спорт. В этом ряду нельзя не упомянуть церковь — религиозную организацию духовенства и верующих, объединенную общностью верований и обрядности (БТС). Анализ религиозного дискурса позволяет вскрыть глубинные характеристики как языка, так и религии (Мечковская, 1998), и представляет интерес для лингвистического изучения структуры институционального дискурса и построения классификации типов дискурса. В лингвистической литературе обосновано выделение религиозно-проповеднического (или – с других позиций – церковно-религиозного функционального стиля) в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка (Крысин, 1996; Прохватилова, 1999; Крылова, 2000).

Принимая во внимание выработанные в социолингвистике модели общения (Fishman, 1976; Brown, Fraser, 1979; Hymes, 1979; Белл, 1980) и предложенную выше компонентную структуру дискурса, я хотел бы обсудить в данной работе некоторые из следующих компонентов религиозного дискурса: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе, ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы.

Участники институционального дискурса подразделяются на агентов и клиентов, к первым относятся те, кто играет активную роль в институциональном общении, ко вторым — те, кто вынужден обращаться к агентам и выступает в качестве представителей общества в целом по отношению к представителям института. Применительно к религиозному дискурсу агентами являются священнослужители, а клиентами — прихожане. Уникальная специфика религиозного дискурса состоит в том, что к числу его участников относится Бог, к которому обращены молитвы, псалмы, исповеди в ряде конфессий и т.д. и который выступает в качестве суперагента. Всевышний в религиозном дискурсе распадается на две сущности: собственно Бог и тот, кому он открылся, т.е. пророк. Пророк выступает в качестве материального носителя высшего божественного содержания, конфликт между пророком и жрецом, между тем, кто несет высшую

истину, и тем, кто обеспечивает трансляцию и адаптацию этой истины, составляет сердцевину драматургического развития религии.

С точки зрения социологии, истории, этнографии и религиоведения можно выделить множество разновидностей священнослужителей в различных конфессиях (следует отметить, что агенты институционального дискурса представлены в номинации более дифференцированно, чем клиенты). Например, в католической церкви выделяются папа, кардинал, епископ, каноник, аббат и т.д., но для анализа религиозного дискурса различия в речи епископа и аббата вряд ли могут быть признаны существенными. Во всяком случае, более значимым является обозначение статуса священнослужителя через принятое обращение к нему, например, *Ваше Святейшество* — к патриарху, *Сестра* — к монахине, *Reverend* — к священнослужителю в христианской церкви англоязычных стран (при этом отмечается, что *Father* имплицирует католицизм). Интересно преломляется метафора родства в обращениях священнослужителей к индивидуальным прихожанам и к пастве в целом: в первом случае нормально воспринимается клише “*сын мой*”, “*дочь моя*”, во втором случае, особенно в жанре проповеди, используется формула “*братья и сестры*”. Стилистически маркируется отличие между мирским и духовным обращением: в английском языке сосуществуют две формы множественного числа слова *“брат” — brothers и brethren*, в русском языке различие прослеживается во множественном числе слова “*сестра”.*

Личные местоимения в религиозном дискурсе играют особую роль: в канонических молитвах фигурирует только местоимение “мы”, которое произносит как священнослужитель, так и прихожанин. В религиозных текстах нет места вежливым формам местоимений, есть обращение только на “ты” к индивидуальному и на “вы” ко множественному адресату, роль местоимения “я” очень незначительна. Характерной особенностью религиозного дискурса в христианстве является максимальное понижение собственного индивидуального статуса человека, который себя должен именовать “раб божий” и “грешник”. Особенно важным является обращение к Богу. Это обращение очень детально кодифицируется в различных вероучениях, распространенным является запрет на упоминание имени Бога, на обращение ко Всевышнему всуе. Кодификация обращения к Богу включает собственно обращение (*Господи!*), постоянные эпитеты (например, *“Аллах акбар!” — Велик Аллах!*), титулатуру *“Царь мира”*, символические метафоры (*О сокровище в цветке лотоса!*). Бог в монотеистических и политеистических религиях окружен добрыми и недобрыми сверхъестественными существами, которые также выступают в качестве адресатов, например, *“Изыди, Сатана!”.*

Номинативное поле религиозного общения включает множество участников, при этом очень существенным является признак принадлежности к церкви (свой — чужой): обозначения иноверцев часто содержат отрицательно-оценочную коннотацию (*язычник, гяур* — “неверный”), а самообозначения даже во внутренней форме слова связаны с положительной оценкой (*правоверный, православный*). Интересен также и факт специального наименования неофитов, например, *выкрест — человек, перешедший в православие из другой религии* (жизненные наблюдения сообщества позволили внести в коннотацию значения данного слова весьма важную отрицательную оценку: “о тех, кто ради выгоды отказался от прежних убеждений”). Приобщение к конфессии оформляется в религии специальным ритуальным действием, при этом новообращенный может принять новое имя. Номинационно фиксируется и переход в духовное звание (*постригать — поставлять, посвящать, рукополагать в монахи, либо в*

духовное званье, при чем, по обряду сему, выстригают немного волос — В.Даль).

Хронотоп религиозного дискурса четко очерчен: прототипным местом такого общения выступает храм, т.е. специальное сооружение, используемое для богослужений и религиозных обрядов, время же религиозного дискурса фиксируется жанровой спецификой такого общения: проповедь произносится в отведенные часы службы, исповедь обычно совершается в часы, противопоставленные церковной службе, и в этом смысле проповедь и исповедь как коллективное и индивидуальное общение в храме находятся в отношении взаимодополнительности. Молитва как особый тип религиозного дискурса резко отличается от других жанров рассматриваемого общения, в том числе и в пространственно-временных координатах. Человек обращается к Богу в храме и вне храма, точнее говоря, как бы в храме, локусом молитвы является внутренний мир человека, душа. Молитва произносится в различные часы, в зависимости от ее видов. Она выступает в качестве подлинного времени, противопоставленного обыденной жизни. В некоторых конфессиях, например в ортодоксальном иудаизме, молитвы очень детально организуют весь день человека, являясь своего рода дискретизаторами времени.

Место религиозного дискурса семиотически распределено и закреплено тысячелетней практикой богослужений. В храме противопоставляются места, где могут находиться священнослужители и прихожане, действия, сопровождающие речь как пастыря, так и паствы, ритмически организованы, выделяются и специально обозначаются одеяния, аксессуары, ритуальные действия, части храма и т.д. Например, в английском языке специально обозначена церковная скамья — pew — *a long seat (bench) with a back to it, for people to sit on in church. Pews are generally thought of as hard and uncomfortable* (LDELC). В приведенной дефиниции интересен комментарий, показывающий предназначение храма — вести людей к духовному очищению через подавление мирских соблазнов, таких как удобная мебель.

Цель религиозного дискурса состоит, по-видимому, в приобщении к вере в рамках определенной конфессии (применительно к проповеди это призывы к вере и покаянию, назидание и утверждение в вере и добродетели, разъяснение вероучения).

Ценности религиозного общения сводятся к ценностям веры, таким как, например, признание Бога, понимание греха и добродетели, спасение души, ощущение чуда, соблюдение обрядов. Специфика рассматриваемого дискурса состоит в том, что если в других типах институционального общения ценности могут быть скрытыми, подразумеваемыми и выводимыми (с таким положением дел мы сталкиваемся, в частности, в деловом или научном дискурсе), то в религиозном общении суть дискурса состоит в открытом утверждении ценностей. Например, признание Бога фиксируется в следующих основаниях веры: Существует Бог, он един, невидим, непознаваем, не имеет формы, является вечным, вездесущим, всемогущим и всеведущим, он милосерден и благ. Эти основания монотеистической веры отражены в священных книгах. Религиозные ценности определяют смысл жизни человека, можно привести лишь некоторые из формулировок: *Поистине, бесконечное — счастье. Нет счастья в малом, лишь бесконечное — счастье. Но следует стремиться к постижению именно бесконечного* (Индуизм. Чхандогья упанишада); *Ибо царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе* (Христианство. Послание к римлянам); *О! Живем мы очень счастливо, хотя у нас ничего нет. Мы будем питаться радостью, как сияющие боги* (Буддизм. Дхаммапада) (Цит. по: Всемирное писание. Сравнительная антология священных текстов. М., 1995.

С.106,108 — Следующие ниже примеры, если это не оговорено специально, также приводятся из этой книги. — В.К.). Полный список религиозных ценностей, сформулированных в виде норм и правил поведения, составил бы целый фолиант, эти ценности вербализованы не только в текстах священных книг, но и во многочисленных комментариях.

Ценности и нормы поведения можно с известными оговорками разбить на четыре группы: суперморальные, моральные, утилитарные и субутилитарные. К первым относятся важнейшие религиозные догматы, определяющие поведение человека по отношению к Богу (*Не произноси имени Господа напрасно.* Библия), ко вторым — поведение человека по отношению к другим людям (*Люби ближнего твоего, как самого себя.* Библия), к третьим — поведение человека по отношению к самому себе (*Ни с кем не говори грубо; те, с кем ты говорил грубо, ответят тебе тем же*. Буддизм. Дхаммапада), к четвертым — необходимые условия биологического выживания (Чтобы жить, нужно есть, спать, спасаться от холода, огня, диких зверей и т.д.). В обыденном общении человек ориентируется на моральные и утилитарные нормы, религиозный же дискурс (и отчасти политический) высвечивает суперморальные нормы как основание для поступка, что же касается субутилитарных норм, то они самоочевидны и поэтому не эксплицируются за исключением тех случаев, когда человеку приходится идти на лишения и самопожертвование, т.е. осознанно поступать вопреки этим нормам. Религиозный дискурс назидателен и в этом отношении он сближается с педагогическим дискурсом.

Ценности в религиозном дискурсе выражаются в чистом виде, в форме иносказания и притчи, а также в повествовании, когда логика сюжета является фактором убеждения. Первоисточники религиозного дискурса изобилуют предложениями в повелительном наклонении (Строго исполняй наказы родителей и наставления учителей), с модальными глаголами долженствования (*Человеку не следует причинять боль, подчинять себе, порабощать, мучить и убивать ни одно животное, живое существо, организм или чувствующее существо* — Джайнизм. Акарангасутра.). Объяснения поведения в религиозном общении стремятся к дефиниционной точности:

Есть восемь недостатков у людей, и их надо тщательно изучить. Делать не свое дело – значит быть назойливым. Лезть вперед, когда к тебе никто не обращался, — значит быть угодливым. Вторить чьему-то мнению, пытаться завязать разговор — значит быть низкопоклонником. Говорить, не обращая внимания на то, прав или не прав собеседник, — значит быть льстивым. Находить удовольствие в том, чтобы перечислять чьи-то неудачи, — значит клеветать. Между делом разрушать чью-либо дружбу — значит быть злонамеренным. Лицемерно и лживо превозносить кого-либо, причиняя таким образом другим зло и несправедливость, — значит быть злобным. Не думая о том, правильно это или нет, пытаться повернуться лицом сразу в обе стороны, чтобы уловить, чего хочет противоположная сторона, — зовется предательством. Эти восемь недостатков приводят к беспорядку вокруг и вредят тому, кто обладает ими. Высокорожденный не станет завязывать дружбу с подобным человеком, а просвещенный правитель не возьмет его в министры (Даосизм. Чжуан-цзы).

Иносказания в религиозном тексте могут быть достаточно прозрачны и сопровождаются комментариями:

Путешествующий не по своей воле подобен опускающемуся в колодец ведру: Сначала, думая про это “я сам”, он получает неправильное представление о самом себе, затем — об окружающих вещах, думая о них — “это мое” (Буддизм. Чандракирти).

Иной тип иносказания представлен в следующем изречении:

День короток, а работы много; работники ленивы, но плата велика, и хозяин торопит (Мишна. Авот).

Комментатор этого текста поясняет, что дни человеческой жизни коротки, изучение Торы требует большого труда, люди имеют обыкновение проводить время в преходящих удовольствиях, однако большое вознаграждение обещано тем, кто изучает священную книгу, и Святой Благословенный приказывает, торопит и предостерегает людей, чтобы они занимались учением. Сказание об Иосифе Прекрасном из Книги Бытия является назидательным нарративом: Иосиф, сын Иакова, "доводил худые слухи" о своих братьях до своего отца, отец же любил его "более всех сыновей своих"… "и сделал ему разноцветную одежду", и был Иосиф сновидцем, и рассказывал своим братьям сны, которые ясно показывали, что он будет царствовать над своими братьями. Эти провокационные нарушения утилитарных норм поведения привели к тому, что Иосиф был продан братьями своими в рабство и оказался в доме египетского вельможи Потифара. С этого момента начинается изложение бедствий и чудесных превращений в жизни Иосифа (доказательство божественного плана как раскрытие суперморальных ценностей), заканчивающееся тем, что он спасает от голодной смерти отца и братьев и прощает братьев своих (детальное освещение моральных ценностей).

Говоря о ценностях религиозного дискурса, следует обратить внимание на ключевой культурный концепт этого дискурса. В данном случае таким концептом является ВЕРА. Под концептом понимается сложное мыслительное образование, в котором выделяются образный, понятийный и ценностный компоненты (Карасик, 1996). Что является образом для абстрактного имени существительного? По-видимому, таким образом должно быть качество, вербализуемое именем прилагательным или глаголом. В данном случае мы сталкиваемся с предикатом *верить — иметь твердую убежденность, уверенность в чем-либо* (БТС*), believe — 1) to have a firm religious faith, 2) to consider to be true or honest; believe in — to have faith or trust in (someone)* (LDCE). Стремясь раскрыть содержание этого значения методом ступенчатой идентификации словарных определений, мы обнаруживаем дефиниционный круг, в котором, как в русском, так и в английском языках, дефиниционные компоненты "убежденность", "уверенность", "belief", "faith", "trust" добавляют к раскрываемому значению слова лишь усилительные признаки (твердый, сильный, firm, strong). Обратившись к рассмотрению образного компонента концепта на основе внутренней формы и этимологии соответствующих слов, как показано в работе Ю.С.Степанова (1997), мы видим, что общеиндоевропейское значение "верить", "уповать", "питать доверие" выражено древним словосочетанием *"давать сердце",* что устанавливается, в частности, в латинском "*credo*". Другое толкование этого концепта, предлагаемое Ю.С.Степановым, связанное с латинским "*fides*", связано с семантикой понятий "*ждать*" и "*принуждать*", с идеей договора, в расширительном понимании — обращаться к Богу и уповать на него, т.е. "*верить*" — "*внушить доверие*". Интересную трактовку этого концепта мы находим в работе А.Д.Шмелева, противопоставляющего предикаты *знать* и *верить* и доказывающего, что "состояние, обозначаемое глаголом *знать*, пассивно и обусловливается информацией, поступившей к субъекту; состояние, обозначаемое глаголом *верить*, обусловливается свободным выбором субъекта и вытекающими из этого выбора ментальными актами" (Шмелев, 1993, с.169). Как пишет Н.Д.Арутюнова (1998, с.543-546), "Истина и Бог — центральные понятия веры", "Истина единственна, но она возможна только при условии, если мир двойствен, т.е. распадается на мир реальный и мир идеальный. Последний отражает (или моделирует) реальный мир и в этом смысле вторичен. В то же время он

предопределяет реальный мир и в этом смысле первичен”. Таким образом, концепт ВЕРА можно попытаться смоделировать как ментальное состояние человека, который 1) понимает различие между данным, обыденным миром, с одной стороны, и запредельным, сверхъестественным миром, с другой стороны, 2) не сомневается в существовании этого запредельного мира, сфокусированного в идее центрального существа — Бога, 3) делает выбор, признавая существование Бога, 4) доверяет Богу и ждет от него помощи. Идея откровения, заложенная в религиозных вероучениях, переживается верующими как особое, ни с чем не сравнимое экстатическое состояние. Эта идея основана на акте свободного выбора. Ключевой концепт ВЕРА определяет внутреннюю логику религиозного дискурса: раскрыть тем, кто этого еще не понял, радость от понимания того, что в мире есть Бог, укрепить людей в вере, помочь им преодолеть трудности, связанные с жизнью в миру. Это состояние внезапного откровения, озарения по-разному сообщается миру. Например, “*Я просыпаюсь. Я объят / Открывшимся. Я на учете*” (Б.Пастернак).

Религия объединяет людей в триединстве веры, обряда и эмоционального переживания чуда. Отметим, что многие ереси возникали в истории различных конфессий как реакция на увеличение внешней, декоративно-обрядовой и рационально-теологической стороны и уменьшение эмоционально-мистической стороны религии. Конечно, религии существуют в обществе с его политическими и экономическими проблемами, и граница между собственно религиозным и религиозно-политическим дискурсом бывает достаточно размытой. Для создания церкви как организации людей границу проводить и нецелесообразно. Например, в исламе нет специального посредника между человеком и Богом, есть имам, руководящий молитвой, есть мулла, знающий законы Шариата, т.е. религиозного права; с аналогичной ситуацией мы сталкиваемся и в иудаизме, где раввин не является священником, т.е. посредником между человеком и Богом, а выступает в качестве советника, комментатора, знающего закон. Вместе с тем требование эмоциональной поддержки веры приводит людей к необходимости учреждения посредников, в какой-то мере выполняющих функции пророков. Такими посредниками выступают праведники в их различных конфессиональных ипостасях.

Стратегии религиозного дискурса определяются его целями и жанрами. К важнейшим целям религиозного общения, уточняющим его главную цель — приобщить человека к Богу, — относятся следующие: 1) получить поддержку от Бога, 2) очистить душу, 3) призвать ближних к вере и покаянию, 4) утвердить верующих в вере и добродетели, 5) разъяснить вероучение, 6) осознать через ритуал свою принадлежность к той или иной конфессии. Соответственно можно выделить следующие стратегии религиозного дискурса: молитвенную, исповедальную, призывающую, утверждающую, разъясняющую и обрядовую.

Молитвенная стратегия религиозного дискурса реализуется в виде искреннего обращения к Богу. На основании критерия иллокуции молитвы могут быть разделены на четыре вида: прошение, покаяние, восхваление и благодарение. Прошение и благодарение конверсивно связаны: человек просит Всевышнего помочь и благодарит его за помощь, при этом благодарность в молитвах имеет тенденцию к расширительному осмыслению и переживанию. Покаяние и восхваление также взаимосвязаны: человек осознает свою греховную природу и сожалеет о ней, в то же время молящийся ощущает космическое величие сверхъестественного существа и прославляет его.

Известная молитва в Евангелии от Матфея содержит обращение, конфессиональное подтверждение и три просьбы:

"Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь".

Сравним с английской версией:

"Our Father which art in heaven, Hallowed be thy name. Thy kingdom come. Thy will be done in earth, as it is in heaven. Give us this day our daily bread. And forgive us our debts, as we forgive our debtors. And lead us not into temptation, but deliver us from evil: For thine is the kingdom, and the power, and the glory, for ever. Amen".

Конфессиональное подтверждение в молитве — это ежедневная клятва в верности Богу. Триединое прошение связано с материальной стороной бытия (хлеб, т.е. жизнь телесная), с прощением того, что было в прошлом, и защитой от недобрых событий в будущем. Отметим, что русская версия прямо называет носителя зла (лукавый — это атрибут дьявола), английский же текст, более точно следуя первоисточнику (ha-ra — злой), может быть проинтерпретирован как мольба о защите от зла. Текст завершается повторением клятвы верности. Близким по интенции (но не по тональности!) является текст молитвы, которая завершает вторую суру Корана (пер. И.Ю.Крачковского):

“Господи наш! Не взыщи с нас, если мы забыли или погрешили. Господи наш! Не возлагай на нас тяготу, как Ты возложил на тех, кто был раньше нас. Господи наш! Не возлагай также на нас то, что нам невмочь. Избавь нас, прости нам и помилуй нас! Ты — наш владыка, помоги же нам против народа неверного!”.

В этой молитве прошения есть просьба простить прошлые грехи (в христианской молитве — долги), но основной пафос текста направлен на будущее, которое видится в борьбе с неверными. Обращает на себя внимание страх перед Аллахом, посылающим рабам своим непереносимые тяготы. В этом тексте компонент, соответствующий клятве верности, сформулирован четко и лаконично: *Ты — наш владыка*.

Первая сура Корана является примером молитвы восхваления:

“Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Хвала — Аллаху, Господу миров милостивому, милосердному, царю в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых ты облагодетельствовал, — не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших”.

В этом тексте явно выражен речевой акт восхваления, дополненный констатацией верности и просьбой о помощи. Все дети Аллаха делятся на три категории — облагодетельствованные, находящиеся под гневом, и заблудшие. Только первым дано спасение. Этот текст интересен и тем, что допускает интерпретацию, связанную со свободой выбора, ведь заблудшие могли выбрать прямой путь. Известное мнение о фатализме ислама оказывается, таким образом, необоснованным.

В молитве покаяния подчеркивается несоизмеримость человека перед Богом. Приведем пример — фрагмент канонической утренней молитвы в иудаизме (пер. М.Шнейдера):

“Властелин всех миров! Не на праведность свою полагаемся мы, обращая к Тебе наши мольбы, а на милосердие великое Твое. Что мы, что наша жизнь, что наши добрые дела, что наша праведность, что наша сила, что наша смелость; что мы можем сказать Тебе, Господь, Бог наш и Бог отцов наших! Ведь всякий сильный — ничто перед тобою! И прославленные мужи словно не существовали никогда, и мудрецы подобны тем, кто лишен знания, и разумные

подобны тем, кто лишен разума, — все множество дел их тщетно, и дни их жизни — ничто перед тобою…”

Этот текст покаяния примечателен тем, что человек не кается в грехах, а осознает свою ничтожность, причем коллективную, а не индивидуальную.

В качестве примера молитвы благодарения приведем фрагмент из 29 псалма Давида:

“Превознесу Тебя, Господи, что Ты поднял меня и не дал моим врагам восторжествовать надо мною. Господи, Боже мой! Я воззвал к Тебе, и Ты исцелил меня. Господи! Ты вывел из ада душу мою и оживил меня, чтобы я не сошел в могилу”.

В этой молитве перечисляются бедствия, от которых Бог избавил молящего: поражение в войне, болезнь, духовная смерть.

Молитвенная стратегия религиозного дискурса выражает суть соединения человека и Бога (латинское religio этимологически обозначает “связь”). Молящийся не случайно становится на колени (в древнееврейском слова “благословение” и “колено” этимологически связаны) либо ложится ниц, касаясь лицом пола, как это принято в ежедневной молитве-поклонении у мусульман: прежде всего подтверждается покорность Богу (аспект адресанта), далее произносится клятва верности, включающая обращение ко Всевышнему, перечисление его атрибутов, раскрывающих его величие (аспект адресата), далее следует прошение, мольба, собственно говоря, и составляющая прототипный текст молитвы (аспект текста). Мольба тесно взаимосвязана с благодарностью и восхвалением Бога, покаяние же выступает в качестве предварительного условия, хотя в структурном отношении может и замыкать молитву либо включаться в ее текст. Молитвенная стратегия стремится к сокращению произносимого текста: цель молитвы — соединиться с Богом, а поскольку Бог всеведущ, то разъяснять Ему эту цель не имеет смысла. Поэтому в ряде конфессий приветствуются молитвы без слов — акты сосредоточенного молчания либо сакрального пения. Молитва достигает цели, даже если она произносится на непонятном древнем языке (например, на латыни в католических странах). Молитву уместно произносить шепотом; громкое, декламационное чтение приводит этот вид религиозного дискурса к иллокутивному самоубийству.

Исповедальная стратегия религиозного дискурса в известной мере близка молитвенной стратегии, но существенное различие между ними состоит в том, что человек исповедуется не Богу, а некоторому медиуму. Этот медиум — священнослужитель — слушает исповедь и отпускает кающемуся его грехи. Исповедь включает искреннее желание кающегося очистить душу, т.е. понимание того, что есть благо и зло, самоосуждение и повествование о допущенных прегрешениях, причем грехи могут быть совершены как в реальной, так и в сокровенной душевной жизни человека. Непосредственный адресат исповеди должен выслушать кающегося, квалифицировать его отступления от норм поведения, назначить возможное наказание (епитимья — церковное наказание — поклоны, пост, длительные молитвы и т.д.) и простить грешнику его грехи, даже если речь идет о тяжком преступлении. Подразумевается, что исповедник будет соблюдать тайну исповеди. В отличие от молитвы, исповедь не поддается оформлению в некий заданный текст. Отметим, что исповедь по природе своей индивидуальна, а молитва может быть как индивидуальной, так и коллективной. Канонические молитвы коллективны, человек обращается к Богу, осознавая себя частью рода человеческого, поэтому и уместны обороты типа “*Спаси нас*…” Плюрализация субъекта исповеди может означать уход от ответственности. В некоторых конфессиях исповедь осуществляется публично, в кругу собратьев по вере, но такая практика требует максимума искренности, вряд ли достижимого в

естественных обстоятельствах, и поэтому быстро формализуется. В определенных вероисповеданиях рассматриваемое речевое действие происходит в специально оборудованных беседках, чтобы исповедуемый и исповедующий не видели друг друга в лицо. Тем самым происходит как бы отделение мирского образа от души. В тех конфессиях, где посредника между человеком и Богом нет, исповедь как жанр религиозного дискурса не представлена, но исповедальная стратегия шире данного жанра, и элементы исповеди включаются в молитву.

Призывающая, утверждающая и разъясняющая стратегии религиозного дискурса составляют суть проповеди — религиозно-назидательной речи в церкви. В лингвистической литературе высказано мнение, согласно которому проповедь является центральным жанром церковно-проповеднического стиля (Грудева, 1999, с.188).

Проповедь представляет собой истолкование священного текста. В христианском вероучении детально регламентируется этот жанр религиозного общения, выработаны принципы и характеристики правильно построенной проповеди. В подготовке профессиональных служителей веры есть курс гомилетики — учения о проповеди. Для составления проповеди требуется усиленная молитва, знание священных текстов наизусть, знание окружающей жизни, знание потребностей слушающих и четкое понимание цели проповеди. Мы видим, что эти требования построены на солидном фундаменте классической риторики, в частности, наблюдается почти полная корреляция между ними и известной “риторической звездой” — компонентами подготовки речи (изобретение, расположение, выражение, запоминание, произнесение). В жанре проповеди религиозный дискурс сближается с педагогическим. Проповедь сходна с беседой и лекцией, но отличается от этих жанров прежде всего принадлежностью к особому общению — религиозному. Человек, произносящий проповедь, говорит не только в присутствии Бога, но и от лица Бога. Именно поэтому от проповедника требуется обращение, т.е. внутреннее озарение. Впрочем, такое озарение в виде увлеченности предметом своего изучения считается необходимым компонентом в педагогическом дискурсе. Религиозное общение предъявляет высокие требования к личности проповедника, в частности, он должен быть непорочен, трезв, благочинен (т.е. опрятен, приятен с внешней стороны), некорыстолюбив, кроток и миролюбив. Проповедь является обратной проекцией исповеди: в обоих случаях священнослужитель выступает в роли медиума, но при исповеди коммуникативный вектор направлен в сторону Бога, а при проповеди — в сторону человека.

Обрядовая стратегия религиозного дискурса в известной мере смыкается со всеми другими стратегиями этого типа общения, но отличается от них тем, что по своей сути является дополнительным компонентом некоторого действия — обряда венчания, отпевания, конфирмации, отлучения от церкви и т.д. Эта стратегия общения детально рассматривается в этнографии и религиоведении.

Материал религиозного дискурса, т.е. совокупность устных и письменных текстов, составляющих этот тип общения, требует специального изучения. Специфика этого общения состоит в том, что прецедентные тексты, тексты священного писания, играют в нем совершенно исключительную роль, являясь прецедентными текстами по отношению к самому понятию о прецедентных текстах (Слышкин, 2000). К дискурсивным формулам относятся принятые в религиозном общении клише и функционально-обусловленные обороты, которые однозначно определяют тип данного дискурса.

Научный дискурс

Научный дискурс традиционно привлекает к себе внимание лингвистов. Участниками научного дискурса являются исследователи как представители научной общественности, при этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям. В научном сообществе принято уважительное обращение "коллега", нейтрализующее все статусные признаки. Вместе с тем ученые отличаются своим стремлением устанавливать различные барьеры для посторонних, степени научной квалификации, академические звания и членство в престижных научных сообществах. Диада "агент — клиент", удобная для описания участников других видов институционального дискурса, в научном дискурсе нуждается в модификации. Дело в том, что задача ученого — не только добыть знания, оценить их и сообщить о них общественности, но и подготовить новых ученых. Поэтому ученые выступают в нескольких ипостасях, обнаруживая при этом различные статусно-ролевые характеристики: ученый-исследователь, ученый-педагог, ученый-эксперт, ученый-популяризатор. Клиенты научного дискурса четко очерчены только на его периферии, это широкая публика, которая читает научно-популярные журналы и смотрит соответствующие телепередачи, с одной стороны, и начинающие исследователи, которые проходят обучение на кафедрах и в лабораториях, с другой стороны.

Хронотопом научного дискурса является обстановка, типичная для научного диалога. Диалог этот может быть устным и письменным, поэтому для устного дискурса подходят зал заседаний, лаборатория, кафедра, кабинет ученого, а для письменного прототипным местом является библиотека.

В одном из новейших исследованиях подчеркивается, что целью научного общения является процесс вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения — логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстрактизацией предмета речи (Аликаев, 1999: 60–68). Автор ведет речь не о научном дискурсе, а о научном функциональном стиле. Это означает, что акцент делается не на характеристиках участников и обстоятельств общения, а на текстуальных особенностях, которые вытекают из специфики языковых единиц, используемых в соответствующих текстах. В рамках научного стиля автор выделяет собственно научный (академический), научно-учебный, научно-технический, научно-публицистический, научно-информационный и научно-разговорный подстили. При этом в основу противопоставления академического и научно-технического подстилей положено не их дисциплинарное содержание, а преимущественная теоретическая либо экспериментально-прикладная направленность. Научно-учебный и научно-публицистический подстили являются периферийными по отношению к академическому подстилю как архетипу, но они весьма частотны и именно эти тексты фиксируют состояние дисциплинарного знания в определенный временной период. Научно-информационный подстиль является пограничной областью между научным и официально-деловым стилями. Сравнив русские и немецкие фрагменты выделенных подстилей в рамках научного стиля, Р.С.Аликаев доказывает, что максимальным межкультурным сходством характеризуются центральные подстили научного стиля, а наибольшее различие свойственно научно-публицистическому (научно-популярному) подстилю. Автор устанавливает прагматические характеристики научного стиля: 1) типизированный отстраненный субъект и объект речи, которые находятся в равных ролевых позициях, 2) типизированные условия общения, которые

предполагают свободный обмен мнениями, 3) равные пресуппозиции участников, 4) сформированная традиция общения и наличие значительного пласта общих текстов. Рассматривая жанры научной речи, автор дифференцирует их на основании двух критериев — членимость либо нечленимость макротекста и первичность либо вторичность и выделяет в качестве первичных монографию, диссертацию, статью, в качестве вторичных — автореферат, аннотацию, тезисы (Аликаев, 1999, с.81, 116). Научно-разговорный подстиль, в котором разграничиваются доклад и полемическое выступление, не отличается принципиальными особенностями, тип мышления, как показано в другой работе, является более сильным фактором, чем форма речи (Богданова, 1989, с.39). Заслуживает внимания специальное исследование, посвященное монографическому предисловию как особому типу вторичного научного текста, представляющему собой метатекст (информацию об информации), в котором реализуются различные виды прагматических установок — интродуктивная, экспозитивная, дескриптивная и др. (Белых, 1991, с.7).

Ценности научного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (истина, знание, исследование), сводятся к признанию познаваемости мира, к необходимости умножать знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины ("Платон мне друг, но истина дороже"), к высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления. Эти ценности сформулированы в изречениях мыслителей, но не выражены в специальных кодексах; они вытекают из этикета, принятого в научной среде, и могут быть сформулированы в виде определенных оценочных суждений: *Изучать мир необходимо, интересно и полезно; Следует стремиться к раскрытию тайн природы; Следует систематизировать знания; Следует фиксировать результаты исследований (отрицательный результат тоже важен); Следует подвергать все сомнению; Интересы науки следует ставить выше личных интересов; Следует принимать во внимание все факты; Следует учитывать достижения предшественников ("Мы стоим на плечах гигантов")* и т.д.

Оценочный потенциал ключевого для научного дискурса концепта "истина" сводится к следующим моментам: истина требует раскрытия, она неочевидна, путь к истине труден, на пути к истине возможны ошибки и заблуждения, сознательное искажение истины подлежит осуждению, раскрытие истины требует упорства и большого труда, но может прийти и как озарение, истина независима от человека. Истина сравнивается со светом, метафорой абсолютного блага. Истина едина, а путей к ней множество. Истине противопоставляется ложь и видимость истины. В русском языке осмысление истины зафиксировано в диаде "правда — истина" (См.: Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995). Системным контекстом для концепта "истина" выступает совокупность оппозитивных концептов "правда", "заблуждение", "ложь", "фантазия", "вранье" (Гак, 1995: 24). Для научного дискурса актуальным является доказательство отклонения от истины, т.е. доказательство заблуждения. Способы такого доказательства детально разработаны в логике.

Стратегии научного дискурса определяются его частными целями: 1) определить проблемную ситуацию и выделить предмет изучения, 2) проанализировать историю вопроса, 3) сформулировать гипотезу и цель исследования, 4) обосновать выбор методов и материала исследования, 5) построить теоретическую модель предмета изучения, 6) изложить результаты наблюдений и эксперимента, 7) прокомментировать и обсудить результаты исследования, 8) дать экспертную оценку проведенному исследованию, 9) определить область практического приложения полученных результатов, 10) изложить полученные результаты в форме, приемлемой для специалистов и

неспециалистов (студентов и широкой публики). Эти стратегии можно сгруппировать в следующие классы: выполнение, экспертиза и внедрение исследования в практику.

Стратегии научного дискурса реализуются в его жанрах (научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчет, рецензия, реферат, аннотация, тезисы). Письменные жанры научного дискурса достаточно четко противопоставляются по признаку первичности / вторичности (статья — тезисы), ведутся дискуссии по поводу того, что считать прототипным жанром научного дискурса — статью или монографию, дискуссионным является и вопрос о том, относится ли вузовский учебник к научному дискурсу; устные жанры данного дискурса более размыты. Выступление на конференции меняется по своей тональности в зависимости от обстоятельств (пленарный доклад, секционное выступление, комментарий, выступление на заседании круглого стола и т.д.). Л.В.Красильникова (1999) рассматривает жанр научной рецензии и выделяет важнейшие функции этого жанра – репрезентацию научного произведения и его критическую оценку. Соотношение этих функций в тексте конкретной рецензии в значительной мере обусловлено фактором адресата: для читателя, незнакомого с рецензируемым текстом, важно получить представление об этом тексте, и поэтому такая рецензия должна включать элементы реферативного обзора, в то время как для специалистов в определенной области науки (и для автора, произведение которого рецензируется) нужна оценка выполненной работы. Существенное изменение в жанровую систему научного дискурса вносит компьютерное общение, размывающее границы формального и неформального дискурса в эхо-конференциях. Следует отметить, что стратегии дискурса являются ориентирами для формирования текстовых типов, но жанры речи кристаллизуются не только в рамках дедуктивно выделяемых коммуникативных институциональных стратегий, но и в соответствии со сложившейся традицией. Чисто традиционным является, например, жанр диссертаций, поскольку для определения уровня научной квалификации автора вполне достаточно было бы обсудить совокупность его публикаций. Но в качестве ритуала, фиксирующего инициацию нового члена научного сообщества, защита диссертации в ее нынешнем виде молчаливо признается необходимой. Ритуал, как известно, является важным способом стабилизации отношений в социальном институте.

Тематика научного дискурса охватывает очень широкий круг проблем, принципиально важным в этом вопросе является выделение естественнонаучных и гуманитарных областей знания. Гуманитарные науки менее формализованы и обнаруживают сильную зависимость объекта познания от познающего субъекта (показательно стремление философов противопоставлять научное и философское знание).

Научный дискурс характеризуется выраженной высокой степенью интертекстуальности, и поэтому опора на прецедентные тексты и их концепты (Слышкин, 2000) для рассматриваемого дискурса является одним из системообразующих признаков. Интертекстуальные связи применительно к тексту научной статьи представлены в виде цитат и ссылок и выполняют референционную, оценочную, этикетную и декоративную функции (Михайлова, 1999: 3). Прецедентными текстами для научного дискурса являются работы классиков науки, известные многим цитаты, названия монографий и статей, прецедентными становятся и иллюстрации, например, лингвистам хорошо известны фразы "*Colourless green ideas sleep furiously*" и "*Flying planes can be dangerous*", используемые в работах по генеративной грамматике.

Под дискурсивными формулами понимаются своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте. Эти формулы объединяют всех представителей научной общественности, вместе с тем существуют четкие ориентиры, позволяющие, например, во многих случаях отличить литературоведческое исследование от лингвистического. Сравним: *"Итак, на конкретном историко-культурном фоне Йейтс свободно находит символы для своего поэтического воображения. Словно архитектор, он построил новую Византию с помощью собственных образов, переданных в условных рамках символизма*" и *"В художественном тексте разноуровневые знаки (от звука до текста) получают смысловые приращения, не представленные необходимо в их "дотекстовой" семантике".* Стремление к максимальной точности в научном тексте иногда приводит авторов к чрезмерной семантической (терминологической) и синтаксической усложненности текста. Вместе с тем следует отметить, что научное общение предполагает спокойную неторопливую беседу и вдумчивое чтение, и поэтому усложненный текст в научном дискурсе оптимально выполняет основные дискурсивные функции: на максимально точном уровне раскрывает содержание проблемы, делает это содержание недоступным для недостаточно подготовленных читателей (защита текста) и организует адекватный для обсуждения данной проблемы темп речи. Дискурсивные формулы конкретизируются в клише, например, в жанре рецензий: "*Высказанные замечания, разумеется, не ставят под сомнение высокую оценку выполненной работы*".

Политический дискурс

В монографии Е.И.Шейгал (2000) дается комплексный анализ политического дискурса как объекта лингвокультурологического изучения; определяются характеристики и функции политического дискурса, раскрываются его базовые концепты, выявляются принципы моделирования его семиотического пространства, разрабатывается типология знаков политического дискурса, анализируются его интенциональный и жанровый аспекты.

Автор сводит имеющиеся лингвистические подходы к изучению политического дискурса к трем основным типам — дескриптивному (риторический анализ языкового поведения политиков), критическому (выявление социального неравенства, выраженного в дискурсе) и когнитивному (анализ фреймов и концептов политического дискурса). Дискурс понимается в монографии как “система коммуникации, имеющая реальное и потенциальное (виртуальное) измерение” (Шейгал, 2000, с.11). В реальном измерении — это текущая речевая деятельность и возникающие в результате этой деятельности тексты, в потенциальном измерении — семиотическое пространство, включающее 1) вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание этой коммуникативной сферы, 2) тезаурус прецедентных текстов, 3) типичные модели речевого поведения, а также 4) система речевых актов и жанров политического дискурса.

Политический дискурс трактуется в цитируемой книге как институциональное общение, которое, в отличие от личностно-ориентированного, использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, т.е. обладает собственным подъязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией). С учетом значимости ситуативно-культурного контекста, политический дискурс представляет собой феномен, суть которого может быть выражена формулой “дискурс = подъязык + текст + контекст” (с.15).

Семиотическое пространство политического дискурса включает, по мнению автора, три типа знаков: специализированные вербальные (политические термины, антропонимы и пр.), специализированные невербальные (политические символы) и неспециализированные, которые изначально не были сориентированы на данную сферу общения, но вследствие устойчивого функционирования в ней приобрели содержательную специфику (в частности, личные местоимения). Особенность языка политики в настоящее время состоит в том, что средой его существования является массовая информация, и в силу ориентации политического общения на массового адресата этот язык лишен корпоративности, присущей любому специальному языку. В монографии предлагается широкое понимание политической коммуникации, включающее не только официальный контроль явлений социальной жизни, но и разговоры о политике в самых разных ракурсах — бытовом, художественном, публицистическом и др. В книге показано, что политический дискурс пересекается с другими типами дискурса — юридическим, научным, массово-информационным, педагогическим, рекламным, религиозным, спортивно-игровым, бытовым и художественным.

Е.И.Шейгал отмечает, что политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых действий. Как и всякий другой дискурс, политический дискурс имеет полевое строение, в центре которого находятся те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации — борьбе за власть. Это парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование. В периферийных жанрах функция борьбы за власть переплетается, как показывает автор, с функциями других видов дискурса, при этом происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте (интервью с политологом включает элементы масс-медиа, научного и политического дискурса). Пространство между дискурсом масс-медиа и политическим дискурсом представлено в виде шкалы, включающей по мере нарастания политического содержания следующие тексты: памфлет, фельетон, проблемная политическая статья, написанная журналистом, колонка комментатора, передовая статья, репортаж (со съезда, митинга и т.д.), информационная заметка, интервью с политиком, проблемная аналитическая статья, написанная политиком, полемика (теледебаты, дискуссия в прессе), речь политика, политический документ (указ президента, текст закона, коммюнике).

Политический дискурс пересекается с педагогическим как политическая социализация личности, специфика этого пограничного образования состоит в его двумерном модусе — формальном и неформальном политическом воспитании, осуществляемом через государственные учебные учреждения и в быту (в разговорах с родителями, сверстниками, соседями). Юридический дискурс пересекается с политическим в сфере государственного законодательства. Политическая реклама — гибридный жанр политического и рекламного дискурса — направлена на регуляцию ценностных отношений в обществе, для политической рекламы (как и рекламы вообще) характерны резкое сужение тематики, упрощенность в подаче проблемы, употребление ключевых слов, простых, но выразительных образов, повторение лозунгов, тавтологичность. Пересечение политического и религиозного дискурса, как пишет Е.И.Шейгал, возникает в сфере мифологизации сознания, веры в магию слов, признании божественной роли лидера, использовании приемов манипулятивного воздействия и ритуализации общения. Политический дискурс граничит и со спортивно-игровым, ожесточенная борьба за власть разыгрывается как состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определенные имиджи, формы проявления речевой агрессии и т.д. В работе

раскрываются также пограничные области между дискурсом бытовым и политическим, с одной стороны, и художественным и политическим, с другой стороны. Автор строит многоаспектную модель структуры политического дискурса, выделяя параметры институциональности (от разговоров с друзьями до международных переговоров), субъектно-адресатные отношения (коммуникация между институтом и обществом, институтом и гражданином, агентами внутри института), социокультурную дифференциацию (дискурс правящих и оппозиционных партий), дифференциацию по событийной локализации (например, скандирование — митинг, листовка — акция протеста, публичная речь — съезд), дифференциацию по характеру межтекстовых связей (первичные и вторичные жанры политического дискурса (сравните: речь, заявление, дебаты и анекдоты, мемуары, граффити).

Рассматривая функции политического дискурса, автор доказывает, что для этого типа общения базовой является инструментальная функция — борьба за власть, актуальны также регулятивная, референтная и магическая функции. Системообразующие признаки политического дискурса — это, как пишет Е.И.Шейгал, институциональность, специфическая информативность, смысловая неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, особая роль фактора масс-медиа, дистанцированность и авторитарность, театральность, динамичность. Эти признаки имеют градуальный характер и могут быть представлены в виде шкалы. В зависимости от типа политического дискурса выделенные признаки занимают определенное место на условной шкале тоталитарности / демократичности. Отмечено, что демократический политический дискурс находится ближе к полюсу научной коммуникации, а тоталитарный дискурс — к полюсу религиозного общения: так, для демократического политического дискурса характерны информативность, рациональность, трезвый скепсис, логика аргументации, примат референтной функции, реальный денотат, ясность, диалогичность, интимизация общения, динамичность, в то время как тоталитарному политическому дискурсу свойственны ритуальность, эмоциональность, фидеистичность, суггестивность, примат побудительной функции, фантомный денотат, эзотеричность, монологичность, авторитарность общения, консерватизм (с.73).

К базовым концептам политического дискурса автор относит концепты “власть” и “политик”. Концепт “власть”, как показано в книге, не имеет существенных различий в обыденном и научном сознании и понимается как способность, право и возможность к принуждению. Метафорика власти выражается в таких ассоциациях, как отчуждаемая принадлежность (*захватить власть*), открытое пространство значительной протяженности (*восхождение к власти*), механизм (*рычаги власти*), живое существо (*паралич власти*), персонализация (*капризы власти*), объект вожделения (*домогаться власти*). Результаты проведенного автором свободного ассоциативного эксперимента, участниками которого стали студенты Волгоградского государственного педагогического университета, свидетельствуют о ядерном статусе компонента “сила” в исследуемом концепте, о резко выраженной отрицательной оценке этого феномена в языковом сознании (положительные оценки отсутствуют, доминируют общая отрицательная оценка и частно-оценочные реакции осуждения власти — злоупотребление, коррупция, недееспособность, негуманность, лживость). Власть в дискурсе, как показано в работе, непосредственно связана с понятием коммуникативного лидерства. Культурно-языковой концепт “политик” анализируется в монографии при помощи фреймового моделирования. В этом фрейме выделяются следующие слоты: человек 1) определенного пола, 2) возраста, 3) из определенного региона, 4) занимающийся политической деятельностью, 5) придерживающийся какой-либо

политической ориентации, 6) принадлежащий к какому-либо политическому институту, 7) выполняющий какие-либо политические функции, 8) обладающий какими-либо качествами: профессионально-деловыми, морально-этическими, психическими (с.93). Слоты 4–7 являются ядерными, конститутивными обычно оценочно-нейтральными, остальные слоты — экспрессивно-оценочными (например, *грезидент* — президент, потерявший чувство реальности).

В книге рассматриваются вербальные и невербальные знаки политического дискурса: слова и устойчивые сочетания, прецедентные высказывания и тексты (политическая афористика) с одной стороны, и флаги, эмблемы, портреты, бюсты, здания, символические действия и знаковые личности, с другой стороны. Знаковая сущность политика раскрывается в следующих аспектах: политик как представитель группы (“*Гайдар — это реформы*”), как исполнитель роли (*вундеркинд*), как носитель определенной функции (*опытный хозяйственник*), как воплощение психологического архетипа (*строгий отец*) (с.106). Среди поведенческих знаков политического дискурса выделяются ритуальные действия (инаугурация, парад, посещение руководителем страны предприятий, воинских частей или магазинов) и события (политические акции, например, сожжение чучела политика). В работе рассматриваются политические артефакты и графические символы, установлены межсемиотические трансмутации (“политик — его портрет — его имя” и “здание — его изображение — его название” (с.112), выявлены коннотативно маркированные политические знаки (слова “достоинство”, “свобода”, “репрессии” и др.), категории политического мира (субъекты политики, политические режимы, политическая философия и идеология, политические действия). Функциональную структуру семиотического пространства политического дискурса, по мнению автора, образуют три типа знаков: знаки ориентации, интеграции и агональности (“Где свои и где чужие?”, сплочение своих, борьба против чужих). Так, знаки ориентации — это ситуативные антонимы, например: *народ — правительство, патриоты — либералы, Отечество — Кремль.* Анализируются интегрирующие функции лозунгов, девизов, названий политических движений и партий, языковые маркеры “своих”: инклюзивное *мы*, лексемы совместности (*единство, союз*), вокативы совместности (*друзья, коллеги*), формулы причастности (*я, как и все*...), формы непрямого императива (*Не позволим агрессорам*...). Раскрываются агональные знаки — знаки вербальной агрессии (бранная лексика, ярлыки, иронические номинации, маркеры чуждости) (с.142). Освещены характеристики политической мифологемы в языковом сознании: фантомность денотата, обширная коннотативная зона, включающая эмотивную коннотацию (идиллия — кошмар), идеологическую коннотацию (наш — не наш), ассоциативную “ауру” (сгусток культурной памяти) (с.167). Автор уделяет особое внимание политической афористике, в рамках которой выделяются следующие жанры: собственно афоризм, пословица, максима, заголовок, лозунг, девиз, программное заявление, фраза-символ, индексальная фраза.

Анализируя интенциональные характеристики политического дискурса, Е.И.Шейгал моделирует искажение информации в виде двух пересекающихся шкал: 1) сообщение о факте — недоговаривание (частичное умолчание) — полное умолчание (утаивание информации), 2) правда (полное соответствие фактам) — частичное искажение — откровенная ложь (полное искажение) (с. 191). Для политического дискурса весьма характерен речевой акт опровержения / изобличения во лжи, в структуру которого входит обязательный компонент (констатация самого факта лжи) и факультативные компоненты (доказательства недостоверности информации и указание на мотивы использования недостоверной информации). Обобщая варианты эвфемистического

переименования денотата, автор устанавливает наиболее распространенные модели смещения прагматического фокуса: аморальное действие — благородный мотив; неблагоприятные последствия — уважительная причина; принуждение — свободный выбор; насильственность — естественный ход событий и др. Основными направлениями эвфемизации в политическом дискурсе выступают перекодировка с заменой оценочного знака, снижение категоричности констатации факта, увеличение референциальной неопределенности (с.217). Прогностичность в политическом дискурсе трактуется в монографии как гадательность, вытекающая из смысловой неопределенности этого дискурса, и моделируется в виде градуальной шкалы, включающей загадку, попытку разгадки и разгадку (с.225). В книге выделяются следующие типы прогностического вопроса: 1) вопрос-заголовок (“*Почему Чубайс не отвечает?*”), 2) вопрос как выражение сомнения (“*Разве можно вести переговоры с террористами?*”), 3) вопрос-предположение (“*Не устанавливают ли первые руководители, по хорошей партийной традиции, новый баланс?*”), 4) вопрос-ретардация (“*Правда, останется без ответа другой вопрос — что дает очередная перетасовка правительственной колоды российской экономике?*”) (с.228).

К специфическим речевым актам политического дискурса Е.И.Шейгал относит политические перформативы — перформативы доверия и недоверия, поддержки, выбора, требования, обещания (с.239). В монографии анализируются речевые акты политического дискурса сквозь призму его базовой триады “ориентация — интеграция — агональность”. Установлены три основные разновидности вербальной агрессии: эксплетивная (бранные инвективы, речевые акты угрозы, вердикты и др.), манипулятивная (инвективные ярлыки, средства диффамации, запрет на речь), имплицитная (косвенные речевые акты, непрямые предикации, запрет на речь) (с.254).

В книге детально обсуждается жанровое пространство политического дискурса — рассматриваются инаугурационное обращение, лозунг и политический скандал как нарратив. По характеру ведущей интенции в политическом дискурсе автор разграничивает ритуальные жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение), ориентационные жанры (партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение), агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) (с.270). В инаугурационных речах американских президентов установлены четыре функции: интегративная, инспиративная. декларативная и перформативная. Каждая из функций находит свое выражение в специфическом наборе топосов (например, интегративная функция — в топосах взаимных обязательств народа и президента и единства нации). Рассматривая жанр политического лозунга, Е.И.Шейгал выделяет три иллокутивных типа лозунгов: рекламные (предвыборные), протестные и декларативные. Обсуждая специфику скандала как политического нарратива, автор определяет существенные характеристики этого жанра: общественную значимость сюжета, двуплановость сюжета, наличие сюжетно-ролевой структуры, множественность изложений и др.

Важная особенность политического дискурса состоит в том, что политики часто пытаются завуалировать свои цели, используя номинализацию, эллипсис, метафоризацию, особую интонацию и другие приемы воздействия на сознание электората и оппонентов (Попова, 1994, с.149). Одной из специфических характеристик англоязычного политического дискурса является идеология политической корректности. В специальном исследовании этого лингвокультурного феномена, свойственного контекстам интерпретации, затрагивающим расовую, половую, социальную принадлежность людей, их

физические и умственные недостатки, а также возраст, установлено, что "политически корректные единицы сближаются с идиоматическими мифологемами, поскольку отражают направление категоризации в сторону удаления от протототипа и размывания референтной соотнесенности" (Асеева, 1999, с.5).

Ценности политического дискурса сводятся к обоснованию и отстаиванию своего права на власть: *Руководить страной или общественным движением должен сильный, волевой, решительный человек. Руководитель должен быть компетентен. Лидер должен понимать интересы людей и действовать от их имени. Руководитель должен защищать страну или представляемую им группу в ситуации возможных конфликтов. Действия руководителя должны основываться на принципах морали.* Ценности политического дискурса – в этом состоит несомненная специфика данного типа институционального общения – постоянно акцентируются в речах политиков. Поскольку политический дискурс в значительной мере выражает ту или иную идеологию, то ценности определенной идеологии являются определяющими для имиджа политика (Бакумова, 2002).

Границы разновидностей институционального общения весьма условны. В настоящее время происходит быстрое изменение жанров дискурса, обусловленное прежде всего активной экспансией массово-информационного общения в повседневную жизнь людей. Телевидение и компьютерная коммуникативная среда стремительно стирают грань между обыденным и институциональным общением, игровой компонент общения доминирует в рекламном дискурсе, возникают транспонированные разновидности дискурса (например, телемост в рамках проектов народной дипломатии, телевизионная имитация судебных заседаний для обсуждения актуальных проблем общественной жизни, пресс-конференция как ролевая игра в учебном дискурсе). Телевизионные дебаты претендентов на выборную государственную должность строятся как зрелищное мероприятие, в котором сценические характеристики общения выходят на первый план по сравнению с характеристиками политического дискурса. Нельзя не согласиться с Е.И.Шейгал, которая пишет, что "для обывателя, не читающего политических документов, не знакомого с оригинальными текстами речей и выступлений, воспринимающего политику преимущественно в препарированном виде через СМИ, политика предстает как набор сюжетов. Эти сюжеты (выборы, визиты, отставка правительства, война, переговоры, скандал) составляют базу политического нарратива, под которым мы понимаем совокупность дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события" (Шейгал, 2000: 70).

Медицинский дискурс

Медицинский дискурс детально рассматривается в исследовании Л.С.Бейлинсон (2001). С позиций социолингвистики выделение этого типа дискурса представляется вполне обоснованным, поскольку здоровье является одной из высших ценностей человека, болезни неизбежны, и их лечение требует специальной подготовки, врачи как социально-профессиональная группа символически выделяются в обществе на основании ряда признаков: 1) сакральный характер профессии (не случайно студенты-медики приносят клятву Гиппократа), профессия врача приобретает характер особого служения, 2) наличие особой медицинской этики, специфических норм поведения, связанных, например, с неразглашением врачебной тайны, 3) наличие весьма разработанной и обширной медицинской терминологии, специфика которой

заключается в том, что наряду с научной системой терминов в языке существует система бытовых (народно-медицинских) терминов или терминоидов, приближающихся к статусу терминов; знание этого подъязыка выделяет врачей в отдельную социальную группу; 4) разработанная система ритуальных знаков (белые халаты, медицинские инструменты, личные печати врачей и т.д.); 5) специальное обозначение определенных видов общения врачей: консилиумы, медицинские комиссии.

Медицинский дискурс является одним из древнейших, врач как носитель особого знания выступает в качестве модифицированного жреца, которому дано было право обращаться к небесным силам для исцеления больных. Именно близость медицинского и религиозного типов дискурса ведет к значительной степени суггестивности медицинского общения врача с пациентом. Лечение может быть успешным только в том случае, если пациент доверяет врачу. Соответственно на протяжении веков врачи выработали особые формульные модели поведения, органически составляющие специфику медицинского дискурса.

В лингвистической литературе имеется достаточное количество исследований, посвященных терапевтическому дискурсу (Cicourel, 1985; Fisher, Groce, 1990; Hein, Wodak, 1987; Labov, Fanshel, 1977; Wodak, 1996). Медицинский и терапевтический дискурс очень близки, но не тождественны. Сходство этих видов дискурса заключается в том, что их цели в общем и целом совпадают. Вместе с тем есть и существенные различия между обозначенными типами дискурса. Прежде всего, говоря о терапевтическом дискурсе, часто имеют в виду психотерапевтический дискурс, а в более узком и точном смысле – специфическое общение психолога с группой людей, страдающих заниженной самооценкой, испытывающих трудности в общении с окружающими и находящихся поэтому в состоянии эмоционального дискомфорта. Различные депрессивные состояния, из которых такие люди самостоятельно выйти не могут, имеют тенденцию перерастать в различные психические отклонения. Разработанные на Западе методики группового консультирования с большим элементом внушения призваны помочь этим людям социально реабилитироваться и выработать позитивную систему ценностей. Этот вид общения играет особую роль в современной западной культуре, поскольку сложившиеся стереотипы поведения людей, относящихся к среднему классу, требуют высокого самоконтроля при выражении эмоций (особенно отрицательных), и в ситуациях повышенного стресса соответствующие отрицательные эмоции не находят своего выхода и начинают разрушать личность человека. Различные психологические тренинги, беседы с психотерапевтами призваны восстановить нормальное психическое состояние людей, которые в силу социальных табу не могут обратиться за помощью к друзьям и близким.

Медицинский дискурс неизбежно включает элементы психотерапевтического внушения, вместе с тем он значительно шире по своему диапазону, чем дискурс терапевтический. Участниками медицинского дискурса являются медики как представители социально-профессиональной группы (агенты института) и пациенты (клиенты института). Агенты медицинского дискурса имеют различную специализацию и в разной степени воздействуют на клиентов. Имеется в виду не только сугубо профессиональная специализация (офтальмолог, кардиолог, психиатр и др.), но и специализация по уровню подготовки (врач, медсестра, санитар), а также по типу воздействия на пациента (терапевт обследует и рекомендует то или иное лечение, а хирург осуществляет оперативное вмешательство). Обстоятельства медицинского дискурса (его хронотоп) зависят от конкретных ситуаций, связанных с оказанием медицинской помощи человеку. Это может быть кабинет врача (в этом случае медицинский и терапевтический

дискурс в наибольшей степени совпадают), квартира больного, место несчастного случая, поле боя и т.д. Цели медицинского и терапевтического дискурса в значительной мере совпадают, но различаются применительно к жанровым разновидностям сравниваемых типов дискурса. Например, диагностика, осуществляемая психотерапевтом (причины депрессии, типичные способы снятия стрессов, окружение пациента), принципиально отличается от диагностики, которую проводит стоматолог (визуальный анализ, компьютерное обследование, рентгенография). Соответственно различаются и темы дискурса. Говоря о прецедентных текстах для сравниваемых видов дискурса, мы считаем нужным отметить, что в данном случае имеются в виду определенные клише, типичные для речи медиков, с одной стороны, и психотерапевтов, с другой стороны, а также некоторые жанровые схемы, состоящие из типичных релевантных коммуникативных ходов, реакций пациента и врача. Сюда же относятся, на наш взгляд, определенные модели коммуникативной тональности: общение должно быть официальным, но не чересчур дистанцированным (сравним медицинский и юридический дискурс), допустимы шутки, направленные на поддержание нужной для врача атмосферы общения, действуют запреты на игровое, ироничное и патетическое общение. В максимальной степени совпадают ценности медицинского и психотерапевтического дискурса, поскольку высшими ценностями этих типов общения являются человеческая жизнь и нормальное здоровье.

Таким образом, основные направления изучения институционального дискурса сводятся к определению релевантных признаков дискурса как культурно-ситуативной сущности, моделированию его структуры, освещению лингвокультурных особенностей дискурса в межъязыковом сопоставлении, установлению его типов и жанров. Пристальное внимание исследователей к институциональному дискурсу несомненно принесет плодотворные результаты и позволит построить более мощную объяснительную теорию дискурса, а также разработать более совершенные методики обучения иноязычной культуре.

3.3.2. Бытийный дискурс

Личностно-ориентированный дискурс представлен двумя основными разновидностями: бытовой и бытийной. В первом случае общение носит свернутый, "пунктирный", характер, речь идет об очевидных вещах, используется разговорная форма речи, бытовой дискурс диалогичен и является генетически исходным типом общения. Во втором случае предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами.

Бытийный дискурс может быть прямым и опосредованным. Прямой бытийный дискурс представлен двумя противоположными видами: смысловой переход и смысловой прорыв. Композиционно-речевой формой смыслового перехода является рассуждение, т.е. вербальное выражение мыслей и чувств, назначением которого является определение неочевидных явлений, имеющих отношение к внешнему или внутреннему миру человека. Смысловой прорыв — это озарение, инсайт, внезапное понимание сути дела, душевного состояния, положения вещей. Композиционно-речевой формой смыслового прорыва является текстовый поток образов, своеобразная магма смыслов, разорванных со своими ближайшими ментальными образованиями, это может быть координативное перечисление разноплановых и несочетаемых сущностей или явлений либо катахреза как

сочетание несовместимых признаков, либо намеренный алогизм. Континуальное состояние сознания перестраивается и структурируется по новым ориентирам, подсказанным определенными образными опорами. Эта реструктурация сопровождается сильным эмоциональным потрясением и обладает фасцинативным притяжением, т.е. подобные тексты требуют неоднократного повторения, и каждое повторение осознается адресатом как ценный опыт.

Опосредованный бытийный дискурс — это аналогическое (переносное) и аллегорическое (символическое) развитие идеи через повествование и описание. Повествование представляет собой изложение событий в их последовательности, для художественного повествования существенным является противопоставление сюжета и фабулы как глубинного развития и поверхностного перечисления событий. Описание — это статическая характеристика очевидных, наблюдаемых явлений. Повествовательная и описательная аналогия базируется на устойчивых социально закрепленных ближайших смысловых связях, притча же требует более широкого культурного контекста и опирается на активную поддержку получателя речи.

Прямой бытийный дискурс в виде смыслового перехода представлен в любых видах логических умозаключений. Эти формы дискурса достаточно хорошо освещены в лингвистической литературе. Менее изучены виды смыслового прорыва. Следует отметить, что если смысловой переход с большой степенью вероятности приводит адресата к тому результату, который был запланирован автором, то успешный смысловой прорыв имеет место гораздо реже. В случае коммуникативной неудачи при смысловом переходе можно обнаружить те или иные логические ошибки либо намеренные софизмы, а неудачный смысловой прорыв превращается в белый шум, совершенно непонятное словесное нагромождение. Здесь, возможно, уместна аналогия с распространенными в настоящее время специальными квази-голографическими изображениями на плоскости, объемная глубина и удивительная резкость изображения которых проявляется при определенном способе рассматривания, все другие способы рассеивают внимание и не приводят к стереоскопическому эффекту.

Координативное перечисление разноплановых явлений обладает известным суггестивным потенциалом, поскольку создает сильное энергетическое смысловое поле, способное сообщить новый, нетривиальный смысл получателю речи. Знаки в координативном перечислении допускают в принципе любое прочтение, человек вынужден обращаться к своему подсознанию, мобилизуя интуицию и впитывая информацию из контекста, понимаемого предельно широко как весь жизненный опыт. В качестве примера поэтического текста можно привести известное стихотворение Эдварда Каммингса:

Anyone lived in a pretty how town
(with up so floating many bells down)
spring summer autumn winter
he sang his didn't he danced his did
Кто-то жил в славном считай городке
(колокол мерно звонил вдалеке)
весну и лето осень и зиму
он пел свою жизнь танцевал свой труд

(Пер. В.Британишского).

В поэтическом тексте происходит резонанс звукового ритма и накладывающихся друг на друга концептов. Отношения логического и эмпирического порядка вещей отступают на второй план и нейтрализуются. Происходит возвращение на первичный язык мыслительной деятельности, по

З.Фрейду, т.е. язык подсознания, характеристиками этого языка являются следующие моменты:

1) оперирование предметными представлениями, т.е. мнемическими следами визуальных, тактических, слуховых и других восприятий, отличающихся слабой дифференцированностью, семантической расплывчатостью, смещенностью и конденсированностью;
2) континуальностью мышления, пренебрежением к логическим противоречиям;
3) вневременностными факторами, или ориентацией только в настоящем времени;
4) обращением со словами как с предметными представлениями.

Вторичный язык мыслительной деятельности отличается оперированием преимущественно словесными представлениями, дискретностью операций, абстрактно-логическим мышлением (Романов, Черепанова, 1999, с.18–19). Психологическим механизмом возвращения к языку подсознания является дипластия, по Б.Ф.Поршневу (1974), т.е. психологический феномен отождествления двух элементов, которые одновременно исключают друг друга. "Бессмысленное провоцирует усилия осмысления", – отмечают А.А.Романов и И.Ю.Черепанова (1999, с.37). Эти усилия эмоционально окрашены и поэтому открывают возможности для кодирования психики. Координативное перечисление является одним из приемов суггестивного дискурса и распадается, на наш взгляд, на несколько типов: 1) координативная цепь высказываний, 2) координативная цепь слов, 3) координативная цепь вербальных знаков, включающих непонятные единицы, например, иностранные слова.

С координативной цепью высказываний мы сталкиваемся в стихотворениях Льва Рубинштейна:

"*Спасибо. Мне уже пора. — И ты поверил, дурачок? — Да он с утра уже косой. — Ты б лучше с Митькой погулял. — Сама-то знает, от кого? — Через неделю будет год. — Ой, надо же? А я не знал. — И в удареньях не силен. — Душа не может умереть!*"

Координативная цепь слов весьма часто используется как в поэзии, так и в эзотерическом дискурсе. Например, перечисление сакральных имен или знаков, связанных со сверхценными символами для того или иного вероучения (*Кровь — корень — дом — корона — лед — мел — мел — мел*).

Координативная цепь комплексных вербальных знаков характерна для экспериментаторов в языке, ищущих новые возможности в фоносимволизме.

Катахреза представляет собой стилистический прием, суть которого состоит в сочетании несополагаемых сущностей ("*вязкое дерево снов*"). Катахреза, в отличие от семантически близких приемов метафоры и оксюморона, сориентирована на максимально активный поиск смыслов в сознании реципиента. Катахреза в принципе не допускает однозначной интерпретации и открыта для континуального прочтения. От координативной цепи катахреза отличается субординативным построением в виде субъектно-предикатного либо атрибутивно-номинативного, либо вербально-адвербиального блоков. Субординативные отношения более сложны по своему устройству и вместе с тем более монолитны, чем координативные. С катахрезой в ее различных вариантах (фонетически осложненном и простом) мы сталкиваемся в художественных текстах, как поэтических, так и прозаических.

Под алогизмом понимается не только нарушение правил выводимости смысла, но и несоответствие картине мира. Намеренные алогизмы используются в суггестивном дискурсе. В качестве примера можно привести известный коан Дзен-буддизма: "*Как звучит хлопок одной ладони?*". Алогизмы близки парадоксам, но

если парадокс — это перевернутое общее место, то алогизм — это перевернутая модель мира в целом. Сравним: "*Сновидения истинны, пока они продолжаются*" и "*Цепь из цветов труднее порвать, чем цепь из железа*".

Важнейшей характеристикой бытийного дискурса является стремление коммуникантов к точности обозначения понятий или представлений.

Мы говорим о точности в тексте, имея в виду верное, конкретное и полное обозначение предмета речи. Точность – величина многомерная. С одной стороны, различные условия общения и типы текстов определяют степень точности, необходимой для взаимопонимания между участниками общения, с другой стороны, выделяются внутренние характеристики коммуникативной точности, опосредованно связанные с жанрово-ситуативными характеристиками общения. Кроме того, инвентарь языковых единиц также представляет собой неоднородное, с точки зрения коммуникативной точности, образование.

Определяющими факторами коммуникативной точности являются ситуативные характеристики общения. В этом смысле точность передачи информации в максимальной мере зависит от контакта между отправителем и получателем речи. Текст в таком понимании представляет собой в первую очередь процесс текстопорождения и текстовосприятия и включает объективированный результат текстовой деятельности в виде произведения с единой темой, целостным содержанием, общей иллокуцией (смыслом текстопорождения) и другими признаками, определяющими текст как предмет изучения в стилистике и грамматике. Прагматический подход к тексту, включающий не только статическую, но и динамическую сторону текста, т.е. процессы порождения и восприятия текста, дает возможность измерить коммуникативную точность.

Прагматический план коммуникативной точности определяется в первую очередь культурным фоном ситуации общения, т.е. традициями, принятыми в соответствующем социуме для общения на определенной дистанции. Специфику соответствующего культурного фона можно увидеть при сравнении норм коммуникативной точности в различных этносоциальных группах. Показателем дистанции общения является мера имплицитности смысла в тексте. Чем больше дистанция между коммуникантами, тем в большей мере говорящий вынужден словесно обозначить то, что получатель речи может неправильно понять. Чем меньше коммуникативная дистанция, тем большая часть информации передается имплицитно с учетом общности жизненного опыта и тезауруса участников общения и однозначной интерпретации темы и цели текста. В этой связи представляет интерес сопоставление семиотического и семантического стилей обозначения предмета речи. Первый включает вербальные и невербальные способы выражения, второй сводится только к вербальным средствам.

В тексте мера вербализации устанавливается благодаря эндофорическим и экзофорическим отношениям, т.е. благодаря опоре текстового содержания на ранее выраженные (анафорические) и в перспективе выражаемые (катафорические) языковые средства либо благодаря опоре текстового содержания преимущественно на ситуативные ключи общения. Последние сводятся к трем типами сигналов: 1) сиюминутные знаки («*Прибивай чуть правее и выше!*» — относительно чего?), такие знаки требуют визуального контакта, 2) неопределенные знаки («*Не трогай кассеты!*» — какие кассеты?), такие знаки подразумевают способность адресата сориентироваться в ситуации общения, 3) ограничивающие знаки («*Она уже ушла?*» — о ком идет речь, была ли она здесь, куда ушла?), такие знаки исключают посторонних из общения. Отмечено, что при сравнении английского языка и урду наблюдается выраженная тенденция английского языка к преимущественному использованию эндофорических

языковых средств, в то время как носители урду в большей мере прибегают к имплицитным, экзофорическим средствам общения (Hasan, 1984, p.111).

Коммуникативная точность в прагматическом аспекте в значительной мере определяется личностями участников общения, их коммуникативной компетенцией. Эта компетенция складывается из знания мира, правил поведения, языка, соблюдения постулатов общения. Предполагается, что слова в тексте соответствуют стандартным словоупотреблениям как в содержательном, так и в формальном отношениях, что переносный смысл можно осознать, исходя из опыта и ситуации общения, что текст соответствует определенному жанру и стилю речи.

Выделяются ригидные тексты с однозначной интерпретацией, это, как правило, тексты в жанре рецептов, инструкций, а также значительная часть устных текстов бытового дискурса. С другой стороны, выделяются тексты с заведомо неоднозначной интерпретацией, это тексты художественной литературы, а также устные тексты определенных типов, например, «красноречивое умалчивание» в политическом дискурсе. Примером неоднозначной интерпретируемости текста является следующее стихотворение Нины Искренко, представителя современного поэтического авангарда:

У него пятнадцать баб
Он их на ночь прячет в шкап
Спрячет ключик повернет
Чайничек поставит
Сядет в угол у окна
Наконец-то тишина

При восприятии поэтического текста читатель подготовлен к тому, что образ мира может оказаться несколько смещенным, уплотненным в некотором символическом пространстве. Аналогичным образом, обращаясь к оракулу в древние времена, люди были готовы интерпретировать текст божественного послания в нескольких возможных вариантах одновременно. Различие, однако, состоит в том, что поэтический текст допускает неопределенно широкое толкование, а имплицитный смысл в политическом или дипломатическом дискурсе точно интерпретируется в рамках нескольких возможных сценариев.

Коммуникативная точность текста связана с проблемой выразимости. С одной стороны, известно, что некоторое содержание принципиально не может быть выражено языковыми средствами с исчерпывающей полнотой. Эта позиция четко обозначена в известной строке Ф.И.Тютчева «*Мысль изреченная есть ложь*». Известно также, что молчание между хорошо знакомыми людьми не мешает им с большой точностью понимать друг друга, более того, чем больше слов, тем меньше понимания. Иначе говоря, одной из фундаментальных причин непонимания или недопонимания смысла текста является ингерентное свойство языковых знаков (Демьянков, 1989, с.144).

С другой стороны, практика общения доказывает, что многое зависит от умения человека адекватно выражать и воспринимать передаваемую информацию. Таким образом, противопоставляется объективная и субъективная невыразимость смысла в тексте. Коммуникативная точность связана с мерой субъективной выразимости / невыразимости смысла.

Преодоление субъективной невыразимости и повышение точности обозначения сопряжено с определенным усилием, с коммуникативным затруднением, с перебором вариантов. Возвращаясь к этнокультурной парадигме восприятия художественного текста, заметим, что повышение точности текста может достигаться двумя принципиально различными путями: либо переводом значительной части текста в подтекст, подобно тому, как в картине должно быть

как можно больше воздуха и пустоты, либо путем разворачивания семантического спектра в поисках оттенков и нюансов смысла. Первый путь соответствует менталитету народов Юго-Восточной Азии, второй путь – стилю мышления европейской цивилизации. Например, в классическом японском трехстишии – хайку – точность обозначения достигается значимой деталью:

В пору отлива
недоверчиво краб изучает
след ноги на песке …
(Рофу).

Многократно усиленная аллюзия видна в восьмистишии В.Ф.Ходасевича, который сравнивает свою судьбу с судьбой леди Макбет:

Леди долго руки мыла,
Леди крепко руки терла.
Эта леди не забыла
Окровавленного горла.
Леди, леди! Вы, как птица,
Бьетесь на бессонном ложе.
Триста лет уж Вам не спится –
Мне лет шесть не спится тоже.

Семантический спектр идеи мучительного возмездия раскрывается путем переборов нескольких ярких образов.

Неточное выражение смысла в тексте может быть помимовольным и намеренным. Помимовольная неточность свидетельствует либо о неумении отправителя речи выразить свою мысль ясно, либо об особых обстоятельствах общения, волнении и т.д. Намеренная неточность преследует особые цели, например, перевести общение на уровень импликатур, намеков (такое общение является более престижным, так как говорящий показывает, что считает своего адресата проницательным человеком, способным разгадать скрытый смысл (Богданов, 1990, с.21), вместе с тем намек позволяет говорящему сохранить лицо, если его манипуляция будет разгадана, и сказать, что его неправильно поняли) (Weizman, 1989, p.94).

Намеренная неточность характеризует фатическую речь, обмен коммуникативными сигналами, обеспечивающими взаимную эмоциональную, дистанционную, статусную настройку участников общения. Имеются в виду не этикетные формулы, однозначно соответствующие той или иной ситуации общения, а обмен эрзац-информацией, например: «*Я ему, в общем, понимаешь, и так, и так, а он – туда-сюда*…» — «*Да*…».

Внутренние характеристики коммуникативной точности сводятся, на наш взгляд, к рациональной либо эмоциональной направленности текста. Тип направленности определяет функционально-стилистическую и жанровую принадлежность текста. Преимущественно рациональная направленность характеризует тексты, относящиеся большей частью к научному дискурсу. Преимущественно эмоциональная направленность характеризует тексты, относящиеся прежде всего к поэтическому бытийному общению. Соответственно можно противопоставить рациональную и эмоциональную точность в тексте.

Рациональная точность представляет собой определение и уточнение сущностных характеристик понятия, что выражается в сигнификативной плотности понятия в тексте. Например: эмпатия (вчувствование, проникновение) – понятие философии и психологии, обозначающее восприятие внутреннего мира другого человека как целостное, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков, сопереживание его душевной жизни (СЗФ, 1991, с.394). Родовая характеристика понятия — «восприятие внутреннего мира другого человека» — уточняется

приведенными в определении видовыми характеристиками, при этом раскрытие специфики видовых характеристик требует привлечения научного контекста в данной области, а именно – концептуального аппарата герменевтики, феноменологии и психотерапии.

Рациональная точность имеет различную степень проявления в зависимости от уровня подготовленности адресата и от специфики предмета обозначения. Точность, требуемая при раскрытии значения научного понятия, отличается от точности, требуемой при обозначении материального предмета, данного в непосредственном восприятии. О точности обозначения приходится говорить только в том случае, если возникает вероятность неточного обозначения, а такое может произойти только в случае разговора о неочевидных вещах. Применительно к некоторым материальным и идеальным объектам разграничиваются общекультурная и специальная характеристики понятия, первая сводится к тематической отнесенности, а вторая относится к различным свойствам и качествам объекта (например, аспирин – 1) лекарство, 2) применяемое при определенных показаниях, выпускаемое в определенном виде и т.д.). Специальная характеристика понятия может быть известна относительно узкому кругу специалистов. В этой связи заметим, что в любом языке есть определенный пласт слов и выражений, остающийся за пределами пассивного словарного запаса среднего носителя языка (большей частью это – термины). Такие неизвестные слова, или агнонимы (по В.В.Морковкину), распадаются на несколько типов, и для нас важно подчеркнуть то обстоятельство, что к числу агнонимов относится также значительная часть лексики, допускающая сигнификативное уточнение при энциклопедическом толковании.

Общение на уровне точных обозначений свидетельствует о высокой степени коммуникативной компетенции отправителя и получателя речи. Например, «*Книга напечатана мелким шрифтом*» и «*Текст набран петитом*». Любой знак престижа, впрочем, имеет тенденцию характеризовать в большей степени не объект речи, а субъекта общения и может эксплуатироваться с целью создания образа человека, имеющего высокий социальный статус. Именно поэтому наряду со средствами действительной рациональной точности в общении широко представлены средства мнимой рациональной точности (например, излишняя терминологизация дискурса, особенно в том случае, если текст адресован широкой публике).

Эмоциональная точность может быть определена как динамика образов в тексте. Имеется в виду ассоциативная точность, позволяющая автору актуализировать ту или иную деталь, по которой у читателя или слушателя возникает адекватная конкретная картина целостного обозначения пережитого автором впечатления. Приведем пример описания начала бала из «Жизни Арсеньева» И.А.Бунина:

«…женщины были все милы, желанны. Они очаровательно освобождали себя в вестибюле от мехов и капоров, быстро становясь как раз теми, которым и надлежало идти по красным коврам широких лестниц столь волшебными, умножающимися в зеркалах толпами. А потом – эта великолепная пустота залы, предшествующая балу, ее свежий холод, тяжкая гроздь люстры, насквозь играющей алмазным сиянием, огромные нагие окна и еще вольная просторность паркета, запах живых цветов, пудры, духов, бальной белой лайки – и все это волнение при виде все прибывающего бального люда, ожидание звучности первого грома с хор, первой пары, вылетающей вдруг в эту ширь еще девственной залы, — пары всегда самой уверенной в себе, самой ловкой».

В приведенном отрывке разворачиваются взаимосвязанные ассоциации пространства, цвета, звуков, запахов, тактильных ощущений, эти ассоциации эмоционально объединены предчувствием праздника, волшебства, великолепия. Описание начала бала представляет собой как бы несколько кадров, при этом читатель оказывается внутри созданного автором мира, т.е. выступает как адресат-эмпатик, а не адресат-критик (Мышкина, 1991, с.96).

Эмоциональная точность достигается не только синтезом различных впечатлений, но и передачей чувства, для понимания которого требуются прецедентные тексты (по Ю.Н.Караулову). К числу таких текстов относятся те речевые произведения, которые стали неотъемлемой частью культуры данного народа или типа цивилизации – пословицы, цитаты, известные всем сюжеты художественных произведений, фрагменты рекламных роликов. Религиозные тексты составляют важнейшую часть прецедентных текстов. Тема избранности прослеживается в стихотворении М.А.Волошина «Под знаком льва», датированного августом 1914 г. – временем начала первой мировой войны:

И кто-то для моих шагов
Провел невидимые тропы
По стогнам буйных городов
Объятой пламенем Европы.
Уже в петлях скрипела дверь,
И в стены бил прибой с разбега,
И я, как запоздалый зверь,
Вошел последним внутрь ковчега.

Эмоциональная точность сравнения основывается на глобальности катастрофы (потоп – война), греховности мира (буйные города), чуде спасения (ковчег).

Одним из способов построения бытийного дискурса является парадокс – суждение, внешне противоречащее здравому смыслу.

Коммуникативная стратегия парадокса заключается в разрушении стереотипных взглядов, бытующих в обществе. Дискурсивная организация парадокса состоит в накладке двух несовместимых суждений, одно из которых может быть выражено неявно. Существует типологическая общность между парадоксом и оксюмороном: в первом случае совмещаются несовместимые (часто противоречивые) суждения, во втором – антонимичные понятия. Парадокс содержит определенную норму, опирается на систему ценностей, вступающую в конфликт с иной аксиологической системой, против которой парадокс собственно и используется, и в этом смысле парадоксальное суждение, по определению, является эмоционально насыщенным. Парадокс тяготеет к выражению в виде универсального высказывания – сентенции, афоризма, загадки, поскольку такие высказывания по своему жанру обладают концентрированной силой воздействия (Садовая, 1976; Манякина, 1981; Горелов, 1985; Дмитриева, 1997). Парадокс смыкается с другими коммуникативными образованиями – с шутливым изречением, остроумной репликой в диалоге, комментарием, с одной стороны, и неясными, непонятными, двусмысленными высказываниями, с другой стороны.

Разрушение стереотипов может быть деструктивным и конструктивным. В первом случае говорящий ставит под сомнение некоторое общеизвестное суждение. Например: «*В здоровом теле – здоровый дух. На самом деле – одно из двух*» (Игорь Иртеньев). Уничтожая квантор всеобщности в исходной латинской сентенции, автор высмеивает общие посылки и формулирует заведомо уязвимую шутливую истину в комментарии. Комический эффект в приведенном тексте достигается благодаря гиперболизации квантора всеобщности и сведения его к

абсурду: 1) «Всегда верно А», 2) «Никогда не верно А», 3) «Ничто не может быть всегда верным и никогда не верным». Противопоставление оказывается фиктивным, под сомнение ставится квантор «всегда», и это подчеркнуто противительным модальным оборотом «на самом деле». Заметим при этом, что уничтожение квантора всеобщности не расшатывает системы ценностей в сознании языковой личности.

Конструктивное разрушение стереотипов редко вызывает юмористический эффект, поскольку связано с пересмотром фундаментальных ценностей. Эта мысль четко выражена у А.Бергсона: «*У смеха нет более серьезного врага, чем переживание*» (Бергсон, 1992, с.12). Примером конструктивного парадокса может быть следующее высказывание: «*Любите мир как средство к новым войнам*» (Ф.Ницше). Данное высказывание построено по правилам организации парадокса, столкновения контрадикторных суждений: «Мир не ведет к войне – мир ведет к войне», «Следует любить мир – следует любить войну». Понятия войны и мира сопряжены с переживаниями, в коллективной памяти человечества выкристаллизовалась истина: «Война есть зло, и мир есть благо». Мена оценочных знаков конструирует новую систему ценностей. Такая система ценностей является негативной по отношению к аксиологическим стандартам человечества, общечеловеческим нормам новейшего времени. Впрочем, приведенный парадокс вряд ли можно назвать абсолютно новым, поскольку он опирается на латинскую сентенцию: *Si vis pacem, para bellum* – *«Если хочешь мира, готовься к войне»*. Но существенное различие между исходной сентенцией, приписываемой римскому военному писателю Вегецию, и парадоксальным призывом Ф.Ницше состоит в том, что римлянин сформулировал утилитарную политическую норму («Чтобы защищать мир, надо быть готовым к войне»), а немецкий философ выдвинул этический принцип оправдания войны.

Эмоциональный заряд конструктивного парадокса увеличивается, если парадоксы выстроены в определенную логическую и эстетическую линию. Например, в известном романе Дж. Оруэлла «1984» главные лозунги тоталитарного государства сформулированы в виде парадоксальных девизов: *«War is peace», «Freedom is slavery», «Ignorance is power»* — «Война – это мир», «Свобода – это рабство», «Незнание – это сила». Если деструктивный парадокс приводит к выводу «Не всегда А есть Б», то конструктивный парадокс заставляет усомниться в том, что есть зло и благо. Именно такую цель и ставили перед собой софисты, придумывая упражнения для доказательства тождественности противоречивых суждений. Разрушенная аксиологическая база лишает адресата возможности критически оценивать смысл того или иного суждения.

Как деструктивные, так и конструктивные парадоксы могут быть преимущественно рационально либо эмоционально ориентированными.

Рационально ориентированные парадоксы ведут к уточнению понятия, раскрытию новых качеств объекта. Например, «*Человек – это толпа, состоящая из людей, не знающих друг друга*» (П.Успенский). Такие парадоксы легко поддаются интерпретации: человек единичен, толпа – собрание людей, человек единичен и не единичен одновременно, человек не единичен как сложное психическое образование, неединичность человеческой психики может проявляться в сосуществовании нескольких «Я».

Эмоционально ориентированные парадоксы содержат оценочную характеристику некоторого суждения, которое ставится под сомнение. Например, «*Время блужданий свято. Боль открывает нас. Перегородки сняты в самый последний час*» (Д.Квиллар). Блуждание в обыденном сознании есть отрицательное явление, отклонение от правильного пути. Вместе с тем человеку свойственно ошибаться, и должен быть пройден неверный путь для обретения

опыта, который достается обычно с болью, и только получив такой опыт, человек становится способным преодолевать жизненные препятствия. В приведенной цепи парадоксальных сентенций подчеркивается важность личного приобретения жизненного опыта, такая эмфаза противоречит житейским представлениям о том, что в принципе можно рассчитать правильно каждый шаг заранее и избежать ошибок, принимая во внимание чужой опыт. Но в таком случае человек не откроет себя, т.е. не произойдет переживаемого осознания правильного выбора. Как и многие индивидуально-авторские парадоксы, цитируемый текст не формулирует истину в последней инстанции, но ставит под сомнение расхожее общее мнение.

С точки зрения мены оценочных знаков парадоксальные суждения можно разбить на два типа. К первому типу относятся случаи замены положительного знака на отрицательный, т.е. некоторое положительное качество ставится под сомнение. Например, «*Человек, который никогда не ошибается, это ошибка природы*» (Л.Сухоруков). Отсутствие ошибок квалифицируется как отрицательное свойство человека. Ко второму типу можно отнести случаи замены отрицательного знака на положительный. Например, «*Критик не враг, а тщательно замаскированный друг*» (В.Лебедев). Исходной пресуппозицией является суждение «Критик есть враг», затем это суждение преобразуется в отрицательную формулу «не враг, а друг», и, наконец, определение «тщательно замаскированный» фактически нейтрализует определяемое слово «друг». Отметим асимметричность оценочных суждений положительного и отрицательного типов: фразы, в которых оценочный минус меняется на плюс, содержат как бы вторичный отрицательный знак, т.е. плюс ставится под сомнение.

Парадоксальные высказывания не всегда бывают выражены в виде афоризмов и сентенций. Парадокс ситуативен, в этом его главная прагмалингвистическая характеристика. Парадоксальны многие русские народные частушки:

По деревне мы проходим
В девяносто пятый раз.
Неужели нам, ребята,
По шеям никто не даст?

В данном примере юмористический эффект возникает из-за противоречия между пресуппозицией и импликацией частушки: «Опасно вести себя вызывающе» — «Вызывающее поведение остается безнаказанным». Очень часто анекдоты и шутки строятся на парадоксах: *«Я бы с тобой в разведку не пошел». – «Почему?» — «Да сволочь я».* Выражение «*Я бы с кем-либо в разведку пошел*» означает крайнюю степень доверия к этому человеку. Отрицательная трансформация данной фразы есть выражение недоверия, парадоксальный сдвиг объекта недоверия с адресата на самого себя переводит все высказывание в абсурд, допускающий либо юмористическое осмысление, либо помощь психотерапевта. Шутки такого рода на самом деле обычно свидетельствуют о высокой самооценке говорящего, о некотором самолюбовании и о манипулятивной стратегии организации похвалы и выражения дружеских чувств в адрес отправителя речи.

Англичане славятся своеобразным чувством юмора. Примером может послужить следующая эпитафия, датированная 1790 годом:

Here lies Mary the wife of John Ford
We hope her soul is gone to the Lord
But if for hell has she changed this life
She had better be there than be John Ford's wife.

Заключительная строка «Лучше быть ей в аду, чем женой Джона Форда» парадоксально контрастирует с расхожим представлением об ужасах ада и тем

самым свидетельствует о трудной жизни этой женщины на земле. Парадоксальным является также сам факт такой надгробной надписи.

Минимальным парадоксальным высказыванием является оксюморон в виде определения и сравнения, например, приписываемое И.В.Сталину выражение «*врет, как очевидец*». Максимальным по объему парадоксом может, по-видимому, быть целый текст художественного произведения, его сюжет, композиция, конфликт. Например, парадоксальным является роман В.Набокова «Приглашение на казнь».

Афоризмы, сентенции и парадоксы в форме универсальных высказываний являются авторскими произведениями, при этом автор парадокса намеренно противопоставляет свою точку зрения мнению общества. Презрение к черни, к толпе, не понимающей художника, мечтателя, выдающегося человека, прослеживается в блестящих парадоксах Оскара Уайльда. Каждый парадокс этого писателя может быть развернут в аксиологическую систему. Например: “*Society often forgives the criminal; it never forgives the dreamer*” (O.Wilde) — "Общество часто прощает преступника, но оно никогда не прощает мечтателя". Понятия "преступник" и "мечтатель" семантически и позиционно сопоставляются и, будучи оценочно несопоставимыми, образуют парадоксальное единство. "Быть мечтателем" – это хуже, чем быть преступником. Субъектом оценки выступает общество. Смысл парадокса заключается в том, что субъект оценки порочен и оценочные знаки должны быть пересмотрены. В данном случае имеет место раздвоение оценочного субъекта: различаются субъект внутренней оценки (общество) и субъект внешней оценки (автор сентенции). О.Уайльд предписывает обществу моральное требование уважать тех, кто отличается от среднего представителя викторианской Англии. Существует список грехов, которые могут погубить душу человека. О.Уайльд весело полемизирует с проповедниками, заявляя: “*There is no sin except stupidity*” – “ Нет греха, кроме тупости”. Тупость, по определению, не зависит от человека и поэтому грехом в общепринятом смысле слова быть не может. Писатель обвиняет в тупости тех, кто придерживается общепринятых этико-религиозных взглядов.

Парадокс строится на контрасте, который бывает часто выражен посредством аллюзий. Например: «*Что такое собака Баскервилей? Это Муму, которой удалось выплыть*» (В.Шендерович). Противопоставление маленькой безобидной собачки, утопленной по приказу жестокой барыни, и чудовища из известной повести А.Конан-Дойла лежит в основе парадоксального суждения о природе человеческой жестокости: самое безобидное существо становится яростным зверем, пройдя жизненную школу борьбы за существование.

Поскольку парадоксальные суждения большей частью выражаются в виде афоризмов, то типы парадоксов в значительной мере соответствуют типам афоризмов. Можно выделить парадоксы, построенные как классификации, дефиниции, иллюстрации, вопросы и комментарии.

Ярким представителем парадоксальной классификации является список животных, якобы взятый из некоторой китайской энциклопедии, в изложении Х.Л.Борхеса: "*животные подразделяются на 1) принадлежащих императору, 2) бальзамированных, 3) прирученных, 4) молочных поросят, 5) сирен; 6) сказочных, 7) бродячих собак, 8) включенных в настоящую классификацию, 9) буйствующих, как в безумии, 10) неисчислимых, II) нарисованых очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти, 12) и прочих, 13) только что разбивших кувшин, 14) издалека кажущихся мухами*". Смысл такой классификации заключается в высмеивании классификаций как таковых. Парадокс состоит в противопоставлении таксономического принципа и выделяемых классов.

Существуют также и классификации, построенные на противоречивой основе, но с парадоксальными характеристиками классов. Например:

Titles distinguish the mediocre, embarrass the superior, and are disgraced by the inferior (G.B.Shaw). – "Титулы выделяют посредственность, раздражают вышестоящих и вызывают презрение у представителей низов". Неуважение к титулам со стороны знати и низших слоев общества кажется странным явлением в иерархически организованном обществе, поэтому данная сентенция воспринимается как парадокс (предполагается, что титулы вызывают уважение у всех).

Парадоксы-дефиниции построены на базе стандартных определений понятия и при этом содержат противоречивые признаки-характеристики. Например, *The demagogue is one who preaches doctrines he knows to be untrue to men he knows to be idiots* (H.L.Mencken) – «Демагог – это тот, кто проповедует доктрины, которые, как он знает, лживы, людям, которые, как он знает, — идиоты». В приведенном определении имеет место рассогласование оценочных признаков между понятием "проповедовать" т.е. излагать основы вероучения и уточняющими характеристиками — "лживые доктрины", "идиоты". Оксюморонная природа парадоксальной дефиниции прослеживается в афоризме Л.Брюса: "*Satire is tragedy plus time*" — «Сатира — это трагедия плюс время». Понятие "сатира" имплицирует смех и веселье, понятие "трагедия" вызывает ассоциацию с печалью и слезами. Время же, по мнению автора этого парадоксального высказывания, превращает трагическое в комическое. Автор, бесспорно, опирается на знание английской пословицы "*Time is the great healer*" – «Время – великий лекарь». Любое горе проходит со временем, однако требуется парадоксальное восприятие мира, чтобы прошедшее стало казаться смешным.

Парадокс-иллюстрация представляет собой расширенную дефиницию, включающую конкретные характеристики-примечания, уточняющие смысл высказывания. Например: "*Hypocrisy is the most difficult and nerve racking vice that any man can pursue; it needs an unceasing vigilance and a rare detachment of spirit. It cannot, like adultery or gluttony, be practiced at spare moments; it is a whole-time job*" (S.Maugham) – «Лицемерие — это самый трудный и нервирующий порок, которому может предаваться человек; это требует неустанной бдительности и редкой отрешенности духа. Этим нельзя заниматься, как прелюбодеянием или чревоугодием в свободное время; это — постоянное занятие». Парадоксальность приведенного описания заключается в том, что лицемерие, притворная добродетель, трактуется как некоторое занятие, выполнение которого вызывает трудности. Добродетельность в самом деле сопряжена с преодолением трудностей. Но имитация чистосердечного добродетельного поведения вызывает у носителей языка ассоциации иного плана: мы не сочувствуем лицемеру, а презираем его. В иллюстративной части высказывания содержатся те характеристики лицемерия, которые, собственно говоря, и составляют трудность при симулировании добродетели: неустанная бдительность, редкая отрешенность духа, постоянство, эти характеристики являются положительными качествами личности, и то обстоятельство, что неискреннее, фальшивое поведение описывается при помощи положительно оценочных слов, приводит к парадоксальному звучанию высказывания в целом. Данный пример показывает тесную связь между парадоксом и иронией.

Парадокс-иллюстрация может быть выражен как сравнение: *Кот повис на диване, как Ромео на веревочной лестнице* (И.Ильф). Мы представляем себе влюбленного юношу, который с карабкается по веревочной лестнице к Джульетте и, услышав шаги или голоса, замирает. Юморист сравнивает кошачье движение с

хрестоматийным эпизодом из трагедии Шекспира и тем самым парадоксально приземляет этот любовный порыв.

Парадоксальные вопросы обычно бывают риторическими. Например: *С какой стороны от дамы должен идти джентльмен, если дама не хочет идти с джентльменом?* (К.Мелихан). В данном случае имитируется задание из руководства по обучению правилам хорошего тона. Вопрос является абсурдным, и поэтому приведенное высказывание воспринимается как шутка.

Парадоксальный комментарий меняет оценочный знак предшествующего высказывания. Например: “*To be good is noble, but to teach others to be good is nobler — and less trouble*" (M.Twain) – «Быть добродетельным благородно, но учить других быть добродетельными благороднее, и хлопот меньше». Все высказывание воспринимается в юмористическом ключе благодаря комментарию. Данный пример показывает, что парадокс лежит в основе стилистического эффекта снижения (bathos).

В основе парадокса лежит эффект обманутого ожидания. Следует подчеркнуть, что при таком расширенном понимании парадокса к предмету нашего изучения можно отнести большую группу речевых явлений, традиционно рассматриваемых отдельно — от оксюморона до бурлеска. Вместе с тем важно отметить принципиальное различие между противоречивостью и несовместимостью суждений: несовместимые суждения могут быть противоречивыми и разноплановыми. В основе разноплановых суждений лежит катахреза, сочетание несочетающихся слов типа «*Зеленые идеи яростно спят*». Аналогичным образом могут быть построены двухчастные суждения, компоненты которых никак не связаны между собой. Парадокс же базируется на четко осознаваемой связи противоречивых суждений. Если катахреза и порождаемые ею метафоры относятся к изобразительным средствам языка, то противопоставление и парадокс как частный случай противопоставления относятся к выразительным языковым средствам.

Таким образом, природа парадокса заключается в коммуникативной потребности разрушить некоторые общепринятые истины и нормы. Выделяются две стратегии парадокса — деструктивная и конструктивная. Парадокс может быть выражен в виде афоризма и в виде неафористического текста с парадоксальной связью суждений — от сравнения до крупного текстового образования. Парадокс часто имеет форму классификации, дефиниции, иллюстрации, вопроса и комментария. Эмоциональный заряд парадокса состоит в конфликте системы ценностей, сталкивающихся в пресуппозиции и выраженной части либо импликации парадокса.

3.4. Прагмалингвистические типы дискурса

3.4.1. Юмористический дискурс

Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения. Характерными признаками такой ситуации являются, на наш взгляд, следующие моменты: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре.

Коммуникативное намерение играет важнейшую роль в построении юмористического дискурса, при этом существенным оказывается противопоставление спонтанной и подготовленной речи. Это противопоставление релевантно для отправителя речи, поскольку стремление рассказать свежий

анекдот или сообщить о смешном происшествии оказывается нередко движущим мотивом разговора. В меньшей мере таким мотивом является спонтанное юмористическое речевое действие. Для адресата же важен процесс коммуникативного взаимодействия, а не внутренняя мотивировка поведения со стороны отправителя речи.

С позиций отправителя речи юмористическая интенция определяется типом личности (известно, что есть люди, склонные к шутливому общению в любой ситуации) и сферой общения (существует определенная градация уместности шуток в той или иной сфере общения: встреча старых друзей предполагает взаимную настроенность на шутки, в то время как дача свидетельских показаний почти исключает такую настроенность). Для того чтобы коммуникативное намерение реализовалось, оно должно быть подкреплено реакцией адресата. Говорящий пользуется определенными сигналами в поведении для проверки уместности шутки в той или иной ситуации общения. В социолингвистике известно, что инициатива в шутке принадлежит, как правило, вышестоящему, т.е. человеку с более высоким социальным статусом. Таким образом, статусное неравноправие выступает в качестве возможной предпосылки для шутки со стороны начальника: этот вид шуток можно отнести к разряду манипуляций, осуществляемых для демонстрации своего статуса наряду с указаниями, отчитыванием, поучением и т.д. Сигналом для шутливого общения может быть отсутствие явно выраженных знаков запрещения такого общения (торжественность обстановки, глубокие отрицательные эмоциональные переживания адресата, страх, испытываемый самим отправителем речи, и т.д.).

Коммуникативное намерение проходит несколько стадий в своей реализации: желание пошутить, оценка адекватности ситуации, вербальное выражение шутки, оценка реакции адресата. Следует отметить, что реализация юмористического коммуникативного намерения осуществляется мгновенно, и поэтому выделение стадий носит условный характер. Кроме того, оценка ситуации и реакции адресата происходит на невербальном уровне: это взгляд, мимика, жестикуляция, определенные характеристики тембра голоса. В письменной речи юмористическая интенция до последнего времени не выражалась. Считалось, что содержание текста должно дать читателю возможность оценить намерение автора. В последнее время, однако, появился специальный знак юмора в письменной речи, так называемый "смайлик" в компьютерном общении — :), сочетание двоеточия и круглой скобки, являющееся стилизованным изображением улыбки. Смайлик является сигналом юмористического намерения автора. В известной мере этот знак избыточен, поскольку он не используется в серьезном общении. Вместе с тем его появление (а также стремительное разрастание вариантов смайликов — удивленная улыбка, улыбка с поцелуем, улыбка с прищуром и т.д.) свидетельствует об актуальности этого знака для письменного общения. На наш взгляд, формализация юмористической интенции, т.е. введение улыбки в перечень знаков, определяющих коммуникативную цель высказывания (восклицание, вопрос, изумление, недоговоренность или смысловая незавершенность) свидетельствует о повышении значимости эмоций в определенных видах письменной речи, граничащей с устной, и вместе с тем о низкой оценке интеллектуальных возможностей адресата, которому нужны специальные знаки для юмора.

Юмористическая тональность представляет собой эмоциональную атмосферу общения, которая характеризуется дружелюбным отношением участников общения друг к другу, с одной стороны, и переворачиванием определенных ценностей, с другой стороны. Юмористическая тональность по своей сущности — это взаимная настроенность участников общения на юмор, это смеховое

осмысление всего происходящего, готовность шутить и смеяться. Если юмористическая интенция — это характеристика коммуникативного поведения говорящего, желание организовать юмористическую ситуацию, т.е. активная позиция субъекта речи, то юмористическая тональность — это установка коммуниканта на ситуацию, которая изначально отмечена юмором, т.е. в данном случае позицию субъекта речи можно определить как относительно пассивную. Например, так ощущают себя люди, пришедшие на эстрадное выступление юмориста, читающие юмористические рассказы, слушающие анекдоты. Известно, что в лингвистике текста различаются два типа адресатов: адресат-критик и адресат-эмпатик. Первый стремится бесстрастно оценить события, а второй вовлечен в эти события и сопереживает их участникам. Адресат-критик, услышав шутку, должен сначала оценить, смешна ли она, а затем, возможно, прореагировать на нее. Адресат-эмпатик заранее находится как бы на стороне говорящего, ассоциирует себя с ним и готов рассмеяться, даже не дослушав шутку до конца. Разумеется, эти типы, как и многие другие, достаточно условны, но для нас важно подчеркнуть то обстоятельство, что юмористическую тональность общения формируют адресаты-эмпатики.

С позиций прагмалингвистического анализа юмора понимание механизма той или иной смеховой реакции (а тем более отсутствие таковой, если она предполагалась) неизбежно предполагает выход на исследование юмористической эмпатии. Здесь речь идет о культурно-психологических характеристиках юмористического общения. Готовность понимать юмор базируется не только на личностных особенностях человека, но и на определенных стереотипах поведения, принятых в той или иной культуре. В этом смысле уместно говорить о юмористической тональности, присущей различным лингвокультурам. На наш взгляд, юмористическая интенция в меньшей мере характеризуется лингвокультурной спецификой — желание пошутить интернационально и зависит от индивидуальных особенностей личности, в то время как понимание шутки вплетено в общий контекст культуры.

Соотношение между критическим и эмпатическим восприятием юмора соответствует соотношению между интеллектуально обработанным и более простым видами юмора. Остроумное высказывание рассчитано не только на смеховую реакцию, но и на оценку интеллектуальных способностей автора. По мере возрастания интеллектуальности юмора возрастает и вероятность перехода юмористического высказывания в иную плоскость, с одной стороны, за рамки юмора в серьезное общение, таковы, например, многие глубокие афоризмы, автор которых, Ежи Лец, в парадоксальной форме обобщает свои наблюдения над несовершенством человеческой природы (*"Ну, пробьешь ты головой стену. И что будешь делать в соседней камере?"*), и, с другой стороны, за рамки юмора в недружелюбное общение, в сатиру, сарказм, издевку или розыгрыш.

Модели смехового поведения включают типичные дебюты и "эндшпили" шуток, типичные смеховые реакции и типичные жанровые структуры определенных юмористических речевых действий, например, анекдотов. Дебют смехового поведения — это переход от несмехового общения к смеховому. Такой переход осуществляется посредством косвенных и прямых сигналов юмористического общения; к первым относятся значимое изменение голоса и мимики, ко вторым — выраженное извещение о том, что следует ждать смещения тональности общения. Возвращение к серьезной тональности также сопровождается определенными знаками, например, фразой "*Ну, ладно, а теперь …*". Говоря о типичных смеховых реакциях, мы имеем в виду прежде всего принятую в той или иной культуре степень эмоционального самоконтроля. Если адресат пытается сдержать свой смех либо, наоборот, демонстрирует безудержное веселье, мы

сталкиваемся с той или иной типичной смеховой реакцией, которая подчиняется статистическим обобщениям. В любой культуре есть люди, склонные к громкому искреннему смеху, но в английской культуре существует типичная реакция в виде чуть заметного сдержанного смеха — chuckle, такая реакция получила специальное наименование в языке (в русском языке аналогичного понятия, как мы знаем, нет). Это значит, что данное явление для англоязычного речевого сообщества является типичным и актуальным.

Заслуживает внимания работа Е.Я.Шмелевой и А.Д.Шмелева (1999), в которой анализируется рассказывание анекдота в современной русской культуре. Прежде всего, отмечается, что рассказывание анекдота — это представление, в котором интонация, мимика и жесты играют весьма часто ведущую роль. Вместе с тем выделяются метатекстовые вводы, т.е. фразы, которые обеспечивают переход к непосредственному тексту анекдота: "*Кстати, знаете анекдот?..*" Метатекстовые вводы неоднородны: здесь фигурирует явно выраженная коммуникативная задача либо приводится аллюзия, либо заранее дается оценка анекдоту, либо анекдот выдается за случай из жизни и т.д. Примером оценочной квалификации анекдота в метатексте являются "страховочные" высказывания, которые использовались во времена идеологического контроля при рассказывании политических анекдотов: "*Мне тут один мерзавец рассказал недавно совершенно пошлый анекдот*". На наш взгляд, подобные речения являются пародией на страховку: в период действительной угрозы рассказчику такие фразы его бы все равно не спасли, если бы поступил донос. Важной структурной характеристикой анекдота, как отмечают цитируемые авторы, является зачин, состоящий из глагола в настоящем времени и действующего лица ("*Сидит на уроке Вовочка*…").

Анекдот представляет собой идеальную иллюстрацию текстового триединства (по А.Г.Баранову): актуальный текст, виртуальный текст и текстотип. Актуальный текст — это текст в ситуации реального общения, текст как фрагмент дискурса. Виртуальный текст — это записанный текст вне ситуации общения. Текстотип — это обобщенная текстовая структура, в которой выделяются те или иные компоненты, определяющие тексты разных жанров. Вслед за зачином в анекдоте выделяется развитие темы, которое выражается либо как повествование в настоящем историческом времени, либо как описание (часто классификационное), либо дефиниция. Затем наступает момент кульминации анекдота, т.е. центральный пункт смешного события или явления; этот момент должен быть в какой-то мере неожиданным и парадоксальным. Кульминация в анекдоте — это его содержательный финал, но не финал коммуникативный, поскольку предполагается реакция на анекдот.

Анекдот является одним из жанров юмористического дискурса. Жанр дискурса (или жанр речи) трактуется вслед за М.М.Бахтиным как относительно устойчивое в тематическом, композиционном и стилистическом планах речевое произведение. Характерной особенностью речевого жанра является ситуативная повторяемость, ведущая к клишированию как конкретных языковых средств, принятых в соответствующих речевых произведениях, так и к структурной инвариантности смыслового ядра этих произведений. Жанр предполагает знакомство коммуникантов с жанровым каноном, т.е. с требованиями к тексту, который попадает в тот или иной жанровый разряд. Если адресат не знает, к какому жанру относится текст, то определение жанровой принадлежности осуществляется на основании двух важнейших критериев: ситуативная привязка речи и жизненный опыт получателя сообщения. Речевые жанры неоднородны в различных отношениях, в частности, они неоднородны по глубине: тот или иной

жанр речи может распадаться на разновидности (субжанры), которые также могут оказаться достаточно сложными.

Представляется весьма интересной модель речевого жанра, предлагаемая Т.В.Шмелевой (1997). Автор устанавливает следующие жанрообразующие признаки: 1) коммуникативная цель, на основании которой противопоставляются информативные, императивные, этикетные и оценочные речевые жанры, 2) образ автора, 3) образ адресата, 4) образ прошлого, 5) образ будущего, 6) диктумное (событийное) содержание, 7) языковое воплощение. Развивая идею М.М.Бахтина о речевых жанрах, А.Вежбицкая предлагает моделирование жанров речи на специальном семантическом языке, "ригористично кодифицированном, но не искусственном", при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания (Вежбицка, 1997, с.103). Сравним две модели, приведенные цитируемым автором (с.108):

Шутка: говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что я говорю Х.

Думаю, что ты понимаешь, что я этого не говорю.

Говорю то, что говорю, потому что хочу, чтобы ты смеялся.

Анекдот: говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что случилось Х.

Думаю, что ты понимаешь, что я не говорю, что это случилось.

Говорю это, потому что хочу, чтобы ты смеялся.

Думаю, что ты понимаешь, что люди говорят это друг другу, чтобы смеяться.

Анекдот в трактовке А.Вежбицкой отличается от шутки по признакам нарративности (повествовательности) "Случилось Х" и жанрового канона ("люди говорят это друг другу"). Соглашаясь с известным исследователем семантических примитивов в принципе, мы полагаем, что приведенная дифференциация шутки и анекдота вряд ли является полной: с одной стороны, не все анекдоты являются повествованиями (сюда, например, не входят анекдоты-классификации), а, с другой стороны, жанровый канон свойствен любому жанру, а не только анекдоту. Получается, что шутка выступает в качестве родового понятия по отношению к анекдоту. Если принять такой подход, то шутка — это общее наименование юмористического дискурса, включающего анекдоты и другие жанры шутки.

Ю.В.Щурина, анализируя речевые жанры комического, утверждает, что прообразом этих жанров является шутка в виде бытовой реплики. Более сложные (вторичные) речевые жанры комического включают шутливый афоризм, велеризм, эпиграмму, анекдот, диалогическую миниатюру. Наиболее сложными жанрами комического признаются юмористический или сатирический рассказы, фельетон, сатирический роман (Щурина, 1999, с.147). Из приведенных жанров комического относительно мало известен велеризм, который представляет собой "высказывание, включающее в качестве необходимых компонентов устойчивое выражение, ситуацию, автора цитируемой реплики; при этом связи между ними носят специфический характер несоответствия между значением выражения и тем применением, которое оно приобретает в контексте" (Там же, с.152): "*Ничто так не освежает, как сон, сэр, как сказала служанка, собираясь выпить полную рюмку опия*" (Ч.Диккенс). Можно добавить к приведенному списку вторичных речевых жанров комического пародию, пустоговорку, частушку, лимерик, детские шутливые стихи (nursery rhymes), шутливые сентенции на стенах (Wandspruch), детские стихи-страшилки. Эти жанры относятся к фольклору (как частушки и многие лимерики) и к авторским речевым произведениям (интересен факт создания нового авторского жанра "гарики" И.Губермана, по имени создателя этих ироничных четверостиший). Пустоговорки относятся к шутовской речи, балагурству ("*Да будет свет!" – сказал монтер и перерезал провода*").

Обращает на себя внимание тот факт, что в научной литературе увеличивается число исследований, посвященных анекдоту (Дружинин, Савченко, 1996; Чиркова, 1997; Карасик, 1997; Гришаева, 1998; Шмелева, Шмелев, 1999). Мы солидарны с Г.Г.Слышкиным, который убедительно доказал, что "сферой бытования концептов прецедентных текстов, наиболее полно отражающей их свойства, являются произведения смехового жанра" (Слышкин, 1999, с.4). В самом деле, если тексты являются прецедентными, т.е. известными большинству носителей данной культуры, то на них распространяется закон карнавализации ценностей (по М.М.Бахтину), состоящий в том, что сакральное непременно переворачивается в профанное через осмеяние. Профанизация сакрального есть подтверждение его значимости. Иначе говоря, если некоторая идея не переживается, то она становится малозначимой, не актуальной для общества. Разумеется, профанизация осуществляется не только через осмеяние, но осмеяние является наиболее естественной формой проверки жизненности той или иной официальной идеи или ценности. На основании этого тезиса мы считаем, что анекдот как жанр речи — это наиболее распространенный способ социальной оценки ценностей. В этом смысле анализ анекдотов имеет значимость не только для лингвистики, но и для социологии и культурологии.

В исследовании О.А.Чирковой рассматривается поэтика устного народного анекдота. Автор выделяет такие системообразующие признаки анекдота, как 1) размытый хронотоп (отсутствие единого пространственно-временного эталона, отсутствие противопоставления вымысла и достоверности), 2) трикстерская модель поведения главного персонажа анекдота (трикстер — это шут, хитрец, постоянно попадающий в смешные ситуации, из которых он, тем не менее, выходит с успехом, иногда терпит поражение, но не воспринимает поражение как трагедию), 3) непредсказуемость сюжета и событийная инверсия (в анекдоте действует не естественная логика событий, а логика событий, определяемая персонажем), 4) специфический набор жанровых приемов, подчиненных принципам лаконизма, контраста, законам конверсии и трансмутации (т.е. свертывания и развертывания), 5) пародирование как основной способ интертекстуальных связей анекдота (Чиркова, 1997, с.5–6).

Анекдот, короткий забавный рассказ, несомненно заслуживает специального лингвистического изучения. С одной стороны, смех и комическое относятся к важнейшим концептам культуры, к таким координатам бытия, как официальное и карнавальное отношение к миру, по М.М.Бахтину, и соответственно находят разнообразное выражение в языковой семантике и прагматике. С другой стороны, анекдот представляет собой устойчивую форму повествования и характеризуется признаками, отличающими этот тип текстов от смежных типов. И культурологическое, и текстуально-стилистическое изучение анекдотов становится более полным при учете этнокультурных и социокультурных данных. Анекдот в том или ином виде можно встретить в любой из внутринациональных речевых культур, но по своей сути этот речевой жанр относится к разговорному общению, для которого характерно совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего общения (Гольдин, Сиротинина, 1993, с.15).

Анекдот принадлежит к числу устных видов словесности и строится по законам жанра фольклорных текстов. Мы не рассматриваем здесь только юмористические ситуации из жизни известных людей, недостоверные смешные события, что соответствует этимологии слова — “неизданное”. Цель анекдота — создание комической ситуации, т.е. ситуации, предназначенной для веселья. Смех, по мнению А.Бергсона (Бергсон, 1992, с.20–21), возникает как реакция общества на механическую косность характера, ума и даже тела. Косность и гибкость — официальная и карнавальная культура, таковы философские основания смеха.

Анекдот — это своего рода контроль общества над кристаллизацией социальных отношений, при этом мы понимаем, что без стабилизации, определенности, формальной слаженности и естественно возникающей ритуальности общество нормально функционировать не может. Вместе с тем в стабилизации есть угроза развитию, и самой мягкой (и в то же время достаточно действенной) формой критики по отношению к стабильному положению вещей выступает шутка, подвергающая сомнению то, что становится устойчивым. При этом важно отметить, что диалектика косности и гибкости в человеческом поведении соответствует общему закону номинации — чем актуальнее для говорящих является тот или иной комплекс идей, тем большее количество языковых единиц используется для обозначения соответствующего круга понятий. Расширим эту корреляцию — чем более значимой для общества является та или иная ценность, тем более вероятна вариативная детализация норм, связанных с этой ценностью, и соответственно появление различных карикатурных изображений этих норм. Не случайно идея ценности здравого смысла, лежащая в основе английской культуры, привела к расцвету абсурда как критики здравого смысла. Это наблюдается в традиционных английских шутках, лимериках, классических английских и квази-английских анекдотах:

- Сэр, вчера я проходил мимо Вашего дома.

- Спасибо.

Для лингвистического осмысления шутки важным является введенное Д.Хаймсом понятие “ключ общения” — манера передачи сообщения; например, лекция может читаться математически точно или же с веселой легкостью (Белл, 1980, с.111). Ключ общения определяется статусно-ролевыми и межличностными отношениями между участниками коммуникации. Можно выделить несколько ключей общения: обычное (нейтральное), торжественное, официально-деловое, дружеское, шутливое общение. Разумеется, список можно продолжить. Важно отметить, что шутливое общение не сводится только к поддержанию близкой, дружеской дистанции между партнерами, хотя именно на такой дистанции шутка наиболее уместна. Шутка диалогична, и в случае неравенства участников общения, как показывает специальное исследование, существенным оказывается право одного из них первым пошутить или поддразнить партнера (Linde, 1988, p.147).

Дж.Лич в своей работе “Принципы прагматики” анализирует постулаты общения и выделяет “принцип иронии” и “принцип добродушной шутки” как особые условия “межличностной риторики” (Leech, 1983, p.149). Действительно, в общении весьма часто складывается ситуация, когда говорящий вольно или невольно заставляет слушающего усомниться в абсолютной серьезности того, о чем идет речь. Это могут быть мимические знаки, оттенки интонации, выбор слов, общая тональность высказывания. Особую роль здесь играет смена регистра общения, т.е. сокращение или увеличение социальной дистанции (Карасик, 1992, с.267). Мы согласны с А.Бергсоном, утверждающим, что смех снимает косность в общении, хотя, вероятно, не только смех выполняет эту функцию. Вероятно, выбор ключа общения (говорящий имеет право менять ключи общения по ходу коммуникации) представляет собой выражение более общего, возможно, глобального социально-психологического принципа общения — адекватности реакции: “Не отрывайся от действительности!” Существуют более и менее застывшие формы общения, к первым относятся виды делового (в более широком смысле — институционального) общения, например, политическое, религиозное, терапевтическое, педагогическое общение, ко вторым — виды межличностного общения. Если в институциональном общении человек выступает преимущественно как представитель той или иной группы людей (пациент,

покупатель, учитель) и контролирует контакт со своим партнером на рациональной основе, то в межличностном общении, где особенно важен эмоциональный контакт между людьми, требуется более интенсивное подтверждение адекватности взаимопонимания. Человеческое общение полифонично. Преимущественно информационное общение осуществляется в нейтральном ключе. Все другие маркированные ключи общения актуализируют двуплановость коммуникации, т.е. передачу информации и поддержание контакта. Таким образом, мы приходим к выводу о фатической функции любого общения с выраженным ключом: торжественная речь призвана соотнести два плана — данное общение и более важную вневременную связь людей (в этом состоит суть ритуала), шутка (и анекдот в частности) соотносит данное общение и постоянно меняющуюся реальность. Отметим, что в специальном исследовании, посвященном фатическому общению, шутка рассматривается как один из жанров этого общения (Дементьев, 1995, с.56).

Все анекдоты и шутки можно классифицировать на основании различных критериев. Наиболее частыми признаками соответствующих текстов выступают их тематика и источник. Выделяются бытовые, политические, медицинские, армейские, театральные анекдоты, анекдоты о пьяницах, неверных супругах, о животных, олицетворяющих те или иные человеческие качества, о представителях определенных национальностей и социальных групп, с одной стороны, и английские, французские, русские, украинские, еврейские анекдоты, – с другой. Заслуживает внимания монография В.Г.Раскина “Семантические механизмы юмора” (Raskin, 1985), где предпринята попытка построить целостную теорию юмора на основе достаточно обоснованной гипотезы, суть которой состоит в том, что текст, содержащий шутку, сориентирован на два различных скрипта (обобщенных представления действительности), эти скрипты находятся в оппозитивных отношениях, и основные типы оппозиции сводятся к противопоставлениям “реальное/ нереальное”, “нормальное/ неожиданное”, “возможное/ невозможное”. Автор противопоставляет юмор и остроумие (т.е. спонтанный и неспонтанный юмор), анализирует имеющиеся в лингвистической науке классификации юмористических ситуаций и текстов (например, любое нарушение привычного порядка вещей, замену одних вещей другими, игру слов, бессмыслицу, замаскированные оскорбления и т.д.). По мнению В.Г.Раскина, выделяются восемь типов юмористических высказываний: 1) намеренное высмеивание *(“Кто тот джентльмен, с которым я видел тебя вчера вечером?” — “Это был не джентльмен, а сенатор”*); 2) мягкое, любящее высмеивание в стиле Марка Твена (*“Мама, я ухожу в армию.” — “Ладно, только не приходи домой поздно”*); 3) смех над самим собой (*Преступник, которого ведут на казнь в понедельник, говорит: “Неплохо начинается неделька!”*); 4) пренебрежительный смех над собой (*Медсестра: “У вас сильный кашель. Что вы принимаете от него?” — Пациент: “А вы что мне предложите?”* — (Буквально: Make me an offer! — Так часто говорят во время коммерческих сделок. — В.К.); 5) загадка (*“Какой рукой нужно помешивать кофе — левой или правой?” — “Нужно пользоваться ложкой”*); 6) головоломка с каламбуром (*“Почему вырванный зуб похож на позабытую вещь?” — “Потому, что из головы вон”*); 7) чистый каламбур (*“Первое, что поражает новичка в Нью-Йорке, это наехавший на него автомобиль”*); 8) юмор как сублимация протеста (*“Конкурс на лучший политический анекдот в Москве. Первый приз — 25 лет в колонии строгого режима”*) (Raskin, 1985, p.25–26). В основу приведенной классификации положены, как мы видим, различные критерии: степень эмоционального сопереживания, рефлексивность, коммуникативная форма высказывания, психологическая мотивировка речевого действия. Все эти критерии, несомненно,

существенны, но представляется, что можно предложить классификацию анекдотов на основании иных признаков в составе единой концептуальной схемы. Такой схемой мы считаем семиотическую модель. Разумеется, эта модель не претендует на всеобъемлющий охват объекта, но, как нам представляется, обладает достаточно мощной объяснительной силой.

Знаковое пространство образуется тремя общесемиотическими координатами — отношениями знака к миру (семантика), к интерпретатору (прагматика) и к другим знакам (синтактика) (Моррис, 1983, с.42). В ряде работ устанавливается различие между отношением знака к мысленным образам, отражениям (семантика в более узком смысле) и к объектам отражения (сигматика) (Зегет, 1985, с.25). Известно, что имело место некое событие. Это событие соотносится с объективным миром — известными фактами, вероятными фактами, знаниями о фактах и связях между явлениями, отношениями людей к этим фактам и т.д. У говорящего и слушающего есть общий фонд знаний, поведенческих установок и ценностей. Далее, текст анекдота накладывается на некую первооснову, которая выступает в качестве точки отсчета, это текстовый тип анекдота, его зачин и завершение, динамическая модель анекдотического развития действия. И, наконец, событие, о котором идет речь, излагается определенными языковыми средствами (отношение к самому способу выражения). Следует отметить, что различные стороны знака не являются взаимоисключающими, это не компоненты целого, а разные аспекты его рассмотрения.

В плане семантики двуплановость анекдота проявляется в карикатурном изображении предметов (нарушение образов), пространственно-временных координат (высмеивание привычных фактов), взаимных позиций персонажей (высмеивается непонимание партнера), а также в обыгрывании двусмысленности или неопределенности ключевого понятия анекдота. Иначе говоря, семантическая двуплановость анекдота имеет денотативное (референциальное) и сигнификативное измерения.

Самое простое нарушение привычной картины мира — это нарушение семантики образов:

- Мне явно подменили рубашку в прачечной, — пожаловался муж. Воротник так мал, что я просто задыхаюсь. Это не моя рубашка.

- Ничего подобного, — ответила жена, — рубашка твоя. Не будь таким рассеянным. Ты продел голову в петлю для пуговицы.

Ряд анекдотов построен на нарушении семантики координат (например, пространственных):

В кабину водителя метро в Москве врывается пьяный с пистолетом в руке:

- Гони в Хельсинки!

- Это же метро!

- В Хельсинки, а то пристрелю!

Водитель объявляет:

- Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция — Хельсинки.

К числу фреймовых нарушений относится конфликт представлений: в анекдоте сталкиваются диаметрально противоположные пресуппозиции персонажей. Например:

- Скажите, доктор, а Вам всегда удается вырвать зуб без боли?

- К сожалению, нет. Вчера я, например, вывихнул себе руку...

Более сложное семантическое нарушение связано с неопределенностью ключевого понятия:

- Я достала прекрасное лекарство.

- От чего?

- Точно не знаю, но говорят, очень помогает!

Многие анекдоты строятся на двусмысленности интерпретации ключевого понятия. Можно выделить по меньшей мере две разновидности таких анекдотов. К первой группе мы относим расширение либо сужение понятия:

- Папа, я не могу выйти замуж за Константина! Он — атеист и не верит, что существует ад.

- Ничего, дочка. Смело выходи за него. Ты и твоя мамочка очень скоро сумеете убедить его, что он глубоко заблуждается!

Вторая группа — это анекдоты с идиоматическим переосмыслением ключевого понятия. Как правило, такие семантические сдвиги требуют фоновых знаний и закрыты для представителей иной культуры:

- Есть ли в СССР бедняки?

- Есть. Это те, у кого нет ничего своего. Квартира — государственная, дача — государственная, машина — государственная.

Прагматическая двуплановость анекдота гораздо сложнее, чем карикатурное представление семантики в смешном повествовании. Представляется возможным выделить оценочные и выводные несоответствия в анекдотах. Первые выражаются в виде высмеивания персонажа (речь идет не о простом высмеивании, а о понижении статуса того, кто претендует на высокий статус) и в виде шутливого переворачивания общепринятых норм, а вторые представляют собой насмешку над стандартной логикой.

Оценочные несоответствия затрагивают разные характеристики людей. Например, внешность:

- Каждый раз, когда вижу что-нибудь смешное, не могу удержаться от смеха!

- И как же тебе удается бриться?

Весьма часто высмеивается интеллектуальная несостоятельность:

Объявили о выставке ослов. Отвели площадку, отгородили веревкой и со всех входящих брали плату. Народ ходил, ходил, смотрели друг на друга и спрашивали:

- А где же ослы?

Выделяются анекдоты с общеоценочным смыслом:

- Сэр, подержите мою лошадь, я скоро вернусь.

- Но, помилуйте, я член парламента!

- Это меня не пугает, у вас вид честного человека!

Нарушения общепринятых ценностей можно разделить на два класса: высмеивание утилитарных и моральных норм, с одной стороны, и насмешка над рациональным поведением как таковым, с другой стороны. Нарушая утилитарные нормы, персонаж причиняет вред себе:

Полицейский:

- Опишите мужчину, ранившего вас ножом.

- Это длинный тип с круглой физиономией, примерно такой же, как у вас, господин комиссар.

Мы говорим о высмеивании моральных ценностей, если персонаж ставит под сомнение нормы общества:

Один жалуется другому:

- Такой сейчас некультурный народ пошел! Вчера, когда я выходил из пивной, мне все руки отдавили.

Сюда же относится, на наш взгляд, известная серия “садистских анекдотов”.

Разновидностью нарушения моральных норм общества является их открытая подмена утилитарными ценностями:

“Ваши творческие планы?” — спросили у писателя NN.

“Собираюсь написать повесть, рублей на триста”.

Насмешка над рациональным поведением выражается как абсурд:

В поезде едут два англичанина. Один из них очищает бананы, солит и выбрасывает в окно.

- Простите, сэр, зачем вы это делаете?

- Не люблю соленые бананы.

Несоответствие вывода в анекдоте проявляется как ловушка, в которую попадает один из персонажей либо адресат, и как высмеивание чересчур правильных логических построений. Разновидностью несоответствия вывода является понижение ожиданий персонажа либо адресата:

- Любимая, хочешь, я прокачу тебя до моря на огромной машине с мощным мотором?

- Конечно, дорогой.

- Тогда пошли на остановку автобуса.

Можно выделить указательные и аргументативные несоответствия в логических построениях, которые высмеиваются в анекдотах. Указательное несоответствие иллюстрирует нарушение коммуникативного постулата релевантности:

- Наш воздушный шар потерял управление! Нас куда-то унесло. Где мы находимся?

- Мы находимся в кабине воздушного шара.

Приведем пример аргументативного несоответствия:

На таможне.

- Откройте свой чемодан.

- Но у меня нет чемодана!

- Это не важно. Порядок для всех один.

Анекдоты могут быть противопоставлены друг другу по семиотическому признаку отношения знака к другим знаковым системам (синтактика), т.е. по отношению к определенным текстотипам, наиболее часто выступающим в качестве формальной основы анекдота. Поскольку анекдот представляет собой короткий текст, можно выделить три базовых типа коротких анекдотических текстов (по признаку композиционно-речевой формы): повествование, описание, рассуждение. Анекдот-повествование (анекдот-нарратив) представляет собой рассказ о некотором происшествии, его главной характеристикой является сценарность, т.е. последовательность событий, при этом последнее из событий оказывается неожиданным и поэтому смешным. Особенность анекдота как нарратива состоит в том, что обычно в нем используется настоящее время, даже если речь идет о последовательности событий в прошлом: "*Приход**ит** поручик Ржевский на бал…*" Отметим, что вводной фразой может быть и предложение, содержащее глагол в прошедшем времени: "*Поспор**или** заяц, медведь и лиса. Заяц говор**ит**…*" Статистически анекдоты-нарративы являются преобладающими, и это не удивительно, поскольку текстотип анекдота как жанра — это рассказ о некотором смешном событии. Анекдоты-повествования могут быть очень короткими:

Нашла бабушка в огороде бумеранг и замучилась его выбрасывать.

Этот текст интересен еще и потому, что в нем обыгрывается весьма важный для нашей лингвокультуры концепт: мучительно совершать одну и ту же ошибку (сравните: *наступать на грабли*).

Анекдоты-описания представляют собой различные виды смешных классификаций:

В военный универмаг поступили на продажу три вида кубика Рубика: обычный — для солдат, одноцветный — для офицеров и монолит — для генералов.

Анекдоты-рассуждения — это аргументативные высказывания, часто в диалогической форме, раскрывающие в смешном виде причинно-следственную связь между явлениями (таковы многие анекдоты из серии "армянское радио"):

"*Можно ли убить человека газетой?" — "Можно, если завернуть в нее утюг*".

Очень часто композиционно-речевые формы текстов сочетаются и взаимопересекаются в конкретных анекдотах:

"*Правда ли, что врач Тяпкин выиграл в лотерею тысячу рублей?" — "Правда, но не врач Тяпкин, а слесарь Хряпкин, не в лотерею, а в карты, не тысячу, а трояк, и не выиграл, а проиграл*".

Синтактический критерий классификации анекдотов есть признак их интертекстуальности. В жанровом отношении анекдоты как тип текста могут быть противопоставлены смешным афоризмам, шуткам, загадкам, дразнилкам, пустоговоркам, частушкам, лимерикам и другим фольклорным и литературным жанрам. В ряду фольклорных жанров анекдот характеризуется анонимностью, как и другие произведения фольклора, но отличается от частушек своей формой и принадлежностью к городскому фольклору. От дразнилок и пустоговорок анекдот отличается по признаку типового возраста рассказчиков (анекдот — сфера взрослой жизни, хотя есть и детские анекдоты, в то время, как дразнилки и многие пустоговорки — сфера сугубо детского дискурса). Некоторые анекдоты-классификации сходны с афоризмами, но афоризмы в отличие от анекдотических определений и классификаций обычно бывают авторскими и предполагают более глубокий смысл. Сравним распространенный анекдот-классификацию и афоризм:

"*Чем отличаются дипломаты от девушек?" — "Если дипломат говорит "да", это значит "может быть", если говорит "может быть", это значит "нет", а если он говорит "нет", то какой же он дипломат? Если девушка говорит "нет", это значит "может быть", если она говорит "может быть", это значит "да", а если она говорит "да", то какая же она девушка?*"

"*Дурак — это тот, кто не понимает, чем он нам мешает, негодяй — понимает*" (А.Брейтер).

Мы видим, что анекдот более тривиален, чем афоризм, сфера анекдота значительно уже (запретная тема), а соответственно круг людей, которым этот текст покажется смешным, значительно шире, чем текст афоризма. Анекдот демократичен по своей природе, афоризм же рассчитан на избранных. Разумеется, есть маргинальные анекдоты и достаточно банальные афоризмы.

Анекдот-повествование, на наш взгляд, представлен двумя основными видами — рассказом о некотором событии и коротким диалогом остроумного содержания. Рассказ о смешном событии может быть классическим нарративом, включающим экспозицию, сюжет, кульминацию в полной или свернутой форме:

Рассказывают, что Ходжа Насреддин предложил эмиру за двадцать лет обучить осла арабской грамоте.

- Ты с ума сошел! — сказали люди. — Это невозможно. Эмир казнит тебя.

- За двадцать лет, — ответил Ходжа, — кто-нибудь из нас умрет — или осел, или эмир, или я.

Короткий диалог представляет собой повествование о речевых действиях, при этом кульминация действия может заключаться как в ответной реплике, так и в описании этой реплики. Например:

- А собственное мнение у вас есть?

- Есть, но я его не разделяю.

Описание реплики противоречит ее содержанию, и в этом состоит соль анекдота:

- Как живете, товарищи?

- Хорошо! — шутят колхозники.

Анекдот-загадка формально соответствует вопросу с ответом, который известен адресату, но в анекдотичном ответе сталкиваются два текста — первичный и вторичный, при этом первичный текст может остаться в пресуппозиции и может быть выражен частично либо полностью:

У Армянского радио спросили:

- Есть ли жизнь на Марсе?

- Тоже нет.

Разновидностью анекдота-загадки является анекдот-ловушка, когда адресату задается вопрос, в котором сравниваются несопоставимые вещи, и при этом ответ высвечивает неожиданные, на первый взгляд, характеристики одного из сопоставляемых объектов. Например:

Q. What is the difference between a carrier bag and Michael Jackson?

A. One is made of plastic and is dangerous for children to play with and the other is for carrying home your shopping.

Анекдот построен на ситуативной двусмысленности: пластиковые пакеты действительно опасны для детей, но как только мы сталкиваемся с пониманием того, что в первом случае речь идет о популярном певце, то становятся ясными намеки в этом тексте (косметическая операция – пластиковое лицо и обвинения в растлении несовершеннолетних).

Анекдот-афоризм занимает пограничное положение между прототипным анекдотом и остроумным авторским высказыванием, имеющим глубокий смысл. С формальной точки зрения такие анекдоты построены как философские суждения, дефиниции, классификации:

Настоящий джентльмен — это тот, кто кошку всегда называет кошкой, даже если он об нее споткнулся и упал.

В отличие от настоящего афоризма анекдот-афоризм характеризуется не глубиной смысла, а легким, веселым остроумием. Анекдоты полны оптимизма, в то время как афоризмы могут быть пессимистичными:

Подражая человеку, обезьяна еще больше становится обезьяной (Г.Малкин).

Анекдот-пародия строится по аналогии с каким-либо стандартным текстом, это может быть объявление, лозунг, рецепт, техническая инструкция и т.д. Например:

"На первом этаже круглосуточно работает зеркало".

Анекдот соотносится не только с целыми текстами определенных жанров и видов, но и с любыми устойчивыми выражениями, в частности, с цитатами, которые используются в качестве ключевого компонента анекдота:

- Что такое Золотая Орда?

- Это ограниченный контингент монголо-татарских войск на территории Древней Руси.

Смысл этого текста может быть понятен только тем, кто знаком с историей России (следует знать, что монголо-татарское иго длилось несколько веков) и с клишированными выражениями времен войны, которую СССР вел в Афганистане (в официальных средствах массовой информации говорилось только об ограниченном контингенте советских войск на территории Демократической республики Афганистан). Строго говоря, во время войны не вся армия страны находится на территории противника, и в этом смысле выражение «ограниченный контингент» является само собой разумеющимся. Но в официальной советской пропаганде тех времен это выражение несло особый смысл: «достаточно малая группа войск, выполняющих интернациональный долг по просьбе правительства дружественной страны, подвергшейся агрессии извне». Между тем люди знали, что эта война тянется долго и сравнивали пребывание наших солдат в Афганистане с длительностью монголо-татарского нашествия.

Сигматика анекдота состоит в обыгрывании его звуковой стороны. В этом плане выделяются анекдоты, построенные на звуковой имитации и звуковом совпадении (как правило, каламбуре).

Звуковая имитация является языковой игрой, при этом предметом юмора может быть человек (с дефектом речи, носитель диалекта, иностранец или тот, кто говорит с акцентом), животное, предмет:

В кабинет с надписью “Логопед” робко просовывает голову мужчина и спрашивает:

- Мона?

- Не мона, а нуна! — отвечает логопед.

К этому же типу, по-видимому, относятся и анекдоты с рифмовками.

Звуковое совпадение в анекдотах представлено двумя разновидностями: это либо каламбур, либо использование слова в произвольном значении, мотивированном фонетически. В русском языке каламбур может быть корневым:

Вышел старик к синему морю, стал он кликать золотую рыбку и закликал ее до смерти.

Этот анекдот понятен тем, кто работает с электронно-вычислительной техникой, поскольку он основан на компьютерном сленге: “клик” — англ. click — щелканье, щелчок, например, при нажатии клавишей клавиатуры.

Использование слова в произвольном значении высмеивает недостаточно грамотных людей:

В театре:

- Тише, увертюра!

- От увертюры и слышу!

Таким образом, семиотический подход дает возможность построить новую типологию текстов, объединенных жанром “анекдот”. Важнейшими характеристиками данного жанра являются шутливый ключ общения, фольклорность, двуплановость, фатика, наличие ключевого компонента, который носит предметный либо понятийный характер, имеет оценочную и/или аргументативную природу, соотносит текст конкретного анекдота с типовыми текстами этого жанра и может заключаться в обыгрывании звуковой стороны анекдота.

Показателен социологический анализ поведения людей в зеркале анекдота, выполненный в статье В.Н.Дружинина, И.А.Савченко (1996). Рассматривая неприличные анекдоты о семье в русской и американской современных культурах, авторы установили типовые модели поведения мужчины и женщины в ролях супругов, любовников, детей, родителей и пришли к определенным выводам на основе статистического анализа сюжетов анекдотов: в современной российской семье женщина занимает доминантную позицию, а мужчина — субдоминантную (в американской семье — наоборот), структура отношений в русской семье соответствует архаической языческой модели общественных отношений, в американской — протестантской этике. Полученные выводы конкретизируются в типичных (ожидаемых) сюжетах, участниками которых оказываются члены семьи. Основой развития в этих сюжетах является какой-либо конфликт: между супругами, между супругом и любовником, между родителями и детьми, между зятем и тещей. Поведение участников таких конфликтов отражает в карикатурной форме типичное поведение реальных людей в реальных ситуациях: жена "пилит" мужа, муж пытается обмануть жену, действуя, как убежавший с урока школьник, и выглядит при этом нелепо (но симпатии рассказчика и слушателя анекдота — на его стороне, что свидетельствует о психологической роли анекдота как сублимации протеста мужчин против своего субдоминантного положения: жену на

место дома поставить не могу, так хоть анекдот про нее расскажу). Интересно отметить, что с позиций естественной морали жена в анекдотах оказывается права: она тратит все свое время и энергию на семью, все успевает сделать, ей недостает любви дома, и поэтому она пытается найти ее где-то еще. Для мужа важна не любовь: мужчина как герой анекдота любить не способен, он лишь получает спортивное удовольствие от преодоления препятствий, причем в качестве любовника к расплате оказывается не готов. В русских анекдотах разгневанный муж пытается убить любовника, но не жену (если он убьет жену, кто его будет кормить и жалеть), в то время как в американских анекдотах обманутый муж может убить как любовника, так и жену. Аналогичным образом рассматривается поведение и других участников анекдотических сюжетов о семье. Приведенный материал показывает, что анекдот фокусирует в себе типичные образцы поведения, которые поддаются статистическому анализу. Тем самым подтверждается идея М.М.Бахтина о карнавализации ценностей общества как необходимом механизме социального развития. Обсуждаемая статья интересна для нас и в том отношении, что типичные герои анекдотов могут быть смоделированы по аналогии с персонажами волшебной сказки, как это было сделано В.Я.Проппом в его классической работе "Морфология сказки" (Пропп, 1928).

Типология анекдотов может строиться и на других основаниях.

Пользуясь шкалами серьезности / несерьезности и дружелюбия / недружелюбия (А.В.Карасик, 2001, с.7), мы можем выделить типы анекдотов, в которых наблюдаются полусерьезная, шутливая и шутовская тональности общения, с одной стороны, и дружелюбное, располагающее, нерасполагающее и враждебное отношение к персонажам, с другой стороны. Из этого вытекает, что вовсе не все анекдоты являются юмористическими. Приведем пример так называемого черного юмора:

Разговор в карете скорой помощи: "Сестра, может быть, в реанимацию?" — "Нет! Доктор сказал — в морг, значит, в морг." — "Но ведь я еще не умер…" — "А мы еще и не приехали."

Перед нами — разновидность анекдота-розыгрыша, при этом объектом смеха выступает смерть, которая обычно табуируется в несерьезном общении. Здесь нарушается целая серия моральных запретов: на поверхностном уровне ставится под сомнение долг врача, обязанного спасать пациента, на более глубоком уровне мы имеем дело с самоиронией, поскольку тезис о смертности всех живых не нуждается в доказательстве или опровержении. Юмористический текст сообщает о важном для коммуникантов предмете, но не должен касаться сверхценностей, в частности, вопроса о жизни и смерти. Приведенный пример является шутовским типом комического текста. Разумеется, этот анекдот не может быть воспринят как смешной текст многими людьми, в частности, людьми преклонного возраста, тяжело больными, а также теми, кто недавно перенес утрату близкого человека. На наш взгляд, анекдот такого типа будет воспринят как смешной в среде тех людей, которые либо привыкли рисковать жизнью, либо не задумываются о том, что жизнь мимолетна и потерять ее легко.

Другой тип анекдотов, выходящий за рамки юмористического дискурса, представляет собой сатиру, граничащую с сарказмом:

"Привет, как дела?" — "Ой, у меня такое горе: у меня обнаружили рак." — "Брось, разве это — горе? Вот если бы у меня обнаружили рак, это было бы горе."

В данном анекдоте имеет место нарушение морального запрета высмеивать человеческое страдание. В нормальной ситуации обычная реакция на такое сообщение состояла бы в выражении сочувствия персонажу. В приведенном

тексте не только нет сочувствия, но карикатурно представлен эгоизм человека, для которого значимым является только то, что происходит с ним, в то время как проблемы других людей для него абсолютно несущественны. Человеческое здоровье также относится к сверхценностям. В отличие от приведенного выше анекдота, здесь эта сверхценность не ставится под сомнение, но сатирически критикуется эмоциональная глухота. Можно сказать, что высмеиваемый персонаж выставлен в гротескном свете, поскольку его порок выходит за рамки приемлемого человеческого поведения. Смешной в данном случае является сама ситуация общения, которое приобретает абсурдный характер.

Другим основанием для классификации анекдотов является их тематика. На первый взгляд может показаться, что этот критерий банален и размыт. В самом деле, трудно построить непротиворечивую типологию, включающую такие классы, как анекдоты про Штирлица, про тещу, про Вовочку, про поручика Ржевского, про типичных представителей различных национальностей, про политических деятелей, про семейную жизнь и т.д. На наш взгляд, тематическая классификация анекдота — это классификация неких проблемных ситуаций. В этом смысле можно сказать, что анекдот сходен с пословицей, поскольку имеет поверхностное и глубинное содержание.

Проблемная ситуация может быть простой и сложной, в первом случае анекдот представляет собой своего рода театральное действие в одном акте, во втором — многоактовую последовательность. Мы говорим о простой ситуации, если показано решение одной проблемы одним персонажем (или группой персонажей):

"Новый русский" говорит своей жене: "Все! Я банкрот! Ты по-прежнему будешь любить меня?" — "Да, милый, но мне тебя так будет не хватать!"

Говоря "любить", первый персонаж (муж) имеет в виду "быть вместе и любить", второй персонаж (жена) разбивает это понятие, возвращая ему исходное минимальное словарное значение, в результате чего возникает комический контраст между значением и смыслом ключевого слова.

Сложная проблемная ситуация представляет собой последовательность либо нелепых действий, либо комичных положений, в которых оказываются участники этой ситуации. Типичным примером этой ситуации является охотничий или рыбацкий анекдот, герои которого состязаются в придумывании небылиц. Важно отметить, что в анекдоте должна быть прогрессирующая градация нелепостей, и тогда кульминационный пункт будет смешным. Примером могут быть анекдоты о поведении представителей различных этносов в некоторой экстремальной ситуации. Сюда же, на наш взгляд, относятся анекдоты-классификации разного вида. Например:

СССР делится на четыре зоны: 1) Кремль – зона коммунизма; 2) от кремлевской стены до границ Москвы – зона развитого социализма; 3) от границ Москвы до границ Советского Союза – зона социализма, 4) за границами СССР – зона нормального человеческого существования.

Этот анекдот требует историко-культурной интерпретации. Во-первых, адресат должен знать, что в период строительства социализма официальной доктриной страны была теория, согласно которой коммунизм есть светлое будущее всего человечества, что подразумевало полное благоденствие; во-вторых, было известно, что верхушка партийного руководства (Кремль) живет очень обеспеченно, а Москва снабжается гораздо лучше, чем все остальные области страны; в-третьих, люди не одобряли такого положения дел и завидовали тем, кто живет за границей.

Тематически анекдоты могут быть также противопоставлены по признаку отношения рассказчика и слушателей к главному персонажу, который вызывает симпатию либо антипатию. Обычно симпатию вызывает герой, оказавшийся в

нелепой и комичной ситуации не по своей воле, либо ищущий приключений. Например:

"В твоем возрасте," – говорит отец сыну, – Наполеон был первым учеником в классе". — "Да, папа. А в твоем он уже стал императором Франции".

Перед нами — типичный анекдот-ловушка, причем первый персонаж (отец) хочет прочитать сыну нравоучение, т.е. расставить статусные знаки, но выбирает неверное средство и попадает в ловушку, подготовленную им же самим. Симпатии рассказчика и слушателя — на стороне второго персонажа (сына).

Антипатию вызывает персонаж, который либо намеренно совершает социально не одобряемый поступок, либо заранее наделен отрицательными качествами:

В магазине. "Дайте мне руководящую селедку!" — "Какую-такую руководящую?" — "А вон ту — толстую, жирную, без головы".

В приведенном анекдоте показано отрицательное отношение людей к власти. Представители власти наделяются двумя базовыми пороками: отсутствием интеллекта (без головы) и несправедливым получением благ (толстые, жирные, т.е. растолстели, в то время как другие живут впроголодь). Вместе с тем сопоставление представителей власти и селедки вызывает улыбку, поскольку никаких общих оснований для такого сопоставления нет.

Другим подходом к тематической классификации анекдотов является их противопоставление по признаку "абсурдность — реальность". Абсурдность, т.е. нелепость, несообразность, представляет собой признак особой ситуации, когда нечто противоречит здравому смыслу, всему жизненному опыту, логике, но при этом допускается как возможное либо имеет место в реальности. Всегда ли абсурдность смешна? На наш взгляд, в данном случае действует общий принцип смешного: смех вызывает только то, что незначительно выходит за рамки приемлемых ценностей. Абсурдность может быть полностью иррациональной, как на картинах сюрреалистов, и тогда она смеха не вызывает. Абсурдность может быть и трагичной. Специфика комичной абсурдности состоит в том, что некоторая ситуация выглядит совершенно нелепой, но при этом она не затрагивает смысложизненных ориентиров адресата. В данной работе абсурдность моделируется как оппозитивный признак, имеющий троякую проекцию: 1) семантическая абсурдность, когда предметам приписываются нелепые качества, 2) прагматическая логическая абсурдность, когда из предшествующего тезиса не выводится последующий, но при этом делается вид, что рассуждение ведется по правилам силлогизмов, 3) прагматическая оценочная абсурдность, когда некоторая ситуация в целом получает странную оценку, ставящую под сомнение принятые в обществе ценности.

Пример семантической абсурдности:

Штирлиц дал кошке бензин. Кошка выпила, сделала несколько шагов и свалилась. "Наверно, бензин кончился", — подумал Штирлиц.

Мысль о том, что кошка является механизмом, абсурдна и поэтому вызывает улыбку. Конкретно-физиологические характеристики ситуации во внимание не принимаются, и это свидетельствует о знаковой функции признака, который взят в качестве основы абсурдного суждения.

Пример прагматической логической абсурдности:

Приезжает в Челябинск американская делегация. После встречи с областным руководством члены делегации просят познакомить их с неким Васей Пупкиным, который работает слесарем-сантехником в отдаленном районе города. Милиция и КГБ срочно выясняют, кто это, и ничего особенного не обнаруживают. Через некоторое время приезжают английская и французская делегации и сразу же просят отвезти их к Васе Пупкину. К Васе едет офицер КГБ и спрашивает: "Откуда они тебя все знают?" — "А меня все

в мире знают, — отвечает Вася, — даже Папа Римский. Не веришь? Поехали в Рим!" Приезжают Вася и чекист в Рим, идут к Ватиканскому дворцу, перед дворцом огромная толпа. "Подожди," — говорит Вася. — "Сейчас мы с Папой выйдем на балкон". Вася проходит во дворец и через некоторое время появляется на балконе с Римским Папой. В этот момент к чекисту обращается с вопросом один из людей в толпе: "А Вы не знаете, кто этот чудак рядом с Васей Пупкиным?"

Этот анекдот построен на развернутом абсурдном повествовании, при этом отправной точкой является нелепая ситуация, когда совершенно невзрачный, никому не нужный человек становится центром мирового внимания. Кульминация анекдота — в Риме не знают, кто такой Римский Папа, но знают этого Васю Пупкина. В данном анекдоте происходит переворачивание персонажей: неизвестный всем известен, а известный становится неизвестным. Комичность достигается не только этим тезисом, который, кстати, в абстрактной своей форме улыбки не вызывает, а нарастанием абсурдности в повествовании (в реальном рассказывании анекдот является более длительным, с перечислением обстоятельств и разговоров).

Пример прагматической оценочной абсурдности:

Киллер приходит к человеку, которого собирается убить, и говорит ему: "Вы будете приятно удивлены, узнав, кто Вас заказал".

Комичным является контраст типичной рекламной фразы и предстоящего действия. Система ценностей в этом анекдоте находится за гранью здравого смысла, и поэтому под вопрос ставится принцип рациональности в общении.

В противоположность юмору абсурда существует юмор реальности, например, чрезмерный испуг человека из-за пустяка, очевидная глупость, попытка казаться лучше, чем на самом деле, и т.д. Пример комичной реальности:

"Дорогая, ты такая умная, почему ты не хочешь выйти за меня замуж?" — "Но ведь ты сам назвал причину!"

Улыбку в данном случае вызывает ситуация эвфемизма: вместо того, чтобы назвать героя анекдота дураком, героиня заставляет его самого в этом признаться.

Одним из возможных подходов к тематической классификации анекдотов является определение предмета замещения и характеристика типа замещения. Мы имеем в виду то обстоятельство, что юмор — это переворачивание определенных ценностей. Если высмеивается жадный человек, значит, проводится идея, что нельзя быть жадным; если предметом вышучивания является глупец, значит, можно сделать вывод, что следует вести себя умно, и т.д. Среди предметов осмеяния есть и табуируемые области. Если в анекдоте затрагивается нечто запретное, значит, этот запрет для представителей данной культуры актуален. С точки зрения отношения к табу можно выделить по меньшей мере три позиции: 1) запрет носит сакральный характер, и поэтому его высмеивание является святотатством и кощунством; 2) запрет носит моральный характер, представление его в комическом свете для некоторых людей приемлемо, для некоторых — нет; 3) запрет носит условный характер, его осмеяние санкционировано в данной культуре. Логично предположить, что количественно эти позиции представлены в корпусе анекдотов неравномерно: нарушения сакральных табу единичны, моральных — редки, ритуально-условных — частотны. Необходимо отметить, что сакральные, моральные и ритуально-условные запреты исторически изменчивы и индивидуально вариативны: то, над чем может потешаться преступник, не вызовет смеха у нормального человека. Есть даже профессиональная мера табуирования определенных тем: известно, что медики и журналисты легко оперируют

циничными шутками (которые вовсе не всегда являются грубыми), поскольку медикам приходится в повседневной жизни часто сталкиваться с проблемой смерти, и смерть как феномен для них теряет ореол исключительности; что же касается журналистов, то им приходится в погоне за сенсациями часто переходить за грани социальных норм.

Для религиозного человека сакральным табу является все, что связано с Богом, пограничные случаи — церковь и церковная жизнь, но приемлемым объектом шуток может стать священнослужитель. Не случайно существует много анекдотов о глупых, похотливых, жадных священнослужителях. Отметим, что для неверующего человека эта тема является нейтральной, и Всевышний может легко фигурировать в качестве положительного героя анекдота. Например:

Один человек всю жизнь молил Бога, чтобы Бог послал ему автомобиль. И однажды этот человек стал роптать: "Господи, я всю жизнь прошу тебя подарить мне машину, и нет мне ответа!" И вдруг раздался небесный гром, и голос с неба прогремел: "Купи хотя бы лотерейный билет — дай мне хоть один шанс!"

Комичность данного анекдота — в том, что всемогущему Богу тоже нужен повод, чтобы проявить свое могущество. Для нерелигиозного человека в этой шутке нет ничего кощунственного.

Сакральность запрета может осознаваться в определенных обстоятельствах. Так, Даниил Гранин приводит в одном из своих рассказов анекдот, который осмеливались вполголоса рассказывать близким друзьям немцы в фашистской Германии. Говорили, что в припадке ярости однажды фюрер упал на ковер и стал его грызть. Анекдот:

Фюрер приходит в магазин ковров. Продавец его спрашивает: "Вам завернуть или Вы его здесь будете грызть?"

За такой анекдот можно было сразу же попасть в гестапо. Фюрер в нацистской Германии имел статус живого бога, и поэтому такой запрет весьма остро переживался рассказчиками соответствующих анекдотов. Заметим, что естественной реакцией на такой анекдот не может быть громкий смех, скорее всего, это полуулыбка. Аналогичные анекдоты, вероятно, рассказывались в Советском Союзе о Сталине, но, по нашим данным, они были абсолютно неизвестны большинству населения. Единственный известный нам анекдот относится к числу литературных анекдотов:

Сталину стало известно, что журналист Кольцов рассказывает о нем анекдоты. Вождь вызвал к себе журналиста и сказал: "Вот тут некоторые рассказывают о Сталине анекдоты… А знаете ли Вы, что я — самый скромный, самый добрый, самый деликатный человек?" — "Нет, товарищ Сталин, такого анекдота я про Вас не рассказывал!" — ответил Кольцов.

Эта литературная шутка построена на обыгрывании самого жанра анекдота. Кроме того, смешным является факт признания героя, что он на самом деле рассказывал анекдоты. Вместе с тем у нас нет уверенности в том, что приведенный анекдот действительно бытовал в сталинскую эпоху.

Моральные запреты разнородны и весьма многочисленны. К их числу относится, например, норма помогать слабым или хранить верность друзьям, или быть благодарным за помощь.

Пример одного из современных анекдотов подобного типа:

Идет солдат и видит смертельно раненного бойца. Раненый стонет: "Браток, помоги, добей меня…" Сжалился солдат и разрядил в умирающего всю обойму. А тот открыл глаза и с блаженной улыбкой говорит: "Спасибо, браток!"

Перед нами — черный юмор. Насмешка над смертью дополнена здесь высмеиванием акта помощи умирающему, который оказывается кем-то вроде бессмертного мазохиста, для которого муки смерти — удовольствие. Этот анекдот вызовет улыбку не в любой аудитории. Так, солдаты, глядевшие в лицо смерти и видевшие умиравших друзей, вряд ли улыбнутся, услышав такую шутку.

Условные запреты касаются широкого круга тем. Например, это правило не говорить о болезнях. Существует множество анекдотов, героями которых являются врач и пациент. Например:

Приходит человек к дантисту. Врачиха включает бормашину и говорит: "Помнишь, Петька, как ты меня в детстве за косичку дергал?"

Всем известна сильная зубная боль. Комизм ситуации состоит в том, что врач должен помочь человеку избавиться от боли, но не причинять ему ее. Здесь же возникает нелепая связь мести и лечения, которая и вызывает улыбку, хотя люди и понимают, что смеяться над чужой болью нехорошо.

К этой же разновидности условных запретов относится великое множество анекдотов о неверных супругах и злых тещах. Отметим, что в анекдоте о теще и рассказчик, и слушатель всегда находятся на стороне зятя (тем самым мы понимаем, кто является рассказчиком). Заметим, что в таких анекдотах есть и доля самокритики (весьма мягкой):

Мужик сталкивает с балкона пятого этажа пожилую женщину, она яростно сопротивляется и кричит. Снизу собралась толпа, и люди кричат: "Что ты делаешь, изверг?! Отпусти женщину!" — "Да это теща," — кричит мужик. — "У, живучая!" — кричат снизу.

Тематикой анекдота является преступление как в юридическом, так и в моральном плане. Комичность этой шутки состоит в резкой перемене оценки: то, что подлежит запрету, оказывается разрешенным по отношению к определенным людям.

С позиций социолингвистики анекдоты могут быть противопоставлены по признаку статуса участников: детские и взрослые, женские и мужские анекдоты, анекдоты образованных и необразованных людей, анекдоты определенных социальных групп — студенческие, армейские, тюремные и т.д. Необходимо отметить, что в данном случае мы имеем в виду не тематику анекдотов, а характеристики тех, кто их рассказывает и слушает. Разумеется, многие анекдоты могут относиться к широкому классу универсального адресата, но есть и анекдоты, предназначенные для фиксированного слушателя. Применительно к статусному признаку возраста, пола и образованности можно выделить маркированный и немаркированный члены оппозиции. Маркированный тип выделяется, а немаркированный воспринимается как нейтральный. Так, мы говорим о детских анекдотах как маркированных, имея в виду, что остальные являются взрослыми, женских как маркированных и анекдотах образованных (культурных) людей как отмеченных особенными качествами на некотором нейтральном фоне. Из общей теории оппозиций известно, что маркированный признак должен быть более редким, чем немаркированный, именно поэтому маркированный признак заметен. Каковы специфические характеристики статусно маркированных анекдотов?

Детские анекдоты отражают в мифологической форме мир, воспринимаемый детьми, они часто строятся на основе сказок, в них действуют сказочные персонажи (либо герои популярных мультфильмов), для таких анекдотов характерно переведение юмора в розыгрыш или шутовство, они легко переходят в загадки, дразнилки и пустоговорки.

Волк идет по лесу со списком и карандашом в лапах. "Ага! Барсук? Иди сюда!.. Так. Завтра в семь вечера чтоб был у меня! Я тебя съем. И смотри у меня — я тебя записал!" Барсук заплакал и кивнул. Волк пошел дальше: "Ага! Ежик!. Сегодня на обед ко мне! Я тебя съем. И смотри — ты у меня в списке!" Ежик кивнул и заплакал. Волк идет дальше: "А, заяц! Завтра утром чтоб был у меня! Я тебя съем. И смотри, чтоб пришел! Ты у меня записан!" "А иди-ка ты подальше!" — отвечает заяц. "А, не хочешь? Ну ладно, тогда вычеркиваю!.."

Приведенный анекдот построен как типичный фольклорный текст-нарратив. В нем выделяются три действия, троекратный повтор призван усилить неожиданную развязку этого комичного текста. Мы сталкиваемся с персонажем, от которого исходит опасность (не удивительно, что это — волк, самый страшный зверь в русском фольклоре), и с персонажами-жертвами, которые представлены маленькими зверьками. Центральным героем является заяц, которому фольклор традиционно приписывает трусость и нахальство. Вместо барсука и ежика могли бы фигурировать и другие звери, их функция — сугубо дополнительная. Важно лишь то, что заяц вступает в противоборство с волком и волк (здесь и заключается комическая кульминация анекдота) сдается. Получается, что опасность была мнимой, волк действует как механизм. В анекдотах такого типа рассказчик (и его слушатели) идентифицируют себя с зайцем. Не случайно в детской аудитории Советского Союза таким успехом пользовался мультипликационный сериал "Ну, погоди!" Доводы взрослых критиков о жестокости зайца в этом фильме несостоятельны, поскольку этот фильм отражает детскую примитивную ментальность, когда проявлять великодушие по отношению к противнику — глупость.

Детские анекдоты не всегда безобидны по содержанию и форме, они могут включать вульгаризмы, помимо сказочных героев в них фигурируют известные личности из истории (например, в одной ситуации оказываются Пушкин, Ленин и Екатерина Вторая), весьма часто в качестве отрицательного персонажа в анекдоте выступает учительница (училка) либо директор школы, который часто оказывается глупее, чем вредная училка. В этих анекдотах мы часто сталкиваемся с рифмованными вульгарными включениями, которые и составляют суть смешного. Детские анекдоты часто разворачиваются как инсценировки, в которых рассказчик как бы перевоплощается в персонажей, эти тексты очень многое теряют в записи. Интересно отметить, что в корпусе проанализированного нами материала не зарегистрированы детские анекдоты, героями которых были бы родители.

Социолингвистически релевантным является и противопоставление анекдотов по признаку типизированного возраста рассказчика. В этом смысле выделяются старческие анекдоты. Их специфика состоит в ироничной (чаще — самоироничной) оценке здоровья и душевного состояния человека. Например:

Кораблекрушение. Четверо мореплавателей, одному 20 лет, другому — 30, третьему — 45, четвертому — 70, пришли в себя после того, как их выбросили волны на берег, и видят: невдалеке, на острове загорают прекрасные обнаженные девушки. Первый моряк, ничего не говоря, бросился в воду и поплыл к острову. Второй начал быстро мастерить плот. Третий пожал плечами и сказал: "Надо будет — сами приплывут". А четвертый заметил: "Что вы суетитесь? Отсюда и так все хорошо видно".

На наш взгляд, рассказчик данного анекдота ассоциирует себя с последним из персонажей. К анекдотам данного типа примыкают анекдоты о склеротиках, поскольку чрезмерная забывчивость характерна для пожилых людей и беспокоит именно их:

"На что жалуетесь?" — "Сразу все забываю, доктор". — "И давно это с вами?" — "Что давно, доктор?"

В этом анекдоте усилен факт моментальной забывчивости людей, страдающих склерозом. Такие шутки помогают людям справиться с неприятностями своего возраста.

Мы говорим о женских анекдотах, имея в виду, что это — не анекдоты о женщинах (наоборот, это большей частью — анекдоты о мужчинах), а анекдоты, которые рассказываются женщинами и предназначены для них, т.е. анекдоты, которые в максимальной степени соответствуют общественному стереотипу женщины, женского поведения. Разумеется, этот стереотип достаточно условен и в значительной мере ограничен социальными признаками образования (иначе говоря, речь идет о воспитанных женщинах).

Разговор за кулисами: "Чем расстроена наша прима?" — "Сегодня преподнесли девять букетов." — "Но разве этого недостаточно?" — "Да, но она уплатила за десять!"

Юмористический эффект данного анекдота построен на конфликте пресуппозиции и факта: букеты в театре обычно дарят восторженные зрители актерам за великолепное исполнение. Подразумевается, что для актера такие подарки являются сюрпризом. Здесь же сама примадонна организует себе такой сюрприз, и при этом оказывается, что ее обманули. Рассказчики высмеивают лицемерие как черту характера человека.

"Ты собираешься на мне жениться, потому что я унаследовала от тети Норы виллу?" — "Конечно, нет. Это просто смешно. Я женился бы на тебе, от кого бы ты ее ни унаследовала".

Этот анекдот показывает в смешном свете корыстолюбие. Соль этого комичного текста заключается в неожиданном переключении его логики: мужчина сначала опровергает подозрение женщины в том, что его чувства к ней объясняются меркантильными интересами, но затем происходит внезапное смещение акцента, фокус анекдота перемещается с причины женитьбы (унаследовать виллу) на второстепенную характеристику этой причины (вилла от тети Норы), при этом оказывается, что мужчина, опровергая подозрения в корыстолюбии, как бы связывал свои жизненные планы с именем тети Норы, что звучит абсурдно. Тем самым реальные мотивы низкого поведения персонажа раскрываются полностью. Юмористическая окрашенность такого саморазоблачения состоит в том, что герой раскрывает свои намерения, пытаясь их скрыть. Его духовная несостоятельность усиливается интеллектуальной скудостью.

"Как вам нравится мой новый муж?" — "Вам все идет!"

В этом коротком анекдоте комический эффект достигается тем, что муж и одежда стоят в одном смысловом ряду, тем самым происходит резкое снижение статуса мужа, что и подчеркнуто определением "новый", так говорят о новых предметах, назначение которых — гармонировать с их хозяином.

Женские анекдоты отличаются тем, что они сосредоточены вокруг гендерных ценностей женщин: красота, молодость, искренние чувства, власть над мужчинами. Эти ценности подвергаются юмористическому переосмыслению, и поэтому высмеиваются такие явления, как тщетные попытки казаться красивее и моложе, претензии на высокие чувства, когда их нет на самом деле, попытки мужчин казаться хозяевами положения.

Если взрослые анекдоты, в отличие от детских, универсальны и затрагивают широкий круг вопросов, актуальных для взрослых людей — от быта до политики, то соотношение между женскими и мужскими анекдотами строится на другой

основе: мужские анекдоты сориентированы на определенный тип компании и соответственно на определенный круг ценностей.

Мужские анекдоты представляют собой шутки на рискованные темы, часто сводятся к грубым и вульгарным намекам, вместе с тем, на наш взгляд, существуют темы общения, в большей мере занимающие мужчин, нежели женщин, например, политика. Соответственно многие анекдоты на политическую тему можно отнести к мужским. Мужские анекдоты раскрывают мужское видение мира, именно в этих анекдотах можно столкнуться с глупым мужем и хитрым любовником (ясно, с кем себя ассоциирует рассказчик), со злой и сварливой женой, с извечным врагом — тещей.

Анекдоты образованных людей касаются тех сторон жизни и тех ценностей, которые значимы для соответствующих людей. Например:

Идет англичанин мимо пасущейся на лугу коровы. Корова поднимает голову и произносит: "Добрый день, сэр!" Мужчина остановился, словно пораженный молнией. "Простите, вы что-то сказали?" — "Я сказала вам "добрый день". Вы не удивляйтесь, сэр. Я со своим хозяином закончила Оксфордский университет!" — "А где ваш хозяин?" — "Вот тот джентльмен с собакой". Мужчина подошел к пожилому джентльмену и говорит: "Сэр! Это потрясающе! Я недавно разговаривал с вашей коровой!" — "Небось, она вам сказала, что вместе со мной окончила Оксфорд?" — "Да, сэр!" — "Не верьте ей — врет!"

В этом анекдоте сопоставляются два факта "корова разговаривает" и "некто окончил Оксфорд". С точки зрения обыденного мировосприятия факт говорящей коровы несопоставим по своей значимости с любым высказыванием этой коровы. Юмористический эффект заключается в том, что на первый план выходит собственно содержание высказывания коровы, оцениваемое по параметрам истинности, и это является абсурдом.

Объектом осмеяния в анекдотах образованных людей оказываются недостаточно образованные люди. Иначе говоря, данный тип смешных текстов строится на обосновании тезиса о ценности знаний, полученных не в обыденной жизни, а в учебном заведении, из прецедентных текстов. Например:

Плывут Герасим и Муму в лодке. Герасим гребет и молчит. Муму поднимает голову и говорит: "Герасим, по-моему, ты что-то замышляешь."

Из курса школьной программы мы знаем, что герой рассказа И.С.Тургенева утопил Муму по приказу злой барыни. В этом тексте высмеивается тот слушатель, который не сразу понимает, почему у собачки появляются дурные предчувствия. Тот факт, Герасим — глухонемой и, следовательно, слышать Муму не может, для анекдота не релевантен. Текст этого рассказа часто обыгрывается в анекдотах данного типа:

Едет мужик по Москве в такси и видит памятник Пушкину. "Это кто?" — "Пушкин". — "Это тот, кто "Муму" написал?" — "Нет, "Муму" написал Тургенев". — "Ничего не понимаю: "Муму" написал Тургенев, а памятник — Пушкину!"

В этом тексте гипертрофируется невежество человека, который знает только один хрестоматийный текст — "Муму" и считает, что Пушкин, самый известный русский писатель, и должен быть автором этого произведения.

В настоящее время в российской действительности появился новый социальный тип — внезапно разбогатевшие полукриминальные и часто безграмотные молодые упитанные люди, с золотыми цепями на шее, в малиновых пиджаках и дорогих импортных автомобилях, называемые "новые русские". Эти люди вызывают всеобщую неприязнь вследствие несправедливо нажитого богатства и ухарского купеческого поведения. Их ценности полностью смещены. Приведем пример:

В ювелирном магазине "новый русский" выбирает себе золотой нательный крест. Продавщица: "Что Вы желаете?" "Новый русский": "Мне вон ту цепь и крест, килограмма на четыре". — "Вот этот?" — "Да, только без гимнаста".

Герой анекдота не знает, кто распят на кресте, и, следовательно, не понимает, что значит крест для христианина, рассматривая его только в качестве предмета украшения.

Анекдоты о "новых русских" показывают не только их ущербность, но и уязвимость: им становятся недоступны обычные человеческие радости:

Жалуется новый русский другу: "Представляешь, купил ящик елочных игрушек, а они оказались фальшивыми!" – "Что, битые все?" – "Нет, целые". – "Может, не блестят?" – "Нет, блестят". – "Так в чем же дело?" – "Не радуют!"

Способность радоваться, получать удовольствие от жизни в коллективном сознании связана с обычным достатком. Пресыщенность приводит к потере смысла жизни, при этом персонаж понимает, что настоящие елочные игрушки, дающие радость, существуют. Этот анекдот интересен как пример современной житейской философии в нашей стране.

Таким образом, модель анализа юмористического дискурса строится на основании трех признаков: юмористическая интенция, юмористическая тональность и стереотипы юмористического поведения. Из этих трех признаков юмористическая интенция не связана с этнокультурной спецификой поведения, в то время как остальные признаки обнаруживают такую связь.

Типичным жанром юмористического дискурса является анекдот. Предлагаются следующие критерии для классификации анекдотов: 1) по соотношению признаков шутовской, шутливой и полусерьезной тональности, 2) по соотношению признаков дружелюбного, располагающего, нерасполагающего и враждебного отношения, 3) по характеристике проблемной ситуации, лежащей в основе анекдота, 4) по отношению рассказчика и слушателя к главному персонажу анекдота, 5) по признаку "абсурдность" — "реальность", 6) по типу замещения через юмористическое снятие табу, 7) по отношению к различным текстотипам, соотносимым с анекдотами, 8) по социальному типу участников дискурса, на которых рассчитан данный анекдот.

3.4.2. Ритуальный дискурс

Ритуал – это закрепленная традицией последовательность символически значимых действий. Символически регламентированные действия обозначены в языке как ритуал, церемония, обряд, этикет. А.К.Байбурин (1988) убедительно доказывает, что ритуал и этикет могут быть противопоставлены по признакам сакральности / обыденности, коллективности / индивидуальности, ригидности / вариативности, сюжетности / фрагментарности. Ритуальное действие – это особый символически нагруженный поступок, подтверждающий соответствие ритуальной ситуации ее сакральному образцу. Ритуал закрепляет постоянные характеристики представителей определенной группы – этноса, конфессии, малой группы, осознающей свою групповую идентичность, и в этом смысле ритуал не подвержен изменению. Ритуал сориентирован на некоторое действие в его сюжетной целостности; участники ритуала разыгрывают это действие вновь, осознавая и переживая свою принадлежность к исходному началу. Этикетное действие – это фатический акт поддержания общения в доброжелательной тональности между людьми, относящимися к различным группам общества. Сфера действия этикета – обыденное общение, этикет допускает индивидуальные отклонения в степени демонстрации доброжелательности и изящества в выполнении этикетных действий. Эмоциональное содержание

этикетного действия варьирует от искренней доброжелательности до формального этикетного знака, в то время как ритуал связан с глубоким переживанием происходящего. Формализация ритуала ставит под вопрос глубинные ценности, объединяющие сообщество. В лингвистике этикет рассматривается с позиций формул речевого этикета (Формановская, 1982), обращений (Гольдин, 1987), этнокультурной специфики общения (Карасик, 1992). Этикетные действия могут быть простыми и сложными, их фатическая природа имплицирует возможность переосмысления и легкого переключения в область дополнительного (парольного) осмысливания. Сложное этикетное действие, разворачивающееся по определенному сценарию, представляет собой церемонию. Таково, например, церемониальное приветствие в некоторых архаических культурах, где традицией предписывается обмениваться при встрече задаваемыми в определенном порядке вопросами о здоровье всех членов семьи. Вместе с тем сценарный характер церемонии допускает рассмотрение и ритуала с позиций последовательности действий, имеющих высокую степень символизации (например, церемония официального подписания межгосударственных договоров или вручения наград). Трудно терминологически противопоставить ритуал и обряд, однако, если мы примем в качестве инвариантной основы этих понятий установленный традицией порядок действий, то ритуальность можно было бы трактовать как символическое осмысление и переживание специальных процедур, подтверждающих идентичность членов соответствующего сообщества, а обрядовость – как внешнюю условную форму ритуального действия.

Важную характеристику ритуального действия выделяет О.Розеншток-Хюсси (2000, с.138): ритуал есть способ очеловечивания крика, перевода вопля в членораздельную речь. Сначала определенная драматическая ситуация рождает очень сильную эмоцию, затем возникают ритуальные способы трансформации неконтролируемой эмоции в ритуальную речь, иногда сопровождаемую пением или звуками церковного органа. «*Вызовет ли у нас доверие убитый горем человек, который в первую же минуту будет в состоянии произнести совершенную по форме траурную речь?*» (Там же). Ритуальный дискурс не требует верификации, не характеризуется интендированием, т.е. осознанной направленностью на понимание, и в этом смысле не оценивается в категориях искренности и неискренности (Плотникова, 2000, с.201). Н.И.Толстой пишет, что ритуал представляет собой культурный текст, включающий элементы, которые принадлежат различным кодам: акциональному (последовательность определенных ритуальных действий), реальному, или предметному (действия производятся с некоторыми обыденными или специально изготовленными ритуальными предметами), вербальному (обряд содержит определенные словесные формулы), персональному (действия совершаются определенными исполнителями и могут быть адресованы определенным лицам или персонажам), локативному (действия приурочены к ритуально значимым элементам внутреннего и внешнего пространства), темпоральному (действия производятся в определенное время года, суток, до или после какого-либо события), музыкальному (в сочетании со словом или независимо от него), изобразительному (изобразительные символы ритуальных предметов, пищи, одежды, утвари и т.п.) (Толстой, 1995, с.167).

Типология ритуальных действий может строиться на специфике действий, ставших ритуальными (внешний ритуальный аспект), и на специфике собственно ритуальной тональности (внутренний ритуальный аспект).

Коммуникативные события, получающие ритуальный статус, являются циклическими (религиозные праздники, воинская присяга, посвящение в студенты, последний звонок, инаугурация президента и др.) и спорадическими (похороны,

награждения, коллективные осуждения, защиты диссертаций и др.). Ритуал тяготеет к цикличности, и поэтому в определенных культурах награждения и свадьбы имеют тенденцию происходить в определенные даты (например, награждения в связи с днем рождения монарха). В основу ритуального действия бывает положено значимое для всего коллектива событие (например, победа в битве или случившееся чудо), при этом тенденция цикличности распространяется на позитивные коммуникативные действия, невозможно запланировать проступки, подлежащие ритуальному осуждению, или неизбежные случаи ухода из жизни близких людей. Однако печальное событие может послужить стартовым моментом для возникновения особого ритуала скорби (день смерти кого-либо, день начала войны, день разрушения храма). В этой связи обратим внимание на особый тип ритуала, созданный Дж. Оруэллом в его антиутопии «1984» – пятиминутки ненависти. Ежедневно все члены коллектива должны были собираться в кинозале для ритуального просмотра короткого фильма, показывающего зверства врагов (при этом все участники должны были негодовать), демонстрирующего лицо главного предателя, по вине которого происходят все бедствия (можно было выкрикивать любые ругательства), и, наконец, являющего всем любимое лицо руководителя страны, Старшего Брата (здесь нужно было ликовать). Этот ритуал является прототипным для специальных сеансов психотерапевтического или магического воздействия, активный выплеск отрицательных эмоций в коллективном исполнении освобождает людей от стресса.

Каковы функции ритуала? На мой взгляд, назначение ритуала в том, чтобы 1) констатировать нечто, 2) интегрировать и консолидировать участников события в единую группу, 3) мобилизовать их на выполнение определенных действий или выработку определенного отношения к чему-либо, 4) закрепить коммуникативное действие в особой заданной форме, имеющей сверхценный характер. Констатирующая, интегрирующая и мобилизующая функции выделяют некое событие, но еще не делают его ритуально значимым. Фиксирующая функция превращает нечто в ритуал. Внутренняя характеристика ритуального действия проявляется в степени жесткости фиксации тех или иных параметров исходной ситуации. В этом смысле можно противопоставить мягкую и жесткую формализацию ритуального действия. В первом случае содержательная суть ритуала (сверхценностная значимость) допускает вариативность форм выражения соответствующего действия, здесь имеет место реальная коммуникация «с оглядкой» на прецедентную ситуацию. Во втором случае форма становится приоритетной и приобретает собственную сверхценную значимость. Блюстители религиозных ритуалов хорошо знают, что жесткая формализация ведет к семантическому выветриванию содержания исходного действия, положенного в основу ритуала (это соответствует закону С.Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака), поэтому жестко формализованный ритуал неизбежно приобретает сугубо эстетическую, декоративную ценность. Если мы обращаем внимание прежде всего на красоту ритуального действия, у нас есть все основания считать, что исходное содержание ритуала уже стерто. В узком смысле именно такие действия часто рассматриваются как ритуалы.

Говоря о специфике ритуального дискурса, хотелось бы прежде всего подчеркнуть то обстоятельство, что ритуализация в разной степени присуща различным типам дискурса, выделяемым на социолингвистическом основании, и специфически преломляется в конститутивных признаках типов институционального дискурса (цель, участники, хронотоп, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы). Эта специфика выражается в виде особой коммуникативной тональности, суть которой —

осознание сверхценности определенной ситуации. Эмоционально-оценочный знак такой ситуации может быть как положительным (торжественное поздравление, награждение, извещение), так и отрицательным (траурная речь, официальное изгнание или отлучение). По своей сути ритуал является инициацией, т.е. переходом одного из его участников в новый статус (конфессиональный, брачный, квалификационный и т.д.).

Ритуальная тональность общения жестко закрепляет иерархию в коллективе и обосновывает сложившуюся систему ценностей. Существуют общенациональные, конфессиональные, групповые ритуалы. Есть и ритуалы, соблюдаемые только в одной семье, например, отмечая день рождения умершего близкого человека, члены его семьи читают в этот вечер вслух его любимые стихи.

Закономерен вопрос: как соотносятся ритуальность и клишированность (целостная заданность, неизменяемость) дискурса? Думается, что ритуальный дискурс может быть клишированным и неклишированным. Каждый год в любом учебном заведении проходит радостное и одновременно грустное событие – «Последний звонок». Этот ритуал представляет собой инициацию учащихся – студентов или школьников, которые получают новый квалификационный статус, а именно – перестают быть студентами или школьниками. Обрядовая, условная сторона дела в этом случае заключается в том, что форма этого сложного коммуникативного события в известной мере отрывается от содержания (после последнего звонка выпускникам предстоят экзамены, т.е. в строгом смысле учебный процесс еще не закончен). Выступая перед студентами, декан факультета, заведующие кафедрами, преподаватели произносят в этот день слова, не сводимые к клишированному тексту. Вместе с тем и говорящий, и его слушатели прекрасно знают, о чем пойдет речь. Более того, известно, что ничего нового в этой речи не будет сказано (если новая информация прозвучит, то это будет нарушением жанра). Например:

Дорогие друзья!

Вот и наступил день, к которому вы так долго шли пять лет в стенах нашего университета. Это были прекрасные годы вашей жизни, годы вашей студенческой юности. Вы многое узнали, вы получили профессию, вы обрели друзей, с которыми вам теперь будет радостно встречаться. Нам, вашим преподавателям, очень повезло, что пять лет тому назад вы выбрали именно наш факультет и получили ту специальность, которая – уверяю вас – не даст вам пропасть в сложных условиях нынешнего времени. Нам было очень приятно работать с вами, помогать вам, мы радовались вашим достижениям, огорчались, когда у вас иногда случались неудачи. И вот сегодня для вас прозвенит последний звонок. Вы вышли на финишную прямую, впереди – государственные экзамены. Нет сомнений, что вы с честью пройдете эти испытания. Жаль с вами расставаться! Скоро вы получите дипломы, и с этого времени вы начнете сдавать другие экзамены – в школах, на каждом уроке, и вашими строгими экзаменаторами будут ваши ученики. Многие из вас будут работать учителями, кто-то попробует себя в работе переводчика, есть и такие, кто ощущает острую потребность резко повысить культурный и образовательный уровень жителей Флориды и Оклахомы, Франкфурта и Марселя. Всем надо помогать. А мы будем всегда рады видеть вас на кафедре, мы с удовольствием ответим на ваши вопросы, мы будем гордиться вашими победами. Дорогие мои друзья, я желаю вам больших успехов, и пусть этот звонок будет для вас счастливым. В добрый путь!

Выступающие перед студентами преподаватели и затем сами выпускники произносят очень искренние слова благодарности, добрые пожелания и высказывают сожаление по поводу предстоящего расставания. Интересно

отметить, что этот ритуал может включать и элементы юмора. Инициация в академической среде не ассоциируется только с серьезной коммуникативной тональностью (шутка на защите диссертации также не вызывает протеста). Впрочем, право на инициативную шутку обычно имеет только обладатель более высокого социального статуса (Слышкин, 2000, с.96–97). Сравним эту ситуацию с ритуальным моментом вынесения приговора в суде как обвинительного, так и оправдательного, в такой ситуации юмор может превратить речевой акт приговора в абсурд.

Существуют и жестко клишированные ритуальные тексты, которые должен произнести участник дискурса. Например, текст воинской присяги, клятва, которую произносил свидетель в суде, обещавший «говорить правду, только правду и ничего, кроме правды», формула, которую произносит жених, вручая невесте кольцо во время бракосочетания в Англии: “*With this ring I thee wed*” (With this ring I marry you). Жестко клишированными являются и тексты канонических молитв. Таким образом, ритуальный дискурс допускает вариативность по линии индивидуальной интерпретации лежащего в основе этого дискурса прецедента. Дискурс в формате «мы» такой вариативности не допускает и тяготеет к клишированности, дискурс в формате «я» представляет собой сложное ритуальное единство двух сущностей: осознание своей статусной принадлежности к носителям и хранителям ценностей общества и выделение своей индивидуальной манеры поведения при произнесении соответствующих текстов.

Сущность ритуального дискурса в его повторяемости (рекурсивности). В идеальном случае имеет место повторение некоторого текста инициируемым вслед за инициатором (клятвы и коллективные молитвы). Ритуальный дискурс в этом смысле есть хоровой текст. В более сложных случаях в этом хоровом тексте выделяются партии. Представляет интерес анализ ритуального дискурса в рамках коллективного осуждения и наказания одного из членов сообщества, например, проработка на общем собрании (Данилов, 1999). На мой взгляд, конкретная идеологическая составляющая такого выговора на суть ритуального дискурса не влияет – это может быть проработка как на комсомольском собрании за плохую успеваемость, так и на тайном совете церковных иерархов за пропаганду еретических учений. В криминальном сообществе такая проработка называется «правилка», и ее суть аналогичным образом состоит в том, чтобы вынести коллективное наказание тому, кто нарушил определенные жизненно важные нормы поведения, и в процессе этого ритуала сплотить коллектив, подтвердив преданность всех этим нормам. Коллективное осуждение строится по жестко заданному жанровому канону: 1) об этом событии заранее извещаются его участники, которым предписано быть в определенное время в определенном месте (они все — и осуждаемый, и осуждающие — не имеют права проигнорировать данное событие), 2) все участники ритуального осуждения знают заранее, чем это мероприятие окончится, 3) у всех участников ритуала есть жестко заданные ролевые сценарии, 4) предполагается, что если осуждаемый будет пытаться оправдаться, его оправдания приняты не будут, 5) один из осуждающих должен выступить в качестве инициатора и дирижера осуждения, ему же принадлежит и последнее слово, 6) один из осуждающих должен первым предложить формулу осуждения и меру наказания, 7) осуждаемый должен признать свое поражение, 8) осуждающие знают, что в случае нарушения ими норм поведения, с ними поступят так же.

В одной из воинских частей в семидесятые годы состоялось комсомольское собрание, на котором мне довелось присутствовать. Повестка дня: "О недостойном поведении комсомольца рядового Д." Этот комсомолец использовал

свой комсомольский билет в качестве записной книжки, куда вносил телефоны девушек, с которыми встречался во время своих увольнений в город. Случайно комсомольский билет был утерян и доставлен в политотдел дивизии. История получила огласку, нужно было принять организационные меры. Для офицеров — командира роты, замполита и секретаря комсомольской организации — эта ситуация означала большие неприятности по службе. Старослужащие солдаты сразу поняли, что для них увольнение в город будет отменено на неопределенный срок. Для молодых солдат, вчерашних школьников, недавно призванных в ряды Советской Армии, вся ситуация была абсурдной и в чем-то смешной, но они почувствовали по тону речи офицеров, что провинившийся будет серьезно наказан. Место проведения собрания – Ленинская комната, специальное помещение в казарме, где стоял бюст вождя и на стенах висели фотографии истории воинской части. Присутствовало около 40 человек. На заседании был офицер из политотдела дивизии. Состоялся нелицеприятный разговор, который можно восстановить следующим образом:

Замполит: «Товарищи коммунисты и комсомольцы! В нашей роте произошло ЧП. Был потерян комсомольский билет. Его нашли, и когда его открыли, то обнаружили, что он, к сожалению, принадлежит одному из вас. Этот комсомолец совершил то, что трудно назвать проступком. Он испоганил свой комсомольский билет. Пожалуйста, товарищ С. (секретарь комсомольской организации), расскажите всем, что там было».

Секретарь комсомольской организации: «Вот он, этот комсомольский билет, посмотрите. Вы видите, здесь портрет Ленина. Здесь фотография Д. А вот здесь, видите, написано (читает имена и телефоны). Я предлагаю дать комсомольскую оценку этому поступку. Кому дать слово?»

После достаточно длительной паузы встал сержант-старослужащий, которому предстояло увольнение через два месяца. Он сказал: «Слов нет, очень стыдно. Я знаю Д. почти два года. Никогда не думал, что ты, Д., способен на это. Как же ты будешь всем нам смотреть в глаза?». Затем выступил еще один старослужащий солдат: «А ты о родителях своих подумал? Они обрадуются, когда узнают об этом? На кого ты променял свое комсомольское сердце – на этих девок?». Осуждаемый сидел и молчал. Ему дали слово, он мог лишь изъясняться эрзац-фразами: «Ну, это, я, конечно… Ну, не знаю. Короче, вот». Затем слово взял замполит: «И что же мы будем делать?». Затем встал один из молодых солдат и, волнуясь, громко заявил: «Во время войны за это расстреливали, и правильно делали. Я бы с ним в разведку не пошел. Исключить его из комсомола и домой родителям написать!» Один из старослужащих сержантов поправил выступавшего: «Исключить надо, но родители-то при чем?» Другой сержант сказал: «И никаких ему увольнений до дембеля!» Затем слово взял представитель политотдела дивизии: «А где вы все были раньше? Неужели не было видно, с кем вы вместе служите? Может быть, он не один такой в вашей роте? Что там у вас, в комсомольских билетах?» В ледяном молчании все достали свои комсомольские билеты, у замполита, командира части и секретаря комсомольской организации на лицах был ужас. «Если хоть у кого-нибудь…» – сказал секретарь комсомольской организации. Проверяющий выдержал паузу и сказал: «Нам всем нужно хорошо подумать. Нам Родина доверила оружие. Мы должны знать, чем дышит сосед в строю. Ну, исключим мы его из комсомола и что будет? Кем он вернется на гражданку? Он, конечно, виноват. Сильно виноват. Но виноваты и мы все». Замполит сказал: «Да, парень оступился. Это всем нам урок». Затем сказал один из молодых солдат: «Выговор ему нужно вынести». Замполит подвел итоги: «Выговор и письмо родителям».

«Кто за выговор?» — спросил секретарь комсомольской организации. Каждый поднял руку. У провинившегося были слезы в глазах. Собрание закончилось. Выходя, все отводили друг от друга глаза, а затем, в курилке, искренне ругали виновника этого события, из-за которого всем досталось.

Приведенный пример раскрывает все основные признаки ритуала: интеграцию коллектива, высокую ценностную значимость принадлежности к своей группе, искреннее переживание своей идентичности, сценарное распределение ролей, причем совсем не обязательно заранее назначать действующих лиц ритуала: в отличие от театрального дискурса, ритуальный дискурс, если можно так выразиться, выдвигает из массы участников того, кто в определенный момент естественным образом принимает на себя роль, предписанную ритуальным ходом.

Символика ритуала в значительной мере сориентирована на сохранение статусных отношений в обществе, при этом степень формализации ритуала также может иметь дополнительный смысловой оттенок. Так, в одном городе было совершено покушение на жизнь высокопоставленного чиновника, которого подозревали в связях с мафией. По протоколу в похоронах этого ответственного работника должны были участвовать его сослуживцы, которые оказались в сложном положении: с одной стороны, было бы неблагоразумным явиться на эту траурную церемонию и тем самым оказаться в одной компании с представителями криминального мира, которые могли туда прийти, с другой стороны, проигнорировать такое событие означало бы показать черствость души и страх и подтвердить подозрения о причастности убитого к нарушителям закона. Чиновники нашли сугубо знаковое решение: по улицам города в похоронной процессии проследовал кортеж служебных автомобилей с номерными знаками, определявшими участников этого мероприятия, однако в автомобилях были только водители, хозяева соответствующих кабинетов воздержались от присутствия на этом событии. Тем самым они сохранили свое лицо, подтвердив значимую неопределенность своих позиций. Аналогичный случай имел место во время похорон британской принцессы Дианы, когда жена премьер-министра пришла на эту церемонию без траурной шляпки, фиксируя свое протокольное участие в ритуале и вместе с тем, нарушив ритуальный стиль одежды, продемонстрировала свою солидарность с королевской семьей, которая до этого печального события дистанцировалась от погибшей принцессы. Таким образом, ритуал представляет собой многоярусное образование, которое в определенных ситуациях допускает сочетание, казалось бы, взаимоисключающих знаковых поступков. Такое сочетание становится возможным при условии большей формализации внешней стороны ритуала и значимого нарушения каких-либо признаков этого ритуала.

Ритуал – это динамичное коммуникативное образование, он возникает на базе определенного социально значимого действия, которое подвергается символическому переосмыслению (ритуализации). Подобно ритуализации могут иметь место процессы деритуализации, при этом разрушение ритуала происходит по известной схеме профанизации сакрального. Применительно к ритуалу коллективного осуждения профанизация этого действия осуществляется как формализация («*Мы все знаем, что наш коллега ни в чем не виноват, но поступила жалоба в партком, и поэтому нужно срочно провести собрание и сдать протокол*»), протест (от открытой демонстрации своей солидарности с осуждаемым до знакового молчания в тот момент, когда следует произнести слова осуждения), карнавализация (высмеивание вышестоящих инстанций, пародирование норм поведения, доведение мероприятия до абсурда).

Ритуальный дискурс прослеживается в различных типах институционального общения. Научный дискурс включает процедуру инициации – публичную защиту диссертации, подтверждающую право соискателя иметь ученую степень, т.е. быть полноправным членом научного сообщества. Эта процедура является прекрасным примером мягко-формализованного ритуального дискурса. Ритуальность защиты диссертации состоит в том, что необходимо тайное голосование членов диссертационного совета, составляющих кворум, для того, чтобы соискателю был присвоен тот квалификационный статус, на который диссертант претендует. Защита строится по заданному сценарию, включающему как трафаретные компоненты сугубо протокольного порядка (председатель совета ведет заседание, не отклоняясь от стандартных клишированных формул, оппоненты выступают, зачитывая подготовленные отзывы), так и непрограммируемые компоненты (вопросы к соискателю, выступления в свободной дискуссии). Попытки устранить непрограммируемую часть защиты, т.е. сделать защиту жестко-формализованной, осуждаются научной общественностью (показательно жаргонное выражение «вешать клюкву» – заранее раздавать вопросы, на которые соискатель якобы спонтанно отвечает). Мягкая формализация данного ритуала допускает вероятность научной дискуссии на защите, а отсутствие критических замечаний в отзывах расценивается как знак некомпетентности оппонента либо несостоятельности защищаемой работы (не о чем вести дискуссию). Суть инициации состоит в проверке инициируемого быть полноправным членом сообщества. Подобно тому, как посвящению в рыцари должно было предшествовать боевое крещение, голосованию предшествуют вопросы и дискуссия на защите диссертации. В некоторых землях средневековой Германии экзамен на докторскую степень обозначался латинским словом Rigorosum (rigor – твердость, жесткость), испытуемый должен был доказать свое право на новый социальный статус в упорной интеллектуальной борьбе. Мягкая регламентация диссертационного ритуала выражается в оценочных ориентирах, которые должны быть отражены в отзывах официальных оппонентов (актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость), в количестве оппонентов, в отзывах на автореферат диссертации (их может и не быть). Мягкая формализация данной процедуры интересным образом проявляется в таком процедурном моменте, как отзыв научного руководителя, председатель весьма часто сообщает совету о том, что отзыв в деле имеется, и если научный руководитель является членом совета, то большей частью он от выступления отказывается. Выступление научного руководителя имплицирует его особое отношение к диссертанту и сводится к сообщению дополнительной важной информации о личности соискателя или об особых обстоятельствах, в которых выполнялась работа. Банкет после защиты является также сугубо ритуальным мероприятием, аналогичным любому пиру после инициации. Любопытно отметить, что в отечественной традиции такое событие часто карнавально переворачивает строго официальную процедуру защиты. Ритуал защиты на этом считается завершенным, но в соответствии с нормативными документами диссертант имеет право на прибавку к заработной плате только после получения общегосударственного диплома кандидата или доктора наук. Этот документ с порядковым номером, подписями и печатью материализует переход человека в новый квалификационный статус.

Прототипным ритуалом является каноническая молитва, которую предписано произносить в определенные даты. Обратим внимание на фасцинативную сторону данного ритуала: произнося сакральный текст, все участники такого религиозного ритуального дискурса испытывают особое чувство радостного единения. Не случайно религиозный ритуал часто включает пение или

музыкальное сопровождение, в зависимости от конфессии. Обрядовая сторона религиозного ритуала выражается в том, что произносимый текст может быть абсолютно непонятен говорящему (латинские молитвы в католических храмах, так же как и священные формулы на других мертвых языках, воспринимаются верующими в качестве сакрального текста еще и потому, что божественное осознается как недоступное). Протестанты, переведя канонические тексты на родной язык для собратьев по вере, сделали шаг в сторону рационализации веры и тем самым понизили фасцинативную значимость ритуального дискурса. Закрытость ритуального текста как характерная черта ритуала прослеживается в том, что важен целостный текст как знак, а не его развернутое дискурсивное содержание. Вспомним приветствие военачальника войскам во время проведения парада и ответную хоровую ритуальную фразу на русском языке, например: *«Здравия желаю, товарищи пограничники!»* – *«Здравия желаем, товарищ маршал Советского Союза!»* (в ответной хоровой фразе можно было с трудом определить исходные слова, от которых оставались только односложные выкрики).

К числу ритуальных текстов относятся и надгробные речи. Эти слова прощания в русской лингвокультуре (в отличие, например, от немецкой) произносятся не всегда. Если в похоронах участвуют только члены семьи и самые близкие друзья покойного, то вся процедура прощания осуществляется молча, под звуки похоронного марша покойного несут из дома до катафалка и затем – от катафалка до могилы. В некоторых конфессиях музыка, как и цветы на похоронах, считаются неуместными. Если же покойный занимал высокий пост и на его похороны пришло большое количество людей, то обычно происходит траурный митинг, на котором выступает человек, имеющий высокий социальный статус и хорошо знавший покойного по совместной работе. Надгробная речь представляет собой особый жанр ритуального дискурса, включающего клишированные выражения, например: *«сегодня мы все собрались здесь, чтобы проститься с…», «сегодня мы провожаем в последний путь…», «спи спокойно, наш дорогой друг»* (личностное переключение прослеживается в весьма частом переходе на «ты»), *«пусть земля ему будет пухом»*. В религиозном каноне происходит отпевание либо чтение поминальной молитвы, т.е. имеет место использование жестко-формализованных текстов.

Примером политического ритуального дискурса является выступление руководителя государства по телевизору в новогоднюю ночь. Эта традиция установилась сравнительно недавно. Государство в лице своего высшего должностного лица – президента страны – приходит в дом к каждому жителю и выражает добрые пожелания. Здесь мы сталкиваемся с магической функцией ритуала. Проективность ритуала заключается в том, что его участники ощущают особую значимость ритуального момента и полагают, что благопожелание, высказанное в этот момент, является более сильным и действенным, чем такое же пожелание, сказанное в обыденном общении. В своей короткой речи президент дает оценку году прошедшему и формулирует те ценности, которые значимы для каждого индивидуума – счастье, здоровье, успех. Отсутствие ритуала в ситуации, когда он ожидается, дезорганизует сообщество подобно тому, как общение ставится под угрозу при нарушении норм фатической коммуникации. Жанровое пространство политического дискурса, как справедливо отмечает Е.И.Шейгал (2000, с.270), складывается из трех типов жанров – ритуальных / эпидейктических (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение), ориентационных (партийная программа, конституция, указ и др.) и агональных (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты и др.). Политик ритуализует свою повседневную жизнь: личность заменяется имиджем, т.е. простым и легко

узнаваемым позитивным образом. Именно поэтому люди (электорат) не воспринимают политические выступления руководителей в информационном ключе. Политику дается эстетическая оценка: говорил уверенно, серьезно, задушевно, взволнованно (исполнял роль в соответствии или не в соответствии с ожиданиями). Политический ритуал неизбежно срастается с религиозным и массово-информационным: человек, олицетворяющий власть, принимает эту власть как предмет (подчеркнем: легко отчуждаемый предмет!), эта процедура призвана внушить всем сверхценный характер власти и легитимность обладания властью.

Вероятно, любое речевое действие может стать ритуализованным и затем ритуальным, но есть действия, предрасположенные к ритуализации. Таковы просьбы, извинения, поздравления, восхваления, соболезнования, осуждения, обещания, приветствия, прощания и т.д. Вместе с тем вряд ли актуальной станет ритуализация лести или комплимента.

3.5. Тенденции развития дискурса, или язык послеписьменной эры

История человечества измеряется великими событиями, открытиями и способами понимания и преобразования мира. К числу таких способов бесспорно относится изобретение и распространение письменности. С точки зрения письменности вся история распадается на дописьменный и письменный периоды. Дописьменный, или бесписьменный, период продолжался, как известно, очень долго, и в целом этот этап развития человечества рассматривается как первобытный период. Следует отметить, что и в эпоху письменности определенные виды общения (прежде всего разговорная речь) оставались преимущественно бесписьменными.

Период письменности ассоциируется у современного человека, прежде всего, с книгой в ее обычном полиграфическом исполнении. Развитие компьютерной технологии привело к принципиально новому способу хранения информации — не в зрительно воспринимаемых печатных знаках (имеется в виду фонематическое письмо), а в электромагнитных сигналах. Эти сигналы выводятся на дисплей компьютера и могут быть распечатаны на принтере. Создание глобальных сетей, когда каждый пользователь может стать абонентом мирового хранилища информации, приводит к тому, что распечатка данных становится в известной мере избыточной: в любой момент можно сделать запрос по поводу интересующей информации, а кроме того компактные дискеты и лазерные диски уже в настоящее время могут заменить гору фолиантов. К этому стоит добавить несомненное удобство пользования компьтерными текстами: они снабжены гипертекстом, т.е. различными пометами, помогающими быстро найти и обработать нужное место.

Информация передается не только в виде текстов, но и в виде различных образов. Развитие среды «мультимедиа», т.е. выход на зрительные и звуковые образы, хранимые в памяти машины и воспроизводимые по заданию пользователя, в значительной мере меняет традиционные представления о тексте. Правильнее было бы сказать, что понятие текста расширяется до семиотического концепта, включающего зрительный образ в статическом и динамическом исполнении (картина и фильм), звуковое сопровождение и собственно текст в виде титров.

Итак, возникает вопрос: правомерно ли говорить о том, что развитие электронных (а в перспективе и биоэлектронных) способов хранения, передачи и обработки информации ведет к постепенному вытеснению книги из жизни

человека и соответственно человечество вступает в новый бесписьменный (теперь — послеписьменный) период своего развития? Каковы характеристики этого периода, какова возможная ментальность людей, живущих без книг? В научно-фантастической литературе и публицистике неоднократно высказывались различные, большей частью негативные мнения по этому поводу. Думается, что имеет смысл рассмотреть эту глобальную проблему с позиций лингвистики.

Представляется целесообразным разграничить следующие понятия: коммуникация, ее участники, цели, сфера, способ и среда. Если мы будем трактовать коммуникацию в широком смысле как общение (в отличие от узкого понимания рассматриваемого явления как системы способов и каналов общения), то следует признать, что основной целью общения является поддержание единства человека и общества, диалектическое преодоление и подтверждение отдельности человека.

Общение как форма человеческого взаимодействия отражает социальную сущность человека. Мы встроены в мир людей, и наше место в этом мире определяется многомерной сетью отношений, которые можно представить в виде кругов Эйлера, т.е. входящих друг в друга концентрических окружностей.

В самом центре такой модели находится человек и его близкие, семья, на этом уровне в наибольшей мере проявляется индивидуальность, уникальность личности; с другой стороны, общение на таком уровне имеет целый ряд особенностей: оно строится на том допущении, что близкому человеку должно быть известно все, что произошло с говорящим, что его волнует. Люди часто используют лишь контуры высказываний, понимая друг друга с полуслова, общаются посредством взглядов, мимики. Здесь важна не столько передача информации, сколько эмоциональная поддержка. Этот уровень общения генетически первичен, ребенок вступает в мир, в первый круг своих социальных отношений на основе правил общения на самой короткой дистанции.

Вместе с тем человек принадлежит не только узкому кругу своих близких, но и вступает во взаимодействие со значительно большим количеством людей, которых он не знает досконально, однако имеет о них представление на основе личного опыта. Типы таких знакомств весьма разнообразны, и уровень межличностного взаимопонимания может быть различным: от внешнего узнавания при встрече до определенной части совместного опыта (соседи, одноклассники, сотрудники). Этот достаточно широкий второй круг общения требует иных исходных посылок. Партнеры не обязаны разделять ценности внутреннего мира друг друга, им следует вести себя в соответствии с усредненными нормами поведения (именно здесь наиболее значимы правила этикета), именно на данном уровне общения люди, прежде всего, обмениваются информацией о мире, а не о своем отношении к миру. Человек выступает здесь не как личность во всем богатстве своих уникальных характеристик, а как представитель определенного класса, как тип. Такой тип отношений определяется статусно-ролевыми характеристиками участников общения.

Допустимо также выделить и третий круг общения человека — в него входит все человечество, представители других цивилизаций и других эпох. Здесь правомерно вести разговор о том минимуме знаний, ценностных установок и поведенческих моделей, которые являются общими для всех людей, где и когда бы они ни жили. На этом уровне общения стираются различия между культурами и языками.

Итак, участниками общения являются люди либо во всем богатстве своих личностных характеристик, либо в определенном минимуме социально-ситуативных показателей, а цели общения можно разделить на поддержание эмоционального контакта и на информационный обмен (информационный

критерий). Разумеется, в эмоциональном контакте всегда есть та или иная доля информационного обмена, и наоборот, но при построении общей рабочей модели коммуникации нас интересуют типы, а не промежуточные случаи. Иное противопоставление целей общения возможно на основании поведенческого критерия: любое общение представляет собой воздействие на адресата и базируется на неосознаваемой интенции либо осознанной цели — привести ценностные установки партнера (группы) в соответствие со своими ценностными установками и вызвать (либо предотвратить) определенные действия со стороны адресата. В общении также можно выделить такую цель, как взаимное определение (идентификацию) участников, подтверждение собственного образа в личностном и статусно-ситуативном плане и определение соответствующего образа партнера (идентификационный критерий). Названные цели неравнозначны: общение начинается с идентификации, развивается в соответствии с той или иной поведенческой стратегией и включает эмоционально-информационный обмен. Терминологически предпочтительнее говорить о рационально-эмоциональном и информативно-фасцинативном соотношении: в первом случае имеется в виду рассудочно-логическая либо чувственно-волевая сфера сознания, во втором — передача субъективно и объективно новых данных либо эстетическое переживание данных вне зависимости от их новизны.

Под сферой общения понимается внешняя обстановка, включающая социально значимое место и время и вытекающие отсюда способы ролевого поведения коммуникантов. Например, «обучение»: место — учебное заведение; время — урок, перемена либо внеаудиторное мероприятие; ролевые характеристики — учитель, ученик, ролевые действия учителя — привлечение внимания, контроль понимания, резюмирование, корректировка и т.д. (Stubbs, 1983, p.51–53). Сферы общения при всей их размытости в принципе исчислимы применительно к конкретному носителю языка и абстрактной языковой личности. Классификация сфер общения — это выделение значимых фрагментов действительности, определяющих специфическое поведение человека. Если мы примем за основу нашей рабочей модели общения выделенные выше «круги общения», то исходной коммуникативной сферой будет домашняя обстановка, включающая общение с близкими и друзьями в доме и вне дома. Отметим, что домашняя обстановка не сводится к бытовой беседе, а включает также элементы ритуального, фатического, магического общения. Вторичной коммуникативной сферой мы считаем институциональное общение, т.е. общение в рамках социально-фиксированных институтов: педагогическое, производственное, сервисное, административное, политическое, дипломатическое, военное, спортивное, терапевтическое, религиозное, научное, художественное общение. Возможны и другие виды институционального общения, важно отметить то, что они различны для различных сообществ и выделяются на основании тематики, типовых мест соответствующего общения и фиксированных ролей участников коммуникации. Внутри видов институционального общения могут выделяться жанровые подвиды, если сложившаяся система способов того или иного вида общения достаточно разнообразна. Так, научное общение во время конференции отличается от общения во время защиты диссертации, религиозная проповедь отличается от исповеди, производственный отчет о командировке отличается от инструктивного совещания и т.д. Вместе с тем определенные виды коммуникации могут нейтрализоваться внутри единого вида, например, административное и политическое, религиозное и терапевтическое, педагогическое и научное общение. Один и тот же человек может владеть различными видами институционального общения, выступая в качестве инженера, пациента, пассажира, покупателя, прихожанина, избирателя.

Говоря о способе общения, мы имеем в виду, прежде всего, средство общения — язык во всем разнообразии порождаемых текстов, а также режим (тип диалога) и тональность общения (нейтральную, торжественную, смеховую, конфликтную). Язык как средство общения в современной лингвистике понимается весьма широко: имеется в виду, прежде всего, знаковая система систем, включающая лексику, фразеологию, морфологию, синтаксис, сегментную и супрасегментную фонетику, а также текст как высшее языковое образование со свойственными ему категориями. Все эти языковые системы дифференцированно представлены в региональных и социальных вариантах языка. Кроме того, учитывается возможность переключения языка как кода в условиях двуязычия (диглоссии). К традиционным языковым средствам общения примыкают невербальные средства (мимика, жестикуляция, проксемика, сопровождающие речь действия и молчание как способ коммуникации), если общение носит устный характер, или различные метатекстовые знаки (курсив, шрифтовое, композиционное, рамочное выделение и т.д.), если коммуникация осуществляется письменно. Письменная коммуникация может включать и схемы, диаграммы, картинки и фотографии разного вида. Сюда же относятся различные вторичные по отношению к естественному языку системы: цифры, математические, физические и химические формулы, музыкальные ноты, географические и астрономические знаки.

Способ общения включает также режим взаимодействия коммуникантов, определяемый дистанцией между ними. Генетически исходным общением является непосредственный контактный диалог, в котором участвуют, по меньшей мере, двое партнеров, каждый из которых вносит свой вклад в общение, при этом режим «говорение — молчание» является лишь формальным описанием диалога, на самом деле, слушающий участвует в общении весьма активно, мимически реагирует на реплики и имеет право перебить говорящего. Этот вид диалога представлен тремя подвидами: естественный нормальный диалог, квазидиалог и псевдодиалог. В случае квази-диалога речь может быть адресована самому себе или воображаемому собеседнику. Псевдодиалог представляет собой сценическую организацию общения. Опосредованный контактный диалог реализуется, как правило, в институциональном общении в виде лекции, проповеди, инструктажа. Адресат при этом присутствует, но играет пассивную роль, не имеет права произвольно вступить в диалог, может быть представлен коллективно. Особенность дистантного диалога состоит в том, что адресат физически отсутствует, не может вступить в контакт с отправителем речи в пространстве и во времени. Фактически в этом случае фигурируют монологические тексты, их диалогичность потенциальна, хотя в эпистолярном жанре текст развертывается в виде беседы. Художественная, научная, учебная литература, документы, рецепты и другие формально-фиксированные тексты ориентированы на потенциального адресата. Этот вид общения реализуется в письменной форме, характеризуется сложными синтаксическими оборотами, сущность которых состоит в передаче тонких оттенков мысли, выделении логических отношений и переходов. Лексика письменной речи стремится к максимальной точности, в научной речи это — выделение и наименование существенных признаков изучаемого предмета, в художественном произведении — поиски наиболее адекватных образов, соответствующих авторскому замыслу, в документальном тексте — строгое соблюдение жанрового канона. Жанровая развернутость, наличие системы жанров, которыми вправе воспользоваться автор, — принципиальная особенность дистантного диалога. В самом деле, мы можем отметить, что некоторый текст написан в жанре эссе или рассказа, но лишь с известными оговорками можем сказать, что подруги вели диалог в жанре сплетни или скандала. Строго говоря,

любое высказывание на определенную тему представляет собой ответ в дистантном диалоге, эти ответы могут быть сориентированы на конкретные тексты, и тогда возникают рецензии, интерпретации, переводы, пародии и могут быть сориентированы на тот или иной тип текста, в результате чего появляются новые тексты.

Тональность общения определяется отношением участников коммуникации к друг другу, к наблюдателям или свидетелям, к обстановке и к предмету речи. Тональность общения не тождественна дистанции между коммуникантами, хотя и в значительной мере определяется такой дистанцией. Вместе с тем обыденная / торжественная, серьезная / шутливая, конструктивная / деструктивная тональность прослеживается как в персональном, так и в институциональном общении и определяется такими поведенческими параметрами, как профанное либо сакральное, стандартное либо нестандартное, целесообразное либо нецелесообразное поведение.

Возможны различные подходы к выделению единиц общения. С точки зрения языка как средства коммуникации правомерно выделить текст и определенный текстовый фрагмент, характеризуемый типом адресованности, модально-стилевым и тематическим единством, композиционной целостностью и внутренней связностью. В работах по лингвистике текста противопоставляются взятые из античной риторики композиционно-речевые формы — повествование, описание, рассуждение. В основу выделения приведенных форм положены различные критерии — отражение предмета речи в его динамике либо статике, характеристика предмета в целом либо в отдельных признаках, констатация положения дел либо объяснение причинно-следственных отношений применительно к данному положению дел. С точки зрения интеракционального строения общения единицей общения предлагают считать коммуникативный ход — минимальную пару реплик, объединенных интенцией отправителя речи. В таком случае тексты, которые можно отнести к разновидностям дистантного общения (т.е. формально монологические тексты), подлежат сегментации на основании иллокутивного анализа высказываний или групп высказываний.

Под коммуникативной средой понимается множество потенциальных (виртуальных) участников возможных коммуникативных актов, моделируемых в виде цепочек «виртуальный автор — реципиент» (Каменская, 1995, с.201). Такая трактовка общения продиктована необходимостью осмысления компьютерного пространства, которое постепенно начинает занимать существенное место в ноосфере. В более широком (и менее техническом) плане коммуникативной средой человека является весь мир его общения, т.е. все реальные и потенциальные партнеры по общению, информация, которую индивид получил или может получить, чувства, которыми человек может поделиться с окружающими и которые он способен воспринять от них. Коммуникативная среда состоит из сигналов, включающих информацию и шум, т.е. тех сообщений, которые могут быть восприняты нашими органами чувств и переработаны сознанием и подсознанием, и тех сообщений, которые для нас не имеют смысла. Кибернетическая модель общения традиционно включает отправителя и получателя информации, сообщение и канал. Источник и получатель информации характеризуются тем, что их объединяет принадлежность к общей культуре, это выражается как общие знания, установки и коммуникативные умения. Сообщение представляет собой определенный код, имеющий структуру, при обработке которой выделяются значимые элементы. Эти элементы имеют социопсихическую природу и выступают в качестве «вех взаимопонимания», т.е. передают определенное содержание. В качестве каналов сообщения выступают органы чувств человека — зрение, слух, осязание, обоняние, вкус (Arnold, Frandsen, 1984,

p.8). Коммуникативная среда включает все компоненты общения, при этом каналы информационного обмена — это не только органы чувств человека, но и способы технического обмена и хранения информации (усиление сигнала, ослабление шума и помех, возможность копирования и перекодировки, иерархическое структурирование информации, ее сжатие и наличие алгоритмов развертывания).

Итак, какие из перечисленных выше параметров общения могут и должны измениться в результате перехода к послеписьменной коммуникации?

Вторжение в ежедневный быт человека огромного числа его потенциальных партнеров по общению должно, как мне представляется, привести к тому, что формы неличностного общения будут стремиться к максимальной клишированности. Иначе говоря, на уровне дружеского общения и общения с самыми близкими людьми человек сохранит свою индивидуальность. Текстовая клишированность, подчиняясь законам функционирования знаков, должна привести к «выветриванию» содержательной части знака, к обмену специфическими идеограммами. В современной психологии говорят о «синдроме стюардессы», характерном для людей, поддерживающих общение с большим количеством партнеров (в том числе и с теми, с кем данное лицо, как правило, политик, деятель искусства, журналист встречается всего лишь раз в жизни): широкая искренняя улыбка, дружеское рукопожатие, доброжелательный взгляд в сопровождении типового устного текста в момент общения и полное стирание из памяти всех «случайных» людей немедленно после разговора с ними.

Говоря о целях общения, вряд ли можно поставить под сомнение то, что эмоциональный контакт и информационный обмен кардинально изменятся. Практика компьютерных эхо-конференций свидетельствует о том, что предпринимаются попытки, с одной стороны, каким-то образом зафиксировать эмоциональное настроение отправителя речи в виде "смайлика" – комбинированного пунктуационного знака, изображающего человеческое лицо, а с другой стороны, в информационном обмене резко возрастает роль гипертекста, т.е. вспомогательного инструментария, позволяющего ускорить получение нужной информации. Имеется в виду наличие рубрик разного рода (читатели газет не мыслят себе современной прессы без рубрик), графических средств выделения информации (параграфемика) в виде шрифтов разного типа, сопровождающих знаков, в том числе идеограмм, полимодальных рубрик — фрагмента мелодии, видеоклипа, динамического образа. Экспансия иконических знаков, образов — основная тенденция послеписьменного периода общения. Образы, как известно, непосредственно связаны с эмоциональной сферой человека, конвенциональные знаки, сигналы требуют рационального опосредования. Из вышесказанного можно было бы сделать вывод о том, что доля сигналов в общении должна сократиться. Но в таком случае возникает определенная сенсорная перегрузка человека и соответственно образуются конвенциональные знаки нового типа на базе существующих образов. Материальная основа таких знаков, возможно, будет другой, но принцип идеограммы — записи идеи — должен сохраниться. Лингвистическое изучение компьютерного общения позволит раскрыть многие новые характеристики коммуникации, которые органически войдут в нашу жизнь (Шейгал, 1996; Леонтович, 2000; Галичкина, 2001).

Сферы общения являются исторически изменчивыми, они могут взаимопроникать и дифференцироваться на новой основе. Есть основания считать, что сферы общения в их динамике тесно связаны с функциональными стилями. В лингвистической литературе показаны разные подходы к выделению и исчислению функциональных стилей. Известна позиция Ю.М.Скребнева, который считал, что можно выделить столько функциональных стилей, сколько существует текстов (Skrebnev, 1994, p.15). Вместе с тем человек, как известно, существо

классифицирующее, и все существующие тексты могут быть сведены к ограниченному количеству текстовых типов. Дело состоит в том, что текстовые типы выделяются на основании тех или иных критериев, и таких критериев, действительно, может быть очень много. Если в основу текстового разбиения положен критерий эмоциональной психологической доминанты, мы сталкиваемся с «активными», «печальными», «светлыми» и другими текстами в интерпретации В.П.Белянина (Белянин, 1988, с.45–48), если же тексты подразделяются на типы в соответствии со сферой общения, то целесообразным оказывается выделение обиходно-бытовых, художественных, научных, публицистических, деловых текстовых типов (почему их нельзя считать функциональными стилями?). Нельзя не согласиться с Б.А.Зильбертом, доказывающим, что соотношение логического и эмоционального, книжного и разговорного применительно к текстам массовой информации подчиняется соотношению экспрессии и стандарта (Зильберт, 1991, с.62), иначе говоря, в текстах массовой информации мы сталкиваемся с признаками, свойственными разговорной речи, художественным текстам, а также деловым и научным образцам словесности. Сфера массовой информации существенным образом расширяется, требование интимизации общения приводит к разговорности общения в разных его сферах. В специфических областях общения неизбежно развивается технолект, дополняемый жаргоном, при этом технолект стремится к формульности (т.е. к идеограммам особого типа, упрощающим выводимость новых знаний). Следовательно, можно предположить, что тексты промежуточного типа, между технолектом и разговорной обиходной речью в послеписьменный период могут постепенно сократиться.

Способ общения в наибольшей мере связан с письменным либо неписьменным видом словесности. Если устная речь становится доминирующим способом общения (в контактном и дистантном видах), то неизбежно сокращаются синтаксические средства компрессии, например, вторичные предикатные структуры, сложные виды подчинительных предложений. В этом смысле представляет интерес наблюдение, сделанное относительно английского языка и урду с точки зрения эксплицитности этих языков: английский язык характеризуется тенденцией к самодостаточности текста, наличием анафоры и катафоры, т.е. отсылок к информации внутри текста, объяснительностью текста, в то время, как урду базируется преимущественно на ситуативной отсылочности (различные виды указательной референции, требующей зрительного контакта, эллиптические конструкции, субституции, опора на общие знания) (Hasan, 1984, p.111). Речь идет о том, что английский язык сориентирован на письменную норму общения, а урду — на устную. Это наблюдение перекликается с известной теорией Б.Бернстайна об ограниченном и развернутом коде общения. Ограниченный код усваивается естественным образом, не требует образования и полностью отвечает потребностям обиходно-бытового общения (Bernstein, 1972). Соответствующим образом меняется словарь: бытовая устная речь требует гораздо меньшего количества слов для успешной коммуникации, чем письменная речь. Письменная речь поддерживает словник, включающий заимствования, архаизмы, термины и квази-термины. Устная речь характеризуется, в основном, двумя пластами лексики: основной словарный фонд и быстро меняющийся просторечно-жаргонный слой. Отсюда можно сделать предположение о сокращении словаря, синтаксического инвентаря языка, с одной стороны, и ускорении просторечного видоизменения языка, с другой стороны. Культурно-исторические свидетельства, характеризующие развитие дописьменных сообществ, дают основания считать, что в этих сообществах особую значимость имели «хранители текстов», т.е. языковые эксперты, люди, умеющие красиво говорить, передающие из поколения в поколение тексты, в которых в

концентрированной форме зафиксированы ценности данного сообщества. Количество таких хранителей текстов было небольшим. Возрастание значимости устной речи, экспансия устной речи неизбежно должны привести к эстетическому ренессансу сказаний, эпоса, лирики. Возможно, ценность красивого слова в послеписьменный период возрастет.

Какие тенденции появляются в изменении жанров речи?

В.В.Прозоров (2000) убедительно доказывает, что классическая триада родов речи (эпос, лирика и драма) в современную эпоху сохранилась и активно развивается в трансформированном виде в текстах средств массовой информации. Газетный текст во всей его скоротечности и многоохватности начинает играть роль *эпоса*. "Главным объектом эпического интереса были и остаются со-бытия, повествования о происшедшем, размышления над сущим и преходящим. … Газета изо всех сил стремится постичь за временем настоящим, настигнуть его, но обречена оставаться в непреодолимом зазоре между настоящим и недавно-прошедшим, в подвижной сфере эпического мироотношения. … Радиотекст … играет в массовом художественно-образном восприятии роль *лирики*. Радиороду присуща особая откровенность, чувствительность, доверительность: мы не видим, но лишь слышим – угадываем говорящего, и речь его обретает чрезвычайную эмоционально–экспрессивную и укрупненно смысловую наполненность. С древних времен вся эта гамма интонационных, семантических и других характеристик принадлежит лирическому роду высказываний. … Наконец, телетекст в нынешнем его оформлении ближе всего из трех родов словесного искусства – к *драме*. Он весь пронизан диалогической активностью, он ценится прежде всего своей диалогической заданностью и напряженностью. … Его стихия – дискуссии, диспуты, споры, ссоры, телемосты, круглые столы, репортажи с места событий, теледебаты, прямые телефонные линии, поединки-баталии: друг с другом – партнеров на экране, ведущего телепередачу – с нами, зрителями. … Телевидение сегодня – это род древнего, целостного, синкретического искусства драмы с ее постоянной обращенностью к будущему (к наступающему, приближающемуся) времени, с ее цепью диалогов и монологов (причем, на поверку все монологи пронизаны необыкновенной диалогической энергией), с ее быстрой реакцией, максимально непосредственным воспроизведением действия, с тяготением к яркой, внешне эффектной подаче изображаемого, к зрелищности, позднее (в эпоху классицизма) – к крупному плану и т.д." (Прозоров, 2000, с.10–13).

В античной риторике существовала устойчивая система жанров речи, включавшая басни, анекдоты, мудрые изречения (гномы), притчи, а также другие стандартные коммуникативные образования (похвала, порицание, опровержение и т.д.). Басня, анекдот, афоризм и притча выступали в качестве средства аргументации, их назначение состояло в том, чтобы убедить адресата в чем-либо. В современном общении эти жанры речи претерпели существенное изменение: басня практически исчезла, анекдот получил мощное развитие, афоризм и притча видоизменились и заняли определенное место в специальных типах дискурса. Причины этих изменений носят, на мой взгляд, социолингвистический характер и объясняются изменением некоторых существенных норм общения.

Важнейшей характеристикой современной коммуникации является стремление избежать прямой дидактичности. Именно поэтому, например, пословицы как речевой жанр в городском фольклоре употребительны только в ситуации социализации, т.е. в устах родителей, учителей, представителей старшего поколения по отношению к детям. Как только пословица используется в общении между собеседниками приблизительно одинакового социального статуса, то возникает большая вероятность коммуникативного конфликта, разрешаемая,

например, шутливым видоизменением пословицы либо комментарием к ней ("*Повторенье — мать ученья". — "И утешенье дураков*"). Басня представляет собой дидактический жанр речи, содержит выраженную мораль. Скрытый смысл басни легко выводим, ее персонажи иллюстрируют человеческие недостатки, сфера ее действия — бытовое общения. Можно сказать, что басня суммируется в пословице, а пословицы вытесняются из общения в силу изменения ценностных норм современного общества. Все пословицы могут быть разбиты на два неравных класса: пословицы-поучения и пословицы-оправдания; первые составляют большинство и четко разъясняют, что такое хорошо и что такое плохо ("*На чужой каравай рот не разевай*"), вторые представляют собой констатации, в которых можно установить скрытые уступительные структуры ("*Работа — не волк, в лес не убежит*"). Пословицы-оправдания не связаны с баснями, они фиксируют наличие более важных ценностей, чем те, которые признаются официально, и даже шутливые дополнения к таким пословицам исполнены жизненного оптимизма: "*Против лома нет приема." — "Если нет другого лома".*

Афоризмы представляют собой мудрые изречения большей частью без метафорических переносов и часто выражают парадоксальную истину: "*Худших всегда большинство*". В отличие от пословицы афоризм требует осмысления, его структура часто включает сложные и нетривиальные суждения в сжатой форме: "*Все люди делятся на два типа, к первому относятся те, кто всех делит на два типа*". Смысловая насыщенность и парадоксальность афоризмов приводит к тому, что оптимальной коммуникативной средой для них являются публицистический, политический, рекламный, научный, педагогический дискурс. В современном общении афоризм как жанр часто пародируется, эта традиция заложена в изречениях Козьмы Пруткова и многих шутливых афоризмах сегодняшнего дня: "*Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным*". Впрочем, такие образования имеют тенденцию вырождаться в жанр пустоговорки, назначение которого — просто заполнить паузу в общении. Цитаты в современном обиходном общении часто строятся на переосмыслении лозунгов. Например, в маршрутном такси читаем: "*Фабрики – рабочим! Землю – крестьянам! Деньги – водителю!*" Происходит карнавальное снижение известного многим лозунга Октябрьской революции.

Анекдот превратился в современном обиходном дискурсе в ведущий смеховой жанр, оптимальным образом соответствующий карнавализации общения, по М.М.Бахтину. Вместо анекдота в его прежнем понимании как забавного или курьезного факта из жизни известных лиц возник миниатюрный рассказ, представляющий собой реакцию общества на актуальные жизненные проблемы. Анекдот становится важнейшим способом апелляции к прецедентным текстам (Г.Г.Слышкин). Если совокупность типов институционального дискурса, принятых норм общения внутри социальных институтов фокусируется в дискурсе средств массовой информации, назначение которого — стабилизация общественного устройства, а форма — газетный заголовок и лозунг, то ответная (и уравновешивающая) волна со стороны общества выражается в совокупном жанре анекдота, призванном проверить действенность закрепленных в обществе норм. В период политической стагнации расцветают политические анекдоты, переход к рыночной экономике в России привел к актуализации анекдотов на тему неравных доходов, кризисное состояние моральных норм выражается в шутках, относящихся к черному юмору. Технический прогресс отражается в анекдотах на темы компьютеров и автомобилей. Национально-культурные особенности анекдотов отражают приоритетность соответствующих переворачиваемых ценностей. Например:

Полицейский останавливает водителя, который работает жонглером в цирке, и замечает в автомобиле дюжину длинных ножей. Жонглер объясняет, что ножи нужны ему для работы и показывает свое искусство. Проезжающий рядом автомобилист видит это и говорит: "Хорошо, что я сегодня ни грамма не выпил! Такой проверки я бы не прошел".

Этот современный американский анекдот актуален для жителей США, в нем обыгрывается роль закона и хранителей закона в жизни общества. Для современной России эта тема не является приоритетной, в русских анекдотах объектом шутки будет в аналогичной ситуации представитель власти. Анекдот расширяет сферу своего бытования, активно используется в рекламе (в виде известных фрагментов популярных шуток).

Если анекдот стал в обиходном общении ведущим средством карнавальной критики принятых в обществе норм, то в философском и художественном дискурсе на первый план для осуществления этой функции выдвинулась притча — иносказательное повествование на вечные темы жизни и смерти. Притча, изначально сходная с басней, в настоящее время полярно противоположна басне. При этом наблюдается параллелизм в соотношении басни и притчи, с одной стороны, и пословицы и афоризма, – с другой. Афоризм как сконцентрированная притча обнаруживает высокую жизнеспособность, пословица как сконцентрированная басня отступает на периферию современных речевых жанров.

Таким образом, динамика ценностно-маркированных речевых жанров в современном коммуникативном пространстве сводится к оппозициям: лозунг — анекдот, басня — притча и пословица — афоризм, при этом соотношение данных жанров соответствует основным типам дискурса, выделяемым с позиций социолингвистического анализа: персональному и институциональному дискурсу, с одной стороны, и бытовому и бытийному дискурсу, – с другой.

Вопрос о перспективе развития среды общения неизбежно переходит в проблему интерлингвистики: речь идет о языках международного общения. На сегодняшний день таким языком является английский, но нет никаких оснований считать, что какой-либо другой язык не сможет в будущем стать международным. Интернационализация технолектов является четко выраженной тенденцией развития функционального стиля науки и технологии. По-видимому, тексты на родном языке будут преимущественно представлять эстетическую ценность.

Выводы

Дискурс (текст в ситуации общения) рассматривается в современной лингвистике с различных позиций. В данной работе предложены текстолингвистический, социолингвистический и прагмалингвистический подходы к изучению дискурса.

С позиций текстообразования в фокусе рассмотрения оказывается текст, противопоставляемый “нетексту”. Речь здесь идет о том, благодаря чему последовательность правильно и не совсем правильно построенных высказываний воспринимается как сообщение, т.е. о категориях текста, таких как адресованность, тематическое и стилистическое единство, относительная смысловая завершенность, интерпретируемость, членимость, жанровая специфика и др.

С позиций социолингвистики на первый план выдвигается типология участников общения, в основу такой типологии положено противопоставление личностно- и статусно-ориентированного типов дискурса. В первом случае нас интересует человек говорящий (пишущий) во всем богатстве его личностных характеристик,

во втором случае — только как представитель той или иной группы людей. Личностно-ориентированный дискурс представлен в двух основных разновидностях — бытовое (обиходное) и бытийное (художественное и философское) общение, статусно-ориентированный дискурс — во множестве разновидностей, выделяемых в том или ином обществе в соответствии с принятыми в этом обществе сферами общения и сложившимися общественными институтами (политический, деловой, научный, педагогический, медицинский, военный, спортивный, религиозный, юридический и другие виды институционального дискурса).

Модель институционального дискурса в целом включает следующие типы признаков: 1) конститутивные признаки дискурса, 2) признаки институциональности, 3) признаки типа институционального дискурса, 4) нейтральные признаки.

Конститутивные признаки дискурса включают участников, условия, организацию, способы и материал общения, т.е. людей, рассматриваемых с позиций общения в их статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных амплуа; сферу общения и коммуникативную среду; мотивы, цели, стратегии, развертывание и членение общения; канал, режим, тональность, стиль и жанр общения; знаковое тело общения, иначе говоря, тексты с невербальными включениями.

Признаки институциональности представляют собой конкретизацию конститутивных признаков дискурса прежде всего по линиям участников общения (институциональный дискурс есть представительское общение, т.е. общение статусно-ролевое, а не личностно-ориентированное), а также по целям и условиям общения. Цели институционального общения в целом сводятся к поддержанию общественных институтов, или в более широком плане — к обеспечению стабильности социальной структуры, условия этого общения фиксируют контекст в виде типичных хронотопов, символических и ритуальных действий, трафаретных жанров и речевых клише.

Признаки типа институционального дискурса характеризуют тип общественного института; так, для определения политического дискурса необходим анализ ключевого концепта политики — власть, для определения педагогического дискурса — обучение, для определения религиозного дискурса — вера и т.д. Разумеется, общественный институт не сводится к одному, пусть и очень значимому, концепту, а представляет собой феномен культуры в его духовном и материальном выражении. Общественные институты подвижны, исторически обусловлены и ограничены, имеют жесткое ядро и размытую периферию. Общественный институт можно смоделировать в виде сложного фрейма, включающего людей, занятых соответствующей деятельностью, их характеристики, типичные для этого института сооружения, общественные ритуалы, поведенческие стереотипы, мифологемы этого института и тексты, производимые и хранимые в этом социальном образовании.

Нейтральные признаки институционального дискурса разнородны. К их числу можно отнести строевой материал дискурса, т.е. то, без чего нельзя обойтись в любом общении, сюда же относятся личностно-ориентированные фрагменты общения и те моменты институционального дискурса, которые характерны в большей степени для других институтов. Необходимо заметить, что институциональный дискурс в чистом виде является скорее исключением, чем правилом. Тем не менее интересным представляется вопрос о степени чистоты того или иного типа дискурса. Так, медицинский и педагогический типы дискурса легко “соскальзывают” в смежные жанры, а религиозный дискурс выглядит более жестко фиксированным.

Типы институционального дискурса выделяются с известной долей условности, они носят исторический характер, имеют полевое строение и взаимопересекаются. Тип дискурса шире сферы общения, он включает цели, ценности и стратегии соответствующего типа дискурса, его подвиды и жанры, а также прецедентные (культурогенные) тексты и различные дискурсивные формулы. Ценности институционального общения сводятся к ценностям соответствующего института, например, признание Бога, понимание греха и добродетели, спасение души, ощущение чуда, соблюдение обрядов. В различных типах институционального дискурса его ценности выражаются с различной степенью кодификации, вместе с тем владение соответствующим типом дискурса вряд ли будет полным, если его участник усвоил только поверхностное выражение дискурсивных формул. Некоторые ценности определенного дискурса могут противоречить ценностям других типов дискурса (“спортивная злость”, “стремление подвергать все сомнению в научном поиске”, “соблюдение административной субординации”, “готовность простить обидчика”, “презумпция невиновности”). Коммуникативная стратегия — это последовательность интенций речевых действий, реализуемая в той или иной конкретной последовательности коммуникативных ходов. Подвиды институционального дискурса устанавливаются общественной практикой; чем более важен этот вид общения, тем более дробно он представлен в жанровых разновидностях. Эти разновидности неравноценны: например, молитва, исповедь и проповедь в религиозном дискурсе образуют его центральную часть, а диспут на религиозную тему или отповедь еретику находятся на периферии этого типа дискурса. Прецедентные тексты и дискурсивные формулы (клише, присущие данному дискурсу) являются знаками, позволяющими отличить своих от чужих.

Личностно-ориентированный дискурс существует в двух основных разновидностях – бытовое и бытийное общение. Бытовое (обыденное, обиходное) общение является генетически исходным типом общения и содержит в потенции все признаки любого другого дискурса, который выступает в качестве производного по отношению к бытовому. Бытийный дискурс представлен в виде прямого и опосредованного общения. В первом случае противопоставляются смысловой переход (рассуждение о неочевидном, прототипной формой которого является философствование) и смысловой прорыв (текстовый поток образов в координативном перечислении несочетаемых сущностей, катахреза как совмещение несовместимых признаков, намеренный алогизм). Смысловой прорыв обладает фасцинативным притяжением и подчиняется закономерностям первичного языка мыслительной деятельности. Во втором случае имеет место аналогическое и аллегорическое развитие идеи.

Изучение коммуникативной точности в художественном тексте позволяет выделить и охарактеризовать пути ее достижения (перевод содержания в подтекст и развертывание семантического спектра), способы создания намеренной неточности в тексте (коммуникативные манипуляции и сокращение дистанции общения), типы коммуникативной точности (рациональная и эмоциональная точность). Разграничиваются действительная и мнимая рациональная точность и ассоциативно-синтетическая и ценностная эмоциональная точность.

Прагмалингвистическая модель дискурса выдвигает на первый план признаки способа и канала общения. По способу общения противопоставляются информативный и фасцинативный, содержательный и фатический, несерьезный и серьезный, ритуальный и обыденный, протоколируемый и непротоколируемый типы дискурса; по каналу общения – устный и письменный, контактный и дистантный, виртуальный и реальный типы дискурса.

Юмористическое речевое действие выделяется на основе тональности как базового признака способа общения, противопоставляется серьезному информационному обмену, установлению контакта, церемониальному речевому действию и может быть измерено в пространстве, образуемом координатами "дружеская — недружеская коммуникация" и "серьезная — несерьезная коммуникация". По степени серьезности предлагается установить четыре основных позиции (серьезное, полусерьезное, шутливое, шутовское общение), по степени дружелюбия в речевом общении — также четыре позиции (дружеское, располагающее, нерасполагающее, враждебное общение). В полученной матрице типов тональности располагаются шутки-намеки, откровенные шутки, этикетные шутки, колкости и т.д. Полусерьезное, шутливое и шутовское общение различаются по степени самоконтроля коммуникантов, этот признак исключительно важен для английской лингвокультуры.

Характерными признаками ситуации юмористического общения являются следующие моменты: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре. Юмористическое намерение проходит несколько стадий в своей реализации: желание пошутить, оценка адекватности ситуации, вербальное выражение шутки, оценка реакции адресата. Эти стадии выделяются условно, поскольку реализация юмористического коммуникативного намерения осуществляется мгновенно. Для понимания сути юмористической тональности необходима установка адресата на эмпатическое сопереживание смешного, т.е. на принятые в данной лингвокультуре стереотипы поведения, включающие типовые дебюты, развертывания и эндшпили. Применительно к жанру анекдота для успешной реализации юмористической интенции должна осуществиться трехчастная последовательность речевого действия: настроенность на юмористическое общение — серьезное либо как бы серьезное повествование — неожиданное переключение тональности.

Анекдот как жанр юмористического общения строится на абсурде, при этом некоторая ситуация выглядит совершенно нелепой, но не затрагивает смысложизненных ориентиров адресата. В данной работе абсурдность моделируется как оппозитивный признак, имеющий троякую проекцию: 1) семантическая абсурдность, когда предметам приписываются нелепые качества, 2) прагматическая логическая абсурдность, когда из предшествующего тезиса не выводится последующий, но при этом делается вид, что рассуждение ведется по правилам силлогизмов, 3) прагматическая оценочная абсурдность, когда некоторая ситуация в целом получает странную оценку, ставящую под сомнение принятые в обществе ценности. Одним из критериев комичности анекдота является допустимое в данной культуре нарушение табу: есть абсолютные и относительные запреты на определенные темы, наиболее открыты для нарушений табу ритуально-официальные модели поведения.

Важнейшими признаками ритуального дискурса являются высокая символическая нагруженность, содержательная рекурсивность и жесткая формальная фиксация. Классификация ритуальных действий строится на характеристиках действий, подвергаемых ритуализации, и на разновидностях ритуальной тональности (мягкая и жесткая формализация действия). Предлагается выделить констатирующую, интегрирующую, мобилизующую и фиксирующую функции ритуала. Наряду с процессами ритуализации выделяются процессы деритуализации действия (формализация, протест и карнавализация). Чем более формализован ритуал, тем более значима его эстетическая

составляющая. Жанры ритуального дискурса выделяются как в сфере обыденного общения, так и в различных видах институционального общения.

Язык послеписьменной эры будет в известной мере отличаться от языка нашего времени. Наиболее существенные отличия, по-видимому, должны быть связаны с упрощением языковых средств общения, расширением способов выражения эмоциональности в языке, значительным увеличением идеограмм как носителей информации, резким возрастанием числа контактов на социальной дистанции (и формализацией таких контактов), повышением значимости языковых экспертов, глобализацией и интернационализацией массовой информации, которая будет носить интерактивный характер. Особую значимость получает в настоящее время жанр анекдота, выступающий в качестве реакции на институциональный голос власти в жанре лозунга. В бытийном художественном дискурсе возрастает роль притчи, а в обиходном общении весьма значимыми оказываются переосмысливаемые афоризмы.

Заключение

Классическая диада лингвистики – язык и речь – на современном, антропоцентрическом этапе развития науки о языке раскрывается как языковое сознание и коммуникативное поведение. В центре такого понимания предмета языкознания находится языковая личность – обобщенный образ носителя культурно–языковых и коммуникативно–деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. В данной работе предложена комплексная модель языковой (коммуникативной) личности. Основу этой модели составляет гумбольдтовская метафора – языковой круг, совокупность коммуникативно значимых характеристик, которые определяют человека как представителя определенной цивилизации, этноса, социальной группы и как индивидуальность. Определяют – значит ограничивают. Именно поэтому изучение языковой личности предпринимается как осознание и объяснение соответствующих границ. Основное внимание в работе уделяется этнокультурному аспекту проблемы, хотя выделение этого аспекта предполагает неразрывную связь этно- и социокультурного начал в человеке, с одной стороны, и индивидуально-личностных особенностей человека в языке, с другой стороны.

Лингвистическое изучение языковой личности базируется на тех психологических и социологических признаках, которые находят выражение в языковой семантике и прагматике и позволяют построить типологию языковых личностей. Такие признаки являются лингвистически релевантными индексами языковых личностей. Совокупность соответствующих индексов образует определенный тип личности, исторически изменчивый и социопсихологически вариативный. На каждом этапе развития в этнокультурном сообществе выделяются такие типы личностей, которые наиболее ярко представляют различную ценностную ориентацию сообщества в целом, это – модельные личности.

В конкретных условиях общения языковая личность проявляется в различных ипостасях, которые с позиций социолингвистики и лингвокультурологии можно рассматривать в ценностном, понятийном и поведенческом аспектах.

Рассматривая ценностную природу языкового сознания и коммуникативного поведения, мы можем выделить типовых участников нормативной ситуации (куратор, экспрессор, респондент и публика), оценочный модус ситуации, шкалу этого модуса, поле (сферу общения) и степень эксплицитности нормы. Все ценностное пространство моделируется в работе при помощи двух осей: аксиологическая вертикаль – суперморальные, моральные, утилитарные и субутилитарные нормы и аксиологическая горизонталь – индивидуальные, групповые, этнокультурные и универсальные нормы поведения. Анализ норм поведения, зафиксированных в пословицах как специализированных текстах для сохранения важных для социума норм в обыденной сфере жизни, позволил установить восемь классов поведенческих норм, имеющих моральный либо утилитарный характер: нормы взаимодействия, жизнеобеспечения, контакта, ответственности, контроля, реализма, безопасности, благоразумия.

Языковая личность в понятийном аспекте характеризуется диалектическим единством стандартного и креативного модусов общения. Определенные ситуации и соответственно определенные сферы и жанры речи в большей степени открыты либо для стандартно-клишированного (и поэтому перформативного) общения, либо для нестандартного, креативного общения. Стандартное общение сориентировано на социально–коллективную, представительскую сторону человеческой жизни, представляющую личность с

позиции той или иной группы, креативное – на индивидуально-личностную сторону, которая раскрывает человека в его уникальности и всеобщности.

В поведенческом аспекте языковая личность анализируется через речевые действия, имеющие мотивы, цели, стратегии и способы их реализации. Структура коммуникативных действий в значительной мере зависит от доминант поведения, принятых в той или иной лингвокультуре и социокультурной общности. Можно выделить этнокультурные, социокультурные и личностно–индивидуальные доминанты поведения. Исходя из того, что общение может быть кооперативным и некооперативным, предлагается дополнить известные коммуникативные принципы солидарности и такта принципами самозащиты и разведки. Принципы некооперативного поведения обычно маскируются, при этом существуют стандартные модели такой маскировки в различных лингвокультурах и сферах общения. Понимание таких моделей позволяет увидеть суть коммуникативных манипуляций.

Языковое сознание оперирует квантами переживаемого знания – концептами, совокупность которых и является концентрированным опытом человечества, этноса как части человечества, социальной группы как части этноса, личности во всем многообразии ее проявлений. Лингвистический анализ концептов предполагает изучение тех языковых единиц и коммуникативных образований, которые обозначают, выражают и описывают концепты как ментальные сущности. Концепты в своей совокупности представляют собой концептосферу, допускающую различные членения. В данной работе сделана попытка доказать многомерность концептов, которые включают ценностную, образную и понятийную составляющие. В современной лингвистике выделяется множество подходов к изучению концептов, которые можно свести к двум основным взаимодополнительным типам – концепты как лингвокогнитивные и лингвокультурные сущности. Лингвист при изучении концептов неизбежно фиксирует внимание на их языковых и речевых проявлениях, представители смежных областей знания – на философских, психологических, социологических, культурологических и других характеристиках концептов. Данная работа выполнена в рамках социолингвистики, лингвокультурологии и лингвистики текста и дискурса, и поэтому концепты трактуются в этой книге не как сущности в их становлении, а как уже заданные культурно значимые сущности.

Изучение культурных концептов направлено на выявление моментов сходства и различия в членении субъективной и объективной действительности, зафиксированной в языковом сознании. Эта фиксация представляет собой избранный этносом способ адаптации к миру. Эта фиксация многомерна и выражена в лексической и фразеологической семантике, в содержательных грамматических категориях, в паремиологическом фонде языка и его современных аналогах, в частности, в тех прецедентных текстах, которые функционально наиболее открыты для передачи ценностных установок. Особую роль здесь играют не подлежащие цензуре анонимные тексты юмористического характера. Культурные концепты характеризуются различной степенью актуальности для индивидуума в его сознании и поведении, для социальной группы, для этноса (лингвокультуры) в целом. Наиболее важные для лингвокультуры смыслы, система которых характеризуется стабильностью и осознаваемой ценностью, являются лингвокультурными ценностными доминантами. Эти доминанты объективно выявляются на основании процедур лингвистического и социолингвистического анализа. Основанием для выделения лингвокультурных доминант на уровне языкового сознания является номинативная плотность, дополняемая типичной экземплификацией и квалификацией концептов, а на уровне коммуникативного поведения –

символически насыщенные стереотипы поведения, концепты-коды, раскрывающие ценностные приоритеты соответствующей лингвокультуры. Культурные доминанты в своей совокупности образуют систему особых концептов, каждый из которых обладает генеративным потенциалом для культуры в целом. Подобно тому, как ученые восстанавливают по зубу мамонта все животное, можно с достаточной точностью охарактеризовать специфику той или иной лингвокультуры на основании анализа определенного концепта, который относится к культурным доминантам. Лингвокультурные концепты могут экспортироваться и импортироваться в результате культурно-языковых контактов. Аккумуляция импортированных концептов ведет к изменению системы ценностей в лингвокультуре. Особо важными в этом отношении являются частнооценочные единицы, т.е. те носители концептов, содержание которых включает оценочную мотивировку либо ее значимое отсутствие.

Коммуникативное поведение реализуется в дискурсе, т.е. в тексте, который существует в ситуации общения. В данной работе предложена комплексная модель изучения дискурса с позиций лингвистики текста, социолингвистики и прагмалингвистики. Выделяются четыре группы категорий дискурса: 1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); 2) жанрово-стилистические, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии); 3) содержательные, раскрывающие смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия). Каждая из названных является рубрикой для более частных категорий, например, интерпретируемость проявляется как точность, ясность, глубина, экспликативность / импликативность).

Социолингвистический подход к анализу дискурса основан на противопоставлении личностно–ориентированного и статусно–ориентированного типов дискурса. Первый тип существует в виде бытового (обиходного) и бытийного (художественного и философского) общения, второй тип – в виде статусно–ролевого общения, разновидности которого вызваны к жизни сложившимися сферами такого общения и социальными институтами (политический, деловой, научный, педагогический, медицинский, военный, спортивный, религиозный, юридический и другие виды институционального дискурса). Институциональный дискурс рассматривается с учетом конститутивных признаков дискурса (участники, условия, организация, способы и материал общения), признаков институциональности (социально–значимые представительские характеристики участников общения, цели и условия коммуникации), признаков типа институционального дискурса (прежде всего, это ключевой концепт для соответствующего института, как, например, "власть" для политического дискурса), и нейтральных признаков (это признаки личностно–ориентированного дискурса и признаки других типов статусно–ориентированного дискурса, например, элементы научного дискурса в педагогическом). В работе предложен и охарактеризован алгоритм описания типов институционального дискурса: участники, цели, ценности, стратегии соответствующего типа дискурса, его подвиды и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты и дискурсивные формулы.

Установлено, что бытийный дискурс распадается на два основных типа: смысловой переход и смысловой прорыв, основной формой первого типа

является рассуждение о неочевидном, а основной формой второго типа – смысловая конденсация образов в неожиданной для них комбинаторике. Смысловой прорыв позволяет выйти на уровень континуального сознания и обладает фасцинативной ценностью. Применительно к категории коммуникативной точности в художественном тексте выделены основные пути ее достижения и подавления и охарактеризованы ее типы (действительная и мнимая рациональная точность и ассоциативно-синтетическая и ценностная эмоциональная точность).

Прагмалингвистический подход к изучению дискурса направлен на освещение признаков способа и канала общения. По способу общения противопоставляются информативный и фасцинативный, содержательный и фатический, несерьезный и серьезный, ритуальный и обыденный, протоколируемый и непротоколируемый типы дискурса, по каналу общения – устный и письменный, контактный и дистантный, виртуальный и реальный типы дискурса. В качестве одного из базовых типов несерьезного дискурса рассматривается юмористическое общение, противопоставляемое серьезному информационному обмену, установлению контакта, церемониальному речевому действию. Юмористическое общение моделируется при помощи двух его параметров: степень симпатии к собеседнику (дружеское, располагающее, нерасполагающее, враждебное общение) и степень несерьезности коммуникации (серьезное, полусерьезное, шутливое, шутовское общение). Существенным для понимания особенностей лингвокультурных стереотипов поведения является избираемый тип юмористического общения (например, для английской лингвокультуры очень важен полусерьезный модус общения, легко допускающий перевод диалога в плоскость шутки и требующий постоянного активного внимания адресата к еле заметным нюансам общения). Непонимание инокультурного юмора в жанре анекдота основывается на нерелевантности концептов, которые критически обыгрываются в тексте, либо на нарушении абсолютных и относительных табу, существенных для определенной культуры.

Ритуальный дискурс характеризуется высокой символической нагруженностью, содержательной рекурсивностью (отсутствием информативного приращения) и жесткой формальной фиксацией. Ведущим признаком для классификации ритуальных действий является степень жесткости ритуальной тональности. Процессы ритуализации общения противопоставляются процессам его деритуализации (формализация, протест и карнавализация).

Тенденции развития типов и жанров дискурса сводятся, главным образом, к переходу на новые, электронные мультимедийные носители информации и вероятному сокращению письменных форм культуры. Отсюда вытекают, с одной стороны, расширение сфер применения устной речи, демократизация делового общения, разрастание форм и способов массово-информационного дискурса в различных интерактивных модусах, но, с другой стороны, это ведет к возрастанию значимости бытийного художественного дискурса как способа сохранения этнокультурной идентичности в условиях интернационализации научного, делового и обиходного общения.

Итак, лингвистика дает возможность определить метафункциональную сущность человека через способность к осознанию своего языкового круга и пониманию своей и чужой культуры. Быть человеком – значит преодолевать границы, сохраняя ценности своей культуры в мультикультурном мире.

Литература

Агаркова Н.Э. Языковая категоризация концепта "деньги" (на материале американского английского) // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. "Лингвистика". Иркутск: ИГЛУ, 2000. Вып.2. С.11–17.

Агеева Г.А. Фасцинирующее воздействие религиозных текстов (на примере текстов религиозных проповеди) // Лингвистическая реальность и межкультурная коммуникация: Материалы междунар. науч. конф. Иркутск: ИГЛУ, 2000. С.6–8.

Аксенова И.Н. Дейктические характеристики текста спортивного репортажа // Языковое общение и его единицы. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. С.77–81.

Алейников А.Г. Креативная лингвистика (обоснование, проблемы и перспективы) // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. С.77–89.

Алексикова Ю.В. Формально-стилевой компонент в семантике английского глагола: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 16 с.

Алефиренко Н.Ф. Значение и концепт // Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С.59–67.

Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение и концепт // Когнитивная семантика: Материалы 2-й международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 2. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С.33–36.

Алещанова И.В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 18 с.

Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 318 с.

Анопина О.В. Концептуальная структура англоязычных рекламных текстов: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1997. 19 с.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-66.

Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.

Арская М.А. Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное / безобразное) и ее онтология в современном немецком языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 24 с.

Артемова А.В. Эмотивно-оценочная объективация концепта «женщина» в семантике фразеологических единиц (на материале английской и русской фразеологии): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 16 с.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С.136–137.

Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С.3.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 1998. 896 с.

Асеева Ж.В. Лексические средства выражения идеологии политической корректности в современном английском языке: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Иркутск, 1999. 17 с.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С.267–279.

Астафурова Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград, 1997. 108 с.

Астафурова Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): Автореф. дис. …д-ра филол. наук. М., 1997. 41 с.

Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 21 с.

Бабаева Е.В. Нормы и их отражение в языке // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С.17–24.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.

Багдасарян Т.О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 23 с.

Базилевская В.Б. Порицание в устах учителя (опыт анализа речевого акта) // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц: Тез. докл. / Ин-т языкознания АН СССР, Воронеж. гос. ун-т. М., 1991. С.19.

Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. М.: Наука, 1988. С.12–37.

Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. М.: Диалог–МГУ, 1998. С.6–8.

Базылев В.Н. Мифологема скуки в русской культуре (И.А.Гончаров "Обыкновенная история") // Res linguistica: Сб. статей. К 60-летию профессора В.П.Нерознака. М.: Academia, 1999. С.130–147.

Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 20 с.

Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. 216 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с фр. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 182 с.

Баранов А.Г. Когниотипичность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С.4–12.

Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка: Паремиология и лексика // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.

Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С.108–118.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т.56. 1997. № 1. С.11–21.

Бартминьский Е. Этноцентризм стереотипа: результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов в 1993–1994 гг. // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. М., 1995. С.7–9, 161–162.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.: Худож. лит-ра, 1990. 543 с.

Башиева С.К., Геляева А.И. Семантика визуальных образов человека в языковой картине мира балкарцев и карачаевцев // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. М.: Ин-т языкознания РАН, 2001. С.79–83.

Безменова Л.Э. Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов (на материале комплиментов в современном английском языке): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2001. 18 с.

Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.

Белл Р. Социолингвистика. М.: Междунар. отношения, 1980. 320 с.

Белых А.В. Реализация прагматических установок монографического предисловия (на материале английского языка): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Л., 1991. 16 с.

Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 124 с.

Белянин В.П. Фразеология подростков как языковая субкультура // Фразеология в контексте культуры. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 1999. С.114–117.

Белянин В.П., Бутенко И.А. Антология черного юмора. М.: ПАИМС, 1996. 192 с.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.

Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.

Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 399 с.

Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Воронеж, 1994. 19 с.

Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик: Эльбрус, 2000. 128 с.

Благова Г.Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Восточная литература, 2000. 222 с.

Блажес В.В. Комический дублет русского народного разговорного этикета // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С.186–196.

Блэк М. Лингвистическая относительность (Теоретические воззрения Бенджамина Ли Уорфа) // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит, 1960. С.199–212.

Бобырева Е.В. Диалогичность научного текста: внутренняя природа и языковые механизмы реализации // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С.126–131.

Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во Ленинг. ун-та, 1990. 88 с.

Богданов В.В. Текст и текстовое общение. СПб: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1993. 68 с.

Богданова В.А. Письменная и устная формы научного стиля (на материале лексики) // Вопросы стилистики. Вып. 23. Устная и письменная формы речи. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. С.33–39.

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л., 1984. 31 с.

Боева Е.Д. Прагматические параметры средств невербальной коммуникации (на материале русского, немецкого и французского языков и культур): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 24 с.

Бокмельдер Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 23 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.

Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985. С.16–29.

Борботько В.Г. Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. статей. / Ин-т языкозн. РАН. М., 1996. С.40–54.

Борботько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 48 с.

Борисова М.Б. Концепт "чудак" в художественном мире М.Горького // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. СПб.: Изд-во "Союз", 2001. С.362–370.

Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. 336 с.

Булатова А.П. Искусствоведческий дискурс в лингвокогнитивном аспекте (суперструктуры и их особенности) // Структура и семантика художественного текста: Докл. VII Междунар. конф. М.: Изд-во Моск. гос. откр. пед. ун-та, 1999. С.3–11.

Булыгина Т.В., Крылов С.А. Категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С.215–216.

Бунеева Е.С. Ассоциативные характеристики признака старшинства // Языковая личность: вербальное поведение. Волгоград: РИО, 1998. С.74-87.

Буряковская В.А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

Бухаров В.М. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С.74–84.

Бухонкина А.С. Типы асимметрии культурем (на материале французского и русского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 23 с.

Буянова Л.Ю., Ляхович И.А. О специфике словотворчества Велимира Хлебникова: аспект окказионализации // Семантические реалии метаязыковых субстанций: Междунар. сб. науч. тр. Карлсруэ – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2001. С.195–200.

Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 33 с.

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 224 с.

Варгунина А.В. Образные сценарии в английской фразеологии (на материале образных сценариев «Путь» и «Конфликт»): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2000. 20 с.

Варзонин Ю.Н. Мир – личность— ирония (в этнокультурном контексте) // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. Тверь, 1993. С.19-22.

Вартаньян В.Л. Фрагменты психолингвистической теории юмора: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1994. 20 с.

Васильев Л.Г. Понимание гуманитарного научного текста: основы аргументативного подхода // Семантика слова и текста: психолингвитстические исследования. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1998. С.146–149.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. М.: Рус. словари, 1996. 416 с.

Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С.99-111.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 1999. 780 с.

Верещагин Е.М. Из лингвострановедческой археологии // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С.15-26.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. язык, 1980. 320 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 1999. 84 с.

Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 24 с.

Вишаренко С.В. Принципы структурирования концепта “honour” и текстовая реализация его ядерных компонентов (на материале ранненовоанглийского периода): Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб, 1999. 23 с.

Вишневский А.В. Семантические особенности наименования битвы в древнеанглийской поэзии: Автореф. … дис. канд. филол. наук. Иваново, 1998. 16 с.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.

Воркачев С.Г. Семантизация концепта любви в русской и испанской лексикографии (сопоставительный анализ) // Язык и эмоции: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1995. С.125–132.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. С.64–72.

Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: Монография. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. техн. ун-та , 2002. 142 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.

Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. Киев: Вища шк., 1993. 200 с.

Воронина С.М. Тема состязательности: англо-русские оценочные параллели // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск, 1996. С.60–66.

Вострякова Н.А. Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 22 с.

Вышкин Е.Г. Проблемы систематизации лингвистического знания. Самара: Изд-во Саратов. ун-та. 1992. 121 с.

Габидуллина А.Р. Анекдот с точки зрения прагмалингвистики // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 6. Донецк: Донеччина, 2000. С.295–302.

Гак В.Г. Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С.198–206.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. 768 с.

Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 18 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

Ганеев Б.Т. Семантика и прагматика парадоксальных высказываний: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1988. 16 с.

Гаранина Е.А. Языковые средства выражения комического в детской литературе: Автореф. … дис. канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 24 с.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Нов. лит. обозрение, 1996. 352 с.

Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. 289 с.

Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, 1995. 480 с.

Гедз С.Ф. Коммуникативно-прагматические особенности высказываний с интеррогативным значением в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1998. 18 с.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1995. 92 с.

Глазко Л.Н. Лингвистические аспекты изучения официальных документов // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск, 1996. С.236–242.

Гойман А.А. Некоторые аспекты картины мира человека древней Руси: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 25 с.

Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. М.: ИНФА, 1997. 272 с.

Голованивская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка: Контрастивный анализ лексической группы со значением «высшие силы и абсолюты», «органы наивной анатомии», «основные мыслительные категории», «базовые эмоции». М.: Диалог МГУ, 1997. 279 с.

Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 129 с.

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. С.9–19.

Гоннова Т.В. Отношение к труду в русской культуре // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Волгоград: Перемена, 1997. С.42–43.

Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком: о нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. М.: Галерия, 1999. 216 с.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1997. 224 с.

Грабарова Э.В. Лингвокультурологические характеристики концепта «смерть» // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С.71–78.

Грайс П. Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика: Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI. С. 217–237.

Гридина Т.А. Языковая игра: Стереотип и творчество: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

Гришаева Л.И. Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1998. С.107-118.

Гришечкина Г.Ю. Соотношение факторов жанровой специфики и предметной области текста научной рецензии: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2002. 23 с.

Грудева Е.В. Религиозная сфера и церковно-проповеднический стиль // Русский язык: история и современное состояние: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. А.А.Дементьева. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С.187–191.

Гудков Д.Б. Настенные надписи в политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. М.: Диалог–МГУ, 1999. С.58–63.

Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 120 с.

Гудков Д.Б., Красных В.В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып.2. М.: Диалог–МГУ, 1998. С.124–129.

Гудков Л.Д. Понимание // Культурология. XX век: Словарь. СПб: Университетская книга, 1997. С.344–348.

Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С.370–381.

Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С.148–156.

Гуревич П.С. Философия культуры. М.: Аспект Пресс, 1995. 288 с.

Гусева О.В. Лингвопрагматический анализ дискурсивно-идиоматических параметров открытого письма в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 17 с.

Данилов С.Ю. Жанр проработки в тоталитарной культуре // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. С.216–227.

Данилова Н.К. "Знаки субъекта" в дискурсе. Самара: Изд-во "Самарский ун-т", 2001. 228 с.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. Благовещенск: Благовещ. гуманит. колледж, 2000. 310 с.

Делез Ж. Девятнадцатая серия: юмор // Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. С.165-172.

Дементьев В.В. Жанры фатического общения // Дом бытия. Альманах по антропологической лингвистике. Вып. 2. Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1995. С. 50-63.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 248 с.

Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 172 с.

Демьянков В.З. Фрейм // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С.187–189.

Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С.309-323.

Денисова О.К. Реклама как одно из средств межкультурной коммуникации // Номинация. Предикация. Коммуникация: Сб. ст. к юбилею проф. Л.М.Ковалевой. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С.218–226.

Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.

Димитрова С.П. Лингвистична относителност. София: Наука и изкуство, 1989. 197 с.

Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки / Отд. филос., социол., психол. и права РАН. М., 1996. 214 с.

Дмитриева Л.В. Типы речевых актов в высказываниях, содержащих юмор и сарказм // Речевые акты в лингвистике и методике: Межвуз. сб. науч. тр. ПГПИИЯ. Пятигорск, 1986. С. 71–76.

Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 16 с.

Дмитриева О.А. Дискурс психологического консультирования // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. Вып.1. Волгоград: Политехник, 2000. С.92–95.

Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. 1993. №2. С.5–15.

Долгая Т.А. Концепт слухов в русской культуре // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. Вып.1. Волгоград: Политехник, 2000. С.95–100.

Долинин К.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1985. 288 с.

Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978. 344 с.

Долуденко Е.А. Тексты технической рекламы, их семантико-синтаксическая и прагматическая характеристики (на материале английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 1998. 17 с.

Домовец О.С. Манипуляция в рекламном дискурсе // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С.61–65.

Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.

Доценко Е.А. Психология манипуляции: феномен, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997. 344 с.

Драбкина И.В., Харьковская А.А. Лингвостилистические особенности деловой корреспонденции // Семантика и прагматика языка в диалоге культур. Самара: Самар. ун-т, 1998. С.71–76.

Дружинин В.Н., Савченко И.А. Анекдот как зеркало русской семьи // Психологическое обозрение. 1 (2). 1996. С.18–21.

Дубровская О.Н. Имена сложных речевых событий в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 22 с.

Душенко К.В. «Право на анекдот». Современный анекдот как социокультурный феномен // Человек: образ и сущность: Ежегодник. М: ИНИОН РАН, 2000. С.132–160.

Евсюкова Т.В. Словарь культуры как проблема лингвокультурологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. эконом. ун-та, 2001. 256 с.

Евсюкова Т.В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Нальчик, 2002. 42 с.

Еемерен Ф.Х., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки. СПб.: Васильевский остров, 1992. 208 с.

Еремеев Я.Н. Директивные высказывания с точки зрения диалогического подхода // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.2. Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. техн. ун-та, 2000. С.109–126.

Еремеев Я.Н. Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 23 с.

Есперсен О. Философия грамматики. М.: Иностр. лит., 1958. 404 с.

Ефимова Н.Н. Онтологизация концепта «риск» в английской фразеологии: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 19 с.

Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Когнитивная семантика: Материалы 2-й междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 2. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С.10–13.

Жданова Л.А., Ревзина О.Г. "Культурное слово" *милосердие* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С.56-61.

Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики: Монография / Ин-т языкозн. РАН. М.– Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2000. 264 с.

Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: Яросл. гос. пед. ин-т, 1990. 81 с.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 1997. 329 с.

Жура В.В. Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности (на материале англоязычной художественной литературы): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 22 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.

Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. 177 с.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.36–44.

Зализняк Анна А. О семантике щепетильности (*обидно, совестно* и *неудобно* на фоне русской языковой картины мира // Логический анализ языка: языки этики. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 2000. С.101–118.

Зегет В. Элементарная логика. М.: Высш. шк., 1985. 256 с.

Зеленкина О.Ю. Состав фразеологического кода английского языка (на материале номинативных и номинативно-коммуникативных фразеологических единиц): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2001. 24 с.

Зеленова О.А. Концепт «самоуважение» в американской лингвокультуре // Проблемы лингвокультурологии и семантики через призму междисциплинарной парадигмы. Волгоград: Станица-2, 2001. С.3–7.

Зильберт А.Б. Функциональная структура спортивного дискурса // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2001. С.218–225.

Зильберт Б.А. Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. 210 с.

Зильберт Б.А. Тексты массовой информации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. 80 с.

Злобина Ю.А. Обозначение признака «отношение к пище» в лексико-фразеологической системе немецкого и русского языков // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С.40–52.

Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С.38–53.

Зусман В.Г. Немецкое // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С.184–197.

Иванов В.М. Явление эквивокации в дискурсе анекдота в современном немецком языке: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Иркутск, 1999. 19 с.

Иванова Е.Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.

Иванова Л.А., Самохина Л.А. Концепт *труд* в русской языковой картине мира // Язык и межкультурные коммуникации: Материалы междунар. конф. Уфа: Изд-во Башк. гос. пед. ун-та, 2002. С.89–90.

Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект: Волгоград: Перемена, 1997. 157 с.

Ильинова Е.Ю. Эмоциональные и социальные стимулы в рекламном тексте // Лингвистическая мозаика. Наблюдения, поиски, открытия: Сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. С.57–66.

Имас А.В. Выражение благодарности в немецком языке (на материале литературных и лексикографических источников с XVII по XX вв.): Автореф. дис. …канд. филол. наук. М., 2001. 26 с.

Исаева Л.А. Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1996. 251 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. / Омск. гос. ун-т. Омск, 1999. 285 с.

Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А.И.Герцена, 1998. 231 с.

Каменская О.Л. О новой парадигме в лингвистике // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тез. междунар. конф. Т.1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С.200–202.

Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 20 с.

Капишникова А.В. Лингвистические средства управления дискурсом: (На материале американских радиопередач ток-шоу): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 23 с.

Карасик А.В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 23 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкозн. РАН, 1992. 330 с.

Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология – Philologica. 1994. №3. С.2–7.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С.3–16.

Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997.С.144–153.

Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. С.185–197.

Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С.3–18.

Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С.5–19.

Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С.25–33.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.75–80.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Каргаполова И.А. Игровой потенциал имен собственных в современном английском языке // Studia linguistica. СПб., 1996. №2. С. 58–61.

Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М., 1989.

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1998. 408 с.

Касенкова Т.Н. Речевые стратегии как модуляции перспективы языкового отображения мира: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 27 с.

Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. гос. техн. ун-т, 2000. 175 с.

Каштанова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта *любовь* (аспектный анализ): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 23 с.

Кирилина А.В. МУЖЕСТВЕННОСТЬ и ЖЕНСТВЕННОСТЬ как культурные концепты // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.141–148.

Кириллова И.А. Сфера науки // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. С. 69–84.

Кирнозе З.И. Французское // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С.197–212.

Киселева К.Л., Пайар Д. Дискурсивные слова как объект лингвистического описания // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. С.7–11.

Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.

Клоков В.Т. Символика и язык в пространстве культуры // Филология. Вып.2. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. С.5–19.

Клоков В.Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.2. Воронеж: Изд-во Воронеж. техн. ун-та, 2000. С.60–67.

Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: Автореф. дис. …д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 42 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Ковшикова Е.В. Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 20 с.

Козлов Е.В. Коммуникативность комикса (в текстуальном и семиотическом аспектах): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 18 с.

Козлова Т.В. "Новые русские": понятие и дискурс // Фразеология в контексте культуры. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 1999. С.97–107.

Козьмина В.Н. Языковая реализация гибких коммуникативных тактик в английском диалоге: Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2001. 20 с.

Колодина Н.И. Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста (на материале русского и английского языков): Авторф. дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2002. 32 с.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1976. 720 с.

Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. Алматы: Евразия, 1995. 179 с.

Кормакова Е.В. Концепт «труд» в немецкой и русской лингвокультурах // Проблемы современной лингвистики. Волгоград: Колледж, 1999. С.15–19.

Коротеева О.В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 24 с.

Коротеева О.В. Загадка как вид учебной дефиниции в ситуации реального общения // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград: Перемена, 1999. С.51–56.

Короткова Л.В. Семантико-когнитивный и функциональный аспекты текстовых аномалий в современной англоязычной художественной прозе: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 2001. 20 с.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 248 с.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней: Материалы конф. и семинаров. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. С.7–14.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Современный русский язык и культурная память // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.23–36.

Котов А.А. Лексикографический взгляд на русскую языковую личность 1970-х – начала 90-х гг. // Ситуации культурного перелома: Материалы науч.-теор. семинара. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1998. С.78–84.

Кохташвили Н.И. Семантические характеристики концепта «подвиг» // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград: Колледж, 2001. С.122–126.

Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 19 с.

Кочкин М.Ю. О манипуляции в современном политическом дискурсе // Языковая структура и социальная среда. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. техн. ун-та, 2000. С.9–13.

Кошелев А.Д. О языковом концепте 'долг' // Логический анализ языка: языки этики. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 2000. С.119–124.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркут. обл. типография №1, 2001. 261 с.

Красавский Н.А. Оценочная лексика в рекламном тексте (на материале немецкоязычной прессы) // Номинация и дискурс. Рязань: Изд-во Рязан. гос. пед. ун-та, 1999. С.44–47.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М.: Диалог–МГУ, 1999. 139 с.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. М.: Диалог МГУ, 1998. 352 с.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: Гнозис, 2001. 270 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Крейдлин Г.Е. Риторика позы // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С.207–216.

Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С.107–117.

Крылова Т.В. Статусные правила в наивной этике // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю.Д.Апресяна. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 2000. С.122-127.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.

Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. памяти Т.Г.Винокур. М.: 1996. С.135–138.

Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский языке конца XX столетия (1985-1995). М.: Школа "Яз. рус. культуры", 2000. С.142–161.

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С.90–107.

Ксензенко О.А. Как создается рекламный текст. Функционально–экспрессивные аспекты рекламного текста. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 126 с.

Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С.90-93.

Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы 2-й междунар. конф. Ч. 3. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 1999. С.6–13.

Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.7–25.

Кузнецов А.М. Когнитология, "антропоцентризм", "языковая картина мира" и проблемы исследования лексической семантики // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.8–22.

Кузнецова Н.И. Сфера делового общения // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. С. 57–69.

Кузьминская С.И. Фоновые знания в массовой культуре: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2002. 20 с.

Куликова Г.С., Милехина Т.А. Как говорят бизнесмены // Вопросы стилистики. Вып.25. Проблемы культуры речи. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. С.127–135.

Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. 180 с.

Кунина М.Н. Когнитивно-прагматические характеристики террористического дискурса: Автореф. … дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 23 с.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург–Пермь: ЗУУНЦ, 1995. 143 с.

Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб.: Академический проект, 1997. 123 с.

Курченкова Е.А. Этнокультурные ценности в текстах газетных объявлений // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1996. С.74–80.

Курченкова Е.А. Культурно-языковые характеристики текстов газетных объявлений (на материале английской и русской прессы): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 26 с.

Лазарев В.В. К теории обыденного / когнитивного познания (от Коперника к Птолемею) // Вестник Пятигорск. гос. лингв. ун-та. 1999. № 2. С.25–34.

Ласкавцева Е.Ю. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой народной сказки: Автореф. … дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 23 с.

Лебедева Н.Л. Языковая структура концепта "будущее" в политическом дискурсе ГДР // Лингвистическая реальность и межкультурная коммуникация: Материалы Междунар. науч. конф. Иркутск: ИГЛУ, 2000. С.85–87.

Лебедева Н.Н. К вопросу об онтологии черного юмора // Образ другого: этнолингвистическая интерпретация национально-специфических различий. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та, 1999. С.52–58.

Левицкий Ю.А. Проблема типологии текстов. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 106 с.

Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. За справедливостью пустой // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 2000. С.281–292.

Леденева В.В. Черты идиолекта Н.Лескова // Структура и семантика художественного текста: Докл. VII Междунар. конф. М.: Изд-во Моск. гос. откр. пед. ун-та, 1999. С.220–231.

Лежнева И.И. Социолингвистическое развитие английского и русского речевого этикета (на материале форм обращения, формул приветствия и прощания): Автореф. … дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 21 с.

Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 22 с.

Ленец А.В. Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Пятигорск, 1999. 16 с.

Леонтович О.А. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С.191–200.

Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. Волгоград: Перемена, 2002. 434 с.

Леонтьев В.В. "Похвала", "лесть", "комплимент" в структуре английской языковой личности: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 26 с.

Лившиц Т.Н. К вопросу о жанровых разновидностях рекламных текстов // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып.7. Донецк: Донеччина, 2001. С.389–400.

Листрова-Правда Ю.Т. Концепт БОГ в языковом сознании русского народа // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.93–102.

Листунова Е.И. Типологические характеристики медиальных глаголов: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 20 с.

Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М.: Высш. шк, 1984. 119 с.

Литвин Ф.А. Язык и культура в словарном представлении // Лексика и лексикография. Вып.8. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С.58–65.

Литвин Ф.А. Почему шум? (Действительно ли русский язык нуждается сегодня в срочных мерах по спасению) // Язык и коммуникация: изучение и обучение. Вып.2. Орел: ОГУ, 1998. С.114–120.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С.280–287.

Ломинина З.И. Когнитивно-прагматические характеристики текстов по экологии (предметная область «загрязнение среды»): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 23 с.

Лопушанская С.П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Вып. 1. 1996. С.6–13.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 1999. 464 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 336 с.

Любименко А.М. Этикет в Центральной Азии. Волгоград: Л.Б.Ф., 2000. 82 с.

Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 1999. 187 с.

Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып.1. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. С.11–35.

Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сб. ст. / Ин-т рус. яз. РАН. М., 1995. С.260–276.

Майданова Л.М. Газетно-публицистистический стиль: метаморфозы коммуникации // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С.80–97.

Макаров М.Л. Коммуникативная структура текста. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1990. 52 с.

Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1998. 200 с.

Макшанцева Н.В. Русское // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С.103–137.

Мальцева О.Н. Описание языковой личности (конструктивный период): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 19 с.

Мамонтов А.С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. 187 с.

Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Киев, 1981. 24 с.

Маслова А.Ю. О специфике выражения запрета (на материале русского и сербского языков) // Владимир Даль и современная филология. Нижний Новгород, 2001. С.131–134.

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие. М.: Наследие, 1997. 208 с.

Медведева А.В. Концепт ДОМ в русской и английской концептосферах // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.102–106.

Меликян С.В. Речевой акт молчания в структуре общения: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 23 с.

Месропова О.М. Прагмасемантическая классификация текстов шуток и анекдотов // Языковая система и социокультурный контекст. СПб., 1997. С. 166–168.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. 352 с.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 386 с.

Мещерякова Ю.В. Концепт "красота" в английской и русской культурах // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С.209–215.

Милованова Ж.В. Жанрово-речевые особенности педагогического дискурса // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград: Перемена, 1998. С.63–64.

Минский М. Фреймы для представления знаний̆. М.: Энергия, 1979̆. 152 с.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Когнитивные аспекты языка: Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С.281–309.

Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 22 с.

Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 1995. 38 с.

Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория. М.: Академия, 1998. 432 с.

Михеев М.Ю. Отражение слова "душа" в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 1999. С.145–158.

Моисеенко Л.А. Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств (на материале немецкого языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 18 с.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С.Степанов. М.: Акад. проект, 2001. С.45–97.

Москвин В.П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова *судьба*). Лексикографический аспект. Волгоград: Перемена, 1997. 32 с.

Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1999. 59 с.

Мурзин Л.Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Арго, 1996. С.7–13.

Мыркин В.Я. Вид и время глагола в русском и немецком языках (сопоставительный анализ). Л.: ЛГПИ, 1989. 126 с.

Мыркин В.Я. Язык – речь – контекст – смысл: Учеб. пособие. Архангельск: Изд-во Поморск. ун-та, 1994. 97 с.

Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 212 с.

Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979. 303 с.

Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С.112–116.

Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1998. С.80–85.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.

Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 2000. 680 с.

Новикова Т.Б. Заимствование культурных концептов // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград: Колледж, 2001. С.118–121.

Новодранова В.Ф. Концепты и антиконцепты в медицине // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. М.: Ин-т языкознания РАН, 2001. С.247–251.

Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М.: Наука, 1991. С.160–185.

Овчарова Г.Б. Опыт лингвокультурологического исследования современной русской политической речи: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 17 с.

Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 26–55.

Ощепкова В.В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1995. 35 с.

Павлова Ю.В. Национальная специфика русского гостеприимства // Проблемы обучения иностранных граждан на современном этапе: лингвистические и методические: Материалы междунар. науч.–практ. конф. Волгоград: Перемена, 2000. С.170–171.

Павлючко И.П. Эмотивная компетенция автора художественного текста (на материале произведений Г.Гессе): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 22 с.

Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 24 с.

Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2000. 208 с.

Панкратова О.А. Спортивный дискурс как предмет лингвистического исследования // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2001. С.214–218.

Панченко Н.Н. Средства объективизации концепта "обман" (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 23 с.

Пермяков И.В. Смысл поэтического текста // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С.95–99.

Песоцкая И.В. Концепт "болезнь" в зеркале мирового закона равновесия // Язык и национальные образы мира: Материалы междунар. науч. конф. Майкоп, 2001. С.221–225.

Петелина Е.С. Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести // Синтагматический аспект коммуникативной семантики: Сб. науч. тр. Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарск. ун-та, 1985. С.150–154.

Петренко В.Ф., Алиева Л.А. Стереотипы поведения как элемент национальной культуры // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. С.16–39.

Петрова Н.Д. Национально-культурные семы в структуре значения английских фразеологических единиц // Вопросы филологии. 1999. №2. С.14–20.

Печенкина О.Ю. Содержание концептов БОГ и СУДЬБА в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И.Далем: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2001. 16 с.

Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Сб. ст. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л.-М.: Госиздат, 1925. С.109–121.

Пирогова Ю.К. Речевое воздействие в рекламе. М.: Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, 1996. 114 с.

Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 2000. 244 с.

Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1995. 21 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. 30 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М., 1974. 487 с.

Поспелова А.Г. Речевые приоритеты в английском диалоге: Дис. в виде науч. докл. … д-ра филол. наук. СПб., 2001. 72 с.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С.8–69.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С.142–169.

Почепцов Г.Г. Языковая ментальность: Способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С.110–122.

Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук; Ваклер, 2000. 768 с.

Прозоров В.В. Современная журналистика в свете общего литературоведения // Литературоведение и журналистика. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С.7–14.

Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.

Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. 364 с.

Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в преподавании русского языка как иностранного: Автореф. дис. … д-ра пед. наук. М., 1996. 38 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М. – Пенза: Ин-т языкознания РАН, 1995. 378 с.

Пузырев А.В. Образ истины в русском языковом сознании (на материале русских пословиц) // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе: Материалы Школы молодых лингвистов. М.– Пенза: Ин-т языкознания РАН, 1998. С.17–25.

Пшенина Т.Е. Дискурсное описание языковой личности Катулла: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Алматы, 2000. 31 с.

Ракитина О.Р. Концепт МОРЕ в русском фольклоре // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.119–121.

Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994. 214 с.

Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб.: Университет. книга, 2000. 608 с.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 600 с.

Рокотянская Л.Ю. Лингвокультурные характеристики животных в сказках // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С.78–87.

Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 182 с.

Романов А.А., Черепанова И.Ю. Суггестивный дискурс в библиотерапии. М.: Лилия, 1999. 128 с.

Руберт И.Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С. Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С.23–38.

Рудакова А.В. Методика описания содержания концепта БЫТ в русском языке // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.121–126.

Ружицкий И.В. О презумпции неполного понимания // Понимание менталитета и текста: Сб. науч. тр. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1995. С.36–42.

Рузавин Г.И. Герменевтика и проблемы интерпретации, понимания и объяснения // Вопросы философии. 1983. №10. С.62–70.

Рыбакова О.Н. Дискурсивные, коммуникативно-прагматические и семиотические характеристики англоязычной печатной рекламы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1999. 22 с.

Рыбникова В.А. Языковая концептуализация социума (на материале английских дидактических текстов): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 20 с.

Рябцева Н.К. Контрастивная фразеология в культурном контексте // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. № 444. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1999. С.133–142.

Савицкий В.М. Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара: Самар. ун-т, 1993. 172 с.

Савицкий В.М., Плеханов А.Е. Идиоэтнизм речи (проблемы лексической сочетаемости). М. – Самара: Изд-во Моск. гор. пед. ун-та, 2001. 188 с.

Садовая Г.Г. Языковая природа и стилистическая функция сентенции (на материале английского языка): Автореф. дис. …канд. филол. наук. М., 1976. 23 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки рус. культуры, 1999. 544 с.

Сараджева Л.А. Культура и лингвокультура (динамика компонентов культуры: род – народ – родина) // Коммуникативно-прагматическая семантика: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С.16–23.

Саракаева Э.А. Психолингвистический анализ миссионерских текстов: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Астрахань, 2000. 24 с.

Сафаров Ш. Система речевого общения: универсальное и этноспецифическое. Самарканд, 1991. 172 с.

Сахно С.Л. "Свое — чужое" в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С.95–101.

Сафина Е.В. Анализ концептов ДУШИ и ДУХА в русской языковой картине мира // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тез. междунар. конф. Т.2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С.457–458.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 180 с.

Седов К.Ф. Жанр и коммуникативная компетенция// Хорошая речь. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. С. 107–117.

Седых А.П. "Автопортреты" русских и французов // Источники гуманитарного поиска: новое в традиционном. (Лингвистика. История). Сб. ст. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2002. С.93–97.

Семен Г.Я. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема парадокса: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Одесса, 1986. 16 с.

Семененко Л.П. Аспекты лингвистической теории монолога. М.: Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, , 1996. 324 с.

Семененко Л.П. Основы коммуникативно-целевой семантики. Орел: Изд-во Орлов. ун-та, 1999. 84 с.

Сентенберг И.В. Динамический аспект лексической семантики английского глагола: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л., 1991. 39 с.

Сентенберг И.В., Карасик В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. Вып.1. СПб.: Экополис и культура, 1993. С.30–39.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

Сергеева Е.В. Концепт "свет" в восприятии усредненной языковой личности и личности философа // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. СПб.: Изд-во "Союз", 2001. С.476–487.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 320 с.

Серио П. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ. Т.1. Харьков: Око, 1993. С.83–100.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С.14–53.

Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 151–169.

Сидорков С.В. Функционально-семантические аспекты языковой стратагемности: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 1997. 29 с.

Сидоркова Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: Автореф. дис. …д-ра филол. наук. Краснодар, 1999. 53 с.

Симашко Т.В. Речевые приемы юмористических текстов // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация, функционирование: Сб. науч. тр. / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1989. С.99–109.

Сиротинина О.Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994. С.105–124.

Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: Пособие для учителя. М.: Просвещение; Учеб. лит., 1996. 175 с.

Сиротинина О.Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. С.3–9.

Сиротинина О.Б., Кормилицына М.А. Национальные языковые и индивидуальные речевые картины мира // Дом бытия. Альманах по антропологической лингвистике. Вып.2. Саратов: Изд-во Сарат. гос. пед. ин-та, 1995. С.15–18.

Скрелина Л.М. Время оперативное и время перевернутое (Г.Гийом и П.Флоренский) // Язык и время. V Соловецкий форум. Тез. докл. Архангельск, 1993. С.3–7.

Слышкин Г.Г. Концепт чести в американской и русской культурах (на материале толковых словарей) // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С.54–60.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 18 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. 286 с.

Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. лингв. ун-та, 1999. 158 с.

Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995. 352 с.

Сопер П.Л. Основы искусства речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 448 с.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара: Рус. лицей, 1994. 94 с.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. М.: Изд-во Всесоюз. ин-та повыш. квалиф. работников печати, 1989. 87 с.

Спиркин А.Г. Отражение // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. С.470–471.

Стеблецова А.О. Национально-культурная специфика делового текста (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 24 с.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20-го века: Сб. ст. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С.35–73.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. 824 с.

Степанова Л.Н. Об этнокультурных характеристиках категории пересказывательности // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: Тез. докл. науч. конф. Волгоград: Перемена, 2000. С.61–62.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст. / Ин-т языкознания. М., 1996. С.97–112.

Стернин И.А. Улыбка в русском коммуникативном поведении // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. С.53–61.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. 252 с.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.58–65.

Сунь Хуэйцзе. Принципы номинативного структурирования семантического поля (на примере средств обозначения запаха в русском и китайском языках): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 24 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

Суродина Н.Р. Лингвокультурологическое поле концепта "пустота" (на материале поэтического языка московских концептуалистов): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 20 с.

Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин: Калинин. гос.ун-т, 1988. С.7–13.

Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 29 с.

Сыщиков О.С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 22 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С.7–22.

Тарасова И.А. Душа: слово и концепт (к проблеме лексикографического описания констант идиостиля) // Вестник Международного славянского университета (Харьков). Сер. "Филология". 2001. Т.4. №1. С.7–8.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 1996. 288 с.

Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск: Изд-во Помор. пед. ун-та, 1993. 223 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.

Тильман Ю.Д. "Душа" как базовый культурный компонент в поэзии Ф.И.Тютчева // Фразеология в контексте культуры. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 1999. С.203–212.

Токарев Г.В. Особенности лексической репрезентации концепта “труд” // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград: Перемена, 2000. С.192–201.

Толочко О.В. Образ как составляющая концепта «школа» // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С.178–181.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Изд-во "Индрик", 1995. 512 с.

Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения: на материале лексических американизмов английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984. 272 с.

Томахина И.Г. Лексикографическое выражение концепта вежливости в русском, английском и итальянском языках // Языковая личность: проблемы креативной

семантики. К 70-летию проф. И.В.Сентенберг: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С.99–108.

Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С.5–60.

Топоров В.Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С.38–75.

Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 190 с.

Трошина Н.Н. О семантико-синтаксическом аспекте цельности (когерентности) художественного текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982. С.50–61.

Трошина Н.Н. Лингвистический аспект межкультурной коммуникации // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 56–68.

Трошина Н.Н. Культурный этноцентризм как проблема межкультурной деловой коммуникации // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С.88–95.

Тряпицына Е.В. Категория точности художественного текста: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 22 с.

Тульнова М.А. О викторианской эпохе, Санта Клаусе и других "лишних" словах в учебном словаре // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1996. С.219–230.

Тупицына И.Н. Лексико-семантические особенности речевого образа предпринимателя в устном деловом дискурсе: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Ульяновск, 2000. 21 с.

Тураева З.Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып.1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С.135–168.

Уорф Б. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С.44–60.

Урусова Р.А. Семантическое наполнение концепта "смерть" в русском языковом сознании // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. СПб.: Изд-во "Союз", 2001. С.325–328.

Усачева А.Н. Лингвистические параметры концепта "состояние здоровья" в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 17 с.

Уфимцева Н.В. Русский национальный характер: XX век – миф и реальность // Проблемы этносемантики: Сб. науч.-аналитич. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1998. С.86–121.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 207–219.

Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С.13–24.

Феоктистова Н.В., Ермолаева Е.Н. Сопоставительный анализ фразеологических единиц английского, немецкого и русского языков с однотипным сигнификативным значением "труд, работа" // Вестник Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер. "Лингвистика". Иркутск: ИГЛУ, 2000. Вып.3. С.75–80.

Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1999. 52 с.

Филатов В.П. К типологии ситуаций понимания // Вопросы философии. 1983. №10. С.71–78.

Филатова В.Ф. Обряд и обрядовая лексика в этнолингвосемиотическом аспекте (на материале говоров восточной части Воронежской области): Автореф. дис. …канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 22 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXII. С. 52–92.

Филонова Ю.Ю. Когнитивные и прагмалингвистические особенности опосредованных деловых переговоров на морском транспорте (на материале английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 1998. 22 с.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Рус. язык, 1982. 126 с.

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.; М.: Университет. книга, 1997. 317 с.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.

Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 464 с.

Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 464 с.

Халипов В.Ф. Власть. Кратологический словарь. М.: Республика, 1997. 431 с.

Хижняк Л.Г. Концепт "свобода – воля" в современной коммуникации // Проблемы речевой коммуникации: Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С.69–75.

Хорошунова И.В. Концепт ПОЛЬЗА в современном русском языке // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.129–132.

Хромова Т.А. Актуализация концепта truth в современном английском языке: Автореф. … дис. канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 22 с.

Цветкова М.В. Концепт «fair play» в английской национальной ментальности // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф. Ч. 2. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. С.87–90.

Цветкова М.В. Английское // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С.158–184.

Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. 257 с.

Чакаре В.О. Парадокс в творчестве Б.Биэна, Г.Пинтера, Н.Ф.Симпсона: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1989. 14 с.

Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М.: Высш. шк., 1979. 168 с.

Черкасова Л.П. Слово *трава* в поэтической речи А.Тарковского // Вопросы стилистики. Вып. 24. Текст и его компоненты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. С.58–63.

Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. №6. С.20–41.

Черняк В.Д. Наброски к портрету маргинальной языковой личности // Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. № 2. СПб., 1994. С.115–130.

Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С.11–22.

Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. 1983. №6. С.117–126.

Чигридова Н.Ю. Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярий (на материале немецкого языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

Чиркова О.А. Поэтика современного народного анекдота: Автореф. дис. …канд. филол. наук. М., 1997. 20 с.

Чубарян Т.Ю. Семантика и прагматика речевых жанров юмора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 24 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Шамне Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. 208 с.

Шамьенова Г.Р. Принцип вежливости как особая коммуникативно-прагматическая категория в русском речевом общении: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2000. 22 с.

Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М.: МАЛП, 1998. 243 с.

Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сб. ст. / Ин-т рус. яз. РАН. М., 1995. С.213–223.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.

Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. Волгоград: Перемена, 1995. С.3–15.

Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. 149 с.

Шейгал Е.И. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С.204–211.

Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса // Филология - Philologica. № 14. Краснодар, 1998. С.22–29.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. М.-Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

Шейнов В.П. Риторика. Минск: Амалфея, 2000. 592 с.

Шемарова В.А. Концепт *встреча* и его информативный элемент // Язык и межкультурные коммуникации: Материалы междунар. конф. Уфа: Изд-во Башк. гос. пед. ун-та, 2002. С.162–163.

Шершнева Н.Б., Тхорик А.В. Концепт "авторитет" как лингвофилософская структура (прагматический аспект) // Язык и национальные образы мира: Материалы междунар. науч. конф. Майкоп, 2001. С.167–170.

Шилихина К.М. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 24 с.

Шилова С.В. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в деловой коммуникации (на материале английского языка): Автореф. дис. …канд. филол. наук. СПб., 1998. 20 с.

Шмелев А.Д. “Хоть знаю, да не верю” // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С.164–169.

Шмелев А.Д. Дискурсные слова как отражение этнокультурных стереотипов поведения // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1995. С.146–147.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1999. С.133–145.

Шмелева Т.В. «Так сказать» и «как говорится» // Служебные слова. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1987. С.125-133.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С.88–98.

Шпекторова Н.Ю. К вопросу о литературно-художественном парадоксе (на материале произведений О.Уайльда) // Вопросы лексикологии, лексикографии и стилистики романо-германских языков. Самарканд, 1975. С.218–225.

Щеглова Л.В., Щеглов В.В. Философский дискурс и проблема русского метафизического языка // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С.177–184.

Щекотихина И.Н. К вопросу об особенностях текстов-нонсенсов и их воспроизведении // Язык и коммуникация: изучение и обучение. Вып.2. Орел: Изд-во Орлов. ун-та, 1998. С.3-11.

Щурина Ю.В. Шутка как речевой жанр: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Новгород, 1997. 24 с.

Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. Вып.7. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С.336–362.

Ягубова М.А. Речь в средствах массовой информации // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Саратов. унта, 2001. С.84–103.

Яковенко Е.Б. Сердце, душа, дух в английской и немецкой языковых картинах мира (опыт реконструкции концептов) // Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С.39-51.

Яковенко Н.Э. Когнитивно-прагматический подход к пониманию текста (когниотип внешности): Автореф. … дис. канд. филол. наук. Краснодар, 1998. 18 с.

Яровицына А.Я. Организация речевого воздействия в тексте делового письма (на материале французского и английского языков) // Образ другого: этнолингвистическая интерпретация национально-специфических различий: Сб. науч. тр.. Ярославль: Изд-во Яросл. пед. ун-та, 1999. С.58-67.

Яцко В.А. Рассуждение как тип научной речи. Абакан: Изд-во Хакас. гос. унта, 1998. 182 с.

Apte M.L. Ethnic Humor Versus "Sense of Humor" // American Behavioral Scientist. 1987. № 30. P. 24–41.

Arnold C.C., Frandsen K.D. Conceptions of Rhetoric and Communication // Handbook of Rhetorical and Communicational Theory. Boston: Allyn, 1984. P.3–50.

Attardo S. Linguistic Theories of Humor. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.

Attardo S., Chabanne J.-C. Jokes as a text type // Humor 5 – 1/2. 1992. P.165–176.

Beaugrande R. de. Text, Discourse and Process: Toward a Multidisciplinary Science of Texts. Norwood: Ablex, 1980. 351 p.

Beaugrande R. de, Dressler W. Einfьrung in die Texlinguistik. Тьbingen: Niemeyer, 1981. 290 S.

Bernstein B. A Sociolinguistic Approach to Socialization; With Some Reference to Educability // Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication. J.J.Gumperz, D.Hymes (Eds.). New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P.465-497.

Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings. Harmondsworth: Penguin, 1979. P.157-178.

Blum-Kulka Sh., Hause J., Kasper G. Investigating Cross-Cultural Pragmatics: An Introductory Overview // Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Blum-Kulka et al. (Eds.). Norwood: Ablex,1989. P.1–34.

Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambrige: Cambrige Univ. Press, 1983. 288 p.

Brown P., Fraser C. Speech as a marker of situation // Social markers in speech. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P 33-62.

Brown P., Levinson S. Universals in Language Usage: Politeness Phenomena // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction / Ed. by E.N.Goody. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 56-289.

Brzozowska D. British and Polish Celebrity Jokes // Stylistyka X, 2001. P.219–226.

Chiaro D. The Language of Jokes: Analysing Verbal Play. London, N.Y.: Routleage, 1992. 129 p.

Chlopicki W. Humorous and Non-Humorous Stories – Are There Differences in Frame-Based Reception? // Stylistyka X, 2001. P.59–78.

Cicourel A.V. Doctor-Patient Discourse // Handbook of Discourse Analysis/ ed. by T.A. van Dijk. New York, 1985. Vol.4.

Cohen A.D., Olshtain E., Rosenstein D.S. Advanced EFL Apologies: What Remains to Be Learned? // International Journal of the Sociology of Language 62. 1986. P.51-74.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 489 p.

Davies Ch. Ethnic Humor Around the World: A Comparative Analysis. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1990. 404 p.

Davies Ch. Jokes and their Relation to Society. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1998. 234 p.

Dorinson J., Boskin J. Racial and Ethnic Humor // Humor in America: A Research Guide to Genres and Topics. N. Y.: Greenwood, 1978. P. 163–193.

Duranti A. Linguistic Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Ervin-Tripp S. Children's sociolinguistic competence and dialect diversity // Ervin-Tripp S. Language acquisition and communicative choice. Stanford, 1973.

Fairclough N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis // Discourse and Society. 1992. N 3. P.192–217.

Faryno J. Судьба Fate // The Russian Mentality. Lexicon. Ed. by A.Lazari. Katowice, 1995. P.108-109.

Fisher S., Groce S.B. Accounting Practices in Medical Interviews // Language in Society 19. 1990.

Fishman J.A. The sociology of language: an interdisciplinary approach to language in society // Advances in the sociology of language. Vol.1. The Hague: Mouton, 1976. P. 217–404.

Gans E. The Origin of Language. A Formal Theory of Representation. -Berkeley,1981. 314 p.

Gardner R.C., Kirby D.M., Arboleda A. Ethnic stereotypes: A cross-cultural replication of their unitary dimensionality // The Journal of Social Psychology. Vol.91. 1973. P.189–195.

Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth: Penguin, 1972. 460 p.

Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1974. 586 p.

Goffman E. The Neglected Situation // Language in Social Context: Selected Readings. Harmondsworth: Penguin, 1979. P.61–66.

Goody E.N. Towards a theory of questions // Questions and politeness: strategies in social interaction. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978. P.17-43.

Gorer J. Exploring English Character. New York: Criterion Books, 1955. 328 p.
Hall E.T. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969. 217 p.
Halliday M.A.K. Explorations in the Functions of Language. London, 1973. 143 p.
Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: Arnold, 1978. 256 p.
Hasan R. Ways of saying, ways of meaning // The semiotics of culture and language. London: Pinter, 1984. Vol.1. P.105–162.
Hein N., Wodak R. Medical interviews in internal medicine // Text 7. 1987.
Hirsch E.D. Jr. Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. New York: Vintage Books, 1988. 252 p.
Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988. 285 p.
Hoggart R. The uses of literacy. Harmondsworth: Penguin, 1990. 384 p.
Hsu F.L.K. The Study of Literate Civilizations. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1969. 123 p.
Hudabiunigg I. The politeness model in the dialogue between neighbouring countries: the speeches of Vaclav Havel and Richard von Weizsдcker in the Karolinum // Dialoganalyse VI. Referate der 6. Arbeitstagung. Prag, 1996. Teil 2. Tubingen: Niemeyer, 1998. S.225–233.
Hudson T. The Discourse of Advice Giving in English: 'I Wouldn't Feed Until Spring No Matter What You Do' // Language and Communication 10. 1990, No.4. P.285–297.
Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974. 246 p.
Jucker A.-H. News interviews: A pragmalinguistic analysis. Amsterdam: Benjamins, 1986. 195 p.
Keith A. Meaning and Speech Acts // http://www.arts.monash.edu.au / ling/speech_acts_allan.shtml
Klapp O.E. Symbolic Leaders. Public Dramas and Public Men. Chicago: Aldine,1964. 272 p.
Kramarae C., Schulz M., O'Barr W.M. Introduction: Toward an Understanding of Language and Power // Language and Power. C.Kramarae et al.(Eds.). Beverly Hills: Sage, 1984. P.9–22.
Kurcz I. Inter-language comparison of word-association responses // International Journal of psychology. 1966. Vol.1. No. 2. P.151–161.
Labov W., Fanshel D. Therapeutic Discourse: psychotherapy as Conversation. New York: Academic Press, 1977. 392 p.
Leech G.N. Principles of pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
Levinson S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 420 p.
Linde C. Linguistic consequences of complex social structures: rank and task in police helicopter discourse // Berkeley Linguistic Society. Proceedings of the 14th Annual Meeting. Berkeley (Cal.), 1988. P.142–152.
Milner G.B. Homo Ridens: Towards a Semiotic Theory of Humor and Laughter // Semiotica. 1972. № 5. P.1–30.
Mulkay M. On Humour: Its Nature and its Place in Modern Society. Cambridge: Polity Press, 1988. 232 p.
Oksaar E. Kulturemtheorie: ein Beitrag zur Sprachverwendungsforschung. Hamburg: Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften, 1988. 72 S.
Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: Reidel, 1985. 284 p.
Rintell E. Sociolinguistic Variation and Pragmatic Ability: A Look at Learners // International Journal of the Sociology of Language 27. 1981. P.11–34.
Rosch E. Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology 104. 1975. P.192–233.
The Russian Mentality. Lexicon. Ed. by A.Lazari. Katowice, 1995. 135 p.

Schatzman L., Strauss A. Social class and modes of communication // The psychosociology of language. Chicago: Markham, 1972. P.206–221.

Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.

Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford: Oxford University Press, 1994. 314 p.

Schiffrin D. Conversational Analysis // Linguistics: The Cambridge Survey. Vol.4. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. P. 251–276.

Searle J.R. Speech Acts. London: Cambridge University Press, 1970. 204 p.

Skrebnev Y.M. Fundamentals of English Stylistics / Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М.: Высш. шк., 1994. (На англ. яз.).

Slembrouck S. What is meant by "discourse analysis"? // http://bank.rug.ac.be/da/da.htm 2002.

Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. 272 p.

Verschueren J. English as Object and Medium of (Mis)understanding // English acros Cultures. Cultures across English. A Reader in Cross-Cultural Communication. New York: Mouton de Gruiter, 1989. P.31–53.

Walton D. Ad Hominem Arguments. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1998. 318 p.

Weigand E. Sprache als Dialog: Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik. Tьbingen: Niemeier, 1989. 368 S.

Weizman E. Requestive hints // Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies. Norwood: Ablex, 1989. P.71–95.

Wodak R. Disorders of discourse. London and New York: Longman, 1996. 200 p.

Wundt W. The language of gestures. The Hague: Mouton, 1973. 149 p.

Словари и справочники

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Ок. 9000 синонимических рядов / Под ред. Л.А.Чешко. М.: Рус. яз., 1975. 600 с.

Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: Ок. 8000 терминов / Под ред. А.Н.Баранова, Д.О.Добровольского. Т. 1. М.: Помовский и партнеры, 1996. 656 с. (АРСЛС).

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 608 с. (СЛТ).

Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 1998. 1536 с. (БТС).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Терра, 1994. (СД).

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с. (ЛРС)

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. язык, 1993. 537 с.

Леонтович О.А., Шейгал Е.И. Жизнь и культура США: лингвострановедческий словарь. Волгоград: Станица-2, 1998. 416 с.

Москвин В.П. Краткий идеографический словарь сочетаемости. Киев: Свит, 1992. 102 с.

Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70-х – 90-х годов. М.: Из глубин, 1996. 281 с.

Новый большой англо-русский словарь. Под общ. рук. Э.М.Медниковой, Ю.Д.Апресяна. В 3 т. М.: Рус. яз, 1993. (НБАРС).

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый вып. Под общ. рук. акад. Ю.Д.Апресяна. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 1999. 552 с. (НОСС1).

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй вып. Под общ. рук. акад. Ю.Д.Апресяна. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 2000. 488 с. (НОСС2).

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984. (СОж).

Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

Русский ассоциативный словарь: В 6 т. М.: Помовский и партнеры, 1994–1998. (РАС).

Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Астрель АСТ, 2001.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981. (МАС).

Современная западная философия: Словарь. М.: Политиздат, 1991. 414 с. (СЗФ).

Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. 6-е изд. М.: Политиздат, 1991. 559 с.

Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф.Ильичев и др. М.: Сов. энцикл., 1983. 839 с. (ФЭС).

Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. 2-е изд. М.: БРЭ, 1998. 685 с.

Apperson G.L. The Wordsworth Dictionary of Proverbs. Ware: Wordsworth, 1993. 721 p.

Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1775 p. (CIDE).

Collins COBUILD English Language Dictionary. London: Collins, 1990. 1703 p. (COBUILD).

The Concise Oxford Dictionary of Current English. 6th Ed. Oxford: Oxford University Press, 1976. 1368 p. (COD).

The Concise Oxford Dictionary of Current English. 9th Edition. 1995. On CD-ROM. (COD – CDROM)

Cohen J.M., Cohen M.J. A Dictionary of Modern Quotations. Harmondsworth: Penguin, 1975. 366 p.

Encarta® 98 Desk Encyclopedia © & ℗ 1996-97 Microsoft Corporation.

Encyclopedia Britannica. Electronic Version. 1997.

Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. London: Penguin, 1988. 331 p.

Hendrickson R. The Wordsworth Book of Literary Anecdotes. London: Wordsworth, 1997. 328 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978. 1303 p. (LDCE).

Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 1993. 1528 p. (LDELC).

Oxford Advanced Learner's English Encyclopedic Dictionary. (OALED).

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A.S.Hornby with A.P.Cowie, A.C.Gimson. Oxford University Press, 1980. 1037 p. (OALD).

The Oxford Dictionary of Modern Quotations. Ed. by Tony Augarde. Oxford University Press, 1992. 530 p.

Rees N. The Bloomsbury Dictionary of Phrase and Allusion. London: Bloomsbury, 1993. 358 p.

Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London: Pan Books, 1969. 223 p.

Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. Ed. by R.A.Dutch. Harmondsworth: Penguin, 1979. 712 p.

Sherrin N. Dictionary of Humorous Quotations. Oxford, 1996.

Simpson J. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 1985. 256 p.

Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Portland House, 1989. 2078 p. (WEUD).

Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield, Mass.: Merriam, 1978. 909 p. (WNDS).

Webster's New World Thesaurus. Prepared by C.G.Laird. New York: Meridian, 1971. 678 p. (WNWThes).

The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable. London: Wordsworth, 1993. 1175 p.

Научное издание

Владимир Ильич Карасик

Языковой круг:
личность, концепты, дискурс
Монография

ЛР № 020048 от 20.12.96 г.

Подписано к печати 16.12.2001 г. Формат 60x84/16. Печать офс.
Бум. офс. Усл. печ.л. 25,2. Уч.- изд.л. 27,1. Тираж 250 экз. Заказ

ВГПУ, Издательство "Перемена".
400131, Волгоград, пр. Ленина, 27.
Типография "Светотехника"
400074, Волгоград, ул. Козловская, 39а.